Исторія Конницы

Томъ I.

ДЕНИСОНЪ.

ИСТОРІЯ КОННИЦЫ.

ГЕНЕРАЛЪ-ИНСПЕКТОРЪ КАВАЛЕРІИ,

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

СТАРШІЙ.

ДЕНИСОНЪ.

ИСТОРІЯ КОННИЦЫ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ БРИКСА

Баронъ Е. А. Раушъ фонъ Траубенбергъ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. А. Сухомлинова.

Изданіе П. П. фонъ Дервизъ.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1897.

Дозволено цензурою 21 апрѣля 1897 г. С.-Петербургъ

Типографія А. Бенке Новый переулокъ № 2.

Посвящается

памяти

въ бозѣ почивающаго

Его Императорскаго Высочества

великаго князя

Николая Николаевича Старшаго.

Предисловіе къ русскому изданію.

Кому изъ современниковъ неизвѣстно, съ какою любовью относился къ кавалеріи ея въ Бозѣ почившій Генералъ-Инспекторъ, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Наша кавалерія боготворила своего Августѣйшаго Начальника, вѣрила свято въ Его высокій авторитетъ и всѣ заботы Его Императорскаго Высочества о преуспѣяніи этого рода оружія цѣнила безпредѣльно. Исторія оцѣнитъ несомнѣнно всю плодотворную и высокополезную дѣятельность этого нашего выдающагося кавалерійскаго дѣятеля. Первый очеркъ, который появится въ свое время, выяснитъ подробно, чѣмъ Ему обязана наша кавалерія и какая блестящая страница принадлежитъ Великому Князю въ исторіи развитія нашей конницы.

Настоящимъ-же изданіемъ этой книги Офицерская Кавалерійская Школа желала-бы почтить память Высокаго Своего Покровителя, напомнивъ только объ одной изъ многочисленныхъ Его заботъ, а именно поднятіе уровня образованія офицеровъ кавалеріи, ознакомленіемъ ихъ съ развитіемъ, дѣятельностью и подвигами ихъ предковъ. Великій Князь желалъ дать офицерамъ нашей конницы такую „Исторію", которая выяснила-бы духъ, задачи и значеніе этого рода оружія въ бою, во всѣ періоды его существованія.

Въ 1873 году появилась въ печати Исторія 14-го Уланскаго Ямбургскаго, Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны, полка, составленная В. В. Крестовскимъ.

Воспроизводя нѣкоторые эпизоды дѣятельности полка, автору приходилось часто давать довольно полный очеркъ той или другой эпохи, характеризующей состояніе кавалеріи того времени вообще.

Когда Его Императорское Высочество, Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи ознакомился съ этимъ трудомъ, то какъ формою самаго изложенія, такъ и характеромъ работы, остался чрезвычайно доволенъ. У Великаго Князя явилась тогда мысль, что независимо исторіи отдѣльныхъ кавалерійскихъ полковъ, было-бы въ высшей степени полезно составить для офицеровъ русской конницы исторію вообще этого рода оружія.

Въ этомъ смыслѣ Его Императорское Высочество и сдѣлалъ предложеніе В. В. Крестовскому, доказавшему своими литературными трудами, что онъ задачу эту выполнить можетъ.

Покойный Крестовскій съ увлеченіемъ принялъ предложеніе Генералъ-Инспектора Кавалеріи и задачу эту, такъ или иначе, но выполнилъ-бы непремѣнно. Къ сожалѣнію, какъ это часто бываетъ въ жизни, желаніе „великолѣпнаго“, помѣшало получить, можетъ быть, просто только „хорошее“.

Начальникъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Генералъ-Лейтенантъ Леонтьевъ, узнавъ о такомъ предложеніи Великаго Князя, черезъ посредство графа Шувалова, склонилъ Его Высочество обсудить это дѣло особымъ комитетомъ. Комитетъ собрался, обсудилъ и рѣшилъ, что лучше всего дѣло это провести путемъ конкурса. И вотъ 30 марта 1874 года, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій обратился къ Военному Министру, Генералъ-Адъютанту Милютину съ письмомъ, въ которомъ выражена была цѣль конкурса и условія его (см. Приложеніе I).

Согласившись вполнѣ съ предложеніемъ Генералъ-Инспектора Кавалеріи, Генералъ-Адъютантъ Милютинъ, совмѣстно съ Великимъ Княземъ испросилъ у Государя Императора Высочайшее соизволеніе на объявленіе конкурса, что исполнено было затѣмъ циркуляромъ Главнаго Штаба отъ 22 апрѣля 1874 года за № 99 (см. Приложеніе II).

Въ циркулярѣ этомъ было объявлено, что желающіе писать исторію конницы, обязаны доставить начальнику канцеляріи Генералъ-Инспектора Кавалеріи, не позже 1-го іюля 1874 года, въ запечатанномъ конвертѣ съ девизомъ, заявленіе о своей личности и мѣстожительствѣ.

За лучшее сочиненіе, удовлетворяющее условіямъ конкурса, представленное къ 1-му января 1877 года, предназначено было 5.000 руб.; за второе по достоинству — 3.000 и за третье — 2.000 руб.

Къ этому циркуляру приложена была програма будущей „Исторіи“.

Кромѣ того приложена была и „пояснительная записка“ къ этой программѣ, въ которой было пояснено, въ чемъ должно заключаться историческое изслѣдованіе о конницѣ.

Мало того, чтобы облегчить предстоящій трудъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелали-бы приняться за эту работу, составленъ былъ „Библіографи-

ческій указатель", который и составлялъ послѣднее приложеніе къ упомянутому нами циркуляру Главнаго Штаба.

Подробная программа, пояснительная записка и столь полный библіографическій указатель, казалось, давали возможность нашимъ молодымъ ученымъ силамъ приняться энергично за дѣло составленія „Исторіи конницы". Какъ сказано выше, преміи назначены были вполнѣ солидныя: кромѣ 1-й въ 5.000 рублей, за второе по достоинству сочиненіе опредѣлено было 3.000 и за третье — 2.000 рублей.

Эти двѣ послѣднія преміи должны были образоваться по подпискѣ, предложенной Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, членамъ Императорскаго Дома, причемъ Его Императорское Высочество, Генералъ-Инспекторъ, пожертвовалъ самъ 500 руб. Августѣйшія Особы горячо отозвались на этотъ призывъ и первыми поступили 1.000 руб., подписанныя нынѣ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ, тогда Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ, при рескриптѣ на имя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго (см. Приложеніе III).

Собраны были, такимъ образомъ, необходимыя денежныя средства, а въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же 1874 года уже поступило въ Управленіе Генералъ-Инспектора Кавалеріи 12 заявленій на конкурсъ, подъ различными девизами. Къ 1-му января 1877 г. представлено однако всего только два сочиненія, одно подъ девизомъ „Зурна" и другое „Perseverando".

Для разбора этихъ трудовъ назначена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ Начальника Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Генералъ-Лейтенанта Леонтьева, которая въ засѣданіи 3-го января 1877 г. постановила передать разсмотрѣніе представленныхъ сочиненій тремъ членамъ коммиссіи: Генералъ-Лейтенанту Гурко, Генералъ-Маіору Станкевичу и Капитану Сухотину.

Когда вскрыты были пакеты съ девизами, то оказалось, что авторъ „Perseverando" американецъ, начальникъ гвардейской кавалеріи при генералъ-губернаторѣ Канады, подполковникъ Денисонъ.

26-го мая того-же года собралась коммиссія вторично, причемъ въ ней присутствовали слѣдующіе ея члены: Генералъ-Лейтенанты: Джунковскій и Гурко, Генералъ-Маіоры: Лееръ и Станкевичъ и Полковникъ Гудима-Левковичъ. Въ этомъ засѣданіи прочитаны были мнѣнія лицъ, разбиравшихъ представленные труды.

О сочиненіи Денисона Генералъ Гурко высказался, что хотя оно и имѣетъ вообще многія достоинства, но не вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ конкурса. О томъ-же сочиненіи Генералъ Станкевичъ далъ заключеніе, въ

которомъ, взвѣшивая относительныя достоинства и недостатки разбираемаго труда, онъ приходитъ къ выводу, что первыя положительно перевѣшиваютъ послѣднія и что сочиненіе подъ девизомъ „Perseverando“, хотя и не удовлетворяетъ конкурснымъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу, восполняя существующій въ ней пробѣлъ. Мнѣніе третьяго критика этого труда, подполковника Сухотина, было таково, что оно не выдерживаетъ даже снисходительной критики (см. Приложеніе IV).

Что-же касается сочиненія подъ девизомъ „Зурна“, то всѣ три члена коммиссіи, разсматривавшіе и этотъ трудъ, единогласно заявили, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно неудовлетворителенъ.

Обсудивъ внимательно и во всѣхъ подробностяхъ мнѣнія членовъ, разсматривавшихъ сочиненія, представленныя на конкурсъ, коммиссія въ окончательномъ выводѣ единогласно постановила слѣдующее заключеніе:

„Въ виду тѣхъ недостатковъ, которые представляютъ оба сочиненія, представленныя на конкурсъ, оба они признаются не удовлетворяющими условіямъ конкурса, а потому и не заслуживающими преміи.

Но принявъ во вниманіе, что сочиненіе подъ девизомъ „Perseverando“, несмотря на свои недостатки имѣетъ нѣкоторыя научныя достоинства, представляетъ первый опытъ сочиненія по исторіи кавалеріи и восполняетъ собою тотъ пробѣлъ, который существовалъ въ этомъ отношеніи въ военной литературѣ, коммиссія полагаетъ, что сочиненіе это, появившись въ свѣтѣ въ хорошемъ переводѣ на русскій языкъ, можетъ быть полезнымъ матеріаломъ для будущаго историка. Сверхъ того, имѣя въ виду, что сочиненіе это вызвано нашими же требованіями конкурса, что авторъ, Подполковникъ Денисонъ, употребилъ на него много труда и сдѣлалъ большія затраты, какъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ источниковъ, такъ и въ уплату за переводъ на русскій языкъ своего сочиненія, написаннаго имъ на англійскомъ языкѣ, коммиссія признала, что автора труда подъ девизомъ „Perseverando“ слѣдуетъ поощрить выдачею 5.000 рублей, но съ тѣмъ однакоже, чтобы сумма эта была выдана ему отнюдь не въ видѣ преміи за конкурсное сочиненіе“.

Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, хотя и согласился съ мнѣніемъ коммиссіи и пять тысячъ рублей были уплачены Денисону, но былъ очень недоволенъ такимъ исходомъ этого дѣла.

Дѣйствительно, русская конница не получила труда, доступнаго для чтенія, ибо по единогласному мнѣнію всѣхъ членовъ коммиссіи, переводъ этого сочиненія на русскій языкъ былъ совершенно неудовлетворителенъ.

Повидимому, нельзя было даже исправить этотъ переводъ, до того онъ былъ плохъ.

Конкурсъ, прекрасная вещь въ теоріи, въ данномъ случаѣ оказался пренеудачною мыслью въ примѣненіи на практикѣ.

Чтобы поправить какъ нибудь это дѣло, Генералъ Леонтьевъ обѣщалъ Великому Князю озаботиться переводомъ на русскій языкъ труда автора „Perseverando“.

Сдѣлано было нѣсколько предложеній перевести какъ слѣдуетъ сочиненіе Денисона на русскій языкъ, но такъ до сихъ поръ переводъ этотъ и не осуществился.

Между тѣмъ на этотъ трудъ обратили вниманіе за границей. Сперва появился онъ въ печати, конечно, на англійскомъ языкѣ, а въ 1879 году подполковникъ прусской службы Бриксъ перевелъ его на нѣмецкій, причемъ съ своей стороны постарался пополнить нѣкоторые пробѣлы оригинала, написавъ къ нему свои дополненія и примѣчанія.

Переводъ этотъ встрѣченъ былъ, какъ въ иностранной литературѣ, такъ и у насъ, весьма сочувственно (см. Приложеніе V).

Трудъ Денисона, очевидно, выдерживалъ не только снисходительную, но и болѣе строгую критику и прекрасное сочиненіе это, хотя и не отвѣчающее вполнѣ условіямъ конкурса, въ нѣмецкомъ изданіи, съ дополненіями Брикса, стало выдающимся.

Поэтому и явилась мысль, переводомъ Брикса осуществить завѣтную мечту въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго относительно того, чтобы теоретическія свѣдѣнія о кавалерійскомъ дѣлѣ, распространяемыя въ арміи, имѣли прочную основу и въ видѣ исторіи конницы, доступной для пользованія нашимъ кавалерійскимъ офицерамъ.

Постояннаго состава Офицерской Кавалерійской Школы, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка поручикъ фонъ Дервизъ, изъявилъ желаніе издать сочиненіе Брикса на русскомъ языкѣ, съ означенною выше цѣлью.

Командиръ 39 драгунскаго Нарвскаго полка, Полковникъ Баронъ Раушъ фонъ Траубенбергъ, взялъ на себя трудъ исполнить этотъ переводъ подъ моей редакціей.

Посильнымъ участіемъ означенныхъ лицъ настоящій переводъ и является нынѣ на свѣтъ Божій, въ память Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.

Все что касается исторической части, — переведено цѣликомъ; — вторая-же часть сочиненія Брикса „объ организаціи, вооруженіи и

употребленіи кавалеріи въ современныхъ войнахъ", нѣсколько сокращено, во избѣжаніе повтореній, часто встрѣчающихся у автора.

Что-же касается общаго недостатка въ сочиненіяхъ Денисона и Брикса, отсутствія плановъ и рисунковъ, то, по мѣрѣ возможности, въ настоящемъ изданіи это исправлено [1]).

И такъ, ровно 22 года тому назадъ въ Бозѣ почивающій Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи задумалъ дѣло, только теперь получившее осуществленіе, въ видѣ настоящихъ двухъ томовъ „Исторіи Конницы".

Такова исторія этой „Исторіи".

В. Сухомлиновъ.

С.-Петербургъ.
16 Марта, 1896 г.

[1]) Рисунки заимствованы нами изъ слѣдующихъ источниковъ:

Андрей Бордонъ. Образованіе древнихъ народовъ. Части II и IV. С.-Петербургъ, 1795 г.

F. A. Brockhaus. Bilder-Atlas der Wissenschaft, Künste und Gewerbe. III. Band Kriegswesen. Leipzig.

Max Jähns. Atlas zur Geschichte des Kriegswesens. Berlin 1878.

Марковъ. Исторія конницы ч. I, ч. II, ч. III и ч. III вып. 4, ч. IV отд.: I, II и III. Тверь, 1886 — 94 гг.

August Demmin. Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwickelungen. 4 Aufl. Leipzig, 1893.

П. фонъ-Винклеръ. Оружіе. Руководство къ исторіи, описанію и изображенію ручного оружія. С.-Петербургъ, 1894 г.

Н. П. Михневичъ. Исторія военнаго искусства. С.-Петербургъ, 1895 г.

Потто. Исторія 44-го Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полка.

Обмундированіе и вооруженіе войскъ (иллюстрированная хроника русскихъ войскъ).

Heros von Borcke. Die grosse Reiterschlacht bei Brandy Station.

Кушнеревъ. Русская военная сила.

Н. Н. Каразинъ. Оригинальные рисунки.

Приложенiе I.

УПРАВЛЕНIЕ

ГЕНЕРАЛЪ-ИНСПЕКТОРА

КАВАЛЕРIИ

30 Марта 1874 года.

№ 324.

Въ С.-Петербургѣ.

Военному Министру.

Принимая во вниманiе, что введенiе у насъ общеобязательной воинской повинности вызываетъ необходимость усиленныхъ занятiй по предмету обученiя войскъ и что дѣятельное и разумное участiе въ этомъ дѣлѣ всѣхъ безъ исключенiя офицеровъ въ строевыхъ частяхъ должно быть установлено на точныхъ и твердыхъ основанiяхъ, Я призналъ настоятельно необходимымъ приступить къ обсужденiю нѣкоторыхъ мѣръ, направленныхъ къ распространенiю и утвержденiю въ офицерахъ кавалерiи спецiальныхъ знанiй и умѣнiя примѣнять ихъ къ дѣлу.

Возвышенiе общаго уровня познанiй офицеровъ, въ особенности относящихся къ боевой подготовкѣ кавалерiи, по моему мнѣнiю должно впредь составлять одну изъ важныхъ заботъ старшихъ начальниковъ кавалерiи и заставить ихъ обратить свое просвѣщенное вниманiе на занятiя офицеровъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ.

Образованiе офицеровъ не можетъ отнынѣ считаться оконченнымъ въ школѣ; офицеры и на службѣ должны продолжать изученiе своей спецiальности, какъ практическимъ, такъ и теоретическимъ путемъ.

Для того же, чтобы теоретическiя свѣдѣнiя о кавалерiйскомъ дѣлѣ, распространяемыя въ армiи, имѣли прочную основу и не истекали изъ одностороннихъ выводовъ, дѣлаемыхъ иногда изъ ближайшихъ къ намъ событiй, безъ должной критической ихъ оцѣнки, Я призналъ необходимымъ принять мѣры къ поощренiю научной разработки у насъ кавалерiйскихъ вопросовъ; но признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что подобные труды только въ такомъ случаѣ могутъ быть дѣйствительно плодотворными если они будутъ опираться на положительныя данныя, извлеченныя изъ правильнаго пониманiя историческаго развитiя кавалерiйскаго дѣла, и имѣя въ виду, что не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ нѣтъ вполнѣ удовлетворительнаго сочиненiя по Исторiи Кавалерiи, Я пожелалъ, чтобы приступлено было къ составленiю таковой.

Возрѣнiя Мои по этому предмету были преподаны Мною особой коммиссiи, составленной изъ профессоровъ Военнаго Искусства Николаевской Академiи Генеральнаго Штаба и поручено ей составить программу Исторiи Кавалерiи.

Утвердивъ составленную программу, пояснительную къ ней записку и библiографическiй указатель сочиненiй по Исторiи Кавалерiи, Я лично съ Вами имѣлъ счастiе испросить Высочайшее Государя Императора разрѣшенiе на объявленiе конкурса по сему предмету.

Предположенiе Мое удостоилось Высочайшаго одобренiя.

Сообщая объ изложенномъ Вашему Высокопревосходительству и препровождая на Ваше благоусмотрѣнiе поименованные выше: программу, записку и библiографическiй указатель, покорнѣйше прошу распоряженiя къ объявленiю конкурса на сочиненiе по Исторiи Кавалерiи.

Условіями конкурса Я полагалъ бы постановить:

1. Желающіе писать сочиненіе по утвержденной программѣ, обязаны заявить о томъ Начальнику Канцеляріи Моей по званію Генералъ-Инспектора Кавалеріи къ 1-му іюля настоящаго 1874 года, съ представленіемъ девиза въ запечатанномъ конвертѣ, который будетъ вскрытъ послѣ присужденія установленныхъ за сочиненія премій.

2. Сочиненія должны быть представлены совершенно оконченными не позже 1 января 1877 года.

3. Къ сочиненію должны быть приложены планы, карты и наиболѣе характеристическія рисунки вооруженія и снаряженія Кавалеріи въ разныя эпохи, но при представленіи рукописи на конкурсъ достаточно указаній на источники, которые послужатъ къ ихъ исполненію.

4. Для оцѣнки сочиненій, представленныхъ на конкурсъ, будетъ составлена особая коммиссія изъ лицъ по Моему назначенію.

5. За лучшее и вполнѣ удовлетворяющее цѣли сочиненіе выдается премія въ 5.000 руб. Сочиненіе печатается на казенный счетъ и вся выручка отъ продажи предоставляется въ пользу автора, при чемъ однако за коммиссіею остается право установить цѣну на сочиненіе, по соглашенію съ авторомъ.

За второе по достоинству сочиненіе назначается премія въ 3.000 руб., за третье — 2.000 руб., при условіи если сочиненія эти будутъ признаны коммиссіею ихъ разсматривавшею удовлетворительными.

> *Примѣчаніе.* Пояснительная записка и программа не должны стѣснять автора, но отступая отъ положеній въ нихъ изложенныхъ, онъ обязанъ представить объясненіе причинъ къ тому, въ особой запискѣ, которую приложить къ сочиненію.

Считаю при этомъ необходимымъ добавить:

а) что первая премія, въ количествѣ 5.000 руб. назначена въ той суммѣ, на выдачу которой отъ казны Ваше Высокопревосходительство изволили изъявить согласіе, при личномъ Моемъ съ Вами объясненіи по этому предмету,—какъ равно и на отпечатаніе сочиненія на казенный счетъ въ пользу автора, что же касается 2 и 3 премій, также въ количествѣ 5.000 руб., то преміи эти Я лично гарантирую и сумма на оные будетъ отпущена Мною въ свое время изъ особаго источника, по Моему непосредственному распоряженію и

б) что условія конкурса, программу, пояснительную къ ней записку и библіографическій указатель сочиненій по Исторіи Кавалеріи—признавалось бы полезнымъ объявить не только въ Циркулярѣ Главнаго Штаба, по войскамъ, но распубликовать ихъ въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ и напечатать въ журналѣ „Военный Сборникъ“.

Обо всемъ изложенномъ прося распоряженія Вашего Высокопревосходительства, Я буду ожидать о послѣдующемъ увѣдомленія.

Подписалъ:

Главнокомандующій и Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи

НИКОЛАЙ.

Приложеніе II.

МИНИСТЕРСТВО

ВОЕННОЕ.

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ.

Канцелярія

ВОЕННО-УЧЕНАГО КОМИТЕТА.

22-го Апрѣля 1874 года.

№ 99.

(По Главному Штабу).

Циркулярно.

Его Императорское Высочество Генералъ-Инспекторъ всей Кавалеріи, имѣя въ виду, что не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ не существуетъ въ настоящее время вполнѣ удовлетворительнаго сочиненія по Исторіи Кавалеріи, а между тѣмъ, для преуспѣянія кавалерійскаго дѣла и развитія въ средѣ Арміи правильныхъ теоретическихъ свѣдѣній о кавалеріи подобное пособіе было бы крайне необходимо, изволилъ исходатайствовать Высочайшее Государя Императора соизволеніе на объявленіе конкурса для составленія „Исторіи Кавалеріи“ согласно утвержденной Его Императорскимъ Высочествомъ программѣ [1]), на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Желающіе писать сочиненіе по утвержденной программѣ, обязаны доставить Начальнику Канцеляріи Генералъ-Инспектора Кавалеріи, не позже 1-го іюля настоящаго 1874 года, въ запечатанномъ конвертѣ, надписанномъ какимъ-либо девизомъ, заявленіе о своей личности и мѣстожительствѣ.

Примѣчаніе. Означенные конверты, служа указаніемъ числа лицъ, желающихъ конкурировать, будутъ вскрыты только по присужденіи премій за сочиненія.

2. Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и представлены совершенно оконченными не позже 1-го января 1877 года, съ обозначеніемъ ихъ тѣми же девизами, которыми были помѣчены первоначально доставленные авторами запечатанные конверты.

3. Къ сочиненію должны быть приложены планы, карты и наиболѣе характеристическіе рисунки вооруженія и снаряженія кавалеріи въ разныя эпохи, но

[1]) Означенная программа, равно какъ объяснительная къ оной записка и библіографическій указатель сочиненіямъ, которыя могутъ служить пособіемъ при составленіи Исторіи Кавалеріи при семъ прилагаются и могутъ быть затѣмъ получаемы въ Управленіи Генералъ-Инспектора Кавалеріи.

при представлении рукописи на конкурсъ достаточно указаній на источники, которые послужатъ для исполненія означенныхъ плановъ и рисунковъ.

4. Для оцѣнки сочиненій, представленныхъ на конкурсъ, будетъ составлена особая коммиссія изъ лицъ по назначенію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Инспектора всей Кавалеріи, — и

5. За лучшее, вполнѣ удовлетворяющее цѣли сочиненіе выдается премія въ 5.000 руб., сочиненіе печатается на казенный счетъ и вся выручка отъ продажи предоставляется въ пользу автора, при чемъ, однако, за коммиссіею остается право установить цѣну на сочиненіе, по соглашенію съ авторомъ.

За второе по достоинству сочиненіе назначается премія въ 3.000 руб., за третье — 2.000 руб., при условіи если сочиненія эти будутъ признаны коммиссіею, ихъ разсматривавшею, удовлетворительными.

Примѣчаніе. Пояснительная записка и программа не должны стѣснять автора; но, отступая отъ положеній, въ нихъ изложенныхъ, онъ обязанъ представить, въ видѣ приложенія къ сочиненію, особую записку съ объясненіемъ доводовъ, вызвавшихъ его къ подобнымъ отступленіямъ.

Главный Штабъ, объявляя о вышеизложенномъ по войскамъ, присовокупляетъ, что по всѣмъ дѣламъ и вопросамъ, касающимся конкурса на Исторію Кавалеріи, слѣдуетъ обращаться въ Управленіе Генералъ-Инспектора всей Кавалеріи.

Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба,
Генералъ-Адъютантъ Графъ Гейденъ.

Скрѣпилъ: Управляющій дѣлами Военно-Ученаго Комитета,
Генералъ-Лейтенантъ Обручевъ.

ВСТУПЛЕНІЕ[1]).

Свойства кавалеріи. Значеніе ея какъ вспомогательнаго рода оружія въ составѣ армій. Роль ея до боя, въ бою и послѣ боя. Значеніе кавалеріи, какъ самостоятельнаго рода оружія на театрѣ дѣйствій. Раздѣленіе ея на роды. Нравственная и матеріальная подготовка. Организація. Качества кавалерійскаго начальника.

ПЕРІОДЪ I.

Греческія и римскія арміи.

Относительная малочисленность кавалеріи въ составѣ греческихъ милицій (Спарты и Аѳинъ). Наемныя Ѳессалійская и Ѳракійская конницы. Раздѣленіе кавалеріи на тяжелую и легкую. Снаряженіе, вооруженіе и построеніе для боя.

Войны съ Персами указываютъ на важность этого рода оружія въ составѣ армій. Заботы Филиппа Македонскаго объ улучшеніи породы кавалерійскаго коня; воспитаніе всадника. Увеличеніе числительности кавалеріи въ арміи Александра Великаго. Димахосы (родъ драгунъ) Александра, назначавшіеся для службы въ конномъ и пѣшемъ строѣ. Отборная кавалерія — Гетеры. Употребленіе кавалеріи въ бою и на театрѣ дѣйствій въ войнахъ Александра Македонскаго. Сраженіе при Граникѣ и Арбеллахъ.

Теоретическій писатель — Ксенофонтъ. Его трактатъ о кавалеріи.

Главный родъ оружія въ составѣ римскихъ армій — пѣхота. Кавалерія въ первую эпоху Рима немногочисленна и посредственна. Наборъ ея. Сословіе всадниковъ. Смотры цензоровъ. Союзная кавалерія. Снаряженіе и вооруженіе первой римской кавалеріи. Турма — тактическая единица.

Аннибалъ. Его кавалерія линейная и легкая (нумидійская). Его искусство пользоваться этимъ родомъ оружія какъ въ бою, такъ и на театрѣ дѣйствій. Кавалерійскій бой при Тичино. Сраженія при Требіи и Каннахъ.

---

[1]) Эту часть предлагается изложить по возможности сжато. Автору предоставляется помѣстить заключающіеся въ ней выводы о современномъ состояніи кавалеріи или въ началѣ, или въ концѣ историческаго изслѣдованія.

Вліяніе пуническихъ и греческихъ войнъ на увеличеніе кавалеріи въ составѣ армій. Введеніе предохранительнаго вооруженія, длиннаго копья и закривленной сабли. Снаряженіе кавалеріи (сѣдла при Ѳеодосіѣ Великомъ, стремена въ началѣ VI вѣка, мнѣнія о ковкѣ). Болѣе тщательное обученіе. Сципіонъ младшій. Тактика кавалеріи въ эпоху наивысшаго развитія римскаго военнаго искусства. Строй легіона, по манипуламъ и когортамъ, даетъ кавалеріи возможность оказывать болѣе непосредственную поддержку пѣхоты. Сраженія при Иллингѣ, Замѣ, Орхоменѣ и Фарсалѣ. Испанская, галльская и германская кавалерія. Охранительная и развѣдочная служба. Свѣдѣнія о парѳянской кавалеріи.

Кавалерія въ періодъ упадка римскаго военнаго искусства. Многочисленность ея въ составѣ армій. Паденіе Рима подъ ударами варваровъ. Аттила. Его кавалерія. Сраженіе на Каталаунскихъ поляхъ.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ паденія Западной Римской Имперіи до изобрѣтенія и введенія огнестрѣльнаго оружія.

а) Эпоха преобладанія феодальной кавалеріи въ составѣ армій.

476 — 1290 гг.

Германскія ополченія. Гелейтъ. Развитіе аллодіальной, а потомъ феодальной системъ. Геербанъ.

Конница Аравитянъ и Венгровъ. Карлъ Мартеллъ — сраженіе при Пуатье въ 732 г. Генрихъ I — сраженіе при Мерзебургѣ въ 933 г.

Возникновеніе рыцарства. Тяжелая рыцарская конница составляетъ главную силу армій. Снаряженіе и вооруженіе. Полное копье. Турниры. Тактика рыцарской кавалеріи. Постепенный упадокъ пѣхоты. Жалкая ея роль въ бою. Сраженіе при Бувинѣ — 1214 г. Образъ веденія войны. Крестовые походы. Осада и оборона крѣпостей рыцарями. Никея, Антіохія и Іерусалимъ. Кавалерія Сарацинъ.

Славяне. Военное ихъ искусство въ войнахъ съ Восточною Римскою Имперіею. Польская конница. Русскія княжескія дружины. Нашествіе монголовъ. Конница ихъ. Сраженіе при Лигницѣ — 1241 г.

б) Упадокъ феодализма. Введеніе первой регулярной конницы.

1290 — 1445 гг.

Послѣдствія крестовыхъ походовъ. Постепенное возрожденіе пѣхоты. (Войска городскихъ общинъ, коммуніальные, англійскіе и генуэзскіе стрѣлки). Наемныя дружины (Брабансоны и Кондотьеры). Швейцарская пѣхота наноситъ рѣшительный ударъ рыцарству. Сраженія при Моргартенѣ — 1315 г. и Земпахѣ — 1386 г.

Столѣтняя война между Франціею и Англіею довершаетъ его упадокъ. Сраженія при Креси, Пуатье и Азинкурѣ.

Первая попытка къ учрежденію регулярныхъ войскъ. Первая французская регулярная конница Карла VII — ордонансовыя роты (gens d'armes ou archers à cheval) — 1445 г.

ПЕРІОДЪ III.

Отъ вооруженія кавалеріи огнестрѣльнымъ оружіемъ до Фридриха Великаго.

Огнестрѣльное оружіе наиболѣе распространяется въ кавалеріи. Введеніе снова предохранительнаго вооруженія. Кавалерія исключительно дѣйствуетъ огнестрѣльно. Глубокія ея построенія. Перемѣшиваніе кавалеріи въ боевомъ порядкѣ съ мушкатерами. Сраженіе при Павіи въ 1525 г.

Изъ ордонансовыхъ ротъ возникаютъ тяжелая кавалерія—жандармы, потомъ кирасиры и драгуны. Рейтары въ Германіи. Гусары (1458 г.). Легкая испанская кавалерія. Конница турокъ. Ея вооруженіе, снаряженіе и образъ дѣйствія въ бою. Сраженіе при Могачѣ — 1526 г.

Густавъ-Адольфъ. Его реформы въ кавалеріи. Вооруженіе и снаряженіе шведской конницы (кирасиры и драгуны), уменьшеніе глубины построеній. Ослабленіе огнестрѣльнаго дѣйствія. Взаимная поддержка трехъ родовъ оружія.

Кавалерія въ арміяхъ Тилли и Валенштейна (тяжелая—кирасиры, легкая—карабинеры, драгуны и кроаты). Сраженіе при Брейтенфельдѣ — 1631 г. и Люценѣ — 1632 г.

Русская конница въ этомъ періодѣ. Казачество.

Кавалерія въ постоянныхъ арміяхъ въ эпоху Людовика XIV. Вооруженіе, снаряженіе. Построеніе въ бою на флангахъ пѣхоты. Сраженіе при Гохштедтѣ — 1704 г. Перемѣшиваніе кавалеріи съ пѣхотою. Монтекукули. Сраженія при С. Готарѣ — 1664 г. и Альманцѣ — 1707 г. Тюреннь — примѣненіе боеваго порядка къ мѣстности (Зинцгеймъ — 1674 г.). Конде. Сраженіе при Рокруа — (1643 г.) и Дюнахъ — (1658 г.). Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій. Люксамбургъ въ Нидерландскихъ войнахъ.

Карлъ XII отбрасываетъ огнестрѣльное дѣйствіе въ кавалеріи. Ударъ холоднымъ оружіемъ. Болѣе сильная взаимная поддержка между пѣхотой и кавалеріей. Полтава — 1709 г.

Петръ Великій. Регулярная армія въ Россіи. Вооруженіе, снаряженіе и образъ дѣйствія русской конницы въ бою и на театрѣ дѣйствій. Бой при Лѣсной. Фланговое преслѣдованіе шведской арміи при движеніи ея въ Малороссію.

Морицъ Саксонскій. Его идеи о воспитаніи и обученіи кавалеріи. Mes Rêveries.

Морицъ Саксонскій и Карлъ XII подготовляютъ реформы Фридриха Великаго въ кавалеріи.

ПЕРІОДЪ IV.

Отъ Фридриха Великаго до введенія нарѣзнаго оружія.

1740 — 1854 гг.

Реформы Фридриха II въ кавалеріи. Организація и тактическое ея устройство. Конная артиллерія (1759 г.) придаетъ кавалеріи болѣе самостоятельности въ дѣйствіяхъ. Генералы Цитенъ и Зейдлицъ. Писатель Варнери. Рѣшительный переворотъ въ обученіи всадника и въ обученіи массъ. Ударъ холоднымъ оружіемъ. Блестящее участіе кавалеріи въ сраженіяхъ Фридриха. Гогенфридбергъ, Cooръ, Гохкирхъ, Прага, Росбахъ (одна кавалерія рѣшаетъ бой), Лейтенъ, Цорндорфъ.

Австрійская кавалерія и преимущественно легкая въ эту эпоху. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій. Партизанскій набѣгъ Гаддика на Берлинъ въ 1757 г. Нападеніе на прусскій транспортъ полковника Мозеля подъ Ольмюцемъ въ 1758 г.

Подражаніе Фридриху въ обученіи и употребленіи кавалеріи во всѣхъ европейскихъ арміяхъ.

Русская конница этого періода. Значеніе Потемкина, Румянцева и Суворова въ дѣлѣ организаціи и боеваго устройства нашей кавалеріи. Инструкція кавалерійскому полковнику. Сраженія при Кагулѣ, Рымникѣ и Требіи. Дѣйствія противъ польскихъ конфедератовъ.

Новое направленіе военнаго искусства въ періодъ первыхъ революціонныхъ войнъ. Конскрипція. Увеличеніе числительности армій. Организація ихъ (дивизіи и корпуса). Перпендикулярная тактика. Колонны и разсыпной строй въ пѣхотѣ. Кавалерія и конная артиллерія. Вооруженіе, снаряженіе и дѣйствіе кавалеріи въ бою. Кавалерія мамелюковъ. Сраженія при пирамидахъ — 1798 г. и Геліополисѣ 1800 г.

Кавалерійскія дивизіи и резервные кавалерійскіе корпуса въ арміяхъ Наполеона I. Различные роды кавалеріи. Кавалерія подготовляетъ, развиваетъ и рѣшаетъ успѣхъ дѣйствій пѣхоты и артиллеріи. Тѣсная связь между ними. Массированіе конницы на рѣшительныхъ пунктахъ полей сраженія. Кастиліоне, Маренго, Прейсишъ-Эйлау, Экмюль, Ваграмъ, Бородино, Лейпцигъ и Ватерлоо, какъ наиболѣе выдающіяся сраженія по употребленію кавалеріи. Значеніе послѣдней на театрѣ дѣйствій. Войны 1805, 1806 и 1812 гг. Школа наполеоновскихъ войнъ образуетъ цѣлую семью хорошихъ кавалерійскихъ начальниковъ: Мюратъ и Бессьеръ, Штенгель, Келлерманъ, Лассаль, Груши, Эспань, Латуръ-Мобуръ и Марюла.

Русская конница при Императорѣ Александрѣ I. Организація и тактическое устройство. Снаряженіе, вооруженіе и обученіе. Дѣйствія въ бою: Аустерлицъ, Бородино, Кацбахъ, Кульмъ, Лейпцигъ и Феръ-Шампенуазъ. Значеніе казаковъ въ Наполеоновскихъ войнахъ и преимущественно въ 1812 и 1813 гг. Партизанскія дѣйствія. Русскіе кавалерійскіе генералы этой эпохи: Платовъ, Паленъ, Уваровъ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Кульневъ. Партизаны: Давыдовъ (его трактатъ о партизанскихъ дѣйствіяхъ), Сеславинъ, Фигнеръ, Орловъ-Денисовъ, графъ Чернышевъ (дѣло подъ Гальберштадтомъ и взятіе Касселя).

Австрійская, прусская и англійская кавалерія этого періода.

Русская конница при Императорѣ Николаѣ. Участіе ея въ войнахъ: Персидской (Елисаветполь), Турецкой 1828 — 29 гг. (Мадатовъ подъ Шумлой), Польской 1831 г. (Гроховъ; отдѣльные отряды генераловъ Крейца и Ридигера) и Венгерской 1849 г.

Польская кавалерія въ войну 1831 г. Генералы: Скаржинскій — сраженіе при Дембе-Велке, Дверницкій — дѣла при Сточекѣ, Нововеси и Боремлѣ, Дембинскій — партизанскій походъ въ Литву.

Русская конница въ Кавказской войнѣ. Кордонная служба казаковъ на Кавказѣ и въ азіатскихъ степяхъ.

Французская кавалерія въ Алжиріи и англійская въ Остъ-Индіи.

ПЕРІОДЪ V.

Отъ введенія нарѣзнаго оружія до нашего времени.

Вліяніе введенія нарѣзнаго и затѣмъ скорострѣльнаго оружія на понятія о значеніи кавалеріи въ составѣ армій.

Восточная и Итальянская 1859 г. войны. Стремленіе къ уменьшенію численности кавалеріи. Ограниченіе ея роли на полѣ сраженія.

Войны Сѣверо-Американская, Австро-Прусская и Франко-Германская. Расширеніе сферы дѣйствій кавалеріи.

Вліяніе видоизмѣненія роли кавалеріи въ бою и на театрѣ дѣйствій на ея организацію (усиленіе значенія дивизіонной кавалеріи, уничтоженіе въ нѣкоторыхъ арміяхъ тяжелой и усиленіе легкой конницы), на снаряженіе, вооруженіе (усиленіе огнестрѣльнаго вооруженія для дѣйствія въ пѣшемъ строѣ) и обученіе. Пѣхота, посаженная на коней въ американскихъ войскахъ.

Кавалерія въ сраженіяхъ послѣдняго времени: наша при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ и Курюкъ-Дара, англійская при Балаклавѣ, австрійская при Гичинѣ, Кёниггрецѣ и Кустоцѣ, французская при Вёртѣ и Седанѣ, прусская при Тобичау и Марсъ-Латурѣ.

Кавалерія на театрѣ дѣйствій въ новѣйшихъ войнахъ. Американскія raids. Дѣйствія генераловъ Стонемана, Шеридана, Стюарта, партизановъ Форреста, Моргана. Бригада Гріерсона подъ Виксбургомъ въ 1863 г. Дѣйствія прусской кавалеріи въ войну 1870 — 71 гг.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

къ

ПРОГРАММѢ ИСТОРІИ КАВАЛЕРІИ.

Историческое изслѣдованіе должно выяснить какъ, и подъ вліяніемъ какихъ условій, видоизмѣнялись и прошли чрезъ всю историческую жизнь кавалеріи, отъ появленія ея въ первыхъ арміяхъ до нашего времени, понятія объ ея организаціи, вооруженіи, снаряженіи, обученіи и воспитаніи, объ употребленіи ея въ бою и на театрѣ дѣйствій.

Какъ жизнь человѣчества, такъ и всякое учрежденіе идутъ къ совершенствованію не прямымъ путемъ; различные факторы производятъ уклоненія отъ него, продолжающіяся иногда цѣлыя столѣтія. Историческая жизнь кавалеріи особенно поучительна въ этомъ отношеніи. Послѣ правильныхъ, почти современныхъ намъ понятій объ употребленіи кавалеріи въ греческихъ и римскихъ арміяхъ наступаетъ періодъ среднихъ вѣковъ, когда, подъ вліяніемъ на новыхъ основаніяхъ сложившейся жизни обществъ, кавалерія изъ рода оружія второстепеннаго въ составѣ армій дѣлается главнымъ и почти единственнымъ; на пѣхоту, набираемую изъ самаго низкаго класса, смотрятъ съ пренебреженіемъ. Въ эпоху рыцарства кавалерію употребляютъ для осады и обороны крѣпостей. Крестовые походы съ поразительною ясностью указываютъ на неспособность кавалеріи для дѣйствій на всякаго рода мѣстности и для всѣхъ многоразличныхъ задачъ, представляемыхъ войною. Пѣхота постепенно отвоевываетъ по праву принадлежащее ей мѣсто. (Борьба рыцарей съ швейцарскою пѣхотою, войны Карла Смѣлаго).

Является огнестрѣльное оружіе. Забываютъ, что главное качество и сила кавалеріи быстрота, что огонь для мѣткости требуетъ устойчивости. Кавалерію всю вооружаютъ мушкетами и она обращается въ пѣхоту посаженную на коней. Такія понятія продолжаются до Густава Адольфа, который первый правильно взглянулъ на роль, принадлежащую кавалеріи, но уроки его забываются. Только въ XVIII столѣтіи Морицъ Саксонскій теоретически, Карлъ XII и потомъ Фридрихъ Великій практически вывели кавалерію изъ несвойственной ей роли и вернулись къ понятіямъ, существовавшимъ еще во времена Аннибала. Идеи

Фридриха (Зейдлица, Цитена и Варнери) развиваются въ Наполеоновскій періодъ военнаго искусства. Кавалерію употребляютъ въ массахъ на театрахъ дѣйствій. Она несетъ не только развѣдочную и сторожевую службу, но и на поляхъ сраженій производить удары, рѣшающіе судьбу боя, при чемъ часто злоупотребляютъ ея массированіемъ (Лейпцигъ). Конница довершаетъ знаменитыя побѣды Наполеона энергическимъ преслѣдованіемъ. Какъ у Фридриха (Россбахъ) встрѣчаются такіе примѣры, что кавалерія одна начинаетъ, развиваетъ и довершаетъ бой (союзная и преимущественно русская конница подъ Феръ-Шампенуазомъ).

Является винтовка и затѣмъ скорострѣльное оружіе. Повторяется фактъ, весьма обыкновенный въ исторіи. Какъ новый предметъ — нарѣзное оружіе производитъ панику и путаницу въ понятіи объ относительномъ значеніи различныхъ родовъ оружія. На кавалерію многіе начинаютъ смотрѣть какъ на безполезную роскошь въ составѣ армій. Но она блистательно доказываетъ право на свое существованіе и на существованіе еще болѣе самостоятельное въ американскую и двѣ послѣднія европейскія войны. Роль ея только видоизмѣнилась. Если сфера ея дѣйствій на полѣ сраженія нѣсколько съузилась подъ вліяніемъ тѣхъ жертвъ, которыя ей приходится теперь нести для достиженія различныхъ боевыхъ цѣлей, то роль ея расширилась на театрѣ дѣйствій, при томъ вліяніи, которое въ настоящее время оказываютъ на операціи желѣзныя дороги, телеграфы и вообще тылъ арміи. Кавалерію снова вооружаютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но уже не для дѣйствія имъ на конѣ, какъ въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, а для дѣйствія въ пѣшемъ строѣ. Переносясь быстро на сообщенія непріятеля, куда пѣхота поспѣть не можетъ, кавалерія чаще должна принимать на себя задачи послѣдней, а слѣдовательно имѣть соотвѣтственное вооруженіе.

Исторія показываетъ, что при тѣхъ качествахъ, которыя требуются отъ хорошихъ кавалерійскихъ начальниковъ, послѣдніе такъ же рѣдки, какъ и великіе полководцы. Появленіе ихъ составляетъ эпохи въ исторіи кавалеріи.

Главные моменты въ жизни кавалеріи, рѣшительно измѣнявшіе понятія объ употребленіи ея, какъ на поляхъ сраженій, такъ и на театрахъ дѣйствій опредѣляютъ раздѣленіе исторіи ея на періоды.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

ПРОГРАММѢ ИСТОРІИ КАВАЛЕРІИ.

Пособіемъ при исполненіи предлагаемой программы Исторіи Кавалеріи могутъ служить слѣдующія сочиненія:

Для всего труда.

Богдановичъ. Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ. 2 т. Спб. 1853.

Зедделеръ. Обозрѣніе исторіи военнаго искусства. 2 т. Спб. 1843.

Bardin. Dictionnaire de l'armée de terre ou recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes. 8 vol. 1851.

Bernard. Aperçu général sur l'origine, les progrès et l'état actuel de l'art de la guerre. Paris 1868.

Carrion Nisas. Essai sur l'histoire générale de l'art militaire, de son origine etc. 2 vol. Paris 1824.

De Presle. Cours d'art et d'histoire militaires. Saumur 1829.

Tonscolombe. Resumé historique des progrès de l'art militaire depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours. Paris 1854.

Galland. Précis historique des armes offensives et défensives, depuis leur invention jusqu'à nos jours. Paris 1835.

Gay de Vernon. Essai historique sur l'organisation de la cavalerie légère et principalement sur l'arme des chasseurs à cheval. Paris 1853.

Humbert. Programme élementaire d'un cours d'art et d'histoire militaire, appliqué à la cavalerie. Saumur 1866.

La Barre Duparcq. Élements d'art et d'histoire militaires. Paris 1858.

La Barre Duparcq. Histoire de l'art de la guerre. 2 vol. Paris 1860 — 64.

Laverne. L'art militaire chez les nations les plus célèbres de l'antiquité et des temps modernes, analysé et comparé. Paris 1805.

Lecomte. Etudes d'histoire militaire. Paris 1869.

Liskenne et Sauvan. Bibliothèque historique et militaire 7 vol. Atlas.
Nolan. Histoire et tactique de la cavalerie.
Rocquancourt. Cours élementaire d'art et d'histoire militaires. 3 vol. Bruxelles 1836.
Vial. Cours d'art et d'histoire militaires. 2 vol. Paris 1861.
Berenhorst. Betrachtungen über die Kriegskunst, über ihre Fortschritte etc. Leipzig 1827.
Berneck. Geschichte der Kriegskunst. Berlin 1861.
Brandt. Geschichte des Kriegswesens. 4 Bände. Berlin 1828—38. (Въ прусской Handbibliothek).
(Hardegg) J. v. H. Anleitung zum Studium der Kriegsgeschichte. Darmstadt et Leipzig 1868—69.
Kausler. Versuch einer Kriegsgeschichte aller Völker. 5 B. Ulm 1825.
Kausler. Synchronistische Uebersicht der Kriegsgeschichte etc. Ulm 1825.
Kretschmar und Rohrbach. Die Trachten der Völker bis zum neunzehnten Jahrhundert. 3 Bände 1814.

Кромѣ того: различные военные словари, военныя энциклопедіи, военно-историческія монографіи отдѣльныхъ государствъ, армій, полковъ и пр., подробный указатель которыхъ можно найти въ Военно-Историческомъ каталогѣ полковника Станкевича, приложенномъ къ XIV тому Военной Библіотеки.

Для перваго періода.

Древніе писатели: Ксенофонтъ, Арріанъ, Ѳукидидъ, Квинтъ-Курцій, Полибій, Діодоръ, Титъ-Ливій, Саллустій, Цезарь, Тацитъ, Светоній, Вегецій и Онозандеръ.
Кн. Голицынъ. Всеобщая Военная Исторія древнихъ временъ. Часть I и II. Спб. 1872—73.
Ciriacy. Histoire d'art militaire chez les anciens (trad. par La Barre Duparcq). Paris 1854.
Folard. Histoire de Polyse, avec un commentaire. 7 vol.
Guischard. Mémoires militaires sur les Grecs et les Romains. 2 vol. La Haye 1758. Atlas.
Guischard. Mémoires critiques et historiques sur plusieurs points d'antiquités militaires. 4 vol. Paris 1744.
Hue de Caligny. Mémoires inédits sur la milice des Romains et celle des Français. Turin 1868.
Joly de Maizeroy. Tableau général de la cavalerie grecque. Paris 1780.
La Barre Duparcq. Considérations sur l'art militaire antique Paris 1849.
Lamarre. La milice romain depuis la fondation de Rome jusqu'à Constantin 2 éd. Paris 1870.
Macdougal. Considérations nouvelles sur l'art de la guerre des anciens (съ англ.) Poitiers 1862.
Naudet. Des changement opérés dans toutes les parties de l'administration de l'empire romain depuis Dioclétien jusqu'à Julien 1817.
Becker-Marquardt. Handbuch der römischen Alterthümer. 5 Th. 1867.

Hennert. Abhandlung von der Beschaffenheit und den Gebrauch der Kavallerie in den ältesten Zeiten 1774.
Lange, Römische Alterthümer. Berlin 1863.
Löhr. Ueber die Taktik und das Kriegswesen der Griechen und Römer. Kempten 1825.
Nast. Einleitung in die griechischen Kriegsalterthümer. Stuttgart 1780.
Nast und Rösch. Römische Kriegsalterthümer aus ächten Quellen; ein Beitrag zur Aufklärung der römischen Taktik 1782.
Ottenberger. Das Kriegswesen der Römer. Prag 1824. Atlas.
Rheinhard. Griechische und römische Kriegsalterthümer.
Rückert. Das römische Kriegswesen. Berlin 1850.
*Rüstow u. Köchly. Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus. Aarau 1852.
*Rüstow. Heerwesen und Kriegführung Julius Cäsars. Nordhausen 1862.

О древнихъ походахъ.

Beaujour. De l'expédition d'Annibal en Italie 1832.
Macdougall. Les campagnes d'Annibal. Etudes historiques et militaires. Paris 1865.
Napoleon III. Histoire de Jules César 2 vol. Paris 1865 — 66. Atlas.
Vaudoncourt. Histoire des campagnes d'Annibal en Italie pendant la deuxième guerre punique. 3 vol. 1822. Atlas.
Abendroth. Terrainstudien zu dem Rückzuge des Varus und den Feldzügen des Germanicus. Leipzig 1862.
Bernewitz. Hannibals Leben. 2 Theile. Pirna 1832.
Die Feldzüge Alexanders des Grossen, nach den Quellen hauptsächlich in militärischer Hinsicht bearbeitet (Die Zeitschrift für Kriegswissenschaft 1823).
Droysen. Geschichte Alexanders des Grossen. Berlin 1833.
Eichheim. Die Kämpfe der Helvetier, Sweven und Belgier gegen J. Cäsar. Neuburg 1866.
Egli. Feldzüge in Armenien. Leipzig 1868.
Müske. Flavius Claudius Julianus, nach den Quellen Julians Kriegsthaten. Gotha 1867.
Untersuchungen über die Kriegführung der Römer gegen die Deutschen in den Feldzügen des Cäsar, Drusus, Germanicus und Fiberius. Mainz 1862.
Thierry. Histoire d'Attila et de ses successeurs.

Для втораго періода.

Современные авторы и хроникеры: Прискъ, Прокопій, Григорій Турскій, императоры Маврикій и Левъ философъ, Эгингардъ и др.
Boutarie, Institutions militaires de la France avant les armées permanentes. Paris 1863.
Chassignet. Essai histrorique sur les institutions militaires, du la formation, l'organisation et l'adminisiration des armées en France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789. Paris 1869.

Daniel. Histoire de la milice françoise et des changements etc. 2 vol. Amsterdam 1724.

Daniel. Abrégé de l'histoire de la milice françoise. 2 vol. Paris 1773.

Reinaud. De l'art militaire chez les Arabes du moyen âge (въ Journal Asiatique № 9 1848).

Barthold. Geschichte der Kriegsverfassung und des Kriegswesens der Deutschen. 2 Bände. Leipzig 1855.

May de Romainmolier. Histoire militaire de la Suisse et celle des Suisses dans les différents services de l'Europe. 8 vol. Lausanne 1788.

Laurenti. Beiträge zur Historie des deutschen Kriegswesens. Gotha 1758.

Meynert. Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa seit dem frühen Mittelalter bis auf die Gegenwart. 3 Bände. Wien 1868—69.

Reuckert. Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten in seinen Verbindungen etc. 3 Theile, Berlin 1860—64.

Stenzel. Versuch einer Geschichte der Kriegsverfassung Deutschlands, vorzüglich im Mittelalter. Berlin 1820.

Weiss. Kostümkunde. Geschichte der Tracht und des Geräthes des Mittelalters, vom 4. bis 14. Jahrhundert 1863.

Соловьевъ. Его Исторія Россіи.

Чертковъ. Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—971. Москва 1843.

Froissart. Chronique de France, d'Angleterre etc. 1366—1399. 4 vol.

Joinville. Mémoires du sir de Joinville, ou histoire de Saint Louis. Paris 1819.

Lebon. Mémoire sur la bataille de Bouvines en 1214. Lille 1835.

Michaud. Histoire des croisades. 6 vol. Paris 1841.

Mille. (съ англ.) Histoire des croisades. 3 vol. Atlas. Paris 1825.

Reinaud. Invasion des Sarrazins en France. 1836.

Ville Hardouin. Mémoires ou histoire de la conquête de Constantinople par les Français et les Vénitiens. Paris 1819.

Erhard. Kriegsgeschichte von Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben von der ältesten Zeit bis 1273. München 1873.

Haller von Königsfelden. Darstellung der merkwürdigsten Schweizerschlachten von 1298 bis 1499, nach den Grundsätzen der Strategie und Taktik 1826.

Hoyer. Franz Sforza 1 Visconti, durch Tapferkeit und Klugheit Herzog von Mayland. Darstellung des Kriegslebens im Mittelalter. Aus gleichzeitigen Quellen. 2 Th. Magdeburg 1846.

Huschberg. Geschichte der Allemannen und Franken bis zur Gründung der Frankischen Monarchie durch König Chlodwig. Aus den Quellen bearbeitet. Sulzbach 1843.

Krause. Die Eroberung von Constantinopel im XIII und XV Jahrhundert durch die Kreuzfahrer, durch die nikäischen Griechen und durch die Türken. Halle 1870.

Ledebur. Kritische Beleuchtung einiger Punkte in den Feldzügen Karls des Grossen. 1829.

Rudolf. Die Freiheitskriege der Eidgenossen seit Gründung des Schweizerbundes bis zum Ende des Burgunderkrieges. Schlachtenpläne und Beilagen. Baden 1847.

Rodt. Die Feldzüge Karl's des Kühnen, Herzogs von Burgund. Schaffhausen 1843.
Schels. Kriegsgeschichte der Oesterreicher. 5 Th. Wien 1844—45.
Wilken. Geschichte der Kreuzzüge. 7 Bände 1807—1832.
Würdinger. Kriegsgeschichte von Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben von 1347 bis 1506. 2 Bände. München 1868—69.

Для третьяго періода.

Броневскій. Исторія Донскаго войска. 3 тома. Спб. 1834.
Бѣляевъ. О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ I. Москва 1846.
Бѣляевъ. О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской Украйнѣ. Москва 1846.
Голицынъ, кн. Всеобщая Военная Исторія новыхъ временъ. Часть I. Тридцатилѣтняя война 1818—1648. Часть II. Войны второй половины XVII и первой половины XVIII вѣка въ Западной Европѣ. Спб. 1873.
Висковатовъ. Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ. Съ рисунками. Спб. 1841—62.
Головинскій. Слободскіе казачьи полки. Спб. 1864.
Долгорукій. Хроника россійской Императорской арміи. Спб. 1799.
Записки о слободскихъ полкахъ, съ начала ихъ поселенія до 1766 г. Харьковъ 1812.
Ивановъ. Составъ и устройство регулярной русской кавалеріи съ 1700 г.
Исторія о казакахъ запорожскихъ, какъ оные изъ древнихъ лѣтъ зачалися и откуда свое происхожденіе имѣютъ и въ какомъ состояніи нынѣ находятся. Москва 1847.
Книга ратнаго дѣла Царя Алексѣя Михайловича.
Обручевъ. Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ.
Поповъ. Исторія о донскомъ войскѣ. 2 ч. Харьковъ 1816.
Прянишниковъ. Матеріалы для исторіи Войска Донскаго. 1864.
Сенюткинъ. Донцы. Историческіе очерки военныхъ дѣйствій и пр. Москва 1867.
Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи и пр. Одесса 1846.
Шмидтъ. Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ устроеніи регулярнаго войска въ Россіи. Москва 1798.
Бутурлинъ. Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи (Описаніе Сѣверной войны). 3 т. Спб.
Карцевъ. Военно-Историческій очеркъ Сѣверной войны.
Маркевичъ. Исторія Малороссіи.
Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго.
Статьи Костомарова по исторіи Малороссіи.
Мухановъ. Рукопись Жолкевскаго.
Feuquière. Mémoires.
Folard. Nouvelles découvertes sur la guerre.
Comines. Mémoires sur les principaux faits de Louis XI et Charles VIII.

Davila. Histoire des guerres civiles de France sous le règne de quatre rois: François II, Charles IX, Henri III et Henri IV. Paris. 1659.

De la Pilorgerie. Campagne et bulletins de la grande armée d'Italie commandée par Charles VIII 1494—1495. Paris 1866.

Coyer. Histoire de Jean Sobiesky.

De Vault. Mémoires militaires relatifs à la succession d'Espagne sous Louis XIV. 7 vol. Paris 1836. Atlas.

Duvivier. Observations sur la guerre de la succession d'Espagne 2 vol. Paris 1830.

Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède etc. 3 vol. Amsterdam 1750.

Nordberg. Histoire de Charles XII, roi de Suède. La Haye 1648.

Journal de Pierre le Grand depuis l'année 1698. Berlin 1773.

La Barre Duparcq. L'art militaire pendant les guerres de la réligion. Paris 1864.

Lecomte. Etudes d'histoire militaire. Temps modernes, jusqu'à la fin du règne de Louis XIV. Paris 1870.

Machiavel. L'art de la guerre. Amsterdam 1693.

Maurice de Saxe. Mémoires sur l'art de la guerre. Dresde 1757.

Mauvillon. Essai sur l'influence de la poudre à canon dans l'art de la guerre. Dessau 1782.

Mauvillon. Essai historique sur l'art de la guerre pendant la guerre de trente ans. Cassel 1784.

Montecuculi. Mémoires. 3 vol. Amsterdam 1770.

Massa de Harlem. Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610). 2 vol. Bruxelles 1866.

Montluc. Commentaires.

Massuet. Histoire de la dernière guerre (за польскій престолъ).

Quincy. L'art de la guerre. 2 vol. Paris 1740.

Quincy. Histoire militaire du règne de Louis le Grand. 7 vol. 1726.

Pységur. Art de la guerre par principes et par règles. 2 vol. Paris 1748.

Ramsay. Histoire.

Santa-Cruz. Reflexions militaires et politiques. 12 vol. La Haye 1734—40.

Vander Burch. Histoire militaire des Français. 5 édit. Paris 1868.

Villermont. Tilly ou la guerre de trente ans. 2 vol. Paris 1860.

Fronsperger. Kriegsbuch 3 Th. Frankfurt 1596.

Fryxell. Geschichte Gustav Adolphs. Leipzig 1859.

Avila y Zuniga. Geschichte des Schmatkaldischen Krieges. Berlin 1859.

Barthold. Georg von Frundsberg, oder das deutsche Kriegshandwerk zur Zeit der Revolution.

Brix. Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen. Berlin 1867.

Crousaz. Die Organisation des Brandenburgischen und Preussischen Heeres von 1640—1866. 2 Th. Anclam 1865—68.

Die Kosaken und ihre geschichtliche Entwickelung. Berlin 1860.

Geschichte der Organisation der Infanterie und Cavalerie der K. Spanischen Armee von den frühesten Zeiten bis zum Jahre 1835 (съ исп. Brix). Berlin 1856.

Droysen. Gustav Adolph. 2 Bände. Leipzig 1869 — 70.
Dudik. Waldstein von seiner Enthebung etc. Wien 1858.
Gfrörer. Gustav Adolph, König von Schweden und seine Zeit. 3 Aufl. Stuttgart 1852.
Janco. Wallenstein. Wien 1867.
Hayne. Abhandlung über die Kriegskunst der Türken etc. 2 Th. Wien 1788.
Heilman. Das Kriegswesen der Kayserlichen und Schweden zur Zeit des 30-jährigen Krieges etc. Leipzig 1850.
Heilmann. Kriegsgeschichte von Bayern, Franken, Schwaben und Pfalz von 1506 bis 1651. 2 Bände. Stuttgart 1868.
Hoyer. Geschichte der Kriegskunst seit der ersten Anwendung des Schiesspulvers bis 1800. 3 Bände. Göttingen 1797 — 1800.
Keym. Geschichte des 30-jähr. Krieges. 2 Bände. 1863 — 64.
Leitner. Das Kriegswesen des heiligen römischen Reiches deutscher Nation und Maximilian I und Carl V. Leipzig 1860.
Neuber. Turenne als Kriegstheoretiker und Feldherr. Wien 1869.
Martens. Allgemeine Geschichte der Türkenkriege in Europa von 1356 bis 1812. 2 Bände. Stuttgart 1829.
Oberleitner. Oesterreichische Finanzen und Kriegswesen unter Ferdinand I vom Jahre 1522 — 1544. Wien 1859.
Plotho. Ueber die Entstehung, die Fortschritte und die gegenwärtige Verfassung der russischen Armee. Berlin 1871.
Prinz Eugens Feldzüge. Türkenkrieg. Karlsruhe 1807.
Röder von Diersburg. Des Markgrafen Ludwig Wilhelm von Baden Feldzüge wider die Türken. 2 Bände. Carlsruhe 1839 — 42.
Soden. Gustav-Adolph und sein Heer in Süddeutschland etc. 3 Bände. Erlangen 1865 — 69.
Steger. Geschichte Franz Sforza's und der italienischen Condottieri. Leipzig 1853.
Veterani Mallentheim. Memoiren über die Türkenkriege von 1683 bis 1694. Leipzig 1771.

Для четвертаго періода.

La Barre Duparcq. Opinions et maximes de Frédéric le Grand. Paris 1857.
Chambray. Des changements survenus dans l'art de la guerre depuis 1700 jusqu'en 1815. Paris 1830.
Warnery. Remarques sur la cavalerie. Paris 1828.
Frédéric le Grand. Oeuvres historiques 4 vol. Leipzig 1830.
Frédéric II. Oeuvres posthumes. 15 vol.
Jomini. Traité des grandes opérations militaires, ou histoire critique des guerres de Frédéric le Grand. 4 vol. Paris 1851. Atlas.
Tèmpélhof. Histoire de la guerre de Sept-ans. 6 vol.
Warnery. Campagnes de Frédéric II, roi de Prusse. 1788.
Archenholz. Geschichte des 7-jährigen Krieges in Deutschland. Berlin 1867.
Beiträge zur Geschichte des oesterreichischen Heerwesens. I. Der Zeitraum 1757—1814. Mit besonderer Rücksichtsnahme auf Organisation, Verpflegung und Tactik. Wien. 1872.

Berenhorst. Betrachtungen über die Kriegskunst, über ihre Fortschritte, ihre Widersprüche und ihre Zuverlässigkeit. 3 Aufl. Leipzig 1827.
Courbière. Geschichte der Brandenb. Preuss. Heeresverfassung. Berlin 1852.
Heilmann. Die Kriegskunst der Preussen unter Friedrich dem Grossen. 2 Bände. München 1852—53.
Kanitz. Nachrichten und Betrachtungen über die Thaten und Schickksale der Reiterei in den Feldzügen Friedrichs II und in denen neuerer Zeit. 1740—1813. 2 Auflage. Berlin 1861.
Cognazzo. Geständnisse eines oesterreichischen Veteranen. 4 Bände. Breslau 1788—1791.
Friedrich der Grosse, von Kolin bis Rossbach und Leuten, nach den Cabinets-Ordres in königl. Staats-Archiven. Herausg. von der historisch. Abtheilung des k. preuss. Generalstabes. Berlin 1858.
Geschichte des siebenjährigen Krieges in einer Reihe von Vorlesungen mit Benutzung authentischer Quellen, bearb. von den Officieren des Preussischen Generalstabes.
Lippe-Weissenfeld. Fredericus Rex und sein Heer. Berlin 1868.
Lützow. Die Schlacht von Hohenfriedberg oder Striegau, am 4. Juni 1745. Potsdam 1845.
Heilmann. Die Schlacht bei Leuthen, am 5. December 1757. Berlin 1849.
Kutzen. Eriedrich der Grosse und sein Heer in den Tagen der Schlacht bei Leuthen.
Luckner und seine Husaren. Verden 1763.
Pauli. Leben Grosser Helden des gegenwärtigen Krieges. 9 B. Halle 1758.
Natzmer. Ein Beitrag zur Geschichte der Armee Friedrich II. Hannover 1870.
Militärisches Altes und Neues. 3 Bände. Berlin 1853.
Tielke. Beiträge zur Kriegskunst und Geschichte des Kriegs von 1756 bis 1763.
Strotha. Die K. Preussische Reitende Artillerie vom Jahre 1759 bis 1816. Berlin 1868.
Wickede. Preussische Husaren-Geschichten. 3 Th. Leipzig 1854.
Die Soldaten Friedrich des Grossen.
Wittich. Der Reitergeneral T. W. von Seydlitz. Düsseldorf 1861.
Богдановичъ. Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова. Спб. 1846.
Богдановичъ. Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи. Спб. 1852.
Бутурлинъ. Картина войнъ Россіи съ Турціею въ царствованіе Императрицы Екатерины II и Императора Александра I. Части 1 и 2. Спб. 1829.
Петровъ. Война Россіи съ Турціею и съ польскими конфедератами съ 1769—1774. 1 и 2 т. Спб. 1866.
Смитъ. Суворовъ и паденіе Польши. 2 т. Спб. 1866—67.
Соковичъ. Историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцева-Задунайскаго и его сотрудниковъ: кн. Прозоровскаго, Суворова и Бринка съ 1775 по 1780 г.
Соковичъ. Дѣйствіе Суворова въ Турціи въ 1773 г.
Caussin de Perceval. Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes depuis l'année 1709 jusqu'à l'année 1774, tiré des annales de l'historien Turc Vassif-Effendi. Paris 1822.

Kéralio. Histoire de la dernière guerre (1769) entre les Russes et les Turcs. 2 vol. Paris 1711.

Walentini. Précis des dernières guerres des Russes contre les Turcs avec des considérations militaires et politiques. Paris 1815.

Warnery. Remarques sur le militaires des Russes et des Turcs etc. Breslau 1771.

Prinz von Ligne. Briefe während des türkischen Feldzugs im Jahre 1787 bis 1789. Dresden 1799.

Resmi-Achmet-Effendi. Wesentliche Betrachtungen, oder Geschichte des Krieges zwischen den Osmanen und Russen in den Jahren 1768 bis 1774. Aus dem türkischen übersetzt von Diets. Halle und Berlin 1813.

Указанія на сочиненія о войнахъ съ первой французской революціонной и до нашего времени можно найти въ каталогѣ Полковника Станкевича; на сочененія же теоретическаго характера о кавалеріи — въ тактическомъ каталогѣ Полковника Левицкаго, въ XIV томѣ Военной Библіотеки.

Ваше Императорское Высочество

Получивъ извѣщеніе Вашего Императорскаго Высочества, отъ 30 сего Марта, о Высочайше разрѣшенномъ конкурсѣ на составленіе, согласно утвержденной Вашимъ Высочествомъ программѣ, сочиненій по Исторіи Кавалеріи, для распространенія въ Арміи основательныхъ теоретическихъ свѣдѣній, и вполнѣ интересуясь преуспѣяніемъ нашей Конницы, Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ поспѣшаю изъявить Вашему Высочеству желаніе Мое участвовать въ подпискѣ для составленія особаго, независимо назначеннаго отъ Военнаго Министерства, капитала на преміи, для чего и прилагаю у сего тысячу рублей.

На подлинномъ написано:

„*Искренно любящій Васъ племянникъ*

АЛЕКСАНДРЪ".

31 Марта 1874 года.
С.-Петербургъ.

I. Мнѣнiе Генералъ-Лейтенанта Гурко.

Сочиненiе, подъ девизомъ „Perseverando", во-первыхъ, не представляетъ полной исторiи кавалерiи и не удовлетворяетъ программѣ, объявленной для конкурса. Исторiя русской кавалерiи разработана въ этомъ сочиненiи вообще весьма недостаточно. Такъ между прочимъ въ немъ ничего не говорится о дѣятельности нашей кавалерiи въ Польскую войну 1830 — 1831 годовъ; весьма мало сказано объ участiи ея въ кампанiяхъ 1853 — 1856 годовъ, а глава о происхожденiи и развитiи казачьей кавалерiи разработана совершенно неудовлетворительно. Исторiя иностранной кавалерiи, особенно-же англiйской, хотя и изложена авторомъ довольно хорошо, но мѣстами съ излишними подробностями и отчасти съ предвзятымъ взглядомъ, такъ что эти отдѣлы сочиненiя имѣютъ какъ бы нѣсколько тенденцiозный оттѣнокъ.

Кромѣ неполноты въ исторiи собственно русской кавалерiи, въ сочиненiи встрѣчаются и нѣкоторые другiе болѣе или менѣе существенные пробѣлы; такъ напр., въ немъ ничего не говорится о постепенномъ развитiи строя и устава кавалерiи и нѣтъ отвѣтовъ на нѣкоторые весьма существенные вопросы историческаго развитiя кавалерiи въ новѣйшее время.

Во-вторыхъ, авторъ сочиненiя подъ девизомъ „Perseverando", хотя и представилъ свой трудъ написаннымъ на русскомъ языкѣ, но въ переводѣ съ англiйскаго и притомъ исполненномъ весьма неудовлетворительно, такъ что изданiе въ свѣтъ этого сочиненiя, въ томъ видѣ, въ которомъ оно представлено, положительно невозможно.

Въ-третьихъ, въ сочиненiи встрѣчается довольно много противорѣчiй и неясныхъ, неполныхъ выводовъ. Въ однихъ мѣстахъ, напр., авторъ отдаетъ преимущество саблѣ, какъ главному оружiю кавалерiи, въ другихъ, напротивъ того онъ склоняется на сторону револьвера и придаетъ холодному оружiю второстепенное значенiе. Довольно многiе эпизоды историческаго развитiя кавалерiи изложены въ сочиненiи хотя и съ большими подробностями, но авторъ часто теряется въ этихъ подробностяхъ, не обобщаетъ ихъ и не дѣлаетъ изъ нихъ ясныхъ и полныхъ выводовъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ сочиненіе подъ девизомъ „Perseverando" хотя и имѣетъ вообще многія достоинства, не можетъ однако же быть признано удовлетворяющимъ условіямъ конкурса и потому не заслуживаетъ преміи.

II. Мнѣніе Генералъ-Маіора Станкевича.

Все изслѣдованіе подъ девизомъ „Perseverando" состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей, логически связанныхъ между собою: исторической и догматической, служащей выводомъ изъ предъидущей.

Въ первой части авторъ строго держится предмета, не позволяя себѣ отклониться отъ него ни на минуту, такъ что даже иногда впадаетъ въ односторонность. Но разсказъ автора вообще построенъ правильно[1]). Каждая эпоха въ развитіи кавалеріи основательно демонстрируется на наиболѣе замѣчательныхъ сраженіяхъ и походахъ, въ описаніи которыхъ авторъ показываетъ много искусства, умѣя всегда схватить самыя характеристическія черты. Особенно хороши сужденія автора объ эпохѣ Александра Великаго; затѣмъ лучшія главы о парфянской кавалеріи, о рыцарствѣ, о значеніи Кромвеля, какъ кавалерійскаго генерала, причемъ авторъ пополняетъ пробѣлъ въ исторіи искусства, сообщая много новыхъ свѣдѣній о значеніи кавалеріи въ гражданской войнѣ въ Англіи. Эпоха Фридриха Великаго описана слабѣе; но особенно ярко выставлены заслуги, оказанныя легкою кавалеріею въ кампанію 1812 — 1813 годовъ, гдѣ вполнѣ отдано должное нашимъ казакамъ,—и въ американскую войну 1861—1865 годовъ.

Въ общемъ, сочиненіе даетъ полную картину послѣдовательныхъ измѣненій въ судьбахъ кавалеріи за все долгое ея существованіе.

Но на ряду съ такими достоинствами, трудъ подъ девизомъ „Perseverando" имѣетъ и недостатки, изъ которыхъ одни менѣе важны, другіе же составляютъ болѣе или менѣе существенные пробѣлы въ изслѣдованіи.

Къ числу послѣднихъ должно быть отнесено то, что авторъ не обращаетъ никакого вниманія на матеріальное положеніе кавалерійскаго солдата въ различныя эпохи и не даетъ исторіи кавалерійскихъ строевъ и кавалерійскаго устава. Самымъ-же важнымъ недостаткомъ, съ точки зрѣнія конкурсныхъ условій, представляется отдѣлъ о русской кавалеріи, который по внутреннему содержанію, по бѣдности данныхъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, совершенно не соотвѣтствуетъ общему тону сочиненія.

Во второй, теоретической части сочиненія, авторъ иногда доходитъ до крайнихъ заключеній, но никогда его положенія не являются въ формѣ бездоказательныхъ афоризмовъ, а всегда подкрѣпляются историческими данными. Особенно обращаютъ на себя вниманіе сдѣланная авторомъ характеристика кавалеріи и главы о значеніи нравственнаго духа войскъ въ особенности кавалеріи

[1]) Наиболѣе рельефные фазисы въ борьбѣ двухъ главныхъ родовъ оружія за преобладаніе освѣщены правильно.

и о качествахъ кавалерійскаго начальника. Они обнаруживаютъ въ авторѣ-кавалеристѣ — глубокое пониманіе свойствъ роднаго ему рода оружія.

Форма изложенія сочиненія, въ русскомъ переводѣ, вполнѣ неудовлетворительна.

Взвѣшивая относительныя достоинства и недостатки разбираемаго сочиненія Генералъ-Маіоръ Станкевичъ приходитъ къ заключенію, что первыя положительно перевѣшиваютъ послѣднія и что трудъ подъ девизомъ „Perseverando", хотя и не удовлетворяетъ конкурснымъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу, восполняя существующій въ ней пробѣлъ; хорошо переведенный на русскій языкъ, онъ можетъ составить полезное чтеніе для русскихъ кавалеристовъ, желающихъ познакомиться съ прошлымъ своего рода оружія, что между прочимъ и составляло цѣль конкурса. Поэтому Генералъ-Маіоръ Станкевичъ считалъ бы справедливымъ поощрить полезный трудъ автора, вызванный нашими же требованіями конкурса, если не конкурсными преміями, то пособіемъ въ размѣрѣ и формѣ, какіе найдены будутъ возможными.

III. Мнѣніе Подполковника Сухотина.

Сочиненіе подъ девизомъ „Perseverando" не выдерживаетъ даже снисходительной критики, потому что:

1. Оно представляетъ рядъ фактовъ, приставленныхъ другъ къ другу безъ всякой логической послѣдовательности. Послѣдній отдѣлъ сочиненія,—заключенія автора, — составляетъ механическую приставку къ сочиненію, причемъ ни одно изъ положеній автора, иногда весьма справедливыхъ, нисколько не вытекаетъ изъ фактовъ, приведенныхъ имъ въ своемъ трудѣ.

2. Нигдѣ въ цѣломъ сочиненіи авторъ не выясняетъ вліянія условій культурныхъ и военно-техническихъ на разрѣшеніе вопросовъ объ организаціи, снаряженіи, обученіи и воспитаніи кавалеріи и объ употребленіи ея въ бою и на театрѣ дѣйствій. Вообще, по вопросу объ организаціи кавалеріи во всемъ сочиненіи встрѣчаются лишь отрывочные факты; вопросы же объ обученіи и въ особенности о воспитаніи кавалеріи совершенно обойдены авторомъ.

3. Столь ясно проведенныя въ программѣ, объявленной для конкурса, мысли объ употребленіи кавалеріи на театрѣ войны и на полѣ сраженія о двойственной роли кавалеріи вообще, совершенно не проведены и не развиты въ сочиненіи автора.

4. При описаніи дѣйствій кавалеріи въ бывшихъ сраженіяхъ, авторъ не указываетъ ни цѣли ея атакъ, ни обстановки, при которой онѣ были ведены, ни порядка и строя, въ какомъ онѣ были исполнены, ни, наконецъ, вліянія и значенія этихъ атакъ въ общемъ ходѣ боя; короче, авторъ не даетъ выводовъ объ изложенныхъ имъ фактахъ исторіи.

5. Языкъ сочиненія совершенно неудовлетворителенъ; авторъ излагаетъ свои мысли не ясно, не литературно, отрывочными, безсвязными фразами.

6. Въ сочиненіи встрѣчается много пробѣловъ и пропусковъ, изъ которыхъ главнѣйшіе относятся къ русской кавалеріи, какъ напримѣръ, о тактическомъ устройствѣ кавалеріи при Императорѣ Александрѣ I, объ участіи ея въ Польскую войну 1830 — 1831 годовъ, въ Венгерскую кампанію и о русской конницѣ въ Кавказскихъ войнахъ, въ азіатскихъ степяхъ и многихъ другихъ.

7. Въ сочиненіи замѣтно отсутствіе критическаго отношенія къ матеріалу, такъ напримѣръ главы о казачествѣ и о судьбахъ кавалеріи при Петрѣ Великомъ изложены слишкомъ кратко, между тѣмъ какъ дѣйствія кавалеріи во время парламентской борьбы въ Англіи слишкомъ подробно; кампанія 1866 года изложена по корреспонденціямъ одной изъ англійскихъ газетъ и т. п.

Въ виду такихъ крупныхъ недостатковъ и пробѣловъ въ сочиненіи подъ девизомъ „Perseverando", казалось бы, что оно, какъ неудовлетворяющее ни программѣ, объявленной для конкурса, ни требованіямъ отъ современнаго научнаго труда, — не можетъ быть признано заслуживающимъ преміи.

„Русскій Инвалидъ" отъ 2 Іюня 1879 г. № 118.

Исторія кавалеріи подполковника Денисона; переведено съ англійскаго и дополнено подполковникомъ ф.-Бриксъ (Geschichte der Cavallerie seit den frühesten Zeiten mit Betrachtungen über ihre Zukunft. Von George Denison. Aus dem Englischen übertragen und mit Anmerkungen versehen von Brix, Oberstlieutenant im Königl. Preuss. Kriegsminsterium. Berlin. 1879).

Читатели „Русскаго Инвалида" въ свое время были уже ознакомлены съ трудомъ подполковника Денисона, вышедшимъ въ свѣтъ около трехъ лѣтъ тому назадъ и вызваннымъ конкурсомъ на исторію кавалеріи, починъ къ которому поданъ былъ, какъ извѣстно, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ. Трудъ подполковника Денисона составляетъ обстоятельнѣйшее и обширнѣйшее, изъ бывшихъ до тѣхъ поръ повѣствованій о постепенномъ развитіи, организаціи, вооруженіи и боевыхъ подвигахъ кавалеріи съ самаго ея возникновенія — съ перваго примѣненія лошади къ верховой ѣздѣ — до нашего времени вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о ея будущей роли. При составленіи своего труда Денисонъ пользовался, по преимуществу, матеріалами французскими, англійскими и русскими. Прусской службы подполковникъ Бриксъ, переведя это сочиненіе на нѣмецкій языкъ, пополнилъ его данными и выводами, извлеченными изъ нѣмецкой военной литературы, нѣкоторыми подробностями, относящимися до исторіи организаціи нѣмецкой кавалеріи и мнѣніями наиболѣе выдающихся нѣмецкихъ кавалеристовъ.

Попутно къ переводу, подполковникомъ Бриксомъ сдѣлано значительное число выносокъ съ разъясненіями нѣкоторыхъ неточностей, вкравшихся въ трудъ Денисона (преимущественно по части исторіи организаціи нѣмецкой кавалеріи), дополненіями къ тексту (на основаніи, по преимуществу, нѣмецкихъ же матеріаловъ), съ разъясненіями нѣкоторыхъ вопросовъ по современному вооруженію и организаціи кавалеріи и критикою нѣкоторыхъ изъ мнѣній, высказанныхъ по этому поводу Денисономъ.

Независимо отъ этихъ попутныхъ примѣчаній къ тексту перевода, къ послѣднему приложенъ совершенно самостоятельный трудъ самаго подполковника Брикса, озаглавленный имъ: „Примѣчанія къ Денисоновой исторіи кавалеріи",

въ которомъ авторъ пополнилъ вкравшіеся у Денисона пропуски какъ по самой исторіи кавалеріи (дополнивъ ее новѣйшими фактами), такъ, въ особенности, по организаціи и тактикѣ этого рода оружія. Трудъ подполковника Брикса, самъ по себѣ почти столь же объемистый, какъ и самый переводъ, къ которому онъ приложенъ[1]), раздѣленъ на двѣ части. Въ первой части, озаглавленной „Примѣчанія и дополненія, касающіяся организаціи кавалеріи въ различныя времена", между прочимъ, преслѣдуются вопросы о болѣе глубокой древности колесницъ сравнительно съ кавалеріей, о боевомъ примѣненіи слоновъ, верблюдовъ, собакъ и проч., о кавалеріи у евреевъ, грековъ, славянъ, въ средніе и послѣдніе вѣка съ довольно подробнымъ изложеніемъ организаціи русской кавалеріи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ при Императорахъ: Петрѣ Великомъ, Александрѣ I и Николаѣ I, о ея реорганизаціи послѣ крымской войны, причемъ, авторъ пользовался множествомъ, преимущественно, русскихъ документовъ, офиціальныхъ и неофиціальныхъ, не принятыхъ въ соображеніе Денисономъ, о современномъ состояніи австрійской кавалеріи, о реорганизаціи Прусской кавалеріи со смерти Фридриха II до войны за освобожденіе и съ 1860 по 1866 г.; о значеніи дѣйствій франктиреровъ противъ нѣмецкой кавалеріи; о вліяніи огнестрѣльнаго оружія въ рукахъ кавалеріи; о дѣйствіяхъ русской кавалеріи въ послѣдней войнѣ съ турками, причемъ авторъ, считая еще преждевременнымъ критическій разборъ ея дѣйствій, ограничился приведеніемъ выдержки изъ статьи о тактикѣ кавалеріи, помѣщенной въ „Лёбеллевскомъ Ежегодникѣ" за 1877 г., въ которой дѣлается общій перечень дѣйствій нашей кавалеріи въ помянутой войнѣ съ краткими, но безпристрастными о нихъ сужденіями. Въ заключеніе этой части Бриксъ приводитъ данныя о современныхъ: организаціи, численности и составѣ кавалеріи въ государствахъ Европы и прочихъ частей свѣта.

Всѣ эти примѣчанія, составленныя весьма обстоятельно, богатыя ссылками на матеріалы и разными разъясненіями, представляютъ, вмѣстѣ съ текстомъ Денисона, полную картину развитія и состоянія кавалеріи съ древнѣйшихъ, легендарныхъ временъ и по самое послѣднее время. Во второй части своего труда „Объ организаціи, вооруженіи и употребленіи кавалеріи въ новѣйшихъ войнахъ", подполковникъ Бриксъ, въ дополненіе къ сказанному по этому поводу Денисономъ, подробно изслѣдуетъ вопросы о современныхъ требованіяхъ формированія, воспитанія и обученія кавалеріи, ея отношеніяхъ къ прочимъ родамъ оружія, ея особенныхъ свойствахъ, условіяхъ ея организаціи, комплектованія и ремонтированія одежды, снаряженія и вооруженія, строеваго образованія и маневрированія малыми частями и въ массахъ при различныхъ тактическихъ положеніяхъ, о развѣдывательной службѣ и различныхъ предпріятіяхъ на большія разстоянія, объ употребленіи кавалеріи при различныхъ условіяхъ стратегической обстановки: до начала военныхъ дѣйствій, отъ начала послѣднихъ до вступленія въ бой, во время послѣдняго, отъ боя до боя и при расположеніи арміи на мѣстѣ (при позиціонной войнѣ—по выраженію Брикса); объ условіяхъ, которымъ долженъ удовлетворять кавалерійскій начальникъ, его самовоспитаніи и мѣрахъ въ бою и, наконецъ, о характерѣ, значеніи и средствахъ къ поднятію

[1]) 469 страницъ, переводъ же сочиненія Денисона занимаетъ 512 страницъ.

нравственнаго элемента въ кавалеріи. Въ этой, тактической части своего труда, подполковникъ Бриксъ хотя и не приводитъ особенно новыхъ мыслей, которыя не были бы высказываемы прежде теоріею или знатоками кавалерійскаго дѣла, но тутъ авторъ свелъ всѣ эти отдѣльныя положенія и мысли въ правильную систему, въ твердое руководство для воспитанія и тактики кавалеріи.

Въ общемъ „исторія кавалеріи", какъ она выработана подполковникомъ Бриксомъ, по всесторонности изслѣдованія касающихся ея вопросовъ, серьезному къ нимъ отношенію и богатству матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, безспорно принадлежитъ къ наиболѣе выдающимся изъ появившихся за послѣднее время сочиненій по теоріи военнаго искусства, и составляетъ трудъ, хотя и спеціально касающійся одной только кавалеріи, но съ которымъ по полнотѣ и достоинству не можетъ сравняться ни одно изъ имѣющихся до сихъ поръ сочиненій по прочимъ родамъ оружія. На трудъ подполковника Брикса не можетъ не обратить серьезнаго вниманія всякій кавалеристъ, любящій свой родъ оружія, интересующійся его прошлымъ и дальнѣйшимъ развитіемъ; для нашихъ же кавалеристовъ онъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ, такъ какъ въ немъ русской кавалеріи отведено одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ, и въ нашей отечественной военной литературѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ еще ни одного сочиненія, въ которомъ бы такъ полно, какъ въ переводѣ и трудѣ Брикса, представлена была картина развитія и современнаго положенія нашей кавалеріи.

Къ сожалѣнію, къ труду подполковника Брикса не приложено плановъ и чертежей, такъ что чтеніе его потребуетъ пособія разныхъ военныхъ атласовъ. Впрочемъ, самъ авторъ сознается въ этомъ недостаткѣ, оговариваясь въ предисловіи, что приложеніе плановъ потребовало бы чрезмѣрнаго увеличенія въ расходахъ по изданію и затянуло бы появленіе его въ свѣтъ.

Предисловіе автора (Денисона).

Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, Генералъ-Инспекторъ Русской Кавалеріи обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что ни на одномъ языкѣ не существовало спеціально Исторіи Кавалеріи.

Проникнутый убѣжденіемъ, что столь важный предметъ достоинъ внимательнѣйшаго изученія, Онъ старался склонить къ тому же взгляду и Его Величество Императора Всероссійскаго и результатомъ было то, что въ 1874 году былъ объявленъ конкурсъ, съ тремя преміями, за лучшія 3 сочиненія по этому вопросу.

Въ конкурсѣ разрѣшалось принимать участіе и офицерамъ иностранныхъ армій.

Съ разрѣшенія коммиссіи, назначенной для разбора представленныхъ сочиненій, и не обязанный выжидать ея постановленія, я выпускаю въ свѣтъ мою работу въ англійскомъ изданіи. Я коснулся въ ней всѣхъ выдающихся моментовъ исторіи кавалеріи и ея службы съ древнѣйшихъ до настоящихъ временъ.

Начавъ съ перваго примѣненія лошади на войнѣ, я старался представить читателю картину всѣхъ измѣненій, которымъ подвергалось примѣненіе лошади, начиная съ запряжки въ колесницы и указать на причины вызывавшія эти измѣненія.

Послѣдній (шестой) отдѣлъ, какъ выводъ изъ предъидущаго, посвященъ исключительно разсмотрѣнію наиболѣе вѣроятнаго примѣненія конницы въ будущемъ.

Не могу умолчать при этомъ случаѣ о той громадной помощи, которую мнѣ оказала программа, выдававшаяся русскимъ правительствомъ лицамъ, желавшимъ участвовать въ конкурсѣ.

Я долженъ также выразить свою благодарность тѣмъ властямъ въ Петербургѣ, которыя любезно разрѣшили мнѣ пользоваться на дому книгами изъ обширной библіотеки Главнаго Штаба.

Въ этомъ отношеніи я особенно обязанъ графу Гейдену, Начальнику Главнаго Штаба и капитану Шеншину.

Одинаково я исполненъ благодарности Свиты Его Величества Генералъ-Маіору Горлову, русскому военному агенту въ Лондонѣ, за его доброе содѣйствіе и указанія.

Я долженъ еще, съ искренней признательностью, упомянуть о той пользѣ, которую мнѣ принесло изученіе богатой коллекціи гербовъ и оружія Г. Б. Гомеръ-Диксона въ Торонто, для изложенія отдѣла о вооруженіи рыцарства, и не могу умолчать о помощи, которую мнѣ любезно оказалъ Г. Гольдвинъ Смитъ по разнымъ вопросамъ изъ временъ классической древности.

Наконецъ, я считаю своимъ долгомъ съ благодарностью вспомнить о библіотекѣ Royal United service Institution и особенно о библіотекарѣ ея Г. Т. Д. Сулливанъ, бывшемъ офицерѣ 56-го полка.

Георгъ Т. Денисонъ.

Гейдонъ-Вилла. Торонто.

Оглавленіе I тома.

Періодъ III.

Отъ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія до Фридриха Великаго.

Періодъ IV.

Отъ Фридриха Великаго до введенія нарѣзнаго оружія 1740—1854 гг.

Періодъ V.

Отъ введенія нарѣзнаго оружія до настоящаго времени.

Періодъ VI.

Организація, вооруженіе и употребленіе конницы въ настоящее время.

ИСТОРІЯ КОННИЦЫ.

Введеніе.

Старѣйшій изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ историческихъ источниковъ — Священное Писаніе — даетъ намъ возможность предполагать, что въ древнѣйшія времена все народонаселеніе земнаго шара состояло изъ небольшаго числа отдѣльныхъ семействъ, власть надъ каждымъ изъ которыхъ была въ рукахъ старѣйшаго и что въ тѣ времена войнъ не было, потому что съ одной стороны количество пастбищъ и число животныхъ, доставлявшихъ пищу, одежду и т. д. было очень велико сравнительно съ населеніемъ и, слѣдовательно, не вызывало столкновеній интересовъ двухъ сосѣднихъ семействъ, съ другой — всѣ отдѣльные роды были продолжительное время связаны узами родства [1]).

Первой причиной споровъ и ссоръ было, по всѣмъ вѣроятіямъ, стремленіе къ захвату лучшихъ пастбищъ и удобныхъ мѣстъ для жительства на берегу рѣкъ и источниковъ [2]). Соотвѣтственно возрастанію народонаселенія представлялось и больше случаевъ къ раздорамъ.

Дѣйствительно, въ то время, когда почти все составляло общее достояніе, и понятіе о собственности не получило права гражданства, охотники и пастухи могли очень легко нарушить тѣмъ или другимъ образомъ дѣйствительныя или воображаемыя права или захватить владѣнія своихъ сосѣдей. Это нарушеніе вызывало, очевидно, отпоръ и мщеніе. Отдѣльныя семейства обращались за помощью къ ближайшимъ родственникамъ и вскорѣ на каждой сторонѣ собиралась масса приверженцевъ, отстаивающихъ ея права. Это вызывало кровную вражду, которая переходила изъ поколѣнія къ поколѣнію.

Въ дальнѣйшемъ развитіи эти вражда и борьба естественно вызвали соединеніе семействъ въ роды, для оказанія взаимной помощи, а затѣмъ и образованіе народовъ. Общность интересовъ каждаго народа пробудила

---

[1]) Lord Arundel of Wardour. Tradition.

[2]) Подтвержденіе этого взгляда находится, помимо братоубійства Каина, еще въ Св. Писаніи—1 кн. Моис. гл. 13, ст. 6—8; гл. 21, ст. 25; гл. 26, ст. 20, 21. Прим. Брикса.

*

въ немъ чувство патріотизма, рядомъ съ нимъ зародился фанатизмъ, а къ этимъ двумъ качествамъ присоединились еще: стремленіе къ возбужденію страстей и честолюбіе,—дававшія еще лишній поводъ къ войнамъ.

Война и оружіе стоятъ въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга. Надо однако предполагать, что изобрѣтеніе и употребленіе оружія значительно предшествовали войнамъ, такъ какъ оружіе было необходимо человѣку какъ для защиты себя отъ нападенія хищныхъ животныхъ, такъ и для убіенія тѣхъ, которыя ему шли на пищу.

Первымъ оружіемъ была, вѣроятно, простая дубина или палица, вскорѣ затѣмъ палка съ заостреннымъ концомъ, употребляемая какъ копье или дротикъ, потомъ шли усовершенствованія острія—первоначально обжигали его для большей твердости, а позднѣе стали придѣлывать наконечникъ, употребляя для этого послѣдовательно заостренную кость, камень или кремень и наконецъ мѣдь, желѣзо или сталь, какъ въ настоящее время на пикахъ[1]).

Очень рано былъ, вѣроятно, также изготовленъ первый ножъ, какъ одна изъ первыхъ потребностей человѣка; отъ него понятенъ переходъ къ кинжалу, а затѣмъ и къ мечу[2]).

Что касается огнестрѣльнаго оружія, то, очевидно, прототипомъ таковаго былъ камень, бросаемый просто отъ руки. Подобный образъ дѣйствій былъ въ постоянномъ употребленіи вплоть до Троянской войны. Затѣмъ явилась, вѣроятно, дубина, также бросаемая отъ руки, и наконецъ заостренная съ одного конца палка, употребляемая какъ дротикъ. Потребность увеличить дальность полета орудія и силу руки человѣка силой механической привела къ изобрѣтенію праща, а затѣмъ лука, баллистъ и катапультъ.

Употребленіе метательнаго оружія вызвало изобрѣтеніе предохранительнаго вооруженія для защиты воина отъ ударовъ, которые онъ не могъ отбить холоднымъ оружіемъ; надо полагать, что прежде всего явился щитъ деревянный или изъ звѣриныхъ шкуръ, затѣмъ латы и шлемъ, сначала кожаные, потомъ мѣдные или желѣзные.

Соединеніе извѣстнаго числа воиновъ въ одно цѣлое, съ цѣлью нападенія на противника или обороны противъ него, вызвало необходимость соблюденія извѣстнаго порядка, явилось сознаніе, что для поддержанія его нужны начальники, которымъ слѣдуетъ строго повиноваться. Съ увеличеніемъ числа воиновъ пришлось ввести больше подраздѣленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установить основы дисциплины и образа дѣйствій въ бою.

Въ этотъ первый періодъ развитія военнаго искусства достоинства воина опредѣлялось силой, подвижностью, выносливостью и ловкостью во владѣніи оружіемъ. Очевидно, съ другой стороны, что человѣкъ, который до встрѣчи съ противникомъ сдѣлалъ переходъ съ полнымъ вооруженіемъ,

[1]) De Galland 3, 4, 5.
[2]) Ibid. 2, 3.

находился въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ тотъ, кто прибылъ на мѣсто безъ утомленія, со свѣжими силами и могъ развить всю свою энергію въ рукопашномъ бою. Это обстоятельство, по всѣмъ вѣроятіямъ, дало поводъ къ употребленію лошадей на войнѣ и къ изобрѣтенію боевыхъ колесницъ. Нѣкоторые писатели, напротивъ того, утверждаютъ, что причиной, побудившей къ принятію боевыхъ колесницъ, было желаніе представить сражающимся съ ними воинамъ болѣе выгодное, какъ бы командующее положеніе надъ противникомъ. Между тѣмъ, судя по всѣмъ древнимъ источникамъ, несомнѣнно, что подобнаго желанія не было, такъ какъ колесницы служили только какъ средство передвиженія; онѣ довозили знатнѣйшихъ предводителей до противника и съ нихъ они только бросали свое метательное оружіе, затѣмъ сейчасъ же соскакивали и вступали въ рукопашный бой холоднымъ оружіемъ; возничій же поворачивалъ и останавливался недалеко, спиной къ фронту, готовый къ немедленному отъѣзду. Если воинъ былъ раненъ или на него сильно насѣдали, то онъ могъ отступить къ своей колесницѣ, вскочить на нее (что было очень не трудно, такъ какъ она была не высока и безъ задняго щита) и быстро умчаться отъ дальнѣйшей опасности, къ своему войску.

Если бы основною мыслью при введеніи колесницъ было желаніе дать превышеніе своему воину надъ противникомъ, то и устройство его было бы другое, а именно ихъ нужно было бы сдѣлать выше и обнести кругомъ какимъ нибудь щитомъ, и тогда съ нихъ можно было бы успѣшно дѣйствовать метательнымъ оружіемъ. И дѣйствительно такого рода колесницы были изобрѣтены съ этой цѣлью Киромъ много столѣтій послѣ того, какъ обыкновенныя колесницы вошли въ постоянное употребленіе. Нужно еще прибавить, что у Гомера мы встрѣчаемъ очень ясныя описанія употребленія колесницъ при осадѣ Трои, именно въ томъ смыслѣ, какъ мы говорили.

„Коней Атридъ съ колесницею, мѣдью блестящей оставилъ“;
„Ихъ браздодержецъ могучій держалъ недалеко, хранящихъ“,
„Мужъ Эвримедонъ, потомокъ Пираосовъ, сынъ Птоломеевъ“.
„Близко держаться Атридъ заповѣдалъ, на случай, когда онъ“
„Члены трудовъ истомитъ, обходящій и строющій многихъ“[1]).

Также говорится въ этой же книгѣ о Діомедѣ:

„Рекъ, и съ высоты колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю“.
„Страшно мѣдь зазвучала персей царя Діомеда“,
„Въ бой полетѣвшаго: мужа храбрѣйшаго обнялъ бы ужасъ“[2]).

Самое веденіе боя носило при осадѣ Трои характеръ очень неопредѣленный и неправильный. Вожди, имѣвшіе колесницы, и потому называвшіеся всадниками, или сидящими на лошадяхъ, составляли переднюю линію; за ними, во второй линіи, стояли самые плохіе воины, на которыхъ нельзя было положиться; фаланга пѣхотинцевъ, — самая многочисленная

[1]) Иліада, кн. IV, 226 — 230.
[2]) Ibid. кн. IV, 419 — 421.

часть войска, и главная боевая сила составляла третью линію или резервъ. Приближаясь къ противнику, вожди старались сбить или поранить непріятельскихъ воиновъ бросаемыми въ нихъ дротиками съ мѣдными наконечниками, затѣмъ при дальнѣйшемъ сближеніи они кололи особыми длинными копьями; наконецъ, соскакивали съ колесницъ и бросались въ рукопашную.

Изъ предметовъ вооруженія въ наибольшемъ употребленіи находились копья или пики съ заостренными бронзовыми концами и мечи; предохранительное вооруженіе приготовлялось изъ бронзы, щиты изъ бѣлой бычачьей кожи. Описанный въ 7-й книгѣ Иліады щитъ состоялъ изъ семи листовъ кожи и наружной бронзовой покрышки. Главнымъ наступательнымъ оружіемъ было копье, вспомогательнымъ — мечъ.

Описаніе боя въ концѣ 4-й книги Иліады даетъ намъ ясную картину поединковъ и совмѣстнаго употребленія копья и меча.

„Пироса бурнаго пикой ударилъ Өоасъ Этоліецъ"
„Въ перси, выше сосца, и вонзилася въ легкое пика",
„Быстро примчался Өоасъ Этоліецъ, могучую пику"
„Вырвалъ изъ персей Өракійца, и мечъ обнаживъ изощренный",
„Въ чрево его посрединѣ ударилъ и душу исторгнулъ"[1]).

Точно также въ 7-й книгѣ мы видимъ, что поединокъ между Аяксомъ и Гекторомъ начался бросаніемъ копій; затѣмъ борцы перешли къ бросанію тяжелыхъ камней и наконецъ должны были сойтись въ рукопашную на мечахъ, когда герольды прекратили бой.

Во все время боя колесницы стояли вблизи въ полной готовности устремиться къ раненымъ, утомленнымъ или находящимся въ опасности борцамъ, и вывести ихъ изъ боя.

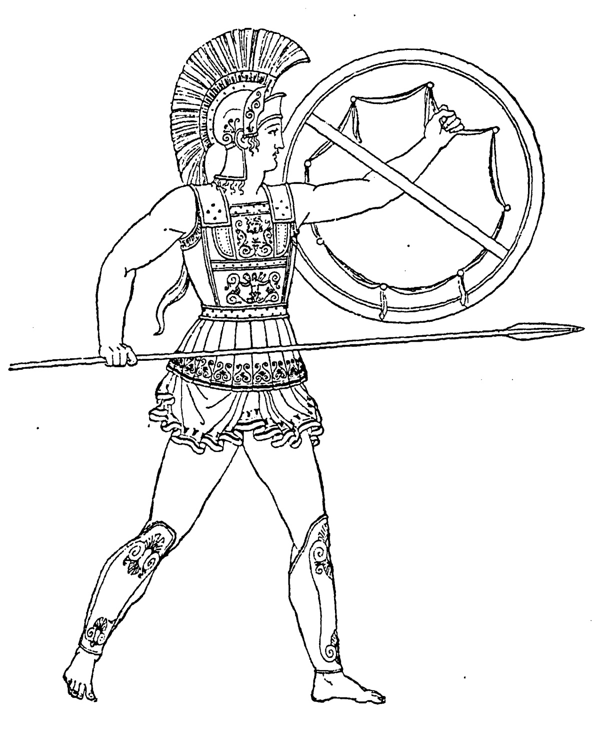
Тогда воинъ, отбиваясь, отходилъ къ колесницѣ, вскакивалъ въ нее и оборонялъ заднюю сторону, тогда какъ возница ударялъ по лошадямъ и гналъ ихъ изъ боевой линіи. При этомъ была одна критическая минута: а именно вскакиваніе въ колесницу. Мы встрѣчаемъ у Гомера частые примѣры, что воины при этомъ были убиваемы, такъ напримѣръ, въ началѣ 5-й книги описано, какъ Идоменей убилъ Феста.

„Идоменей поразилъ, Меонійцемъ рожденнаго Боромъ",
„Феста, притекшаго къ брани изъ Тарны, страны плодоносной",
„Мужа сего Девкалидъ копьеносецъ копьемъ длиннотѣннымъ"
„Вдругъ, въ колесницу всходившаго, въ правое рамо ударилъ":
„Въ прахъ съ колесницы онъ палъ и ужасною тьмой окружился"[2]).

Изъ всего вышесказаннаго кажется яснымъ, что колесницы служили исключительно средствомъ для быстраго передвиженія, и мы не видимъ въ Гомерѣ ни одного указанія на то, что онѣ были и боевымъ орудіемъ. Точно также мы нигдѣ не встрѣчаемъ примѣровъ употребленія лошадей

[1]) Иліада IV, 527 — 531.
[2]) Иліада, кн. V, 43 — 47.

подъ сѣдокомъ. Только въ 15-й книгѣ, какъ нѣчто необычайное, приводится примѣръ человѣка, ѣдущаго на лошади съ пастбища и при этомъ перескакивающаго съ одной лошади на другую. Все это даетъ возможность предположить, что искусство верховой ѣзды было въ то время почти неизвѣстно.



Греческій воинъ въ полномъ вооруженіи.

Патеръ Аміо утверждаетъ, что колесницы, подобныя описаннымъ у Гомера, встрѣчаются въ Китаѣ за 2600 лѣтъ до Р. X. и что въ тоже время тамъ были знакомы съ примѣненіемъ всадниковъ [1]). Трудно сказать, на сколько это увѣреніе можетъ быть подтверждено фактами. Китайцы имѣютъ обыкновеніе восхвалять свое прошлое и многое въ ихъ исторіи напоминаетъ родословную того валлійскаго дворянина, который помѣстилъ около имени десятаго или двѣнадцатаго своего предка примѣчаніе: „въ это же время Адамъ жилъ въ раю".

Какъ бы тамъ ни было, но кажется несомнѣннымъ, что боевыя колесницы употреблялись въ Индіи задолго до Троянской войны, а въ Египтѣ мы встрѣчаемъ ихъ въ 18-мъ столѣтіи до Р. X., значитъ, за 500 лѣтъ до Троянской войны. Когда Іосифъ вошелъ въ милость у Фараона, то этотъ „велѣлъ везти его на второй изъ своихъ колесницъ" [2]), что ясно указываетъ на употребленіе колесницъ для тѣхъ или другихъ цѣлей. Этотъ текстъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи первымъ упоминаніемъ объ употребленіи лошадей.

Гоплитъ.

При описаніи ухода израильтянъ изъ Египта, говорится: „Фараонъ запрегъ колесницу свою и народъ свой взялъ съ собой. И взялъ 600 ко-

[1]) Bardin. Статья — Cavalerie.

[2]) 1 Кн. Моис. Гл. 41, ст. 43.

лесницъ отборныхъ и всѣ колесницы египетскія и начальниковъ надъ всѣми ими"[1]). „И погнались за ними египтяне и всѣ кони съ колесницами Фараона и всадники и все войско его"[2]).

Трудно сказать, слѣдуетъ-ли слово „всадники" понимать въ современномъ значеніи этого слова, или же тутъ подразумѣваются воины, сражавшіеся на колесницахъ, и возницы. Благодаря этому сомнѣнію и самый вопросъ о существованіи конницы у египтянъ остается открытымъ. На египетскихъ памятникахъ даже и позднѣйшихъ, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ изображеній конныхъ воиновъ и, напротивъ того, видимъ очень много изображеній боевыхъ колесницъ.

Повидимому это доказываетъ, что въ то время, которое изображено на древнихъ памятникахъ, существовали воины только пѣшіе или на колесницахъ, кавалеріи же не было, потому что въ противномъ случаѣ художники несомнѣнно изобразили бы три рода войска, если бы ихъ столько было. Впрочемъ, возможно и такое предположеніе: изображеніе только колесницъ и пѣшихъ воиновъ, объяснявшееся въ древнія времена соотвѣтствующимъ составомъ войска, сдѣлалось впослѣдствіи для египетскихъ художниковъ какъ бы традиціоннымъ закономъ искусства, отъ котораго они уже и не отступали и тогда, когда конница уже появилась въ рядахъ войска.

Если тѣмъ не менѣе покажется неправильнымъ понимать подъ словомъ „всадники" воиновъ на колесницахъ, то вѣдь надо принять въ соображеніе, что подобное выраженіе могло быть принято въ тѣ времена, когда собственно кавалеріи не существовало, для обозначенія людей, пользовавшихся лошадьми для боевыхъ цѣлей, для отличія напримѣръ обыкновенныхъ пѣхотинцевъ отъ сражавшихся съ колесницъ. Весьма возможно также, что когда въ употребленіе вошли настоящіе всадники верхомъ, то къ нимъ примѣнили тоже слово, которое до того обозначало воиновъ на колесницахъ и возницъ. Во всякомъ случаѣ соотвѣтствующее еврейское слово имѣетъ нѣсколько значеній, при чемъ иногда оно употребляется для обозначенія просто самыхъ лошадей, безъ всякаго отношенія ихъ къ всаднику. Такъ какъ въ позднѣйшихъ книгахъ Библіи подъ тѣмъ же словомъ понимаются конные воины, то очень можетъ быть, что переводчикъ и въ первыхъ книгахъ сталъ переводить его „всадникъ".

Всѣ факты указываютъ несомнѣнно на то, что во времена Моисея конницы (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) не существовало.

На ассирійскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ сначала лишь колесницы, а затѣмъ и конныхъ воиновъ, когда они дѣйствительно вошли въ составъ войска. Тѣмъ труднѣе предположить возможность существованія конницы у египтянъ безъ того, чтобы отъ нея остался какой-либо слѣдъ,

---

[1]) 2-я Кн. Моисея, гл. 4, ст. 6, 7.
[2]) Ibid. ст. 9.

особенно если вспомнить, на сколько полны памятники, оставленные именно этимъ народомъ.

Не представляется никакой возможности опредѣлить время введенія боевыхъ колесницъ, хотя достовѣрно, что то мѣсто первой книги Моисея (гл. 41, ст. 43), которое относится къ 1715 году до Р. Х., составляетъ первое историческое указаніе, имѣющееся относительно колесницъ вообще, также какъ во 2-й кн. Моисея (гл. 14, ст. 9) въ первый разъ говорится о примѣненіи колесницъ съ боевыми цѣлями.

Виргилій и Плиній приписываютъ изобрѣтеніе колесницъ 4-му афинскому царю Эрихтонію, который умеръ въ 1437 году до Р. Х. Этому противорѣчатъ вышеуказанныя мѣста изъ книгъ Моисея, согласно которымъ колесницы употреблялись уже въ 1415 и 1491 годахъ. У хананеевъ встрѣчаются желѣзныя колесницы около 1444 г. до Р. Х.[1]) и у сирійцевъ въ 1037 г.[2]) при ихъ войнахъ съ Давидомъ. Также точно и ассирійцы имѣли боевыя колесницы при Тиглатѣ Пелизарѣ 1, около 1120 г. до Р. Х.[3]). Изъ самыхъ древнихъ ихъ изображеній видно, что онѣ были малы и низки и имѣли колеса съ 6-ю спицами. Закладывалось въ нихъ большей частью двѣ лошади, иногда три (четырехъ никогда не было); третья лошадь, какъ кажется, привязывалась постромкой или веревкой къ повозкѣ сбоку и служила для замѣны убывшей по той или другой причинѣ заложенной лошади[4]).

Ассирійцы пользовались луками и стрѣлами почти исключительно изъ колесницъ[5]). Съ наружной стороны кузова прикрѣплялись крестообразно два колчана, колесницы были низки, не выше трехъ футъ[6]). Лошадьми управлялъ особый возница; а при высшихъ начальникахъ былъ еще одинъ воинъ, который держалъ щитъ и прикрывалъ имъ начальника въ то время, какъ онъ стрѣлялъ. Къ колесницѣ былъ еще придѣланъ трубкообразный башмакъ для копья, служившаго запаснымъ орудіемъ.

Если владѣльцемъ колесницы былъ царь или особенно знаменитый вождь, то при немъ состояло два тѣлохранителя, которые прикрывали его щитами съ обѣихъ сторонъ[7]).

Повидимому воины обыкновенно стрѣляли изъ луковъ съ колесницъ, но иногда они соскакивали съ нихъ и выбѣгали передъ лошадей, чтобы съ большей вѣрностью пускать стрѣлы[8]); при этомъ тѣлохранители слѣдовали за своимъ господиномъ, чтобы прикрыть ихъ щитами.

---

[1]) Книга Судей, гл. 1, ст. 19; Іисусъ Навинъ, гл. 17, ст. 18.
[2]) 1 Паралипоменонъ, гл. 19, ст. 18.
[3]) Ravlinson. Anciens Monarchies I, 423.
[4]) Ibid. I, 409.
[5]) Ibid. I, 421.
[6]) Ibid. 413.
[7]) Ibid. 412.
[8]) Ibid. I, 421.

Впослѣдствіи колеса колесницы стали дѣлаться значительно выше, при чемъ кузовъ поднимали на одинъ футъ выше оси; черезъ это получалась выгода болѣе высокаго положенія сравнительно съ сражавшимся пѣшкомъ противникомъ. Тогда же воины стали носить на ремнѣ съ лѣвой стороны небольшіе мечи, но не встрѣчается нигдѣ указаній на пользованіе ими или имѣвшимся всегда подъ рукой копьемъ.

Въ книгѣ Пр. Исаіи говорится про современныхъ ему ассиріанъ: (760 г. до Р. Х.) „стрѣлы его заострены, и всѣ луки его затянуты: копыта коней его подобны кремню, и колеса его какъ вихрь“ [1]). Въ этой выдержкѣ обращаетъ на себя вниманіе сказанное о копытахъ, такъ какъ это указываетъ на то значеніе, которое должно было имѣть крѣпкое и здоровое копыто въ то время, когда ковка еще не была извѣстна.

Ксенофонтъ говоритъ, что у ассиріанъ употребляли колесницы въ первой линіи, подобно тому какъ мы видѣли во время Троянской войны, а собственно для боя воины слѣзали и, въ видѣ застрѣльщиковъ, забрасывали противниковъ стрѣлами [2]), при приближеніи же непріятеля садились на свои колесницы и отъѣзжали къ слѣдующей линіи, состоявшей изъ пѣшихъ стрѣлковъ изъ лука, пращниковъ и воиновъ, вооруженныхъ дротиками, которые продолжали борьбу, и наконецъ вступала въ рукопашный бой тяжело вооруженная пѣхота, главная сила войска.

Персидскій царь Киръ Великій (559 г. до Р. Х.), былъ однимъ изъ первыхъ военныхъ преобразователей, и если довѣрять жизнеописанію его, сдѣланному Ксенофонтомъ, то его улучшенія, которыя коснулись между прочимъ и колесницъ, дали значительный толчокъ военному искусству. До тѣхъ поръ въ войскахъ Кира, какъ видно изъ предыдущаго, употребленіе колесницы было слѣдующее: сражались и въ боевой линіи съ колесницъ, хотя они были предназначены только для передвиженія и нисколько не были по своему устройству орудіемъ наступательнымъ или вообще боевымъ [3]).

Тоже самое употребленіе они имѣли у лидійцевъ, сирійцевъ, арабовъ и другихъ азіатскихъ народовъ и очевидно, онѣ служили только для дѣйствія застрѣльщиковъ передъ фронтомъ арміи, для прикрытія ея наступленія, при чемъ воины, бывшіе на колесницахъ, дѣйствовали только метательнымъ оружіемъ, но никогда не ввязывались въ рукопашную. Они, напротивъ, отходили назадъ, когда въ бой вступали метатели копій и тяжело вооруженная пѣхота. Употребленіе колесницъ въ Троянской войнѣ описано выше и только оба эти способа примѣнялись во времена Кира.

Киръ, повидимому, нашелъ въ обоихъ способахъ непроизводительную трату силъ и первый попробовалъ примѣнить массу и скорость колесницъ

[1]) Исаія гл. 5, ст. 28.
[2]) Ксенофонтъ Киропедія III, 3, 60.
[3]) Ксен. Кироп. VI, 1, 27, 28, 29.

и коней, какъ элементъ наступательный или, если можно такъ выразиться,— метательное оружіе. Онъ былъ того мнѣнія, что самые храбрые люди какъ-бы пропадали для боя въ рѣшительную минуту, такъ какъ они только издалека дѣйствовали какъ застрѣльщики, тогда какъ они должны-бы были составлять главную боевую силу арміи. Онъ разсудилъ, что 300 колесницъ требовали 300 воиновъ и 1.200 лошадей и сверхъ того нужно было отдѣлить еще въ возницы 300 человѣкъ отборныхъ людей, такъ какъ воины должны были имѣть къ нимъ полное довѣріе. Всѣ эти люди ослабляли войска, не нанося противнику ни малѣйшаго вреда [1]).

Вслѣдствіе этого онъ отмѣнилъ оба прежніе способа употребленія колесницъ и изобрѣлъ новый типъ ихъ — съ болѣе прочными колесами, во избѣжаніе поломки ихъ и съ болѣе длинными осями, для приданія большей устойчивости.

Персидская колесница съ серпами, атакованная лидійскими воинами.

Возница получилъ полное предохранительное вооруженіе и сидѣніе его было обнесено кругомъ прочными брусьями, доходившими ему до высоты локтя, такъ что онъ могъ свободно править [2]); съ обоихъ концовъ оси съ наружной стороны колесъ выступали стальные серпы длиной въ 3 фута; другая пара серповъ была направлена къ землѣ для того, чтобы противникъ не могъ, бросаясь на землю, избѣжать дѣйствія первыхъ серповъ. Лошади также получили предохранительное вооруженіе на голову, бока и грудь. Все это вмѣстѣ составляло грозную массу, назначеніе которой было прорвать боевую линію противника, нанести ему потери и внести въ его ряды безпорядокъ [3]). Киръ самъ построилъ 100 такихъ колесницъ; его союзникъ Абрадатъ Сузскій тоже 100 и Ксіаксара тоже уговорили передѣлать 100 изъ старыхъ мидійскихъ, троянскаго и ливійскаго образца такъ, что въ сраженіи при Тимбрѣ у Кира было уже 300 колесницъ съ серпами [4]). Они сослужили ему хорошую

[1]) Ibid. VI, 1, 27, 28, 29, 30.
[2]) Ibid. VI, 1, 29; VI, 2, 17.
[3]) Ibid. VI, 1, 50; VI, 4, 1.
[4]) Ibid. VI, 2, 7, 8.

Персидская колесница съ серпами, атакованная лидійскими воинами.

службу, такъ какъ, по словамъ Ксенофонта, они съ неудержимой быстротой ворвались въ густыя массы врага, а слѣдовавшая вплотную за ними пѣхота проникла по ихъ слѣдамъ и смяла передъ собою противника, приведеннаго въ разстройство колесницами [1]). Успѣхъ новыхъ колесницъ былъ такъ великъ, что онѣ оставались у персовъ въ употребленіи у нѣсколькихъ поколѣній [2]).

Древніе британцы также пользовались боевыми колесницами въ войнахъ съ римлянами. Они бросались на колесницахъ на противника и бросали съ нихъ дротики, пока не приводили ряды врага въ разстройство, затѣмъ соскакивали и сходились съ нимъ въ рукопашную; колесницы тогда отъѣзжали и останавливались вблизи, чтобы дать борцамъ возможность на нихъ отступить. Подобный образъ дѣйствій давалъ, по словамъ Цезаря, „этимъ варварамъ подвижность конницы и стойкость пѣхоты".
Этотъ-же писатель свидѣтельствуетъ объ ихъ ловкости и пригодности на войнѣ [3]). „Эти варвары обладали подвижностью конницы и стойкостью и твердостью пѣхоты".

Слѣдуетъ еще упомянуть о завецахъ, африканскомъ народѣ, жившемъ на границахъ максіанской Ливіи; у нихъ, по словамъ Геродота, колесницами управляли женщины [4]).

---

[1]) Ibid. VII, 1, 31, 32.
[2]) Ibid. VII, 1, 47.
[3]) Caesar Comment. IV, 33.
[4]) Herodotus IV, 193.

Періодъ I.

До паденія Западной Римской имперіи.

Глава I.

Конница въ древнѣйшія времена.

1. Конницы: скиѳская и ассирійская [1]).

Совершенно невозможно точно опредѣлить время, когда впервые вошла въ употребленіе конница въ настоящемъ значеніи этого слова. Во время Троянской войны, или, по крайней мѣрѣ, когда Гомеръ писалъ объ этой войнѣ, она была грекамъ совершенно неизвѣстна: иначе встрѣчались бы въ литературѣ хотя бы намеки на ея существованіе. Также точно и въ Библіи не упоминается о ней вплоть до временъ Давида. Съ другой стороны при Геродотѣ мы уже встрѣчаемъ конницу у всѣхъ народовъ Азіи въ общемъ употребленіи съ давнихъ поръ. Обыкновенно принято считать, впрочемъ совершенно произвольно, что первые всадники-воины появились лѣтъ 120 послѣ Троянской войны.

Съ гораздо большей вѣроятностью, хотя и безъ твердыхъ историческихъ основаній, можно утверждать, что скиѳы первые воспользовались лошадью для верховой ѣзды. Кочевая жизнь, совершенно ровная страна, климатъ и условія почвы, которыя способствовали развитію коневодства, наконецъ занятіе почти исключительно скотоводствомъ, все это вмѣстѣ взятое должно было навести на мысль воспользоваться лошадью для быстрыхъ переѣздовъ. При столь благопріятныхъ условіяхъ черезъ короткое время примѣненіе лошади сдѣлалось всеобщимъ, и скиѳы такъ привыкли къ лошади, что проводили почти всю жизнь на конѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ скиѳы уже ознакомились съ лошадьми и привыкли на нихъ ѣздить задолго до того, какъ грекамъ пришла въ голову мысль о возможности сѣсть верхомъ на лошадь; несомнѣнно этому незнакомству грековъ съ верховой ѣздой слѣдуетъ приписать происхожденіе миѳа о центаврахъ. Человѣкъ, недопускавшій мысли о томъ, чтобы ему

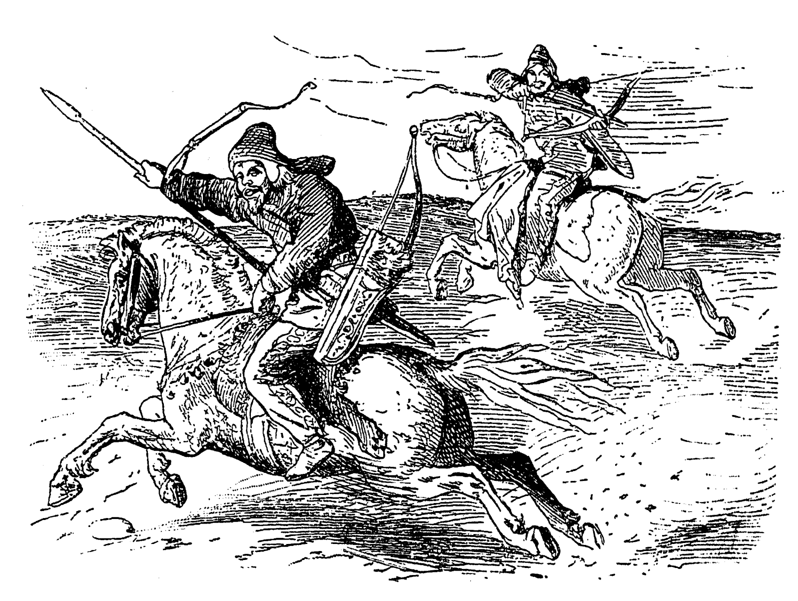
---

[1]) Herodotus; — Bardin; — Ammianus Marellinus; — Rawlinson; Parthia; — Rawlinson Ancient Monarchies; Lemprière, Classical Dictonary; Cyafares.

подобный могъ сидѣть на лошади, очевидно, при первой встрѣчѣ съ всадникомъ былъ вполнѣ расположенъ принять этого послѣдняго за особое существо: полу-человѣка, полу-лошадь.

Далѣе, такъ какъ скиѳы никогда, повидимому, не пользовались колесницами, то тѣмъ болѣе вѣроятія считать ихъ первыми всадниками, если только не принимать за таковыхъ китайцевъ, согласно увѣренію Патера Аміота.

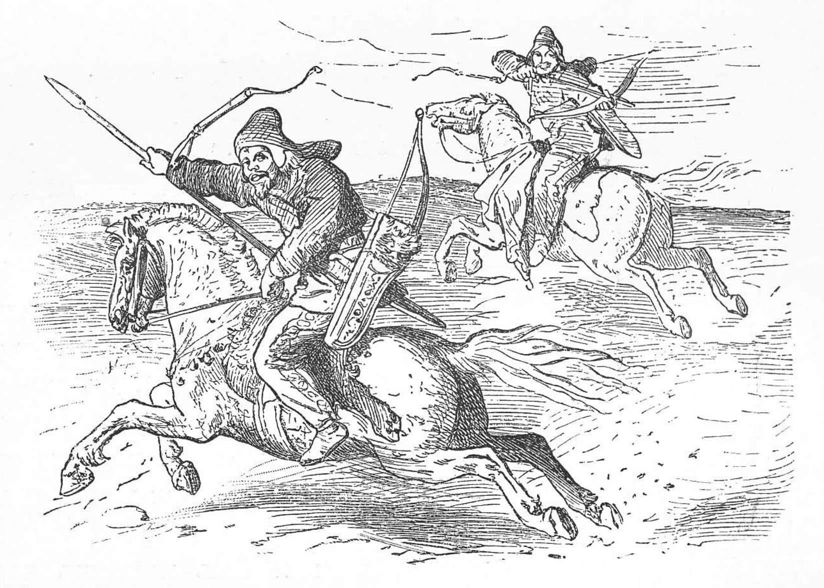
Вооруженіе скиѳовъ состояло изъ лука и стрѣлъ; эти послѣднія имѣли наконечники, по словамъ Геродота, изъ мѣди или бронзы, по словамъ же Амміана Марцеллина (описывавшаго скиѳовъ 800 годами послѣ Геродота)—изъ кости. Кромѣ того они имѣли копья, ножи и топоры и носили бронзовыя грудныя латы; были хорошими стрѣлками и отличными ѣздоками.



Скиѳскіе всадники.

Они сражались быстро, безъ опредѣленнаго порядка, обыкновенно треугольными кучками; забрасывали противника издалека стрѣлами и при приближеніи его отступали, рѣдко или почти никогда не доводя дѣла до рукопашной схватки. Такимъ образомъ они держали вторгнувшагося въ ихъ страну непріятеля какъ-бы въ постоянной осадѣ, угрожали ему со всѣхъ сторонъ, утомляли безпрестанными нападеніями, не давая въ тоже время возможности нанести имъ рѣшительный ударъ, и этимъ доводили его до полнаго изнеможенія. Въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ и слѣдовъ искуснаго веденія боя и они не имѣли понятія объ устройствѣ арміи; лучшимъ полководцемъ считался тотъ, кто былъ постоянно впереди.

Сдѣланныя въ послѣднее время изслѣдованія памятниковъ надписей. и недавно найденныхъ барельефовъ и другихъ скульптурныхъ работъ ассирійцевъ бросаютъ яркій свѣтъ на исторію, обычаи и нравы этого народа.



Скиѳскіе всадники.

Они же даютъ намъ возможность прослѣдить съ большою точностью происхожденіе конницы и развитіе ея дѣятельности, тѣмъ болѣе интересной, что это единственныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о состояніи валеріи въ самыя древнія времена и дальнѣйшемъ ея ростѣ.

Какъ кажется, употребленіе конницы до и во время царствованія лата Пелизара I, вступившаго на престолъ въ 1120 г. до Р. Х. (слѣд. орѣ послѣ оконча- Троянской войны), ассиріянамъ не- стно. По крайней на одной длинной того времени кратно упоми- ается о колесницахъ, о кавалеріи же совершенно рѣчи нѣтъ; между тѣмъ, какъ на скульптурныхъ изображеніяхъ времени Сарданапала (885 лѣтъ до Р. Х.), рядомъ съ колесницами встрѣчаются уже и всадники, хотя и въ очень ограниченномъ числѣ, что даетъ намъ право предположить, что конница тогда только начинала входить въ употребленіе. Еще позже, при Салманасарѣ и Сеннахерибѣ (722—705 г. до Р. Х.) количество изображеній всадниковъ значительно возросло, такъ какъ они постоянно встрѣчаются на памятникахъ, и только цари и высшіе военачальники изображаются на колесницахъ.

Тяжело вооруженные пѣхотинцы, лучники, копейщики, всадники.

Снаряженіе лошади было вначалѣ очень своеобразно: оно состояло изъ наголовника, хомута, жемчужной нитки и сбруи почти такого-же образца, какъ въ нынѣшнее время у упряжныхъ лошадей; для управленія пользовались ременной уздечкой съ украшеніями. Хомутъ былъ богато отдѣланъ, обвѣшанъ кругомъ гранатами и кисточками и оригинально помѣщенъ почти на срединѣ шеи. Сѣдла не было.

Тяжело вооруженные пѣхотинцы, лучники, копейщики, всадники.

Нельзя не обратить вниманія на сходство снаряженія лошадей верхо-выхъ и упряжныхъ; сходство, доходящее до того, что первыя носили даже хомутъ, — вещь для верховой ѣзды, очевидно, совершенно безполезную.

Обстоятельство это наводитъ на мысль, что переходъ отъ ѣзды на колесницахъ къ ѣздѣ верхомъ совершился самъ собой, напр., когда военныя дѣйствія были перенесены въ страну очень пересѣченную, для колесницъ недоступную, тогда лошади откладывались, колесницы оставлялись, воины переходили къ ѣздѣ верхомъ.

Самая посадка всадниковъ очень оригинальна: колѣни подтянуты по къ спинѣ лошади и крѣпко обхватываютъ ея шею, такъ что опущенныя къ низу части ногъ висятъ вдоль плеча лошади. Посадка эта, очень напоминающая обыкновенную манеру сидѣнья на землѣ восточныхъ народовъ, какъ бы указываетъ на то, что воины только что начали ѣздить верхомъ и не вполнѣ еще примѣнились къ этому дѣлу.

Какъ кажется, при этомъ каждый конный воинъ сопровождался безоружнымъ всадникомъ, (одѣтымъ въ тунику и остроконечную шапку), единственнымъ назначеніемъ котораго было вести лошадь воина и держать ее, пока этотъ послѣдній стрѣлялъ изъ лука. Это еще болѣе подтверждаетъ ранѣе высказанное мнѣніе, что первоначально пользовались для ѣзды лошадьми, выпряженными изъ колесницъ: воинъ садился на одну изъ нихъ, а возница — на другую, при чемъ на этомъ послѣднемъ продолжало лежать управленіе обѣими. Несомнѣнно, что кавалерія, дѣйствовавшая подобнымъ образомъ, была еще въ періодѣ младенчества.

Воинъ, одѣтый въ вышитую тунику и въ каскѣ съ шишакомъ, имѣлъ, кромѣ лука и стрѣлъ, еще мечъ и щитъ, но нѣтъ ни одного изображенія, на которомъ онъ былъ бы представленъ сражающимся этимъ оружіемъ.

Вышеописанный типъ всадника прошелъ впослѣдствіи черезъ значительныя видоизмѣненія. Прежде всего произошло раздѣленіе на два рода воиновъ: стрѣлковъ изъ лука и копьеносцевъ и далѣе пошли усовершенствованія въ искусствѣ ѣзды. Подушка или попона, четыреугольная или въ формѣ чепрака, представляла изъ себя сѣдло; она придерживалась трокомъ, а иногда еще и нагруднымъ ремнемъ и подхвостникомъ. Головной уборъ и нагрудный ремень богато разукрашены. Самая посадка всадника, если судить по позднѣйшимъ изображеніямъ, измѣнилась къ лучшему, сдѣлалась болѣе правильной и красивой. Управленіе лошадьми сдѣлало такой успѣхъ, что воины начали сами управлять ими безъ посторонней помощи, при чемъ копьеносцы держали поводъ въ лѣвой рукѣ, а копье — въ правой; стрѣлки же при стрѣльбѣ бросали поводъ на шею лошади; это показываетъ, что лошади были пріучены безъ управленія поводомъ стоять смирно, или продолжать двигаться. Хомутъ встрѣчается еще изрѣдка, но на большей части изображеній его уже нѣтъ, что опять таки можетъ служить доказательствомъ первоначальнаго употребленія для верховой

ѣзды упряжныхъ лошадей; когда впослѣдствіи перешли къ верховымъ лошадямъ, то хомутъ сначала оставили по привычкѣ, а потомъ какъ украшеніе, и дѣйствительно онъ всегда былъ богато убранъ.

Нѣкоторыя улучшенія послѣдовали и въ одеждѣ всадниковъ. Она состояла изъ туники съ бахромой по краямъ, широкаго пояса, узкихъ панталонъ, зашнурованныхъ сапогъ и остроконечнаго шлема; иногда черезъ плечо проходилъ широкій ремень, на которомъ висѣлъ мечъ. Руки были отъ локтей голы. Во времена Сеннахериба (705 г. до Р. Х.) конница (какъ стрѣлки, такъ и копьеносцы) носила кольчугу, закрывавшую все тѣло, кожаные штаны, сапоги и набедренники. Стрѣлки имѣли луки длиною въ 4 ф. и въ колчанѣ носимомъ на спинѣ, — стрѣлы длиною около 3 ф.; иногда лукъ имѣли и копьеносцы (на тотъ случай, если копье сломается), при чемъ онъ носился заброшеннымъ за плечо.

При Ассаргаддонѣ (681 г. до Р. Х.) попоны для лучшаго закрытія лошади, были удлинены настолько, что покрывали грудь, спину и задъ лошади; онѣ дѣлались изъ звѣриныхъ шкуръ или толстаго войлока и очевидно, хорошо предохраняли отъ тогдашняго оружія.

По словамъ Геродота, Ксіаксаръ Мидійскій, первый изъ азіатскихъ владѣльцевъ, ввелъ раздѣленіе войска на когорты, а равно и по роду вооруженія на копьеносцевъ, стрѣлковъ и конницу. Ксіаксаръ умеръ въ 585 году до Р. Х., процарствовавъ 40 лѣтъ. Между тѣмъ ассирійское войско было уже раздѣлено на извѣстныя части еще при Сеннахерибѣ, (жившемъ за 100 лѣтъ до Ксіаксара), если не ранѣе. На всѣхъ сохранившихся съ его времени изображеніяхъ мы видимъ отдѣльные отряды всадниковъ безъ пѣхоты, сцены изъ сраженій, гдѣ кавалерія одна атакуетъ непріятеля, длинныя линіи копьеносцевъ, слѣдующихъ въ двѣ шеренги, а иногда раздѣленныхъ на роты; также стрѣлковъ отдѣльными отрядами и каждый родъ оружія отличается особенной одеждой. Пращники тоже представлены вмѣстѣ, одинаково одѣтые и вооруженные.

2. Персидская конница [1].

Киръ Великій, которому персы обязаны многими улучшеніями въ военномъ дѣлѣ, первый ввелъ, по словамъ Ксенофонта, въ персидское войско конницу. Его мысль при этомъ была имѣть постоянно подъ рукой родъ оружія, способный преслѣдовать разбитаго и отступающаго врага. Такимъ образомъ первое примѣненіе конницы было не для удара на непріятеля, а для назойливаго на него насѣданія съ цѣлью отрѣзать ему путь отступленія, когда пѣхота его разбила. Киръ надѣлъ на людей и лошадей нагрудники и вооружилъ людей копьями, которыя употреблялись и для бросанія въ противника, и для нанесенія ему уколовъ. Конница

[1] Xenophon, Cyropaedie; — Bardin, Milice Perse; — Herodotus; — Duparcq; — Xenophon, Anabasis.

его не имѣла ни луковъ, ни дротиковъ и не употреблялась для завязки боя въ разсыпномъ строю метательнымъ оружіемъ; такимъ образомъ имъ, собственно говоря, былъ сформированъ тяжеловооруженный корпусъ конныхъ копьеносцевъ, обученный дѣйствію холоднымъ оружіемъ и раздѣленный на эскадроны, строившіеся въ 4 шеренги и имѣвшіе 100 человѣкъ по фронту.

Однако, въ сраженіи при Тимбрѣ Киръ побоялся пустить свою конницу противъ мидійской конницы Креза, которая славилась умѣньемъ ѣздить верхомъ и владѣть копьемъ. Онъ поставилъ въ первую линію всѣхъ имѣвшихся у него для перевозки вещей и провіанта верблюдовъ съ посаженными на нихъ воинами, вооруженными, какъ всадники; приказалъ пѣхотѣ идти вплотную за ними, а конницу убралъ въ третью линію, что показываетъ еще его недовѣріе къ этому только что сформированному роду оружія. Хитрость его удалась вполнѣ: лошади лидійцевъ, испуганные появленіемъ и запахомъ верблюдовъ, бросились назадъ въ полномъ безпорядкѣ; хотя всадники спѣшились и храбро атаковали пѣхоту Кира, они, послѣ упорнаго боя, были опрокинуты.

Ксенофонтъ, напротивъ того, приписываетъ большую часть успѣха въ этомъ дѣлѣ персидской конницѣ, но вышеприведенное описаніе, сдѣланное по Геродоту, заслуживаетъ, какъ кажется, большей вѣры.

Послѣ Кира конница заняла въ персидскомъ войскѣ первое мѣсто. Она была очень тяжело снаряжена, люди и лошади покрыты мѣдью и желѣзомъ, такъ что борьба для нея съ легкой конницей была не подъ силу. Впрочемъ, подобно ассирійцамъ, у персовъ вошло въ обыкновеніе спутывать лошадей на ночь, что, въ виду опасности нечаянныхъ нападеній, вызвало обнесеніе ихъ бивуака окопами.

Ксерксъ при вторженіи его въ 480 г. до Р. Х. въ Грецію имѣлъ въ составѣ своего войска 80.000 человѣкъ конницы, не считая ѣхавшихъ на верблюдахъ и колесницахъ. Она состояла изъ контингентовъ различныхъ народовъ. Было 8.000 саргатіанъ, кочеваго народа персидскаго происхожденія, вооруженныхъ только арканами и кинжалами; они издали захватывали противника арканомъ, притягивали его къ себѣ и доканчивали кинжаломъ. Мидійцы и циссіане носили грудныя латы съ чешуйчатыми желѣзными рукавами, щиты изъ ивы, короткія копья, длинные луки со стрѣлами и кинжалы на правомъ боку. Каспійская конница была одѣта въ плащи изъ козьяго мѣха и вооружена саблями и сдѣланными изъ камыша луками. Ливійцы — всѣ на колесницахъ — носили кожаную одежду и имѣли закаленные въ огнѣ дротики. Арабы же, одѣтые въ плащи, стянутые поясомъ, и вооруженные длинными луками, которые носились на правомъ плечѣ, ѣздили на верблюдахъ и потому держались въ третьей линіи, вдали отъ прочей конницы, лошади коихъ боялись этихъ животныхъ.

Самый образъ дѣйствій конницы былъ совершенно иной, чѣмъ прежде. Въ сраженіи при горѣ Киферонѣ, бывшемъ за нѣсколько времени до Платейской битвы, она атаковала сомкнутыми эскадронами, имѣя во главѣ своего предводителя Масистія въ золотыхъ латахъ; когда онъ былъ убитъ,

Тяжело вооруженный персъ.

то вокругъ его трупа завязался горячій бой, такъ какъ всадники его свиты съ громкими криками бросились въ рукопашную, желая вырвать трупъ Масистія изъ рукъ врага.

Вмѣстѣ съ тѣмъ персидская конница умѣла также хорошо дѣйствовать въ разсыпномъ строю, поражая противника метательнымъ оружіемъ,

Тяжело вооруженный персъ.

Такъ передъ Платейской битвой Мардоній выслалъ своихъ конныхъ лучниковъ для нападенія на греческое войско. Подъѣхавъ, они начали бросать стрѣлы и дротики, не доводя дѣла до рукопашнаго боя. Этимъ они нанесли грекамъ столь большія потери, что тѣ вынуждены были перемѣнить позицію. Едва-ли это нападеніе персидскихъ конныхъ лучниковъ не было причиной, побудившей грековъ вступить въ бой, извѣстный подъ именемъ Платейскаго.

100 лѣтъ спустя, когда Ксенофонтъ служилъ при Кирѣ Младшемъ, мы находимъ въ Персіи и вышеописаннаго устройства колесницы съ серпами, и конницу, какъ тяжелую, такъ и легкую. Вожди ѣздили безразлично на колесницахъ или верхомъ. Такимъ образомъ Киръ былъ на колесницѣ, когда ему сообщили о наступленіи непріятеля; онъ тотчасъ соскочилъ, одѣлъ грудную кирасу, сѣлъ на коня, взялъ копье въ руки и сталъ строить свое войско. У него былъ отрядъ тѣлохранителей изъ 600 отборныхъ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, набедренники и шлемы и вооруженныхъ мечами; лошади ихъ также имѣли закрытіе на головѣ и груди. Во главѣ этихъ 600 человѣкъ Киръ атаковалъ въ сраженіи при Кунаксѣ стоявшую въ первой линіи гвардію Артаксеркса, силой въ 6.000 человѣкъ, разбилъ ее на голову и собственноручно убилъ предводителя ея Артагерза; въ данномъ случаѣ произошелъ настоящій рукопашный бой.

Совершенно также Тисафернъ, предводитель конницы Артаксеркса, атаковалъ греческихъ пелтастовъ, но греки разступились передъ его атакой и затѣмъ своими мечами и копьями привели всадниковъ въ полное разстройство; слѣдовательно, здѣсь опять была рукопашка. По смерти Кира Младшаго греки, по словамъ Ксенофонта, оказывались часто въ очень затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе недостатка въ конницѣ [1]). Персидскіе лучники и пращники постоянно безпокоили издали тяжело вооруженныхъ грековъ, поспѣшно отступая, когда эти послѣдніе переходили въ наступленіе, при чемъ они, оборачиваясь, ловко стрѣляли назадъ. Поэтому Ксенофонтъ сформировалъ небольшой конный отрядъ изъ 50 человѣкъ, который оказалъ ему значительныя услуги; лошади для него были взяты изъ подъ вьюковъ; люди получили кожаные нагрудники и колеты.

И во время войнъ Дарія съ Александромъ Великимъ персы продолжали пользоваться боевыми колесницами, но кажется онѣ особенной пользы не принесли, такъ какъ македоняне ловко увертывались отъ нихъ, а затѣмъ атаковали. Конница была очень многочисленна и дѣлилась на тяжелую, вооруженную мечами и копьями, и легкую, вооруженную луками и дротиками, назначеніе которой заключалось въ постоянномъ назойливомъ насѣданіи на непріятеля, не доводя вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло до рукопашнаго боя.

[1]) У Клеарха было вначалѣ человѣкъ 40 всадниковъ, большею частью аравійцевъ, но послѣ сраженія при Кунаксѣ они перешли къ Персамъ. Прим. Брикса.

ГЛАВА II.

Греческая конница.

1. Конницы: аѳинская и ѳессалійская [1]).

Греки стали пользоваться конницей въ войнахъ позднѣе, нежели многіе другіе народы, какъ напримѣръ, скиѳы, персы и ассирійцы. Объясняется это недостаткомъ пастбищъ и гористымъ характеромъ мѣстности. По этой же причинѣ и позже, когда конница уже вошла въ составъ войска, примѣненіе ея было гораздо ограниченнѣе, чѣмъ напримѣръ, у скиѳовъ, персовъ и ассиріянъ.

Первая война съ участіемъ грековъ, о которой мы имѣемъ какія нибудь свѣдѣнія—ѳиванская (1225 г. до Р. X.), не можетъ дать намъ никакихъ серьезныхъ данныхъ, такъ какъ едва-ли она не должна быть отнесена къ разряду миѳовъ. Во всякомъ случаѣ конницы въ то время не было. Слѣдующая война—осада Трои—имѣла мѣсто 40 лѣтъ спустя, т. е. въ 1184 г. до Р. X. Гомеръ оставилъ очень подробное описаніе ея, дающее возможность вполнѣ ознакомиться съ оружіемъ и состояніемъ военнаго искусства въ то время. Изъ него мы можемъ вывести заключеніе, что конницы въ то время у грековъ не было, а имѣлись только боевыя колесницы.

Какъ кажется, можно признать вѣрнымъ мнѣніе, что колесницы были изобрѣтены въ Малой Азіи или Египтѣ, а уже оттуда переняты греками. Геродотъ прямо говоритъ, что четверочная запряжка была заимствована у ливійцевъ.

Первыми изъ греческихъ народовъ завели у себя конницу ѳессалійцы еще тогда, когда другіе греческіе народы ея не знали вовсе. Ровная страна, богатыя пастбища, климатъ и условія почвы вполнѣ способствовали развитію коневодства. По словамъ Виргилія, лапиты, одна изъ ѳессалійскихъ народностей, раньше другихъ сѣли на лошадей, научились управлять ими и даже дошли до обученія всадниковъ владѣнію оружіемъ на карьерѣ.

Такъ какъ ѳессалійцы первые завели конницу, то понятно, что другіе народы обращались къ нимъ, когда нуждались въ этомъ родѣ оружія. Такъ мы видимъ, что при извѣстіи о приближеніи лакедемонянъ, Пизистратиды, изгнавшіе изъ Аѳинъ Алкмеонидовъ и захватившіе верховную власть, послали въ Ѳессалію за 1.000 всадниками и очистили всю Фалерскую равнину, чтобы сдѣлать ее удобной для дѣйствія конницы. Какъ только лакедемоняне начали высадку, высланные противъ нихъ ѳессалійцы смѣло атаковали ихъ, перебили многихъ, въ томъ числѣ предводителя Анхимолія, а прочихъ отогнали обратно на суда. Экспедиція потерпѣла полную неудачу.

---

[1]) Herodotus.—Virgilius, Georgica. Mayzeroy.—Creasy, Marathon.—Plutarch, Aristides,—Phycydides;—Rocquancourt,—Carion Nisas—Humbert.—Bardin, IIa.—Duparcq —Xenophon.

При второй высадкѣ лакедемоняне были счастливѣе: они отбросили атаковавшихъ ихъ ѳессалійцевъ, убили у нихъ около 40 человѣкъ и поселили въ прочихъ такой упадокъ духа, что они сейчасъ же ушли на родину. Съ этихъ поръ ѳессалійская и ѳракійская конница принимаетъ участіе во всѣхъ греческихъ войнахъ до временъ Александра Македонскаго, у котораго нѣкоторые лучшіе полки набирались именно изъ нея.

По словамъ Плутарха, основывающагося на показаніяхъ Филостефана, Ликургъ первый ввелъ конницу въ составъ спартанскаго войска, причемъ онъ раздѣлилъ ее на отдѣленія въ 50 человѣкъ каждое, строившіяся въ видѣ четырехъугольниковъ. Безусловно вѣрнымъ этого показанія считать нельзя, такъ какъ Плутархъ же приводитъ нѣсколько далѣе слова Деметрія Фалерскаго, что Ликургъ не издавалъ никакихъ военныхъ законовъ, такъ какъ въ его время вездѣ царствовалъ глубокій миръ. Съ другой стороны Ксенофонтъ въ своемъ „Разсужденіи объ управленіи въ Лакедемоніи“ утверждаетъ, что Ликургъ раздѣлилъ войско на конницу и пѣхоту и каждый родъ оружія на 6 ротъ. Какъ бы то ни было, но достовѣрно извѣстно, что въ первой мессинской войнѣ въ 743 г. до Р. X., т. е. 60 лѣтъ послѣ Ликурга конница уже участвовала. По словамъ Павзанія, обѣ стороны, т. е. лакедемоняне и мессенцы, имѣли по 500 всадниковъ и легко вооруженную пѣхоту. Въ одномъ изъ сраженій тяжеловооруженныя фаланги обоихъ враждующихъ народовъ, раздѣленныя углубленной дорогой, никакъ не могли сойтись и бой велся только конницей и легкими войсками. Про другое сраженіе тотъ же историкъ говоритъ, что конница обѣихъ сторонъ была очень малочисленна и ничего существеннаго не сдѣлала, какъ и вообще всѣ народы Пелопонеза въ то время не умѣли ловко пользоваться этимъ родомъ оружія. Этимъ вѣроятно и можно объяснить тотъ фактъ, что въ послѣдней стычкѣ той же войны у подошвы горы Итомъ, конницы уже совсѣмъ не было ни у однихъ, ни у другихъ.

Вообще греки не любили кавалерійской службы; они не придавали конницѣ большаго значенія и содержали ея очень мало. Богатые граждане, обязанные нести службу верхомъ, предпочитали замѣнять себя другими лицами, которымъ и передавали своихъ лошадей, а сами поступали въ пѣхоту. Вся надежда возлагалась на тяжеловооруженную фалангу и, несмотря на нѣсколько пораженій, которыя должны быть приписаны недостатку конницы, ею все-таки не обзаводились. Предпочитали уменьшать недостатки, присущіе фалангѣ, введеніемъ въ войско легкой пѣхоты, вооруженной дротиками, пращами, луками и стрѣлами; и надо сказать, что лучники, будучи всегда въ незначительномъ числѣ, оказывали тѣмъ не менѣе весьма важныя услуги.

Конница же при ея немногочисленности ничего дѣлать не могла. Кромѣ того люди ѣздили на чужихъ лошадяхъ, слѣдовательно на незна-

комыхъ имъ и можно смѣло предположить, что они не были хорошо обучены ни ѣздѣ, ни обращенію съ оружіемъ на конѣ.

Будучи слаба числомъ и плоха по составу, конница въ боевомъ порядкѣ не могла быть распредѣлена на обоихъ флангахъ, а располагалась или на одномъ флангѣ, или въ первой линіи—для завязки боя, или же наконецъ всего чаще—въ резервѣ. Такъ продолжалось вплоть до персидскихъ войнъ. Только одни ѳессалійцы составляли исключеніе: они ставили кавалерійскую службу выше пѣхотной и предпочитали дѣйствія на конѣ.

Въ сраженіи при Мараѳонѣ, рѣшившемъ первую персидскую войну, со стороны грековъ участвовало 10.000 аѳинянъ и 1.000 платейцевъ, все тяжело вооруженныхъ пѣхотинцевъ и ни у тѣхъ, ни у другихъ не было ни одного всадника или лучника. У персовъ же было очень много конницы и легкой пѣхоты. Мильтіадъ, понявшій значеніе персидской конницы и потому опасавшійся ея, принялъ слѣдующія мѣры: во-первыхъ, онъ растянулъ свое войско по фронту на столько, что могъ упереть фланги въ непроходимую мѣстность; черезъ это избѣгалась опасность обхода ихъ непріятельской конницей, дѣйствовавшей обыкновенно на флангахъ; во-вторыхъ, онъ отбросилъ на этотъ разъ медленный шагъ, которымъ обыкновенно двигалась фаланга и повелъ ее почти бѣгомъ на непріятеля, частью, чтобы захватить его врасплохъ, а частью, чтобы начать бой прежде, чѣмъ конница успѣетъ сѣсть, изготовиться и начать маневрированіе. Мильтіаду безъ сомнѣнія было извѣстно обыкновеніе персовъ держать лошадей въ лагерѣ спутанными и на этомъ была основана вторая половина его плана; дѣйствительно, мы не находимъ въ описаніи Геродота ни одного слова о дѣйствіяхъ конницы, хотя онъ же говоритъ, что пунктомъ высадки былъ избранъ Мараѳонъ, именно потому, что окрестная мѣстность давала конницѣ возможность вполнѣ развить свои дѣйствія. И на самомъ дѣлѣ Мильтіадъ, уперши свои фланги въ болото, обезпечилъ себя отъ обхода, а его быстрое наступленіе не дало персидской кавалеріи времени изготовиться и принять участіе въ сраженіи.

Какъ кажется, и въ Ѳермопильскомъ сраженіи греки не имѣли конницы; у Ксеркса же было 80.000 всадниковъ и 20.000 ливійцевъ и арабовъ на колесницахъ и верблюдахъ.

Геродотъ говоритъ, что греки, по зрѣломъ размышленіи, пришли къ заключенію встрѣтить персовъ у Ѳермопилъ именно потому, что на такой мѣстности эти послѣдніе не будутъ имѣть возможности воспользоваться „ни своимъ превосходствомъ въ силахъ, ни своей многочисленной конницей“.

Когда, по возвращеніи Ксеркса въ Персію, греки предприняли наступленіе противъ Мардонія, то о конницѣ у нихъ не упоминается нигдѣ. Персы же не только имѣли свою собственную многочисленную конницу, но и союзные съ ними Ѳивяне выставили конный отрядъ, который оказалъ

большія услуги, какъ въ происходившихъ до Платейской битвы стычкахъ, такъ и при послѣдовавшемъ затѣмъ отступленіи.

Трудно объяснить какимъ образомъ произошло, что греки совсѣмъ не имѣли конницы въ своемъ войскѣ, между тѣмъ какъ союзные съ персами греческія племена выставили таковую и при томъ очень хорошаго достоинства — въ смыслѣ управленія лошадью и владѣнія оружіемъ. Быть можетъ причиной тому былъ установившійся въ Греціи взглядъ, что единственнымъ надежнымъ родомъ оружія можно считать тяжело вооруженную пѣхоту и поэтому направляли всѣ свои силы исключительно на нее. Есть еще другое объясненіе, пожалуй еще болѣе вѣроятное (особенно если вспомнить, что союзные съ персами греки все-таки выставляли конницу), именно, что во всякомъ случаѣ греческая конница была-бы гораздо слабѣе персидской количествомъ и качествомъ и слѣдовательно польза грекамъ отъ конницы была-бы самая незначительная, а между тѣмъ для доставленія ей возможности дѣйствовать, греки должны были-бы располагаться на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ, что для персовъ было-бы только выгодно.

Обладая же отличной пѣхотой, греки имѣли возможность держаться на мѣстности закрытой и пересѣченной и этимъ лишить персовъ содѣйствія ихъ многочисленной и прекрасной конницы. Оно такъ дѣйствительно и вышло: Мардоній былъ вынужденъ отойти изъ гористой мѣстности Аттики къ Ѳивамъ, гдѣ представлялась прекрасная равнина для дѣйствія конницы. Это отступленіе служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ того значенія, которое персидскій главнокомандующій придавалъ своимъ всадникамъ.

Когда греки сняли свой лагерь у Элевзиса, то, опасаясь открытой мѣстности, они перешли къ подошвѣ горы Киѳеронъ, отрядивъ 3.000 мегарянъ для занятія отдѣльнаго поста въ равнинѣ. Мардоній выслалъ противъ нихъ Масистія съ конницей; греки поспѣшили подать помощь мегарянамъ сильными отрядами своей пѣхоты. По словамъ Геродота, персидская конница атаковала сомкнутыми частями и нанесла грекамъ большой уронъ; Масистій былъ убитъ; бой продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ. Конница атаковала карьеромъ, но опять вооруженная пѣхота не только не отступила, но сама перешла въ наступленіе и отбросила персовъ. Это сраженіе выказало вполнѣ рельефно всѣ блестящія качества греческой пѣхоты, съ которой ничего не могла подѣлать лучшая конница того времени. Съ другой стороны и эта послѣдняя проявила большую энергію и предпріимчивость и исполняла выпадавшія на ея долю задачи съ большимъ искусствомъ и успѣхомъ.

Такъ какъ греки постоянно получали по проходамъ, ведущимъ чрезъ Киѳеронъ, подкрѣпленія и продовольствіе, то однажды ночью Мардоній выслалъ часть своей конницы къ этимъ проходамъ для дѣйствій на сообщенія противниковъ. И дѣйствительно высланные всадники встрѣтили

транспортъ изъ 500 вьюковъ, везшихъ провіантъ изъ Пелопонеза; произведенное на него нападеніе было вполнѣ удачно: часть прикрытія была перебита, другая взята въ плѣнъ и вмѣстѣ съ запасами отведена въ персидскій лагерь. Это едва-ли не первый примѣръ примѣненія конницы къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ въ тылу противника.

Особенныя затрудненія причиняли грекамъ персидскіе конные лучники постоянными нападеніями. Они бросали издали стрѣлы и дротики, но никогда не доводили дѣло до рукопашной. Они же отрѣзали грековъ отъ рѣки Азопа, вслѣдствіе чего въ греческомъ лагерѣ оказался недостатокъ воды. Воины, посланные въ Пелопонезъ за продовольствіемъ были также окружены персидскими лучниками, не могли вернуться въ лагерь и были вынуждены принять рѣшеніе переправиться на одинъ изъ острововъ рѣки Азопа, гдѣ считали себя обезпеченными отъ нападенія конницы. Чтобы исполнить это безопасно и незамѣтно для противника, они начали движеніе ночью, что и было ближайшимъ поводомъ къ Платейской битвѣ, окончившейся для грековъ полной побѣдой. При послѣдовавшемъ затѣмъ отступленіи персовъ, союзная имъ греческая конница оказала важныя услуги: віатійская все время прикрывала отступленіе, а ѳиванская, узнавъ о приближеніи слѣдовавшихъ на соединеніе съ греческой арміей мегарянъ и фліеоновъ, обратилась противъ нихъ и блестящей атакой окончательно разсѣяла. По словамъ Геродота, около 600 человѣкъ было перебито, а остальные обращены въ полное бѣгство. Судя по описанію, все это предпріятіе носило характеръ замѣчательно живо, ловко и энергично выполненной атаки.

Недостатокъ хорошей конницы отразился столь чувствительнымъ образомъ на военныхъ дѣйствіяхъ грековъ въ теченіе вышеописанной кампаніи, что на первомъ народномъ собраніи въ Аѳинахъ послѣ отступленія персовъ, Аристидъ предложилъ выставить 10.000 пѣшихъ и 1.000 конныхъ воиновъ и содержать 100 кораблей для болѣе успѣшнаго продолженія военныхъ дѣйствій. И дѣйствительно конница была приведена въ значительно лучшее состояніе, такъ что могла оказать важныя услуги въ слѣдующей войнѣ — пелопонезской, о которой до насъ дошло очень обстоятельное и подробное описаніе.

Къ открытію военныхъ дѣйствій аѳинское войско состояло изъ 13.000 тяжело вооруженныхъ пѣхотинцевъ (кромѣ гарнизоновъ и 1.600 человѣкъ, оставшихся въ Аѳинахъ), 1.600 пѣшихъ лучниковъ и 1.200 всадниковъ, въ числѣ коихъ были и лучники. Во флотѣ было 300 триремъ. Врядъ-ли, однако, конница была хорошая, такъ какъ въ первый-же годъ войны она была разбита въ двухъ сраженіяхъ и заперта въ Аѳинахъ. Тоже самое произошло и на третій годъ войны въ сраженіи подъ стѣнами Спартолы. Здѣсь тяжело вооруженная аѳинская пѣхота опрокинула такую-же пѣхоту халкидонцевъ и вогнала ее въ горы, но халкидонская конница и легкая

пѣхота опрокинули конницу и легкую пѣхоту аѳинянъ и при послѣдовавшемъ затѣмъ отступленіи аѳинскихъ войскъ окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и своими стрѣлами, и дротиками издалека, не доводя дѣла до рукопашнаго боя, нанесла имъ немаловажныя потери. Вообще изъ этой кампаніи можно вывести заключеніе, что аѳинская конница была еще плоха и ни въ какомъ случаѣ не могла помѣряться ни съ македонской, ни съ ѳессалійской.

Въ седьмомъ году пелепонезской войны у аѳинянъ были транспортныя суда, спеціально приспособленныя для перевозки конницы. На этихъ судахъ было доставлено въ Коринѳъ водой 200 всадниковъ. По показанію Ѳукидита, они рѣшили побѣду аѳинянъ надъ врагомъ, совсѣмъ не имѣвшимъ конницы.

Пагондъ выигралъ сраженіе при Деліумѣ въ 424 году до Р. Х. благодаря тому, что выслалъ два конныхъ отряда въ тылъ побѣдоносно наступавшимъ аѳинянамъ, которые, принявъ этихъ всадниковъ за прибывающія къ противнику подкрѣпленія, пріостановились, а затѣмъ были разбиты и разсѣяны. Въ этомъ сраженіи обѣ стороны поставили легкія войска и конницу на обоихъ флангахъ боеваго порядка. Тоже мы видимъ и въ первомъ сраженіи при Мантинеѣ въ 418 году до Р. Х., гдѣ конница обѣихъ сторонъ была построена на обоихъ флангахъ тяжелой пѣхоты на одной линіи съ ней; изъ описанія, однако, не видно, чтобы дѣйствія ея имѣли какое нибудь вліяніе на исходъ сраженія.

Въ это же время впервые указывается на придачу каждому всаднику пѣхотинца.

Ѳукидитъ разсказываетъ, что незадолго до сраженія при Мантинеѣ беотійское войско, собранное при Ѳліусѣ, состояло изъ 5.000 тяжело вооруженныхъ, 5.000 легковооруженныхъ и 500 всадниковъ; при каждомъ изъ послѣднихъ состоялъ пѣхотинецъ. Эти были спеціально обучены совмѣстному бою со всадниками; каждый изъ нихъ постоянно держался около одного и того же всадника, которому онъ въ затруднительныхъ случаяхъ обязанъ былъ подавать помощь. Такой же обычай мы встрѣчаемъ позже у германцевъ, гдѣ пѣхотинцы не отставали отъ всадниковъ даже на быстрыхъ аллюрахъ и бѣжали рядомъ съ лошадьми, держась за гриву.

При экспедиціи противъ Сиракузъ у аѳинянъ совсѣмъ не было конницы; это обстоятельство вынудило ихъ въ первомъ же сраженіи принять, для обезпеченія себя отъ нападеній многочисленной и хорошей конницы сиракузянъ, совершенно новое построеніе. Половина арміи стала въ одну линію развернутымъ строемъ въ 8 шеренгъ; другая же часть построила пустое внутри каре, каждая сторона котораго была также въ 8 шеренгъ. Въ срединѣ каре стоялъ обозъ и вьюки. Сиракузяне стояли въ обыкновенной фалангѣ глубиной въ 16 человѣкъ. Послѣ упорнаго боя аѳиняне одержали верхъ, но не могли воспользоваться плодами своей побѣды, такъ

какъ конница сиракузянъ вполнѣ успѣшно прикрыла отступленіе своей пѣхоты.

Убѣдившись въ неудобствахъ недостатка конницы, слѣдующей же весной аѳиняне послали въ Катанію 250 всадниковъ со всѣмъ снаряженіемъ, но безъ лошадей; эти послѣднія были частью поставлены союзниками аѳинянъ — эгейцами и катанейцами, частью куплены у сосѣднихъ народовъ.

Спартанцы сформировали во время пелопонезской войны, послѣ взятія Сфактеріи и Цитеры аѳинянами, отрядъ изъ 400 человѣкъ всадниковъ и

Тяжелые македонскіе всадники. Македонскіе Сариссофоры.

лучниковъ, между тѣмъ какъ до этого времени конница, въ которой они нуждались для операціи внѣ Пелопонеза, поставлялась союзниками ихъ, ѳиванцами и ѳокейцами.

Греческая конница была трехъ родовъ: *катафракты — собственно, греки* и *тарентинцы.*

Катафракты или тяжеловооруженные были еще въ большомъ употребленіи; они носили шлемъ, закрывавшій половину лица и защищавшій затылокъ и уши, латы изъ желѣзныхъ пластинокъ и роговыхъ чешуекъ, закрывавшія грудь и спину; сапоги со шпорами; верхнія части ногъ и

Тяжелые македонскіе всадники. Македонскіе Сариссофоры.

правая рука предохранялись кожами, покрытыми металлическими пластинками. Оружіе ихъ состояло изъ копій, длинныхъ мечей и иногда дротиковъ. Лошади также носили предохранительное вооруженіе.

Тактической единицей въ конницѣ была ила (ἴλη) изъ 64 человѣкъ. Строилась она различно, въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Фра-

Фракіецъ.

кійцы придавали ей видъ клина, обращеннаго остріемъ къ непріятелю; Θессалійцы строили изъ 2-хъ илъ ромбъ, направленный однимъ изъ угловъ къ противнику, прочіе же греки строили изрѣдка также ромбъ, но по большей части—квадратъ или четыреугольникъ, при чемъ послѣднія четыре шеренги служили резервомъ. У Эпаминонда ила дѣлилась на четыре взвода по 16 человѣкъ въ каждомъ—4 человѣка по фронту и 4 въ глубину, всего же чаще ила имѣла 16 человѣкъ по фронту и 4 въ глубину. Двѣ илы

Фракіецъ.

составляли эпилархію = 128 конямъ, двѣ эпилархіи — тарентинархію = 256 конямъ, двѣ тарентинархіи — ксенагію или гиппархію = 512 конямъ, двѣ гиппархіи — эфиппархію = 1.024 конямъ, двѣ эфиппархіи — телосъ = 2.048 конямъ и 2 телоса — эпитагму = 4.096 конямъ.

Конница втораго рода называлась собственно *греческой*. Она имѣла болѣе легкое, сравнительно съ катафрактами, снаряженіе, а именно: шлемы, латы изъ дубленой кожи или кольчуги, щиты и сапоги со шпорами. Вооружена была копьями и мечами. Лошади предохранительнаго вооруженія не имѣли. Собственно греческая конница раздѣлялась на дорифоровъ (δορυφόροι), контофоровъ (κοντοφόροι) и лонгофоровъ (λογχοφόροι), которые различались между собою видомъ, длиной и способомъ употребленія копій. Наиболѣе длинныя были у дорифоровъ, у прочихъ — короче и приспособлены какъ для нанесенія уколовъ, такъ и для бросанія, а именно къ ихъ древку была прикрѣплена бичевка, съ помощью которой всадникъ притягивалъ къ себѣ брошенное копье.

Ѳессалійскій всадникъ.

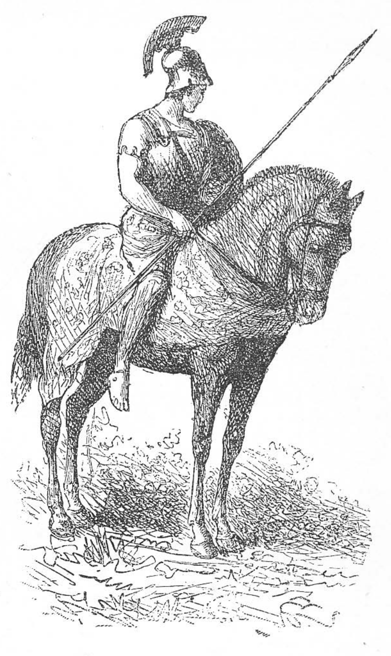
Вообще собственно греческая конница была легко вооружена, но все-таки достаточно, чтобы вступать съ противникомъ въ рукопашный бой. Нѣкоторые всадники имѣли еще щиты, но не всѣ.

Тарентинцы—легкая конница—не имѣли постоянной организаціи. Они были вооружены частью дротиками, частью луками и стрѣлами; атаковывали съ мечемъ или топоромъ въ рукахъ, имѣли маленькіе щиты и иногда нагрудники изъ дубленой кожи. Они преимущественно вели бой издали метательнымъ оружіемъ, при чемъ многіе были обучены, подобно пареянамъ, отлично пускать стрѣлы назадъ при отступленіи.

Они никогда не доводили дѣла до рукопашнаго боя, такъ какъ по своему снаряженію и вооруженію не могли выдержать натиска тяжелой конницы.

Къ легкой же конницѣ принадлежали конные лучники, между которыми особенной извѣстностью пользовались критяне. Всѣ эти всадники, вооруженные метательнымъ оружіемъ, были извѣстны подъ общимъ именемъ акроболистовъ (ἀκροβολισταί).

Мѣсто конницы въ боевомъ порядкѣ не было строго опредѣлено, а находилось въ извѣстной зависимости отъ мѣстности. Тарентинцы, перемѣшанные съ легкой пѣхотой, становились иногда впереди средней конницы, иногда на ея флангахъ. Катафракты держались въ резервѣ пока бой не разыгрывался



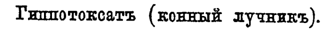
Өессалійскій всадникъ.

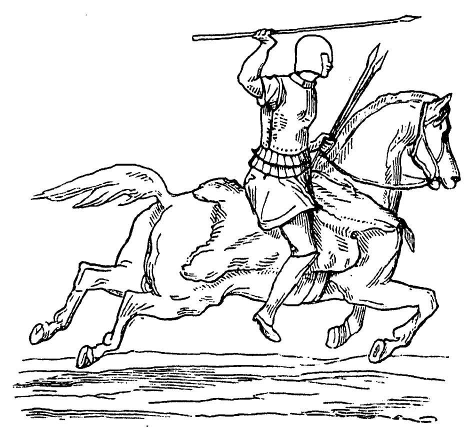
окончательно; тогда они атаковывали противника и пробивали дорогу прочимъ войскамъ, которые шли за ними слѣдомъ и доканчивали пораженіе врага.

Греческая конница не имѣла ни сѣделъ, ни стремянъ; иногда на спину лошади клали попону изъ кожи или сукна. Лошади не подковывались.

Аѳиняне обращали гораздо болѣе вниманія на формированіе и содержаніе своей конницы, чѣмъ спартанцы. У нихъ было постоянно 1.200 всадниковъ, по 120 отъ каждой трибы, подъ командой выборнаго филарха. Если конница сводилась въ одинъ отрядъ, то начальство надъ нимъ поручалось двумъ ежегодно выбираемымъ гиппархамъ.

Спартанцы, не придававшіе конницѣ особеннаго значенія, содержали ее очень немного и назначали въ нее преимущественно людей порочныхъ и слабаго тѣлосложенія. Ксенофонтъ говоритъ, что въ сраженіи при Левктрахъ лакедемонская конница была очень неудовлетворительна, такъ какъ въ мир-


Гиппотоксатъ (конный лучникъ).



Греческій кавалеристъ.

ное время богатые люди содержали лошадей, которыя при началѣ войны передавались вмѣстѣ съ вооруженіемъ только что набраннымъ людямъ. Каждый бралъ коня и вооруженіе и выступалъ сразу въ поле. Такимъ то образомъ составляли конницу изъ худшихъ и наименѣе храбрыхъ людей.

Въ только что упомянутой битвѣ ѳиванская конница состояла всего изъ 500 человѣкъ, но это были старые, хорошо обученные солдаты. Они неожиданно атаковали лакедемонскую и отбросили ее на пѣхоту, которая была приведена этимъ въ безпорядокъ. Такимъ образомъ конница открыла путь ѳиванской фалангѣ, которою Эпаминондъ нанесъ рѣшительный ударъ на правый флангъ спартанцевъ.

Въ битвѣ при Мантинеѣ въ 363 г. до Р.Х. Эпаминондъ построилъ свое войско также, какъ при Левктрахъ, но для наступленія было назначено правое крыло, куда и была поставлена конница въ строю въ видѣ клина, поддержанная пѣхотными частями. На лѣвомъ же своемъ флангѣ онъ оставилъ только часть конницы, которая и построилась на небольшомъ возвыше-

Гиппотоксатъ (конный лучникъ).

Греческій кавалеристъ.

ніи противъ аѳинской конницы, стоявшей на правомъ флангѣ лакедемонянъ. Планъ Эпаминонда увѣнчался полнымъ успѣхомъ: конница его праваго фланга разбила и окончательно согнала съ поля сраженія стоявшую противъ нея непріятельскую конницу; его фаланга, направленная на лѣвый флангъ противника, пробила его ряды и рѣшила побѣду, между тѣмъ какъ аѳинская конница не могла принять никакого участія въ бою, удерживаемая превосходной ѳиванской кавалеріей.

2. Греческая конница при Филиппѣ и Александрѣ.

Изобрѣтеніе клина — построенія имѣющаго форму треугольника, обращеннаго угломъ къ непріятелю и примѣнявшагося скиѳами, ѳракійцами и македонянами — приписывается отцу Александра Македонскаго — Филиппу. Онъ ставилъ офицеровъ по угламъ и лучшихъ воиновъ въ наружные ряды, а середина составлялась изъ слабыхъ и недостаточно обученныхъ людей. Во времена обоихъ вышеназванныхъ царей военное могущество Греціи достигло высшаго развитія и македонская армія можетъ быть названа вполнѣ образцовой и по устройству своему сравнена развѣ только съ лучшими современными европейскими арміями. Она имѣла полевую и осадную артиллерію и особыя обозныя части (изъ лошадей, муловъ и повозокъ), входившія въ составъ арміи. Фаланга пѣхотинцевъ изъ 4.096 человѣкъ строилась въ четыреугольникъ, имѣвшій по фронту 256 и въ глубину 16 человѣкъ; къ ней придавалось 2.048 легковооруженныхъ пѣхотинцевъ и 2 полка или гиппархіи конницы, каждая изъ 512 всадниковъ.

Конница была трехъ родовъ: тяжелая, носившая шлемы, кольчуги и металлическія ножныя кирасы и вооруженная мечами и короткими копьями; легкая, предназначавшаяся преимущественно для службы на передовыхъ постахъ и вооруженная копьями въ 16 фут. длиной; и наконецъ двоеборцы или димахи (διμάχοι), сформированные Александромъ Великимъ, — нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ драгунъ, такъ какъ они были предназначены какъ для коннаго, такъ и для пѣшаго боя. Димахи были вооружены и снаряжены тяжелѣе прочей конницы, но легче тяжелой пѣхоты. Александръ придалъ имъ слугъ, которые держали лошадей, когда воины спѣшивались. Въ учрежденіи димаховъ проглядываетъ та же идея, которую мы встрѣчали уже при введеніи колесницъ — желаніе довезти воина до поля битвы какъ можно скорѣе и притомъ свѣжимъ, неутомленнымъ.

Военное искусство уже сдѣлало въ то время столь значительный шагъ впередъ, что необходимость быстрыхъ передвиженій, напр., для предупрежденія противника на какомъ-либо важномъ пунктѣ, была уже почти всѣми сознана и Александръ Македонскій, одинъ изъ величайшихъ

---

[1]) Xenophon. Mottiu de la Baline; Grahani; Zehonite; Arrian; Macdougal; (Hoblonin).

военныхъ преобразователей, вполнѣ понималъ, какую пользу онъ можетъ извлечь изъ димаховъ на мѣстности пересѣченной, не допускавшей движенія колесницъ.

Вообще Александръ Великій ввелъ значительныя улучшенія въ свою конницу, онъ уменьшилъ глубину ея строя до восьми шеренгъ и оставлялъ между частями интервалы, въ которыхъ становились легкіе пѣхотинцы. Ила была имъ доведена въ военное время до 250 коней вмѣсто 64. Фаланга тяжело вооруженной пѣхоты составляла главное основаніе боеваго порядка и служила резервомъ. Бой начинался конницей и гипаспистами — отборнымъ отрядомъ изъ 6.000 пѣхотинцевъ, легко снаряженныхъ и вооруженныхъ и особенно подвижныхъ, фаланга же вступала въ дѣло позже для нанесенія окончательнаго удара.

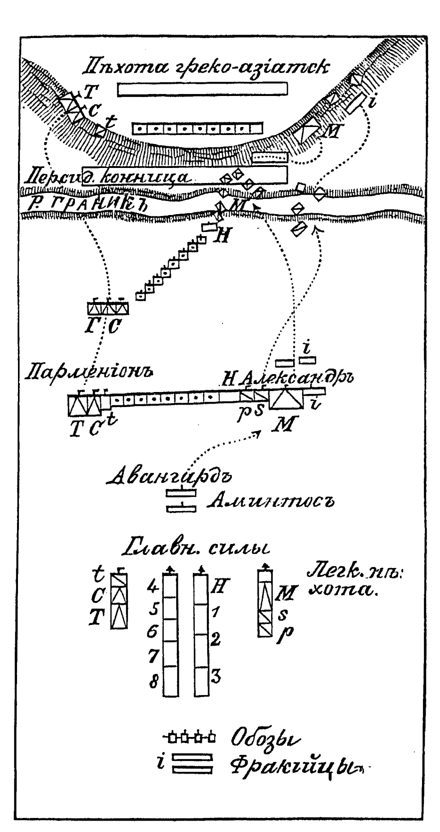
Александръ былъ первый изъ грековъ, который началъ вводить въ составъ арміи значительно больше конницы, чѣмъ то дѣлалось прежде. До него конница составляла обыкновенно $^1/_{12}$ — $^1/_{15}$ пѣхоты, онъ же началъ персидскій походъ, имѣя 30.000 пѣхотинцевъ и 5.000 всадниковъ, слѣд. $^1/_6$; при Арбеллахъ на 40.000 пѣхоты приходилось 7.000 конницы. Впрочемъ онъ не ограничился только увеличеніемъ количества кавалеріи, но и развивалъ въ ней способность къ быстрымъ движеніямъ и ловкому маневрированію. Обладая пылкимъ, живымъ характеромъ онъ предпочиталъ конную службу пѣшей и почти во всѣхъ сраженіяхъ мы видимъ его начинающимъ дѣло атакой во главѣ своей конницы праваго крыла и затѣмъ появляющимся со своими побѣдоносными всадниками па всѣхъ рѣшительныхъ пунктахъ.

Онъ повидимому первый возымѣлъ мысль пользоваться конницей въ видѣ, такъ сказать, метательнаго оружія, и отлично умѣлъ пользоваться силой ея удара для пробитія непріятельскихъ массъ. Пока онъ, такимъ образомъ, наносилъ удары своей конницей и легкой пѣхотой, фаланга, оставаясь на мѣстѣ, служила ему какъ-бы точкой опоры боевой линіи, держалась сначала оборонительныхъ дѣйствій и переходила въ наступленіе только въ рѣшительный моментъ боя.

Главную силу конницы Александра составляли два отборныхъ полка, каждый въ 1.500 коней, одинъ — македонскій, другой — ѳессалійскій; это была тяжелая конница, имѣвшая предохранительное вооруженіе, мечи и длинныя копья. Кромѣ того изъ самыхъ смѣлыхъ и ловкихъ македонскихъ юношей знатнаго происхожденія была сформирована отборная дружина; она называлась друзьями царя и сражалась всегда около него. Послѣ битвы при Граникѣ онъ приказалъ отлить статуи двадцати пяти изъ нихъ, павшихъ въ этомъ бою, и поставить въ городѣ Діумѣ.

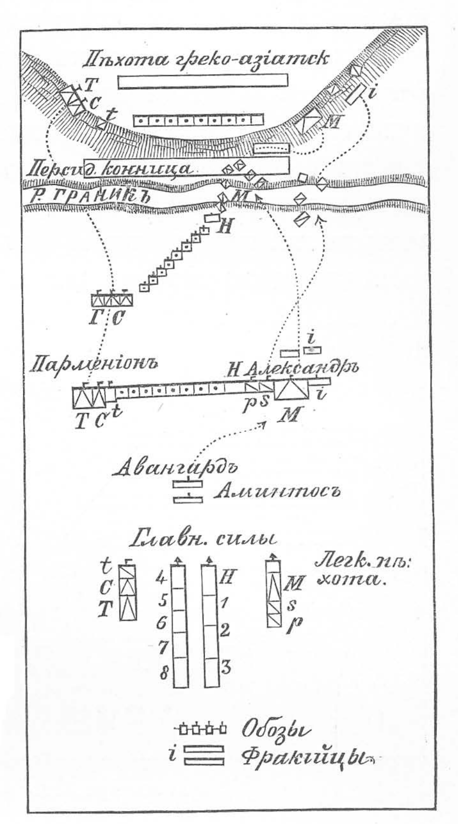
Первое сраженіе персидской войны при Граникѣ, началось съ того, что Александръ во главѣ конницы своего праваго крыла переправился вбродъ черезъ рѣку и немедленно же атаковалъ персидскую конницу.

Завязался горячій бой, невиданный до тѣхъ поръ, по упорству, какъ говоритъ Арріанъ. Персы, ожидавшіе повидимому атаку на берегу, метали копья съ зубцами на концѣ, македоняне дѣйствовали ударомъ копья. Хорошо дисциплинированные и предводительствуемые и пользуясь оружіемъ, предназначеннымъ для рукопашнаго боя, они вскорѣ одолѣли непріятеля. Самъ Александръ, постоянно стремившійся туда, гдѣ персы оказывали наибольшее сопротивленіе, потерялъ шлемъ, былъ легко раненъ и едва не былъ убитъ налетѣвшимъ на него сзади Спиѳридатомъ, но былъ спасенъ Клитомъ, зарубившимъ этого послѣдняго. Легкая пѣхота была перемѣшана съ конницей и, по словамъ Арріана, нанесла персамъ много вреда. Александръ въ этомъ первомъ бою выказалъ всѣ свойства великаго кавалерійскаго генерала; онъ не увлекся преслѣдованіемъ персидской конницы послѣ пораженія ея, а сейчасъ же повернулъ назадъ и атаковалъ еще державшихся персидскихъ наемниковъ. Одновременно на нихъ же двинулась и фаланга и такъ какъ Арріанъ говоритъ, что атаковала вся кавалерія, то надо полагать, что конница лѣваго крыла атаковала правый флангъ и тылъ противника, а Александръ — лѣвый флангъ и тылъ. Результатомъ этихъ одновременныхъ трехъ атакъ было полное пораженіе наемниковъ: 2.000 сдались въ плѣнъ, прочіе были перебиты. Образъ дѣйствій Александра, какъ предводителя конницы, выше всякой похвалы. Сраженіе при Граникѣ имѣетъ много сходства со сраженіемъ при Рокруа, гдѣ Конде одержалъ побѣду благодаря такому же употребленію конницы. За то какая разница съ принцемъ Рупрехтомъ при Назеби и Марстонъ Мурѣ и съ Іоанномъ фонъ-Вертъ при Нордлингенѣ (Аллергеймѣ).



Примѣчаніе. Буквы на схемахъ сраженій Александра Македонскаго, при *Граникѣ Иссѣ, Гавгамеллѣ* и *Арбеллѣ* означаютъ: *Македоняне:* тяжелая конница: *M*—македонская, *C*—союзная, *T* — ѳессалійская. Легкая конница: *s* — сарисофоры, *p*—пеонійцы, *t*—фракійцы, *m*—наемная греческая; линейная пѣхота: *H* — гипасписты, *P*—пелтасты, [•] — гоплиты; *i*—легкая пѣхота. *Персы:* Кавалерія: *a*—бактрійская, *b*—скиѳская, *c*—арахозійцы, *d*—персы и индійцы, *e*—каппадокійцы.

Въ сраженіи при Иссѣ Александръ опять во главѣ конницы праваго крыла переправляется черезъ рѣку и, несмотря на градъ стрѣлъ, атакуетъ персовъ съ такой энергіей, что тѣ поворачиваютъ назадъ и обращаются въ бѣгство, даже не выждавъ столкновенія. За то служившіе у Дарія гре-

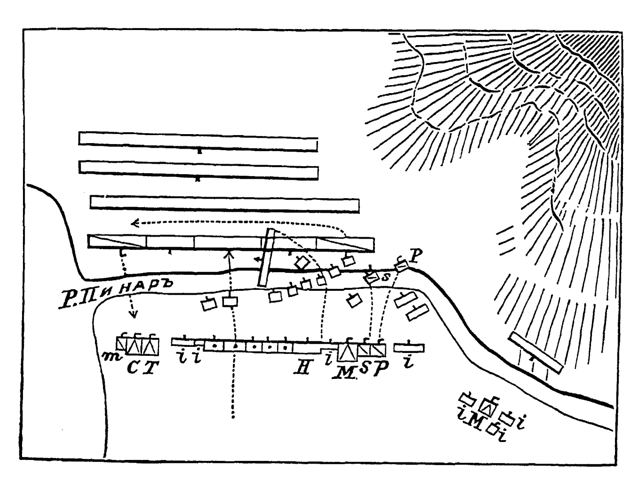


Примѣчаніе. Буквы на схемахъ сраженій Александра Македонскаго, при *Граникѣ Иссѣ*, *Гавгамеллѣ* и *Арбеллѣ* означаютъ: *Македоняне:* тяжелая конница: *M*—македонская, *C*—союзная, *T* — ѳессалійская. Легкая конница: *s* — сарисофоры, *p*—пеонійцы, *t*—фракійцы, *m*—наемная греческая; линейная пѣхота: *H* — гипасписты, *P*—пелтасты, [•] — гоплиты; *i*—легкая пѣхота.

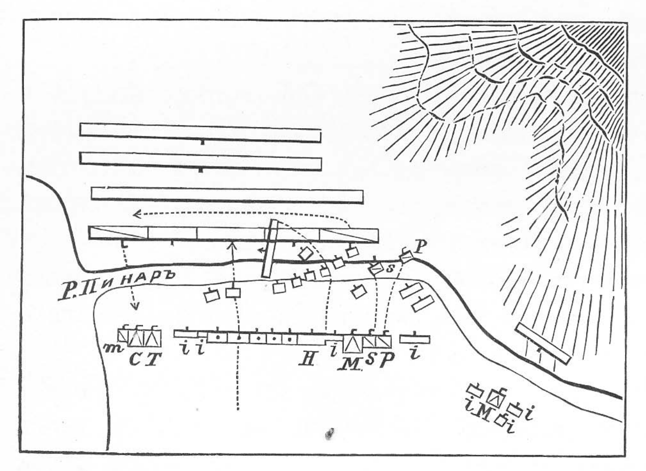
Персы: Кавалерія: *a*—бактрійская, *b*—скиѳская, *c*—арахозійцы, *d*—персы и индійцы, *e*—каппадокійцы.

ческія наемники и въ этомъ дѣлѣ сражались съ замѣчательнымъ упорствомъ и причинили македонянамъ большія потери, прежде чѣмъ были разбиты. Только, когда побѣда была уже одержана, Александръ обратился со своей конницей къ преслѣдованію, причемъ выказалъ такую быстроту и энергію, что вынудилъ Дарія бросить колесницу съ плащемъ, лукомъ и щитомъ, и спасаться ночью на конѣ.

Также и при Арбеллахъ Александръ, во главѣ конницы праваго крыла, встрѣчаетъ, охватывающее это крыло, наступленіе персовъ. Персы протянули свой лѣвый флангъ далеко за правый флангъ македонянъ и очень можетъ быть, что охватъ этотъ имѣлъ бы успѣхъ, если бы Александръ не принялъ заранѣе мѣръ для парированія его, а именно онъ отдѣлилъ резервъ или вторую линію, изъ которой и вытребовалъ конницу Менидаса для атаки персовъ, когда тѣ начали обходное движеніе. Завязался отчаянный бой, въ которомъ вполнѣ ясно выразилась важность резерва для конницы: когда Менидасъ сталъ отступать, Аретъ получилъ приказаніе идти съ пэонійцами ему на выручку. Онъ отгоняетъ варваровъ, но къ нимъ подходятъ бактрійцы и останавливаютъ македонянъ. Наконецъ Александръ строитъ свою конницу въ видѣ клина, съ крайней энергіею атакуетъ персовъ и прорываетъ ихъ боевую линію въ томъ мѣстѣ, гдѣ она еще раньше нѣсколько разорвалась. Атака его была поддержана фалангой, ворвавшейся съ неудержимой силой по слѣдамъ конницы въ густыя массы персовъ; Дарій счелъ все погибшимъ и обратился въ бѣгство. Между тѣмъ дѣло далеко еще не было окончено, такъ какъ лѣвое крыло македонянъ, бывшее подъ командой Парменіона, продолжало вести рукопашный бой съ персами и несло большія потери. Часть персидской конницы успѣла даже прорваться въ промежутокъ между Александромъ и Парменіономъ и достигла македонскаго лагеря, гдѣ, подъ защитой ѳракійской пѣхоты, находился обозъ и плѣнные. Александръ, увидавъ опасное положеніе своего лѣваго крыла, пріостановилъ преслѣдованіе разбитаго имъ врага, повернулъ назадъ, послѣ горячаго боя отбросилъ конницу непріятельскаго праваго крыла и затѣмъ обратился на помощь къ Парменіону. Между тѣмъ и здѣсь Ѳессалійская конница лѣваго крыла уже произвела такую лихую атаку, что при появленіи Александра



Сраженіе при Иссѣ.



Сраженіе при Иссѣ.

все крыло персовъ было опрокинуто и обратилось въ бѣгство. Тогда Александръ вернулся опять къ преслѣдованію Дарія, которое и продолжалъ до наступленія темноты, между тѣмъ какъ и Парменіонъ со своей стороны преслѣдовалъ опрокинутыхъ имъ персовъ.

Въ этомъ сраженіи у персовъ было очень много колесницъ, которыя и расположились въ первой линіи. Но греки въ то время уже нашли наилучшій способъ дѣйствія противъ нихъ — они выслали впередъ легкую пѣхоту — агріановъ и лучниковъ, которые своими стрѣлами поранили многихъ возницъ и лошадей; при дальнѣйшемъ наступленіи колесницъ, греки схватывали лошадей за уздцы, останавливали ихъ, затѣмъ стаскивали возницъ съ сидѣній и убивали. Нѣкоторое число колесницъ прорвалось, впрочемъ, черезъ ряды македонянъ, которые, по приказанію Александра, разступались передъ ними, а по проѣздѣ ихъ опять смыкались и возстановляли порядокъ, большая часть этихъ колесницъ была перехвачена стоявшей въ резервѣ македонской конницей.

При преслѣдованіи Александръ переправился черезъ рѣку Ликусъ и затѣмъ остановился до полуночи, дабы дать нѣкоторый отдыхъ людямъ и лошадямъ. Послѣ того преслѣдованіе продолжалось съ прежней быстротой, такъ что на слѣдующій день былъ занятъ городъ Арбеллы, удаленный отъ мѣста сраженія приблизительно на 18 нѣмецкихъ миль.

Трудно найти другое сраженіе, гдѣ бы до такой степени выказалось знаніе свойствъ конницы и умѣнье ею пользоваться, какъ во время самаго боя, такъ и послѣ него при преслѣдованіи.

Послѣ сраженія при Арбеллахъ Александръ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ организаціи конницы. Каждому отдѣленію онъ придалъ двухъ декуріоновъ — званіе, котораго прежде въ кавалеріи не было. Мѣра эта была принята отчасти въ видахъ удобства командованія, отчасти-же, какъ кажется, для того, чтобы имѣть случай выдвинуть наиболѣе отличившихся людей. Затѣмъ онъ сформировалъ отрядъ конныхъ лучниковъ и нѣсколько летучихъ колоннъ (преимущественно изъ конницы всѣхъ родовъ) для дѣйствій противъ народовъ, жившихъ близъ пути его слѣдованія.

Съ одной изъ такихъ колоннъ, составленной изъ конницы и нѣсколькихъ лучшихъ ходоковъ пѣхотинцевъ, самъ Александръ безостановочно преслѣдовалъ Дарія, когда узналъ, что онъ захваченъ бактрійскимъ сатрапомъ Бессомъ. Когда наконецъ послѣ марша, длившагося 3 дня и 3 ночи, окончательно утомленная пѣхота не могла слѣдовать далѣе, онъ спѣшилъ 500 всадниковъ, посадилъ на ихъ коней лучшихъ пѣхотныхъ воиновъ въ ихъ тяжеломъ вооруженіи и съ ними и съ оставшимися верхомъ всадниками продолжалъ свое быстрое движеніе всю ночь, между тѣмъ какъ прочая пѣхота и спѣшенные всадники двигались по его слѣдамъ болѣе медленно. Такимъ способомъ ему удалось нагнать бѣглецовъ, но Дарій

*

былъ найденъ уже умершимъ отъ раны, нанесенной ему Бессомъ, который самъ съ 600 всадниками успѣлъ ускакать.

Энергія и быстрота этого преслѣдованія могутъ быть отмѣчены въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ фактовъ этого рода дѣйствій. Фактъ, что Александръ посадилъ пѣхотинцевъ на лошадей спѣшенныхъ всадниковъ, показываетъ, какое важное значеніе придавалъ этотъ великій мастеръ военнаго дѣла войску, которое могло дѣйствовать и въ пѣшемъ, и въ конномъ строю и которое съ быстротой движенія конницы соединяло стойкость и спокойность къ упорной оборонѣ пѣхоты.

Остается еще прибавить, что во всѣхъ веденныхъ Александромъ Великимъ войнахъ, какъ и раньше, легкая конница несла аванпостную службу, что постоянно высылались имъ отряды для рекогносцировокъ и что, наконецъ, часто выставлялись посты и ведеты почти на тѣхъ-же, какъ кажется, основаніяхъ, что и теперь.

3. Обученіе греческой конницы [1]).

Греки обращали большое вниманіе на обученіе своихъ воиновъ. Съ ранняго дѣтства ихъ занимали гимнастическими упражненіями, развивавшими силу и крѣпость.

Борьба и метаніе диска были предоставлены атлетамъ по ремеслу, такъ какъ для солдатъ не придавали особеннаго значенія въ излишнемъ развитіи силы и ловкости, а обыкновенными упражненіями греческихъ юношей были: бѣгъ, прыганіе, лазаніе, бросаніе дротиковъ, употребленіе копій и т. п. Предназначенные къ поступленію въ конницу обучались вольтижировкѣ на деревянной лошади и быстрому слѣзанію и влѣзанію, что имѣло особенное значеніе въ то время, когда еще не было извѣстно употребленіе стремянъ.

Изъ сдѣланнаго Ксенофонтомъ описанія мѣръ, принятыхъ Агезилаемъ во время бытности его въ Фригіи для сформированія коннаго отряда, можно вывести заключеніе, что этотъ искусный военачальникъ прилагалъ всяческое стараніе къ тому, чтобы въ конницу попадали молодые солдаты, подававшіе надежду сдѣлаться со временемъ хорошими ѣздоками. Поэтому онъ преимущественно набиралъ ихъ изъ участковъ богатыхъ лошадьми, такъ какъ они должны были имѣть большую опытность въ обращеніи съ лошадьми. Всѣ молодые солдаты были собраны въ Эфесъ, гдѣ Агезилай усиленно занялся обученіемъ ихъ, причемъ, чтобы возбудить соревнованіе, устроилъ выдачу призовъ лучшимъ стрѣлкамъ и ѣздокамъ, вслѣдствіе этого на плацахъ можно было постоянно видѣть людей, упражнявшихся въ бросаніи дротиковъ и стрѣлъ и въ скачкахъ. Столь заботливо обученная конница оказала важныя услуги въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ.

---

[1]) Duparcq. Xenophon.

Въ своемъ сочиненіи „о конницѣ“ Ксенофонтъ даетъ старательно обработанное описаніе способа ѣзды въ его время, изъ него можно вывести заключеніе, что уже въ то время садились на лошадь съ лѣвой стороны. Онъ говоритъ: „всадникъ долженъ взять поводъ (прикрѣпленный къ нижнему концу удила или къ цѣпкѣ облегающей подбородокъ) лѣвой рукой на столько длинно, чтобы не дернуть за него, будетъ-ли садиться съ помощью ухваченной близъ ушей гривы или же вскакивать на спину лошади, помогая себѣ копьемъ“. Такимъ образомъ надо думать, что садились на лошадь двумя способами. Первый способъ похожъ на тотъ, который практикуется и нынѣ, если желаютъ сѣсть на неосѣдланную лошадь, причемъ берутся рукой за холку. Какъ садились по второму способу, можно видѣть, по словамъ Беранже, изъ имѣющейся въ британскомъ музеѣ гравюры, гдѣ изображенъ всадникъ, садящійся на лошадь съ помощью копья. Копье поставлено сбоку лошади и на его древкѣ имѣется крючекъ, на который всадникъ ставитъ одну ногу, а другую переноситъ затѣмъ легко черезъ спину лошади. Тотъ же авторъ прибавляетъ, что подобный же способъ практиковался, по описанію Ливія, у римлянъ.

Ксенофонтъ рекомендуетъ обучать садиться на лошадь и съ правой стороны, тѣмъ болѣе, что это никакого затрудненія представить не можетъ.

Всадниковъ обучали сидѣть прямо, брать ляшками крѣпкій шлюсъ и ногу отъ колѣна пускать свободно внизъ. Поводья держались въ лѣвой рукѣ, которая не должна была отходить отъ тѣла. Корпусъ держался совершенно прямо, чтобы можно было свободно владѣть оружіемъ.

Всадниковъ обучали вольному бою верхомъ копьями и дротиками, на острія которыхъ надѣвались шары, чтобы бойцы не могли другъ друга ранить; взаимнымъ нападеніемъ и отступленіемъ они пріобрѣтали необходимую ловкость въ управленіи конемъ и владѣніи оружіемъ.

4. Сочиненіе Ксенофонта о конницѣ.

Это древнѣйшее сочиненіе, которое мы имѣемъ о конницѣ, представляетъ для насъ крайній интересъ, тѣмъ болѣе, что оно принадлежитъ перу опытнаго воина, выказавшаго во всѣхъ своихъ трудахъ полное знаніе кавалерійской службы, глубокое пониманіе свойствъ конницы и горячую любовь къ ней. Сочиненіе это написано въ видѣ обращенія къ извѣстному лицу (думаютъ, къ сыну автора Гриллу, служившему въ аѳинской конницѣ) и содержитъ самое подробное описаніе всѣхъ обязанностей вождя аѳинской конницы: какъ содержать ее постоянно въ необходимомъ числѣ, какъ цѣлесообразно снарядить, вооружить и какъ и чему обучать въ мирное время и какъ пользоваться ею во время войны. Книга показываетъ, что въ то время греки уже достигли во многихъ отношеніяхъ полнаго умѣнія обращаться съ конницей. Если подробности обученія не могутъ уже теперь имѣть для насъ большаго интереса, вслѣдствіе слишкомъ боль-

шой разницы въ вооруженіи и образѣ дѣйствій, то основные принципы пользованія конницей, излагаемые Ксенофонтомъ въ его трудѣ, заслуживаютъ самаго полнаго вниманія.

Въ первой главѣ онъ говоритъ о необходимости самаго строгаго выбора при назначеніи лошадей въ конницу, брыкливыя и непослушныя должны быть безусловно исключены изъ ея рядовъ, а приняты только хорошо выѣзженныя. Дальнѣйшаго вниманія заслуживаютъ ноги лошади, строеніе которыхъ должно дозволять движеніе по неровной мѣстности, при этомъ онъ совѣтуетъ держать лошадей на полу изъ гладкихъ, круглыхъ камней, для укрѣпленія копыта — обстоятельство крайне важное въ то время, когда ковка еще не была изобрѣтена.

Слѣдующій пунктъ, на которомъ онъ особенно настаиваетъ, заключается въ необходимости самаго полнаго и всесторонняго обученія людей, чтобы они могли быстро садиться и свободно ѣздить на всякой мѣстности. Какъ только кончалась рекрутская школа и молодой солдатъ пріобрѣталъ крѣпкую посадку, его обучали владѣнію копьемъ на конѣ. Когда же люди и лошади получали предохранительное вооруженіе, то слѣдующей обязанностью начальника было внушеніе людямъ полнѣйшей дисциплины, „такъ какъ безъ послушанія и хорошіе ѣздоки, и хорошія лошади и прекрасное оружіе не имѣютъ цѣны“.

Затѣмъ Ксенофонтъ совѣтуетъ конницѣ не ограничиваться ѣздой по дорогамъ, а особенно заняться ѣздой, скачкой и маневрированіемъ на всякой мѣстности. Зейдлицъ имѣлъ обыкновеніе обучать подобнымъ образомъ свой полкъ на пересѣченной мѣстности съ такой энергіей, что однажды получилъ выговоръ отъ короля за большое число ушибленныхъ и убитыхъ при этомъ людей; въ отвѣтъ онъ спокойно сказалъ: „Если Ваше Величество будете поднимать такой шумъ изъ-за нѣсколькихъ сломанныхъ шей, то у васъ никогда не будетъ тѣхъ лихихъ всадниковъ, которые такъ нужны на войнѣ“.

Филархамъ или командирамъ эскадроновъ рекомендуется обращать самое строгое вниманіе на снаряженіе и одиночное обученіе ввѣренныхъ имъ людей; они сами должны умѣть ѣздить верхомъ и знать службу лучше своихъ подчиненныхъ, чтобы служить имъ живымъ примѣромъ и тѣмъ пріобрѣсти уваженіе и легче достигать послушанія.

Копье слѣдуетъ держать надъ головой лошади, между ея ушами.

Всѣ движенія, о которыхъ онъ говоритъ при одиночномъ обученіи, исключительно показныя и производились на смотрахъ, въ присутствіи сената, такъ какъ по аѳинскимъ законамъ никто не могъ служить въ конницѣ, не будучи предварительно подвергнутъ испытанію во всѣхъ подробностяхъ.

Ксенофонтъ признаетъ полезнымъ, чтобы при походныхъ движеніяхъ люди иногда слѣзали и вели нѣкоторое разстояніе лошадей въ поводу, для доставленія облегченія какъ спинамъ лошади, такъ и себѣ. Эта мѣра

заслуживаетъ особеннаго вниманія при форсированныхъ маршахъ, такъ какъ облегченіе лошадей и людей достигается при самой незначительной потерѣ времени.

Рекомендуемый имъ способъ перехода изъ развернутаго строя въ походныя колонны и обратно вполнѣ схожъ съ употребляемымъ нынѣ. Онъ говоритъ, что узкія дефиле слѣдуетъ проходить по одному; при слѣдованіи по широкимъ дорогамъ вести каждую трибу развернутымъ строемъ, а при движеніи по открытой равнинѣ построить изъ всѣхъ трибъ сомкнутый отрядъ.

Онъ рекомендуетъ далѣе высылать въ непріятельскую страну, кромѣ обыкновенныхъ разъѣздовъ, еще и другіе для полученія своевременно извѣщенія о приближеніи противника; слѣдуетъ думать, что подъ первыми разумѣются сторожевые, охранительные разъѣзды, а подъ вторыми—летучіе, развѣдочные.

Предводитель конницы долженъ еще въ мирное время вполнѣ ознакомиться какъ со своей страной, такъ и съ непріятельской. Ксенофонтъ справедливо замѣчаетъ что: „предводитель, знающій дороги, находится совсѣмъ въ отличномъ положеніи отъ того, кто съ ними не знакомъ, и что при составленіи плана дѣйствій, знающій страну имѣетъ большое преимущество передъ тѣмъ, кто ея не знаетъ“.

Указанія по установкѣ пикетовъ и сторожевыхъ постовъ замѣчательны. Прежде всего онъ рекомендуетъ ставить ихъ скрытно, чтобы они были надежной охраной своимъ и вѣроятной засадой для непріятеля. Скрытые посты гораздо менѣе подвержены нечаяннымъ нападеніямъ и вынуждаютъ противника къ большей осторожности. Если при наступленіи неизвѣстно, гдѣ можешь встрѣтить сопротивленіе, то приходится ожидать его всюду и поэтому двигаться не быстро и не свободно.

Весь трудъ Ксенофонта показываетъ большую опытность въ кавалерійскомъ дѣлѣ и всестороннее знакомство съ обязанностями вождя, проникнутъ глубокимъ знаніемъ человѣческой природы и ставитъ на подобающую высоту моральный элементъ, играющій столь важную роль въ военномъ дѣлѣ.

ГЛАВА III.

Конница римская.

1. Древнія времена[1]).

Главную силу римскаго войска составляла во всѣ времена пѣхота. Съ ней они завоевали весь свѣтъ и на нее всегда обращалось неусыпное вниманіе, чтобы поддержать ее на соотвѣтствующей высотѣ. Римская

[1]) Romae Antiquities; — Bardin; — Gibbon; — Lemprière, Trossulum, Celeres; — Livius; — Arnold History of Rome; — Frontin; — Calsar.

пѣхота была отлично вооружена, какъ наступательнымъ оружіемъ, такъ и предохранительнымъ, прекрасно обучена и дисциплинирована. Вначалѣ она строилась, вѣроятно въ видѣ подражанія грекамъ, въ фалангу, но очень скоро перешла къ манипулярному строю, въ которомъ легіонъ, раздѣленный на нѣсколько частей, обладалъ большей подвижностью. При Цезарѣ[1]) нѣсколько манипулъ сводились въ одно цѣлое и тактической единицей сдѣлалась когорта; такъ продолжалось и при императорахъ, при чемъ когорты состояли вообще изъ 555 человѣкъ.

Римляне, подобно спартанцамъ, не были кавалеристами въ душѣ, хотя высшіе классы несли службу верхомъ. Любопытенъ въ этомъ смыслѣ тотъ фактъ, что во времена республики ни одинъ офицеръ легіона не имѣлъ права нести службу верхомъ; даже выбиравшійся въ минуты крайней опасности и облеченный почти неограниченной властью, диктаторъ не имѣлъ права садиться на лошадь, не получивъ на то особеннаго разрѣшенія народа.

Если вѣрить легендамъ, составляющимъ основаніе древнѣйшей исторіи римлянъ, то можно придти къ заключенію, что кавалерійская служба была извѣстна еще при основаніи Рима и получила нѣкоторое развитіе, но имена вождей ея вѣроятно относятся къ области миѳовъ. Во всякомъ случаѣ до 2-й Пунической войны римская конница была немногочисленна и не играла замѣтной роли въ войнахъ: почти всѣ сраженія были выиграны пѣшими легіонерами и очень мало встрѣчается примѣровъ, гдѣ успѣхомъ обязаны конницѣ. Однимъ изъ таковыхъ является захватъ римскими всадниками, безъ всякой посторонней помощи, тускаго города Троссулума, почему они иногда называются „trossuli“ вмѣсто „equites“.

Какъ извѣстно, Ромулъ раздѣлилъ все населеніе Рима въ гражданскомъ и военномъ отношеніи на трибы и куріи; каждая курія выставляла 100 человѣкъ, триба въ 10 курій—1.000 человѣкъ, а всѣ 3 трибы 3.000 человѣкъ, исключительно пѣхоты, которые и составляли ядро войска. Кромѣ того Ромулъ сформировалъ конный отрядъ изъ 3 центурій по 100 человѣкъ каждая, набиравшійся со всѣхъ трибъ. Всадники эти называвшіеся „celeres“ или „equites“ были вооружены мечами и метательными копьями и обучались какъ конному, такъ и пѣшему бою. Это была отборная молодежь изъ патриціевъ, составлявшая какъ въ мирное, такъ и въ военное время корпусъ тѣлохранителей при особѣ царя.

Тарквиній Древній, какъ кажется, придавалъ болѣе значенія конницѣ и примѣнялъ ее больше, чѣмъ его предшественники: такъ онъ увеличилъ число всадниковъ въ каждой центуріи на сто. Вновь сформированные въ отличіе отъ бывшихъ раньше назывались соотвѣтственно тремъ трибамъ: Ramnenses, Tetienses и Inceres posteriores. Въ древнихъ источникахъ говорится, что конница эта оказала ему въ его войнахъ значительныя услуги.

[1]) Когорты введены ранѣе, при Маріѣ; численность когортъ измѣнялась, скорѣе приближаясь къ современному баталіону. *Прим. редак.*

Сервилій Туллій, реорганизовавшій государственное устройство и войско, раздѣлилъ прежнія 3 двойныя центуріи на 6: это были 6 патриціанскихъ центурій, извѣстныя подъ именемъ sex suffragii.

Къ нимъ было прибавлено еще 12 центурій всадниковъ изъ наиболѣе состоятельныхъ людей; въ этихъ новыхъ частяхъ, при формированіи коихъ руководствовались принципомъ состоятельности, а не происхожденія, были плебеи, хотя должно было быть и много патриціевъ, такъ какъ врядъ-ли все число этихъ послѣднихъ могло помѣститься въ первыхъ 6-ти центуріяхъ. Впрочемъ, во всѣ центуріи всадниковъ допускались въ первое время только люди безупречнаго поведенія, состоятельные и при томъ условіи, чтобы отецъ и дѣдъ были людьми свободными.

Всѣ 18 центурій всадниковъ получали казенныхъ лошадей (equi publici). и всадникамъ ежегодно выплачивалась извѣстная сумма на содержаніе коней. Позже, около 403 г. до Р. Х., для пополненія конницы явился другой классъ всадниковъ, а именно граждане, имѣвшіе достаточное состояніе для службы на конѣ. Они не получали лошадей отъ казны, а были обязаны купить и содержать таковыхъ на свой счетъ. Впрочемъ этотъ классъ хотя и имѣлъ преимущество конницы надъ пѣхотой, но считался, какъ кажется, ниже, чѣмъ equites.

Всадникамъ, служившимъ на казенныхъ лошадяхъ, производился ежегодно смотръ цензорами, причемъ они должны были проходить передъ этими послѣдними справа по одному, ведя лошадей въ поводу. Если цензоры находили видъ всадника или его снаряженіе неудовлетворительнымъ или содержаніе его лошади нехорошимъ, или вообще считали его недостойнымъ служить въ конницѣ, то вычеркивали его изъ списка, отбирали лошадь, а иногда переводили насильно въ пѣхоту. Подобное наказаніе считалось очень постыднымъ, особенно въ первое время, тогда какъ впослѣдствіи оно стало налагаться подъ вліяніемъ личной ненависти или несогласія политическихъ взглядовъ.

Въ 251 г. до Р. Х. 400 всадниковъ, находившіеся въ Сициліи, подъ командою консула Аврелія Котты, отказались исполнить его приказаніе о постройкѣ нѣсколькихъ укрѣпленій; ослушаніе было доведено до свѣдѣнія цензоровъ и виновные были лишены своего званія и права голоса на выборахъ.

Срокъ службы въ конницѣ былъ десятилѣтній, между тѣмъ какъ въ пѣхотѣ доходилъ до 16 и даже до 20 лѣтъ. Всаднику разрѣшалось оставаться на службѣ и долѣе означеннаго срока, если онъ былъ способенъ къ дѣйствительной службѣ.

Классы, изъ которыхъ пополнялась римская конница, были высшими по общественному положенію и наиболѣе богатыми; тоже мы видимъ почти вездѣ въ древнія времена, кромѣ развѣ только немногихъ греческихъ государствъ. Такъ уже у ассиріанъ и египтянъ наиболѣе знатные и богатые

люди сражались на колесницахъ, а впослѣдствіи верхомъ и служба въ конницѣ служила нѣкоторымъ отличіемъ. Римскіе всадники тоже имѣли нѣкоторыя преимущества и впослѣдствіи составили особый классъ. Дѣятельное участіе, принятое ими въ подавленіи возстанія, произведеннаго Катилиной, настолько увеличило ихъ значеніе и могущество, что, по словамъ Плинія, они составили въ государствѣ третье сословіе и къ извѣстному титлу „Senates Populusque Romanus" съ тѣхъ поръ стали прибавлять еще: „et Equestris Ordo". Всадники носили, какъ знакъ своего званія, золотое кольцо.

Въ сосѣднихъ съ Римомъ государствахъ конница также пополнялась лицами изъ высшихъ классовъ общества; такъ мы читаемъ, что послѣ пораженія самнитянъ Папиріемъ въ 293 г. до Р. Х. большая часть ихъ войска бѣжала въ городъ Аквилонію, а конница, „состоявшая изъ предводителей и знати", отошла къ Бовіануму.

Классъ всадниковъ продолжалъ существовать въ Римѣ очень долго, когда они уже перестали служить въ войскѣ въ видѣ особаго рода оружія. Въ позднѣйшія времена республики вся конница поставлялась союзными государствами. Такъ у Цезаря въ войнѣ съ галлами не было римлянъ въ конницѣ. Мы видимъ, напримѣръ, что при свиданіи съ Аріовистомъ, онъ взялъ съ собой въ конвой своихъ легіонеровъ, посаженныхъ на лошадей союзной галльской конницы, такъ какъ опасался довѣриться безусловно всадникамъ, поставленнымъ союзниками.

Впрочемъ если лица, принадлежавшія къ сословію всадниковъ, и не составляли впослѣдствіи особаго корпуса, то все же имъ поручались въ арміи мѣста, требующія довѣренныхъ лицъ; они служили офицерами въ союзной конницѣ, въ легіонахъ, или при штабахъ, или же въ качествѣ охотниковъ (singularii) исполняли особо опасныя порученія.

Особенно важное значеніе получило сословіе всадниковъ при Августѣ, когда на всѣ высшія мѣста какъ въ войскѣ, такъ и въ гражданскомъ управленіи стали назначаться лица этого сословія и вступить въ него было особымъ преимуществомъ, а состояніе въ немъ стало такимъ образомъ лучшимъ рекомендательнымъ письмомъ при вступленіи въ жизнь. Молодые люди другихъ сословій не могли разсчитывать ни на полученіе чина выше центуріона въ войскѣ, ни на занятіе сколько нибудь выдающагося мѣста въ гражданской службѣ.

Всѣ equites, несшіе дѣйствительную службу, обязаны были жить въ Римѣ и такимъ образомъ завоевали себѣ, еще при Имперіи, высокое общественное положеніе. При Валентиніанѣ и Валенцѣ, они занимали второе мѣсто въ городѣ и были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія.

Офицеры конницы считались старше офицеровъ пѣхоты того же чина; декуріонъ конницы соотвѣтствовалъ центуріону легіона.

Мы имѣемъ очень мало свѣдѣній объ обученіи и образѣ дѣйствій рим-

скаго войска въ древнія времена. Въ описаніи, у Ливія, сраженія между римлянами, подъ начальствомъ Валерія и Брута и веями, подъ начальствомъ изгнаннаго Тарквинія и его сыновей, говорится, что Валерій имѣлъ подъ своей командой пѣхоту, построенную въ видѣ четыреугольника (вѣроятно фалангообразно), а Брутъ конницу, которая была выслана впередъ для рекогносцировки. Вейской конницей командовалъ Арунсъ, сынъ Тарквинія. Въ происшедшей между конницами стычкѣ дѣло дошло до рукопашной схватки и обѣ стороны сражались копьями, чему доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что Брутъ и Арунсъ, бросившись другъ на друга, пронзили другъ друга копьями и пали мертвыми съ коней.

Также точно и въ битвѣ при Регильскомъ озерѣ конница дѣйствовала по всѣмъ вѣроятіямъ копьями. Бой долго колебался и римская пѣхота начала изнемогать, когда диктаторъ Постулій поскакалъ къ стоявшей въ резервѣ конницѣ и потребовалъ, чтобы она спѣшилась и поддержала утомленную пѣхоту; требованіе было сейчасъ же исполнено: всадники соскочили съ лошадей и поспѣшили стать въ переднюю линію. Пѣхота, воодушевленная прибытіемъ этихъ знатныхъ юношей, удвоила усиліе и успѣла, наконецъ, сломить сопротивленіе латинянъ. Тогда всадники сѣли на подведенныхъ въ это время коней, бросились за непріятелемъ, имѣя за собой пѣхоту и въ скоромъ времени непріятельскій лагерь былъ взятъ.

Ливій разсказываетъ далѣе, что въ 481 году до Р. Х. консулъ Цезо Фабій опрокинулъ акковъ атакой только своей конницы, но пѣхота, отъ ненависти къ нему, отказалась преслѣдовать противника.

Когда въ 447 году до Р. Х. въ сраженіи между сабинянами и римлянами, первые неожиданно охватили флангъ римлянъ, то всадники двухъ легіоновъ въ числѣ 600 человѣкъ соскочили съ коней, бросились на врага и пріостановили его наступленіе; затѣмъ опять сѣли верхомъ, поскакали къ другому флангу и здѣсь своими атаками способствовали выигрышу сраженія.

Еще примѣръ лихихъ дѣйствій римской конницы представляетъ происшедшее въ 422 г. Р. Х. сраженіе между римлянами, подъ начальствомъ консула Кая Семпронія и вольсками. Какъ кажется, римская пѣхота была тогда не высокаго достоинства; по крайней мѣрѣ, историкъ жалуется, что ихъ войско было гораздо менѣе дисциплинировано, чѣмъ у вольсковъ. Эти послѣдніе наступали очень смѣло и рѣшительно, римляне же колебались, останавливались и, наконецъ, начали отходить назадъ. Въ эту критическую минуту, начальникъ одной изъ конныхъ частей, Секстій Тимпаній, предложилъ своимъ всадникамъ слѣзть, слѣдовать за его копьемъ, какъ за знаменемъ и доказать, что съ ними не можетъ сражаться никакая конница, когда они верхомъ и никакая пѣхота, когда они въ пѣшемъ строю. Атака была ведена столь энергично, что вольски стали отходить и

линія ихъ была прорвана. Спѣшенные всадники проникли въ середину непріятеля, который, между тѣмъ, опять сомкнулся въ тылу ихъ и отрѣзалъ ихъ отъ своихъ. Римская пѣхота дѣлала тщетныя усилія выручить своихъ всадниковъ. Тимпаній, не имѣя возможности пробиться назадъ, отвелъ свой отрядъ на небольшой холмъ, гдѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ противникомъ, храбро оборонялся до ночи, когда неожиданный случай вывелъ его изъ опасности: обѣими сторонами овладѣлъ внезапно паническій страхъ, такъ что онѣ бросились бѣжать въ разныя стороны и на полѣ сраженія остался только Тимпаній со своимъ отрядомъ. Опасаясь, однако, засады, онъ остался на мѣстѣ до наступленія дня, и тогда, убѣдившись въ отступленіи непріятеля, отвелъ свой отрядъ въ Римъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ торжествомъ.

Изъ описанія этихъ сраженій мы видимъ, что римскіе всадники сражались иногда пѣшкомъ; надо полагать, однако, что это не было ихъ назначеніемъ, иначе имъ дали бы, вѣроятно, болѣе полное предохранительное вооруженіе.

Въ битвѣ при Сентинумѣ, римскіе и кампанскіе всадники дважды атаковали галльскую конницу вполнѣ удачно, но затѣмъ они сами были совершенно неожиданно атакованы боевыми колесницами; видъ ихъ испугалъ лошадей, конница пришла въ безпорядокъ, бросилась назадъ и смяла свою собственную пѣхоту.

Такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ колесницы оказали серьезную услугу, впрочемъ болѣе тѣмъ моральнымъ впечатлѣніемъ, которое онѣ произвели на никогда не видѣвшихъ ихъ римлянъ, чѣмъ своей дѣйствительной годностью для боя.

2. Снаряженіе, вооруженіе и тактика римской конницы въ древнія времена[1]).

Снаряженіе первыхъ римскихъ всадниковъ было очень просто. Они носили короткую тунику, оставлявшую руки и ноги голыми; сѣделъ и стремянъ не было, на спину лошади клалась попона, которая удерживалась на мѣстѣ трокомъ, груднымъ ремнемъ и подхвостникомъ. Всадники латъ не имѣли, а изъ предохранительнаго вооруженія носили круглые щиты, обтянутые бычачьей кожей, и шлемы.

По словамъ Полибія, копья были очень плохи: во-первыхъ, по своей легкости и непрочности они очень легко ломались и во-вторыхъ, они имѣли желѣзный наконечникъ только на одномъ концѣ, который обыкновенно послѣ перваго же укола, обламывался. Точно также и о щитахъ Полибій говоритъ съ большимъ пренебреженіемъ утверждая, что они не давали никакой защиты, и что въ дождливую погоду покрывавшая ихъ кожа

[1]) Duparcq; — Polybius; — Humbert; — Bardin; — Roemer; — Livius; — Plutarch, Fabius; — Folard; — Lisquenne.

скоро размокала и щитъ дѣлался никуда негоднымъ. Изъ наступательнаго оружія всадники имѣли мечи и копья. Будучи очень легко вооружены и не имѣя фактически почти никакого предохранительнаго оружія, они подвергались большой опасности.

Римскіе всадники.

Впослѣдствіи римская конница была улучшена по образцу греческой, она получила копье большей длины и крѣпости, съ желѣзными наконечниками на обоихъ концахъ, широкій мечъ, длиной всего около 13 дюймовъ и хорошо отточенный; продолговатый или квадратный щитъ, болѣе крѣпкій. До Веспасіана мечъ носился съ правой стороны, при немъ онъ былъ перенесенъ на лѣвую, а его мѣсто занялъ кинжалъ. Шлемы дѣлались сначала кожаные, затѣмъ металлическіе. Съ конницы уже было снято предохранительное вооруженіе, когда пѣхота еще носила кирасы.

Мы видѣли, что въ битвѣ между Брутомъ и Тарквиніемъ конница начала дѣло, но это не всегда было такъ; были случаи, когда конницу

Римскій конный легіонеръ.

Пѣшій легіонеръ.

держали за боевой линіей въ резервѣ и выдвигали впередъ въ критическую минуту для поддержанія пѣхоты. Мы приводили тому примѣры

Римскіе всадники.

Римскій конный легіонеръ.

Пѣшій легіонеръ.

при Регильскомъ озерѣ, затѣмъ въ 447 г. до Р. X. въ стычкѣ между римлянами и сабинянами и наконецъ въ дѣйствіяхъ Секста Тимпонія. Причина, по которой бой между Тарквиніемъ и Брутомъ открылся дѣйствіями конницы, ясна изъ описанія этого сраженія, сдѣланнаго Ливіемъ. Брутъ выѣхалъ съ конницей впередъ для производства рекогносцировки. Когда Арунсъ, также производившій со своей конницей рекогносцировку, узналъ Брута, окруженнаго ликторами консула, то воскликнулъ съ яростью: „вотъ, онъ, несчастный виновникъ нашего изгнанія изъ родины! смотрите, онъ идетъ украшенный отличіями нашего званія! теперь помогите мнѣ, о Боги, мстители за царей“! и давъ шпоры коню, устремился съ бѣшенствомъ на Брута, который, завидѣвъ его приближеніе, понесся къ нему на встрѣчу. Слѣдомъ за обоими предводителями помчалась ихъ конница. Такимъ образомъ, здѣсь причиной столкновенія между обоими рекогносцирующими отрядами была личная ненависть предводителей ихъ и потому образъ дѣйствій конницы въ данномъ случаѣ нельзя считать за общеупотребительный, тѣмъ болѣе, что прочіе историческіе факты этому противорѣчатъ.

Какъ кажется, при снаряженіи, вооруженіи, содержаніи и обученіи конницы преслѣдовались, преимущественно двѣ цѣли: развѣдывательная служба и преслѣдованіе послѣ боя. И то, и другое не требовало рукопашнаго боя, а слѣдовательно и предохранительнаго вооруженія, которое даже мѣшало-бы достигнуть желаемой цѣли.

Если-бы конницу держали при началѣ боя сзади не для преслѣдованія по окончаніи его, а для того, чтобы въ критическую минуту спѣшить и послать ее на помощь пѣхотѣ, что на дѣлѣ часто и производилось, то она должна-бы была быть еще тяжелѣе вооружена, чѣмъ эта послѣдняя, такъ какъ на нее смотрѣли-бы какъ на послѣднюю опору, а между тѣмъ она могла-бы нести на себѣ большую тяжесть въ виду того, что совершала передвиженія верхомъ. Дѣйствія конницы носили все тотъ-же характеръ до войнъ съ Аннибаломъ, когда были введены значительныя измѣненія, какъ въ снаряженіи, такъ и въ употребленіи ея. Такъ еще въ сраженіи при Каннахъ римскіе всадники спѣшились, чтобы вступить въ бой съ карѳагенянами. Увидавъ это, Аннибалъ сказалъ: „это мнѣ пріятнѣе, чѣмъ если-бы мнѣ ихъ дали связанными по рукамъ и ногамъ“.

Тактической единицей въ римской конницѣ была турма, которая дѣлилась на 3 декуріи по 10 человѣкъ въ каждой; декуріями командовали декуріоны, старшій изъ которыхъ былъ въ то же время командиромъ турмы. Эти три офицера выбирали еще троихъ, которые ѣздили въ замкѣ, такъ что турма нормальной численности состояла изъ 6 офицеровъ и 30 нижнихъ чиновъ. Обыкновенно строились въ 3 шеренги по 10 человѣкъ; иногда въ 4 — по 8 человѣкъ. Командиръ турмы становился передъ серединой ея,

два другіе декуріона — на обѣихъ фалангахъ въ передней шеренгѣ; прочіе 3 офицера въ замкѣ, за серединой турмы и за флангами. Каждая турма имѣла свой значекъ.

Въ составъ каждаго легіона входило 10 турмъ, по одной на каждую когорту, такъ что конница составляла 1/11 силы легіона. Она строилась или на обоихъ флангахъ пѣхоты, или вся вмѣстѣ въ передней линіи, или же, наконецъ, позади пѣхоты. Въ легіонахъ союзныхъ войскъ пѣхота имѣла ту же численность, какъ и въ римскихъ, но конница была вдвое сильнѣе, т. е. простиралась до 640 человѣкъ, въ римскихъ же — 320.

Турма строилась на полныхъ интервалахъ, т. е. промежуткахъ, равныхъ длинѣ фронта и на каждый рядъ давалось 5 футъ, чтобы всадникъ могъ свободно дѣйствовать своимъ метательнымъ оружіемъ.

Эти маленькія тактическія единицы обладали выгодой большей подвижности и вмѣстѣ съ тѣмъ давали возможность легко прекратить всякій начинавшійся безпорядокъ, который въ недостаточно обученныхъ войскахъ, при сколько нибудь значительной массѣ, распространялся очень легко.

16 турмъ вспомогательныхъ войскъ, соединенныя вмѣстѣ, составляли крыло или алу (ala) бывшее подъ начальствомъ префекта. Та часть конницы, которая стояла на флангахъ, была перемѣшана съ легкой пѣхотой; на остальную часть, стоявшую позади пѣхоты, возлагалось преслѣдованіе. Сколько кажется, союзная конница, болѣе легкая чѣмъ римская, производила рекогносцировки и фуражировки; ее набирали очень часто изъ жителей страны, гдѣ велась война,—изъ волонтеровъ—партизанъ, сторонниковъ Рима. Въ сраженіяхъ ее большею частью ставили на флангахъ боевого порядка, почему составлявшіе ее всадники и назывались фланговыми (equites alarii), въ отличіе отъ собственно римлянъ, или всадниковъ легіонарныхъ (equites legionarii).

Римляне, хотя и считали службу въ конницѣ почетной и пополняли ряды ея знатными юношами, но до Пуническихъ войнъ они не понимали ея духа, не придавали ей должнаго значенія и не умѣли, ни обучать ее, ни пользоваться ею. Древнимъ ремлянамъ не приходила въ голову возможность пустить ее стѣной на противника и быстротой и массой ея сломить его сопротивленіе; они ставили ей, какъ уже было сказано, только двѣ цѣли: развѣдываніе и преслѣдованіе.

Напротивъ того, къ пѣшему бою прибѣгали такъ часто, что надо удивляться отчего не было сформировано особыхъ отрядовъ тяжеловооруженныхъ драгунъ, которые, спѣшившись, могли бы занять въ боевомъ порядкѣ мѣсто рядомъ съ тріаріями или лучшей пѣхотой. Этого не дѣлали и ограничивались обладаніемъ плохо снаряженной и вооруженной конницы, которая была совершенно неспособна выполнить свою задачу даже въ такое время, когда метательное оружіе поражало только на нѣсколько шаговъ.

3. Конница въ войнахъ съ Аннибаломъ[1]).

Аннибалъ первый въ западной Европѣ понялъ настоящее значеніе конницы и всю ту пользу, которую можно изъ нея извлечь. Это былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мастеровъ военнаго дѣла, которые появляются столѣтіями и которые кладутъ отпечатокъ своего генія на всю современную имъ военную исторію. Подобно Александру на востокѣ, Аннибалъ на западѣ былъ обязанъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ, одержанныхъ имъ надъ лучшей пѣхотой, своей многочисленной, прекрасно обученной конницѣ и своему умѣнію ею распоряжаться.

При выступленіи Аннибала изъ Испаніи для внесенія войны въ предѣлы Италіи въ его войскѣ было 50.000 человѣкъ пѣхоты и 9.000 всадниковъ, — все опытные ветераны испанскихъ войнъ. Отношеніе конницы къ пѣхотѣ было больше, чѣмъ у римлянъ и почти такое-же, какъ оно было у Александра въ томъ войскѣ, съ которымъ онъ предпринялъ завоеваніе Персіи. По качеству-же своему карѳагенская конница еще болѣе превосходила римскую. Она раздѣлялась на тяжелую и легкую. Первая имѣла кольчуги, шлемы, желѣзные набедренники, мечи и короткія копья; она дѣлилась на эскадроны изъ 64 человѣкъ, строившіеся 8 человѣкъ по фронту и 8 въ глубину. Конница союзныхъ галльскихъ племенъ должна быть также отнесена къ тяжелой; она имѣла большіе мечи и въ остальномъ была снаряжена и вооружена подобно греческимъ катафрактамъ.

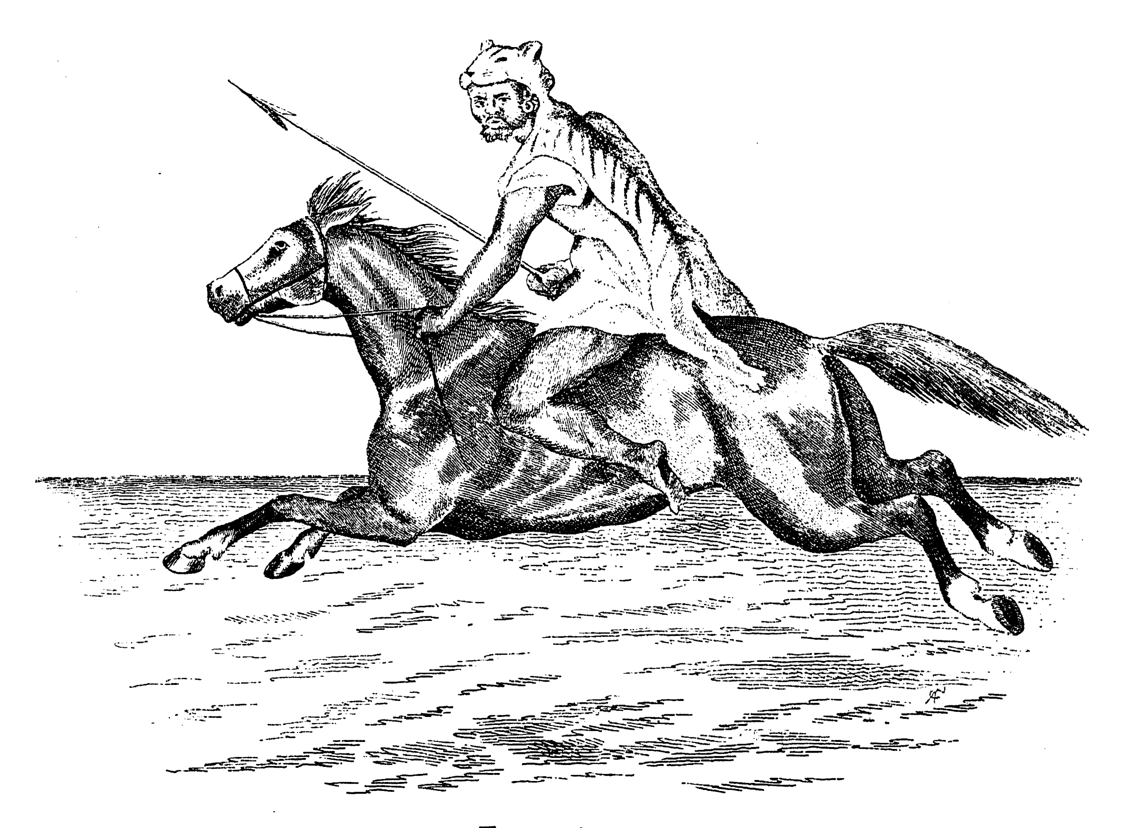
Нумидійцы, составлявшіе легкую конницу Аннибала, считались лучшими въ это время представителями этого рода оружія. Свѣдѣнія объ ихъ снаряженіи, вооруженіи и образѣ дѣйствій чрезвычайно разнорѣчивы. Лошади ихъ были маленькаго роста, очень невидныя. Сами они были крайне плохо снаряжены и почти совершенно нагіе, ѣздили безъ сѣделъ, управляли лошадьми съ помощью прута или ремня. Тѣмъ не менѣе услуги, оказанныя ими Аннибалу столь велики, что съ трудомъ можно вѣрить разсказамъ о столь неудовлетворительномъ ихъ снаряженіи. Они не употребляли ни узды, ни поводьевъ; это можно вывести, между прочимъ, изъ того, что Полибій, въ описаніи сраженія при Тичино, говоря о томъ, что они стояли на флангахъ, противопоставляетъ имъ тяжелую конницу, стоявшую въ центрѣ, называя ее конницей „съ поводьями". Кромѣ того всѣ древніе писатели называютъ нумидійцевъ прямо „gens inscia freni" или „Numidae infreni.

На колоннѣ Траяна нумидійцы изображены почти совершенно голыми, только на плечи накинутъ небольшой плащъ, свободно развѣвающійся по воздуху. Монфоконъ такимъ образомъ описываетъ подобнаго нумидійца:

---

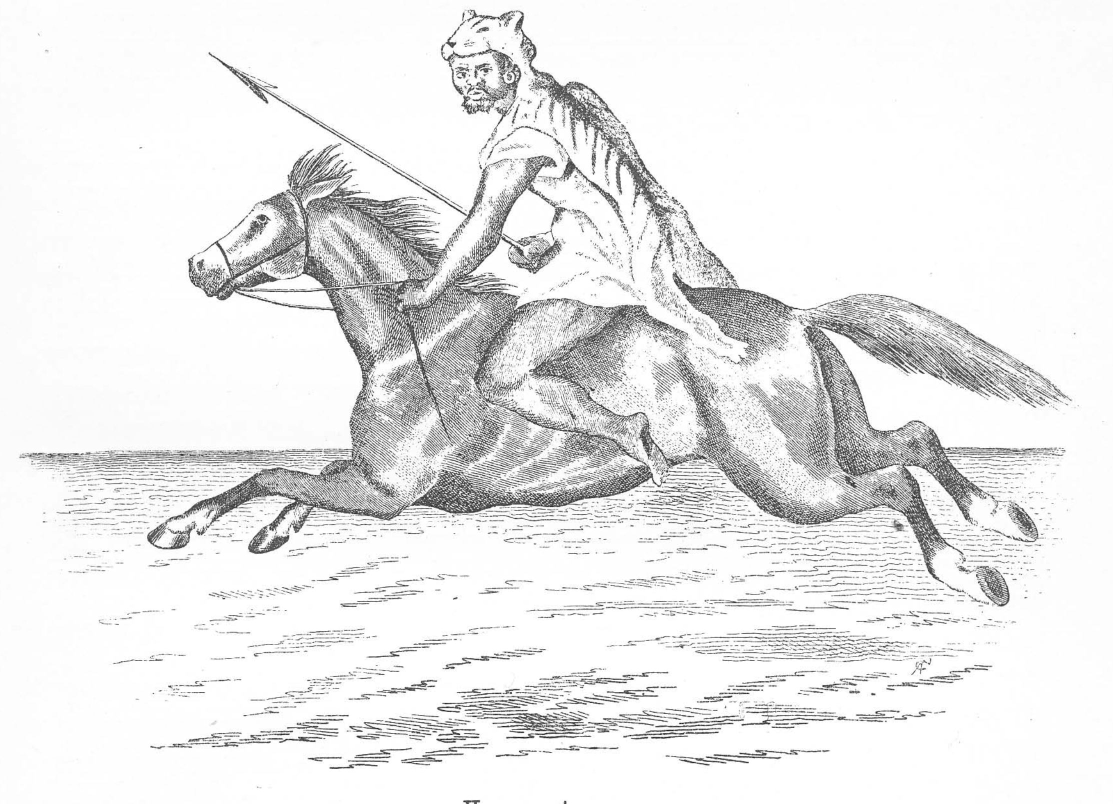
[1]) Macdougall, Hannibal; — Beamish; — Polybius; — Lemprière — Numidia; — Virgil; — Folard; — Lisquenne; — Bardin; — D'Aldeguier; — Humbert; — Vegetius; — Xenophon, Hipparchicus; — Boutell; — Rom. Antiquities.

римскій воинъ старается стащить его за волосы съ лошади — маленькаго несчастнаго животнаго безъ уздечки, сѣдла, попоны, или подушки. Также и Страбонъ говоритъ, что нумидійцы управляютъ лошадьми съ помощью прута и, что лошади бѣгаютъ за ними какъ собаки. Въ виду всѣхъ этихъ доказательствъ, нельзя не вѣрить, что нумидійцы обладали способностью управлять лошадьми безъ повода. Съ другой стороны Фаларъ признаетъ изображенія на колоннѣ Траяна не заслуживающими никакого вниманія и называетъ ихъ „une pure reverie de sculpture". Можетъ быть онъ и не



Нумидіецъ.

вполнѣ неправъ: если нумидійцы дѣйствительно въ своей странѣ и ѣздили нагими, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что при переходѣ арміи Аннибала въ Испанію и Италію, они начали носить какую-нибудь легкую одежду. Зато умѣнье ихъ управлять лошадьми безъ поводьевъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; всѣ древніе писатели: Полибій, Страбонъ, Силій Италійскій, Иродіанъ и Виргилій единогласно утверждаютъ это. Вооружены были нумидійцы дротиками и щитами. Они не были годны для сомкнутаго боя въ линіи, или частями, хотя Аннибалу, кажется, и удалось раздѣлить ихъ для построенія боевого порядка на эскадроны, по 64 человѣка въ каждомъ, и мѣсто имъ было указано на обоихъ флангахъ арміи. Главной же ихъ



Нумидiецъ.

дѣятельностью были: развѣдки, фуражировки, назойливое преслѣдованіе непріятельскихъ арріергардовъ, нападенія на обозы и транспорты. Они были очень смѣлы, предпріимчивы, выносливы и необычайно быстры въ движеніи; неожиданно появляясь передъ противникомъ, они закидывали его своими дротиками, которыми владѣли съ замѣчательной ловкостью; въ случаѣ его перехода въ наступленіе, уклонялись отъ боя и исчезали; затѣмъ опять появлялись, опять нападали. Всѣ эти маневры они производили съ достойной удивленія быстротой и повторяли ихъ по нѣскольку разъ, — что говоритъ въ пользу ловкости, силы, выносливости и крѣпости ногъ ихъ лошадей. Они были незамѣнимы въ засадахъ, нечаянныхъ нападеніяхъ, мелкихъ схваткахъ и при дѣйствіяхъ на пересѣченной мѣстности, трудно доступной для прочей конницы. Немудрено, что Ливій называетъ ихъ лучшей конницей Африки.

Легко понять какое значеніе имѣла подобная конница для Аннибала; безъ нея, а также и безъ своей тяжелой конницы, онъ врядъ-ли бы продержался въ Италіи даже въ теченіе одной кампаніи; съ ними-же онъ не только сражался 16 лѣтъ въ непріятельской странѣ, вдали отъ своей базы и даже совершенно отрѣзанный отъ нея, но и сражался, за рѣдкими исключеніями, побѣдоносно, хотя въ концѣ концовъ и безъ всякаго результата. Если бы у римлянъ была такая же конница, то онъ былъ бы вынужденъ очень скоро, уже по недостатку продовольственныхъ запасовъ, сдаться или по крайней мѣрѣ очистить Италію. Такимъ образомъ эти войны представляютъ первый примѣръ крупныхъ выгодъ, доставляемыхъ превосходствомъ кавалеріи. Чѣмъ дальше мы пойдемъ въ исторіи конницы, тѣмъ чаще будемъ мы возвращаться къ этой истинѣ и цѣлый рядъ фактовъ убѣдитъ насъ въ несомнѣнной пользѣ многочисленной хорошо снаряженной и обученной конницы.

Но Аннибалъ не только вѣрно оцѣнилъ роль конницы въ предпріятіяхъ малой войны; на западѣ онъ первый началъ пользоваться ею на поляхъ сраженія, согласно съ духомъ этого рода оружія: онъ бросалъ массы конницы съ непреодолимой силой на непріятеля и одерживалъ побѣды всесокрушающими ударами атакующихъ эскадроновъ. Также точно никто не умѣлъ лучше его подготовлять побѣду искуснымъ употребленіемъ конницы до боя и развивать успѣхъ дѣйствіями конницы въ самомъ бою.

Первое столкновеніе въ Италіи между Аннибаломъ и римлянами произошло на берегахъ Тичино. Это было почти исключительно кавалерійское дѣло, сразу показавшее, и превосходство карѳагенской конницы, и необыкновенно умѣлое пользованіе ею Аннибаломъ.

Командовавшій римской арміей Публій Сципіонъ, услышавъ о приближеніи карѳагенянъ, вышелъ на рекогносцировку съ конницей и частью легкой пѣхоты и наткнулся на Аннибала, двигавшагося во главѣ своей конницы съ тою же цѣлью. Это и было началомъ Тичинскаго боя, крайне

замѣчательнаго, не столько по числу участвовавшихъ въ немъ войскъ, сколько по произведенному имъ нравственному впечатлѣнію, которое не скоро изгладилось.

Сципіонъ развернулъ свои войска въ одну линію, вѣроятно, въ строю по турмамъ съ интервалами между ними; союзная галльская конница стояла въ центрѣ, римская—на флангахъ. Легкая пѣхота стала въ интервалахъ между турмами и въ центрѣ. Аннибалъ также выстроилъ свою конницу въ одну линію, вѣроятно, по эскадронно или въ отрядахъ по 64 человѣка, также съ интервалами между ними, но такъ какъ у него было больше войска, то стоявшіе на его флангахъ нумидійцы охватывали расположеніе противника.

Перемѣшиваніе у римлянъ легкой пѣхоты съ конницей доказываетъ, что Сципіонъ болѣе думалъ объ оборонѣ, чѣмъ о наступленіи, но пѣхота его, какъ по своему вооруженію, такъ и по качеству, не имѣла той стойкости, которая была необходима для отраженія кавалерійской атаки и которую могли бы проявить тяжеловооруженные воины.

Аннибалъ сразу оцѣнилъ слабую сторону подобнаго расположенія. Его всадники, горя желаніемъ сразиться, требовали немедленнаго боя и приказаніе объ атакѣ было дано. Какъ ураганъ понеслась карѳагенская конница и не дала времени римской пѣхотѣ нанести ей большой вредъ. Полибій говоритъ, „что легкіе пѣхотинцы едва успѣли бросить нѣсколько стрѣлъ, какъ устрашенные быстрымъ приближеніемъ непріятельской конницы и опасаясь быть раздавленными, повернули кругомъ и обратились въ бѣгство черезъ интервалы между эскадронами“. Римская конница двинулась на встрѣчу карѳагенской и между ними завязалась рукопашная схватка; часть римлянъ спѣшилась и вела бой въ пѣшемъ строю. Нумидійцы пронеслись мимо фланговъ римской конницы и налетѣли на отошедшую въ заднюю линію легковооруженную пѣхоту; по совершенномъ истребленіи ея они повернули назадъ и атаковали съ тыла римскую кавалерію. Въ скоромъ времени она принуждена была обратиться въ бѣгство и Аннибалъ одержалъ блестящую побѣду.

Изъ описанія этого видно, что карѳагенская тяжелая конница атаковала съ большой стремительностью и тѣмъ крайне поразила римскую легковооруженную пѣхоту.

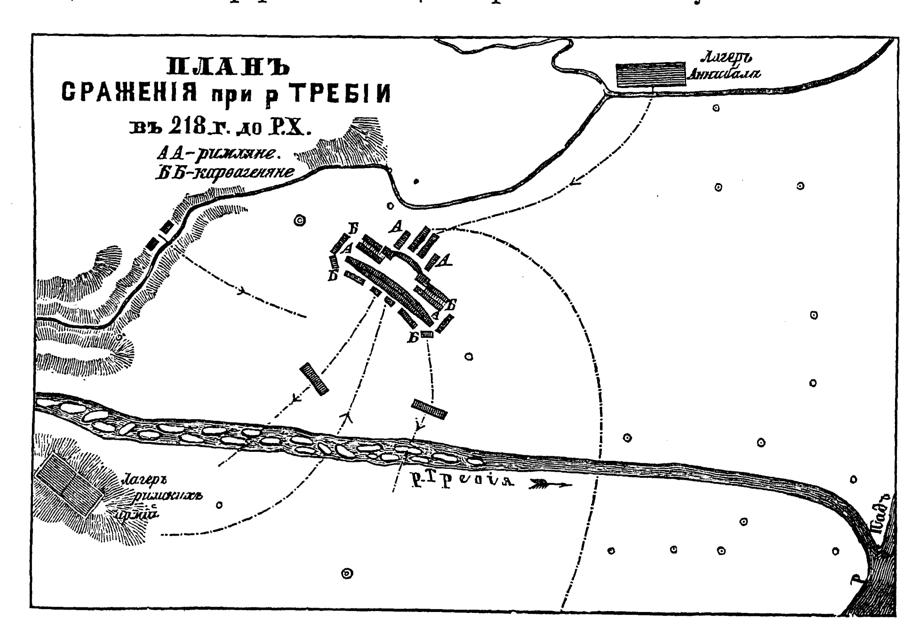
Сраженіе это ясно выставило превосходство Аннибала на ровной мѣстности, моральное же впечатлѣніе было огромное и весьма продолжительное. Сципіонъ началъ сейчасъ же отступать, съ чрезвычайной быстротой прошелъ отдѣлявшую его отъ рѣки По равнину и перешелъ по мосту за эту рѣку, „такъ какъ онъ не считалъ себя“, говоритъ Полибій, „въ достаточной безопасности вблизи отъ непріятеля, столь превосходящаго его конницей“.

Образъ дѣйствій римскаго вождя при открытіи военныхъ дѣйствій безусловно ошибоченъ. Ему должно было быть извѣстно, что у Аннибала многочисленная и прекрасная конница, а что у него самаго, наоборотъ,

лучше дисциплинированная и надежная пѣхота. Римляне и расчитывали всегда на свою пѣхоту для одержанія успѣховъ. Очень трудно поэтому понять почему Сципіонъ рѣшился принять первый бой въ войнѣ со своимъ слабѣйшимъ родомъ оружія противъ сильнѣйшаго и лучшаго непріятельскаго.

Нравственное впечатлѣніе первой побѣды въ кампаніи всегда очень сильно. Рѣдко бываетъ, чтобы разъ утраченное при первой неудачѣ довѣріе къ своимъ силамъ опять возстановлялось.

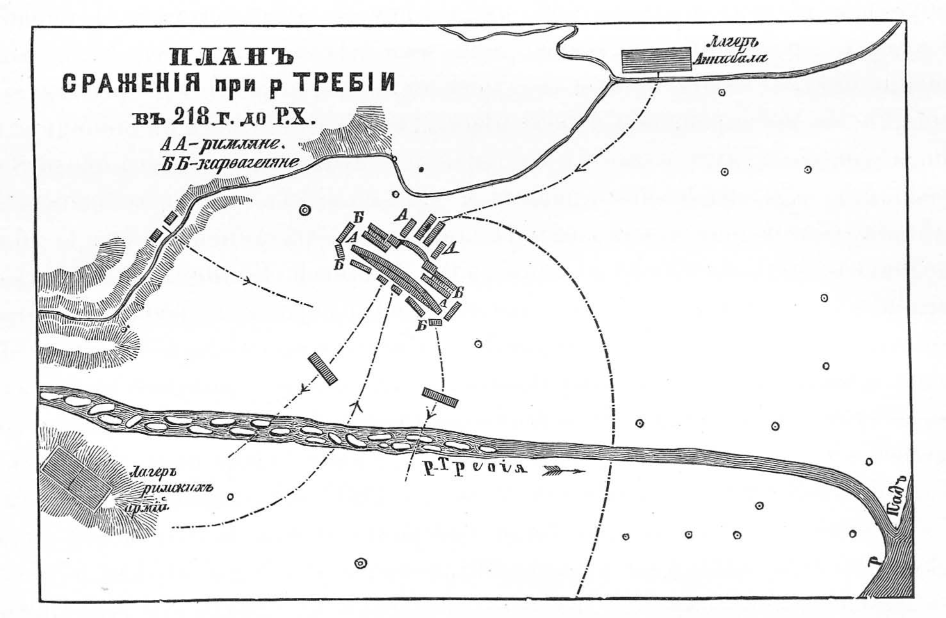
Слѣдующая большая битва произошла при Треббіи и здѣсь опять Аннибалъ выказалъ замѣчательныя способности полководца, а римляне дѣлали одну ошибку за другой. Аннибалъ расположился миляхъ въ 5 юго-восточнѣе Піаченцы и тѣмъ прервалъ сообщенія римскихъ консуловъ съ Римомъ и



Ариминомъ; вслѣдствіе этого римляне изъ Піаченцы вышли на западъ, переправились черезъ Треббію и стали лагеремъ на лѣвомъ берегу этой рѣки, вѣроятно, чтобы быть ближе къ городу, гдѣ находились ихъ магазины и запасы.

Аннибалъ воспользовался своей легкой конницей, чтобы вызвать римлянъ на заранѣе выбранную мѣстность, гдѣ была устроена засада, дававшая ему возможность атаковать противника въ разгаръ боя съ фланговъ и тыла. Онъ выслалъ нумидійцевъ для опустошенія всей мѣстности вокругъ лагеря римлянъ. Военачальникъ послѣднихъ, Семпроній, выступилъ противъ нихъ съ конницей и сильнымъ отрядомъ стрѣлковъ и оттѣснилъ ихъ; Аннибалъ отошелъ назадъ послѣ горячей схватки и тѣмъ поднялъ духъ римлянъ, вообразившихъ, что они одержали дѣйствительную побѣду.

Въ слѣдующую ночь Аннибалъ поставилъ своего брата Магона съ 2.000 людей, на половину всадниковъ и на половину пѣхотинцевъ, совер-


ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ при р ТРЕБІИ
въ 218 г. до Р.Х.
А А-римляне.
Б Б-кароагеняне
Лагерь Аннибала
Лагерь римскихъ армій
р. Требія
р. Падъ

шенно скрыто въ высохшемъ руслѣ ручья, противъ своего праваго фланга. Затѣмъ, какъ только начало разсвѣтать, еще ранѣе, чѣмъ римляне успѣли позавтракать, нумидійцы были опять высланы черезъ рѣку, чтобы безпокоить непріятеля и постараться втянуть его въ дѣло. Семпроній попался въ поставленную ему ловушку, такъ какъ вчерашній успѣхъ сдѣлалъ его самоувѣреннымъ до безумія. Онъ выслалъ для атаки нумидійцевъ свою конницу, слѣдомъ за ней 6.000 пѣшихъ лучниковъ и, наконецъ, выступилъ самъ съ остальнымъ войскомъ изъ укрѣпленій. Успѣхъ предыдущаго дня его ослѣпилъ. Дѣло было зимой; погода холодная, вода въ рѣкѣ поднялась и доходила людямъ до половины груди; къ тому же римляне не успѣли подкрѣпиться пищей. Несмотря на это, Семпроній перевелъ свое войско вбродъ и рѣшилъ принять бой, имѣя рѣку въ тылу. Аннибалъ спокойно ожидалъ противника на выбранномъ имъ мѣстѣ; люди его были совершенно свѣжи, накормлены и воодушевлены. Когда римляне, преслѣдуя нумидійцевъ, переправились черезъ рѣку, Аннибалъ выслалъ въ помощь этимъ послѣднимъ легкую пѣхоту и балеарскихъ пращниковъ, всего около 8.000 человѣкъ, слѣдомъ за ними пошелъ и самъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Его пѣхота, состоявшая изъ галловъ, испанцевъ и африканцевъ, всего до 20.000 человѣкъ, была построена въ одну линію фалангой. Конница, силой до 1.000 человѣкъ, а равно и слоны были распредѣлены поровну по обоимъ флангамъ. Полибій говоритъ, что „Семпроній отозвалъ назадъ свою конницу, безплодно утомлявшуюся въ преслѣдованіи нумидійцевъ, которые разсыпались въ полномъ безпорядкѣ при первомъ же столкновеніи и затѣмъ быстро собирались и смѣло возобновляли нападеніе“. Пѣхоту свою онъ построилъ въ 3 линіи, имѣя конницу, численностью до 4.000 чел., на обоихъ флангахъ.

Римскіе велиты должны были отступить предъ карѳагенской легкой пѣхотой, такъ какъ уже израсходовали почти всѣ свои стрѣлы и дротики въ длившихся съ самаго утра безпрерывныхъ схваткахъ съ нумидійцами. Сошлись главныя силы. Карѳагенская конница вынеслась впередъ и съ такой стремительностью атаковала римскихъ всадниковъ, что отбросила ихъ съ перваго же удара и согнала съ поля сраженія. Слѣдовавшіе за тяжелой конницей нумидійцы и легкая пѣхота бросились на оголенныя такимъ образомъ, стоявшія на флангахъ, части римскихъ легіоновъ и привели ихъ въ безпорядокъ. Въ эту критическую минуту Магонъ, выскочивъ изъ засады, ударяетъ въ тылъ легіонамъ и въ тоже время подоспѣваетъ опять карѳагенская конница, такъ что фланги римлянъ, ихъ конница и велиты опрокинуты и отброшены за рѣку. Но тяжеловооруженная римская пѣхота, стоявшая въ центрѣ, оказалась вполнѣ достойной своей славы. Передъ собой она имѣла, наступавшую въ полномъ порядкѣ, карѳагенскую фалангу (Аннибалъ, какъ кажется, не торопился начать бой въ центрѣ); резервы и фланги римлянъ были уничтожены; съ тыла угрожали войска, бывшія въ засадѣ; по всей мѣстности рыскали кругомъ побѣдоносные не-

пріятельскіе всадники; вздувшаяся рѣка отдѣляла отъ лагеря. Но никто и не подумалъ о сдачѣ. Рѣшеніе было принято консуломъ безъ всякаго колебанія, люди повиновались безпрекословно. Легіоны сомкнулись тѣснѣе, двинулись впередъ, разнесли весь центръ карѳагенской арміи и пробились къ Піаченцѣ. Сюда-же прибылъ на другой день и Сципіонъ, прошедшій ночью мимо карѳагенскаго лагеря съ собранными остатками войска.

Эта битва можетъ служить доказательствомъ достойныхъ удивленія качествъ римской тяжеловооруженной пѣхоты, легіоновъ и высокаго значенія конницы для Аннибала; несомнѣнно, что онъ выигралъ сраженіе только благодаря ей и ея блестящимъ дѣйствіямъ. Если-бы римскій консулъ распорядился лучше и не принялъ бы боя при неблагопріятной обстановкѣ, если бы онъ выбралъ позицію, гдѣ его фланги были бы обезпечены отъ охвата непріятельской конницей и гдѣ могли бы вполнѣ выказаться, при благопріятной обстановкѣ, обученіе, храбрость и стойкость его пѣхоты, — то, по всѣмъ вѣроятіямъ, исходъ сраженія былъ бы совсѣмъ другой, потому что бой при Треббіи показалъ, что карѳагенской пѣхотѣ было далеко до римской.

Описаніе битвы при Каннахъ, гдѣ Аннибалъ разбилъ самое многочисленное войско, когда нибудь противъ него выставлявшееся римлянами, даетъ еще доказательства какія выгоды умѣлъ извлекать этотъ великій полководецъ изъ своего искусства примѣнять конницу.

За нѣсколько дней до этой битвы произошла стычка между конницей и легкой пѣхотой Аннибала и передовыми отрядами консула Варрона. Первая же атака карѳагенской конницы, произведенная съ обыкновенной стремительностью, привела римлянъ въ безпорядокъ и вѣроятно имѣла бы для этихъ послѣднихъ очень печальныя послѣдствія, если-бы Варронъ не позаботился еще ранѣе поставить въ интервалахъ конницы нѣсколько когортъ тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ. Эта предусмотрительность, по словамъ Полибія, спасла его отрядъ.

Въ сраженіи при Каннахъ, армія Аннибала стояла въ дугѣ, образуемой рѣкой Ауфидіемъ [1]). На крайнемъ лѣвомъ флангѣ, который былъ примкнутъ къ рѣкѣ, стояла галльская и испанская конница, до 8.000 человѣкъ, рядомъ съ ней половина африканской пѣхоты. Въ центрѣ тяжеловооруженная галльская и испанская пѣхота, построенная въ большихъ массахъ (хиліархіяхъ) по 1.024 человѣка въ каждой. Правѣе ея — другая половина африканской пѣхоты и, наконецъ, на крайнемъ правомъ флангѣ — 2.000 нумидійскихъ всадниковъ.

Римское войско было построено слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ 2.000 римскихъ всадниковъ, въ центрѣ — пѣхота, на лѣвомъ флангѣ — союзная конница.

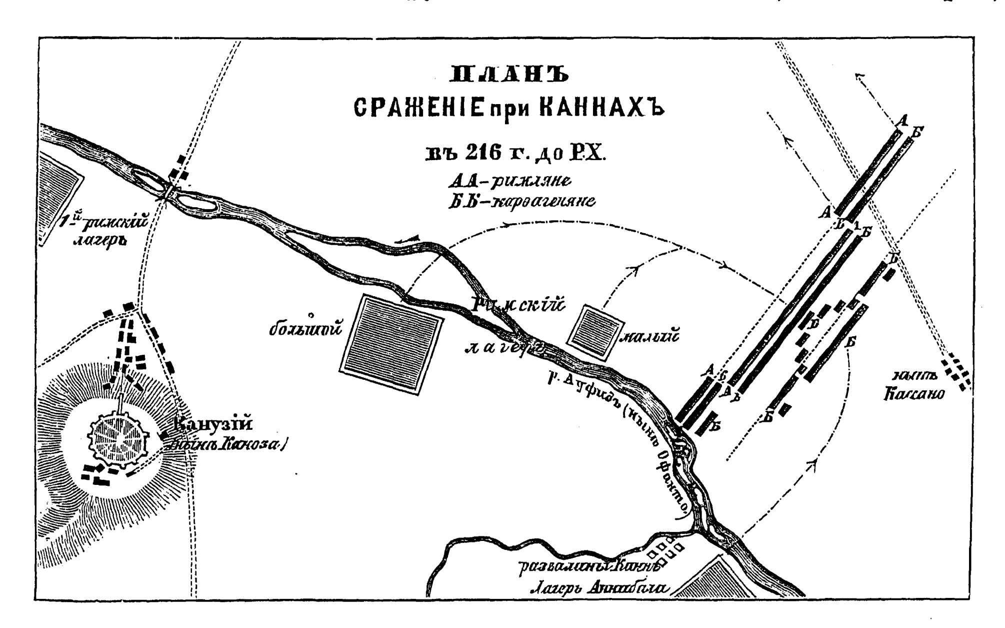
---

[1]) Ауфидій — названіе по *Титу Ливію*. Римская исторія отъ основанія города. Гл. XXII, п. 44. *Примѣч. ред.*

Пѣхота была въ обыкновенномъ манипулярномъ строю, на полныхъ интервалахъ и въ три линіи (гастаты, принципы и тріаріи); чтобы вполнѣ воспользоваться численнымъ превосходствомъ, фронтъ манипулъ былъ съуженъ до 10 человѣкъ, а глубина увеличена до 16 шеренгъ.

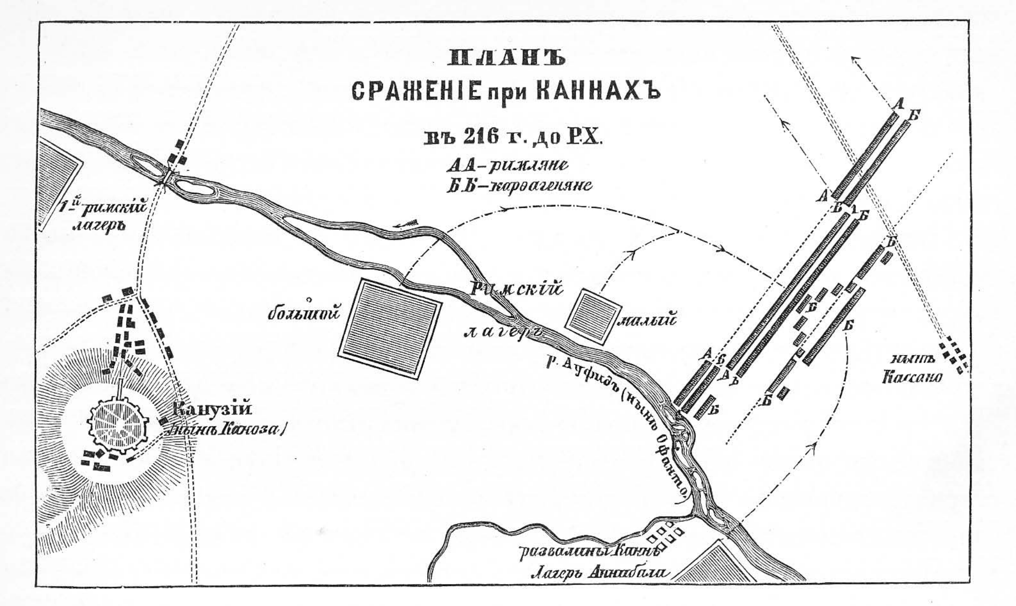
Пращники карѳагенянъ и легкія войска обѣихъ сторонъ стояли впереди фронта и первые начали бой, который продолжался долго, велся очень храбро, но безъ рѣшительнаго результата.

Аннибалъ, который ясно видѣлъ превосходство римской пѣхоты и приписывалъ его отчасти вооруженію, далъ своимъ африканскимъ ветеранамъ отнятое у римлянъ наступательное и предохранительное вооруженіе. Галльская и испанская пѣхота, вооруженная щитами и мечами, была въ строю,



имѣвшемъ видъ дуги, обращенной выпуклостью къ непріятелю. Предполагалось начать бой ею, а затѣмъ ввести въ дѣло африканцевъ, которые сначала должны были служить резервомъ. Одновременно съ атакой галловъ и испанцевъ, Аннибалъ приказалъ своимъ 8.000 тяжелыхъ всадниковъ атаковать стоявшихъ противъ нихъ 2.400 римскихъ всадниковъ, которые очевидно были сразу сметены съ поля сраженія. Между тѣмъ на противуположномъ флангѣ нумидійцы вели демонстративный бой съ союзной римской конницей, не ввязываясь въ рѣшительное дѣло. Прогнавъ римскихъ всадниковъ, карѳагенская конница, обскакавъ съ тылу все расположеніе римлянъ, атаковала сзади союзную конницу, на которую въ то же время съ фронта налетѣли нумидійцы; конечно и она была разбита.

Пока происходили эти кавалерійскія дѣла, римская пѣхота атаковала выдающійся пунктъ расположенія Аннибала и оттѣснила его; затѣмъ продолжала наступать далѣе, гоня его предъ собой и углубляясь все далѣе


ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЕ при КАННАХЪ
въ 216 г. до Р.Х.
АА–римляне
ББ–кароагеняне
1-й римскій лагерь
большой
Римскій лагерь
малый
р. Ауфидъ (нынѣ Офанто)
Канузій (нынѣ Каноза)
развалины Каннъ
Лагерь Аннибала
нынѣ Кассано

и далѣе внутрь расположенія кареагенянъ. Пользуясь этимъ оба отряда кареагенской пѣхоты сдѣлали захожденіе и атаковали оба фланга римлянъ; въ то же время возвращавшаяся, послѣ окончательнаго разсѣянія римскихъ конныхъ частей, карфагенская конница атаковала легіонеровъ съ тыла. Съ этой минуты бой обратился въ бойню; относительное число убитыхъ къ принимавшимъ участіе въ сраженіи было болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ бою древняго и даже новаго времени.

Дѣйствія кареагенской конницы въ этой битвѣ напоминаетъ дѣйствія македонянъ при Иссѣ и Арбеллахъ. Изъ описанія сраженія древними писателями видно, что конница была замѣчательно дисциплинирована; безъ этого немыслимо было бы настолько имѣть ее въ рукахъ, чтобы послѣ первой побѣдоносной атаки пріостановить преслѣдованіе, атаковать вторично, опять отозвать назадъ и атаковать въ третій разъ.

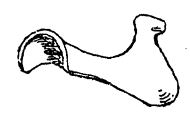
Умѣнье, съ которымъ Аннибалъ распредѣлилъ свою конницу, выше всякой похвалы. На лѣвомъ флангѣ, гдѣ онъ предполагалъ нанести первый ударъ, онъ ставитъ 8.000 противъ 2.400; на правомъ—нумидійцамъ, не превосходившимъ численностью противника, онъ запрещаетъ ввязываться въ серьезный бой, пока конница лѣваго фланга не подкрѣпитъ ихъ. Это показываетъ, какъ онъ понималъ принципъ, признаваемый и теперь за правильный—противупоставлять свои массы дробнымъ частямъ противника.

Войны съ Аннибаломъ и цѣлый рядъ пораженій, которыя римляне терпѣли отъ него, вслѣдствіе недостатка хорошей конницы, вынудили ихъ обратить вниманіе на этотъ родъ оружія. Публій Сципіонъ, сынъ вождя римлянъ при Тичино, былъ, по смерти отца и дяди, назначенъ начальникомъ римскаго войска въ Испаніи. Какъ только этотъ великій полководецъ,—впослѣдствіи побѣдитель Аннибала при Замѣ, вступилъ въ командованіе своими войсками, такъ сейчасъ же съ полной энергіей занялся улучшеніемъ конницы.

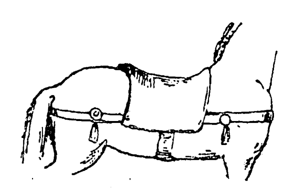
Онъ слѣдовалъ при этомъ греческой системѣ, которая въ тѣ времена считалась лучшей. Всадники были снабжены шлемами, латами, продолговатыми щитами, сапогами, копьями съ желѣзными наконечниками на обоихъ концахъ, дротиками и кривыми саблями. Сципіонъ, не щадя трудовъ, самъ наблюдалъ за ученіями и присутствовалъ при упражненіяхъ. Полибій даетъ въ X книгѣ описаніе введенныхъ имъ маневровъ. Каждый всадникъ долженъ былъ умѣть дѣлать повороты направо, налѣво, кругомъ и во фронтъ. Декуріи и турмы обучались заѣздамъ направо и налѣво, затѣмъ повороту кругомъ рядами и опять заѣзду на прежнее мѣсто. Также точно дѣлались заѣзды по турмамъ—кругомъ и на три четверти круга. Иногда одинъ или два ряда изъ середины или съ фланга вызывались впередъ на извѣстное разстояніе и затѣмъ другіе должны были большимъ галопомъ выравняться по нимъ. Какъ кажется, упражненіе это, описаніе котораго, впрочемъ, не совсѣмъ ясно, имѣло скорѣе цѣлью развитіе ловкости маневрированія, чѣмъ примѣненія его въ дѣлѣ. Затѣмъ дѣлали перемѣну фронта.

Сципіонъ обучалъ далѣе своихъ воиновъ, во время наступленія на противника, внезапно поворачиваться и начинать отходить, причемъ маневръ этотъ долженъ былъ быть произведенъ въ полномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ интерваловъ между частями, такъ какъ онъ считалъ, что для конницы нѣтъ ничего опаснѣе атаки въ безпорядкѣ.

Онъ обучалъ всадниковъ и дѣлалъ имъ смотры самъ лично, причемъ выводилъ ихъ изъ города въ поле и здѣсь производилъ тѣ упражненія, которыя считалъ для нихъ необходимыми. При этомъ, вопреки принятому тогда обыкновенію, онъ не становился во главѣ войскъ, гдѣ его могли видѣть всѣ, а онъ не видѣлъ никого, но все время переѣзжалъ отъ одной части къ другой, за всѣмъ присматривалъ, давалъ объясненія и дѣлалъ необходимыя поправки. Онъ внушалъ такимъ образомъ каждому отдѣльному воину ясное представленіе объ его обязанностяхъ. Дмитрій Фалернскій, обсуждая этотъ методъ, говоритъ: „Сила всего войска составляется изъ силы и обученія каждой отдѣльной части его и каждаго отдѣльнаго воина“.

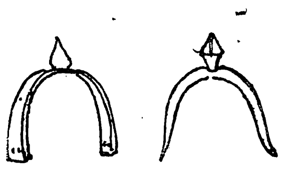


Римское сѣдло (sella equestres).



Римская подушка (ephippium) съ подхвостникомъ (postilenz) и груднымъ ремнемъ (antilens).

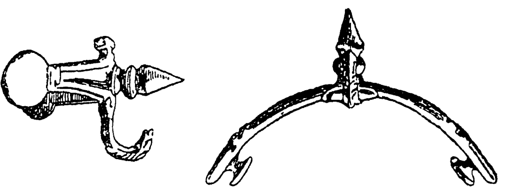
Сципіонъ, впрочемъ, и пожалъ впослѣдствіи въ полной мѣрѣ плоды трудовъ, положенныхъ имъ на обученіе своихъ воиновъ, прежде всего уже въ испанскихъ войнахъ, а затѣмъ и въ битвѣ при Замѣ, гдѣ одержаннымъ успѣхомъ онъ не только спасъ свой народъ отъ погибели, но и завоевалъ ему владычество надъ цѣлымъ міромъ.



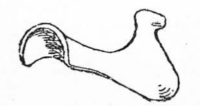
Римскія шпоры (calcar)

Бронзовая. Желѣзная.

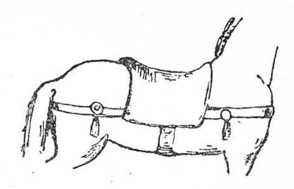
Римская конница уже съ давняго времени употребляла уздечку и поводья, но не имѣла ни сѣделъ, ни стремянъ. Вмѣсто сѣделъ, которыя впервые появились въ 340 г. по Р. Х. и были усовершенствованы 50 лѣтъ спустя Ѳеодосіемъ В., римляне употребляли двойную попону или подушку изъ сукна, звѣриной кожи или мѣха; нижняя попона была больше верхней и иногда украшена бахромой. Она удерживалась на мѣстѣ трокомъ, груднымъ ремнемъ и подхвостникомъ. На нее клали маленькую подушку, нижній край которой былъ вырѣзанъ фестонами и иногда украшенъ кисточками; грудной ремень и подхвостникъ также обвѣшивались кисточками, полумѣсяцами и т. п. Обѣ попоны или подушки скрѣплялись между собой четырьмя пуговицами, а иногда лентами. Стремена появились лѣтъ черезъ 200 послѣ введенія сѣделъ, т. е. въ концѣ VI столѣтія по Р. Х.



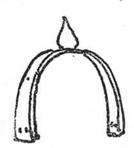
Римскія шпоры.

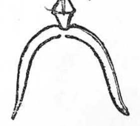


Римское сѣдло
(sella equestres).

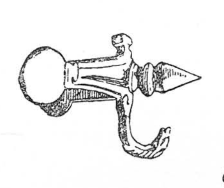


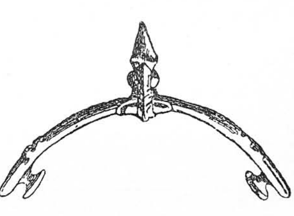
Римская подушка
(ephippium) съ подхвостникомъ (postilenz) и груднымъ ремнемъ (antilens).





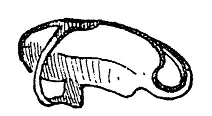
Римскія шпоры
(calcar)
Бронзовая. Желѣзная.



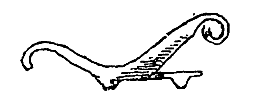


Римскія шпоры.

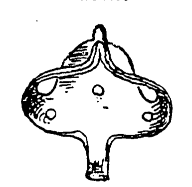
Вегецій говоритъ, что молодые солдаты обучались вскакивать на неосѣдланную лошадь съ копьемъ или обнаженнымъ мечемъ въ рукахъ и что это упражненіе производилось постоянно и молодыми и старыми воинами. Начинали обученіе на деревянной лошади и безъ оружія, затѣмъ давалось оружіе и наконецъ переходили къ живой лошади; обучали вскакивать съ обѣихъ сторонъ. Упражненія эти производились зимой въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, а лѣтомъ на плацахъ.



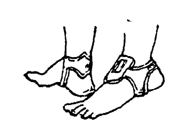
Римскій желѣзный башмакъ для копытъ. (solea ferrea, fr. hipposandale).



Тоже.



Тоже.



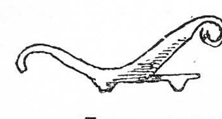
Римскіе шпорные ремни.

Франкская подкова изъ гробницы Хильдерика († 481 г.).

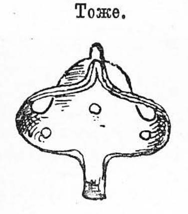
Касательно употребленія удила и повода здѣсь будетъ кстати привести разсказъ Ливія (въ 33 гл. 4-й книги) о сраженіи, происшедшемъ между римлянами, подъ начальствомъ диктатора Мамерка Эмилія и фиденатами, въ которомъ начальникъ конницы (magister equitum) Авлій Корнелій приказалъ своимъ людямъ снять съ лошадей уздечки и атаковать противника на разнузданныхъ лошадяхъ, причемъ атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Если этотъ фактъ вѣренъ, то онъ только доказываетъ, что Корнелій желалъ избѣжать задерживаніе лошадей всадниками при приближеніи къ противнику и развить до высшаго предѣла быстроту хода лошадей. Надо замѣтить, что одинъ изъ дѣятелей американской войны, генералъ Гудъ, утверждалъ, что если бы можно было въ моментъ атаки перерѣзать поводья, то лошади бы смяли всякую пѣхоту и результаты атаки были бы несомнѣнны.

О способѣ ковки лошадей у римлянъ мнѣнія расходятся. Извѣстно только, что подковъ, прикрѣпленныхъ къ копыту гвоздями, какъ это дѣлается теперь, у нихъ не было. Неизвѣстно также, гдѣ были впервые примѣнены такія подковы и когда, но во всякомъ случаѣ не во времена Рима. У грековъ во времена Ксенофонта лошадей вовсе не ковали, что видно между прочимъ изъ заботъ его о возможно большемъ укрѣпленіи копыта. Съ другой стороны извѣстно, что римляне надѣвали иногда на ноги муловъ и вообще вьючныхъ животныхъ металлическіе и деревянные башмаки (solea), которые подвязывались выше копыта кожаными ремнями; впрочемъ кажется подобнаго рода башмаки встрѣчаются только какъ исключеніе; Светоній разсказываетъ, что когда Неронъ отправился на Олимпійскія игры, то за нимъ слѣдовало 2.000 муловъ, несшихъ его вещи и везшихъ повозки. Мулы эти снабжены были подобнаго рода башмаками изъ серебряной пластинки на ремняхъ. Такіе башмаки, только золотые, были на муллахъ Поппеи. Изъ всего этого только можно вывести заключеніе, что

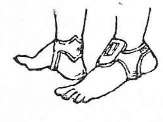
Римскій желѣзный башмакъ для копытъ.
(solea ferrea, fr. hipposandale).



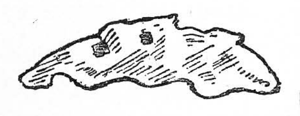
Тоже.



Тоже.



Римскіе шпорные ремни.



Франкская подкова изъ гробницы Хильдерика († 481 г.).

римляне заботились о ногахъ своихъ вьючныхъ животныхъ и можно думать, что не менѣе заботились они и о ногахъ лошадей своей конницы. Лискеннъ не допускаетъ возможности, чтобы продолжительные марши, которые необходимо должны были имѣть мѣсто въ государствѣ, простиравшемся отъ Британіи до береговъ Тигра, могли совершаться на неподкованныхъ лошадяхъ и полагаетъ, что подковы настолько точно пригонялись по формѣ копытъ, что ихъ на памятникахъ и моделяхъ нельзя разобрать. Гумбертъ совершенно того же мнѣнія. Напротивъ того Барденъ съ ними не согласенъ и прямо говоритъ, что стремена и подковы римской конницѣ были неизвѣстны. Въ виду подобныхъ противорѣчій врядъ-ли этотъ вопросъ можетъ быть окончательно рѣшенъ; по всѣмъ вѣроятіямъ вообще ковки не было, иначе, хотя гдѣ нибудь можно было бы найти точныя указанія на это, но весьма возможно, что на лошадей конницы иногда надѣвались башмаки вышеописаннаго устройства.

Первое несомнѣнное доказательство ковки на гвоздяхъ даетъ скелетъ лошади, найденной около Тура въ 1653 г. въ гробницѣ Хильдериха, царствовавшаго отъ 453 — 481 г. послѣ Р. Х.

Римская конница держалась на той высотѣ, до которой ее довелъ Спиціонъ, довольно продолжительное время. Дѣленіе легіоновъ на манипулы и принятый для послѣднихъ строй на полныхъ интервалахъ, давалъ мелкимъ коннымъ частямъ — турмамъ — возможность, проходя черезъ эти интервалы, оказывать своей пѣхотѣ дѣятельную и непосредственную помощь. Для этой цѣли извѣстная часть конницы ставилась позади боевой линіи въ резервѣ.

Уже Спиціонъ и Лентулъ при дѣйствіяхъ въ Испаніи и Африкѣ ввели временно раздѣленіе легіоновъ на когорты, которыя они формировали простымъ сведеніемъ трехъ манипулъ. Сдѣлано это было вѣроятно для успѣшнаго противодѣйствія многочисленной непріятельской конницѣ; опытъ же доказалъ, что это достигается уменьшеніемъ числа интерваловъ между пѣхотными частями и построеніемъ этихъ послѣднихъ въ болѣе крупныя тактическія единицы. Въ видѣ постояннаго подраздѣленія легіоновъ, когорты были введены не ранѣе какъ во времена Марія, причемъ каждый легіонъ дѣлился на 10 когортъ, что и продолжало существовать во всѣ времена Императоровъ.

При Адріанѣ численность первой когорты была увеличена; она была сформирована изъ лучшихъ людей всего легіона и ей были даны нѣкоторыя особыя преимущества. Она была двойной силы противъ другихъ когортъ, такъ что въ ней числилось 800, 1.000 или 1.200 человѣкъ, при силѣ легіона въ 4.000, 5.000 или 6.000 человѣкъ. Также знамя или орелъ, а равно и изображеніе Императора были переданы этой когортѣ, носившей названіе cohors milliario.

Въ боевомъ порядкѣ мѣсто конницы было обыкновенно на флангахъ, причемъ тяжелая конница становилась рядомъ съ пѣхотой, а легкая

рядомъ съ тяжелой, чтобы прикрыть фланги своей арміи и въ тоже время угрожать флангу и тылу непріятельской. Извѣстная часть конницы, и по введеніи когортъ, ставилась позади боевой линіи, такъ какъ и это построеніе дозволяло, прохожденіемъ чрезъ интервалы, подать непосредственную помощь пѣхотѣ.

4. Походы Сципіона Африканскаго. Битвы при Илингѣ и Замѣ, и войны съ Митридатомъ [1].

Битва при Илингѣ въ Испаніи между Сципіономъ Африканскимъ и Газдрубаломъ приводится обыкновенно какъ образецъ высшаго развитія тактическаго искусства въ римской военной исторіи и потому заслуживаетъ болѣе подробнаго изученія, тѣмъ болѣе, что конница играла въ ней совершенно выдающуюся роль.

Аздрубалъ и Магонъ имѣли 70.000 пѣхоты, 4.000 конницы и 32 слона; Сципіонъ — 45.000 пѣхоты и 3.000 конницы, слѣдовательно былъ значительно слабѣе. Весною 205 г. до Р. Х. Аздрубалъ собралъ всѣ свои силы и занялъ укрѣпленный лагерь у подошвы горы близъ города Илинга. Впереди лагеря простиралась очень удобная для дѣйствій равнина.

Сципіонъ находился въ это время въ очень критическомъ положеніи. Его римскіе легіоны были слишкомъ слабы, чтобы бороться одни со столь превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, испанскіе же союзники не внушали ему достаточнаго довѣрія. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ не выказывать своего недовѣрія и въ дѣлѣ употребить свои испытанные легіоны на рѣшительномъ пунктѣ, а союзными войсками только заполнить промежутки.

Въ этихъ видахъ, онъ подошелъ къ позиціи карѳагенянъ па $^1/_2$ мили и началъ разбивать лагерь. Предполагая, однако, что Аздрубалъ постарается ему помѣшать, онъ поставилъ свою конницу въ засаду за холмомъ. Хитрость его вполнѣ удалась: Магонъ и Массинисса, которые дѣйствительно вышли изъ своего лагеря съ конницей и нумидійцами, были неожиданно атакованы изъ засады и съ большими потерями, въ полномъ безпорядкѣ отброшены въ свой лагерь. Эта стычка подняла духъ римлянъ и скрѣпила союзъ ихъ съ испанцами.

Вслѣдъ затѣмъ войска обѣихъ сторонъ простояли еще нѣсколько дней другъ передъ другомъ въ боевомъ порядкѣ на равнинѣ, простиравшейся между лагерями, не начиная боя; только между легкими частями происходили изрѣдка небольшія схватки.

Во все это время Сципіонъ внимательно наблюдалъ за боевымъ порядкомъ Аздрубала и замѣтилъ, что лучшая часть войска послѣдняго, африканская пѣхота, находилась въ центрѣ, а конница и слоны на флангахъ. Очевидно было, что, принимая это построеніе, Аздрубалъ хотѣлъ противу-

[1]) Polibius; Lecomte; Liskenne; Plutarch.

КОНСУЛЬСКАЯ АРМІЯ ИЗЪ 4-хъ ЛЕГІОНОВЪ.

Легіонъ. Велиты

Конница союзниковъ. Гастаты Конница союзниковъ.

Легіонная конница. Принципы Легіонная конница.

Тріаріи

Конница. Экстраординарная пѣхота Конница.

Аблекты.

КОНСУЛЬСКАЯ АРМІЯ ИЗЪ 4-хъ ЛЕГІОНОВЪ.

Строй легіона по когортамъ въ 3 линіи.

Кавалерія. Экстраординарныя. 2-й легіонъ союзный. 2-й легіонъ римскій. 1-й легіонъ римскій. 1-й легіонъ союзный. Экстраординарныя. Конница

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ИЛИНГѢ въ 206 году до Р. Х.
Армія Газдрубала.

КОННИЦА. КОННИЦА.

Нумидійцы Испанцы. Испан. пѣх. Африканская пѣхота. Испан. пѣх. Испанцы Нумидійцы

Римск. пѣх. Испанская пѣхота. Римск. пѣх.

Сципіонъ.

Конница. Конница.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ЗАМѢ въ 202 году до Р. Х.

Аннибалъ.

3-я линія.

Карѳагенская конница. 2-я линія. Нумидійская конница.

1-я линія.

Слоны.

1-й боевой порядокъ

Сципіонъ.

поставить своихъ африканцевъ римскимъ легіонерамъ, которые также обыкновенно занимали центръ; онъ могъ ежедневно видѣть римское войско въ боевомъ порядкѣ и замѣтить, что испанцы и вообще малонадежныя союзныя войска, стояли на флангахъ. Сообразно съ этимъ онъ и принялъ свои мѣры; между тѣмъ Сципіонъ показывалъ ежедневно свой боевой порядокъ, именно, чтобы ввести въ заблужденіе Аздрубала, а самъ хотѣлъ въ послѣднюю минуту перемѣнить построеніе такъ, чтобы поразить непріятеля неожиданностью.

Передъ началомъ сраженія Сципіонъ, какъ опытный воинъ, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы возможно обезпечить за собой успѣхъ. Трибунамъ и офицерамъ было приказано наблюсти, чтобы всѣ люди были накормлены и на разсвѣтѣ совершенно готовы къ выступленію. Раньше другихъ вышли конница и легкія войска, за ними главныя силы, которыя развернулись на равнинѣ такъ, что испанцы стали въ серединѣ, а римскіе легіоны поровну на обоихъ флангахъ. Конница приблизилась къ самому непріятельскому лагерю и угрожала нападеніемъ. Аздрубалъ, видѣвшій выступленіе и развертываніе противника при тускломъ свѣтѣ едва начинающагося дня, немедленно выслалъ легкія войска и конницу, какъ они были не ѣвши и наскоро одѣтые, противъ римской конницы, а самъ съ остальною частью войска, также не успѣвъ поѣсть, выступилъ вслѣдъ за ними и выстроилъ свой обыкновенный боевой порядокъ, имѣя слоновъ на флангахъ. Между тѣмъ солнце взошло; легкія войска Сципіона отошли черезъ интервалы въ заднюю линію и глазамъ Аздрубала представилось римское войско въ новомъ и неожиданномъ его построеніи. Онъ видѣлъ, что его испанскіе союзники должны будутъ выдержать ударъ лучшихъ войскъ противника и, что исходъ боя будетъ въ значительной степени зависѣть отъ исхода этого столкновенія.

Онъ не имѣлъ, однако, много времени на размышленіе, такъ какъ Сципіонъ сейчасъ же началъ наступленіе, которое также было произведено совершенно неожиданнымъ образомъ. Испанцы въ фаланго-образномъ строю составляли центръ, римскіе легіоны — фланги; послѣдніе, введеніемъ когортъ прициповъ въ интервалы гастатовъ были построены въ одну сомкнутую линію; тріаріи слѣдовали за ней; каждая когорта имѣла 32 человѣка по фронту и 12 человѣкъ въ глубину. За тяжеловооруженной пѣхотой шли велиты, въ манипулярномъ строю съ интервалами; за велитами — конница, по 1.500 на каждомъ флангѣ, имѣя турмы сведенными по три въ одну массу съ интервалами между этими послѣдними. Очевидно всѣ тактическія дѣйствія были заранѣе обдуманы и сообщены офицерамъ.

Сципіонъ командовалъ правымъ крыломъ, Юлій Силанъ — лѣвымъ. Войска обѣихъ сторонъ двинулись другъ другу на встрѣчу и сошлись уже на 100 локтей, когда оба крыла римской арміи неожиданно зашли въ наружную сторону направо и налѣво и колонной продолжали движеніе:

правое—къ правому флангу, лѣвое—къ лѣвому, пока головы ихъ не поровнялись съ противоположными флангами карѳагенянъ; тогда они зашли во фронтъ, выстроились такимъ образомъ противъ непріятельскихъ фланговъ и скорымъ шагомъ двинулись въ атаку. Между тѣмъ велиты и конница, также произведшіе фланговое движеніе, не зашли во фронтъ одновременно съ легіонами, а продолжали движеніе, заходя послѣдовательно по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ за фланговъ легіоновъ и стоя такимъ образомъ въ обратномъ первоначальному порядкѣ. Этимъ построеніемъ боевой порядокъ Сципіона настолько продолжился въ обѣ стороны, что охватывалъ боевой порядокъ противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сципіонъ задержалъ центръ, приказавъ имъ почти топтаться на мѣстѣ и получилось построеніе въ видѣ уступовъ съ обоихъ фланговъ.

Дѣло началось съ того, что римская конница, бросилась на карѳагенскую съ фронта и съ фланговъ, а велиты атаковали слоновъ и притомъ настолько удачно, что эти животныя, повернувъ назадъ, смяли и привели въ безпорядокъ свои собственныя линіи. Римская конница сразу смяла нумидійцевъ и согнала ихъ съ поля битвы; тутъ Сципіонъ пожалъ плоды его заботъ по обученію и организаціи своей кавалеріи и римскимъ легіонамъ также не стоило большого труда справиться съ испанскими союзниками карѳагенянъ, тѣмъ болѣе, что эти были ослаблены тѣмъ, что были на тощакъ. Они были разбиты и прогнаны съ поля сраженія. Все это время отборныя дружины карѳагенянъ должны были стоять на мѣстѣ праздными зрителями, не имѣя возможности подать помощи потому что на нихъ медленно надвигалась фаланга римскихъ союзниковъ, готовясь воспользоваться всякимъ ихъ неловкимъ движеніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ее атаковать они также не могли, потому что она находилась еще довольно далеко отъ нихъ. Но африканская пѣхота показала себя достойной своей славы: несмотря на полное пораженіе и бѣгство фланговыхъ частей, она отошла въ порядкѣ, прикрыла отступленіе и спасла остатки арміи.

Битва при Илингѣ показываетъ, что римляне научились отлично маневрировать и, что Сципіонъ полагался вполнѣ на ихъ маневренную ловкость, такъ какъ иначе онъ врядъ-ли рѣшился-бы производить столь сложныя перестроенія въ такой близости отъ многочисленнаго и дѣятельнаго противника, обладавшаго предпріимчивой кавалеріей. Такая же увѣренность Фридриха В. въ маневренной способности его арміи дала ему возможность принять косой боевой порядокъ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что можетъ рѣшиться на то, о чемъ никакая другая армія и думать не смѣетъ.

Интересно еще сравнить только что описанное сраженіе съ тѣми, въ которыхъ римляне дрались съ Аннибаломъ, причемъ можно ясно видѣть насколько этотъ послѣдній послужилъ учителемъ для римлянъ вообще и для Сципіона въ особенности. Сципіонъ 17-лѣтнимъ юношей сопровождалъ отца своего, бывшаго консуломъ, въ его походахъ противъ Аннибала, въ

сраженіяхъ при Тичино, Треббіи и Каннахъ. Въ первой же битвѣ, онъ видѣлъ совершенное пораженіе римской конницы, причемъ тяжело раненому отцу его (жизнь котораго молодой Сципіонъ, какъ говорятъ, спасъ выдающимся подвигомъ храбрости) едва удалось спасти остатки разбитаго своего войска отъ полнаго разсѣянія. Этотъ первый печальный опытъ боевой дѣятельности Сципіона открылъ ему повидимому глаза на значеніе хорошей конницы. Также точно и при Треббіи видѣлъ онъ какъ его соотечественники были разбиты, благодаря неудачѣ ихъ конницы на флангахъ, причемъ центръ — лучшія силы римлянъ, — не могъ измѣнить исхода сраженія. Наконецъ, при Каннахъ пришлось ему въ третій разъ видѣть, какъ превосходство карѳагенской конницы и искусство ея вождя повели къ полному пораженію римлянъ. Вліяніе этихъ тяжелыхъ опытовъ высказалось сейчасъ-же по полученіи Сципіономъ назначенія военачальника. Его первою мыслью было улучшеніе кавалеріи, чѣмъ онъ и занялся въ мирное время, а когда пришла минута боя, въ его памяти возстала картина боя при Треббіи, ему представились усталые, голодные, продрогшіе отъ холода товарищи и онъ рѣшилъ принять тактику великаго противника его отца. Онъ заставилъ непріятеля своего вступить съ нимъ въ бой также усталымъ и голоднымъ, обошелъ, разбилъ оба его крыла своей прекрасной конницей и одержалъ блестящую побѣду, которая была, по образу дѣйствій, сколкомъ съ первыхъ боевъ его жизни, только противники помѣнялись ролями.

Слѣдствіемъ битвы при Илингѣ было очищеніе всей Испаніи карѳагенянами и завоеваніе ея римлянами. 4 года спустя Сципіонъ перенесъ войну въ Африку и Аннибалъ послѣ цѣлаго ряда сраженій и побѣдъ былъ вызванъ изъ Италіи. Обѣ враждующія стороны собрали всѣ свои силы къ послѣднему рѣшительному бою, гдѣ дѣло шло, какъ это обѣ сознавали, объ обладаніи всѣмъ міромъ.

Сраженіе это одно изъ наиболѣе важныхъ и рѣшительныхъ по результатамъ, произошло у деревни Замы, въ 5 переходахъ юго-западнѣе Карѳагена, въ 202 г. до Р. X.

Численность войска Сципіона простиралась, по имѣющимся, далеко не достовѣрнымъ, даннымъ, до 40.000 человѣкъ; въ томъ числѣ 6.000 пѣхоты и 6.000 нумидійской конницы были незадолго до того приведены Массиниссой. У Аннибала, какъ кажется, было 2.700 новонабранныхъ, не особенно надежныхъ, карѳагенскихъ всадниковъ, только 2.000 нумидійцевъ и около 5.000 пѣхоты съ 80 слонами.

За 16 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, какъ Аннибалъ впервые выступилъ противъ римлянъ, въ составѣ обѣихъ армій произошли большія перемѣны; такъ, насколько численность конницы возросла въ римской — настолько она уменьшилась въ карѳагенской. — Правда у Аннибала было еще 24.000 тѣхъ испытанныхъ ветерановъ, которые такъ долго сража-

лись подъ его начальствомъ въ Италіи и по стойкости, по умѣнію владѣть оружіемъ, могли быть смѣло поставлены наравнѣ съ лучшими римскими легіонами, — но за то конница была слаба числомъ и подготовкой, а нумидійцевъ было всего 2.000 чел. Напротивъ того, у Сципіона была многочисленная и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная конница. Аннибалъ это понималъ прекрасно и что долженъ онъ былъ перечувствовать видя противъ себя 6.000 человѣкъ тѣхъ самыхъ нумидійцевъ, которыхъ цѣну онъ такъ хорошо зналъ, которымъ во всѣхъ прежнихъ кампаніяхъ, онъ такъ довѣрялъ, которымъ, наконецъ, онъ такъ часто былъ обязанъ побѣдой въ сраженіяхъ и безопасностью при передвиженіяхъ и отдыхѣ?

Аннибалъ построилъ свои войска въ 3 линіи, или, вѣрнѣе, фаланги, сдѣлавъ ошибку не оставить между отдѣльными частями интерваловъ. Слоны были распредѣлены по всему фронту. Въ первой линіи стояли 1.200 лигурійцевъ, галловъ и прочихъ наемниковъ, во второй, вплотную къ первой, новонабранныя африканскія и карѳагенскія ополченія; въ третьей, нѣсколько отступя отъ второй, — 24.000 ветерановъ, поставленные такимъ образомъ, что бѣглецы изъ обѣихъ первыхъ линій могли обходить ихъ фланги. Карѳагенская конница стала на правомъ флангѣ, нумидійская — на лѣвомъ.

Сципіонъ, особенно выдававшійся своей способностью примѣняться къ обстоятельствамъ, отбрасывая все рутинное и общепринятое, и здѣсь построилъ свои войска совершенно оригинально. Онъ поставилъ ихъ въ 3 линіи, какъ обыкновенно, но съ той разницей, что когорты принциповъ должны были строго держать затылокъ гастатамъ, такъ что въ сущности римляне были построены въ линіи колоннъ на интервалахъ. Интервалы эти между манипулами были заполнены велитами, такъ что издали можно было подумать, что все римское войско стоитъ въ фалангообразной массѣ. Подобное построеніе было принято съ той цѣлью, чтобы дать свободный проходъ слонамъ, которыхъ затѣмъ велиты должны были завлечь за боевой порядокъ. Лелій съ римской конницей сталъ на лѣвомъ флангѣ, Массинисса со своими нумидійцами — на правомъ.

Дѣло началось съ мелкихъ схватокъ между конницами: Сципіонъ, желавшій прежде всего покончить со слонами, продолжалъ стоять на мѣстѣ. Аннибалъ дѣйствительно приказалъ пустить впередъ этихъ животныхъ, которые, испуганные шумомъ римскихъ духовыхъ инструментовъ и поражаемые дротиками велитовъ, частью бросились въ нарочно для нихъ оставленные интервалы римскаго войска, частью обошли фланги войска, а частью повернули назадъ и привели въ совершенный безпорядокъ конницу лѣваго фланга Аннибала. Массинисса весьма удачно воспользовался этимъ моментомъ, энергично атаковалъ эту конницу и однимъ ударомъ смелъ ее съ поля сраженія. Въ то же время и Лелій, пользуясь своимъ превосходствомъ, атаковалъ стоявшую противъ него непріятельскую конницу и обратилъ ее въ бѣгство.

Между тѣмъ и пѣхотныя части сошлись въ рукопашную. Кареагенскіе наемники скоро не выдержали атаки гастатовъ и, не получая своевременно помощи отъ второй линіи, заподозрили измѣну и повернули назадъ. Однако и гастаты пришли въ замѣшательство и устояли только поддержанные принципами. Аннибалъ, видя, что наемники бѣгутъ прямо на его резервъ и опасаясь, что они приведутъ его въ безпорядокъ, приказалъ своимъ ветеранамъ опустить копья и тѣмъ заставить бѣглецовъ очистить фронтъ. Сципіонъ не позволилъ гастатамъ преслѣдовать, привелъ ихъ въ порядокъ, развернулъ принциповъ и тріаріевъ на ихъ флангахъ въ одну линію съ ними и повелъ на кареагенянъ. Завязался рукопашный бой между ветеранами Аннибала и римскими легіонерами, бой, про который Полибій говоритъ: „численность, рѣшимость и оружіе были съ обѣихъ сторонъ одинаковы; они сражались съ такимъ ожесточеніемъ, что умирали въ своихъ рядахъ и никто не могъ сказать, чѣмъ кончится дѣло". Въ эту рѣшительную минуту Лелій и Массинисса, прекратившіе преслѣдованіе, атаковали фалангу Аннибала съ тыла. Это рѣшило дѣло. Кареагеняне потерпѣли полное пораженіе и потеряли много людей, такъ какъ равнина, по которой они отступали отдавала ихъ въ руки конницы. Самъ Аннибалъ едва ушелъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что выигрышъ дѣла долженъ быть приписанъ конницѣ, которая своими вождями была въ удачную минуту введена въ бой, своевременно остановлена во время преслѣдованія и направлена для нанесенія рѣшительнаго удара. Оба ея вождя показали себя выдающимися кавалерійскими генералами.

Вообще нужно сказать, что римская конница никогда, ни прежде, ни послѣ, не достигала той высоты, на которой она находилась въ концѣ второй Пунической войны въ смыслѣ и организаціи, и примѣненія ея. Позже она была иногда многочисленнѣе, процентное отношеніе ея къ пѣхотѣ было больше, но за то качество хуже, дисциплина слабѣе и вожди ея не умѣли столь удачно ею пользоваться.

Около 100 лѣтъ спустя, въ 86 г. до Р. Х., когда Сулла ведетъ войну съ полководцами Митридата въ Беотіи, у него въ войскѣ имѣется 15.000 пѣхоты и 1.500 конницы, между тѣмъ какъ противники его обладаютъ многочисленной конницей. Поэтому, чтобы обезпечить свои фланги отъ нея, Сулла въ сраженіи при Орхоменѣ приказалъ построить два укрѣпленія; правое примыкало къ болоту, а лѣвое доходило до рѣки Меласъ, которая, протекая вокругъ праваго фланга и тыла расположенія Архелая, полководца Митридата, изливалась въ то же болото. Такимъ образомъ Сулла обезпечилъ свои фланги и когда ему удалось вогнать противника въ его лагерь и овладѣть этимъ послѣднимъ, то войско Архелая, стиснутое между рѣкой и болотомъ и не имѣвшее пути отступленія, было окончательно разбито. Остается только удивляться, что Архелай, владѣя многочислен-

ной конницей; позволилъ слабѣйшему въ силахъ противнику безнаказанно пройти обширную равнину и далъ запереть себя въ такой мѣшокъ.

Лукуллъ, бывшій также нѣкоторое время вождемъ римскаго войска, въ войнахъ съ Митридатомъ, умѣлъ очень ловко распоряжаться конницей и этому именно обязанъ выигрышемъ сраженія при Тиграноцертѣ противъ превосходнаго въ силахъ непріятеля. Тигранъ имѣлъ 150.000 пѣхотинцевъ, 20.000 лучниковъ и пращниковъ, 35.000 рабочихъ и 55.000 всадниковъ, въ томъ числѣ 17.000 латниковъ. Онъ расположился лагеремъ на широкой равнинѣ, имѣя р. Тигръ передъ собой. Лукуллъ съ 10.000 пѣхотинцевъ, 3.000 всадниковъ и 1.000 лучниковъ и пращниковъ двигался съ цѣлью атаковать это несмѣтное войско и перешелъ рѣку противъ праваго фланга непріятеля. Видя ихъ малочисленность, Тигранъ засмѣялся и сказалъ: „если они идутъ послами, то ихъ слишкомъ много; если же они идутъ съ цѣлью сражаться, то ихъ слишкомъ мало". Между тѣмъ Лукуллъ замѣтилъ, что лежащій около праваго фланга противника, и имъ командующій холмъ, оставался незанятымъ и сейчасъ же составилъ планъ захватить его своей конницей и оттуда немедленно атаковать отборныхъ латниковъ, составлявшихъ правое крыло, во флангъ и тылъ. Для этого онъ направилъ на холмъ своихъ галльскихъ и ѳракійскихъ всадниковъ, причемъ приказалъ имъ отнюдь не дѣйствовать дротиками, а прямо ударить въ рукопашную съ мечемъ въ рукахъ и прежде всего стараться перерубать древка копій, такъ какъ, не имѣя возможности пользоваться ими, латники оставались совершенно безоружными; затѣмъ слѣдовало рубить ихъ по ногамъ, какъ единственному незащищенному мѣсту.

Смѣлая атака небольшой горсти всадниковъ подъ личнымъ начальствомъ Лукулла, поддержанная двумя когортами отборныхъ пѣхотинцевъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Тяжеловооруженные и неповоротливые латники, атакованные во флангъ, были первымъ же ударомъ приведены въ безпорядокъ и отброшены на свою пѣхоту и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ все войско побѣжало. Тигранъ, страшно пораженный, бѣжалъ однимъ изъ первыхъ. Трудно повѣрить, но Плутархъ утверждаетъ, что вся потеря римлянъ состояла изъ 5 убитыхъ и 100 раненныхъ, тогда какъ одна непріятельская пѣхота потеряла до 100.000 человѣкъ.

Это сраженіе показываетъ, что дисциплина и ловкость маневрированія совершенно необходимы, чтобы придать конницѣ ея настоящее значеніе. Латники Тиграна, будучи хорошо вооружены, будучи хорошими ѣздоками на хорошихъ лошадяхъ, были однако обучены лишь настолько, чтобы двигаться въ прямомъ направленіи впередъ или назадъ, но совсѣмъ не умѣли маневрировать и потому, неожиданно атакованные во флангъ, не смогли перемѣнить фронтъ и встрѣтить противника атакой же.

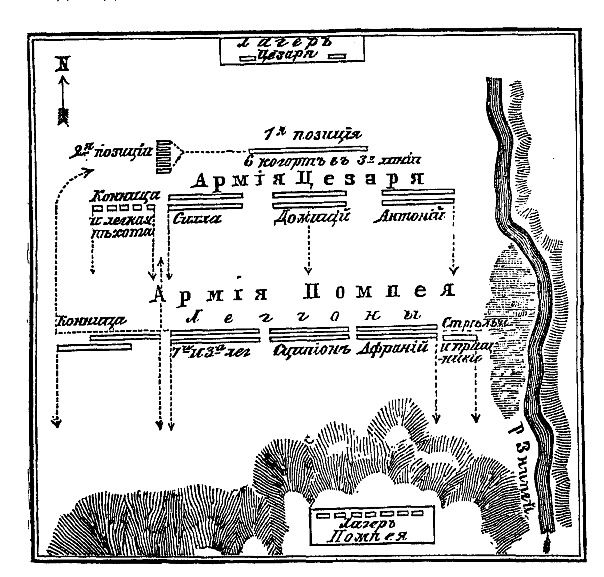
Въ сраженіи при Артаксатѣ (67 г. до Р.Х.) съ Тиграномъ же Лукуллъ опять очень ловко дѣйствовалъ своей конницей. Тигранъ поставилъ передъ

*

фронтомъ своего войска сильный отрядъ своей лучшей конницы, поддержанный нѣсколькими эскадронами конныхъ мардiйскихъ лучниковъ и иберiйскихъ копейщиковъ, на храбрость и ловкость которыхъ онъ возлагалъ большiя надежды. Лукуллъ перевелъ свою конницу черезъ рѣку Арзанiю съ цѣлью атаковать эти выдвинутыя впередъ части и этимъ прикрыть переправу пѣхоты. Римская конница сразу же опрокинула и обратила въ бѣгство непрiятельскую, но Лукуллъ не позволилъ ей преслѣдовать, чтобы она помогала прочимъ войскамъ во время боя. Черезъ нѣкоторое время онъ устремился самъ съ ней на царскихъ тѣлохранителей, разбилъ ихъ и выигралъ сраженiе.

5. Конница при Юлiѣ Цезарѣ. Битва при Фарсалѣ[1]).

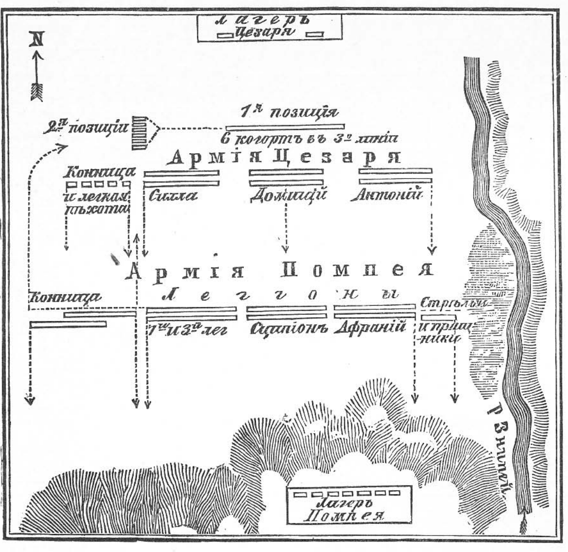
Сраженiе при Фарсалѣ (48 г. до Р. Х.) представляетъ большой интересъ, доказывая съ одной стороны опасность возлагать преувеличенныя надежды на обходы конницы — и съ другой — искусство Юлiя Цезаря, который съумѣлъ принятыми мѣрами вполнѣ обезопасить себя отъ обыкновенныхъ послѣдствiй этого маневра. До него въ теченiе 150 лѣтъ всякiй начальникъ, умѣвшiй пользоваться этимъ маневромъ, могъ смѣло разсчитывать на побѣду.



Сраженiе при Фарсалѣ въ 48 г. до Р. Х.

Обѣ армiи встрѣтились на равнинѣ, близъ рѣки Энипей. Помпей поставилъ на правомъ своемъ флангѣ, примкнутомъ къ рѣкѣ, 600 всадниковъ, въ центрѣ пѣхоту, а всю остальную массу конницы сосредоточилъ на лѣвомъ флангѣ съ цѣлью обойти правый флангъ Цезаря и прижать его къ рѣкѣ. Его распоряженiя были вообще удачны, но только ему слѣдовало оставить извѣстную часть конницы въ резервѣ, что было очень легко, такъ какъ онъ въ значительной степени превосходилъ противника этимъ родомъ оружiя, а между тѣмъ въ кавалерiйскихъ дѣлахъ успѣхъ обыкновенно на сторонѣ того, кто послѣднiй вводитъ въ дѣло резервъ. У Помпея было 7.000 всадниковъ и 45.000 пѣхотинцевъ, у Цезаря — 1.000 римскихъ всадниковъ и 22.000 пѣхотинцевъ. Цезарь распорядился своими войсками съ замѣчательнымъ искусствомъ; лѣвый флангъ — 8-й и 9-й легiоны подъ командой Антонiя, — былъ примкнутъ

[1]) Plutarch, Помпей и Цезарь; — Liskenne; — Lecomte.



Сраженіе при Фарсалѣ въ 48 г. до Р. Х.

къ рѣкѣ; когортами центра командовалъ Эней Домицій; правый флангъ составлялъ любимый легіонъ Цезаря — 10-й — подъ начальствомъ П. Суллы. Каждый легіонъ былъ построенъ въ 3 линіи, такъ что оказалось 44 когорты въ первой, 24 — во второй и только 16 — въ третьей. Конница расположилась на крайнемъ правомъ флангѣ, наравнѣ съ первой линіей противъ 6.000 всадниковъ Помпея.

Осмотрѣвъ расположеніе Помпея и придя къ убѣжденію, что онъ намѣревается обойти правый флангъ, Цезарь перевелъ шесть лучшихъ когортъ въ числѣ 3.000 человѣкъ изъ третьей линіи за правый флангъ и приказалъ имъ до начала боя стоять совершенно смирно, чтобы не быть замѣченными противникомъ.

Конница Цезаря, замѣтивъ наступленіе конницы Помпея, не оказала никакого сопротивленія, а отошла назадъ и стала подъ прямымъ угломъ къ общему боевому порядку, правѣе вышеупомянутыхъ шести когортъ, которыя между тѣмъ перемѣнили фронтъ направо, чтобы встрѣтить непріятельскую конницу. Конница налетѣла на нихъ, но встрѣтила сильный отпоръ: легіонеры пользовались своими дротиками, какъ копьями и поражали ими всадниковъ преимущественно, по совѣту Цезаря, въ лицо. Конница Помпея обратилась въ бѣгство, бросивъ сражавшихся вмѣстѣ съ нею лучниковъ и пращниковъ. Конница Цезаря воспользовалась этимъ безпорядочнымъ отступленіемъ противника, налетѣла на него, довершила пораженіе и пустилась преслѣдовать бѣгущаго врага [1]).

Одержавшая верхъ пѣхота зашла налѣво, охватила, оставшееся съ уходомъ конницы безъ защиты, лѣвое крыло противника и атаковала его съ тыла и фланга одновременно съ атакой 10-го легіона съ фронта. Бой колебался недолго. Помпей призналъ дѣло проиграннымъ и побѣжалъ сначала въ свой лагерь, а потомъ, когда Цезарь завладѣлъ лагеремъ, продолжалъ бѣгство дальше. Потери Помпея доходили до 15.000 убитыхъ и 24.000 плѣнныхъ; Цезарь потерялъ 30 центуріоновъ и 200 нижнихъ чиновъ.

Распоряженія Цезаря для противодѣйствія обхода были цѣлесообразны и указываютъ на его геніальныя способности. Онъ понималъ, что все зависитъ отъ стойкости шести когортъ, а бездѣйствіе его конницы, до атаки этихъ когортъ непріятельской конницей, показываетъ, что онъ сознавалъ важность сохраненія свѣжей части въ видѣ резерва. Его геніальная сообразительность дала ему возможность, имѣя конницы въ шесть разъ меньше чѣмъ противникъ, сохранить до рѣшительной минуты 1.000 свѣжихъ всадниковъ и рѣшить ими побѣду.

---

[1]) Юлій Цезарь въ „De bello civili“ перев. Кельберина ст. 239, пишетъ: „Наша конница не могла выдержать ихъ натискъ и стала мало-по-малу отступать. Тогда всадники Помпея стали сильнѣе напирать на нашихъ, развертываясь по турмамъ и окружать нашу армію съ открытаго фланга. Когда Цезарь это увидѣлъ, то далъ сигналъ воинамъ четвертой линіи, которую онъ сформировалъ изъ 6 когортъ“. *В. Сухомлиновъ.*

6. Иноземная конница въ римскомъ войскѣ [1]).

Прежде чѣмъ обратиться къ дальнѣйшему описанію римской конницы, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о конницѣ въ Галліи, Испаніи и Германіи, такъ какъ народности, населявшія эти страны, выставляли конныя

Галльская конница.

части сражавшіяся или за римлянъ, или противъ нихъ и часто дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ.

Галльская конница давно пользовалась хорошей славой; еще Страбонъ говоритъ, что она гораздо лучше ихъ пѣхоты. Давно уже у галловъ

[1]) Bardin; — Duparcq; —Livius; — Caesar; — Humbert; — Ambert; — Lisquenne; —Boutaric; — Gibbon; — Mottin; — Polibius.

Галльская конница.

была конница. Когда, по словамъ Ливія, Амбигатъ послалъ своего племянника Беловеса въ Италію, во время царствованія Тарквинія Древняго, чтобы основать тамъ колонію, то далъ ему большое войско, конное и пѣшее, съ которымъ онъ и остановился въ окрестностяхъ Милана.

Когда, два столѣтія спустя, Бреннъ взялъ Римъ, то, по словамъ того-же писателя, его многочисленная конница запрудила всю страну и съ большимъ успѣхомъ несла сторожевую и развѣдывательную службу. При вторженіи галловъ въ Италію въ 227 г. до Р. Х. у нихъ было 50.000 пѣхоты, 20.000 конницы и очень много колесницъ.

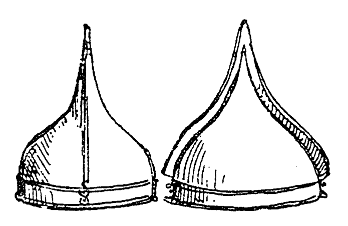
Галльскій воинъ.

Галлы цѣнили конницу гораздо выше пѣхоты. Они всячески старались добыть себѣ хорошихъ лошадей и платили за нихъ большія деньги. Вооруженіе ихъ состояло изъ дротика и длиннаго меча, иногда еще лука и стрѣлъ, шлема и щита; одежда—изъ кожаной туники, закрывавшей только туловище, такъ что ноги оставались голыми, позже они стали носить широкіе штаны и рубахи съ рукавами и одѣвать тунику поверхъ рубахи. Народъ отпускалъ бороду, а вожди и лица знатнаго происхожденія носили только усы.

Въ еще болѣе позднее время, галлы начали надѣвать тяжелое предохранительное вооруженіе; такъ имъ приписывается изобрѣтеніе желѣзныхъ латъ, бывшихъ у нихъ впослѣдствіи въ большомъ употребленіи. Шлемъ украшался оленьими рогами или металлическимъ гребнемъ съ большимъ пучкомъ перьевъ, что придавало воину болѣе свирѣпый видъ; тогда же былъ введенъ большой щитъ съ девизомъ на немъ. Еще позже галлы, въ подражаніе римлянамъ, приняли вооруженіе и снаряженіе греческихъ катафрактовъ. По словамъ Тацита у нихъ былъ родъ конницы, подъ названіемъ crupellarii. По предположенію Рокфора это были солдаты или гладіаторы, закованные съ головы до ногъ въ желѣзо и слѣдовательно еще болѣе тяжело вооруженные, чѣмъ катафракты; о всадникахъ этихъ упоминается впрочемъ очень рѣдко.

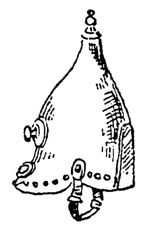
Галльскій воинъ.

Тактическое искусство было у галловъ очень мало развито. Обыкновенно конница располагалась на флангахъ, иногда-же крайніе фланги занимались колесницами. Вообще они строились въ одну линію и, какъ кажется, не имѣли понятія объ употребленіи резерва. Иногда они смыкались въ одну массу, въ видѣ четыреугольника, смыкали щиты между собой и образовывали такимъ образомъ непроходимую толпу.



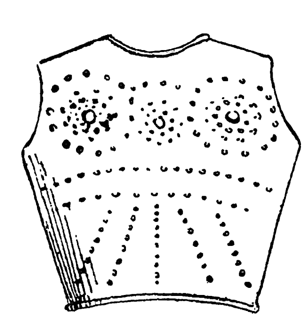
Бронзовый шлемъ.

Напротивъ того, образъ дѣйствій конницы былъ построенъ на очень вѣрныхъ началахъ. Тяжелая конница должна была силой удара и быстротой движенія пробить расположеніе противника и тогда слѣдовала за ней легкая конница и атаковала его съ фланговъ и тыла. Нѣкоторые изъ галльскихъ народовъ дѣлили свою конницу на группы изъ трехъ человѣкъ: одного рыцаря или воина и двухъ оруженосцевъ или слугъ. По словамъ Павзанія это дѣленіе было уже во времена Бренна. При этомъ, въ случаѣ выбытія воина, онъ замѣнялся однимъ изъ оруженосцевъ, а въ случаѣ потери имъ лошади онъ бралъ лошадь оруженосца. Въ этой организаціи мы видимъ первообразъ позднѣйшей lance fournie среднихъ вѣковъ. Назывались эти три воина вмѣстѣ Trimacresie [1]).

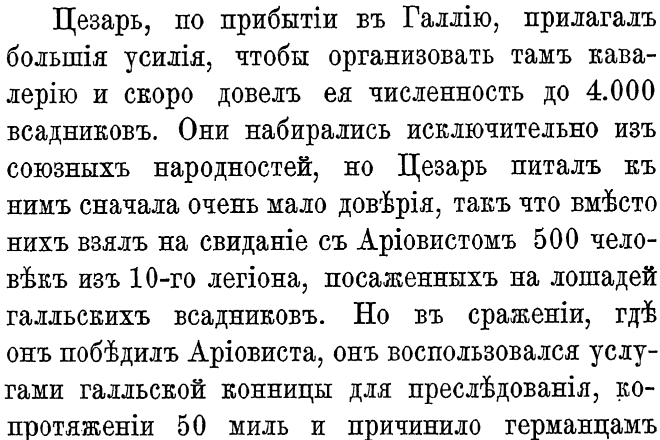


Бронзовый шлемъ.

Аннибалъ имѣлъ въ составѣ своего войска много галльской конницы и она, какъ мы уже видѣли, оказала ему большія услуги въ итальянскомъ походѣ.



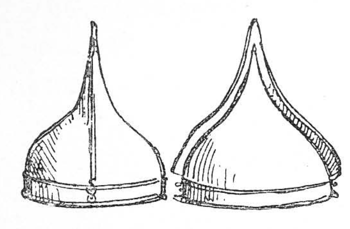
Кельто-галльскій панцырь.



Цезарь, по прибытіи въ Галлію, прилагалъ большія усилія, чтобы организовать тамъ кавалерію и скоро довелъ ея численность до 4.000 всадниковъ. Они набирались исключительно изъ союзныхъ народностей, но Цезарь питалъ къ нимъ сначала очень мало довѣрія, такъ что вмѣсто нихъ взялъ на свиданіе съ Аріовистомъ 500 человѣкъ изъ 10-го легіона, посаженныхъ на лошадей галльскихъ всадниковъ. Но въ сраженіи, гдѣ онъ побѣдилъ Аріовиста, онъ воспользовался услугами галльской конницы для преслѣдованія, которое продолжалось на протяженіи 50 миль и причинило германцамъ большія потери.

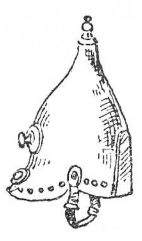
Во время войны въ Галліи Цезарь довелъ свою конницу до 10.000 всадниковъ изъ испанцевъ, нумидійцевъ и германцевъ, главнымъ же обра-

[1]) По другимъ источникамъ Trimarcisia отъ Marea — лошадь. (Hugo, De militia equestri p. 176). *Прим. Брикса.*

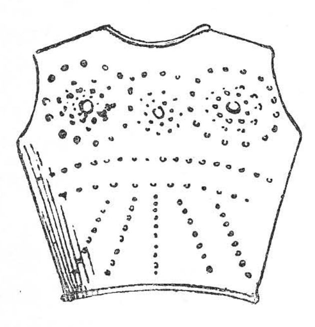


Бронзовый шлемъ.

—



Бронзовый шлемъ.



Кельто-галльскій панцырь.

зомъ изъ галловъ. Также и Лукуллъ имѣлъ, какъ мы видѣли, въ сраженіи при Тиграноцертѣ отрядъ галльскихъ всадниковъ.

Верцингеториксъ, галльскій вождь, ставшій во главѣ возстанія противъ римлянъ, очень часто прибѣгалъ къ пользованію своей конницей и умѣлъ распоряжаться ею въ совершенствѣ. Самъ Цезарь говоритъ про него, что онъ, будучи выбранъ предводителемъ галльскаго войска, прежде всего обратилъ вниманіе на сформированіе хорошей конницы. Послѣ двухъ или трехъ успѣховъ, одержанныхъ Цезаремъ благодаря его быстрымъ движеніямъ, Верцингеториксъ собралъ военный совѣтъ и предложилъ ему планъ дѣйствій, на основаніи котораго не слѣдовало дозволять конницѣ вступать въ открытый бой, а пользоваться ею для опустошенія страны вокругъ расположенія Цезаря, для нападенія на его фуражировъ, для уничтоженія запасовъ, сожженія деревень, вообще для обращенія страны въ пустыню, чтобы такимъ образомъ окружить римское войско поясомъ недосягаемыхъ всадниковъ и довести его до голодной смерти. Предложеніе было принято. Въ одинъ день было сожжено 20 деревень и городовъ и если бы галлы также настойчиво держались этого плана, какъ русскіе въ 1812 г., то и результатъ былъ бы для Цезаря, по всѣмъ вѣроятіямъ, тотъ же, что и для Наполеона въ 1812 г.

Верцингеториксъ оказался, однако, вскорѣ вынужденнымъ, противъ своего желанія, пощадить городъ Аварикумъ и начать опять военныя дѣйствія въ полѣ. Наказаніе не замедлило послѣдовать: Аварикумъ былъ взятъ штурмомъ и 40.000 его жителей перебито. Верцингеториксъ потребовалъ тогда 15.000 всадниковъ и началъ опять уничтожать продукты, сжигать дома и перехватывать подвозы. Въ виду этого Цезарь, понимавшій грозящую ему опасность, долженъ былъ отойти ближе къ римскимъ провинціямъ, составлявшимъ его базу; нетерпѣливый галльскій вождь, принимая это движеніе за начало полнаго отступленія, рѣшился дать римлянамъ битву, въ которой потерпѣлъ полное пораженіе. Тогда онъ отошелъ къ Алезіи, считавшейся неприступной и заперся въ ней. Цезарь рѣшилъ блокировать его, совершенно отрѣзать контрвалаціонными линіями и вынудить къ сдачѣ голодомъ.

Между тѣмъ Верцингеториксъ и тутъ съумѣлъ воспользоваться своей конницей. Еще до окончанія полнаго обложенія, онъ выслалъ ее всю, силой въ 15.000 коней, съ порученіемъ прорваться черезъ линіи римлянъ, что ей и удалось безъ особаго труда, а затѣмъ постараться собрать войско для освобожденія Алезіи. Оно дѣйствительно и было собрано, но къ его походу Цезарь усилилъ свою пѣхоту до 70.000 — 80.000 человѣкъ, набралъ 10.000 германскихъ всадниковъ и сдѣлалъ циркумвалаціонныя линіи на столько сильными, что подошедшіе галлы не могли ихъ форсировать и Алезія, отрѣзанная отъ всякой поддержки, вынуждена была сдаться безусловно.

Если-бы Верцингеториксъ могъ вполнѣ примѣнить свой первоначальный планъ, или даже будь у него другой противникъ, а не великій Цезарь, то весьма вѣроятно, что возстаніе увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ.

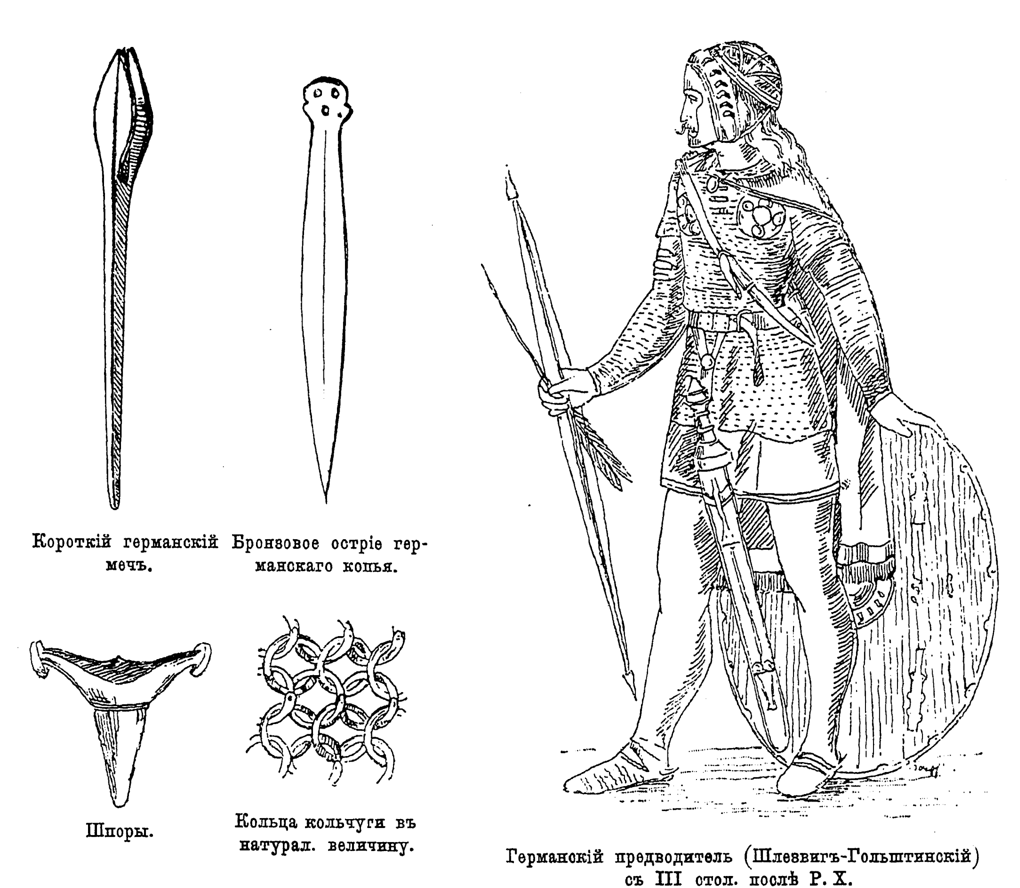
Германцы были народомъ особенно воинственнымъ. Главную часть ихъ войска составляла пѣхота, но у нихъ была и конница. Ихъ снаря-

Германецъ.

женіе, вооруженіе и одежда были очень плохія; они покрывались звѣриными шкурами безъ опредѣленнаго покроя и недостаточной величины, чтобы ими покрыть все тѣло, такъ что, несмотря на холодный климатъ ихъ родины, ходили на половину нагими. Какъ пѣхота, такъ и конница имѣла плетеные щиты, окрашенные въ яркіе цвѣта, иногда круглые, обыкновенно же продолговатые, у всадниковъ нѣсколько меньшаго размѣра, чѣмъ у пѣхотинцевъ. Несмотря на постоянныя войны съ римлянами,

Германецъ.

причемъ вооруженіе съ убитыхъ и плѣнныхъ попадало къ нимъ въ руки, несмотря на то, что къ нимъ часто заѣзжали торговцы изъ Рима и сосѣднихъ странъ, германцы ничего не дѣлали для улучшенія своего вооруженія; латы и шлемы, кажется совсѣмъ не были у нихъ въ употребленіи. Наступательное оружіе составляло копье, называвшееся фрамеа, съ короткимъ желѣзнымъ остріемъ; оно служило преимущественно для нанесенія уколовъ, но иногда бросалось какъ дротикъ. Никто не смѣлъ имѣть



Короткій германскій мечъ.

Бронзовое остріе германскаго копья.

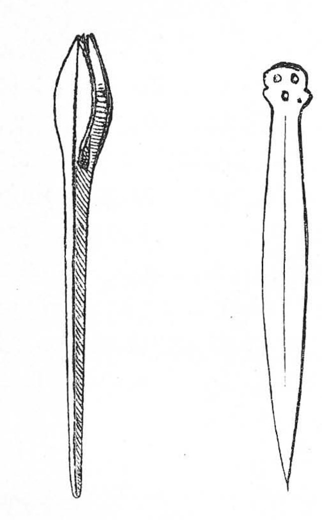
Шпоры.

Кольца кольчуги въ натурал. величину.

Германскій предводитель (Шлезвигъ-Гольштинскій) съ III стол. послѣ Р. Х.

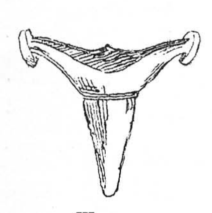
фрамеа не будучи предварительно признанъ достойнымъ и способнымъ носить оружіе вообще, такъ что когда юноша достигалъ лѣтъ, дававшихъ ему возможность стать въ ряды воиновъ, одинъ изъ вождей или родственниковъ его давалъ ему, въ присутствіи народа, фрамеа и щитъ. Этотъ обрядъ дѣлалъ изъ него воина и, кажется, давалъ право голоса въ собраніяхъ; по крайней мѣрѣ собранія эти происходили съ оружіемъ въ рукахъ.

Лошади германцевъ не были породисты и они не имѣли обыкновенія, какъ Галлы, покупать хорошихъ лошадей. Они довольствовались мѣстными лошадьми, которыя, при всей ихъ наружной невзрачности, были выносливы и втянуты.



Короткій германскій мечъ.

Бронзовое остріе германскаго копья.



Шпоры.

Кольца кольчуги въ натурал. величину.

Германскій предводитель (Шлезвигъ-Гольштинскій) съ III стол. послѣ Р. Х.

Очень часто среди боя, германскіе воины соскакивали съ лошадей и продолжали сражаться пѣшими, причемъ лошади были пріучены смирно стоять, пока всадники не вернутся. Вскакивали на лошадей и соскакивали съ нихъ съ большой ловкостью; ни подушекъ, ни попонъ не было и ѣзда на нихъ считалась большой роскошью и признакомъ постыдной изнѣженности, такъ что германскіе всадники атаковали безъ малѣйшаго колебанія превосходящія ихъ числомъ конныя части, если онѣ имѣли этотъ уборъ.

Такой примѣръ мы видимъ въ 55 г. до Р. X. въ войнѣ Цезаря со свевами, вторгнувшимися большой толпой въ Галлію. При этомъ на берегахъ Мааса произошла стычка между 800 германскими всадниками и 5.000 коннымъ отрядомъ Цезаря. Численное превосходство противника ничуть не привело въ смущеніе германцевъ; они немедленно атаковали, привели всадниковъ Цезаря въ бѣгство, затѣмъ соскочили съ коней и продолжали бой въ пѣшемъ строю, убивая лошадей и стаскивая съ нихъ всадниковъ, пока, наконецъ, противникъ, понеся тяжкія потери, не обратился въ бѣгство. Конница Цезаря была такъ деморализована этимъ дѣломъ, что на слѣдующій день, производя наступленіе, онъ долженъ былъ оставить ее въ послѣдней линіи.

Въ войнѣ Аріовиста, когда онъ въ 58 г. до Р. X. велъ войну съ Цезаремъ въ Галліи, былъ отрядъ изъ 6.000 всадниковъ, при которомъ, для поддержки, его состоялъ такой же силы отрядъ пѣхоты. Если раненый всадникъ падалъ съ лошади, пѣхотинцы окружали и защищали его, а одинъ изъ нихъ садился на его лошадь. Они были пріучены не отставать отъ конницы при самыхъ быстрыхъ ея движеніяхъ, причемъ держались за гриву лошади и всегда оказывали большую помощь всадникамъ.

Когда Верцингеториксъ поднялъ почти всѣ галльскія племена противъ римлянъ, Цезарю пришлось обратиться за конницей къ другимъ народамъ. Такъ въ сраженіи при Неви въ 52 г. до Р. X., мы видимъ у него 600 германскихъ всадниковъ, которые служили ему съ начала войны. Онъ говоритъ въ своихъ комментаріяхъ, что конница Верцингеторикса не могла съ ними бороться и была отброшена на свои главныя силы. Возможно впрочемъ, что этотъ успѣхъ слѣдуетъ приписать не столько превосходству германцевъ, сколько тому, что они стояли въ резервѣ и были пущены въ дѣло, когда бой между обѣими конницами уже шелъ нѣкоторое время и атака свѣжей части, какова бы она ни была, должна была неминуемо разстроить противника.

Затѣмъ Цезарь, видя численное превосходство галловъ въ конницѣ и не имѣя возможности вызвать таковую изъ Италіи или римскихъ провинцій, такъ какъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ возставшимъ народонаселеніемъ, потребовалъ отъ покоренныхъ имъ въ предыдущихъ годахъ германскихъ племенъ, присылку конницы и легкой пѣхоты. Требованіе

это было исполнено, но прибывшія войска были въ очень плачевномъ состояніи, и большая часть лошадей были совершенно негодны. Цезарь употребилъ всѣ усилія, чтобы поправить дѣло. Онъ взялъ всѣхъ имѣвшихся при его войскѣ лошадей, а также и принадлежащихъ трибунамъ, другимъ офицерамъ и ветеранамъ, постарался добыть еще лошадей откуда только можно было, — и всѣхъ ихъ передалъ германскимъ всадникамъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, ему удалось въ очень непродолжительное время сформировать вполнѣ способный къ дѣйствію отрядъ конницы, численностью, по словамъ Аппіана Александрійскаго, въ 10.000 человѣкъ.

Въ болѣе позднія времена, во время войнъ съ римлянами, продолжавшихся около двухъ столѣтій, германцы научились многому отъ своихъ противниковъ. Вооруженіе ихъ, какъ наступательное, такъ и оборонительное, значительно усовершенствовалось; образъ дѣйствій сталъ болѣе правиленъ, такъ что они уже не ограничивались одной обороной, а стали вести и наступательныя войны. Можно даже сказать, что германцы болѣе всѣхъ прочихъ народовъ способствовали паденію Западной Римской Имперіи.

Готы — народъ германскаго происхожденія — пользовались славой народа весьма воинственнаго. Вестготы почти не имѣли конницы, остготы, напротивъ,— очень многочисленную. Когда король послѣднихъ Теодорихъ Вел. вторгнулся въ 489 г. въ Италію, онъ имѣлъ очень хорошую конницу, обученіемъ которой онъ усиленно занимался въ своей столицѣ Равеннѣ по завоеваніи всей Сѣв. Италіи. Онъ самъ служилъ примѣромъ при всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ, занятія производились постоянно и заканчивались смотрами. Обучались дѣйствію копьемъ, мечомъ и метательнымъ оружіемъ. Первоначально одѣтые какъ и прочіе германцы въ звѣриныя шкуры и вооруженные только копьемъ и щитомъ, готы имѣли впослѣдствіи уже мечи, луки и топоры.

Вандалы — также германскаго происхожденія — имѣли только копья и мечи и сражались, по завоеваніи Африки, исключительно верхомъ, чтобы быстрѣе пройти и опустошить страну и нанимали мавританскихъ лучниковъ. Даже во время морскихъ походовъ они брали съ собой, со временъ Гензериха, на корабли лошадей, чтобы, высадившись гдѣ-нибудь, немедленно начать набѣгъ и опустошить всю страну. Затѣмъ, собравъ всю добычу, они также быстро отходили къ своимъ кораблямъ и уплывали.

Франки вначалѣ сражались только пѣшкомъ. Когда же они оцѣнили все значеніе конницы при производствѣ набѣговъ, то набрали конный вспомогательный отрядъ изъ галловъ. Трудно сказать была-ли у нихъ конница въ сраженіи при Суассонѣ въ 486 г., но извѣстно, что битва при Толбіакѣ въ 496 г. противъ германцевъ была выиграна Хлодвигомъ благодаря конницѣ. Тоже самое видимъ мы позже, при его преемникахъ, когда галльская конница рѣшаетъ исходъ многихъ сраженій.

Испанская конница была въ древнія времена вооружена копьемъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, служившимъ преимущественно для нанесенія уколовъ, но годнымъ также и для метанія. Оригинальную особенность этой конницы составляютъ только, у ней одной встрѣчающіеся, мечи, одинаково удобные для нанесенія какъ уколовъ, такъ и ударовъ. Какъ кажется, самое изобрѣтеніе ихъ приписывается испанцамъ, по крайней мѣрѣ Полибій, въ описаніи вооруженія современныхъ ему римскихъ легіоновъ, прямо называетъ подобнаго рода мечи испанскими. Кромѣ копья и меча испанская конница носила еще кинжалы, а изъ предохранительнаго вооруженія: шлемы съ забраломъ, закрывавшимся подъ подбородкомъ и гребнемъ изъ красныхъ перьевъ или лошадинаго волоса и щиты изъ звѣриныхъ кожъ. Одежда состояла изъ толстыхъ стеганныхъ холщевыхъ камзоловъ и кожаныхъ коллетовъ.

Извѣстная часть испанской конницы, подобно германской, постоянно сопровождалась пѣхотинцами, которые въ случаѣ необходимости быстраго передвиженія, садились на лошадь позади всадника. По прибытіи на мѣсто назначенія они соскакивали и оба рода оружія вели бой совмѣстно; всадники были пріучены, если пѣхотинцевъ оказывалось мало, спѣшиваться и вести бой пѣшкомъ, причемъ лошади ихъ быстро привязывались къ прикрѣпленному къ поводьямъ колышку, который вбивался въ землю.

Та же мысль встрѣчается въ наше время въ формированіи вольтижеровъ въ Булонскомъ лагерѣ въ 1804 г., которые обучались согласно вышеуказанному. Попытка эта была впрочемъ скоро оставлена.

Въ войскѣ Аннибала, во время его похода въ Италію, было нѣкоторое число испанскихъ всадниковъ, которые всѣ носили латы. Лошади были на мундштукахъ, какъ объ этомъ ясно говорится въ описаніи битвы при Тичино.

Конница располагалась въ резервѣ въ задней линіи, она выходила оттуда, или для атаки противника, когда надъ нимъ былъ одержанъ частный успѣхъ и онъ былъ приведенъ въ нѣкоторый безпорядокъ, или же для преслѣдованія его, когда онъ былъ обращенъ въ бѣгство.

Ливій утверждаетъ, что испанская конница часто одерживала верхъ надъ нумидійцами; но за то нужно сказать, что она, по общему мнѣнію, не можетъ быть сравнена ни съ карѳагенской, ни съ галльской. Испанская же пѣхота была очень хороша; римскій полководецъ Квинтъ Серторій предпочиталъ ее даже римской, особенно для защиты укрѣпленныхъ пунктовъ.

7. Конница парѳянская [1]).

Въ то время когда на западѣ Цезарь продолжалъ завоеваніе Галліи и Британіи, и подчинялъ римскому владычеству огромныя земли, на во-

---

[1]) Plutarch. Crassus; Rawlinson. Parthia 160.

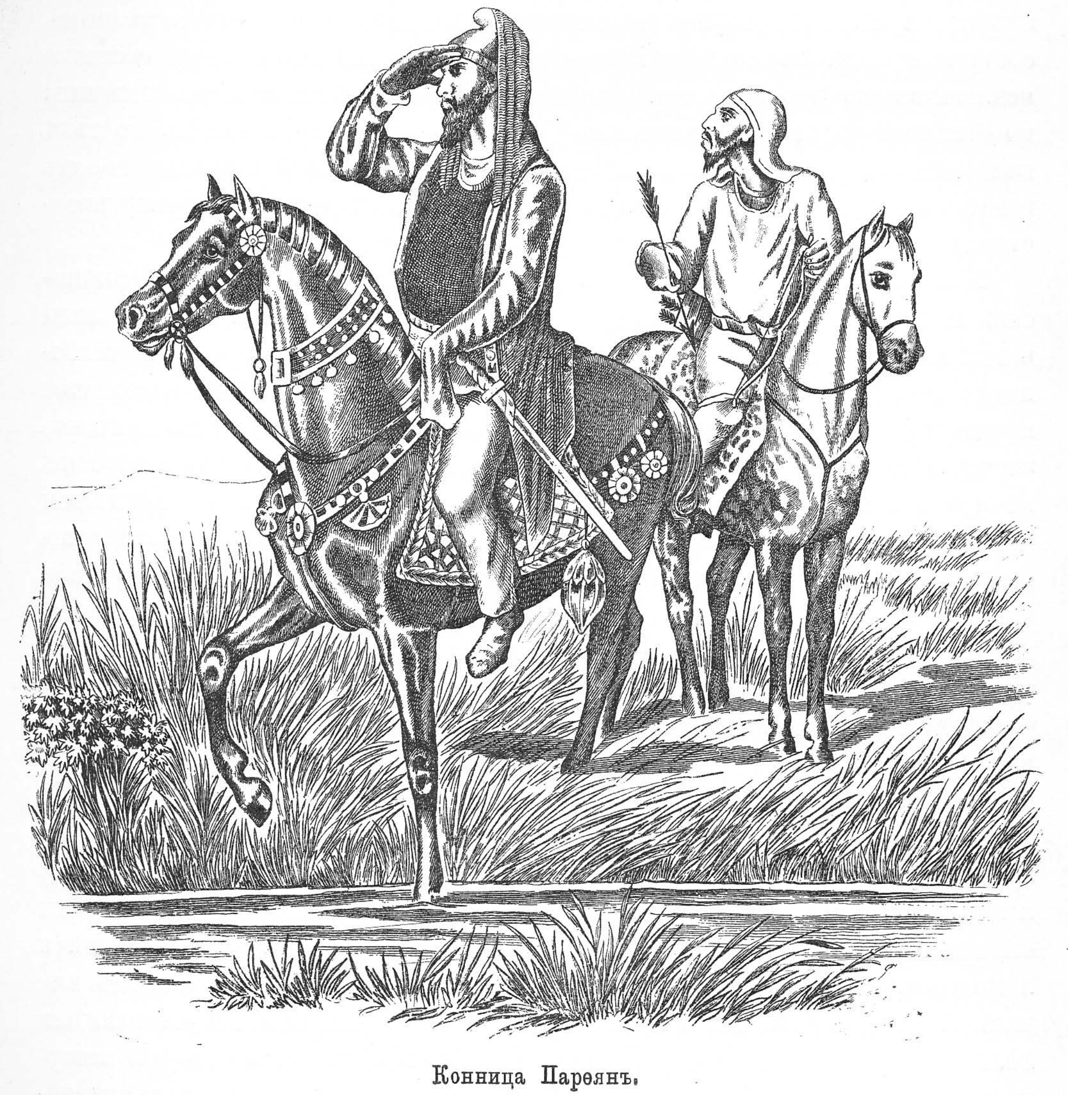
стокѣ шла также война и римляне старались и здѣсь раздвинуть возможно далѣе свои предѣлы. Однако удача Цезаря на западѣ врядъ-ли была значительнѣе неудачи Красса на востокѣ.

Пораженіе Красса было самымъ тяжелымъ ударомъ, нанесеннымъ римскому оружію со времени битвы при Каннахъ, и странно, что и оно должно

Конница Пароянъ.

быть исключительно приписано превосходству конницы противника. Мы видимъ у пароянъ тоже употребленіе конницы, какое почти въ тоже время предлагалъ Верцингеториксъ, но только примѣненное съ полнымъ успѣхомъ.

Въ 53 г. до Р. Х. Крассъ вступилъ въ предѣлы страны пароянъ съ 7 легіонами, численностью въ 35.000 человѣкъ (въ томъ числѣ 4.000 всадни-



Конница Пароянъ.

ковъ и около 4.000 легкой пѣхоты). Вмѣсто того, чтобы идти черезъ горную часть Арменіи, населенную дружественнымъ народомъ и богатую мѣстными средствами, онъ переправился черезъ Евфратъ у Цейгмы и пошелъ по обширной равнинѣ Мессопотаміи, гдѣ парѳянская конница, составлявшая главную часть войска противника, имѣла всѣ преимущества на своей сторонѣ.

Парѳянскій царь Ородъ выслалъ противъ Красса своего полководца Сурену, а самъ вторгнулся въ Арменію, владѣтель которой Артавасдесъ собирался идти на соединеніе съ римлянами. Войско Сурены состояло исключительно изъ конницы. Это однако не было обыкновеніемъ парѳянъ: по большей части она составляла $^1/_4$ или $^1/_5$ часть всего войска, но такъ какъ самъ царь долженъ былъ вести войну въ гористой Арменіи, то онъ взялъ съ собой пѣхоту, а конницу далъ своему полководцу, которому предстояло дѣйствовать на мѣстности ровной и открытой.

Конница Сурены была двухъ родовъ: тяжелая и легкая. Первая носила почти полное предохранительное вооруженіе, а именно: кожаные латы и наножники, покрытые бронзовыми или желѣзными чешуями, и желѣзные шлемы; щитовъ не было, такъ какъ всадники считались достаточно предохраненными латами. Копья были очень длинны и тяжелы, такъ что значительно превосходили римскія. Кромѣ того они имѣли луки и короткіе мечи или ножи за поясомъ. Луки и стрѣлы были очень велики и послѣднія пробивали всякое обыкновенное снаряженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ полетъ ихъ былъ очень быстръ. Лошади имѣли также закрытія для головы, груди и боковъ, подобно всадникамъ, изъ кожи съ металлическими чешуйками. Атака производилась сомкнуто и полнымъ ходомъ, расчитывая на силу удара и дѣйствіе копьемъ.

Легкая конница, бывшая многочисленнѣе тяжелой, составляла совершенную ей противоположность. Она набиралась изъ отличныхъ ѣздоковъ, съ дѣтства пріученныхъ къ ѣздѣ, такъ что лошадь и всадникъ составляли какъ бы одно цѣлое. Лошади, легкія и поворотливыя, носили только оголовье и управлялись однимъ поводомъ. Всадники были одѣты въ тунику и штаны; главное ихъ вооруженіе составляли очень длинные луки и стрѣлы съ крючками, которыя они были пріучены пускать съ большой силой и ловкостью, какъ стоя на мѣстѣ, такъ и будучи въ движеніи впередъ или назадъ. Образъ дѣйствія ихъ былъ слѣдующій: они никогда не доводили дѣла до рукопашнаго боя, а окружали противника вразсыпную; отступали, когда онъ намѣревался ихъ атаковать, опять переходили въ наступленіе, когда онъ начиналъ отходить, все время покрывали его градомъ стрѣлъ и такимъ образомъ доводили до полнаго изнеможенія. Очевидно этотъ образъ дѣйствій требовалъ огромнаго количества стрѣлъ, поэтому запасъ ихъ возился въ обозѣ на верблюдахъ, такъ что истраченныя могли быть немедленно замѣнены другими. Сколько кажется, легкіе всадники имѣли еще мечи и ножи за поясомъ.

Число всадниковъ, бывшихъ у Сурены, никѣмъ изъ древнихъ писателей точно не приводится. Плутархъ говоритъ, что ихъ было огромное число; Веллей Патеркулъ — такое количество, какого нельзя сосчитать. Раулинсонъ ссылается на вышеприведенныхъ писателей и говоритъ еще, что нѣсколько времени спустя парѳяне вывели противъ Антонія 50.000 всадниковъ, что даетъ возможность предполагать, что приблизительно такое же число было ими выставлено и противъ Красса.

Скоро по переправѣ черезъ Евфратъ Крассъ получилъ отъ выдвинутыхъ имъ далеко впередъ конныхъ партій донесеніе, что они не встрѣтили ни одного непріятеля, но видѣли слѣды многочисленныхъ конныхъ отрядовъ, какъ бы отступавшихъ передъ ними. Дня черезъ три или четыре послѣ переправы, когда римское войско шло по безводной пустынѣ подъ палящими солнечными лучами, прискакало нѣсколько человѣкъ изъ одного такого разъѣзда съ донесеніемъ, что они были атакованы парѳянской конницей, товарищи ихъ перебиты и сами они едва ушли; они прибавляли, что непріятеля было очень много и онъ наступаетъ. Крассъ немедленно перестроилъ свое войско въ боевой порядокъ: въ одну длинную линію, имѣя пѣхоту въ центрѣ, конницу — по флангамъ. Онъ удлинилъ его сначала какъ можно болѣе въ надеждѣ обезпечить себя такимъ путемъ отъ полнаго окруженія, но затѣмъ, видя, что цѣль эта противъ столь многочисленной конницы все равно достигнута быть не можетъ, перестроилъ свои легіоны въ болѣе сомкнутый порядокъ.

Плутархъ не даетъ совершенно яснаго описанія боеваго порядка Красса; какъ кажется, онъ раздѣлилъ свое войско на 3 отдѣленія по 24 когорты въ каждомъ; изъ этихъ когортъ половина была повернута фронтомъ впередъ, половина назадъ, такъ что выходилъ плотно сомкнутый четырехугольникъ. Между этими тремя отдѣленіями и на флангахъ стала конница и легкія войска. Однимъ крыломъ командовалъ Крассъ Младшій, сражавшійся съ отличіемъ въ Галліи подъ командой Цезаря и добровольно пошедшій въ походъ съ отцемъ, другимъ — Кассій, впослѣдствіи участвовавшій въ убійствѣ Цезаря, центромъ — самъ Крассъ.

Въ такомъ порядкѣ римляне продолжали движеніе до рѣки Беликъ или Белиссъ, гдѣ наконецъ измученные воины могли утолить жажду. Большая часть офицеровъ совѣтовали Крассу остановиться здѣсь лагеремъ до слѣдующаго утра, но Публій Крассъ, съ пыломъ молодаго кавалерійскаго офицера, и видя рвеніе своихъ всадниковъ, упросилъ отца принять бой въ тотъ-же день. Поддавшись его настояніямъ, Крассъ далъ войску кратковременный отдыхъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ оно двигалось, и затѣмъ сейчасъ же съ большей быстротой продолжалъ маршъ.

Сурена ожидалъ наступленія римлянъ и сначала показалъ имъ только передовые посты своей легкой конницы, тяжелая же конница, покрытая плащами и шкурами поверхъ блестящаго вооруженія, чтобы не выдать

своего присутствія, была спрятана. Когда римляне подошли ближе, парѳяне ударили въ литавры и, сбросивъ свои покрывала, блестящіе эскадроны, освѣщенные лучами солнца, неожиданно предстали передъ глазами противника. Ихъ кирасы и каски горѣли огнемъ. Передъ фронтомъ ихъ появился Сурена, превосходившій ростомъ и красотой всѣхъ парѳянъ, на своемъ чудномъ боевомъ конѣ; ему было только 30 лѣтъ, но онъ уже пріобрѣлъ блестящую славу выдающимися подвигами храбрости. Плутархъ говоритъ, что при его нѣсколько женственной красотѣ нельзя было ожидать найти въ немъ столько мужества. Подобно Мюрату, Дюндее и другимъ кавалерійскимъ генераламъ, онъ долженъ былъ быть большимъ щеголемъ: всегда нарядно одѣтъ, завитъ и нарумяненъ.

Первымъ его намѣреніемъ было, кажется, начать дѣло атакой своей тяжелой конницы, но потомъ, убѣдившись въ глубинѣ и силѣ сопротивленія римскаго боевого порядка и зная стойкость римской пѣхоты, онъ измѣнилъ свое намѣреніе и приказалъ окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ. Крассъ выслалъ впередъ своихъ лучниковъ, но они были встрѣчены такимъ градомъ стрѣлъ, что принуждены были немедленно же отступить на главныя силы. Затѣмъ началось разстрѣливаніе римлянъ издали стрѣлами, которыя пробивали щиты и латы и причиняли глубокія раны. Римляне оказались въ отчаянномъ положеніи. Какъ только римляне начинали наступленіе, парѳяне отходили, не прекращая ни на одну минуту пускать стрѣлы, когда они отступали на прежнее мѣсто, парѳяне сейчасъ же насѣдали ближе, продолжая стрѣльбу. Единственнымъ утѣшеніемъ римлянъ была надежда, что наконецъ у противника не хватитъ стрѣлъ, но скоро они замѣтили, что передніе всадники, изстрѣлявъ всѣ стрѣлы замѣщались другими, а сами отходили назадъ и пополняли колчаны изъ запаса, возившагося на верблюдахъ.

Крассъ въ отчаяніи разрѣшилъ, наконецъ, сыну произвести съ частью войскъ атаку, чтобы заставить противника хоть нѣсколько раздаться. Публій взялъ 1.000 галльскихъ всадниковъ, присланныхъ Цезаремъ, еще 300 всадниковъ, 500 лучниковъ и 8 когортъ пѣхоты и стремительно атаковалъ парѳянъ, которые повернули назадъ, отчасти не желая, по своему обыкновенію, ввязываться въ рукопашный бой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью отвлечь отрядъ Публія какъ можно дальше отъ своего войска. Послѣднее удалось имъ вполнѣ, молодой римлянинъ бросился преслѣдовать по пятамъ отступавшаго противника и совершенно отдѣлился отъ главныхъ силъ. Тогда парѳяне повернули кругомъ, тяжелая конница преградила ему дорогу, а легкая — окружила со всѣхъ сторонъ. Римляне сомкнулись и отбивались какъ могли, но ихъ положеніе было хуже чѣмъ когда-либо. Опять начался дождь стрѣлъ, воины падали одинъ за другимъ и корчились на пескѣ въ предсмертныхъ судорогахъ. Когда Публій началъ увѣщевать своихъ воиновъ атаковать непріятельскую конницу,

они показали ему свои руки и ноги, пригвожденныя стрѣлами къ щитамъ и землѣ. Тѣмъ не менѣе часть галльской конницы произвела атаку, но встрѣченная лучше вооруженными пареянами, принуждена была скоро остановиться. Галлы сражались съ замѣчательной храбростію. Видя, что со своими короткими копьями они ничего не могутъ сдѣлать, они начали схватывать руками длинныя копья пареянъ и стаскивали ихъ такимъ образомъ на землю, гдѣ тяжесть вооруженія мѣшала имъ двигаться, другіе соскакивали съ лошадей, пробирались пѣшими въ ряды пареянъ и, поражая лошадей въ животъ, сваливали ихъ вмѣстѣ со всадниками на землю, причемъ нерѣдко сами гибли задавленными. Наконецъ, видя, что всѣ эти усилія не приводятъ ни къ чему и что вмѣстѣ съ тѣмъ они совершенно отрѣзаны отъ главныхъ силъ и присоединиться къ нимъ не могутъ, римляне собрались на вершинѣ холма и построились въ кругъ съ тѣсно составленными щитами, чтобы хоть нѣсколько укрыться отъ стрѣлъ. Лошади были поставлены въ середину круга. Все было тщетно. Нѣсколько офицеровъ предложили тяжело раненому Публію попытаться спастись бѣгствомъ, причемъ вызвались сопровождать его, но онъ отвѣчалъ, что нѣтъ такой ужасной смерти, которая бы заставила его оставить столько храбрыхъ людей, которые бы умирали для его спасенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ имъ формальное разрѣшеніе самимъ попытаться спастись и затѣмъ приказалъ своему оруженосцу убить его, подставилъ самъ свой бокъ для удара и такъ умеръ. Весь его отрядъ почти цѣликомъ легъ послѣ храбраго и упорнаго сопротивленія — изъ 6.000 отборныхъ воиновъ, его составлявшихъ, было взято въ плѣнъ только 500.

Все это продолжалось около 2 — 3 часовъ и Крассъ скоро увидѣлъ, что отдѣлившійся отрядъ пареянъ возвращается съ кликами радости и побѣдными пѣснями. Опасенія его за судьбу сына все возрастали, пока наконецъ онъ не увидалъ голову его на копьѣ. Судьба товарищей стала ясна утомленнымъ и упавшимъ духомъ легіонамъ. Нападенія на нихъ возобновились съ большей яростью. Римляне отчаянно сопротивлялись, но не могли нанести большаго вреда противнику, поражавшему ихъ стрѣлами или длинными копьями. Дѣло тянулось цѣлый день и только ночь принесла нѣкоторое отдохновеніе римлянамъ. Пареяне, по своему обыкновенію отошли далеко назадъ, чтобы стать бивакомъ, и тѣмъ дали римлянамъ возможность ночью же отступить въ сосѣдній городъ Карры. Слѣдующей ночью они продолжали отступленіе, но на разсвѣтѣ были атакованы пареянами. Съ большимъ трудомъ и потерями удалось имъ занять вершину холма. Тогда Сурена началъ переговоры о сдачѣ, во время которыхъ произошла стычка и Крассъ былъ убитъ. Такъ кончился этотъ походъ. Изъ 40.000 человѣкъ, перешедшихъ Евфратъ, 20.000 было перебито, 10.000 взято въ плѣнъ и только четвертая часть спаслась.

Трудно найти въ военной исторіи другой примѣръ сраженія, выигран-

наго исключительно конницей, безъ всякаго содѣйствія другихъ родовъ оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не обратить вниманія на вполнѣ правильное пониманіе со стороны пареянъ двухъ важныхъ факторовъ: превосходства въ быстротѣ движенія и въ дальности пораженія метательнаго оружія.

Только что описанное сраженіе принудило римлянъ относиться съ уваженіемъ къ пареянамъ, такъ какъ они были единственнымъ препятствіемъ, встрѣченнымъ при распространеніи владычества на востокѣ. Пораженіе Красса произвело въ Римѣ глубокое впечатлѣніе. Римскіе писатели со злобой видѣли въ пареянахъ единственныхъ соперниковъ Рима въ главенствѣ надъ всѣмъ міромъ. И дѣйствительно въ теченіе одного года римскіе легіоны были оттѣснены до Эгейскаго моря и Геллеспонта и владычество надъ Сиріей и Малой Азіей перешло въ руки пареянъ. Таковы были результаты небольшой разницы въ тактикѣ и оружіи войскъ двухъ великихъ государствъ.

Однако римляне, узнавъ свою слабую сторону, немедленно занялись исправленіемъ ея. Первый ударъ пареянамъ былъ нанесенъ въ 38 г. до Р. Х. Вентидіемъ, очень способнымъ полководцемъ, который понималъ необходимость противупоставить пареянскимъ стрѣламъ метательное оружіе если не большей дальности и силы, то по крайней мѣрѣ равной, и завелъ поэтому сильный отрядъ пращниковъ. Съ помощью ихъ, а равно искуснаго пользованія окопами и ловкаго маневрированія ему удалось одержать побѣду. Правда, онъ отчасти былъ обязанъ ей случаю, а именно тому, что вождь пареянъ, сынъ царя, Пакоръ былъ въ рѣшительную минуту убитъ. Этотъ успѣхъ нанесъ рѣшительный ударъ пареянамъ и страна ихъ вошла въ свои прежнія границы, а римскіе орлы стали опять парить отъ Атлантическаго океана до Евфрата.

Этимъ результатомъ римляне обязаны лучшей организаціи и вооруженію войска и лучшей тактикѣ полководцевъ. Конница была значительно усилена и пращники получили вмѣсто камней куски свинца, которые имѣли большую дальность и силу удара.

Когда позже Антоній вторгнулся въ предѣлы Пареіи, то въ его войскѣ было 10.000 галльскихъ и испанскихъ всадниковъ, 30.000 легкой пѣхоты и конницы азіятскихъ союзниковъ и затѣмъ Арменіей было выставлено еще 6.000 всадниковъ, такъ что количество конницы доходило до 30.000—35.000, а всего войска до 113.000. Несмотря на столь значительную силу, походъ кончился все-таки неудачно; одинъ изъ римскихъ вождей Статіанъ съ отрядомъ въ 10.000 былъ окруженъ пареянами и ни одинъ человѣкъ не спасся, самъ же Антоній былъ принужденъ начать отступленіе, произведенное съ большими потерями подъ постоянными нападеніями пареянской конницы, причемъ ему удалось вывести изъ предѣловъ непріятельской страны только 70.000 человѣкъ.

Въ болѣе позднія времена римляне предпринимали еще четыре экспедиціи въ предѣлы Парѳіи, изъ которыхъ только одна, Авидія Кассія, окончилась вполнѣ удачно. Дѣйствительно, при Траянѣ и Северѣ, имъ удавалось пройти по всей странѣ и даже временно занять столицу, но они никогда не могли тамъ утвердиться и отступленіе вызванное невозможностью держаться было почти всегда равносильно катастрофѣ. Какъ только оно начиналось, со всѣхъ сторонъ появлялись всадники, которые, охватывали разъѣзды, препятствовали фуражировкамъ и не давали ни минуты покоя, засыпая своими стрѣлами.

Парѳяне никогда не пользовались ни колесницами, ни слонами, всѣ ихъ боевые и продовольственные запасы перевозились постоянно на верблюдахъ, которыхъ при войскѣ находилось огромное количество.

Былъ, однако, одинъ крупный недостатокъ въ образѣ дѣйствій парѳянъ: они имѣли обыкновеніе постоянно, при наступленіи ночи, прекращать бой или преслѣдованіе и отходить на значительное разстояніе, чтобы стать бивакомъ, и вообще ночью они воздерживались отъ всякихъ военныхъ дѣйствій. Они были вынуждены къ этому привычкой треножить лошадей и необходимостью пускать ихъ въ поле для кормленія. Это заставляло ихъ быть внѣ сферы дѣйствій противника, такъ какъ для изготовленія къ бою требовалось значительное время, чтобы распутать лошадей одѣть предохранительное вооруженіе и т. д.

Кромѣ того парѳяне никогда не окружали своего лагеря окопами, и близость врага была имъ тѣмъ болѣе опасна. Это удаленіе парѳянъ на ночь давало отступающему противнику разныя преимущества, напр. возможность перемѣнить за ночь направленіе движенія и т. п.

На предъидущихъ страницахъ были даны свѣдѣнія о конницѣ у тѣхъ изъ древнихъ народовъ, о которыхъ имѣются какія-либо извѣстія. О другихъ же племенахъ, обитавшихъ вдали отъ грековъ и римлянъ и не оставившихъ почти никакихъ слѣдовъ своего существованія, трудно сказать что нибудь положительное. Можно думать однако, что состояніе ихъ конницы и образъ ея дѣйствія мало отличались отъ пограничныхъ съ римлянами народовъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія у древнихъ писателей.

8. Тактика, сторожевая и развѣдывательная служба во времена римлянъ [1]).

Мы прослѣдили примѣненіе лошадей къ военнымъ цѣлямъ, начиная со временъ самой сѣдой старины и видѣли, что первоначальной мыслью была быстрая перевозка воиновъ на поле сраженія и это выразилось на практикѣ употребленіемъ колесницъ. Затѣмъ для той же цѣли стали брать лошадей подъ верхъ, потомъ уже перешли къ бою съ лошади и наконецъ

---

1) Herodotus; Xenophon — Cyropaedie; Guischardt.

дошли до мысли о возможности примѣнить массу и скорость лошади, какъ силу для непосредственнаго удара. Мы видѣли конницу при Аннибалѣ на высотѣ ея славы и тактическаго совершенства, какъ она, подъ его геніальнымъ предводительствомъ, во всѣхъ бояхъ играла выдающуюся роль, которая за ней оставалась въ теченіе двухъ столѣтій. Начиная съ битвы при Фарсалѣ пѣхота опять занимаетъ подобающее ей мѣсто.

У пареянъ принципъ соединенія возможной дальности метательнаго оружія съ наивысшей быстротой достигъ наибольшаго развитія и нигдѣ онъ не былъ такъ правильно понятъ и столь удачно примѣненъ къ дѣлу, какъ у этого народа, въ концѣ I столѣтія до Р. X. [1]).

Примѣненіе конницы къ сторожевой и развѣдывательной службѣ въ тѣ времена уже было правильно понято и основано на тѣхъ же принципахъ, какъ и теперь. Разсказъ о томъ, какъ Александръ Македонскій за нѣсколько времени до сраженія при Платеѣ отправился къ греческимъ аванпостамъ съ цѣлью свидѣться съ аеинскимъ полководцемъ Аристидомъ, показываетъ намъ порядокъ отправленія службы, вполнѣ схожій съ принятымъ теперь: его останавливаютъ и не пускаютъ за линію постовъ, затѣмъ посылается донесеніе и, наконецъ, самое свиданіе происходитъ тутъ-же у постовъ.

Крассъ высылалъ разъѣзды далеко впередъ. Киръ Великій ставилъ кругомъ всего лагеря передовые посты и высылалъ разъѣзды изъ 5—10 человѣкъ, которые цѣлую ночь ѣздили кругомъ лагеря, чтобы своевременно открыть приближеніе непріятеля. Точно также и при походныхъ движеніяхъ онъ высылалъ развѣдчиковъ и разъѣзды, которые слѣдовали впереди конницы, державшейся со своей стороны постоянно впереди главныхъ силъ.

Аннибалъ высылалъ разъѣзды и рекогносцировочныя партіи нумидійскихъ всадниковъ, которые сновали по странѣ кругомъ всей арміи и дѣйствительно мы ни разу не видимъ, чтобы онъ былъ захваченъ врасплохъ, благодаря непринятію мѣръ предосторожности.

Наконецъ римляне очень искусно примѣняли окопы къ усиленію своихъ лагерей, а также система постовъ и разъѣздовъ была у нихъ очень хорошо поставлена. Они постоянно имѣли караулъ у воротъ лагеря, особенно со стороны, обращенной къ противнику. Затѣмъ внутри лагеря имѣлись пикеты для поддержанія караула, а снаружи—выдвинутые далеко впередъ посты изъ конницы и пѣхоты, которые имѣли цѣлью наблюдать за всѣми доступами къ лагерю и поддерживать, высылавшіеся еще дальше впередъ, разъѣзды.

Выдвинутые дальше всего впередъ посты составлялись исключительно изъ конницы, они располагались въ видѣ цѣпи ведетовъ и маленькихъ постовъ.

---

[1]) Это признакъ паденія военнаго искусства и успѣхи пареянъ объясняются исключительно слабостью и дурной подготовкой римской конницы, не способной атаковать.

В. Сухомлиновъ.

Вообще, порядокъ отправленія службы охраненія былъ вполнѣ совершенный и при правильномъ его выполненіи вполнѣ обезпечивалъ отъ нечаянныхъ нападеній. Передовымъ постамъ предписывалась самая строгая бдительность; малѣйшая оплошность строго наказывалась и воинъ, оставившій свой постъ, предавался безпощадно смертной казни.

9. Конница при Императорахъ [1]).

Въ первыя времена республики войско формировалось изъ гражданъ, защищавшихъ свое отечество, свое достояніе и ими самими изданные законы. Впослѣдствіи, съ распространеніемъ владычества римлянъ, граждане замѣнялись въ составѣ войска все болѣе и болѣе наемниками и воинами союзныхъ государствъ.

Въ особенности конница, состоявшая вначалѣ изъ представителей лучшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, стала пополняться во времена императоровъ исключительно изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія и изъ провинцій.

Всадники (equites), не обязанные болѣе службой въ конницѣ, слишкомъ малочисленные для сформированія отдѣльной воинской части, слишкомъ знатнаго происхожденія, чтобы служить простыми рядовыми въ такое время, когда военная служба изъ почетной сдѣлалась средствомъ наживы, обратились къ службѣ судебной и финансовой. Нѣкоторая часть ихъ продолжала служить въ войскахъ, но только, или при штабахъ полководцевъ, или командирами конныхъ частей и пѣшихъ когортъ.

Римскій кавалеристъ.

Императорская конница была вооружена дротиками, длинными мечами, и иногда копьями и желѣзными палицами. Предохранительное вооруженіе состояло изъ шлема, щита, легкихъ сапогъ и кольчуги. Она подраздѣлялась на полки силой въ 726 коней; каждый полкъ состоялъ изъ 9 отдѣленій по 66 коней, и одного въ 132 коня, состоявшаго при первой когортѣ легіона. Вообще конные полки находились по организаціи въ извѣстной связи съ пѣхотой, но для боя вся конница арміи выдѣлялась и ставилась, или на флангахъ боеваго порядка или распредѣлялась по первой линіи, или-же служила резервомъ.

Богатство римской Имперіи и появившіяся вслѣдствіе того роскошь и расточительность съ теченіемъ времени подорвали могущество государства

---

[1]) Gibbon; Thierry; Vegetius; — Jornandes; Ammianus Marcellinus.

Римскій кавалеристъ.

и стали оказывать вредное вліяніе и на войско. Патріотизмъ, чувство національнаго самосознанія, отличавшіе римлянъ отъ прочихъ народовъ, начали исчезать. Воинскій духъ, воодушевлявшій всякаго гражданина въ то время, когда никто не могъ получить какой-либо должности, не прослуживши предварительно извѣстное время въ рядахъ войска, сталъ понемногу угасать, особенно по мѣрѣ того, какъ съ расширеніемъ границъ государства, Римъ, находившійся въ центрѣ, все болѣе и болѣе удалялся отъ сферы опасностей и тягостей боевой жизни. Отъ появленія Аннибала въ 211 г. до Р. Х. у воротъ города, до Алариха, ставшаго въ 408 г. по Р.Х. съ своими готами лагеремъ около Рима, т. е. въ теченіе 619 лѣтъ, городъ не видалъ у своихъ стѣнъ непріятельской арміи.

Римская пѣхота, въ то время, когда она завоевала весь міръ представляла собою вооруженный народъ, тогда какъ впослѣдствіи она стала комплектоваться наемниками изъ варваровъ и изъ людей, принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ и привлеченныхъ въ войско высокой платой, между тѣмъ какъ лучшіе классы вели въ столицѣ праздную жизнь, предаваясь въ роскоши и нѣгѣ разнымъ излишествамъ. Отвращеніе выродившихся римлянъ къ военной службѣ сдѣлалось столь сильно, что итальянскіе юноши, подлежавшіе зачисленію въ ряды войска, часто отрѣзывали себѣ пальцы правой руки; это обыкновеніе получило такое распространеніе, что потребовалось изданіе весьма строгихъ законовъ противъ членовредителей.

Наемныя войска скоро сознали свою силу и начали требовать отъ своихъ господъ все новыхъ и новыхъ уступокъ; дошло до того, что они избирали императоровъ, которые сознавали очень хорошо, что безъ согласія войска имъ не удержаться на престолѣ. Понятнымъ слѣдствіемъ этого была полная распущенность и отсутствіе дисциплины въ войскѣ.

Септимій Северъ, избранный императоромъ паннонскими легіонами и нуждавшійся въ утвержденіи этого избранія прочими войсками, первый значительно подорвалъ дисциплину. Онъ не только значительно увеличилъ плату воинамъ, но кромѣ того началъ раздавать имъ подарки по случаю разныхъ празднествъ и т. п. и допустилъ ихъ вести въ своихъ казармахъ совершенно праздный образъ жизни. Офицеры подавали примѣръ роскоши и духъ времени выразился въ ослабленіи воинскаго духа; войска становились положительно неспособны къ перенесенію трудностей и лишеній военнаго времени. Каракалла совершенно продался войскамъ и истощалъ государство, чтобы обогащать безполезную и непокорную солдатчину.

Александръ Северъ видѣлъ пагубную распущенность войска и старался возстановить хоть тѣнь той дисциплины, которая когда то способствовала росту государства. Однако зло такъ внѣдрилось, что онъ былъ вынужденъ платить очень большое жалованье воинамъ и отмѣнить правило, по которому каждый изъ нихъ несъ въ походѣ 17-ти дневную дачу про-

віанта на своихъ плечахъ, и вмѣсто того завести огромное количество муловъ и верблюдовъ. Не видя вмѣстѣ съ тѣмъ возможности положить предѣлъ развитію роскоши въ войскѣ, онъ постарался по крайней мѣрѣ обратить ее на пріобрѣтеніе хорошаго оружія, высокаго достоинства лошадей и украшеніе одежды и снаряженія.

Изнѣженность войскъ выразилась между прочимъ въ нежеланіи ихъ носить предохранительное вооруженіе. Вегецій, писавшій свое сочиненіе, какъ думаютъ, при Валентиніанѣ II въ концѣ IV столѣтія, оставилъ описаніе въ высшей степени печальнаго состоянія вооруженія легіонеровъ въ его время. Онъ говоритъ, что съ основанія Рима до императора Граціана воины постоянно носили шлемъ и латы, но что впослѣдствіи, когда, вслѣдствіе лѣности и безпечности, обученіе пришло въ упадокъ, предметы эти стали носиться очень рѣдко, воины нашли, что они очень тяжелы и потребовали отъ императоровъ разрѣшенія не носить сначала латъ, а потомъ и шлема. Какъ разъ въ то время, когда римляне такимъ образомъ отказывались отъ этихъ доспѣховъ, въ которыхъ они побѣдоносно прошли весь свѣтъ, варвары стали вводить ихъ, и конница готовъ, гунновъ и алановъ носитъ полное предохранительное вооруженіе. Очевидно, вслѣдствіе этого легіонеры оказывались совершенно беззащитными передъ готами, которые вдобавокъ грозили имъ полнымъ истребленіемъ, имѣя полчища лучниковъ; но несмотря на цѣлый рядъ пораженій, на потерю многихъ городовъ, ни одинъ полководецъ не рѣшился принудить своихъ воиновъ опять надѣть тяжелое вооруженіе. Вслѣдствіе этого воины больше думали о бѣгствѣ, чѣмъ о боѣ. Вегецій является поэтому горячимъ защитникомъ предохранительнаго вооруженія. Онъ говоритъ: „Тѣмъ, кто находитъ, что прежнее вооруженіе очень тяжело, предстоитъ или быть ранеными, такъ какъ ихъ тѣло ничѣмъ не защищено, или, что хуже, быть взятыми въ плѣнъ, или, наконецъ, даже измѣнить своему отечеству обратившись въ бѣгство. Они же, чтобы избѣжать носки незначительной тяжести, позволяютъ себя убивать, какъ скотовъ на бойнѣ“.

Съ трудомъ вѣрится, чтобы описаніе это относилось къ потомкамъ той великолѣпной пѣхоты, которая дралась при Треббіи[1]) и цѣлымъ рядомъ побѣдъ въ теченіе десяти столѣтій заслужила такую великую славу. Легіоны, которые стояли на границахъ и вели безпрерывныя войны, держались нѣсколько дольше на прежней высотѣ, когда сѣмена разложенія проросли въ сердцѣ страны, но слабость Императоровъ вскорѣ и ихъ испортила, и со временемъ характеристика Вегеція могла быть отнесена и къ нимъ. Это ослабленіе военныхъ качествъ не могло не быть замѣчено варварами и они не преминули имъ воспользоваться.

Сами римляне, расчитывая на удаленіе отъ границъ, считали себя въ полной безопасности отъ вторженія варваровъ въ коренныхъ земляхъ.

[1]) Правильнѣе было-бы сказать — при Замѣ, 202 г. *В. Сухомлиновъ.*

Вторженіе готовъ около 248 г. въ царствованіе императора Филиппа открыло имъ глаза. Наемныя войска сдали безъ сопротивленія наиболѣе важные пункты и даже, опасаясь наказаній за эту сдачу, поступили на службу къ противнику. Обитателямъ римской провинціи Моезіи не осталось ничего другого, какъ заплатить большой выкупъ за свою жизнь, свободу и достояніе.

Одинъ или два года спустя, готы вторгнулись вторично въ эту провинцію, разбили римскія войска и умертвили императора Деція. Съ этого времени для римлянъ начался рядъ пораженій, окончательно подорвавшій въ нихъ вѣру въ свою пѣхоту. Благодаря этому упадку пѣхоты, непріятельскіе всадники безъ труда одерживали надъ ней постоянные успѣхи, доставившіе конницѣ извѣстную фиктивную славу, такъ какъ для самолюбія римлянъ было менѣе постыдно объяснить свои пораженія превосходствомъ конницы, какъ рода оружія, надъ пѣхотой, чѣмъ распущенностью и другими недостатками собственныхъ войскъ. Когда это убѣжденіе стало вкореняться, стали обращать главное вниманіе на конницу, значительно увеличили ея численность и надѣялись съ ея помощью удержать свое военное могущество. До 312 г. конница была настолько усилена, что въ сраженіи при Туринѣ между Константиномъ и полководцами Максенція, войско этихъ послѣднихъ состояло преимущественно изъ тяжелой конницы, въ которой какъ люди, такъ и лошади имѣли полное предохранительное вооруженіе, дававшее, однако, полную свободу движеніямъ. Она обыкновенно строилась, какъ мы это и видимъ въ вышеупомянутой битвѣ, въ видѣ клина, обращеннаго остріемъ къ непріятелю. Ударъ ея былъ очень силенъ и сопротивленіе ей почти невозможно, но врядъ-ли она обладала подвижностью и ловкостью въ маневрированіи: Константинъ разными эволюціями принудилъ ее раздѣлиться на части, ослабилъ и затѣмъ одержалъ полную побѣду. Повидимому такой родъ тяжелой конницы былъ перенятъ у восточныхъ народовъ.

Въ сраженіи при Мурзѣ въ 351 г. сыну Константина, Констанцію, удалось одержать рѣшительную побѣду надъ Магненціемъ, благодаря энергичной атакѣ его тяжелыхъ латниковъ, которые, въ своихъ чешуйчатыхъ панцыряхъ, своими тяжелыми копьями сломили сопротивленіе галльскихъ легіоновъ. При Юстиніанѣ почти вся полевая византійская армія состояла изъ тяжелой конницы. У варваровъ того времени конная служба была въ большомъ почетѣ. Главную силу арміи Велизарія составлялъ отрядъ его тѣлохранителей, набранный изъ лучшихъ воиновъ, и по храбрости и опытности людей, хорошему качеству лошадей и оружія составлявшій дѣйствительно отборную часть. Пѣхота играла совершенно второстепенную роль. Большая часть конницы была вооружена скиѳскими луками. Прокопій выступаетъ защитникомъ конныхъ лучниковъ, къ которымъ въ то время относились съ презрѣніемъ. „Презрѣніе подобнаго рода“, говоритъ онъ,

„было пожалуй совершенно законно относительно нагихъ юношей“, которые появлялись пѣшими на Троянскихъ поляхъ и, прячась за камень или щитъ товарища, съ трудомъ натягивали лукъ и пускали почти всегда безвредную стрѣлу. Но наши лучники сидятъ на лошадяхъ, которыми къ тому же они управляютъ съ замѣчательною ловкостью. Они защищены шлемомъ, кольчугой, щитомъ и наножниками. На правомъ боку у нихъ виситъ колчанъ, на лѣвомъ мечъ и они обучены дѣйствовать копьемъ и дротикомъ. Изъ ихъ тяжелыхъ и крѣпкихъ луковъ они пускаютъ стрѣлы во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, впередъ, назадъ, въ обѣ стороны, при наступленіи, при отступленіи, и такъ какъ они обучены натягивать тетиву не къ груди, а къ правому уху, то пущенная ими стрѣла обладаетъ большой силой“.

Этотъ отрывокъ даетъ очень точное понятіе о вооруженіи и снаряженіи всадниковъ того времени; нельзя не обратить вниманія на то, что оно вполнѣ скопировано съ тѣхъ парѳянскихъ лучниковъ, которые причинили такъ много вреда римлянамъ [1]).

Но ни большая численность конницы, ни хорошія качества ея лошадей и оружія не были въ состояніи удержать отъ паденія Имперію. Оружіе, снаряженіе и тактика не могли спасти тотъ народъ, который былъ лишенъ руководящихъ принциповъ, утратилъ чувство патріотизма и въ которомъ эгоизмъ и любовь къ роскоши стали отличительными національными чертами. Варварскіе народы, воинственные и выносливые, скоро наводнили всѣ провинціи и поживились огромной добычей въ богатыхъ и цивилизованныхъ странахъ южной Европы, пока наконецъ въ 410 г., тысячу сто шестьдесятъ три года послѣ основанія Рима, Аларихъ съ готами не завладѣлъ этимъ городомъ, и владычицѣ міра суждено было испытать на себѣ всю необузданную дикость этихъ варварскихъ племенъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя римскому государству угрожали еще большія опасности отъ короля гунновъ Аттилы, и оно было вынуждено заключить съ нимъ договоръ на самыхъ унизительныхъ для себя условіяхъ. Аттила соединилъ подъ своею властью всю Германію и Скиѳію; численность его войска доходила до 500.000 чел., набранныхъ изъ всѣхъ подчиненныхъ ему народовъ.

Относительно гунновъ, составлявшихъ одинъ изъ главныхъ контигентовъ его войска, мы находимъ интересное описаніе у Амміама Марцеллина, который говоритъ, что они не имѣли постоянныхъ жилищъ, а переходили изъ одной страны въ другую, имѣя съ собой весь свой скотъ, часть котораго была запряжена въ повозки, перевозившія женъ и дѣтей. Привыкшіе къ разнымъ лишеніямъ, одѣтые въ звѣриныя шкуры, они почти не покидали своихъ уродливыхъ, маленькихъ, но живыхъ, выносливыхъ и

[1]) Авторъ точно сочувствуетъ этому. Но Рюстовъ, въ „Исторіи Пѣхоты“ зло высмѣиваетъ это новое усовершенствованіе луковъ, отмѣчаемое Прокопомъ. *В. Сухомлиновъ.*

быстрыхъ лошадей, съ которыми они положительно срослись, на нихъ они пили, ѣли и даже иногда спали. Образъ дѣйствій въ бою былъ самый безпорядочный, они производили нападеніе съ громкими криками, отдѣльными кучками, подъ начальствомъ различныхъ вождей; если встрѣчали сильное сопротивленіе, то немедленно поворачивали назадъ въ разсыпную,

Гуннъ.

но съ тѣмъ, чтобы атаковать вторично при первомъ удобномъ случаѣ. Бой пѣшкомъ, атака и оборона укрѣпленій были имъ совершенно неизвѣстны и они никогда къ нимъ не прибѣгали. Они стрѣляли изъ лука замѣчательно ловко и пускали стрѣлы съ костянымъ остріемъ на очень дальнія разстоянія; для рукопашнаго боя имѣли мечи и арканы или сѣтки,

Гуннъ.

которые они набрасывали на противника и затѣмъ его убивали. Въ арміи Аттилы, кромѣ гунновъ, были контингенты почти всѣхъ народовъ, населявшихъ Германію и Скиѳію. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли роговыя кольчуги и тяжелыя копья.

Въ 451 г. Аттила вторгнулся со своимъ войскомъ въ предѣлы Галліи и обложилъ Орлеанъ. Однако приближеніе римскаго полководца Аэція и его союзниковъ, короля вестготовъ Теодориха I и короля алановъ Санжипана, вынудило его снять блокаду и отойти на Каталаунскія поля, близъ Шалона. Здѣсь произошла одна изъ величайшихъ и наиболѣе рѣшительныхъ битвъ.

Аттила поставилъ въ центрѣ свои лучшія войска и взялъ на себя командованіе ими, правое крыло было поручено королю гепидовъ, Ардариху, лѣвое — королю остготовъ. У его противниковъ Аэцій командовалъ правымъ крыломъ, Теодорихъ лѣвымъ, Санжипанъ-же, котораго вѣрность была сомнительна, былъ поставленъ въ передовой линіи центра.

Небольшой холмъ, лежавшій между обѣими арміями и доставлявшій значительныя выгоды владѣвшему имъ, былъ занятъ Торисмундомъ, сыномъ Теодориха, съ частью вестготской конницы. Это давало Аэцію большое преимущество. Аттила, понимавшій важность этого пункта, послалъ для занятія его конный отрядъ, который, однако, былъ встрѣченъ атакой Торисмунда сверху внизъ и отброшенъ. Тогда Аттила произвелъ самъ отчаянное нападеніе на этотъ холмъ и поддержалъ эту атаку наиболѣе надежными войсками своего центра, но римляне, имѣвшіе за себя выгоды мѣстности, удержались и отразили его. Храбрый престарѣлый Теодорихъ произвелъ блестящую атаку на правое крыло гунновъ, но былъ раненъ дротикомъ, упалъ съ коня и былъ затоптанъ до смерти своими же вестготами. Эти неудержимымъ натискомъ смяли все, что было передъ ними, затѣмъ повернули направо и взяли во флангъ центръ гунновъ, сражавшійся съ аланами. Потерпѣвъ пораженіе на обоихъ флангахъ и обойденный въ центрѣ, Аттила отступилъ къ своему лагерю, спѣшилъ своихъ лучниковъ позади повозокъ и стрѣлами остановилъ преслѣдованіе противника.

Весь слѣдующій день Аттила оставался въ своемъ лагерѣ, ожидая нападенія и приготовившись къ самому упорному сопротивленію. Все поле было покрыто мертвыми и ранеными, такъ какъ рѣзня была ужасная. Подъ впечатлѣніемъ большихъ потерь, понесенныхъ наканунѣ, и при видѣ рѣшимости все еще страшнаго врага сопротивляться, союзники сочли болѣе благоразумнымъ не штурмовать лагеря и дать возможность Аттилѣ спокойно отступить, что и было имъ исполнено.

Побѣда была выиграна конницей, и можно сказать, хотя описанія сраженія довольно неясны, что образъ дѣйствія Аэція очень схожъ съ образомъ дѣйствій Сципіона при Илингѣ: оба они имѣли малонадежныя союзныя войска, оба поставили ихъ въ центрѣ, а атаку произвели обоими крылами съ лучшими войсками. Съ другой стороны, Аттила, подобно Аздрубалу,

поставилъ лучшія войска въ центрѣ и они удержались по пораженіи обоихъ фланговъ, прикрыли отступленіе и спасли армію отъ уничтоженія. Эта побѣда интересна тѣмъ, что она была послѣдняя, одержанная войсками Римской Имперіи.

Мы прослѣдили исторію конницы отъ самыхъ древнихъ временъ до той минуты, когда Римская Имперія начала распадаться, когда старая цивилизація была предана уничтоженію, слѣды искусствъ, науки и литературы стерты съ лица земли, и наступили столѣтія мрака и невѣжества, характеризующія начало среднихъ вѣковъ. Мы должны остановиться на этой точкѣ, гдѣ событія начинаютъ теряться въ туманѣ и продолжимъ въ слѣдующей главѣ нить нашего разсказа, стараясь, по возможности, связать между собой событія двухъ историческихъ періодовъ — древнихъ и среднихъ временъ.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ паденія Западной Римской Имперіи до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія.

ГЛАВА I.

Ленная конница.

1. Происхожденіе ленной системы. Битва при Пуатье, 732 г. [1]).

Въ предъидущемъ періодѣ мы довели исторію конницы до того времени, когда римское владычество на западѣ пало. — Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть развитіе и службу этого рода оружія у народовъ, возникшихъ на развалинахъ Рима въ новой группировкѣ державъ.

Послѣ покоренія Рима различными германскими племенами, обычаи и нравы этихъ послѣднихъ оказали весьма важное вліяніе на цивилизацію того времени, и мы можемъ прослѣдить въ теченіе многихъ столѣтій развитіе одного изъ такихъ установленій, имѣвшаго большое значеніе какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ смыслѣ. Мы говоримъ о ленной системѣ, распространившейся почти по всей Европѣ, и слѣды которой замѣтны и въ наше время; она составляла въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій основаніе всего военнаго устройства европейскихъ народовъ и поэтому заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Достовѣрно извѣстно, что еще задолго до вторженія германцевъ въ Италію у нихъ были нѣкоторые знатные роды или семейства. Тацитъ, напримѣръ утверждаетъ это и дѣлаетъ рѣзкое различіе между „nobiles“ или „principes“ и низшими классами. Также и въ другихъ источникахъ мы встрѣчаемъ постоянныя упоминанія объ извѣстнаго рода аристократіи, изъ которой выбирались вожди племенъ.

Въ болѣе древнія времена, когда германцы кочевали по своей лѣсистой странѣ и занимались преимущественно охотой и войной съ сосѣдями, владѣніе землей не имѣло для нихъ никакой цѣны и она считалась общимъ

[1]) Menzel; — Booutaric; — Löwy; — Gibbon; — Daniel, Milice Française; — Greasy, Decisive Battles, Tours; — Rocquancourt

достоянiемъ. Молодые воины составляли товарищество по своему усмотрѣнiю выбирали изъ своей среды кто признавался по мужеству и военной опытности наиболѣе достойнымъ вождемъ и поднимали на щитъ. Иногда случалось и наоборотъ, что какой-либо, прiобрѣвшiй извѣстность, вождь собиралъ вокругъ себя дружину молодыхъ воиновъ, привлеченныхъ его славой, которые обязывались ему безусловнымъ повиновенiемъ. Такiя дружины покидали обыкновенно родину и шли въ какую-либо другую страну. Такъ, напримѣръ, свевы, дѣлившiеся на десятки, сотни и тысячи и считавшiе всю свою землю общимъ достоянiемъ, высылали многочисленные отряды для занятiя новыхъ земель, подобно пчеламъ, которыя улетаютъ, когда улей переполненъ.

Эти дружины, завоевавъ какую-либо землю, оставались въ ней и раздѣляли ее поровну между всѣми свободнорожденными воинами. Эти участки были наслѣдственны и назывались аллодiями отъ древнегерманскаго „Od“— земля; границы ихъ обозначались очень точно, и каждый владѣлецъ жилъ въ своемъ участкѣ. Аллодiальное имѣнiе не могло быть продано безъ согласiя семейства, а равно не могло быть отобрано государствомъ у владѣльца его, хотя бы даже за противузаконные поступки. Съ одной стороны эти свободнорожденные владѣльцы, съ другой рабы, преимущественно изъ плѣнныхъ, обязанные первымъ службой — были вначалѣ единственными двумя классами, существовавшими у германцевъ. Можно предположить, что такъ называемые благородные или „principes“ были просто старшими сыновьями владѣльцевъ и наслѣдниками земельныхъ участковъ, и вслѣдствiе этого имѣли высшее положенiе, чѣмъ ихъ младшiе братья. Со временемъ нѣкоторые рабы получили свободу и маленькiе участки земли, подъ условiемъ платить ежегодно извѣстную сумму и нести нѣкоторую службу. Иногда также при завоеванiи страны извѣстная ея часть оставлялась прежнимъ жителямъ, которые обязывались за то нести нѣкоторыя повинности. Такимъ путемъ образовался третiй классъ, составленный изъ людей, которые не были ни свободными, ни рабами, а находились въ вассальной зависимости отъ ленныхъ владѣльцевъ. Ихъ участки, владѣнiе которыми обусловливалось точнымъ выполненiемъ возложенныхъ обязанностей, назывались въ отличiе отъ аллодовъ феодами (Fe-od) или ленами, т. е. переданной собственностью. Отсюда и началась ленная система.

Званiе верховнаго вождя или короля скоро сдѣлалось наслѣдственнымъ, и появились обширныя королевства, въ которыхъ, однако, многiя древнегерманскiя установленiя продолжали существовать. По введенiи монархическаго правленiя, короли стали получать въ завоеванныхъ земляхъ гораздо большiе участки земли чѣмъ свободные воины; королевскiя земли состояли частью изъ одного большаго „домена“ (казеннаго участка), гдѣ жилъ король со своимъ дворомъ, частью изъ извѣстнаго числа другихъ аллодовъ. Цѣлью этого неравномѣрнаго раздѣленiя было доставленiе королю средствъ

для содержанія себя и двора, такъ что не представлялось необходимости въ обложеніи налогами.

Аллодіальные владѣльцы въ королевствахъ дѣлились на десятки и сотни; но маленькія подраздѣленія скоро исчезли, изъ сотенъ образовались кантоны, а нѣсколько кантоновъ составили провинцію. Сотни (кантоны), на которые Англія была раздѣлена XIV столѣтій тому назадъ англосаксами, существуетъ и понынѣ, какъ территоріальное раздѣленіе. Судьи или начальники, которые прежде выбирались для каждой провинціи народомъ, стали назначаться королями. Старшій правитель въ провинціи носилъ названіе графа или „comes“; онъ же на войнѣ былъ начальникомъ выставляемаго провинціей контингента. При дальнѣйшемъ увеличеніи королевствъ, когда въ составъ ихъ вошли цѣлые покоренные народы, этимъ послѣднимъ оставлялся иногда ихъ прежній владѣтель съ обязательствомъ выставлять, въ случаѣ войны, извѣстный контингентъ. Отсюда беретъ начало герцогское званіе.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что государство было раздѣлено на герцогства, провинціи и сотни или кантоны. Войско состояло изъ всего населенія; вождями его были начальники сотенъ, графы или начальники провинцій, герцоги и, наконецъ, верховнымъ вождемъ былъ король. Войско это было чисто милиціонное; постоянной арміи не было. Если созывалось народное собраніе въ мирное время для обсужденія какихъ-либо вопросовъ, то оно называлось ариманіей („mannire“ — призывать); если же цѣлью созыва была война, то собраніе носило названіе геербана „heer“ — войско и „bannire“ — собирать). Приказаніе о созывѣ исходило отъ короля и давалось имъ герцогамъ; они передавали графамъ, эти — начальникамъ кантоновъ, которые, наконецъ, сообщали его народу. Каждый человѣкъ подчинялся въ военное время тому же лицу, какъ и въ мирное. Дисциплина требовалась полная, и каждый проступокъ строго наказывался.

Владѣльцы аллодовъ пользовались разными привиллегіями. Они были освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей, могли присутствовать въ судѣ и имѣли голосъ при обсужденіи законодательныхъ мѣръ въ народныхъ собраніяхъ. Затѣмъ они имѣли право носить оружіе и прибѣгать къ его употребленію для мести за оскорбленіе; наконецъ, они не платили земельной подати, которою были обложены всѣ покоренные римляне, владѣвшіе землей. За то они были обязаны службой въ геербанѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ во все время состоянія въ немъ имѣли право на извѣстную часть добычи. Кромѣ того, въ военное время они должны были поставлять лошадей и повозки. Иногда, въ крайнихъ случаяхъ, они должны были дѣлать подарки или денежные взносы королю и его двору.

Всякій свободнорожденный, уклонявшійся отъ службы въ войскѣ терялъ свои привиллегіи; впрочемъ, иногда допускался денежный взносъ вмѣсто личной службы; у англо-саксовъ аллоды дезертировъ отбирались королямъ, которые передавали ихъ графамъ.

Большая часть служила въ пѣхотѣ и только болѣе знатные и богатые — въ конницѣ. Увеличеніе численности этой послѣдней и улучшенія, въ ней произведенныя, много способствовали переходу аллодіальной системы въ ленную.

Когда, по окончаніи переселенія народовъ, короли пріобрѣли осѣдлость въ своихъ государствахъ (прежде всего произошло это во Франціи), они начали раздавать полученную ими землю своимъ друзьямъ и довѣреннымъ лицамъ („fideles“ или „antrustiones“) въ видѣ леновъ; такъ какъ эти лица занимали въ тоже время обыкновенно и высшія придворныя должности, то они въ собраніяхъ занимали высшее мѣсто противъ аллодіальныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того короли по временамъ давали своимъ ленникамъ тѣ или другія преимущества, и такимъ образомъ образовалось надъ древней аристократіей свободнорожденныхъ новая аристократія. Благодаря всему этому, выгоды королевскихъ ленныхъ владѣльцевъ стали такъ велики, что многіе аллодіальные владѣльцы передавали свои земли королю и затѣмъ получали ихъ отъ него обратно въ видѣ леновъ и присягали въ вѣрности. Этимъ путемъ ленная система распространялась все болѣе и болѣе, пока наконецъ почти вся страна не дѣлалась леномъ короля.

Съ другой стороны, владѣльцы большихъ леновъ въ скоромъ времени постарались увеличить свое могущество и вліяніе, отдавая участки своей земли другимъ благороднымъ или свободнорожденнымъ, которые дѣлались ихъ вассалами; это обыкновеніе получило большое распространеніе и называлось Afterbelehnung, или Unterbelehnung.

Около времени Карла Великаго стало замѣтно значеніе тяжеловооруженныхъ всадниковъ на полѣ сраженія. Германцы переняли отъ римлянъ предохранительное вооруженіе и черезъ это пріобрѣли нѣкоторыя преимущества надъ своими противниками. Также и франки приняли при Клодвигѣ это вооруженіе, которому этотъ король самъ былъ обязанъ жизнью въ одномъ изъ сраженій противъ вестготовъ.

При Карлѣ Великомъ служба въ конницѣ, составлявшей главную часть войска, была сопряжена съ владѣніемъ бенефиціями, или ленами. При призывѣ войскъ въ случаѣ войны о всадникахъ упоминалось особо. Такъ какъ воинамъ не полагалось жалованья, то именно лены должны были давать средства на содержаніе коннаго рыцаря съ извѣстнымъ числомъ людей и лошадей въ полномъ снаряженіи; стоимость всего этого была очень велика и значительно превышала средства простаго свободнорожденнаго.

Поэтому вся конница пополнялась безусловно лицами благороднаго происхожденія; такъ что слово „miles“ или воинъ въ XI столѣтіи употреблялось исключительно для обозначенія благороднаго всадника или рыцаря, а названія „chevalier“, „caballarius“, „caballero“, означавшія сначала только всадника, впослѣдствіи стали означать дворянина.

Въ Испаніи всякій гражданинъ, обладавшій достаточнымъ состояніемъ, долженъ былъ служить въ конницѣ (caballero) и въ вознагражденіе за это пользовался тѣмъ же преимуществомъ, какъ и земельная аристократія.

Въ Англіи ленная система была введена Вильгельмомъ Завоевателемъ, который раздѣлилъ большую часть страны на обширные лены, розданные рыцарямъ его свиты. Привиллегія дворянства была здѣсь однако гораздо болѣе ограничена, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ какъ народъ пользовался большой свободой. Устройство войска было, впрочемъ, такое же, какъ и въ прочихъ государствахъ, и рыцари, составлявшіе конницу, были высшимъ классомъ.

Всѣ свѣдѣнія о состояніи военнаго искусства и описанія сраженій въ тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, такъ неясны и неполны, что трудно сказать о немъ что нибудь опредѣленное. Кажется, однако, что этотъ недостатокъ точныхъ свѣдѣній не составляетъ большой потери для насъ, такъ какъ паденіе цивилизаціи и побѣда варваровъ произвели такой же упадокъ военнаго искусства, какъ и всѣхъ прочихъ искусствъ и наукъ, и едва-ли варвары имѣли ясное представленіе о тактикѣ и дисциплинѣ. Объ обѣихъ битвахъ Клодвига, при Суассонѣ и при Толбіакѣ, мы ничего не знаемъ, но за то сохранилось нѣсколько интересныхъ подробностей о битвѣ при Казилинумѣ въ 554 г., гдѣ евнухъ Нарзесъ удачной атакой своей конницы одержалъ побѣду надъ Буцелиномъ, вождемъ франковъ (аллемановъ).

У послѣдняго было 30.000 отличной пѣхоты, но ни одного всадника; у Нарзеса, начальника византійскихъ войскъ, — всего 18.000 чел., но въ томъ числѣ многочисленная конница изъ латниковъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. Онъ развернулъ свое войско въ одну линію: въ центрѣ — тяжелая пѣхота, на флангахъ — конница, сзади — лучники и пращники. Пока армія строилась, Нарзесъ узналъ, что одинъ изъ предводителей геруловъ, составлявшихъ значительную часть войска, убилъ своего слугу за незначительный проступокъ. Онъ приказалъ сейчасъ же произвести слѣдствіе и казнить преступника. Герулы тогда возмутились и объявили, что не пойдутъ въ бой. Нарзесъ послалъ имъ сказать, что въ такомъ случаѣ они не будутъ имѣть чести участвовать и въ побѣдѣ, и продолжалъ отдавать дальнѣйшія распоряженія, не обращая болѣе на нихъ никакого вниманія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ позаботился о томъ, чтобы, если они измѣнятъ свое намѣреніе, то могли бы составить вторую линію или резервъ.

Буцелинъ построилъ свое войско въ видѣ клина и энергично атаковалъ центръ противника, прорвалъ его и принудилъ къ отступленію. Нарзесъ, нисколько не смутившись, приказалъ конницѣ обоихъ фланговъ, вооруженной частью луками, частью дротиками и частью копьями, заѣхать во внутрь и атаковать съ фланговъ и тыла франкскую пѣхоту, не имѣвшую ни шлемовъ, ни латъ и вооруженную мечами, сѣкирами и щитами.

Прекрасно обученные римскіе лучники, закованные въ латы, наносили своими стрѣлами большой вредъ густымъ массамъ противника, привели ихъ въ замѣшательство и скоро пріостановили ихъ наступленіе. Въ то время герулы со своимъ вождемъ Синдуаломъ, позабывъ свою злобу, атаковали голову клина, пробившую римскій центръ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, франки потерпѣли страшное пораженіе. Трудно повѣрить, но, по словамъ историка Агаѳія, изъ 30.000 франковъ осталось въ живыхъ только 5 чел.; вся же потеря римлянъ простиралась до 80 чел.

Одно изъ самыхъ интересныхъ и имѣвшихъ значеніе сраженій того времени произошло въ 732 г. при Турѣ или Пуатье, между Карломъ Мартелломъ и сарацинами; здѣсь шло дѣло о судьбѣ всей христіанской Европы. Сарацинскій калифъ Абдеррахманъ, по завоеваніи Испаніи, перешелъ черезъ Пиренеи съ войскомъ, въ которомъ, по различнымъ свѣдѣніямъ, было отъ 80 до нѣсколькихъ сотъ тысячъ чел.; одна хроника говоритъ, что потеря арабовъ простиралась до 375.000 чел., что, очевидно, чрезвычайно преувеличено, но вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что сила войска была очень значительна. Вообще всѣ свѣдѣнія объ этой битвѣ очень неполны и сбивчивы; нижеслѣдующее описаніе, заимствованное изъ одной арабской хроники, даетъ еще сравнительно болѣе ясное представленіе о ней. Сначала говорится, что война началась между мусульманами и пограничнымъ франкскимъ графомъ и что этотъ послѣдній собралъ сильное войско. Затѣмъ историкъ продолжаетъ:

„Но Абдеррахманъ разбилъ его, и воины Абдеррахмана сильно поднялись духомъ послѣ ряда побѣдъ и исполнились вѣрой въ храбрость и опытность эмира. Затѣмъ мусульмане переправились черезъ Гаронну, опустошили всю страну и захватили множество плѣнныхъ; войско ихъ прошло по странѣ подобно всеуничтожающему вихрю. Успѣхъ сдѣлалъ воиновъ ненасытными. На переправѣ Абдеррахманъ нагналъ графа, который поспѣшилъ укрыться въ крѣпость, но мусульмане взяли ее штурмомъ и убили графа: все отступало передъ ихъ мечами, убивавшими все живое. Всѣ франкскіе народы дрожали передъ этимъ страшнымъ войскомъ, и обратились къ своему королю Калдусу (Карлъ Мартелъ) и разсказали ему про опустошенія, произведенныя мусульманскими всадниками, которые свободно рыскали по всей странѣ, между Нарбонной, Тулузой и Бордо, и сказали королю про убіеніе графа. Король старался ободрить ихъ и обѣщалъ подать имъ помощь. И въ 114 г. (геджры) онъ сѣлъ на коня, собралъ неисчислимое войско и двинулся противъ мусульманъ; и онъ встрѣтилъ ихъ около большаго города Тура. Абдеррахманъ и другіе опытные военачальники видѣли, что среди мусульманъ царствовалъ полный безпорядокъ, такъ какъ всѣ всадники были обременены добычей, но они не осмѣлились сдѣлать непріятное воинамъ и приказать бросить все, кромѣ оружія и боевыхъ коней. И Абдеррахманъ понадѣялся на храб-

рость своихъ воиновъ и на счастье постоянно его сопровождавшее. Но подобный недостатокъ дисциплины всегда вреденъ для войска. Абдеррахманъ штурмовалъ Туръ, чтобы получить еще добычу, и натискъ его былъ такъ силенъ, что онъ овладѣлъ городомъ почти на глазахъ войска, пришедшаго на выручку. И жестокость мусульманъ къ жителямъ города была подобна жестокости тигра. Совершенно понятно, что Божье наказанiе должно было послѣдовать за подобные поступки, и счастье повернулось къ мусульманамъ спиной".

„Близъ рѣки Оваръ (Луары) оба огромныя войска заняли позицiи другъ противъ друга".

„Сердца Абдеррахмана, его вождей и воиновъ были полны мужества и гордости, и они первые начали бой. Мусульманскiе всадники нѣсколько разъ налетали съ яростью на толпы франковъ, которые мужественно сопротивлялись, и много пало съ обѣихъ сторонъ, пока солнце не зашло. Ночь раздѣлила оба войска, но съ разсвѣтомъ мусульмане возобновили нападенiе. Всадники ихъ проникли скоро до середины войска христiанъ. Но многiе изъ мусульманъ были озабочены охраненiемъ добычи, сложенной въ палаткахъ, и когда распространился ложный слухъ, что нѣкоторые непрiятельскiе воины грабятъ лагерь, то нѣсколько отрядовъ мусульманской конницы повернули назадъ къ лагерю, чтобы защитить свои палатки. Другимъ показалось, что они убѣгаютъ, и въ войскѣ начался безпорядокъ. Абдеррахманъ хотѣлъ его прекратить и опять началъ бой, но былъ окруженъ франкскими воинами и проколотъ многими копьями, такъ что умеръ. Тогда все войско обратилось въ бѣгство, во время котораго было перебито много народу. Это ужасное пораженiе мусульманъ и потеря великаго полководца и храбрыхъ рыцарей совершились въ 115 г.".

Хотя вышеприведенные отрывки и не даютъ яснаго понятiя о тактикѣ обѣихъ сторонъ, но можно все-таки вывести заключенiе, что сарацины полагались преимущественно на свои сабли и потому стремились подойти къ противнику возможно ближе, между тѣмъ какъ франки дѣйствовали копьями; по крайней мѣрѣ, Абдеррахманъ былъ убитъ этими послѣдними. По арабскимъ источникамъ бой продолжался два дня, по христiанскимъ хроникамъ — шесть или семь. Вѣроятно, бой состоялъ изъ ряда схватокъ между отдѣльными всадниками и конными частями съ перемѣннымъ успѣхомъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы бой на открытой мѣстности между такими малодисциплинированными и трудно управляемыми массами не привелъ въ теченiе одного дня къ рѣшительному результату. Смерть Абдеррахмана была достаточной причиной, чтобы дать побѣду франкамъ и обратить въ бѣгство мусульманъ, потери которыхъ при отступленiи возросли до такой степени, что сдѣлали побѣду франковъ совершенно рѣшительной.

„Эта побѣда Карла Мартелла и позднѣйшiе успѣхи его сына Пипина прогнали сарацинъ съ французской территорiи, а внукъ его Карлъ Великiй

положилъ совершенный предѣлъ ихъ наступательному движенію въ Европѣ завоеваніемъ части Испаніи между Пиренеями и Эбро, которую онъ присоединилъ къ своему государству подъ именемъ испанской мархіи“ [1]).

Уже нѣсколько лѣтъ спустя, при Карлѣ Лысомъ, мы видимъ, что конница составляла главную часть арміи; доказательствомъ этого можетъ служить сраженіе между этимъ королемъ и начальникомъ войскъ герцога Бретанскаго Робертомъ le Fort. Карлъ имѣлъ сильный отрядъ саксонскихъ всадниковъ, посланный ему въ помощь братомъ его Людовикомъ Нѣмецкимъ; этотъ отрядъ былъ поставленъ въ первой линіи для встрѣчи атакъ бретанской конницы, какъ кажется, состоявшей изъ очень опытныхъ всадниковъ. Послѣдніе бретанскіе герцоги обращали большое вниманіе на свое войско и сформировали конницу, нѣсколько напоминавшую пареянскую. Всадники были вооружены дротиками и дѣйствовали мелкими частями, окружая со всѣхъ сторонъ противника и поражая его издали своимъ метательнымъ оружіемъ, а затѣмъ быстро отходили. При отступленіи они были обучены такъ ловко бросать дротики, что рѣдко промахивались. Конница эта скоро разсѣяла саксонскую и затѣмъ стала дѣйствовать тѣмъ же способомъ противъ пѣхоты, которая, будучи вооружена мечами и копьями, годными лишь для рукопашнаго боя, не могла ничего подѣлать съ противникомъ, поражавшимъ ее издали, и вынуждена была отступить.

Карлъ Великій былъ самымъ могущественнымъ государемъ въ средніе вѣка: его государство состояло изъ нынѣшней Франціи, части Испаніи, почти всей Италіи, Германіи и части Венгріи. Отъ его смерти до крестовыхъ походовъ весь тогдашній свѣтъ дѣлился и оспаривался тремя государствами или народами: греками, франками и сарацинами (?).

Пораженіе Абдеррахмана и успѣхи Карла Великаго остановили возрастаніе могущества сарацинъ въ Испаніи, куда они дошли черезъ Гибралтаръ, пройдя въ одно столѣтіе весь южный берегъ Средиземнаго моря отъ Аравіи черезъ Египетъ, Ливію и Мавританію и достигнувъ такимъ образомъ запада Европы. Дальше въ этомъ направленіи ихъ не пустили. Напротивъ, съ востока наступательное движеніе сарацинъ или турокъ продолжалось еще долго и происходившія здѣсь сраженія и битвы представляютъ большой интересъ при изученіи исторіи конницы.

2. Конница турокъ, франковъ и грековъ въ X столѣтіи. Битвы при Мерзебургѣ и Аугсбургѣ [2]).

Конницы турецкая и сарацинская были настоящей легкой конницей. Всадники ѣздили замѣчательно ловко и управляли въ высшей степени искусно своими горячими быстрыми лошадьми. Они были чрезвычайно пригодны для дѣйствій малой войны и постоянно обучались вер-

[1]) Gibbon V, 49.

[2]) Gibbon; — Leo, Institutionen; — Menzel; — Hallam; — Nolan.

хомъ дѣйствію лукомъ, дротикомъ и саблей. Какъ кажется, копье носилось за спиной, пока всадникъ стрѣлялъ изъ лука и бралось въ руку только передъ рукопашной схваткой.

Лучшія лошади носили иногда на груди желѣзное или кожаное закрытіе, а всадники латы. Они не окружали лагеря окопами, а охранялись густой цѣпью постовъ и карауловъ, выставляемыхъ такъ далеко, что нечаянное нападеніе на нихъ становилось очень затруднительнымъ.

Войско раздѣлялось на большія отдѣленія или массы, которыя выстраивались на очень малыхъ интервалахъ между собою. Образъ дѣйствія былъ самый безпорядочный и состоялъ въ быстромъ наскокѣ и немедленномъ уходѣ назадъ, если только встрѣчалось сопротивленіе, причемъ, однако, всадники постоянно слѣдили за противникомъ и были наготовѣ воспользоваться малѣйшимъ безпорядкомъ, который возникалъ въ его рядахъ. Если нападеніе удавалось, то они энергично преслѣдовали бѣгущихъ и безпощадно рубили ихъ своими острыми саблями, которыми владѣли въ совершенствѣ.

Сарацины-арабы были по своему военному устройству совершенно схожи съ турками. Они сражались преимущественно на коняхъ, пѣхота состояла изъ эѳіоплянъ, вооруженныхъ большими луками. Конница была вооружена нѣсколько тяжелѣе турецкой, она имѣла шлемы, латы, сапоги, желѣзныя перчатки и т. п. предохранительное вооруженіе на подобіе римскаго. Пояса и уздечки были покрыты серебряными украшеніями. Вооруженіе состояло изъ копій, мечей, сѣкиръ и луковъ. Сражались они съ большимъ упорствомъ и стойкостью, чѣмъ турки и гунны. Иногда, при форсированныхъ маршахъ, на короткихъ разстояніяхъ, они сажали пѣхотинцевъ на своихъ лошадей позади себя. Лагери ихъ обносились окопами и охранялись ночью многочисленными караулами.

Для боя они строились въ продолговатый четырехугольникъ, въ которомъ ожидали непріятельскаго нападенія, причемъ старались перейти какъ можно скорѣе къ рукопашному бою, который вели съ полной энергіей. Марши совершались въ строѣ въ видѣ пустаго внутри каре, что позволяло, при нападеніи на нихъ, быстро выстроить боевой порядокъ.

Турки не любили рукопашнаго боя, особенно со стойкой пѣхотой, старавшейся прежде всего убить ихъ лошадей, такъ-же неохотно вступали они въ дѣло на ровной мѣстности съ хорошо обученной конницей, находящейся въ сомкнутомъ строю и полномъ порядкѣ. Арабы не были пріучены къ бою пѣшкомъ и обыкновенно терпѣли пораженія, когда прибѣгали къ нему.

Франки—названіе, подъ которымъ подразумѣвали тогда всѣхъ жителей Западной Европы — были народомъ храбрымъ и выносливымъ. Ихъ конница и пѣхота были вполнѣ пріучены къ рукопашному бою. Первая была вооружена щитами, копьями и очень длинными мечами, которые носились

большею частью на плечевой перевязи, а иногда и на поясной. Для боя они строились по родамъ и семействамъ, иногда по дружинамъ, составленнымъ изъ друзей и товарищей, хотя уже въ то время ленная система, при которой воины строились подъ командой своего графа, была въ полномъ развитіи. Во времена, непосредственно предшествовавшія появленію рыцарства, конница франковъ была въ неудовлетворительномъ состояніи и часто спѣшивалась для веденія боя пѣшкомъ.

Въ бою, какъ конномъ, такъ и пѣшемъ, франки стремительно бросались на врага и разсчитывали преимущественно на силу перваго натиска и на слѣдующій затѣмъ рукопашный бой. Дисциплина была слаба, что и вполнѣ понятно, такъ какъ войско было составлено изъ лицъ благороднаго и свободнаго происхожденія, которыя въ королѣ видѣли только лицо, носившее это званіе по волѣ народа. Они шли на войну съ большой охотой, но если походъ продолжался долго, то очень часто покидали войско и возвращались домой. Конница ихъ атаковала противника съ пикой въ рукахъ, въ сомкнутомъ строю и полнымъ ходомъ, для чего ей необходима была болѣе или менѣе ровная мѣстность. Употребленіе резервовъ было имъ, какъ кажется, совершенно неизвѣстно.

Императоръ Левъ даетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ ихъ обычаяхъ и совѣтуетъ своимъ войскамъ, въ случаѣ войны съ ними, всячески избѣгать большихъ сраженій, а утомлять ихъ мелкими схватками въ закрытой, пересѣченной мѣстности, дѣлать засады, нападать на ихъ лагери ночью конными лучниками и тянуть войну какъ можно дольше, чтобы утомить ихъ терпѣніе и заставить израсходовать продовольственные запасы.

О состояніи военнаго искусства у грековъ мы имѣемъ свѣдѣнія у императора Льва и потому можемъ говорить съ большой достовѣрностью о греческой конницѣ во время его царствованія.

Конные лучники носили кольчуги и шлемы изъ полированнаго желѣза, украшенные султанами, вооруженіе состояло изъ лука, средней силы, носимаго для лучшаго сохраненія въ футлярахъ, колчана съ 30 — 40 стрѣлами, средней величины копья съ флюгеромъ, меча на плечевой перевязи и кинжала за поясомъ. Каждый всадникъ имѣлъ, кромѣ того, пилу, шило и запасъ тетивъ.

Молодые всадники, которые еще не умѣли ловко стрѣлять изъ лука, имѣли большіе щиты и по два дротика. На рукахъ были желѣзныя перчатки. У офицеровъ лошади имѣли грудныя закрытія и налобники изъ желѣза или войлока, а у всадниковъ, сражавшихся въ переднихъ рядахъ, еще и закрытія для шеи и боковъ. Удила были очень строгія и пригонялись весьма тщательно. Сѣдла, которыя къ тому времени уже вошли во всеобщее употребленіе, были довольно велики и снабжены двумя стременами, чемоданомъ и кобурой, въ которой возился трехъ или четырехдневный провіантъ. Подковы, прикрѣпленныя къ копытамъ гвоздями, также

уже примѣнялись повсюду. Конское снаряженіе украшалось султаномъ или перомъ на головѣ коня, различными кисточками на чепракѣ и большой кистью, висѣвшей подъ подбородкомъ лошади. Къ сѣдлу прикрѣплялся футляръ для сѣкиры.

Воины носили поверхъ снаряженія и вооруженія широкіе и легкіе плащи, которые совершенно закрывали ихъ отъ дождя. Эти же плащи надѣвались ведетами и разъѣздами, отчасти для того, чтобы скрыть блескъ оружія и не быть замѣченнымъ издали.

Конница строилась въ четыре шеренги, такъ какъ опытъ показалъ, что большее число ихъ является совершенно излишнимъ; дѣйствительно, заднія шеренги, будь онѣ вооружены луками или копьями, не могутъ оказать никакой помощи переднимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное напираніе заднихъ на переднихъ, составлявшее силу фаланги, въ конницѣ не могло имѣть мѣста.

Въ бою флюгера съ нихъ снимались и прятались въ особые футляры. Небольшія конныя части слѣдовали передъ каждымъ крупнымъ отрядомъ, чтобы производить развѣдку мѣстности и заблаговременно открывать устроенныя непріятелемъ засады.

Конницу ставили обыкновенно по флангамъ пѣхоты, причемъ лучшія части становились на самыхъ крайнихъ флангахъ. Она была пріучена, въ случаѣ побѣды, не преслѣдовать безъ оглядки бѣгущихъ непріятельскихъ всадниковъ, чтобы не попасть въ засаду и не отдалиться слишкомъ далеко отъ своей пѣхоты, а постоянно оставаться въ рукахъ начальниковъ. Спѣшиваніе примѣнялось только въ крайности. Обыкновенный боевой порядокъ состоялъ изъ двухъ линій и резерва; въ случаѣ неудачи, первая линія отходила на вторую. Особенное значеніе придавали луку, и считалось большимъ несчастіемъ, что онъ все болѣе выходилъ изъ употребленія. Императоръ Левъ требовалъ, чтобы вся военная молодежь усиленно упражнялась въ стрѣльбѣ изъ лука и продолжала эти упражненія до сорокалѣтняго возраста.

Таково было состояніе вышеописанныхъ народовъ, когда впервые появились венгры или турки и угрожали покорить всѣ народы Средней Европы. Ихъ войско было очень значительно и, въ соединеніи съ союзными, дѣлилось на 7 корпусовъ или отдѣленій, изъ которыхъ каждое было силой приблизительно въ 39.000 воиновъ. Семь наслѣдственныхъ вождей или воеводъ начальствовали этими отдѣленіями и составляли совѣтъ. Надъ ними, для командованія всѣми силами, выбирался одинъ главнокомандующій.

Венгровъ въ ихъ походахъ сопровождали жены и дѣти ихъ и огромныя стада скота и барановъ, которыя они пасли на равнинахъ, по которымъ проходили. Это обстоятельство требовало занятія страны далеко впередъ конницей и высылки дальнихъ разъѣздовъ.

Венгры дошли черезъ Скиѳію до границъ византійскаго и франкскаго государствъ, перешли ихъ и вторглись въ Баварію. Здѣсь произошла битва

при Аугсбургѣ, гдѣ ихъ тактика, подобная древней парѳянской, привела въ безпорядокъ побѣдоносныхъ сначала христіанъ, и послѣдніе потерпѣли полное пораженіе.

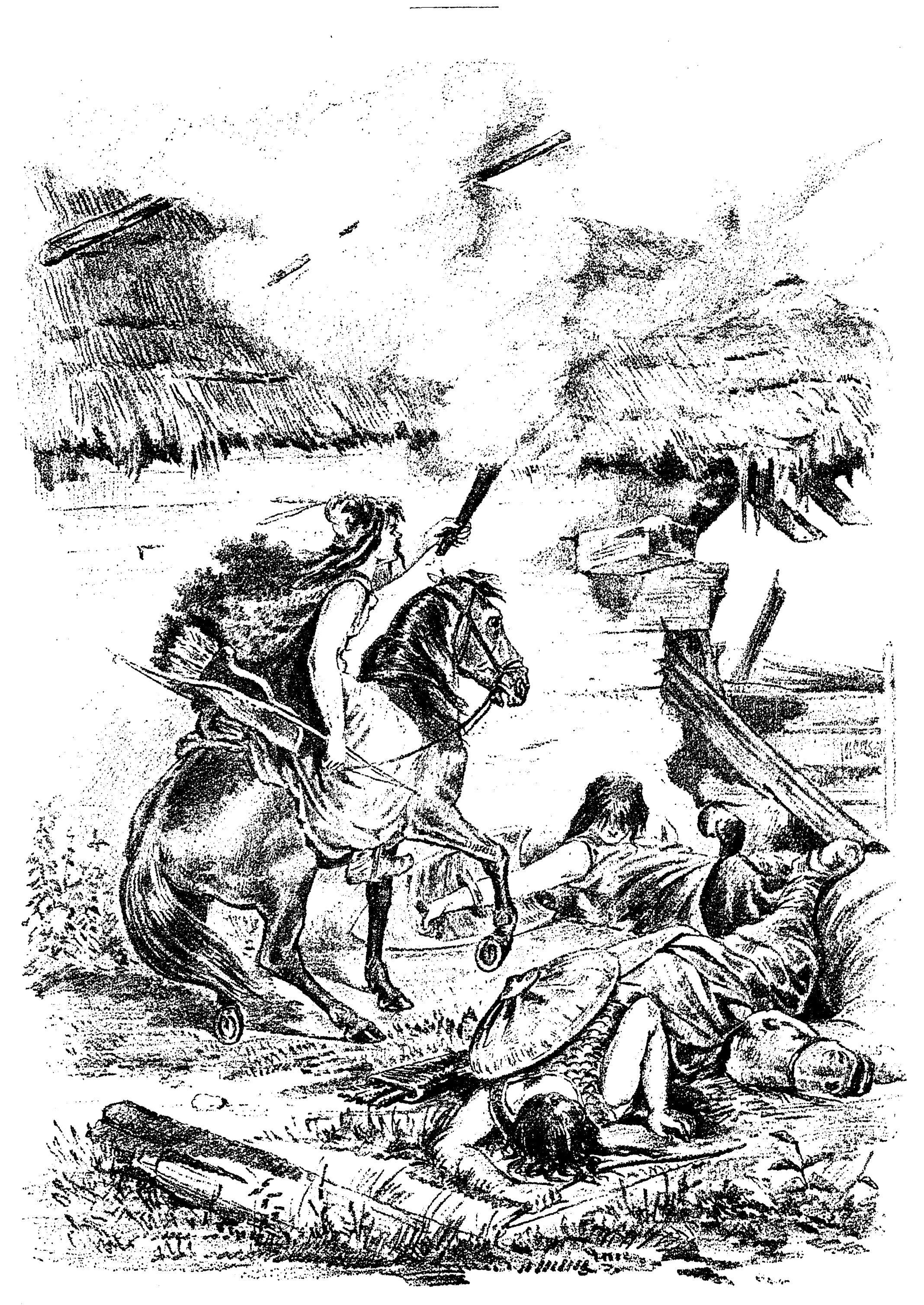
Легкая конница венгровъ распространилась съ необыкновенной быстротой по всей Германіи: въ одинъ день они опустошали площадь въ 12 миль въ окружности, а иногда и болѣе. Они появились передъ Бременомъ, сожгли Павію и дошли до Пиреней. Не молитва въ итальянскихъ церквахъ: „Боже, спаси насъ отъ стрѣлъ венгровъ", а воды Мессинскаго пролива остановили ихъ наступленіе и только уплата извѣстнаго выкупа за каждаго человѣка спасала населеніе завоеванныхъ земель отъ смерти.

Германская имперія должна была въ теченіе 30 лѣтъ платить дань венграмъ. Смѣлость и быстрота этихъ всадниковъ была такъ велика, что небольшіе отряды въ 300 — 400 коней предпринимали самые отчаянные набѣги до воротъ Ѳессалоникъ и даже Константинополя. Таково было печальное состояніе Европы въ началѣ X столѣтія, когда весь христіанскій міръ могъ быть разоренъ разбойничьими шайками этихъ легкихъ всадниковъ, одерживавшихъ повсюду успѣхъ, благодаря ихъ тактикѣ и истинному воинскому духу. Какъ разъ въ это критическое время появился одинъ изъ тѣхъ великихъ военныхъ преобразователей, которые улучшеніями въ тактикѣ, вооруженіи и организаціи арміи ставятъ военное дѣло на новый путь, нѣсколькими ударами спасаютъ одни государства и уничтожаютъ другія.

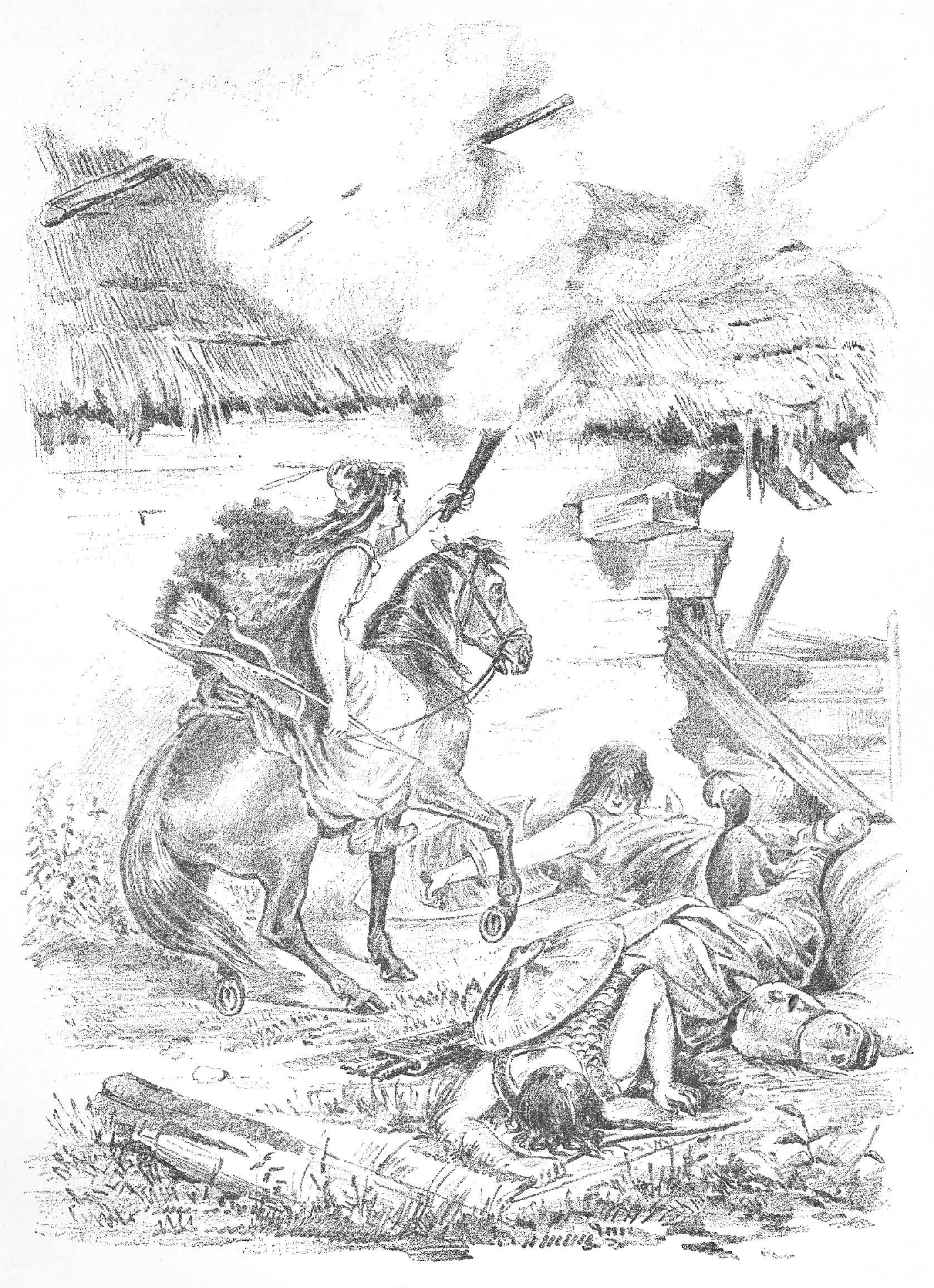
Генрихъ I Птицеловъ, одинъ изъ саксонскихъ князей, избранный въ 919 г. императоромъ, положилъ предѣлъ наступленію венгровъ и освободилъ государство отъ ихъ ига. Онъ вѣрно оцѣнилъ, что прежде всего слѣдовало дать арміи правильную организацію, на что требовалось время. Поэтому онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы заключить съ венграми перемиріе на 9 лѣтъ, подъ условіемъ взноса имъ ежегодно извѣстной дани, и воспользовался этимъ временемъ для введенія разныхъ улучшеній.

Прежде всего онъ призналъ необходимымъ укрѣпленіе городовъ и постройку фортовъ для обезпеченія себя отъ нечаянныхъ нападеній венгерской конницы. Онъ надѣялся, кромѣ того, пріобрѣсти при этомъ въ гарнизонахъ городовъ военную силу, которою ему можно будетъ располагать самостоятельно, не обращаясь къ феодальнымъ владѣльцамъ, коихъ могущество возросло между тѣмъ въ весьма значительной степени. Эти гарнизоны были сформированы изъ свободнорожденныхъ, сперва принадлежавшихъ къ геербанну, а позже сдѣлавшихся вассалами высшихъ ленныхъ владѣльцевъ. Теперь они получили опять полную свободу и, очевидно, стали ярыми защитниками трона.

Они старательно обучались бою въ сомкнутомъ строю и предназначались преимущество для встрѣчи бѣшеныхъ наскоковъ венгерскихъ всад-



Мадьяръ.



Мадьяръ.

никовъ и отпора имъ. Въ скоромъ времени города были въ состояніи выставить хорошо обученные отряды для дѣйствія въ полѣ.

За конницей Генрихъ обратился къ феодальной аристократіи. Онъ отлично понималъ, что ничего хорошаго не могло выйти изъ обыкновеннаго ея образа дѣйствій въ бою, когда каждый герцогъ, графъ со своими вассалами сражался совершенно отдѣльно отъ другихъ, не стремясь нисколько согласовать свои усилія съ общею цѣлью; конечно, тутъ никакая храбрость не могла дать побѣды. Имѣя дѣло съ гордыми дворянами, не выносившими ограниченій, не понимавшими необходимости дисциплины и послушанія, Генрихъ долженъ былъ придумать что-нибудь такое, что льстило бы ихъ гордости, взывало къ ихъ понятіямъ о чести и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило бы ихъ добровольно перейти къ дѣйствіямъ въ сомкнутомъ строю, такъ какъ онъ отлично понималъ, что только полной дисциплиной и ловкимъ маневрированіемъ можно побѣдить венгерскую конницу.

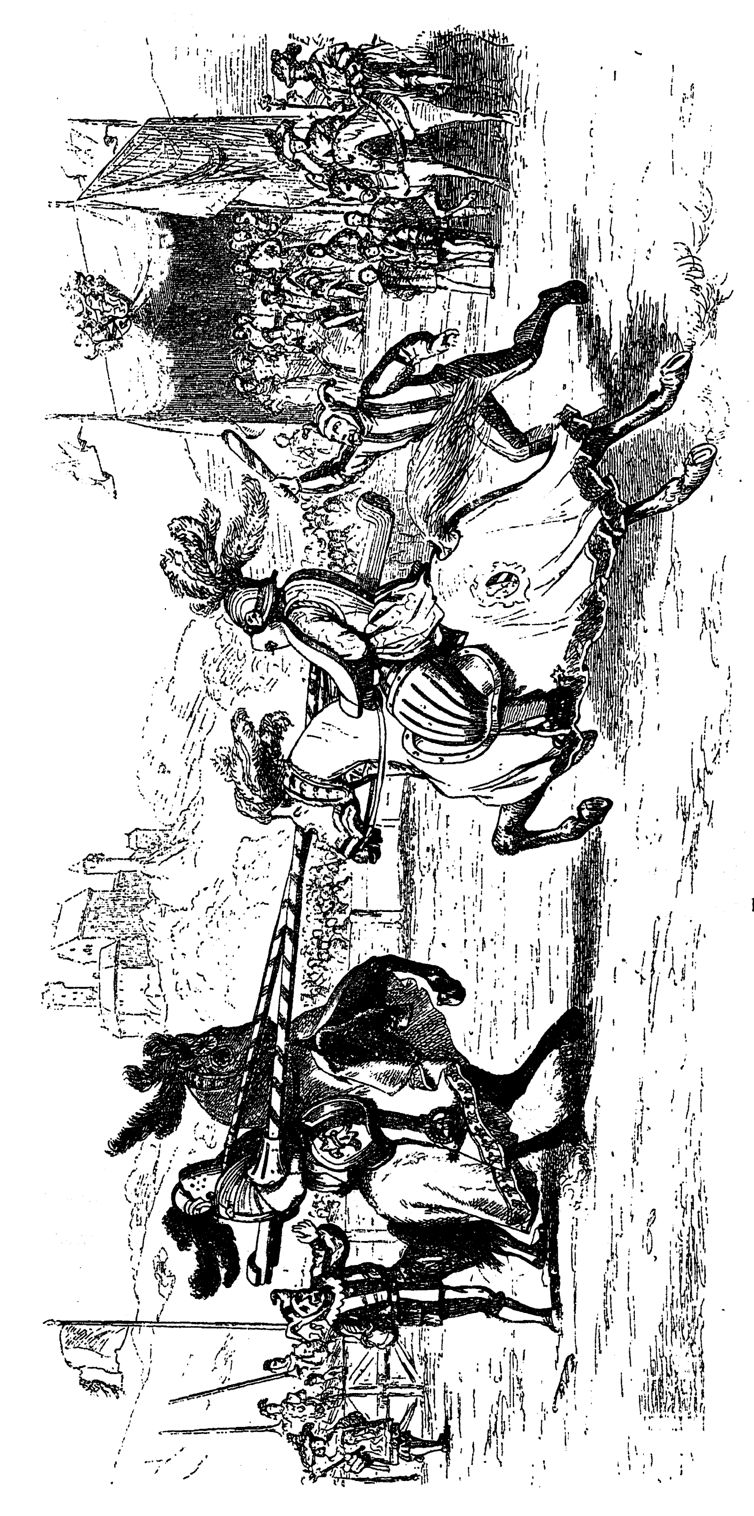
Сообразно съ этимъ Генрихъ ввелъ новое учрежденіе, которое повлекло за собой весьма важные результаты. Ему приписывается всѣми нѣмецкими писателями введеніе турнировъ. Это были военныя игры, въ которыхъ продѣлывались разные маневры и упражненія, бои одиночные и цѣлыхъ отрядовъ, на нихъ присутствовали дамы, взгляды которыхъ, какъ это можно было и заранѣе предположить, должны были побудить рыцарей къ величайшимъ усиліямъ. Пиры и балы, сопровождавшіе эти игры, сдѣлали ихъ скоро однимъ изъ самыхъ любимыхъ развлеченій того времени.

Весьма вѣроятно, что таково было назначеніе первыхъ турнировъ, имѣвшихъ только внѣшнее сходство съ тѣмъ, что впослѣдствіи понималось подъ этимъ словомъ и во что они превратились не ранѣе половины XI столѣтія.

Слѣдствіемъ принятыхъ Генрихомъ мѣръ явилось установленіе какъ-бы вооруженной общины или братства, всѣ члены котораго обязаны были повиноваться извѣстнымъ законамъ, сражаться за вѣру, не дѣлать безчестныхъ поступковъ и посвятить свою жизнь только идеальнымъ цѣлямъ чести и правды. Такъ какъ всякій свободнорожденный могъ надѣяться храбростью заслужить честь попасть въ члены этого братства, то это значительно способствовало улучшенію положенія вассаловъ, бывшихъ въ братствѣ равноправными членами со своими сюзеренами.

Свободные граждане или обитатели городовъ, имѣя въ виду преимущества конной службы и, желая заслужить рыцарское званіе, начали также формировать конныя части, предоставивъ службу въ пѣхотѣ своимъ ученикамъ и подмастерьямъ.

Все вышеприведенное показываетъ, съ какой энергіей занялись въ Германіи улучшеніемъ военнаго искусства въ теченіе 9-ти-лѣтняго перемирія. Когда по истеченіи этого срока венгры послали за ежегодной данью, то, по сохранившемуся преданію, Генрихъ бросилъ къ ногамъ пословъ паршивую, изувѣченную собаку и объявилъ войну. Венгры немед-



Турниръ въ XVI столѣтія.

Турниръ въ XVI столѣтіи.

ленно перешли границу двумя арміями, изъ которыхъ меньшая, численностью въ 50.000 чел., была разбита при Зондерсгаузенѣ геербаномъ Саксоніи и Тюрингіи, хорошо обученнымъ во время перемирія.

Рѣшительное столкновеніе съ другой, большей арміей, произошло при Мерзебургѣ, куда Генрихъ лично выступилъ къ ней навстрѣчу со своимъ хорошо обученнымъ и дисциплинированнымъ войскомъ. Его всадники были вооружены копьями и щитами. Императоръ сказалъ своимъ воинамъ утромъ въ день сраженія рѣчь слѣдующаго содержанія: „товарищи, оставайтесь въ рядахъ, встрѣтьте первыя стрѣлы язычниковъ своими щитами и помѣшайте имъ выпустить вторыя одновременнымъ и сильнымъ ударомъ въ копья“. Въ этихъ словахъ чувствуется духъ Александра Великаго, Аннибала; опять говорится о дружномъ ударѣ конями, пущенными полнымъ ходомъ, ударѣ, которому ничего не можетъ противустоять [1]).

Главная часть конницы предназначалась для удара въ рукопашную, но другая ея часть, составленная изъ арбалетчиковъ и старательно обученная еще въ мирное время, была выслана впередъ для привлеченія на себя вниманія противника и начала цѣлый рядъ схватокъ съ нимъ. Затѣмъ императоръ съ отборнымъ отрядомъ конницы обошелъ непріятеля, въ критическую минуту ударилъ ему во флангъ и опрокинулъ. Дѣйствія Генриха указываютъ на его большія кавалерійскія способности; преслѣдованіе также велось очень энергично, имъ не давалось ни одного часа покоя, все, что останавливалось, гибло подъ ударами мечей. Преслѣдованіе прекратилось только тогда, когда жалкіе остатки окончательно разсѣянныхъ венгровъ были прогнаны за границы Богеміи.

Сраженіе было рѣшительное и особенно важно по произведенному имъ моральному впечатлѣнію: венгры стали теперь такъ же бояться нѣмцевъ, какъ прежде нѣмцы боялись венгровъ.

Двадцать лѣтъ спустя, когда уже выросло новое поколѣніе, венгры въ числѣ 100.000 всадниковъ вторгнулись въ земли сына Генриха, Оттона I, который также былъ хорошій кавалерійскій генералъ. Венгры хвастались своею многочисленностью, говоря, что ихъ кони выпьютъ воду до дна во всѣхъ нѣмецкихъ рѣкахъ. Они обложили Аугсбургъ, который сопротивлялся очень упорно. Оттонъ собралъ ополченіе всего государства; къ нему присоединились богемскія войска. Обѣ арміи встрѣтились недалеко отъ Аугсбурга 10-го августа 952 г. Венгры переправились скрытно черезъ Лехъ, напали на нѣмецкое войско съ тыла, разбили богемцевъ и насѣли на швабовъ. Бой колебался. Императоръ сражался съ мечомъ въ рукахъ во главѣ своихъ латниковъ и, послѣ ряда атакъ, одержалъ успѣхъ въ одномъ пунктѣ, легкая конница воспользовалась имъ и развила его дальше, между тѣмъ какъ Оттонъ, не выпуская тяжелыхъ всадниковъ

---

[1]) Вотъ это правильно. *В. Сухомлиновъ.*

изъ рукъ, рѣшалъ ими дѣло тамъ, гдѣ бой колебался. Венгры, какъ отличные легкіе всадники, отступали передъ нѣмецкими латниками, не доводя дѣло до рукопашнаго боя, и всячески старались ихъ утомить. Только хорошая дисциплина войска Оттона и его умѣніе управлять ими дали ему, наконецъ, возможность одолѣть храбро державшихся венгровъ.

ГЛАВА II.

Рыцарство.

1. Учрежденіе и законы его [1]).

Приблизительно въ то время, когда произошли вышеописанныя битвы при Мерзебургѣ и Аугсбургѣ, т. е. въ половинѣ X-го столѣтія, начало развиваться учрежденіе, имѣвшее огромное вліяніе въ Европѣ въ теченіе многихъ столѣтій. Это было рыцарство.

Оно, несомнѣнно, много помогло переходу народовъ отъ варварства къ цивилизаціи. Оно способствовало нравственному развитію народовъ, установило новые законы для различныхъ общественныхъ положеній, составило главную военную силу народовъ и введенные имъ обычаи и законы въ военномъ дѣлѣ имѣли огромное вліяніе на состояніе современнаго ему военнаго искусства.

Такъ какъ каждый рыцарь, т. е. членъ рыцарскаго братства, былъ прежде всего всадникомъ (самое его зачисленіе въ рыцарство основывалось на томъ, что онъ конный воинъ), то исторія конницы не можетъ быть полной безъ изученія эпохи рыцарства, когда въ рядахъ конницы числились всѣ воины, государственные люди, дворяне и полководцы, когда главнымъ стремленіемъ каждаго феодальнаго владѣльца состояло въ томъ, чтобы его признали ловкимъ всадникомъ и приняли въ орденъ рыцарей.

Происхожденіе ордена рыцарей мало извѣстно. Нѣкоторые писатели, замѣчая сходство между обрядами при посвященіи въ рыцари и обрядами, бывшими въ употребленіи у древнихъ германцевъ при выдачѣ оружія взрослымъ юношамъ, ошибочно отнесли происхожденіе рыцарства къ этому древнему времени. Другіе видятъ начало его въ тѣхъ церемоніяхъ, съ которыми при Карлѣ Великомъ и раньше въ нѣкоторыхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, давалось оружіе сыновьямъ царствующихъ лицъ. Однако несомнѣнно, что подобные обряды при полученіи юношей оружія, существовали почти у всѣхъ европейскихъ народностей въ незапамятныя времена. Церемонія же посвященія въ рыцари была только чисто внѣшнимъ проявленіемъ, игравшимъ въ рыцарствѣ второстепенную роль. Главными основ-

---

[1]) Löwy; — Ste Palaye; — Tacitus, Germania; — Hallam.

ными его принципами были: высокая честность, вѣжливость ко всѣмъ, заступничество за оскорбляемыхъ, стремленіе къ совершенной справедливости. Если признать время появленія этихъ требованій за начало рыцарства, то оно должно быть отнесено къ серединѣ X столѣтія.

Однимъ изъ лучшихъ авторитетовъ въ этомъ дѣлѣ можетъ считаться La Curne de Ste Palaye; въ предисловіи къ одному изъ позднѣйшихъ изданій его „Mémoires sur l'Ancienne Chevalerie“ говорится слѣдующее о происхожденіи рыцарства: „Въ половинѣ X столѣтія нѣсколько бѣдныхъ дворянъ, соединенныхъ между собой въ силу необходимости, озабоченные возрастающимъ могуществомъ сюзереновъ, приняли къ сердцу страданія и слезы притѣсняемаго народа. Они поклялись именемъ Бога и Св. Георгія всегда заступаться за угнетенныхъ и взяли всѣхъ слабыхъ подъ защиту своихъ мечей. Соблюдая простоту въ одеждѣ, строгость въ нравахъ, скромность при успѣхѣ, твердость духа въ несчастіяхъ, они скоро заслужили необыкновенную славу. Благодарность народа приписала имъ чудесныя дѣла и подвиги необыкновенной храбрости и въ молитвахъ ихъ поминали рядомъ съ именами святыхъ; люди въ несчастьи всегда склонны обоготворять тѣхъ кто имъ помогаетъ“.

„Въ тѣ древнія времена, когда царствовало право силы, мужество само по себѣ должно было казаться добродѣтелью. Эти-же люди, получившіе впослѣдствіи названіе рыцарей, дали ему особый ореолъ. Сообразно съ этимъ трусость наказывалась у нихъ, какъ непростительное преступленіе, равно какъ и отказъ въ защитѣ притѣсняемыхъ. Они презирали ложь, клеймили позоромъ измѣну и клятвопреступленіе и вообще установили законы, подобныхъ которымъ не издавали даже знаменитѣйшіе законодатели древности“.

„Это военное братство сохраняло свой первоначальный простой характеръ болѣе столѣтія, такъ какъ обстоятельства, при которыхъ оно создалось, измѣнялись весьма медленно; позднѣе же, когда политическое и религіозное движеніе стало измѣнять многія воззрѣнія, рыцарство было признано закономъ и поставлено въ ряду прочихъ государственныхъ установленій“.

Мы видѣли уже раньше, что ленная система дала значительныя преимущества земельной аристократіи и тяжеловооруженной конницѣ; съ другой стороны, благодаря этой же системѣ дисциплина чрезвычайно ослабла и значеніе пѣхоты сильно опустилось. Постоянныя войны и раздоры между ленными владѣльцами почти совершенно уничтожили искусство маневрированія большими массами и давали постоянные случаи проявленія личной храбрости отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ почва для распространенія рыцарства была подготовлена, такъ какъ увѣренность этихъ закованныхъ въ желѣзо всадниковъ въ своей ловкости и умѣніи владѣть оружіемъ сильно поднимала ихъ духъ и дѣлала ихъ предпріимчивѣе, че-

столюбивѣе. Такимъ образомъ однимъ изъ главныхъ основаній рыцарства было стремленіе къ чести и славѣ. Это особенно замѣтно у такъ называемыхъ странствующихъ рыцарей, которые искали боя не по національному или религіозному чувству, а только для удовлетворенія личной страсти къ нему или изъ стремленія къ абстрактной справедливости.

Хотя рыцарство было вообще учрежденіемъ космополитическимъ и во всей Европѣ имѣло одинаковыя основныя черты, однако въ виду нахожденія его въ тѣсной связи съ ленной системой, на немъ отражались различныя измѣненія этой системы въ разныхъ странахъ. Чѣмъ аристократія была многочисленнѣе, тѣмъ условія поступленія въ рыцарство были строже, и число удостоиваемыхъ званія рыцарей меньше; такъ напр.: во Франціи и Аррагоніи посвященій было весьма немного, а, наоборотъ, въ Англіи и Кастиліи очень много.

Правила о вліяніи родоваго происхожденія на допущеніе въ рыцарство были очень различны; такъ, напр.: во Франціи безусловно требовалось дворянское происхожденіе, а въ Испаніи, Англіи и Германіи это совсѣмъ не было необходимымъ условіемъ, законъ Людовика Святаго прямо говоритъ: „если человѣкъ, котораго отецъ былъ низкаго происхожденія будетъ посвященъ въ рыцари, то король или баронъ, во владѣніяхъ котораго это случится, долженъ приказать отбить ему шпоры на навозной кучѣ".

Филиппъ Смѣлый наложилъ въ 1281 г. денежное взысканіе на графа Неверскаго за то, что онъ посвятилъ въ рыцари двухъ мужественныхъ братьевъ, не бывшихъ требуемаго дворянскаго происхожденія со стороны отца, и подвергнулъ такому-же взысканію обоихъ братьевъ. Когда же впослѣдствіи убѣдился, что они дѣйствительны были воинами выдающейся храбрости, то возвратилъ имъ большую часть взятыхъ денегъ и утвердилъ ихъ въ рыцарскомъ званіи.

Рыцарство поставило рыцарей и дворянъ всѣхъ народовъ на одну ступень и дало возможность младшимъ сыновьямъ благородныхъ родителей своимъ мечомъ и храбростью заслужить званіе, хотя и не сопряженное съ владѣніемъ землей, но ставившее ихъ въ общественномъ и военномъ смыслѣ наравнѣ со старшими сыновьями — ленными владѣльцами.

Эти молодые люди поступали обыкновенно въ свиту какого-либо богатаго владѣльца или князя, гдѣ они надѣялись получить возможность къ дальнѣйшему повышенію, содержаніе и помощь въ случаѣ нужды. По большей части они получали въ томъ или другомъ видѣ денежное вознагражденіе и, слѣдовательно, были собственно говоря наемными солдатами. Цѣлью всѣхъ ихъ помысловъ и стремленій было полученіе рыцарскихъ шпоръ, и они добивались этого съ тѣми большими усиліями и стараніями, что шпоры эти ставили ихъ въ равноправное положеніе къ ихъ господамъ и давали такія преимущества, какихъ никогда бы не могло дать одно богатство.

До семи лѣтъ мальчикъ находился на попеченіи женщинъ; съ этого же возраста онъ или поступалъ въ качествѣ пажа къ какому-либо хорошо знакомому рыцарю, или оставался въ родительскомъ домѣ и исполнялъ обязанности пажа при своихъ родителяхъ. Онъ усиленно занимался разными тѣлесными упражненіями и пріучался къ верховной ѣздѣ, будучи по положенію въ домѣ немного выше прислуги. По достиженіи 14 лѣтъ онъ получалъ званіе оруженосца. Это званіе имѣло уже нѣкоторое значеніе, и юношѣ давали мечъ съ извѣстной церковной церемоніей, причемъ ему внушалось, какое примѣненіе онъ долженъ давать своему оружію. Отецъ и мать, имѣя въ рукахъ восковыя свѣчи, вели пажа къ алтарю; священникъ бралъ заранѣе положенный на алтарь мечъ, благословлялъ его и затѣмъ опоясывалъ имъ юношу, получавшаго этимъ самымъ право ношенія оружія. Оруженосецъ обучался, одинъ и съ товарищами, дѣйствію оружіемъ пѣшкомъ и верхомъ, а равно и другимъ укрѣплявшимъ его тѣло упражненіямъ.

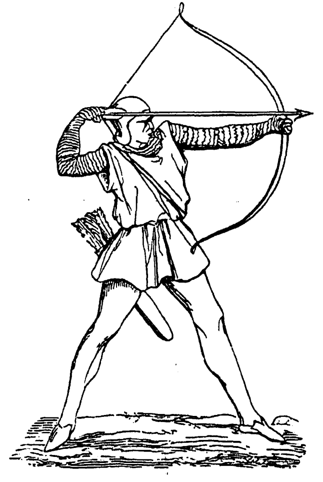
Разница между рыцаремъ и оруженосцемъ была очень велика, и это выражалось, между прочимъ, и въ ихъ одеждѣ. Такъ напр., оруженосцы могли носить только серебряныя украшенія, золотыя же были предоставлены рыцарямъ. Они не имѣли права надѣвать пурпуръ, а только шелковыя и мѣховыя платья; предохранительное вооруженіе ихъ было гораздо легче, чѣмъ у рыцарей, какъ въ бою, такъ и на турнирахъ. Обязанности ихъ были очень различны, между прочимъ, они служили при столѣ, рѣзали пищу, наливали вино, подавали воду для мытья. Все это считалось у древнихъ римлянъ и считается теперь чѣмъ-то низкимъ, въ тѣ-же времена исполнялось самыми знатными юношами. Графъ Артуа, съ помощью графа Суасонскаго, прислуживалъ брату своему королю Людовику IX за столомъ, въ лагерѣ при Сомюрѣ. Оруженосцы не имѣли права вмѣшиваться въ разговоръ, но должны были присматриваться къ манерѣ рыцарей держать себя и къ установившимся общественнымъ правиламъ приличія.

На войнѣ оруженосцы сопровождали своего господина въ качествѣ помощниковъ. Они несли его оружіе: одинъ — шлемъ, другой — копье, третій — мечъ и т. д. Кому нибудь поручался боевой конь, на котораго рыцарь садился только въ день битвы; на походѣ онъ ѣздилъ на иноходцѣ или вообще на лошади со спокойнымъ ходомъ, и только при полученіи извѣстія о приближеніи противника садился на боеваго коня и съ помощью оруженосцевъ вооружался; послѣднее требовало особенной заботливости и вниманія, такъ какъ отъ него зависѣла часто жизнь рыцаря. Говорятъ, что небрежное прикрѣпленіе забрала къ шлему Генриха II французскаго было причиной его смерти.

Когда рыцари были совершенно готовы къ бою, то они выстраивались въ одну линію; оруженосцы составляли вторую и становились каждый за своимъ господиномъ. Затѣмъ рыцари неслись полнымъ ходомъ на встрѣчу

противнику съ опущенными копьями, а оруженосцы оставались зрителями. Если рыцарь былъ выброшенъ изъ сѣдла или терялъ лошадь по какой-либо другой причинѣ, то онъ, если могъ, вставалъ на ноги, схватывался за мечъ, палицу или сѣкиру и продолжалъ бой пѣшкомъ. Каждый оруженосецъ долженъ былъ во все время боя внимательно слѣдить за своимъ господиномъ, чтобы своевременно подвести ему новую лошадь, если онъ въ ней нуждался, или дать ему новое оружіе. Если рыцарь былъ раненъ, то оруженосецъ обязанъ былъ прикрывать его отъ непріятельскихъ ударовъ и вообще всячески защищать его, не выходя въ тоже время самъ изъ строгооборонительнаго положенія. Если рыцарь побѣждалъ и забиралъ плѣнныхъ, то охрана ихъ возлагалась на оруженосца.

Такимъ образомъ, будучи близкими свидѣтелями боя и даже отчасти къ нему причастными, оруженосцы видѣли, какъ нужно въ немъ дѣйствовать; они проходили какъ-бы учебный курсъ боя и этимъ подготовлялись къ званію рыцаря.


Лучникъ.

Когда оруженосецъ достигалъ 21 года, то онъ считался достаточно обученнымъ для пожалованія въ рыцари; но самое посвященіе дѣлалось только тогда, когда онъ храбростью и умѣньемъ владѣть оружіемъ на полѣ битвы доказалъ, что достоинъ этого званія.

Самое посвященіе въ рыцарское званіе производилось съ еще болѣе торжественными церемоніями, чѣмъ дарованіе меча оруженосцу. Посвящаемый проводилъ ночь наканунѣ посвященія въ молитвѣ вмѣстѣ со священникомъ и своимъ воспріемникомъ въ церкви или часовнѣ. Утромъ онъ омывался водой, надѣвалъ въ знакъ чистоты бѣлое платье и выслушивалъ проповѣдь объ обязанностяхъ, которыя онъ принималъ на себя. Затѣмъ онъ подходилъ къ алтарю съ висящимъ на шеѣ мечемъ, который онъ передавалъ священнику для благословенія. Потомъ посвящаемый становился на колѣни, и на него надѣвали полное рыцарское снаряженіе. Впрочемъ церемоніи эти были не во всѣхъ странахъ и не во всѣ времена одинаковы, и только вездѣ и всегда производилась акколада или ударъ мечемъ по плечу, обыкновенно со словами: „Во имя Бога, Св. Михаила и Св. Георгія посвящаю тебя въ рыцари“; иногда прибавлялось еще: „будь храбръ, смѣлъ и вѣренъ“. На полѣ битвы посвященіе въ рыцари производилось просто ударомъ по плечу съ произнесеніемъ вышеприведенныхъ словъ.

Въ тѣсной связи съ рыцарствомъ стояли два элемента, хотя и не представляющіе особеннаго интереса съ военной точки зрѣнія, но о которыхъ нельзя не упомянуть, это — религія и любовь. Крестовые походы, будучи

Лучникъ.

отчасти сами продуктомъ религіознаго чувства, въ тоже время сами сильно способствовали его развитію, что выразилось образованіемъ многихъ монашескихъ орденовъ и видно изъ тѣхъ религіозныхъ церемоній, которыми сопровождалось посвященіе въ рыцари: ночное бдѣніе въ часовнѣ, заутреня, омовеніе какъ символъ крещенія, благословеніе оружія, проповѣдь и т. п. Рыцари должны были считать охраненіе Евангелія мечомъ одной изъ главныхъ своихъ обязанностей, и одно время вошло въ обычай обнажать мечи въ церкви при чтеніи Евангелія, чтобы показать готовность защищать вѣру силой оружія. Происхожденіе этой связи между церковью и военнымъ братствомъ слѣдуетъ очевидно искать въ желаніи духовенства приложить распространенную и могущественную идею къ пользѣ церкви.

Значеніе любви въ рыцарствѣ беретъ свое начало отчасти въ обычаяхъ древнихъ германцевъ, у которыхъ женщины всегда пользовались особеннымъ уваженіемъ, отчасти въ богатствѣ дворянства, средства котораго позволяли женщинамъ пріобрѣтать платья и тому подобныя украшенія, усиливающія впечатлѣніе женской красоты на мужчинъ, отчасти, наконецъ, въ инстинктивномъ стремленіи мужчинъ выказать всю свою храбрость, ловкость и мужество на глазахъ у предмета своего поклоненія. Вліяніе любви стало вскорѣ преобладающимъ импульсомъ въ орденѣ, въ которомъ все сводилось къ тому, чтобы пріобрѣсти личную славу выдающимися военными подвигами и смѣлыми романическими приключеніями.

Посвященіе въ рыцари.

Но въ первыя времена рыцарства преобладающее вліяніе на его жизнь и характеръ, какъ уже было сказано, оказывала религія, что выразилось особенно ярко въ крестовыхъ походахъ, которые оставили очень глубокій слѣдъ на рыцарствѣ. Любовь же стала играть роль только тогда, когда стало угасать возбужденіе, произведенное крестовыми походами. Значеніе ея потомъ возрастало все болѣе и болѣе и доводило рыцарей, напр. въ Англіи (за время отъ Эдуарда III до Генриха VIII) и во Франціи (съ Франциска I), до самыхъ необыкновенныхъ обѣтовъ въ честь владычицъ ихъ сердецъ. Какъ бы то ни было, оба культа — Бога и любви долгое время были руководящими принципами въ жизни рыцарей, а по понятіямъ тогдашняго времени почитаніе и борьба за нихъ составляли даже одну общую обязанность. Боккаччіо благодаритъ „Бога и любовь“ за помощь, которую они ему оказали при составленіи Декамерона. Фруассаръ говоритъ, что своимъ сборникомъ поэтическихъ произведеній онъ обязанъ Богу и любви. Вѣжливость къ дамамъ соблюдалась полная; защита вдовъ и сиротъ

Посвященіе въ рыцари.

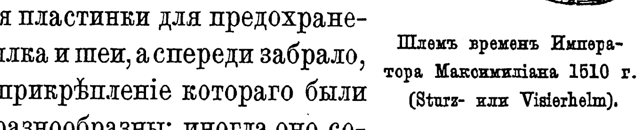
считалась священной обязанностью, и слабые и угнетенные могли смѣло обращаться за помощью къ рыцарямъ.

Эти понятія имѣли огромное вліяніе на исчезновеніе порочныхъ и вѣроломныхъ наклонностей, столь свойственныхъ варварскимъ народамъ. Слѣдствіемъ ихъ явилось болѣе человѣчное обращеніе съ военноплѣнными, что въ свою очередь способствовало въ значительной степени распространенію христіанства и цивилизаціи. Въ этомъ смыслѣ благотворныя заслуги рыцарства неоцѣнимы.

2. Снаряженіе, вооруженіе и тактика рыцарей.[1])

Рыцари сражались всегда въ полномъ вооруженіи, состоявшемъ сначала изъ кольчуги, составленной изъ стальныхъ колецъ или чешуй, и такой же шапки, которая закрывала лобъ, оставляя нижнюю часть лица открытой, сзади же спускалась ниже и защищала затылокъ; поверхъ этой шапки, непосредственно, передъ боемъ надѣвался шлемъ.

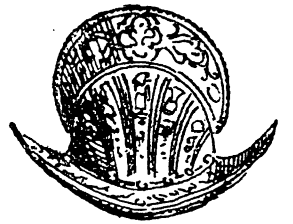
Когда твердое снаряженіе вошло во всеобщее употребленіе, шлемъ получилъ коническую форму съ закругленіемъ наверху, причемъ подъ нимъ, для предохраненія головы отъ давленія, носилась набитая шерстью шапочка. Шлемъ имѣлъ сзади металлическія пластинки для предохраненія затылка и шеи, а спереди забрало, видъ и прикрѣпленіе котораго были весьма разнообразны: иногда оно состояло изъ металлическихъ прутиковъ или палочекъ, поставленныхъ отвѣсно или крестообразно, иногда изъ сплошной металлической пластинки съ отверстіями для глазъ и дыханія. На шлемъ надѣвались султаны и пучки перьевъ.



Шлемъ временъ Императора Максимиліана 1510 г. (Sturz- или Visierhelm).

Шлемъ конца XVI стол. (Sturzhelm).

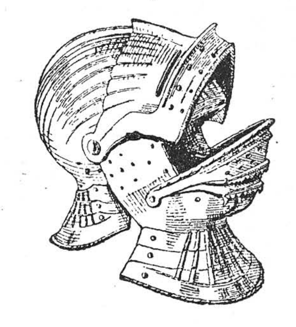
Оруженосцы, пѣхотинцы и наемники носили болѣе легкій головной уборъ, (sturmhaube) нѣчто въ родѣ каски, къ которой прикрѣплялись пластинки для предохраненія лица и затылка. Для защиты ушей иногда носили чешуйчатыя полоски, застегнутыя подъ подбородкомъ. Эта каска одѣвалась иногда и рыцарями, если они не ожидали скоро нападенія, а между тѣмъ не желали быть совершенно беззащитными въ случаѣ таковаго.



Моріонъ—шлемъ XVI стол. (Sturmhut или Sturmhaube).

Латы рыцарей были чрезвычайно тяжелы и, вѣроятно, превосходили своей тяжестью латы древнихъ катафрактовъ. Въ первыя времена рыцар-

[1]) Löwy; — Demmin; — Bardin; — Robert Wace's Roman de Rou, translated Taylor; — Daniel, Milice Francaise.



Шлемъ временъ Императора Максимиліана 1510 г. (Sturz- или Visierhelm).

Шлемъ конца XVI стол. (Sturzhelm).

Моріонъ—шлемъ XVI стол. (Sturmhut или Sturmhaube).

ства предохранительное вооруженіе для тѣла состояло изъ кольчуги, составленной изъ колецъ или цѣпочекъ, нашитыхъ на кожаный кафтанъ и

Маленькая кольчуга. (jaque) VIII столѣтія.

Полная кольчуга. X стол. (Haubert).

Норманнская кольчуга XI столѣтія.

называвшейся Haubert или Hauberge, которая надѣвалась поверхъ нижняго платья, стеганаго или изъ кожи, иногда буйволовой. Кольчуги были четырехъ родовъ, которые отличались между собой способомъ прикрѣпленія колецъ. Были кольца плоскія, пришитыя одно рядомъ съ другимъ (рис. 1-й); затѣмъ продолговатыя кольца, лежавшія одно на другомъ краями (рис. 2-й), потомъ ромбовидныя пластинки (рис. 3 и 4-й) и наконецъ особый видъ представляли настоящія кольчуги изъ колецъ безъ нашивки на кожу.

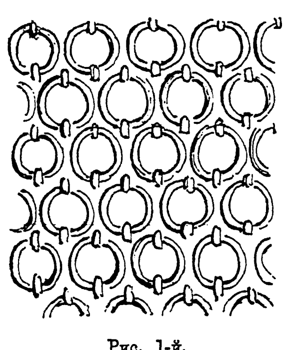


Рис. 1-й.

Рис. 2-й.

Въ X столѣтіи кольчуги дѣлались длиной до бедръ, но впослѣдствіи онѣ были удлинены до колѣнъ. Послѣдняго рода кольчуги носили рыцари Вильгельма Завоевателя и крестоносцы перваго крестоваго похода. Въ XII столѣтіи начали переплетать кольца между собой и дѣлать кольчуги двойными, причемъ онѣ все-таки оставались очень гибкими и одѣвались безъ поддевки. Такія же кольчуги носились на ногахъ. Камзолъ (gambeson, wamms) или нижнее платье обыкновенно простегивалось

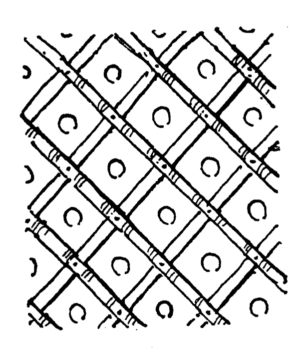


Рис. 3-й.

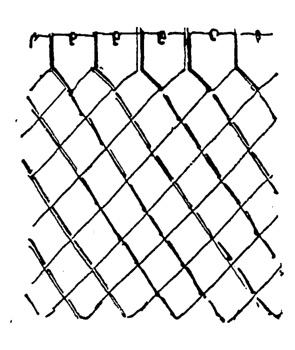


Рис. 4-й.

Маленькая кольчуга.
(jaque) VIII столѣтія.

Полная кольчуга.
X стол. (Haubert).

Норманнская кольчуга
XI столѣтія.

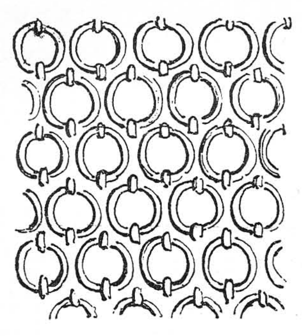


Рис. 1-й.

Рис. 2-й.

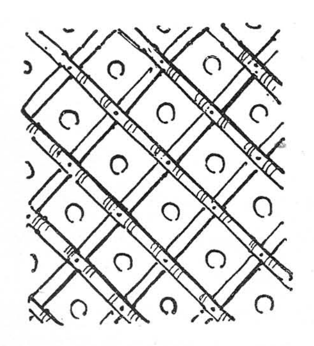


Рис. 3-й.

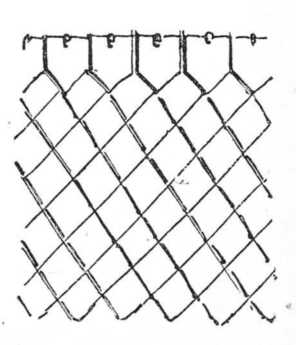
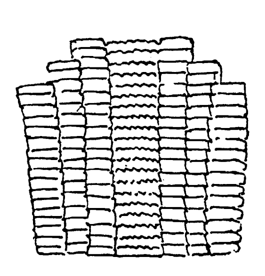


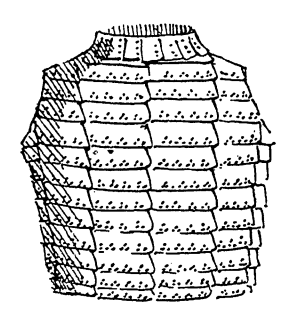
Рис. 4-й.

шерстью. Онъ отчасти предохранялъ отъ непріятельскихъ ударовъ, но главнымъ его назначеніемъ была защита тѣла отъ поврежденій тяжелымъ снаряженіемъ.

Со временемъ кольчуга была дополнена металлическими пластинками и наконецъ совсѣмъ вытѣснена чешуйчатыми латами, состоявшими изъ

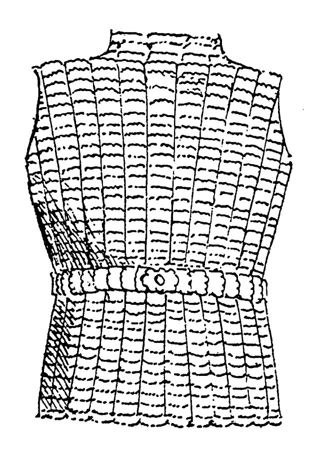


Чешуйчатыя латы (бригантина) XV столѣтія.

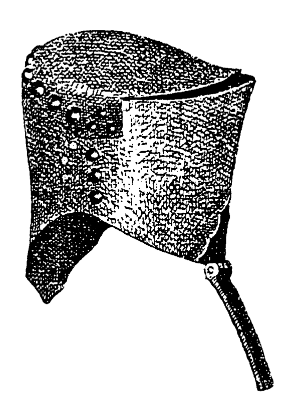


Бригантина изъ стальныхъ пластинокъ XV стол.

пластинокъ съ подвижными скрѣпленіями, такъ что онѣ до извѣстной степени давали свободу движеній туловищу. Первое примѣненіе онѣ нашли для защиты ногъ и рукъ, а впослѣдствіи и для защиты туловища, причемъ еще долгое время рыцари носили родъ смѣшаннаго вооруженія изъ латъ и кольчугъ. Первыя носились часто поверхъ второй, такъ какъ мечи и

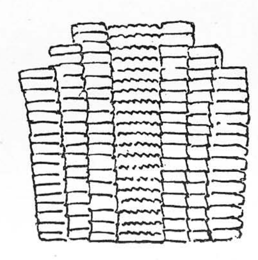


Бригантина XVI стол. изъ пластинокъ, покрывающихъ одна другую на половину.

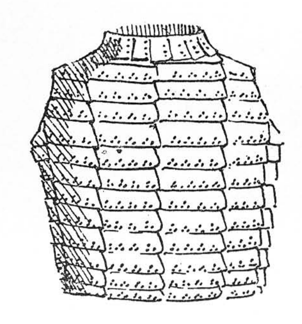


Турнирный шлемъ типа tête de crapaud.

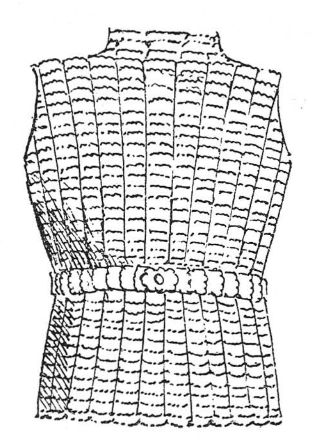
копья легко скользили по полированнымъ пластинкамъ, кольчуга же не всегда достаточно предохраняла отъ ударовъ. Съ изобрѣтеніемъ пороха тяжелое вооруженіе пріобрѣло еще большее распространеніе, такъ какъ оно лучше защищало отъ пуль. Такого рода вооруженіе продолжало существовать до конца XIII столѣтія, когда стали носить только кирасы, закры-



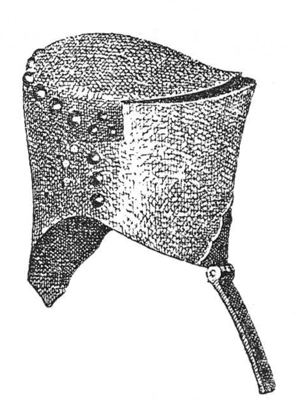
Чешуйчатыя латы (бригантина) XV столѣтія.



Бригантина изъ стальныхъ пластинокъ XV стол.

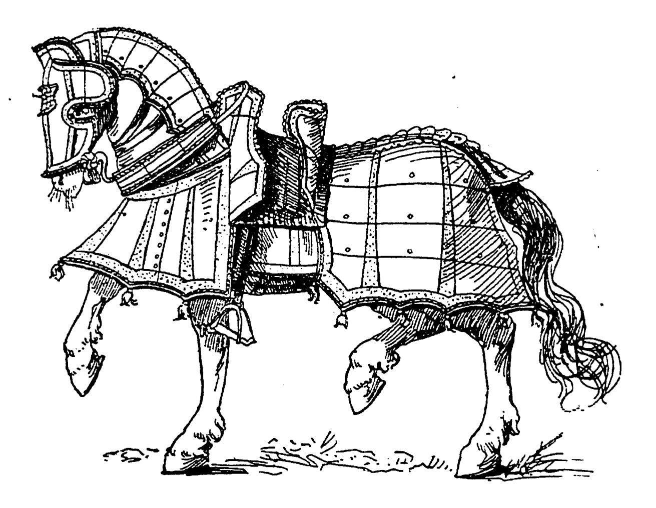


Бригантина XVI стол. изъ пластинокъ, покрывающихъ одна другую на половину.



Турнирный шлемъ типа têtê de crapaud.

вавшія грудь и спину и сохранившіяся еще до настоящаго времени у кирасиръ разныхъ европейскихъ армій.



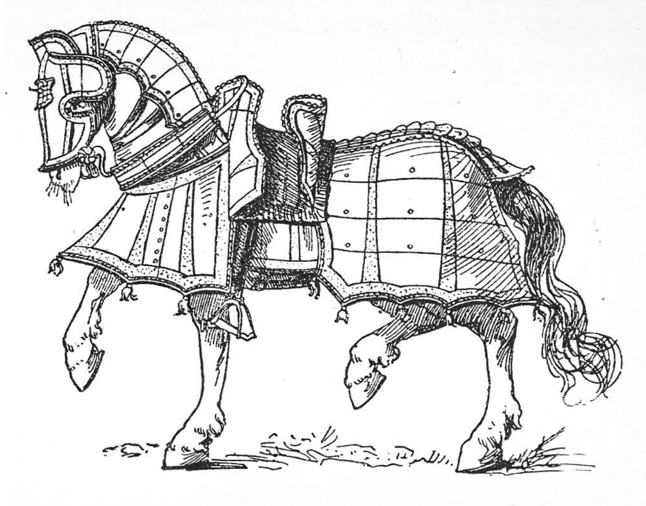
Тяжелая конская броня герцога Фердинанда Альба.

Съ введеніемъ латъ вошелъ также въ употребленіе крючекъ или упоръ для копья, который прикрѣплялся къ нимъ и назначеніемъ котораго было дать возможность рыцарю болѣе увѣренно дѣйствовать этимъ оружіемъ при атакѣ.

Пока рыцари носили кольчуги, лошади покрывались таковыми же, а вмѣстѣ съ введеніемъ пластинчатой брони, она была введена и для лошадей.

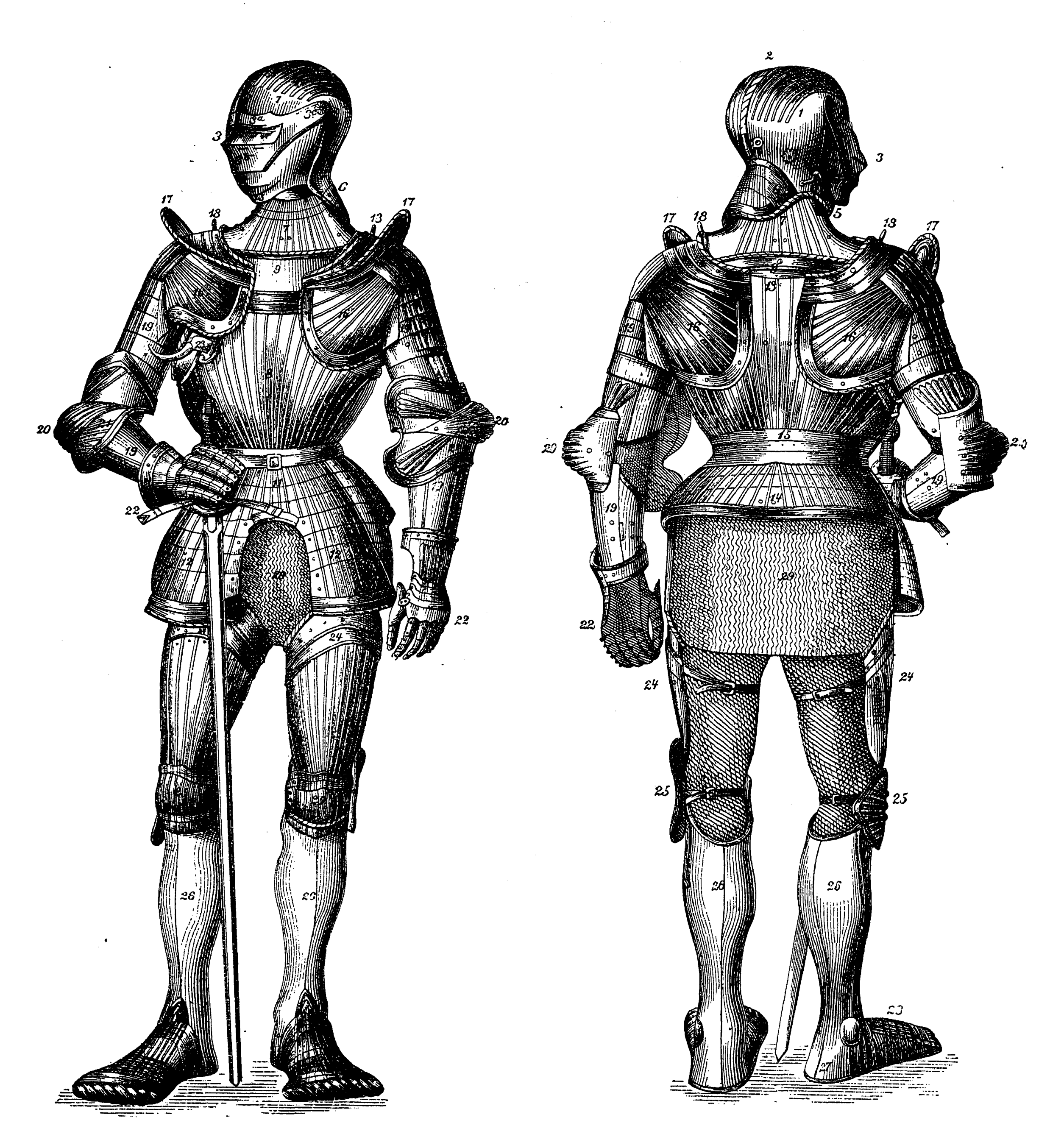
Императоръ Максимиліанъ I на конѣ, покрытомъ броней.

До введенія огнестрѣльнаго оружія рыцари были почти неуязвимы, и искусство изготовленія предохранительнаго вооруженія было доведено до гораздо высшей степени, чѣмъ изготовленіе наступательнаго оружія. Очевидно, это давало большое преимущество дворянству, которое одно имѣло право и было въ состояніи пріобрѣсти хорошо изготовленное полное вооруженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако большая тяжесть его и недостаточная гибкость дѣлали рыцарей очень неповоротливыми, такъ что сколько нибудь



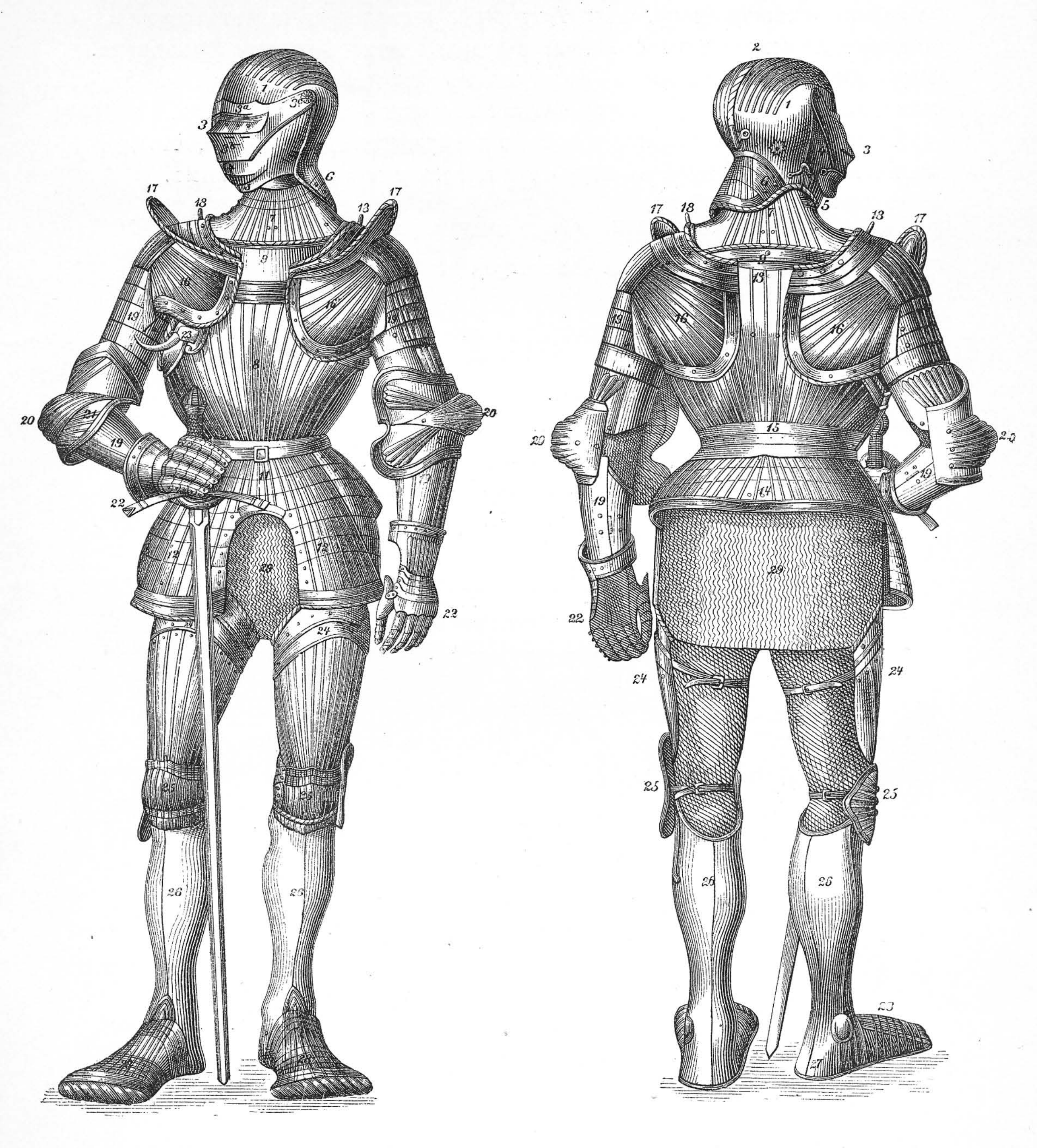
Тяжелая конская броня герцога Фердинанда Альба.

Императоръ Максимиліанъ I на конѣ, покрытомъ броней.



Полное вооруженіе рыцаря временъ Максимиліана I.

1. Шлемъ; 2. Гребень; 3. Забрало; 4. Подбородникъ; 5. Горловое прикрытіе; 6. Затыльникъ; 7. Бармица для шеи; 8, 9 13. Латы; 10. Подмышковыя чешуйки; 11. Набрюшникъ; 12. Набедренникъ; 14. Прикрытіе крестцовое; 15. Ремень; 16. Наплечники; 17. Крылья; 18. Пружинки для соединенія оплечья; 19. Наручи; 20. Налокотники; 21. Винты; 22. Рукавицы; 23. Упоръ для копья; 24. Налядвенники; 25. Наколѣнники; 26. Наножники; 27 и 28. Металлическіе сапоги; 29. Кольчуга.



Полное вооруженіе рыцаря временъ Максимиліана I.

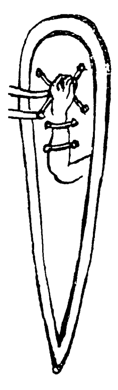
1. Шлемъ; 2. Гребень; 3. Забрало; 4. Подбородникъ; 5. Горловое прикрытіе; 6. Затыльникъ; 7. Бармица для шеи; 8, 9 13. Латы; 10. Подмышковыя чешуйки; 11. Набрюшникъ; 12. Набедренникъ; 14. Прикрытіе крестцовое; 15. Ремень; 16. Наплечники; 17. Крылья; 18. Пружинки для соединенія оплечья; 19. Наручи; 20. Налокотники; 21. Винты; 22. Рукавицы; 23. Упоръ для копья; 24. Налядвенники; 25. Наколѣнники; 26. Наножники; 27 и 28. Металлическіе сапоги; 29. Кольчуга.

быстрыя, живыя движенія были для нихъ совершенно немыслимы; вслѣдствіе этого иногда, напр. при Азинкурѣ, легкая пѣхота, отличавшаяся большой подвижностью, одерживала верхъ надъ тяжелыми рыцарями. Тоже мы видимъ и въ бояхъ французскихъ рыцарей съ ополченіями фламандскихъ городовъ, гдѣ первые несли постоянно большія потери.

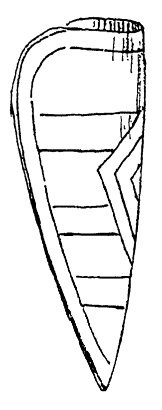
Большимъ недостаткомъ тяжелаго вооруженія было еще то, что движеніе въ немъ въ жаркую пору становилось почти невозможнымъ.

Части полнаго снаряженія были слѣдующія:

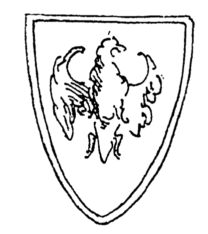
1. Кольчуга (Haubert или Hauberge).
2. Кирасы.
3. Шлемъ или головной уборъ (въ его различныхъ видахъ).
4. Бармица (Halsberge).
5. Наплечники (Schulterstüke).
6. Наручни и налокотники (Armschien и Ellbogenschilder).
7. Металлическія рукавицы или перчатки.
8. Наножники для защиты ляжекъ (Schenkelschienen).
9. Тассеты для защиты бедеръ (или кармановъ — не оттого-ли и ихъ названіе?)
10. Наножники для защиты ногъ (Beinschienen).
11. Наколѣнники (Knieschilder, Kniestücke).
12. Металлическіе сапоги для защиты ступни (Eisenschuhe).



Норманнскій щитъ.



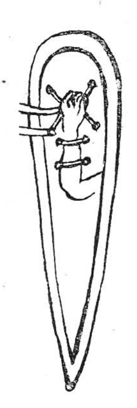
Германскій выгнутый щитъ.



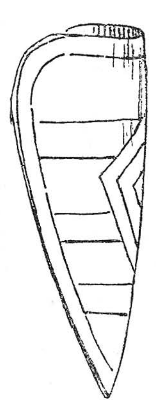
Германскій щитъ высотой въ 60 сантим.

Щиты изготовлялись иногда изъ металла, иногда изъ дерева, покрытаго шкурой или металломъ; на нихъ помѣщались девизы и гербы. Они были весьма различной формы и носились на ремнѣ за плечомъ.

Шпоры, которыя сначала имѣли видъ простаго острія, были снабжены въ XII столѣтіи колесиками; эти послѣднія были гораздо больше

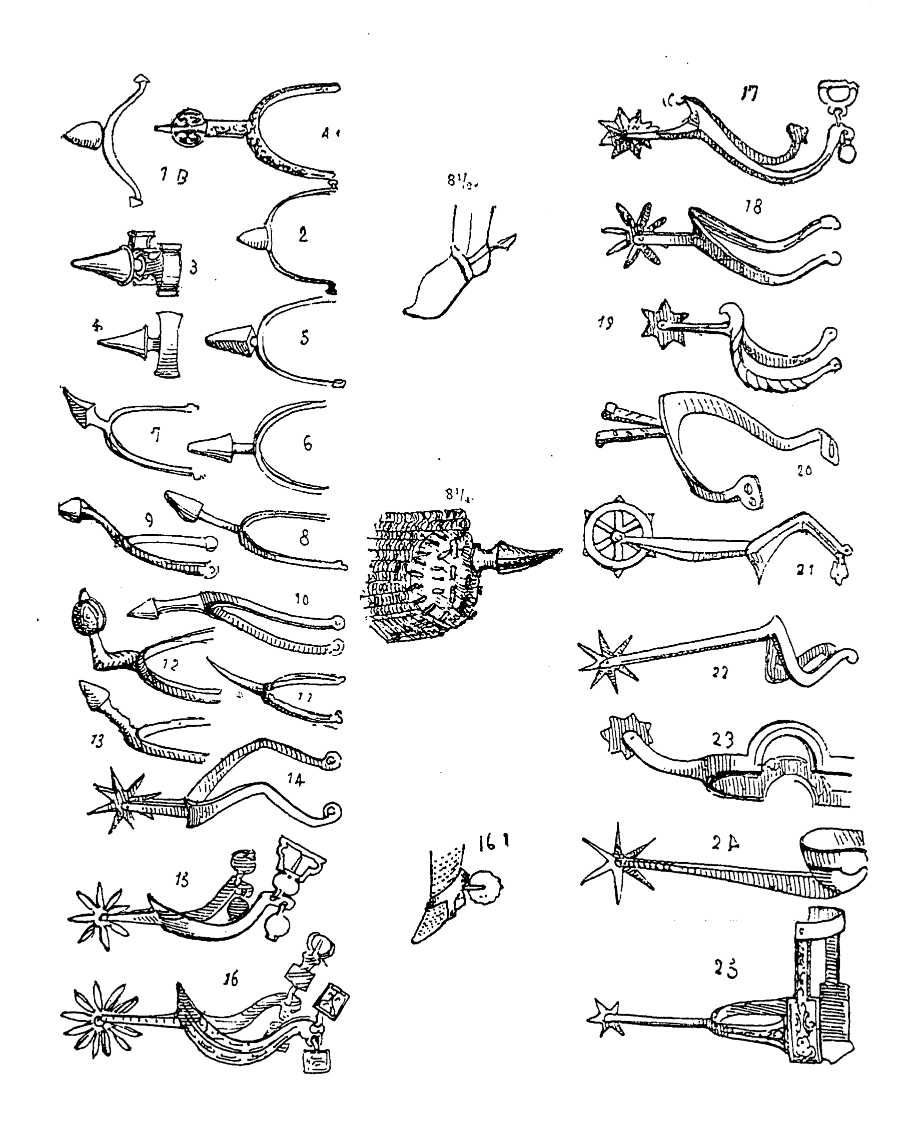


Норманнскій
щитъ.



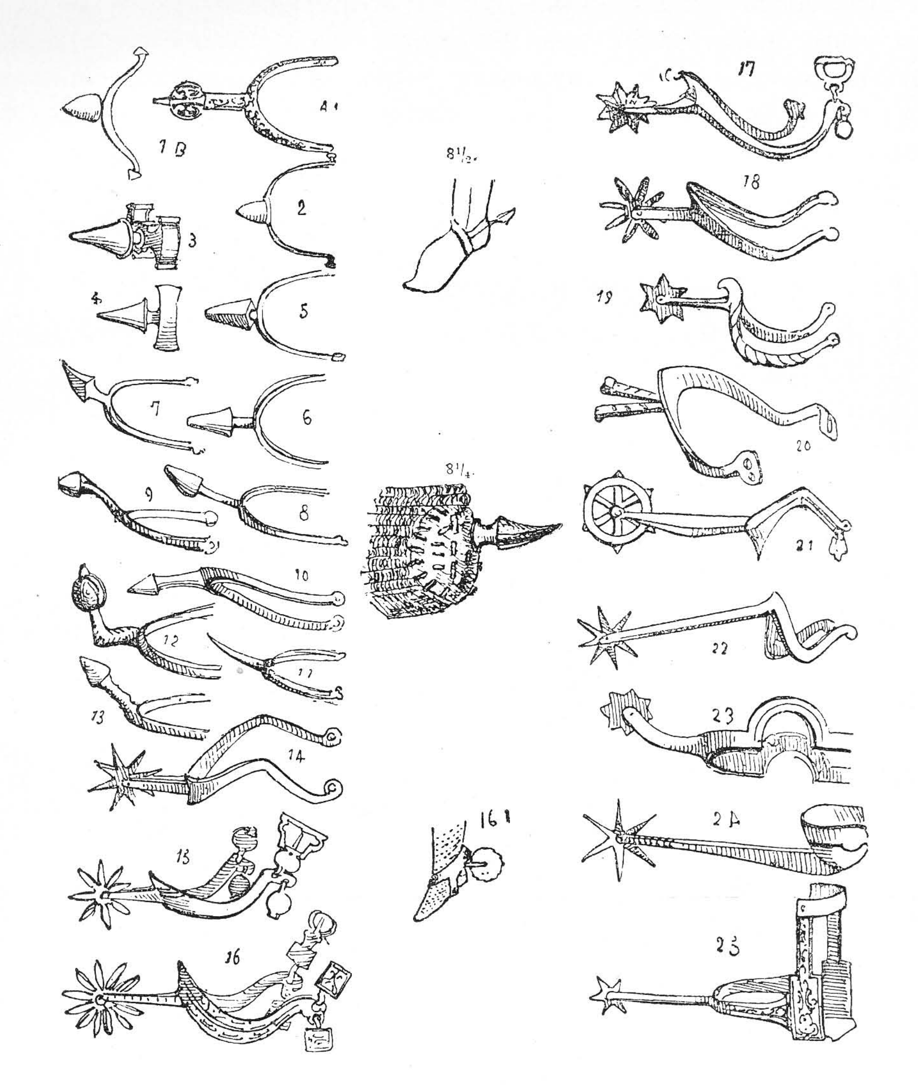
Германскій вы-
гнутый щитъ.

Германскій щитъ вы-
сотой въ 60 сантим.

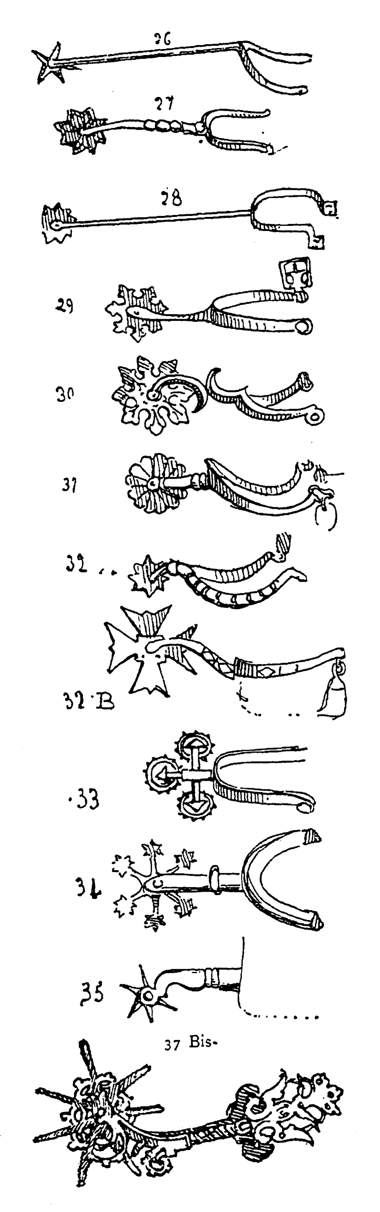


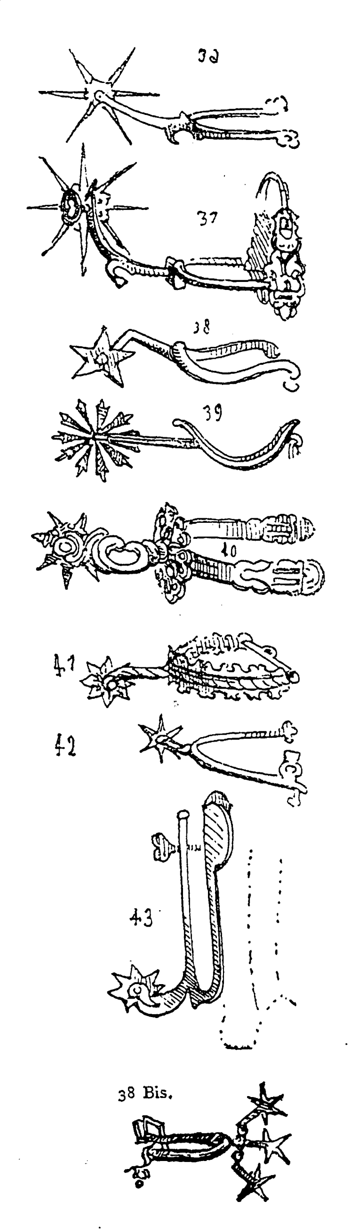
А 1. } Шпоры съ круглой дужкой безъ репейка, же-
2. } лѣзныя VIII столѣтія.
1В. Шпоры Карла Великаго VIII столѣтія.
3. Бронзовая датская VIII столѣтія.
4. Желѣзная германская VIII столѣтія.
5. Желѣзная германская X столѣтія.
6. Англо-саксонская или норманнская X или XI ст.
7. Желѣзная германская X столѣтія.
8. Желѣзная германская XI столѣтія.
8½. Бронзовая съ прикрѣпленіемъ.
9. Желѣзная германская XII столѣтія.
10. Желѣзная англійская конца XII столѣтія.
11. Шпора XII столѣтія.
12. Шпора желѣзная XIII столѣтія.
13. Желѣзная швейцарская шпора XIII столѣтія.
Шпоры безъ дужки.
8¼. Остріе на пластинкѣ XI или XII столѣтія.
Шпора съ репейкомъ.

14. Шпора съ круглой дужкой начала XIV стол. съ остроугольной дужкой.
15. Германская начала XIV столѣтія.
16. Германская конца XIV столѣтія, репеекъ съ 12 зубцами.
16 1. Германская шпора съ круглой дужкой XIV столѣтія.
17. Итальянская желѣзная XIV столѣтія.
18. Германская желѣзная XIV столѣтія.
19. Мѣдная XIV столѣтія.
20. Желѣзная съ 2-мя шейками XIV столѣтія.
21. Желѣзная XV столѣтія, репеекъ колесный съ 6 зубцами.
22. Желѣзная конца XV ст. съ круглыми дужками.
23. Шпора конца XV стол. Стременныя шпоры.
24. Мавританская XV столѣтія.
25. Мѣдная позолоченная XV столѣтія.

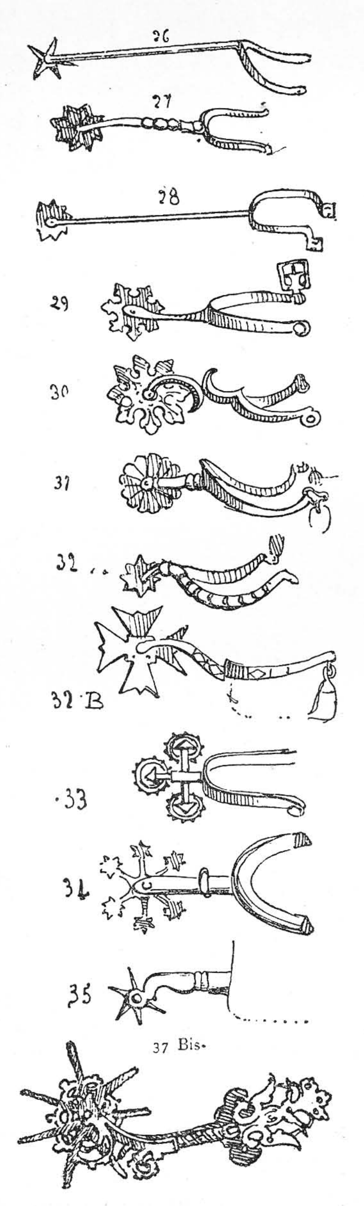


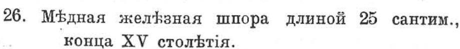
A 1. } Шпоры съ круглой дужкой безъ репейка, же-
2. } лѣзныя VIII столѣтія.
1B. Шпоры Карла Великаго VIII столѣтія.
3. Бронзовая датская VIII столѣтія.
4. Желѣзная германская VIII столѣтія.
5. Желѣзная германская X столѣтія.
6. Англо-саксонская или норманнская X или XI ст.
7. Желѣзная германская X столѣтія.
8. Желѣзная германская XI столѣтія.
8½. Бронзовая съ прикрѣпленіемъ.
9. Желѣзная германская XII столѣтія.
10. Желѣзная англійская конца XII столѣтія.
11. Шпора XII столѣтія.
12. Шпора желѣзная XIII столѣтія.
13. Желѣзная швейцарская шпора XIII столѣтія.
Шпоры безъ дужки.
8¼. Остріе на пластинкѣ XI или XII столѣтія.
Шпора съ репейкомъ.
14. Шпора съ круглой дужкой начала XIV стол. съ остроугольной дужкой.
15. Германская начала XIV столѣтія.
16. Германская конца XIV столѣтія, репеекъ съ 12 зубцами.
16 1. Германская шпора съ круглой дужкой XIV столѣтія.
17. Итальянская желѣзная XIV столѣтія.
18. Германская желѣзная XIV столѣтія.
19. Мѣдная XIV столѣтія.
20. Желѣзная съ 2-мя шейками XIV столѣтія.
21. Желѣзная XV столѣтія, репеекъ колесный съ 6 зубцами.
22. Желѣзная конца XV ст. съ круглыми дужками.
23. Шпора конца XV стол. Стременныя шпоры.
24. Мавританская XV столѣтія.
25. Мѣдная позолоченная XV столѣтія.

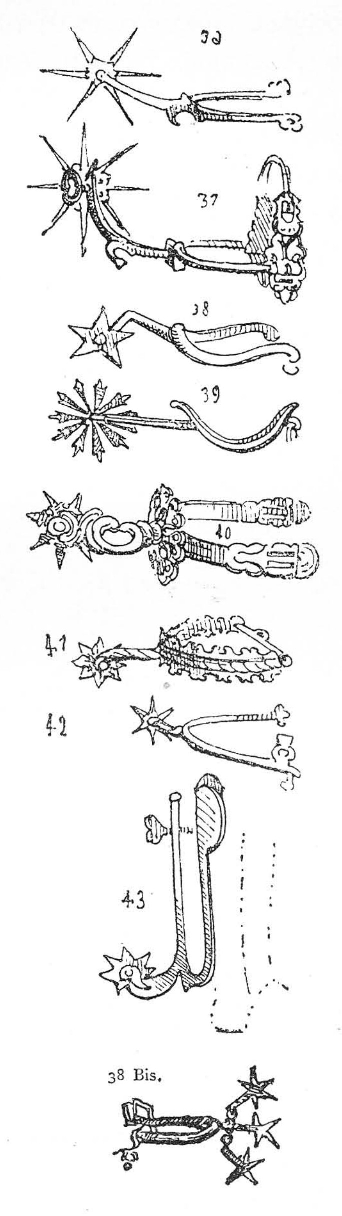




26. Мѣдная желѣзная шпора длиной 25 сантим., конца XV столѣтія.
27. Англійская мѣдная длиной 12 сантим., конца XV столѣтія.
28. Желѣзная позолоченная XVI столѣтія.
28₁. Германская желѣзная XVI столѣтія.
29. Желѣзная XVII столѣтія.
30. Стальная англійская XVI столѣтія.
31. Германская желѣзная XVI столѣтія.
32a. Желѣзная позолоченная англійская.
32b. Германская.
33. Германская съ 3 колесами, приписываемая XVI столѣтію.
34. Большая шпора черненаго желѣза, съ пустой дужкой.
35. Германская XVI стол.
36. Англійская конца XVI стол.
37. Испанская конца XVII стол.
37B. Испанская шпора изъ Мексики, украшенная орлами XVII стол.
38. Англійская XVI стол.
38bis. Англійская временъ Карла I, XVII стол.
39. Мѣдная позолоченная XVI стол.
40. Желѣзная временъ Людовика XIV, XVII стол.
41. Германская желѣзная XVII стол.
42. Англійскія такъ называемыя гамашныя шпоры конца XVII столѣтія.
43. Польская шпора XVII стол.

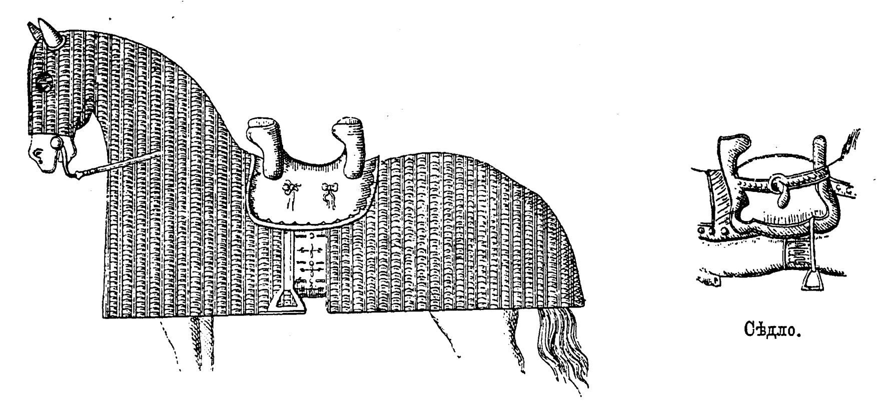






26. Мѣдная желѣзная шпора длиной 25 сантим., конца XV столѣтія.
27. Англійская мѣдная длиной 12 сантим., конца XV столѣтія.
28. Желѣзная позолоченная XVI столѣтія.
28₁. Германская желѣзная XVI столѣтія.
29. Желѣзная XVII столѣтія.
30. Стальная англійская XVI столѣтія.
31. Германская желѣзная XVI столѣтія.
32a. Желѣзная позолоченная англійская.
32b. Германская.
33. Германская съ 3 колесами, приписываемая XVI столѣтію.
34. Большая шпора черненаго желѣза, съ пустой дужкой.
35. Германская XVI стол.
36. Англійская конца XVI стол.
37. Испанская конца XVII стол.
37B. Испанская шпора изъ Мексики, украшенная орлами XVII стол.
38. Англійская XVI стол.
38bis. Англійская временъ Карла I, XVII стол.
39. Мѣдная позолоченная XVI стол.
40. Желѣзная временъ Людовика XIV, XVII стол.
41. Германская желѣзная XVII стол.
42. Англійскія такъ назыв. гамашныя шпоры конца XVII столѣтія.
43. Польская шпора XVII стол.

тѣхъ, которыя носятся въ настоящее время исключая развѣ Мексики и Южной Америки. Шпоры рыцарей дѣлались изъ золота и были при-



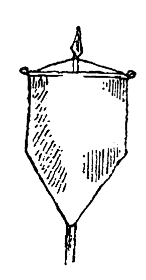
Конская броня.

Сѣдло.

надлежностью ихъ званія. Выраженіе „заслужить шпоры“ соотвѣтствовало посвященію въ рыцари.

Плащъ изъ тонкаго сукна или шелка, украшенный гербомъ и цвѣтами рыцаря, надѣвался поверхъ вооруженія.

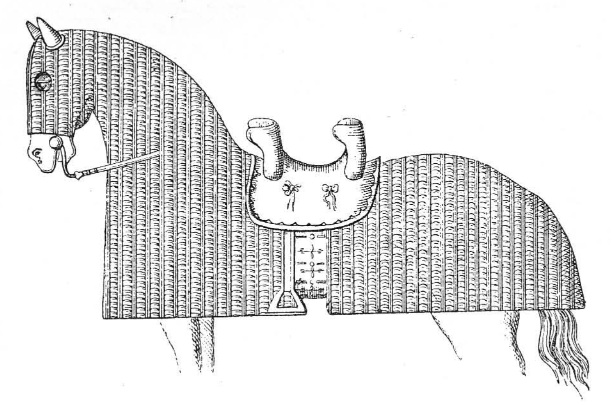
Въ XI столѣтіи къ сѣдламъ (о которыхъ впервые упоминаетъ Сидоній Аппolинарисъ, говоря о вестготахъ) стали придѣлывать очень высокіе луки, переднюю и заднюю, чтобы поддерживать тяжеловооруженныхъ рыцарей и сдѣлать посадку ихъ удобнѣе и вѣрнѣе.



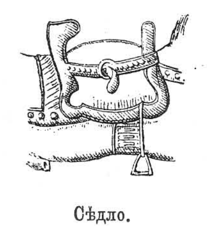
Знамя (Banner, Panier, Banière).

Баннергерръ XII столѣтія.

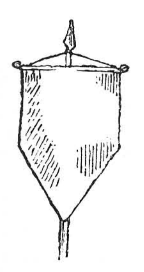
Главнымъ наступательнымъ оружіемъ было копье, которое считалось прероготивомъ благородныхъ классовъ и употребленіе котораго было поэтому запрещено низшимъ классамъ. Копья были очень длинны и тяжелы, дѣлались изъ осины, ели, ясеня и смоковницы и кончались тяжелымъ, тупымъ и широкимъ желѣзнымъ наконечникомъ; тотчасъ подъ остріемъ прикрѣплялся флюгеръ, означавшій общественное положеніе владѣльца копья, такъ какъ, хотя всѣ рыцари и признавались совершенно равными между собою, но все-таки су-



Конская броня.



Сѣдло.



Знамя (Banner, Panier, Banière).

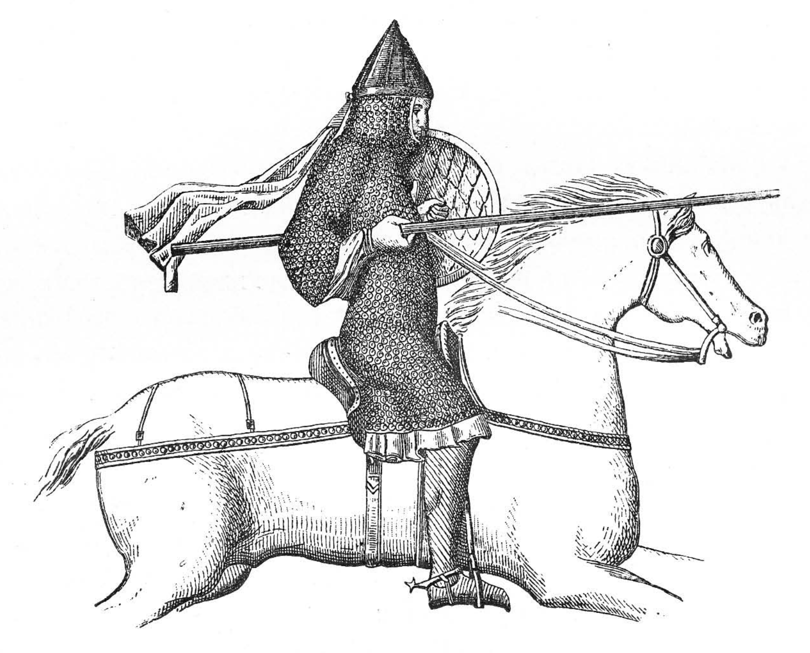
Баннергерръ XII столѣтія.

ществовала нѣкоторая разница между болѣе состоятельными, имѣвшими возможность вывести въ поле на свой счетъ значительный контингентъ людей, и бѣдными, выходившими только со своей свитой. Первые назывались баннергерами и имѣли небольшой флюгеръ или маленькое четырехугольное знамя (Banner) на своихъ копьяхъ; вторые носили названіе рыцарей баккалавровъ и имѣли небольшія зазубренныя флажки съ заостренными концами.

Копье имѣло на древкѣ, сейчасъ же у того мѣста, гдѣ его держали, маленькій щитъ или прикрытіе для руки.

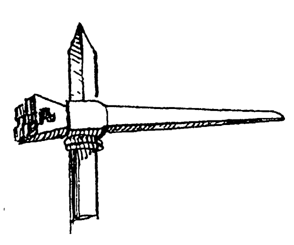
Французскій рыцарь XII столѣтія.

Кромѣ копья, рыцарь имѣлъ еще мечъ, котораго видъ и устройство были весьма разнообразны: иногда онъ былъ обоюдоострый, иногда заостренъ только на одной сторонѣ. Обыкновенно онъ былъ прямой, но встрѣчались и кривыя сабли. Длина была также очень различна; были мечи длиной 7—8 футъ, которыми дѣйствовали обѣими руками. Рыцари никогда впрочемъ не сражались ими верхомъ, а всегда предварительно слѣзали. Мечъ носился съ лѣвой стороны на портупеѣ; иногда былъ еще прикрѣпленъ къ сѣдлу другой мечъ, меньшаго размѣра, или кинжалъ. Все оружіе содержалось съ особенной заботливостью; эфесы были часто украшены драгоцѣнными камнями, а клинки—надписями и рисунками. Только свободнорожденные имѣли право носить мечъ, и сдача въ плѣнъ выражалась передачей меча противнику.



Французскій рыцарь XII столѣтія.

Боевые молоты (Streithammer) были въ употребленіи еще задолго до временъ рыцарства. Карлъ Мартеллъ (Молотъ) получилъ свое прозваніе отъ этого его любимаго оружія, которымъ онъ сражался при Турѣ въ 732 г. Его употребленіе продолжалось до XII столѣтія, и его считали рыцарскимъ оружіемъ. Тоже можно сказать и о сѣкирахъ, бывшихъ весьма различнаго вида и величины. Напротивъ того, палицы изъ желѣза или дерева, иногда съ остріями, употреблялись преимущественно низшими классами, хотя встрѣчаются иногда и у рыцарей.



Боевой молотъ (Streithammer), стальной, на длинной рукояткѣ XVIII столѣтія.

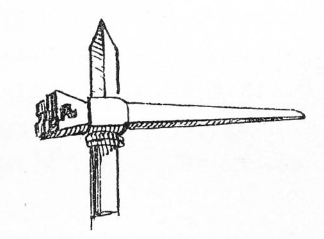
Тактика рыцарей была самая первобытная, никакого подраздѣленія на строевыя единицы не было. Чѣмъ-то въ родѣ тактической единицы можно считать полное копье (lance fournie), состоявшее изъ рыцаря, бывшаго начальникомъ копья, и его драбантовъ или свиты. Нѣчто подобное мы видѣли въ тримакрезіи галловъ, состоявшей изъ трехъ лицъ, но составъ полнаго копья былъ гораздо значительнѣе. Составъ этотъ видоизмѣнялся въ разныхъ странахъ и въ разныя времена. Болѣе постояннымъ онъ сдѣлался уже въ позднѣйшія времена рыцарства, особенно съ введеніемъ конныхъ жандармовъ. Вначалѣ полное копье состояло изъ рыцаря, оруженосца, пажа, слуги и 3 лучниковъ, — всѣ верхомъ. Это маленькое отдѣленіе было также и административной единицей, такъ какъ самъ рыцарь содержалъ свою свиту и доставлялъ ей все необходимое. Баннергеры имѣли у себя извѣстное число подобныхъ копій, и въ древнихъ хроникахъ численность арміи всегда обозначена числомъ копій, — подобно тому, какъ мы говоримъ 60 — 70 эскадроновъ, тогда говорилось 200 — 300 копій.

Барденъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ копья соединялись въ высшія единицы; 10 копій, т. е. 50 — 60 всадниковъ, составляли бацелу, а 5 этихъ послѣднихъ, т е. около 300 всадниковъ, что то въ родѣ полка, подъ командой баннерета-рыцаря со значкомъ. Кромѣ того извѣстно, что въ тѣ времена арміи состояли изъ трехъ частей: центра и двухъ крыльевъ, которые всѣ подчинялись высшему вождю.

Полное копье имѣло отъ 3 — 14 драбантовъ, но обыкновенно 6 — 7 чел.

Рыцари строились для боя въ одну линію, и ихъ тактика состояла въ атакѣ противника полнымъ ходомъ, причемъ старались выбросить его изъ сѣдла. Послѣ перваго столкновенія бой распадался на рядъ отдѣльныхъ поединковъ, гдѣ сражались мечами, топорами, молотами и палицами.

Оруженосцы составляли вторую линію, за ними строились прочія лица свиты. Они не были достаточно хорошо вооружены, чтобы сражаться въ первой линіи, хотя иногда случалось, что оруженосцы занимали мѣста убитыхъ рыцарей. Настоящимъ же назначеніемъ какъ оруженосца, такъ и прочей свиты, было оказывать помощь и содѣйствіе рыцарю, поднимать



Боевой молотъ (Streithammer), стальной, на длинной рукояткѣ XVIII столѣтія.

его, когда онъ былъ раненъ или выброшенъ изъ сѣдла, подводить ему новую лошадь, снабжать оружіемъ. Оруженосцы носили латы, легкій шлемъ, мечъ, сѣкиру и кинжалъ.

Арбалетчикъ 1352 г.

Лучники состояли изъ юношей благороднаго происхожденія, которые желали попасть въ оруженосцы и зачислялись для этого въ свиту рыцаря. Они были легко вооружены, носили каску и желѣзныя перчатки; иногда для боя спѣшивались, причемъ передавали лошадей пажамъ. Конные лучники составляли легкую конницу. По словамъ Гумберта они имѣли луки, но Барденъ говоритъ, что они, во Франціи по крайней мѣрѣ, стрѣляли изъ арбалетовъ, почему и должны быть скорѣе названы конными арбалетчиками. Обыкновенно они строились позади оруженосцевъ, но очень часто начинали бой въ разсыпномъ строю, впереди боеваго порядка; въ случаѣ серьезнаго натиска на нихъ непріятеля, которому они не могли оказать сопротивленія, или, наоборотъ, когда они замѣчали нѣкоторый у него безпорядокъ, они отходили назадъ мимо фланговъ рыцарей и оставляли этимъ послѣднимъ свободное поле для дѣйствія. Иногда они продолжали бой на флангахъ и почти постоянно употреблялись для преслѣдованія разбитаго противника.

Нужно сказать, что вообще тактическое искусство было въ то время почти совершенно неизвѣстно, и побѣда зависѣла не отъ искусства въ маневрированіи, а отъ одной физической силы. Весь бой состоялъ въ цѣломъ рядѣ поединковъ. Единственно, о чемъ еще иногда заботились, это о томъ, чтобы занять положеніе, выгодное въ отношеніи вѣтра или солнца. Закованные въ желѣзо рыцари могли видѣть только черезъ небольшія отверстія забрала, а потому солнце и пыль имѣли для нихъ значеніе. Распространеніе рыцарства повсюду ставило всѣхъ враждующихъ въ одинаковыя условія, а потому отсутствіе искусства маневрированія никѣмъ не ощущалось.

Гвардейскій конный лучникъ Карла VII.

Предводители не были военачальниками или тактиками, а просто извѣстные въ войскѣ какъ храбрые и ловкіе въ поединкахъ рыцари.

Арбалетчикъ 1352 г.

Гвардейскій конный лучникъ Карла VII.

Подготовительное обученіе въ мирное время было самое строгое и постоянное, гимнастическія упражненія были чрезвычайно трудныя; вообще можно сказать, что никогда, ни прежде, ни послѣ, личная храбрость и одиночное обученіе не стояли на такой высокой степени, какъ въ цвѣтущую пору рыцарства. Дѣйствительно, единственнымъ стремленіемъ съ самой ранней молодости было довести физическую силу и ловкость въ ѣздѣ и владѣніи оружіемъ до высшаго совершенства; единственнымъ занятіемъ всей жизни было приготовленіе къ войнѣ и совершеніе выдающихся подвиговъ; увеселенія мирнаго времени состояли въ охотахъ и турнирахъ — подражаніяхъ боя.

Военнаго искусства не существовало совершенно. Каждый рыцарь со своей свитой велъ бой вполнѣ самостоятельно, на свой страхъ, не согласуя ни мало своихъ дѣйствій съ сосѣдями.

Важное общественное значеніе рыцарства, почти полная неуязвимость его въ предохранительномъ вооруженіи, служба только низшихъ классовъ населенія въ пѣхотѣ, все это способствовало развитію высокаго мнѣнія о конницѣ и полнаго пренебреженія къ пѣхотѣ. Конечно, на дѣлѣ, хорошо дисциплинированная пѣхота, вооруженная копьями, всегда могла бы съ успѣхомъ бороться противъ недисциплинированныхъ, дурно управляемыхъ рыцарей; но когда вся Европа полагалась исключительно на конныхъ рыцарей, когда никакому лицу сколько-нибудь высокаго положенія не могло и въ голову придти служить иначе, чѣмъ въ конницѣ, то кто-же могъ рѣшиться сформировать изъ подходящихъ элементовъ хорошую пѣхоту, вооружить и обучить ее? Однако должно было придти время, когда швейцарцы, гористая страна которыхъ допускала дѣйствія только въ пѣшемъ строю, убѣдили гордыхъ рыцарей цѣлымъ рядомъ нанесенныхъ имъ тяжкихъ пораженій, что одной личной храбрости еще не достаточно на войнѣ, но что порядокъ, сомкнутость и искусство имѣютъ огромное вліяніе на успѣхъ дѣла.

Самая организація феодальнаго войска была основана на принципѣ, который не допускалъ возможности примѣненія какого-либо тактическаго искусства.

Войско это состояло изъ воиновъ, отлично обученныхъ и вооруженныхъ, представлявшихъ въ отдѣльности такой превосходный матеріалъ, какого другого трудно найти, но затѣмъ имъ положительно недоставало всего того, съ чѣмъ въ настоящее время связывается представленіе объ арміи. Уже одно то обстоятельство, что они были обязаны службой не болѣе 40 дней ежегодно, заставило призывать ихъ передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, когда уже совсѣмъ не было времени для ихъ сплоченія. А между тѣмъ очевидно, что значительная степень маневренной ловкости и тактическаго искусства можетъ быть достигнута лишь при постоянномъ обученіи, и пріобрѣтается въ совершенствѣ только системой, основанной на принципѣ постоянныхъ армій. Высокое развитіе

искусства маневрированія и веденія войскъ у римлянъ, особенно во времена Сципіона, должно быть именно приписано тому, что срокъ службы въ тѣ времена былъ отъ 10 до 20 лѣтъ.

Турниры, единственныя упражненія рыцарей, не могли оказать въ тактическомъ отношеніи никакой пользы, такъ какъ все на нихъ происходившее могло только обучить искусному владѣнію оружіемъ въ одиночномъ бою. Даже въ тѣхъ упражненіяхъ, гдѣ противники дѣлились на двѣ стороны, не было также тактическаго искусства, такъ какъ все дѣло сводилось къ простымъ поединкамъ, гдѣ сыпались удары сверху внизъ и требовались только ловкость и выносливость. Эта послѣдняя дѣйствительно на нихъ вырабатывалась въ высокой степени; достаточно сказать, что полное турнирное снаряженіе со всѣми принадлежностями вѣсило болѣе 200 фунт. (болѣе 5 пудовъ).

Цѣлью турнировъ было однако не только дать рыцарю возможность частыхъ упражненій, но они были единственными въ то время общественными собраніями и увеселеніями. Они пользовались поэтому большою популярностью между дворянами, тѣмъ болѣе, что давали имъ возможность выказать передъ дамами свое искусство въ владѣніи конемъ и оружіемъ. Игры начинались обыкновенно примѣрнымъ боемъ двухъ отрядовъ (melées), съ предводителями во главѣ. Всѣ правила были установлены съ большой точностью, чтобы по возможности избѣжать опасныхъ пораненій; сражались только тупымъ оружіемъ. Оруженосцы и прочія лица свиты строились, какъ и въ дѣйствительномъ бою, позади своихъ рыцарей, чтобы подать имъ помощь, если они будутъ сброшены съ коня. Турнирное снаряженіе было настолько тяжелѣе боеваго, что никто не могъ выдерживать его въ теченіе цѣлаго дня; иногда случалось даже, что рыцари задыхались въ немъ до смерти. Цѣлью употребленія такого тяжелаго снаряженія могло быть отчасти желаніе развить силу и выносливость, а отчасти стремленіе предохранить себя отъ сильныхъ поврежденій.

Нападеніе на укрѣпленія и окопы и оборона таковыхъ входили также въ програму турнировъ, но и въ нихъ не было и слѣда какого-либо тактическаго искусства, — все сводилось къ тѣмъ же поединкамъ между отдѣльными рыцарями.

Такимъ образомъ, какъ мы уже видѣли, тактическое искусство во все время этого періода находилось на очень низкой ступени своего развитія. Пѣхота мало-по-малу дошла до того, что окончательно не играла никакой роли въ сраженіяхъ, и напрасно было бы искать въ сраженіяхъ того времени примѣры тактическаго соображенія; лишь въ одномъ или въ двухъ случаяхъ можно указать на выигрышъ сраженія съ помощью военной хитрости или маневрированія.

Наглядный примѣръ тогдашней тактики представляетъ намъ битва при Гастингсѣ 14 октября 1066 г. между Вильгельмомъ Завоева-

телемъ съ норманскимъ рыцарствомъ и Гаральдомъ съ саксами. Послѣднiй оградилъ свое расположенiе заборомъ изъ щитовъ и плетнемъ; войско его состояло почти все изъ пѣхоты, между тѣмъ какъ у норманновъ была почти исключительно конница. Сохранилось подробное описанiе этой битвы, написанное Робертомъ Уэсомъ (Robert Wace) при королѣ Генрихѣ II, лѣтъ 90 послѣ сраженiя, когда оно еще было живо въ памяти народа. Мы даемъ ниже нѣсколько отрывковъ изъ этого описанiя, изложеннаго оригинальнымъ, чрезвычайно образнымъ языкомъ. Описавъ высадки и сближенiе обѣихъ армiй, авторъ продолжаетъ:

„Вильгельмъ сѣлъ на своего боеваго коня и крикнулъ Рожеру, называемому де-Монтгомери: я очень на васъ разсчитываю, ведите вашихъ людей туда и атакуйте ихъ съ той стороны. Вильгельмъ, сынъ сенешала Осбера, честный, хорошiй вассалъ, пусть идетъ съ вами и помогаетъ вамъ; возьмите съ собой людей изъ Булони и Пуа и всѣхъ моихъ наемниковъ. Алэнъ Фергантъ и Эймери пусть атакуютъ съ другой стороны, съ ними пойдутъ люди изъ Пуату, бретанцы и всѣ бароны изъ Мэна; я-же съ своими приближенными друзьями и родными буду сражаться въ центрѣ, гдѣ бой всего горячѣй“.

„Бароны, рыцари и начальники копiй были уже всѣ вооружены. Пѣхотинцы были хорошо снаряжены, имѣли луки и мечи, на головѣ шапочки и на ногахъ туго стянутые башмаки; нѣкоторые были одѣты въ хорошiя шкуры, другiе въ узкое платье, и имѣли колчаны и луки привѣшанными къ поясамъ. Рыцари имѣли кольчуги, мечи, металлическiе сапоги, блестящiе шлемы, щиты за плечами и копья въ рукахъ. Всѣ имѣли отличительные значки, по которымъ узнавали своихъ, такъ что норманнъ не могъ поразить норманна, франкъ—франка. Пѣхотинцы шли впереди, сомкнутыми рядами, рыцари слѣдовали за ними, чтобы ихъ поддержать. Рыцари и пѣхотинцы шли на своихъ мѣстахъ, ровнымъ шагомъ, соблюдая полный порядокъ, чтобы другъ друга не обгонять и не разорваться. Всѣ шли бодро и смѣло, лучники были наготовѣ открыть стрѣльбу“.

„Гаральдъ созвалъ всѣхъ своихъ людей—графовъ, бароновъ, ленниковъ—изъ ихъ замковъ и изъ городовъ, дворовъ, деревень и мѣстечекъ. Были собраны всѣ крестьяне, съ тѣмъ оружiемъ, которое имѣли—палицы, копья, вилы, дубины. Англичане окружили свое расположенiе, гдѣ стоялъ Гаральдъ съ друзьями и баронами, заборомъ“.

„Гаральдъ зналъ, что норманны приближаются и намѣрены атаковать его, почему и окружилъ заблаговременно заборомъ мѣсто, гдѣ стояли его люди. Онъ поднялъ рано утромъ своихъ людей, приказалъ имъ вооружиться и готовиться къ бою, и самъ одѣлъ вооруженiе, соотвѣтствующее его знатному сану. Онъ приказалъ имъ и совѣтовалъ своимъ баронамъ держаться какъ можно сомкнутѣе и сражаться въ плотной массѣ, такъ какъ, разсѣявшись, имъ будетъ потомъ опять трудно собраться.—

*

Норманны, сказалъ онъ, честные вассалы, храбрые и пѣшкомъ, и верхомъ, славные рыцари на коняхъ, опытные въ бояхъ! все потеряно, если только они прорвутъ ваши ряды; они имѣютъ длинныя копья и мечи, но у васъ острыя копья и хорошо отточеныя сѣкиры, и я не думаю, чтобы ихъ вооруженіе было лучше вашего; бейте только все, что попадется подъ руку, щадить нечего".

„Англійскіе крестьяне имѣли острые топоры и ножи. Они построили передъ собой сплошную загородку изъ своихъ щитовъ и дерева, такъ что не оставалось ни малѣйшей щели; такимъ образомъ передъ фронтомъ ихъ было препятствіе, которое норманны должны были преодолѣть, чтобы сойтись съ ними. Они намѣрены были ограничиться обороной за этой изгородью и, если-бы выдержали это намѣреніе до конца, то навѣрно не были бы побѣждены въ этотъ день, такъ какъ всякій норманнъ, проникавшій черезъ препятствія, сейчасъ же падалъ подъ ударами топора или ножа, палицы или другаго оружія. Они были одѣты въ короткія, узкія кольчуги, надѣтыя поверхъ одежды, на головѣ имѣли шлемы. Они стояли въ сомкнутыхъ рядахъ, готовые къ бою и съ нетерпѣніемъ его ожидая. Для прикрытія одного изъ крыльевъ войска была еще прорыта канава".

„Въ это время показались норманны: головное ихъ отдѣленіе шло по плоской вершинѣ холма; вплотную за нимъ шла другая, болѣе сильная часть войска, которая повернула въ другую сторону поля сраженія и построилась, подобно головному отряду, въ сомкнутую массу. Наконецъ показался еще отрядъ, покрывавшій всю равнину; въ серединѣ его высилось знамя, присланное изъ Рима, около него находился самъ герцогъ, лучшіе люди и главная сила войска. Честные рыцари и вассалы, храбрые воины стояли здѣсь, а равно и знатные бароны, хорошіе лучники и копьеносцы, которые обязаны были окружать и оберегать герцога. Прислуга, не принимавшая участія въ бою, а на обязанности которой лежало охраненіе обоза и запасовъ, двигалась болѣе позади".

„Гаральдъ замѣтилъ приближеніе Вильгельма и увидѣлъ, что норманны раздѣлились на три части, чтобы произвести нападеніе съ трехъ сторонъ. Братъ его Гуртъ подошелъ къ нему, они стали около знамени, всѣ просили Господа Бога охранять ихъ. Около нихъ собрались всѣ ихъ родственники и друзья: они просили не жалѣть себя, такъ какъ теперь видно было, что никто боя не избѣжитъ. Каждый человѣкъ былъ въ латахъ, опоясанъ мечемъ и со щитомъ за плечами. Большіе топоры, которыми они собирались наносить страшные удары, были привѣшаны вокругъ шеи. Они стояли пѣшіе, въ сплоченныхъ рядахъ и держались прямо и смѣло".

„Норманны двинулись тремя отрядами, чтобы произвести нападеніе съ трехъ различныхъ сторонъ; первый и второй отряды уже подошли, а третій

самый большой, съ которымъ шелъ герцогъ и его люди, еще приближался. Всѣ двигались смѣло и бодро впередъ".

„Какъ только оба войска сошлись ближе, раздался страшный шумъ и крикъ. Слышенъ былъ звукъ трубъ и роговъ и другихъ духовыхъ инструментовъ; видно было, какъ воины строились, поднимали щиты и копья, натягивали луки, готовые къ нападенію и къ оборонѣ. Раздался большой шумъ и воинскій кликъ, и съ обѣихъ сторонъ войско зашевелилось."

„Норманны двинулись впередъ, англичане сопротивлялись храбро; всѣ имѣли бодрый и неустрашимый видъ. И вотъ началась битва, о которой еще и теперь такъ много говорятъ."

„Съ 9 часовъ утра и до 3-хъ дня бой колебался, и никто не могъ сказать, кто одержитъ верхъ. Обѣ стороны держались крѣпко и сражались храбро. Норманскіе лучники пускали тучи стрѣлъ въ англичанъ, но послѣдніе закрывались своими щитами, такъ что стрѣлы не могли причинить имъ никакого вреда. Поэтому норманны стали пускать стрѣлы почти прямо вверхъ, чтобы онѣ падали на головы враговъ. Многіе англичане были ранены въ голову и лицо, потеряли глаза, такъ что всѣ стали опасаться поднимать ихъ и оставлять лица открытыми".

„Норманны убѣдились наконецъ, что англичане держатся очень твердо и что позиція ихъ неприступна. Они составили совѣтъ и рѣшили обратиться въ притворное бѣгство, чтобы выманить англичанъ изъ-за ихъ прикрытія и побудить разсѣяться по полю, такъ какъ были увѣрены, что несомнѣнно одержатъ верхъ, если только англичане потеряютъ сомкнутость. Какъ было задумано, такъ и исполнено. Норманны обратились въ бѣгство; англичане бросились ихъ преслѣдовать, предполагая и крича, что враги уходятъ и никогда болѣе не вернутся. Обманутые такимъ образомъ англичане вышли изъ своей засады; увидѣвъ это, Вильгельмъ тотчасъ приказалъ своимъ повернуть. Начался отчаянный бой, и англичане были разбиты; но если бы они не оставили своей позиціи, то, вѣроятно, никогда не были бы побѣждены".

Атака конницы подъ начальствомъ норманскаго герцога описана слѣдующимъ образомъ:

„Тутъ появились тѣ, которые охраняли его и никогда не покидали; ихъ было около 1.000 вооруженныхъ людей, и они сомкнутыми рядами понеслись на англичанъ; тяжестью коней и ударами мечей они пробили густыя массы противника и разгромили его; храбрый герцогъ скакалъ впереди. Многіе изъ англичанъ еще преслѣдовали, другіе уже бѣжали, многіе пали, многіе были потоптаны конями; многіе изъ богатыхъ и знатныхъ были убиты, но все-таки англичане собирались мѣстами въ кучки и держались отчаянно, какъ только могли, сбрасывая людей и убивая лошадей".

Приведенный разсказъ даетъ очень живое описаніе образа веденія боя въ XI столѣтіи; онъ тѣмъ болѣе интересенъ, что былъ написанъ очень скоро послѣ битвы, которая въ немъ описывается.

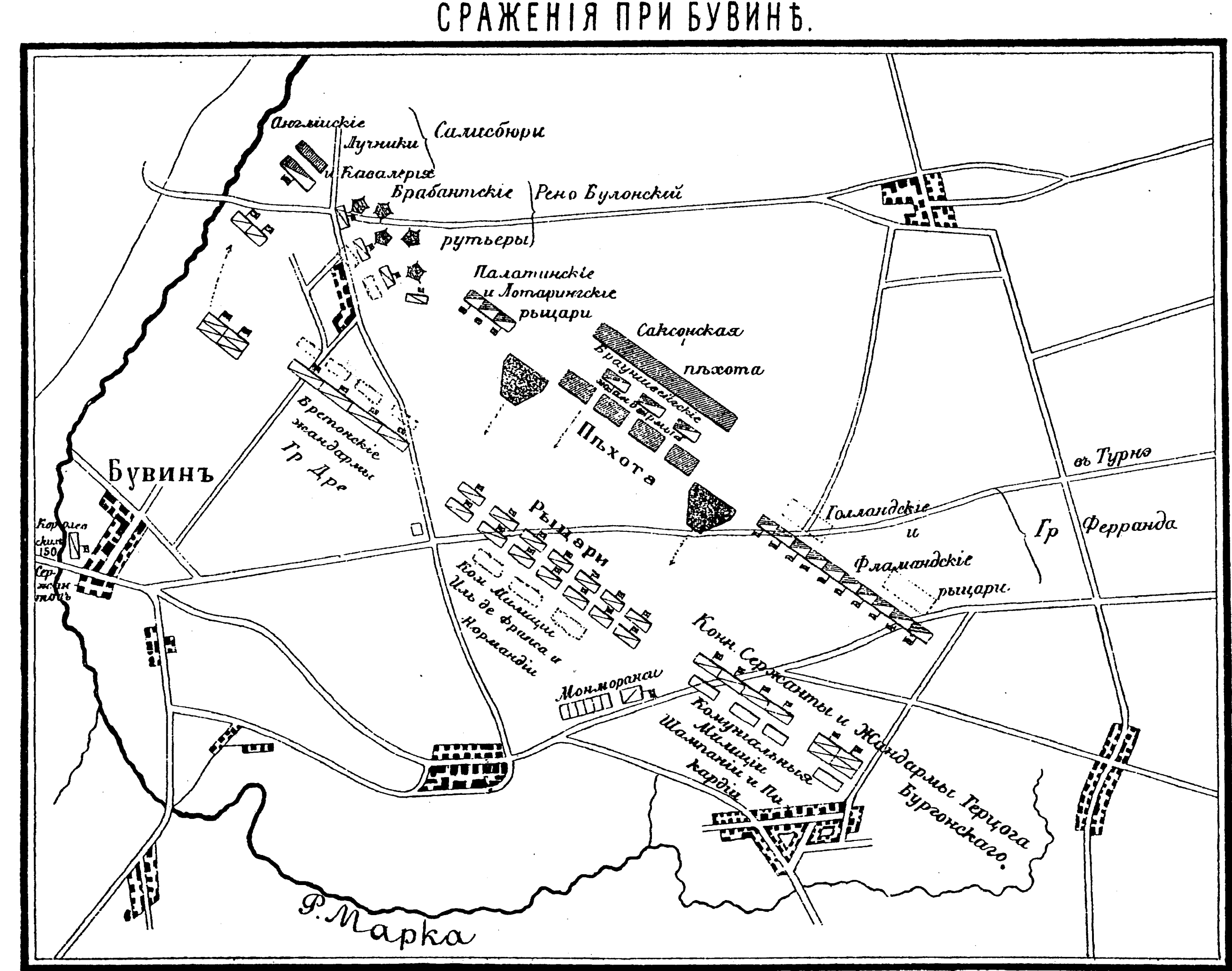
Слѣдующее сраженіе, о которомъ мы имѣемъ нѣкоторыя подробности, произошло въ 1214 г. при Бувинѣ во Фландріи между королемъ Франціи Филиппомъ Августомъ и германскимъ императоромъ Оттономъ II, изъ которыхъ первый одержалъ рѣшительную побѣду.

Войско Филиппа состояло преимущественно изъ конницы, и онъ началъ маневрировать съ цѣлью выманить императора изъ неровной мѣстности на открытую равнину, гдѣ всѣ преимущества были на сторонѣ конницы. Онъ началъ отступленіе, и Оттонъ, думая, что французскій король желаетъ избѣжать боя, послѣдовалъ за нимъ. По полученіи этого извѣстія, Филиппъ выслалъ на рекогносцировку виконта Мелюна съ частью легкой конницы и арбалетчиковъ; послѣдній скоро увидалъ идущее въ порядкѣ непріятельское войско, гдѣ конница была построена позади пѣхоты. Такъ какъ это было обыкновенное построеніе передъ боемъ, то Мелюнъ понялъ, что намѣреваются дать генеральное сраженіе, и послалъ рыцаря Геренъ доложить объ этомъ королю, а самъ остался на мѣстѣ для дальнѣйшаго наблюденія за противникомъ.

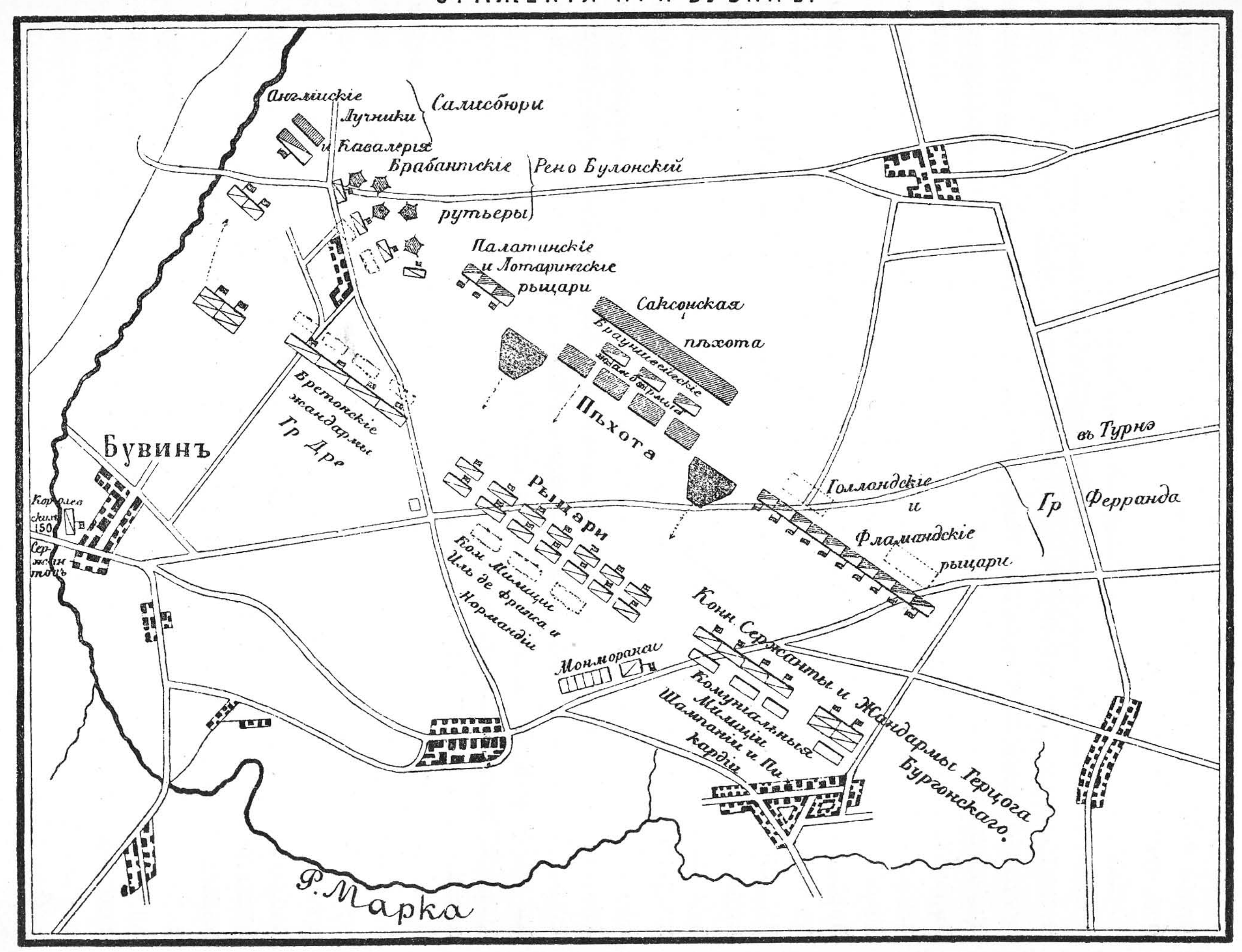
Нѣмцы имѣли въ своемъ войскѣ много пѣхоты, вооруженной копьями и очень хорошо обученной, такъ что она могла съ успѣхомъ дѣйствовать противъ конницы даже и на открытой мѣстности. Императоръ, при построеніи войска въ боевой порядокъ, поставилъ пѣхоту въ первой линіи, а за ней тяжелую конницу; союзныя англійскія войска стояли на правомъ флангѣ, фламандскія на лѣвомъ. У французовъ пѣхота была также въ первой линіи, за ней тяжелая конница; а на флангахъ легкая, поддержанная частью тяжелой. Въ описаніи этого сраженія является намекъ на тактическое распоряженіе, такъ какъ кажется, что тяжелая конница была построена въ нѣсколько отдѣленій или эскадроновъ съ интервалами между ними, черезъ которые, прошедши мостъ у Бувина, двинулась пѣхота для занятія своего мѣста въ первой линіи. По всѣмъ вѣроятіямъ, эти эскадроны состояли изъ контингентовъ разныхъ баннергеровъ, которые были сведены вмѣстѣ и составили какъ бы тактическія единицы.

Дѣло было начато рыцаремъ Геренъ, который послалъ 150 человѣкъ легкой конницы для атаки фламандской жандарменіи, стоявшей на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Врядъ-ли онъ могъ разсчитывать на успѣхъ этой атаки, скорѣе онъ имѣлъ въ виду привести ею ряды противника въ нѣкоторый безпорядокъ и затѣмъ пустить въ дѣло своихъ тяжелыхъ всадниковъ для нанесенія рѣшительнаго удара. Повидимому, онъ понималъ всю важность резерва въ кавалерійскомъ бою, и, дѣйствительно, ему удалось этимъ путемъ сохранить его. Его планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Бой начался въ центрѣ между пѣхотой обѣихъ сторонъ, и, конечно, только что

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ БУВИНѢ.



ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ БУВИНѢ.



набранная и необученная французская пѣхота была очень скоро опрокинута хорошо подготовленной нѣмецкой, дальнѣйшее наступленіе которой привело даже въ нѣкоторый безпорядокъ французскихъ всадниковъ, и нѣмцы даже чуть не захватили короля, который былъ сброшенъ съ коня ударомъ дротика. Но тутъ подоспѣла французская конница и послѣ горячаго боя одержала побѣду.

Въ сраженіи этомъ упоминается и о фланговой атакѣ, а равно и о противудѣйствіи ей, что показываетъ хотя нѣкоторое появленіе тактическихъ понятій.

Есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, о которомъ нельзя не упомянуть въ описаніи битвы при Бувинѣ, такъ какъ оно знаменуетъ какъ-бы начало поворота въ установившихся взглядахъ на взаимное отношеніе конницы и пѣхоты. Какъ мы уже говорили, тяжелое вооруженіе дворянъ, ихъ искусство въ владѣніи оружіемъ, тяжесть и сила ихъ коней, полное пренебреженіе, въ которомъ находилась пѣхота, все это привело къ тому, что конница сдѣлалась не только главнымъ, но единственнымъ родомъ оружія. Но такъ какъ при примѣненіи извѣстной идеи къ жизни очень легко впасть въ крайность, то это и случилось съ рыцарями: желая довести неуязвимость своего вооруженія до высшей степени, они въ концѣ концовъ сдѣлали его настолько тяжелымъ, что одно ношеніе его доводило до крайняго утомленія; дѣло дошло даже до того, что рыцарь, упавъ съ лошади, не могъ безъ посторонней помощи встать на ноги и ему, чтобы не задохнуться, приходилось снимать шлемъ. Вѣроятно, приблизительно къ этому времени относится изреченіе одного германскаго императора: „предохранительное вооруженіе защищаетъ рыцаря и мѣшаетъ ему нанести вредъ противнику“.

Всѣ неудобства подобнаго тяжелаго вооруженія очень ярко выказываются слѣдующими двумя случаями, имѣвшими мѣсто въ сраженіи при Бувинѣ. Графъ Булонскій, командовавшій правымъ крыломъ союзной арміи, сражался съ большимъ ожесточеніемъ. Еще до начала боя онъ поставилъ отрядъ отборныхъ пѣшихъ копейщиковъ, въ два ряда, въ видѣ пустаго круга, внутри котораго расположился самъ. Для атаки онъ выходилъ изъ круга и бросался на непріятеля, а когда затѣмъ чувствовалъ себя утомленнымъ боемъ, то уходилъ назадъ въ кругъ, который, пропустивши его, смыкался и останавливалъ натискъ непріятельскихъ всадниковъ. Другой случай былъ слѣдующій: два сражавшихся между собой конныхъ отряда неожиданно остановились, какъ бы по взаимному соглашенію, и сняли шлемы, чтобы хоть немного отдохнуть и набраться свѣжаго воздуха.

Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ пѣхота должна была скоро занять подобающее ей положеніе. Одинъ фактъ съ графомъ Булонскимъ, когда кругъ пѣхоты служилъ ему защитой отъ нападенія тяжелыхъ всад-

никовъ, краснорѣчивѣе цѣлыхъ томовъ книгъ свидѣтельствуетъ о стойкости и дисциплинѣ пикинеровъ.

Остается еще прибавить, что ко времени упомянутаго сраженія Филиппъ Августъ имѣлъ пѣхотный отрядъ, до извѣстной степени правильно организованный и называвшійся sergents d'armes. Тоже названіе „sergents" было присвоено пѣхотнымъ коммунальнымъ войскамъ, которыя были гораздо лучше ленныхъ и которыми начальствовали дворяне. Имя servicus или sergent встрѣчается, впрочемъ, иногда только для обозначенія тѣлохранителей; но часто такъ называли всю военную силу, предводимую рыцарями, въ особенности тѣхъ, которые за ними сражались во второй линіи.

ГЛАВА III.

Время крестовыхъ походовъ.

1. Крестовые походы [1].

Въ концѣ XI стол., когда рыцарство уже было твердо установившимся учрежденіемъ, въ Европѣ произошло событіе, отразившееся на многіе годы въ исторіи, какъ въ этой части свѣта, такъ и въ Азіи.

Мы уже говорили о тѣсной связи религіи съ рыцарствомъ и о ея большомъ вліяніи на его развитіе. Возраставшіе рядомъ съ нимъ суевѣріе и фанатизмъ, овладѣвшіе всѣми классами, стремленіе къ военнымъ подвигамъ, составлявшимъ всю цѣль жизни для дворянства, учрежденіе и распространеніе рыцарства, положившаго конецъ мелкимъ войнамъ и распрямъ христіанскихъ государствъ, — все это наполнило Европу горючимъ матеріаломъ, готовымъ воспламениться отъ одной искры.

Какъ разъ въ это время Петръ Пустынникъ, мечтатель, съ энтузіазмомъ предавшійся имъ самимъ созданной идеѣ, обходилъ всѣ христіанскія государства, призывая къ крестовому походу для освобожденія Гроба Господня. По всей Европѣ скоро распространились разсказы о тѣхъ притѣсненіяхъ и насиліяхъ, которыя претерпѣвали смиренные пилигриммы, въ большомъ числѣ посѣщавшіе Святую Землю.

Папа Урбанъ II поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ и употребилъ все свое вліяніе, чтобы побудить рыцарство всѣхъ народовъ и странъ соединиться подъ знамена Церкви.

Скоро начали прибывать огромныя толпы, одушевленныя фанатизмомъ; споры между королями и сильными вассалами немедленно прекратились, и всѣ соединились въ одной цѣли: вести Священную войну противъ мусульманъ.

---

[1]) Michaud; Mackay; Hamley; Froissart;—Gibbon;—James, Life of Richard.

Вызванные этимъ воодушевленіемъ крестовые походы представляютъ самое выдающееся и оригинальное явленіе среднихъ вѣковъ и заслуживаютъ изученія, такъ какъ они, хотя и не имѣютъ прямого вліянія на развитіе военнаго искусства, но даютъ довольно ясное понятіе о существовавшемъ тогда способѣ веденія войны.

Первые крестоносцы состояли изъ совершенно недисциплинированнаго, отовсюду сбѣжавшагося сброда фанатиковъ изъ низшихъ классовъ, которые причинили болѣе вреда тѣмъ христіанскимъ землямъ, по которымъ они проходили, чѣмъ невѣрнымъ, которыхъ поклялись побѣдить.

Не имѣя никакой организаціи, безъ правильнаго способа продовольствованія и опредѣленныхъ средствъ для пропитанія, они начали свой путь нищенствуя, продолжали его грабя и воруя, и уже въ Венгріи на нихъ было произведено нападеніе обозленными мѣстными жителями, и большое число ихъ было перебито. Только сравнительно незначительное количество ихъ, подъ начальствомъ Вальтера Неимущаго и Петра Пустынника, продолжали путь и перешли Босфоръ; затѣмъ они вступили въ пререканія между собой, раздѣлились на части и были почти всѣ перебиты войсками султана Солимана.

Послѣ первыхъ крестоносцевъ двинулись въ Святую землю еще другія банды, грабя и разбойничая не хуже первыхъ, и всѣ потерпѣли ту же участь, такъ что ни одинъ изъ нихъ не дошелъ до Палестины.

Уже нѣсколько позже выступило на арену рыцарство, и во главѣ его — лучшіе и храбрѣйшіе рыцари того времени, взявшіе на себя руководство движеніемъ христіанства противъ невѣрныхъ, франковъ противъ турокъ. Готфридъ Бульонскій, Раймундъ Тулузскій, Робертъ Нормандскій, графъ Фландрскій и многіе другіе знаменитые рыцари собрали вокругъ себя цвѣтъ французскаго и итальянскаго дворянства и предприняли съ огромнымъ войскомъ первый организованный крестовый походъ; нѣмецкихъ и англійскихъ рыцарей участвовало въ немъ очень мало.

Крестоносцы двинулись разными дорогами, для облегченія продовольствія, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы всѣмъ отдѣльнымъ отрядамъ одновременно прибыть въ Константинополь. Эти мѣры рѣзко отличаютъ походъ рыцарей отъ дѣйствій ихъ предшественниковъ — народныхъ массъ, но тѣмъ не менѣе рыцари также не имѣли понятія о правильной организаціи продовольственной части въ арміи и о средствахъ ее упорядочить.

Въ то время войны продолжались очень недолго, и войска всегда имѣли возможность продовольствоваться на счетъ страны, гдѣ онѣ велись; поэтому войска не нуждались ни въ подвозахъ, ни въ устройствѣ магазиновъ. Слѣдствіемъ этого явленія оказывался всегда недостатокъ продовольствія, какъ только собиралась въ одномъ пунктѣ многочисленная армія для боя, осады и т. п. Тоже самое видимъ мы у крестоносцевъ, но только въ гораздо болѣе сильной степени, такъ какъ самая армія ихъ была гораздо

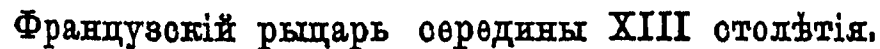
многочисленнѣе; затрудненія еще болѣе усилились съ достиженіемъ Малой Азіи, страны непріятельской, и гораздо большее число людей погибло отъ лишеній и голода, чѣмъ отъ меча сарациновъ.

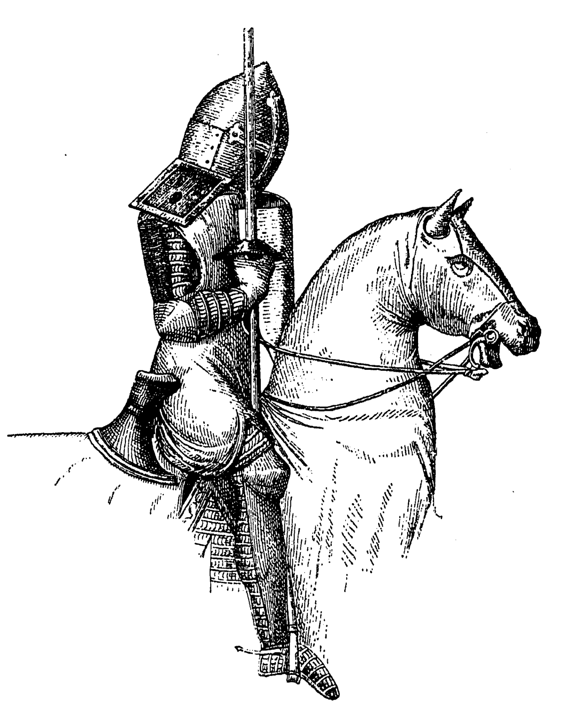
По словамъ современныхъ писателей, войско Готфрида и другихъ представителей въ этомъ походѣ состояло изъ 100.000 чел. конницы и 500.000 чел. пѣхоты.

Собственно боевой силой могла считаться только конница, такъ какъ пѣхота состояла изъ недисциплинированныхъ и необученныхъ массъ народа, негодныхъ ни для боя въ открытомъ полѣ, ни для осады городовъ.

Все войско было раздѣлено на отряды по націямъ, и каждая изъ послѣднихъ имѣла въ лагерѣ свой особый кварталъ. Рыцари имѣли кольчуги, шлемы, копья, мечи, кинжалы, палицы, луки и арбалеты; пѣхотинцы только пращи и большіе щиты.

Сарацины сражались преимущественно верхомъ и умѣли отлично стрѣлять изъ лука. Они придерживались образа дѣйствій древнихъ пар-


Французскій рыцарь середины XIII столѣтія.


Переходъ отъ кольчугъ къ сплошнымъ латамъ во Франціи 1300 г.

ѳянъ, безпрестанно насѣдая на противника и покрывая его массой стрѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не доводя дѣла до рукопашнаго боя.

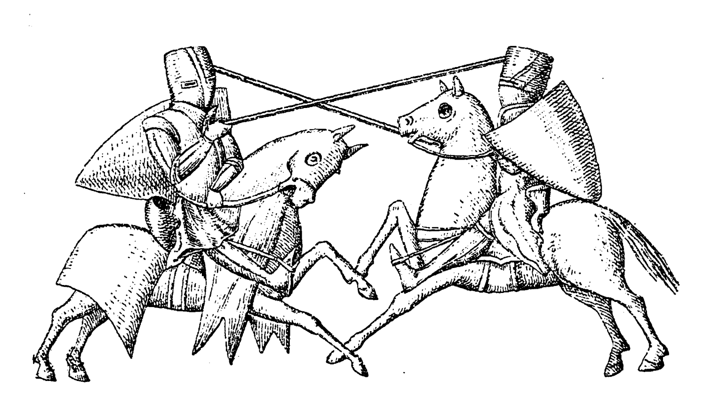
Большая быстрота ихъ лошадей давала имъ значительныя преимущества при подобной тактикѣ, такъ какъ сильная жара и тяжелое вооруженіе

Французскій рыцарь середины XIII столѣтія.

Переходъ отъ кольчугъ къ сплошнымъ латамъ во Франціи 1300 г.

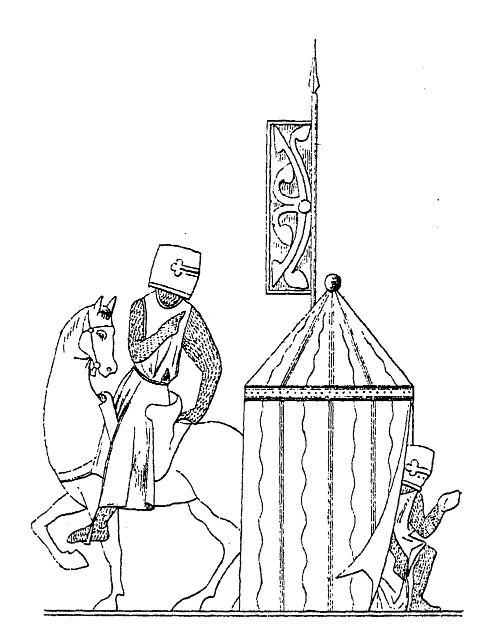
дѣлали противниковъ ихъ положительно неспособными къ сколько нибудь значительнымъ усиліямъ.

Разница между обѣими конницами вполнѣ опредѣляется словами: „тяжелый“ и „легкій“. Христіанская конница была тяжелой въ полномъ и настоящемъ значеніи этого слова. Она была страшна силой своей сомкнутой атаки съ опущенными пиками, а въ рукопашномъ бою никто не могъ устоять, одинъ на одинъ, передъ ихъ могучими ударами мечомъ, палицей или сѣкирой.

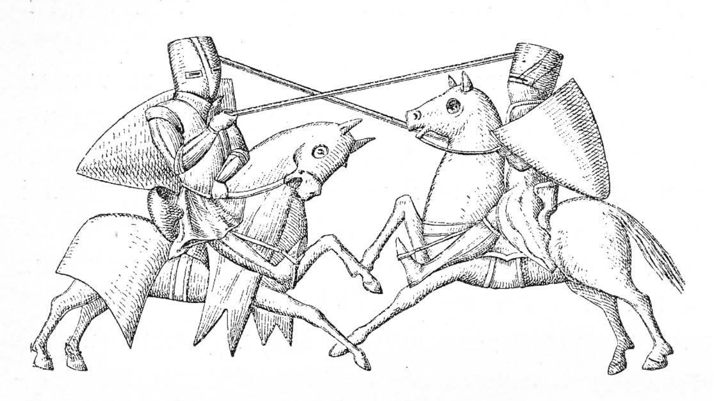


Германскіе рыцари въ кирасахъ 1260 г.

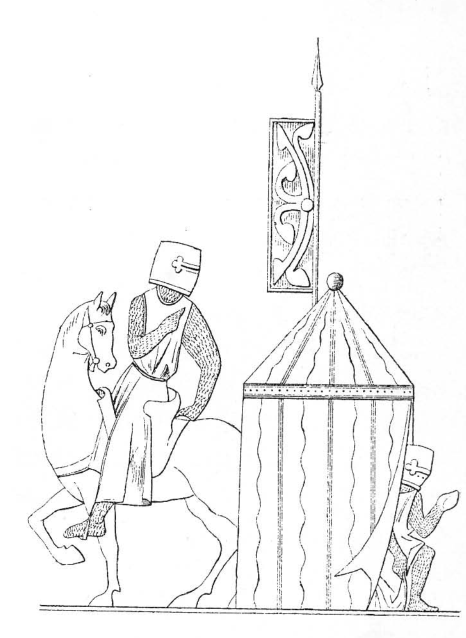
Сарацины, напротивъ того, были великолѣпной легкой конницей, какъ по снаряженію, такъ и въ особенности по способности къ быстрымъ передвиженіямъ. Они одинаково ловко владѣли своими кривыми саблями, дротиками и стрѣлами. Ихъ кольчуги, такія же какъ и у рыцарей, предохранявшія ихъ отъ ударовъ не хуже кольчугъ крестоносцевъ, были, вслѣдствіе превосходной обработки матеріала, гораздо легче и гибче, а слѣдовательно и лучше. Дѣйствительно, эти восточныя кольчуги, богато отдѣланныя золотомъ и др. украшеніями, были образцомъ оружейнаго искусства. Шлемъ, снабженный стрѣлой для защиты носа и султаномъ изъ перьевъ или волоса, былъ также очень легокъ и богато изукрашенъ золотомъ. Щитъ употреблялся небольшой, круглой формы и съ остріемъ посрединѣ. Всѣ простые воины были лучниками. Сарацины очень скоро переняли употребленіе копій. Они, конечно, не могли выдержать тяжелаго натиска рыцарей и поэтому вначалѣ постоянно терпѣли пораженія, но впослѣдствіи примѣнились и не давали себя атаковать; живые, поворотливые они охватывали то одинъ флангъ, то другой, налетали, отходили назадъ, будучи все время наготовѣ воспользоваться



Изъ лагеря крестоносцевъ 1240 г.



Германскіе рыцари въ кирасахъ 1260 г.



Изъ лагеря крестоносцевъ 1240 г.

первымъ удобнымъ случаемъ; безукоризненно владѣвшіе конями и саблями, они скоро научились отбивать пики и наносить смертельные удары рыцарямъ въ незащищенныя мѣста.

Такимъ образомъ, хотя численность крестоносцевъ была очень велика, хотя личная храбрость и обученіе рыцарей стояли на очень высокой степени совершенства и вся масса въ своемъ воинственно-религіозномъ возбужденіи была доведена до фанатизма, — тѣмъ не менѣе результаты походовъ оказались далеко ниже ожидаемыхъ, и успѣхъ далеко не соотвѣтствовалъ понесеннымъ лишеніямъ и потерямъ. Крестовые походы краснорѣчиво доказываютъ необходимость правильной организаціи, строгой дисциплины и единовластія на войнѣ.

Идея рыцарства до такой степени овладѣла въ то время умами европейскихъ народовъ, что рыцари, гордые своей принадлежностью къ такому высокому военному ордену, не допускали и мысли о существованіи рядомъ съ нею другой военной силы — пѣхоты. Вслѣдствіе этого за войскомъ неповоротливымъ и неудобоуправляемымъ, составленнымъ исключительно изъ тяжелой конницы, тянется огромная безпорядочная масса, не приносящая никакой пользы, а только увеличивающая затрудненія по доставкѣ продовольствія и стѣсняющая движеніе боевой силы.

Служба на конѣ до такой степени все поглотила, и пѣшая масса была до того безполезна, что рыцари должны были взять на себя атаку и оборону крѣпостей, веденіе всѣхъ необходимыхъ при этомъ работъ и даже постройку машинъ и службу при нихъ.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться для того пѣшими копейщиками и лучниками, вмѣсто того, чтобы оставлять сопровождавшія ихъ пѣшія массы гарнизонами въ завоеванныхъ странахъ, рыцари только ослабляли свою боевую силу посылкой отрядовъ тяжеловооруженныхъ всадниковъ для охраненія городскихъ стѣнъ.

Врядъ-ли есть служба, требующая менѣе тактическаго искусства и предварительнаго обученія, чѣмъ оборона крѣпости, особенно въ средніе вѣка, когда артиллеріи не было, а осадныя машины были очень слабы.

Если, несмотря на это рыцари брали на себя оборону, то это обстоятельство доказываетъ лучше всего, до какой степени господствовало убѣжденіе, что одна только конница способна нести службу, какого бы рода она ни была.

Осада Никеи соединила все христіанское войско передъ этимъ городомъ, причемъ значительную помощь оказали присоединившіеся къ крестоносцамъ греки; здѣсь-же примѣнены были всѣ машины, еще извѣстныя римлянамъ. Рыцари спѣшились и усердно принялись за осадныя работы, причемъ высшіе вожди несли тѣ же обязанности, какъ и простые солдаты. Сначала произведено было нѣсколько штурмовъ, но они всѣ были отбиты, несмотря на блестящую храбрость атакующихъ, несмотря даже на необыкновенные подвиги Готфрида Бульонскаго и Раймунда, двухъ наиболѣе

выдающихся вождей, которые сражались во главѣ своего войска и лично стрѣляли изъ арбалетовъ.

При этой же осадѣ мы встрѣчаемъ употребленіе минъ и притомъ съ большимъ успѣхомъ; помощью одной изъ нихъ Раймундъ сдѣлалъ подкопъ подъ одну изъ главныхъ башенъ города и разрушилъ ее; это произвело такое ошеломляющее впечатлѣніе на гарнизонъ, что городъ на слѣдующій же день сдался греческому Императору, въ надеждѣ не быть разграбленнымъ крестоносцами запада.

Осада Антіохіи имѣла тотъ же своеобразный характеръ, какъ и осада Никеи, съ той только разницей, что первая скорѣе должна быть названа блокадой; мы видимъ рыцарей, занятыхъ преимущественно фуражировками, отраженіемъ, вылазокъ гарнизона и попытокъ извнѣ освободить крѣпость.

Въ это время крестоносцы пришли, наконецъ, къ сознанію необходимости пѣхоты и безполезности слѣдующей за ними толпы бродягъ.

Изъ нихъ начали формировать пѣхотный отрядъ, который очень скоро съумѣлъ сдѣлаться страшнымъ для сарацинъ. Нищіе и мародеры, приставшіе къ христіанскому войску, отовсюду были привлечены къ осаднымъ работамъ и отданы подъ команду особаго офицера, получившаго названіе короля бродягъ.

Они получали за свою службу плату изъ общей казны и, когда пріобрѣтали средства для покупки одежды и оружія, то были принуждены вступать въ ряды регулярнаго войска. Этимъ путемъ изъ вредныхъ для дѣла бродягъ были получены очень порядочныя вспомогательныя войска.

Хотя осада Антіохіи продолжалась уже болѣе 7 мѣсяцевъ, все-таки крестоносцы еще долго можетъ быть не овладѣли бы городомъ, если-бы не измѣна одного офицера антіохійскаго гарнизона, по имени Фира, который выразилъ готовность сдать одну изъ городскихъ башенъ Боэмунду Тарентскому. Въ условленное время она была занята 60 рыцарями, за которыми слѣдовало еще большое число пѣхотинцевъ, вѣроятно спѣшенныхъ рыцарей,—и городъ былъ взятъ. Вооруженіе рыцарей, какъ кажется, и здѣсь состояло изъ копей и мечей.

При осадѣ Іерусалима мы опять видимъ стремленіе поручать всѣ важныя задачи исключительно рыцарямъ. Послѣ перваго приступа, окончившагося неудачей, пришлось обратиться къ осаднымъ работамъ и къ постройкѣ необходимыхъ машинъ, какъ къ единственному средству взять такую сильную крѣпость.

Недостатокъ системы въ продовольствованіи арміи причинилъ и здѣсь крестоносцамъ большія лишенія и потери. Генуэзскій флотъ, прибывшій какъ разъ въ это время въ Яффу съ большими запасами продовольствія, вооруженія и снаряженія и привезшій много генуэзскихъ инженеровъ и плотниковъ, доставилъ наконецъ главное, въ чемъ нуждалась армія, и этимъ поднялъ духъ и довѣріе крестоносцевъ. Рыцари и бароны принялись съ

новыми силами за осадныя работы и энергично помогали простымъ рабочимъ въ постройкѣ машинъ и башень. Послѣднихъ было построено 3; онѣ были сдѣланы выше городскихъ стѣнъ и имѣли три этажа: нижній — для рабочихъ и два слѣдующихъ — для рыцарей и воиновъ, которые могли, при помощи подъемнаго моста, перейти на стѣны. Метательные снаряды бросались съ башень и съ поля. Арбалетчики и пращники дѣйствовали непрерывно. Всѣ три башни были двинуты одновременно къ городскимъ стѣнамъ; отряды рыцарей съ штурмовыми лѣстницами пытались въ тоже время въ разныхъ мѣстахъ взобраться на стѣны. Готфридъ съ братомъ Евстафіемъ и Балдуиномъ-дю-Бургъ сталъ на верхней платформѣ одной изъ башень, окруженный рыцарями, которые бросали тучи дротиковъ въ городъ. Всѣ прочіе вожди: Раймундъ, Танкредъ, герцогъ Нормандскій и графъ Фландрскій сражались въ переднихъ рядахъ. Послѣ двухъ дней безплоднаго боя башня Готфрида приблизилась настолько къ городской стѣнѣ, что можно было спустить мостъ; рыцари бросились къ нему, овладѣли стѣной и спустились за сарацинами въ улицы. Вслѣдъ за тѣмъ крестоносцы ворвались въ городъ со всѣхъ сторонъ, и началась страшная рѣзня, гдѣ никому не было пощады.

Всѣ приведенныя описанія осадъ Никеи, Антіохіи и Іерусалима показываютъ совершенное отсутствіе военнаго искусства въ эту эпоху; какъ мы уже говорили, все возлагалось исключительно на рыцарей, слѣдствіемъ чего являлась совершенно напрасная трата полезной боевой силы.

Сарацины, подобно крестоносцамъ, предпочитали конную службу, и ихъ войско состояло преимущественно изъ конницы. Въ сраженіи при Дорилеумѣ во Фригіи, въ арміи Солимана числилось приблизительно отъ 200.000 до 350.000 всадниковъ. Они были вооружены длинными татарскими луками, кривыми саблями и дротиками и сражались издали, гарцуя кругомъ противника и пуская въ него массу стрѣлъ. Пока лошади ихъ были свѣжи и колчаны полны, они имѣли очевидное преимущество и только послѣ продолжительнаго и отчаяннаго боя, въ которомъ пало отъ турецкихъ стрѣлъ около 4.000 рыцарей, фланговая атака Раймунда Тулузскаго рѣшила дѣло въ пользу христіанъ.

Въ сраженіи при Антіохіи войско султана мосульскаго Кербоги, атакованное крестоносцами, состояло изъ 100.000 всадниковъ и 300.000 пѣхотинцевъ, по другимъ источникамъ вся его численность доходила до 600.000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. Крестоносцы были сильно ослаблены лишеніями и потерями, которыя они понесли, какъ при осадѣ Антіохіи, такъ и позже, когда сами были въ ней осаждены турками; изъ 60.000 рыцарей, подошедшихъ къ Антіохіи, едва осталось 200 человѣкъ конныхъ, способныхъ къ бою; самъ предводитель ихъ Готфридъ Бульонскій долженъ былъ занять лошадь, чтобы быть въ сраженіи верхомъ. Вслѣдствіе этого рыцари вынуждены были сражаться пѣшкомъ, но сохранили свое

обыкновенное вооруженіе. Они двинулись впередъ въ 12 отдѣленіяхъ и были тотчасъ же атакованы турками, которые, пустивъ массу стрѣлъ, налетѣли на нихъ съ яростью, но были стойко и твердо встрѣчены, причемъ рыцари сами ворвались въ ихъ ряды.

У сарацинъ, не носившихъ вообще тяжелаго вооруженія, былъ въ этомъ сраженіи отрядъ изъ 3.000 всадниковъ, закованныхъ въ стальныя латы и вооруженныхъ палицами. Этотъ отрядъ дѣйствовалъ прекрасно и внесъ ужасъ и смятеніе въ ряды христіанъ. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя, въ которомъ отчаяніе и, во время возбужденный однимъ изъ предводителей религіозный энтузіазмъ, довели мужество крестоносцевъ до высшей степени, они разбили сарацинъ, овладѣли ихъ лагеремъ со всѣми запасами и перебили около 100.000 человѣкъ.

Султанъ Саладинъ имѣлъ оба рода конницы: тяжелую и легкую; при немъ состоялъ отрядъ тѣлохранителей изъ 1.000 мамелюковъ, которые имѣли полное предохранительное вооруженіе и поверхъ него носили шелковыя туники шафрановаго цвѣта; самъ султанъ носилъ такое же одѣяніе. Впрочемъ большая часть конницы была легкой; она положительно не могла выдержать атаки закованныхъ въ желѣзо крестоносцевъ, предводимыхъ отважнымъ Ричардомъ Львиное сердце. Поэтому сарацины приняли тактику пареянъ противъ Красса, но христіанское войско состояло преимущественно изъ конницы, и кольчуги рыцарей вполнѣ защищали ихъ отъ стрѣлъ. Ричардъ поступилъ очень ловко: онъ продолжалъ держать свое войско въ сомкнутомъ строю и избѣгалъ боя, пока ему не удалось заманить противника близь Ассура на равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами и лѣсами; тогда онъ, во главѣ своихъ англійскихъ дворянъ и всего войска, стремительно бросился на ошеломленныхъ сарацинъ и прорвалъ ихъ боевой порядокъ; куда только достигали удары его меча, все падало или обращалось въ бѣгство. Множество сарацинъ было перебито и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, они были разбиты на голову, причемъ понесли громадныя потери.

Рыцарство достигло въ это время своего высшаго развитія и никогда оно не имѣло въ своихъ рядахъ болѣе храбраго рыцаря и вообще болѣе выдающагося предводителя, чѣмъ Ричардъ Львиное сердце.

Послѣ цѣлаго ряда крестовыхъ походовъ, въ 1248 г. французскій король Людовикъ IX Святой повелъ сильное войско въ Египетъ. Подробности высадки, произведенной около Даміетты, очень интересны. Отрядъ рыцарей подъ командой Жуанвиля, Балдуина Реймскаго и графа Яффскаго, достигнувшій берега раньше другихъ, выстроилъ боевой порядокъ, чтобы прикрыть высадку прочихъ. Сарацинская конница немедленно атаковала ихъ, чтобы отбросить въ море. Рыцари, лошади которыхъ еще не были высажены, приняли очень своеобразное и вполнѣ подходящее построеніе: они сомкнулись какъ можно тѣснѣе, поставили передъ собой на песокъ свои щиты

Салладинъ.

Салладинъ.

и уперли на ихъ верхній край копья, образовавъ такимъ образомъ непроницаемую стѣну, передъ которой мусульманскіе всадники должны были повернуть кругомъ. Подъ прикрытіемъ этой горсти высадка прочихъ частей была произведена безъ малѣйшей потери и промедленія.

Хотя крестовые походы продолжались въ теченіе 250 лѣтъ [1]), и въ нихъ принимали участіе всѣ европейскіе народы, хотя они стоили 2.000.000 человѣческихъ жизней и многихъ милліоновъ денегъ, тѣмъ не менѣе мы нигдѣ не найдемъ, чтобы они оказали хотя малѣйшее вліяніе на развитіе военнаго искусства, хотя недостатки въ дѣйствіяхъ такъ сильно поражающихъ насъ своею несообразностью и отсутствіемъ тактики, постоянно давали себя чувствовать, но не было сдѣлано никакой попытки ихъ устранить. Замѣчательной чертой крестовыхъ походовъ является именно отсутствіе хотя бы одного выдающагося преобразователя, который бы исправилъ недостатки въ арміяхъ крестоносцевъ и организовалъ бы ихъ такъ, чтобы обезпечить имъ успѣхъ. Никогда можетъ быть необходимость реформы всей системы не была такъ очевидна, никогда войска не платились за свои недостатки такъ наглядно и горько, никогда, наконецъ, не было болѣе широкаго поля дѣйствій для генія, но несмотря на такую настоятельную необходимость въ реорганизаторѣ, онъ не появлялся, и это можетъ быть лучшее доказательство того подавляющаго вліянія, которое рыцарство оказывало на умы людей всѣхъ сословій.

Затѣмъ, хотя крестовые походы и доказали вполнѣ осязательно затруднительность дѣйствій конницы на всякой мѣстности и невозможность выполненія ею одной всѣхъ задачъ, выпадающихъ на войско въ военное время, —но прошло еще много лѣтъ и было дано много сраженій, пока пѣхота получила опять подобающее ей мѣсто.

Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ эпохѣ возрожденія пѣхоты, остановимся на конницѣ народовъ, не участвовавшихъ въ крестовыхъ походахъ, такъ какъ она, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ вниманія.

2. Конница русскихъ и поляковъ въ періодъ крестовыхъ походовъ. Нашествіе монголовъ и т. д. [2]).

Страна, гдѣ жили сарматы, была мало извѣстна грекамъ и римлянамъ; о ней имѣлись только разсказы какъ о странѣ, гдѣ царствовала постоянная ночь, и т. п. басни. Позже имѣются о ней свѣдѣнія только отъ тѣхъ народовъ, которые проходили по ней во время своихъ переселеній. Вслѣдствіе этого очень трудно составить себѣ ясное понятіе объ ея народонаселеніи и его нравахъ и обычаяхъ.

---

[1]) Съ 1096 г. по 1270 г. выходитъ всего 174 г. *В. Сухомлиновъ.*

[2]) Karamsin; — Ammianus Marcelinus; — Huysshe, Red River Expedition; — Gibbon; — Salvandy; —Alison; — Coyer, Hist. de Sobiesky; — Bardin; — Zeddler; — Gudim Lewkowitsch; — Michad Nolan.

Мы можемъ найти нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи сарматской конницы въ IV в. у Амміана Марцеллина. Она составляла главную часть войска; какъ предохранительное вооруженіе носили латы (изъ пластинокъ лошадинаго копыта, нашитыхъ на шерстяную одежду), достаточно защищавшія отъ ударовъ дротика или меча; затѣмъ она была вооружена длинными копьями, большими луками и короткими кинжалами. Недостатокъ желѣза вынуждалъ дѣлать наконечники изъ рыбьихъ костей, причемъ они пропитывались ядомъ. При набѣгахъ каждый всадникъ имѣлъ одну или двухъ заводныхъ лошадей, на которыхъ садился въ случаѣ усталости той, на которой ѣхалъ, — черезъ что пріобрѣталась возможность пробѣгать съ большой быстротой огромныя разстоянія и появляться совершенно неожиданно въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Нормандскіе морскіе короли, которые предпринимали походы на всѣ части западной Европы и побѣдоносно прошли по Франціи, Апуліи, Неаполю и Сициліи, показались также и въ Россіи, и въ 862 г. Рюрикъ, нормандскій или варяжскій князь, положилъ основаніе славянскому или русскому государству.

Въ 906 г. Олегъ, правитель государства во время малолѣтства Игоря, сына Рюрика, объявилъ войну грекамъ. Онъ собралъ большое войско изъ славянъ и варяговъ и двинулся въ путь, причемъ пѣхота ѣхала по Днѣпру на 2.000 маленькихъ лодокъ, а конница шла по берегу. Этотъ способъ передвиженія вполнѣ соотвѣтствуетъ образу дѣйствій норманновъ, — большихъ любителей моря. На порогахъ лодки перетаскивались волокомъ. Совершенно подобное мы видимъ въ новѣйшее время въ Канадѣ, во время экспедиціи генерала Ульслея въ 1870 г. на Красную рѣку. Здѣсь 1.200 солдатъ и почти такое же число лодочниковъ сдѣлали такимъ образомъ болѣе 1.000 верстъ, везя съ собой всѣ необходимые запасы, причемъ въ 47 мѣстахъ приходилось лодки и запасы перетаскивать на рукахъ. Другого пути, однако, не было, такъ какъ все пространство на большое разстояніе по обоимъ берегамъ рѣки было покрыто густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Очень можетъ быть, что подобное же обстоятельство вынудило и Олега избрать путь по рѣкѣ.

Историки умалчиваютъ о томъ, допустили-ли конницу безпрепятственно пройти черезъ Болгарію къ Константинополю, но, весьма вѣроятно, что она шла по берегу Чернаго моря и находилась въ окрестностяхъ Константинополя, когда Олегъ подступилъ къ городу; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что всѣ его окрестности были опустошены и сожжены на очень далекое разстояніе кругомъ, и, вѣроятно, это было дѣломъ рукъ конницы. Греки не завязывали сраженія и откупились большой суммой денегъ.

Говорятъ, что Олегъ предпринималъ еще другой походъ на грековъ, но умалчиваніе о немъ греческихъ историковъ дѣлаетъ извѣстіе это довольно

*

сомнительнымъ; во всякомъ случаѣ никакихъ подробностей объ этомъ второмъ походѣ не имѣется.

Въ 941 г. Игорь сдѣлалъ высадку на берега греческой имперіи, но потерпѣлъ пораженіе и понесъ большія потери отъ греческаго огня, который бросался въ его войска изъ многочисленныхъ трубокъ и машинъ.

Два года спустя Игорь съ большимъ числомъ конницы и пѣхоты предпринялъ вторично походъ противъ грековъ, но въ этотъ разъ Императоръ предпочелъ купить миръ большими подарками. Въ 1043 г. походъ Ярославля, правнука Игоря, противъ Константинополя также кончился неудачно, отчасти вслѣдствіе бури, отчасти вслѣдствіе того же греческаго огня.

Благодаря норманнамъ были введены многія существенныя улучшенія въ тактику славянъ. Эти послѣдніе сначала сражались подобно скиѳамъ, въ безпорядочныхъ массахъ, норманны же раздѣлили все войско на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое строилось отдѣльно и имѣло свое знамя. Они же ввели въ употребленіе трубы для подачи сигналовъ при перестроеніяхъ и для возбужденія духа при атакѣ, которая стала производиться сомкнутыми частями. При войскѣ имѣлась обученная конница, состоявшая частью изъ коренного населенія, частью изъ чужихъ наемниковъ. При движеніяхъ высылались впередъ, для охраненія, отряды, такъ что войска были обезпечены отъ нечаянныхъ нападеній. Люди постоянно обучались, какъ всѣмъ перестроеніямъ, такъ и бою. Русскіе носили изъ предохранительнаго вооруженія: латы, наручники и большіе шлемы, а изъ наступательнаго употребляли копья, луки и обоюдоострые мечи.

Войско подраздѣлялось на отдѣленія по 1.000 чел. въ каждомъ, подъ командой тысяцкихъ; дальнѣйшія подраздѣленія были: сотни съ сотниками и десятки съ десятниками во главѣ.

Отрядъ тѣлохранителей князя составлялся изъ отборныхъ воиновъ; онъ долженъ былъ служить примѣромъ всему войску въ храбрости и всѣхъ прочихъ военныхъ доблестяхъ. Князь начальствовалъ всѣмъ войскомъ, помощниками его были воеводы. Варяги составляли совершенно отдѣльный отрядъ и получали, кромѣ извѣстной части въ добычѣ, еще и постоянную плату. Бой, обыкновенно, завязывался лучниками.

Воины надѣвали вооруженіе передъ самымъ боемъ; на походѣ оно возилось на повозкахъ. Противники часто пользовались этимъ обычаемъ для нечаянныхъ нападеній на беззащитное войско.

Польскія войска состояли, въ теченіе многихъ столѣтій, исключительно почти изъ конницы и притомъ отличной. Аллодіальная система продолжала еще долго держаться въ Польшѣ послѣ того, какъ она во всей прочей Европѣ была уже замѣнена ленной. Вся нація состояла, какъ и до новѣйшаго времени, изъ одной большой общины всѣхъ свободныхъ земельныхъ владѣльцевъ, или дворянъ, которые ревниво охраняли свое право

обсуждать лично на собраніяхъ всѣ вопросы. Эти дворяне, появлявшіеся на собраніяхъ всегда верхомъ, съ богатымъ оружіемъ, въ дорогомъ мѣховомъ платьѣ, составляли законодательную власть въ мирное время и воинскую силу въ военное. Они выбирали короля на собраніи всѣхъ аллодіальныхъ владѣльцевъ и такъ дорожили правами свободнаго лица и не терпѣли ограниченій, что для рѣшенія всѣхъ вопросовъ требовалось полное единогласіе. Эти гордые рыцари смотрѣли съ презрѣніемъ на всякаго рода дѣятельность, кромѣ военной службы, которая одна считалась подходящей для дворянина. При этомъ ихъ стремленіе къ равенству было такъ велико, что у нихъ совсѣмъ не существовало наслѣдственныхъ должностей, и каждое мѣсто могло быть только пожизненнымъ.

Все вооруженіе польскаго дворянина было всегда великолѣпно изукрашено. Оно состояло изъ кинжаловъ и саблей съ насаженными на нихъ драгоцѣнными каменьями, щитовъ, дорогой, артистической работы, сѣкиръ съ серебряными насѣчками и украшеніями изъ смарагдовъ и сапфировъ, луковъ и стрѣлъ. Лошади часто были совершенно закованы въ желѣзо, и каждый рыцарь, въ подражаніе римскимъ воеводамъ, носилъ кольцо, какъ знакъ принадлежности къ рыцарскому братству.

Въ составъ войска входили весьма различные элементы: войска національныя — небольшой отрядъ регулярныхъ войскъ, получившій снаряженіе и довольствіе отъ республики; посполитое или всеобщее ополченіе всѣхъ свободныхъ гражданъ или дворянъ верхомъ; вооруженные слуги и, наконецъ, наемники, большею частью изъ нѣмцевъ.

Почти всѣ эти части служили на коняхъ. Тяжелая конница составляла главную силу войска, она дѣлилась на кирасиръ и гусаръ и была извѣстна подъ именемъ товарищей, такъ какъ они всѣ были равны между собой и съ королемъ, который былъ только primus inter pares (первый между равными) и потому всегда обращался къ нимъ со словомъ „товарищъ“.

Кирасиры имѣли предохранительное вооруженіе и шлемы изъ стали, копья, сабли и луки; гусары носили кольчуги и дѣйствовали преимущественно саблей; позже они имѣли даже таковыхъ двѣ: одна носилась на лѣвомъ боку всадника, а другая была прикрѣплена съ лѣвой же стороны къ сѣдлу. Какъ кирасиры, такъ и гусары отличались прекраснымъ вооруженіемъ и снаряженіемъ, были всегда очень богато одѣты въ мѣхахъ и шкурахъ и имѣли огромное количество прислуги.

Образъ дѣйствій польской конницы имѣлъ, какъ кажется, нѣкоторое сходство съ образомъ дѣйствій прочихъ рыцарей Западной Европы: дворяне или товарищи составляли первую линію, свита или слуги — вторую и должны были оказывать всякую помощь своимъ господамъ. Позже польскіе гусары строились въ эскадроны по 100 человѣкъ по фронту; сзади стояла свита изъ легкихъ всадниковъ въ четырехъ шеренгахъ. Зедделеръ

говоритъ, что гусары имѣли копья длиной въ 19 футъ, съ разноцвѣтными знаками на концахъ.

Уже въ самомъ древнемъ періодѣ русской исторіи встрѣчается слово „дружина“. Это было нѣчто въ родѣ отряда тѣлохранителей, набиравшихся изъ высшихъ классовъ и состоявшихъ на содержаніи князя. Они имѣли очень выдающееся положеніе, такъ какъ составляли въ мирное время совѣтъ князя, а въ военное — отборный отрядъ. Сначала дружины пополнялись исключительно варягами, но впослѣдствіи въ нихъ стали принимать тѣхъ туземцевъ, которые отличились особымъ мужествомъ и силой. Позже появились двѣ дружины: старшая, состоявшая изъ бояръ или дворянъ, и младшая (дворъ) — изъ прочихъ классовъ; изъ младшей произошли также дворяне. Эти дружины встрѣчаются только въ Россіи. Дружинники были въ постоянномъ общеніи съ княземъ, и всѣ отношенія ихъ имѣли совершенно личный характеръ и не были нисколько связаны ни съ той землей, откуда они пришли, ни съ той, гдѣ находились; это могло происходить отъ слабаго экономическаго развитія народовъ, составлявшихъ русское государство, вслѣдствіе чего русскіе не имѣли склонности къ владѣнію землей и постоянному жительству на одномъ мѣстѣ. Содержаніе дружинъ производилось или реквизиціями, или изъ имущества князя. Въ концѣ XII столѣтія князья начали получать осѣдлость, и тогда дружинникамъ было дано право пріобрѣтать землю. Въ военное время въ помощь дружинѣ нанимались конные отряды варяговъ, печенѣговъ и торковъ; всѣ они были конные.

Въ началѣ XIII столѣтія въ Россію и Восточную Европу вторглись полчища монгольскихъ всадниковъ, подъ предводительствомъ сына Чингизъ-Хана, и произвели страшное опустошеніе и раззореніе по всему пространству, гдѣ только проходили.

Эти дикія орды татарскихъ всадниковъ уже прошли почти по всей Азіи, проникли въ Китай и покрыли кровью все пространство отъ Тихаго океана до Чернаго моря, разрушая государства и разграбляя жителей.

Чингизъ-Ханъ ввелъ у монголовъ военную систему, которая, давая имъ вездѣ побѣду, доказываетъ его талантъ полководца и организатора. Все его войско, состоявшее исключительно изъ конницы и вооруженное луками, саблями и желѣзными палицами, было раздѣлено на отдѣленія въ 100, 1.000 и 10.000 человѣкъ. Данныя объ общей численности всего войска просто баснословны и несомнѣнно очень преувеличены. Всѣ сраженія, данныя въ Европѣ, кажутся мелкими стычками, если ихъ сравнить съ тѣми, которыя имѣли мѣсто на равнинахъ Азіи. Говорятъ, что въ битвѣ на равнинѣ къ сѣверу отъ Яксарта участвовало 700.000 чел. монголовъ у Чингизъ-Хана и 400.000 чел. у Магомета, султана каризмійскаго, котораго владѣнія простирались отъ Персидскаго залива до границъ Индіи и Туркестана; изъ его войска пало въ битвѣ 150.000 чел.

По смерти Чингизъ-Хана, сынъ его Октай, раззоривъ предварительно Китай, рѣшилъ произвести вторженіе въ страны, лежащія на западъ отъ его владѣній. У него было всего $1^1/_2$ милліона воиновъ. Онъ далъ изъ нихъ 500.000 своему племяннику Батыю и приказалъ ему въ 1235 году идти на западъ. Въ 6 лѣтъ эта масса прошла разстояніе равное $^1/_4$ части земнаго экватора. За войскомъ слѣдовалъ огромный обозъ и стада, а равно и семейства, которыя жили въ палаткахъ. Рѣки они или переходили по льду, или переплывали, а для перевозки повозокъ и вещей пользовались кожаными лодками. Воины дѣйствовали преимущественно стрѣлами и старались издали перебить ими враговъ. Ханы и прочіе вожди оставались сзади и оттуда руководили своими людьми съ помощью заранѣе условленныхъ сигналовъ. Татары, кромѣ луковъ, имѣли большія сабли, копья съ крыльями и плетеные щиты. Продовольствовались они охотой и мясомъ слѣдовавшаго за ними скота. Лѣтомъ они шли на сѣверъ и останавливались около рѣкъ и озеръ; зимой возвращались на югъ и располагались за горами, защищавшими ихъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Ежегодно происходило верхомъ собраніе всего народа, гдѣ раздѣлялись пастбища, объявлялись законы и рѣшались дѣла.

Татары были крайне воинственны; ихъ любимое занятіе была война, главнымъ стремленіемъ слава.

Ихъ расположеніе лагеремъ въ мирное время и охота имѣли также военный характеръ. Они были великолѣпные наѣздники и почти все время проводили въ сѣдлѣ, на которомъ даже часто ѣли и спали. По быстротѣ и ловкости движеній они превосходили всѣхъ своихъ противниковъ. Они были всего опаснѣе, когда обращались въ бѣгство, такъ какъ оно было часто притворное и вело за собой полное пораженіе воображаемаго побѣдителя. Вообще они прибѣгали очень часто къ разнаго рода хитростямъ; жестокость ихъ была ужасна. Будучи совершенно незнакомы съ искусствомъ укрѣпленія и обороны городовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ отлично умѣли строить самыя большія осадныя машины и вести всѣ осадныя работы.

Калмыкъ.

Одежда ихъ была самая простая; шкуры ихъ стадъ доставляли имъ очень прочный и теплый матеріалъ. Кочующая жизнь ознакомила ихъ совсѣми трудностями продолжительнаго движенія и потому ни высокія горы, ни широкія рѣки, ни глубокія пропасти не составляли для нихъ серьезныхъ препятствій. Дисци-

Калмыкъ.

плина у нихъ была строгая, послушаніе вождямъ полное; порядокъ, въ которомъ они исполняли всѣ передвиженія, несмотря на свою многочисленность, приводилъ противниковъ въ изумленіе.

Они заключали миръ только съ побѣжденными врагами. Кто бѣжалъ съ поля сраженія или бросалъ товарищей въ опасности, подвергался смертной казни.

Въ Кіевскомъ княжествѣ узнали о приближеніи первой монгольской орды отъ половцевъ, которые бѣжали передъ ней со своими семействами и скотомъ. Русскіе князья немедленно собрали многочисленное войско и на берегахъ Днѣпра на голову разбили передовой отрядъ монгольскій; успѣхъ этотъ долженъ быть приписанъ ловкости и храбрости лучниковъ.

Тамерланъ.

Воодушевленные побѣдой русскіе переправились черезъ рѣку навстрѣчу врагу. Черезъ 9 дней они встрѣтили монголовъ на берегу рѣки Калки, и 31 мая 1223 г. здѣсь произошла рѣшительная битва, въ которой русскіе потерпѣли полное пораженіе, отчасти вслѣдствіе измѣны половцевъ, которые не только покинули мѣсто боя, но и бросились грабить своихъ союзниковъ русскихъ, отчасти же вслѣдствіе многочисленности и ловкости непріятельской конницы. Татарскіе историки говорятъ, что монголы выманили русскихъ въ открытую степь, гдѣ они были совершенно беззащитны противъ конныхъ лучниковъ и гдѣ они должны были сражаться нѣсколько дней сряду. Пораженіе русскихъ было едва-ли не самое ужасное изъ всѣхъ, ими испытанныхъ, и такъ-же ужасно было несчастіе, постигшее страну вслѣдствіе этого пораженія. Побѣдители преслѣдовали побѣжденныхъ съ страшнымъ ожесточеніемъ, и только $^1/_{10}$ часть русскаго прекраснаго и многочисленнаго войска успѣла спастись.

Послѣ этой битвы монголы пропали на нѣсколько лѣтъ, но въ 1237 г. появились опять, подъ начальствомъ того-же Батыя, разгромили князя Рязанскаго Юрія и взяли Рязань, разбили Великаго Князя Всеволода при Коломнѣ, сожгли Москву и перерѣзали всѣхъ ея жителей. Таже участь постигла Владиміръ, Городецъ, Галичъ, Ростовъ и много другихъ городовъ, жители которыхъ были перебиты или уведены въ рабство. Наконецъ, въ 1240 г. послѣ отчаяннаго боя и геройскаго сопротивленія Кіевъ также попалъ въ руки монголовъ и этотъ прекрасный городъ былъ совершенно разрушенъ и стертъ съ лица земли, и прошло много времени, пока началъ строиться на этомъ мѣстѣ другой городъ.

По завоеваніи Россіи Батый двинулся въ Польшу и Германію, раз-

Тамерланъ.

зоряя и уничтожая все на своемъ пути. Люблинъ, Варшава, Краковъ были разрушены; на всемъ пространствѣ отъ Карпатъ до Балтійскаго моря поля были потоптаны татарскими конями, деревни — сожжены. Герцогъ Силезскій, польскіе палатины и гросмейстеръ нѣмецкаго ордена соединились, чтобы дать отпоръ монголамъ, но были на голову разбиты на Лигницкихъ равнинахъ, близь Вальштата, 9 апрѣля 1241 г.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этой битвѣ.

Польское войско состояло изъ тяжелой конницы, привыкшей дѣйствовать преимущественно ударомъ, шокомъ. Герцогъ Генрихъ Добрый и графъ верхнесилезскій Мечиславъ раздѣлили войско на пять корпусовъ, причемъ вполнѣ правильно оставили часть въ резервѣ. Какъ кажется, вообще въ этомъ бою обѣ стороны понимали всю важность резерва при кавалерійскомъ столкновеніи.

Дѣло началось энергичной атакой праваго крыла поляковъ противъ лѣваго монголовъ; она была сначала удачна, такъ какъ легковооруженные монголы не могли выдержать удара тяжелой польской конницы. Татары начали отступать, затѣмъ поворотили назадъ, атаковали уже потерявшихъ разбѣгъ и силу удара поляковъ и отбросили ихъ на резервы, но послѣдніе поспѣшили на помощь, опрокинули монголовъ и бросились ихъ преслѣдовать. Тутъ, по словамъ польскихъ историковъ, неожиданно „произошло колдовство“: поляки обратились въ бѣгство. Вѣрнѣе думать, что этотъ результатъ былъ достигнутъ остановкой татаръ и возобновленіемъ ими атаки на разстроеннаго преслѣдованіемъ противника. Непривыкшіе къ подобной тактикѣ, пораженные ноожиданностью, неповоротливые рыцари были безъ труда опрокинуты и прогнаны на прежнія свои мѣста.

Герцогъ Генрихъ, какъ кажется, опытный полководецъ, имѣлъ еще резервъ, который онъ самъ повелъ въ дѣло. Монголы, не выждавъ его удара, прибѣгли къ прежней тактикѣ, а затѣмъ, разстроивъ всѣ силы поляковъ, Батый ударилъ на нихъ съ послѣдними еще сохранившимися у него резервами и прогналъ съ поля сраженія.

Эта битва положила конецъ движенію монголовъ на западъ [1]); встрѣтивъ такое сильное сопротивленіе, они, хотя и побѣдители, не осмѣлились идти дальше въ прежнемъ направленіи, повернули на югъ, перешли Карпаты и наводнили Венгрію. На этомъ ихъ движеніи не представляется интересныхъ эпизодовъ, касающихся дѣйствій кавалеріи.

---

[1]) Батый былъ отозванъ въ Азію, вслѣдствіе смерти великаго хана Октая.

В. Сухомлиновъ.

Глава IV.

Упадокъ ленной системы и начало регулярной конницы, 1290—1445 гг.

1. Слѣдствія крестовыхъ походовъ [1]).

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что крестовые походы не имѣли замѣтнаго вліянія на военное искусство, но, надо сказать, что если они и не повліяли непосредственно, то, тѣмъ не менѣе, они косвеннымъ путемъ произвели значительныя перемѣны въ военномъ, политическомъ и общественномъ строѣ Европы.

Прежде всего крестовые походы нанесли сильный ударъ феодализму. Насколько установленія ленной системы были приспособлены для мелкой борьбы двухъ сосѣднихъ владѣльцевъ или маленькихъ государствъ, настолько онѣ оказались несостоятельными при войнѣ между большими королевствами. Продолжительность службы, которою вассалъ былъ обязанъ своему владѣльцу, простиралась до сорока дней. Этого времени было, пожалуй, достаточно, чтобы произвести разбойничій набѣгъ или сжечь какой нибудь городъ, но его было слишкомъ мало для серьезнаго похода или осады.

Обстоятельство это сильно ослабляло могущество князей и дѣлало для нихъ невозможнымъ обширныя завоеванія; вмѣстѣ съ тѣмъ оно ставило ихъ въ постоянную зависимость отъ болѣе сильныхъ вассаловъ. Еще въ началѣ, когда борьба между различными владѣльцами происходила очень часто, связь между ними и ихъ вассалами, вызванная общими интересами, была очень тѣсна. Но позже, когда королевская власть значительно усилилась, вассалы перестали чувствовать необходимость охраненія ихъ владѣльца и обязанности по отношенію къ нему стали имъ казаться тяжелыми.

Рыцарство, какъ братство, должно было само по себѣ имѣть вліяніе на окончаніе мелкихъ распрей и вражды; тоже вліяніе оказали и крестовые походы, указавъ путь воинственнымъ наклонностямъ того времени и соединивъ все христіанство въ общей борьбѣ съ мусульманствомъ. Вассалы слѣдовали за своими господами уже не по обязанности, возложенной на нихъ ленными отношеніями, а скорѣе въ качествѣ добровольцевъ или искателей приключеній, причемъ болѣе богатые рыцари заботились о своихъ болѣе неимущихъ товарищахъ. Затраты, вызванныя крестовыми походами, совершенно раззорили многія дворянскія семейства, такъ какъ пришлось продавать земли, чтобы пріобрѣсти средства или на снаряженіе своихъ воиновъ, или на уплату обязательствъ по возвращеніи.

---

[1]) Hallam, Middle Ages; — Bardin; — Boutell; — Menzel.

Такимъ образомъ, за тѣ 250 лѣтъ, впродолженіе которыхъ длились крестовые походы, ленная система должна была пошатнуться подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Королевская власть чрезвычайно усилилась, значеніе и могущество знати очень ослабѣло, а средніе классы поднялись и разбогатѣли. Города, все усиливавшіеся населеніемъ и богатствомъ, скоро поняли свою силу и значеніе по отношенію къ дворянамъ, находившимся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; они добились различныхъ правъ и преимуществъ, частью просто силой, частью покупкой, иногда по очень дорогой цѣнѣ, у нуждавшихся въ деньгахъ ленныхъ владѣльцевъ. Какъ короли, такъ и бароны давали общинамъ льготныя грамоты; обыкновеніе это въ концѣ XIII столѣтія распространилось почти по всей Франціи. Итальянскіе города получили свободу еще раньше. Затѣмъ короли, чтобы воспользоваться могуществомъ городовъ при постоянной своей борьбѣ съ знатными баронами, взяли вольныя общины подъ свое покровительство и защищали ихъ отъ ленныхъ владѣльцевъ. Такъ Филиппъ-Августъ Французскій далъ охранныя грамоты общинамъ, зависѣвшимъ въ сущности отъ нѣкоторыхъ бароновъ, а наслѣдникъ его Людовикъ VIII взялъ на себя верховную власть надъ всѣми городами, получившими льготныя грамоты съ изъятіемъ этихъ городовъ изъ власти прежнихъ владѣльцевъ.

Свобода и безопасность, которыми пользовались жители городовъ, побуждали многихъ поселяться въ нихъ; такимъ образомъ число городскихъ жителей все возрастало, города получили такую силу, что стали содержать свои собственныя войска и самостоятельно заключать союзы съ различными государствами.

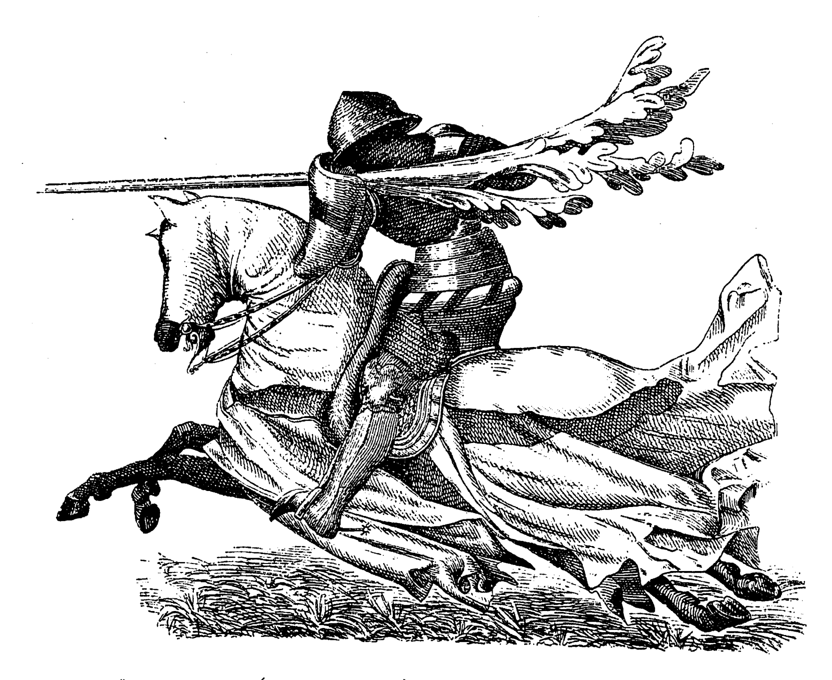
Хотя все вышесказанное имѣло характеръ скорѣе политическій, чѣмъ военный, тѣмъ не менѣе всѣ эти перемѣны имѣли большое вліяніе на состояніе военнаго искусства и на взаимное отношеніе конницы и пѣхоты. Мы видѣли, что крестовые походы пошатнули феодальные принципы и вмѣстѣ съ тѣмъ дали развиться мысли о преимуществахъ добровольной службы за жалованье передъ безусловно обязательной. Обстоятельства, при которыхъ происходили крестовые походы, должны были дать этотъ результатъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возраставшее могущество королей дало имъ возможность понемногу замѣнить прежнія войска ленныхъ владѣльцевъ своими собственными наемниками, и это было сдѣлано ими тѣмъ охотнѣе, что наемныя войска были болѣе дисциплинированы, чѣмъ своевольные и непослушные рыцари.

Войны Англіи при Генрихѣ II и Ричардѣ I въ Нормандіи и другихъ частяхъ Франціи, очевидно, не могли быть ведены съ воинами, собранными на 40 дней. Поэтому, разъ призванные подъ знамена люди удерживались долѣе назначеннаго срока съ уплатой имъ за излишнее время извѣстной суммы и вмѣстѣ съ тѣмъ леннымъ владѣльцамъ было дано

право откупаться отъ службы; пріобрѣтенныя такимъ путемъ деньги употреблялись королями на наемъ людей, добровольно шедшихъ служить продолжительное время.

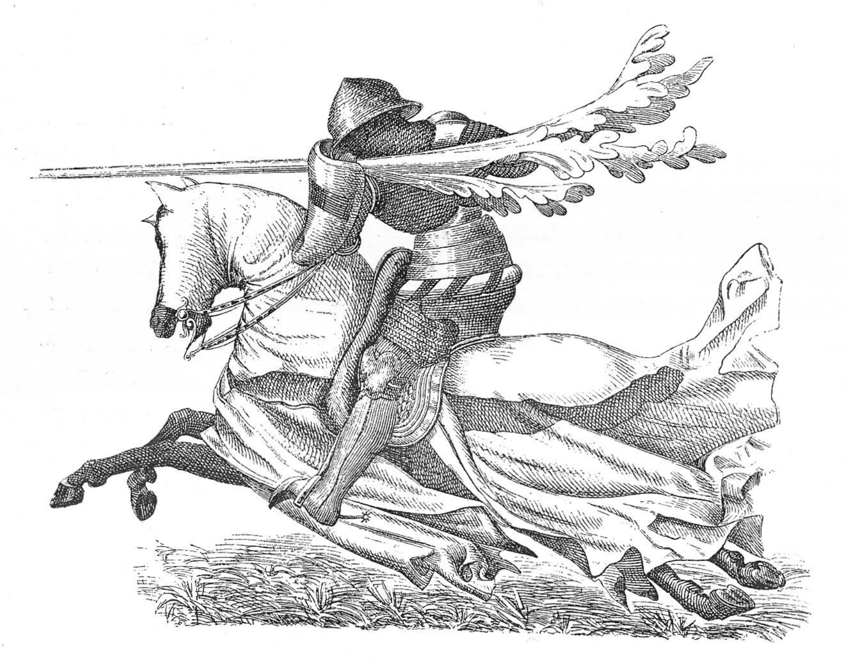
Города, поставленные въ необходимость содержать войска, скоро убѣдились, что они не въ состояніи выставлять того числа конницы, которое могли имѣть ленные владѣльцы, имѣвшіе землю. Поэтому они стали набирать много пѣхоты, составленной изъ свободныхъ ремесленниковъ и работниковъ, защищавшихъ свое достояніе и свои права. Это было первымъ шагомъ къ поднятію значенія пѣхоты. Во время рыцарства она не



Рыцарь въ желѣзномъ шлемѣ (Eisenhut, chapel) съ небольшимъ щитомъ (écu) и развѣвающимся длиннымъ рукавомъ (Langärmel, manche).

только пополнялась людьми низшаго класса, но для нея было очень трудно даже найти предводителей, такъ какъ всѣ воины признавали подходящей для себя только службу въ конницѣ, а пѣхотную считали недостойной дворянства. Поэтому пѣхота представляла безпорядочныя, нестройныя массы, безъ удовлетворительныхъ начальниковъ и необученныя никакой службѣ. Когда же она начала пополняться свободными гражданами, выступившими для защиты своихъ правъ и достоянія, то, очевидно, на ея вооруженіе и обученіе стали обращать полное вниманіе, и она начала играть роль на поляхъ сраженія.

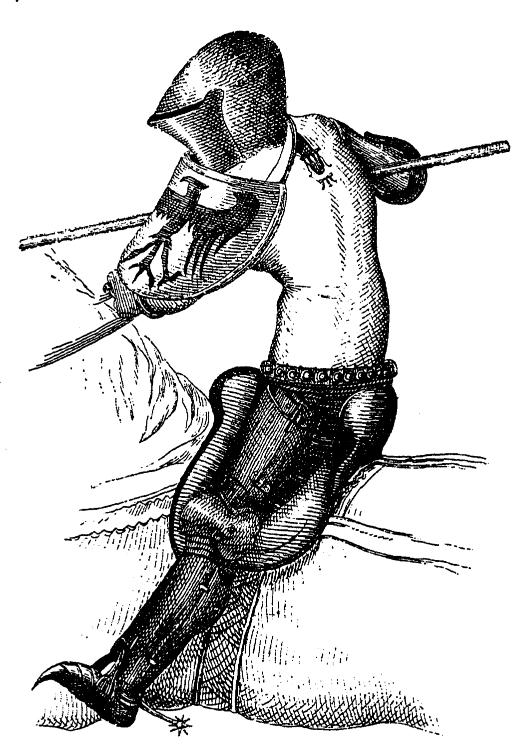
Въ то же время въ вооруженіи рыцарей и жандармовъ были произведены измѣненія, съ цѣлью поддержать прежнее превосходство конницы надъ пѣхотой. Такъ одно время наступательное оружіе стало одерживать



Рыцарь въ желѣзномъ шлемѣ (Eisenhut, chapel) съ небольшимъ щитомъ (écu) и развѣвающимся длиннымъ рукавомъ (Langärmel, manche).

верхъ надъ предохранительнымъ. Кольчуга недостаточно защищала противъ копья, такъ какъ, если она не разрывалась и не ломалась, то все же рыцарь сильно страдалъ отъ самаго удара. Латы тоже плохо защищали отъ наносимыхъ сверху ударовъ палицей или сѣкирой. Даже противъ арбалетовъ кольчуга была далеко не всегда дѣйствительна.

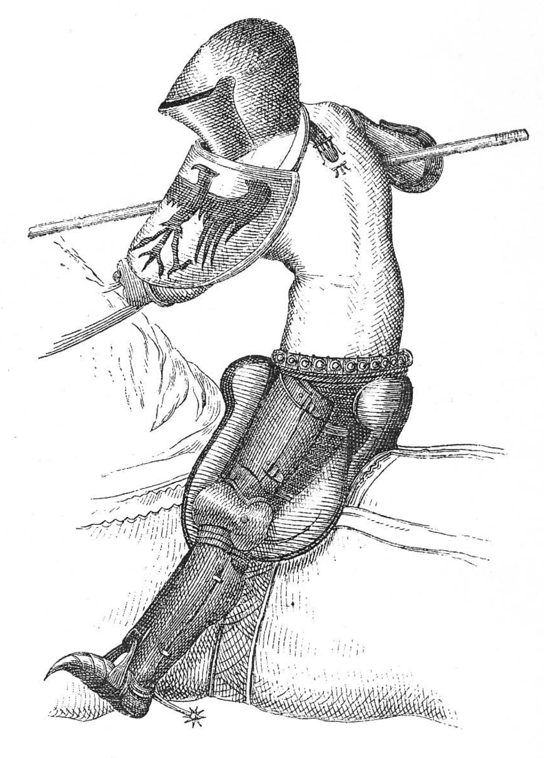
Всѣ эти обстоятельства принудили сдѣлать измѣненія въ вооруженіи. Сначала стали одѣвать поверхъ кольчуги чешуйчатую броню на болѣе открытыя мѣста тѣла. Затѣмъ появились наручники, наножники, наколѣнники, налокотники и наплечники, и въ теченіе большей части XIV столѣтія было въ общемъ употребленіи смѣшанное вооруженіе изъ кольчугъ и чешуйчатыхъ латъ; послѣднія постепенно вытѣсняли кольчуги и къ концу столѣтія вытѣснили окончательно. Однако до конца XVI ст. кольчуги еще встрѣчаются въ единичныхъ случаяхъ какъ самостоятельное вооруженіе или подъ кирасами. Броня достаточно защищала отъ наступательнаго оружія до изобрѣтенія пороха, но съ постепеннымъ улучшеніемъ огнестрѣльнаго оружія пришлось сдать все предохранительное вооруженіе въ архивъ. Однако до этого, тотчасъ по введеніи полнаго тяжелаго снаряженія, конница еще на время стала важнѣйшимъ родомъ оружія и съумѣла удержать за собой довольно долго это почетное мѣсто.



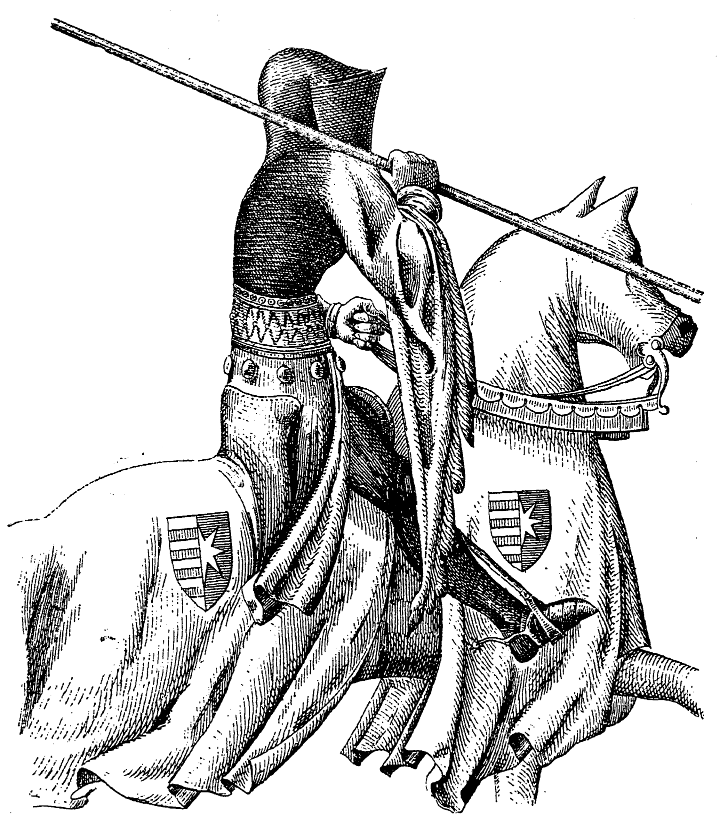
Рыцарское вооруженіе въ 1380 г.

Бросимъ теперь взглядъ на нѣкоторыя тактическія и техническія условія, которыя также имѣли замѣтное вліяніе на состояніе военнаго искусства и поднятіе пѣхоты.

Рыцари, бывшіе въ Палестинѣ, не могли не придти къ убѣжденію, что въ военное время бываютъ случаи, когда хорошо организованная и обученная пѣхота оказывается пригоднѣе тяжеловооруженныхъ рыцарей, причемъ содержаніе ея обходится гораздо дешевле. Къ тому же многіе рыцари, потерявшіе во время похода лошадей, принуждены были сражаться пѣшкомъ и убѣдились изъ собственнаго опыта, что для обороны, пѣшій бой гораздо пригоднѣе коннаго. Стоитъ только вспомнить приведенный выше примѣръ Людовика Святого, гдѣ отрядъ спѣшенныхъ рыцарей, раньше



Рыцарское вооруженіе въ 1380 г.


Рыцарское вооруженіе въ 1380 г.

другихъ высадившійся, отбилъ всѣ атаки мусульманской конницы и вполнѣ успѣшно прикрылъ высадку прочихъ частей.

Такъ какъ однако военное искусство въ то время не изучалось, и предвзятыя мысли о преимуществахъ рыцарства еще крѣпко держались, то всѣ стремившіеся къ боевой славѣ продолжали поступать въ его ряды и сражаться согласно съ установленными имъ обычаями еще очень долгое время, даже до середины XVI столѣтія. Это продолжалось и тогда еще, когда изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія должно бы было повліять на измѣненіе взглядовъ. Однако постепенно обстоятельства проложили путь новымъ взглядамъ, и, какъ кажется, измѣненію понятій много способствовала стоимость предохранительнаго вооруженія. Дѣйствительно, содержаніе самаго рыцаря, оруженосца и свиты стоило очень дорого. Поэтому вполнѣ понятно, что, когда короли начали заводить наемныя войска, то они составляли ихъ преимущественно изъ пѣхоты, какъ рода оружія менѣе дорогого и легче комплектуемаго.

Посадка рыцаря въ серединѣ XIV стол.

Итальянскіе города, кажется, первые начали заводить собственныя войска, нанимая для этой цѣли чужихъ солдатъ. Примѣръ этому подали въ 1057 г. Павія и Миланъ. Въ половинѣ XII стол. Миланъ

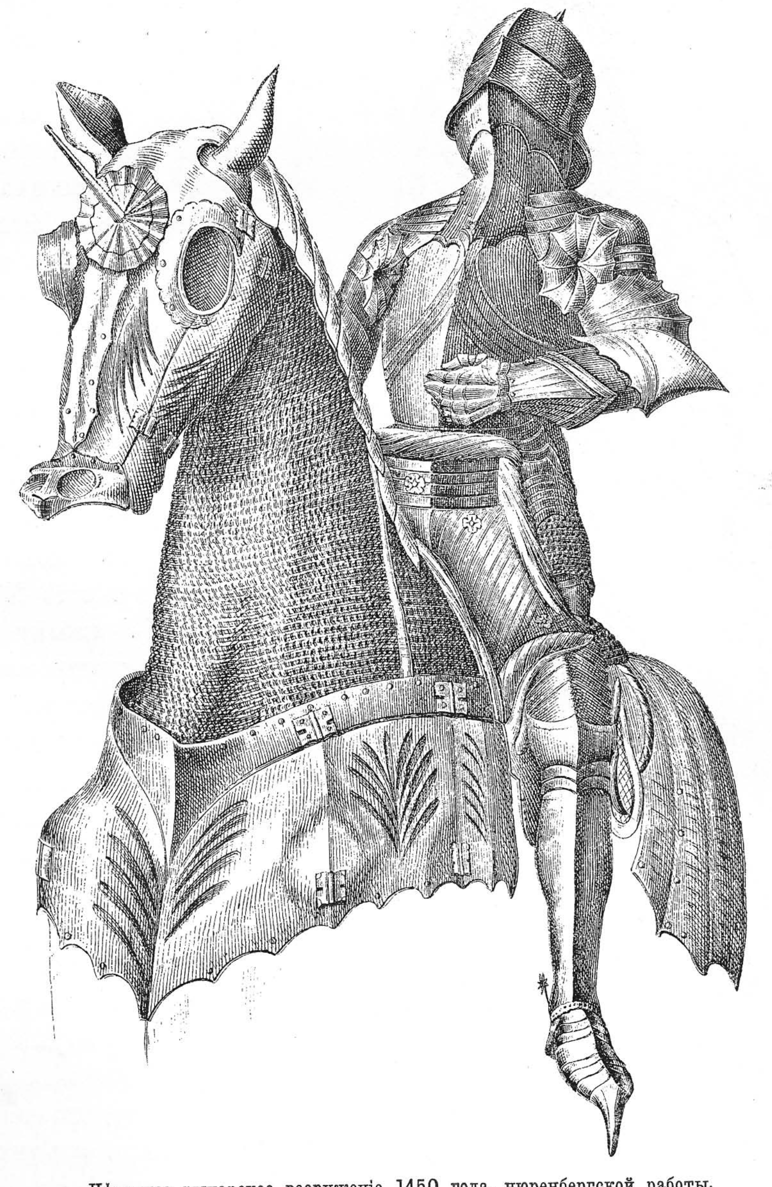
Рыцарское вооруженіе въ 1380 г.

Посадка рыцаря въ серединѣ XIV стол.

имѣлъ такое большое народонаселеніе, что превосходилъ столицы большихъ королевствъ. Къ тому же онъ былъ сильно укрѣпленъ и вслѣдствіе этого совершенно безопасенъ отъ нападеній вооруженныхъ разбойниковъ и феодальныхъ тирановъ. Ремесленники имѣли право носить оружіе, и военная орга-

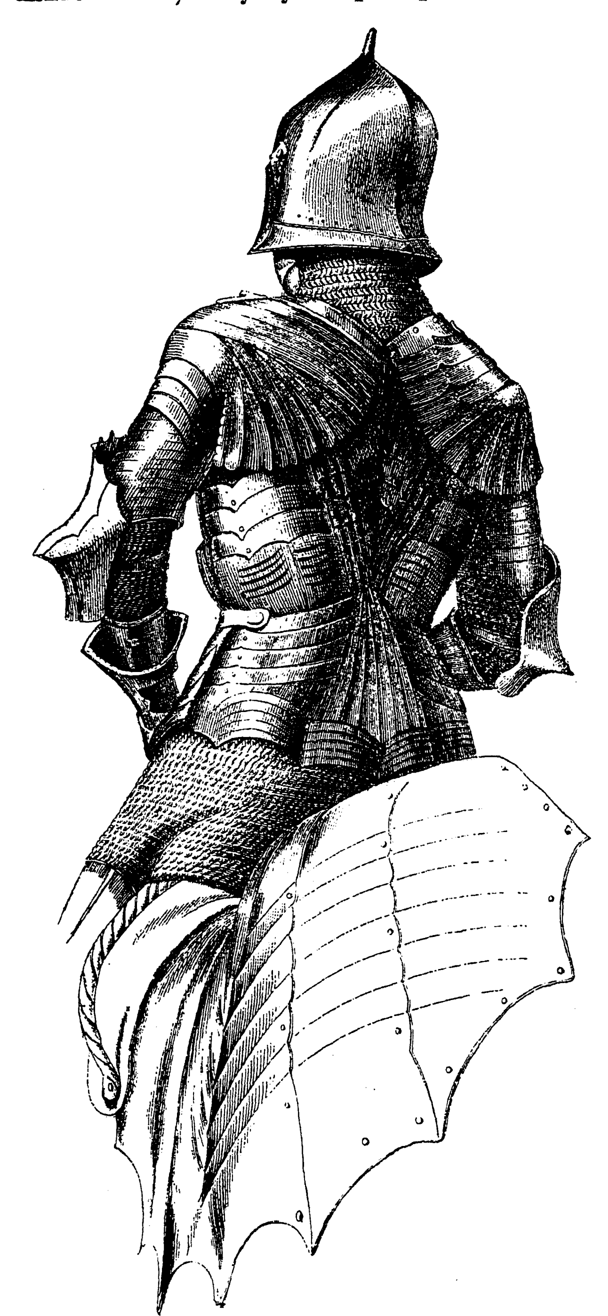
Нѣмецкое рыцарское вооруженіе 1450 года, нюренбергской работы.

низація основывалась на дѣленіи населенія по цехамъ и сословіямъ, которые имѣли свои знамена. Въ 1288 г. войско Милана состояло изъ 8.000 дворянъ, составлявшихъ тяжелую конницу, и 240.000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе: владѣнія же его не превосходили вѣроятно 40—45 кв. миль.



Нѣмецкое рыцарское вооруженіе 1450 года, нюренбергской работы.

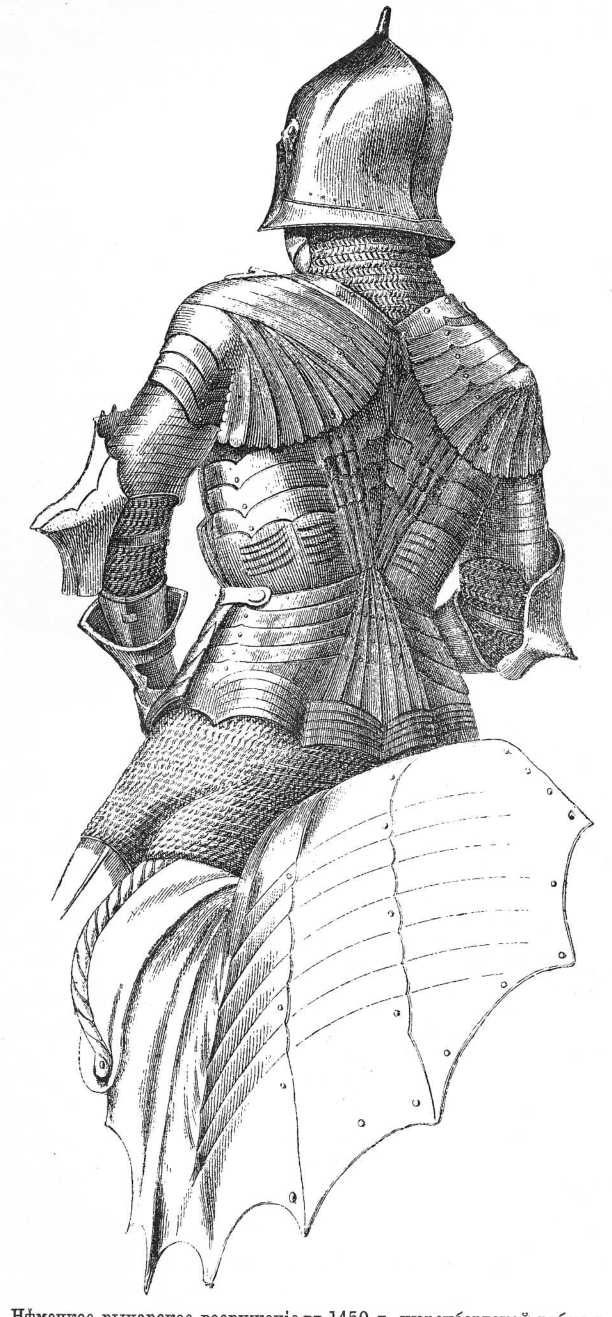
Могущество нѣмецкихъ городовъ было въ то время также очень велико. Жители ихъ, не уступая рыцарямъ въ храбрости и ловкости, превосходили


Нѣмецкое рыцарское вооруженіе въ 1450 г. нюренбергской работы.

ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ военныхъ познаніяхъ и обученіи, такъ какъ они сражались въ сомкнутомъ строю въ большемъ порядкѣ.

Хотя городская пѣхота была во всѣхъ странахъ гораздо выше феодальной, но все-таки она не была въ состояніи бороться съ успѣхомъ противъ тяжеловооруженныхъ рыцарей. Латы, вытѣснившія повсемѣстно въ это время кольчуги, совершенно предохраняли отъ ударовъ какъ копій, такъ и дротиковъ и стрѣлъ, такъ что вошедшіе въ составъ всѣхъ войскъ въ концѣ XIII и началѣ XIV столѣтія кирасиры были неуязвимы для городской пѣхоты.

Въ итальянскихъ городахъ, при частыхъ революціяхъ и борьбѣ партій, нерѣдко происходили столкновенія между конными жандармами и пѣшими ремесленниками или вообще простымъ людомъ. Если жандармамъ не удавалось неожиданно овладѣть улицами города, то сейчасъ же воздвигались баррикады, и тогда они ничего уже не могли подѣлать. Если же и удавалось кому нибудь завладѣть городомъ внезапнымъ нападеніемъ, то благодаря только тому, что онъ „объѣзжалъ городъ“, какъ тогда выражались, т. е. кавалерія нападающаго мчалась по всѣмъ улицамъ, чтобы не дать времени народу построить баррикады.



Нѣмецкое рыцарское вооруженіе въ 1450 г. нюренбергской работы.

Вышеприведенное выраженіе постоянно встрѣчается у писателей XIV столѣтія и даетъ понятіе объ относительномъ значеніи родовъ войскъ въ то время.

Организація городскихъ войскъ была очень проста, но цѣлесообразна. Цехи или гильдіи, на которые раздѣлялось населеніе, были вмѣстѣ съ тѣмъ и тактическими единицами, имѣвшими своего вождя и свое знамя. Архіепископъ миланскій Герибертъ ввелъ въ употребленіе въ 1039 г. особое собственное войсковое знамя или городскую хоругвь, называвшуюся карочіо, которая была какъ бы сборнымъ пунктомъ для всего войска. Она была водружена на окрашенной въ пурпуровый цвѣтъ повозкѣ и возилась при войскахъ. Обыкновенное отношеніе конницы къ пѣхотѣ колебалось между $^1/_6$ и $^1/_{10}$.

По мѣрѣ того какъ города становились богаче, жители ихъ все съ меньшей и меньшей охотой выходили на войну, и поэтому число наемныхъ войскъ все увеличивалось; войска стали не столь многочисленны, а отношеніе конницы къ пѣхотѣ измѣнилось въ пользу первой. Отчасти это произошло вслѣдствіе вышеуказанной неуязвимости конницы въ латахъ, главнымъ же образомъ вслѣдствіе улучшеній, которыя были введены въ тактику жандармовъ въ силу необходимости для борьбы съ наемными войсками, когда эти получили прочную организацію и были обучены и дисциплинированы. Понятно, что вольныя банды, составленныя изъ искателей приключеній, для которыхъ война была единственнымъ занятіемъ и которые были сравнительно хорошо дисциплинированы, должны были при маневрахъ въ полѣ и въ бою дѣйствовать съ бо́льшимъ порядкомъ и умѣньемъ, чѣмъ прежнія нестройныя толпы феодальныхъ войскъ.

2. Наёмныя войска[1].

Примѣненіе наемныхъ войскъ для замѣны или усиленія феодальныхъ было извѣстно гораздо ранѣе того, какъ стали нанимать банды солдатъ по ремеслу, которые продавали свои услуги тому, кто больше платилъ. Первоначально существовало обыкновеніе платить призваннымъ подъ знамена леннымъ войскамъ за все то время, которое они оставались на службѣ свыше положеннаго 40-дневнаго срока.

Нужно, впрочемъ, прибавить, что въ очень отдаленныя времена въ войскахъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и др. случалось, что солдаты получали постоянное жалованье. Такъ, еще въ началѣ XI столѣтія Канутъ В. Датскій имѣлъ такого рода гвардейскій отрядъ; у Гарольда II были, говорятъ, датскіе наемники. Войско Вильгельма Завоевателя, съ которымъ онъ покорилъ Англію, представляетъ особый примѣръ арміи, основанной на феодальныхъ началахъ. Оно состояло изъ трехъ частей:

[1]) Hallam; — Daniel; — James, Life of Richard II, — Boutaric; — De Cerceau, Life of Rienzi; — Machiavelli, Hist. of Florence.

одна получала постоянное жалованье, другая служила по леннымъ обязанностямъ и третья была привлечена на службу обѣщаніемъ извѣстной доли въ добычѣ въ случаѣ успѣха; всего было 60.000 человѣкъ. Послѣ побѣды при Гастингсѣ вся Англія была раздѣлена на извѣстное число участковъ, и многіе изъ нихъ были розданы воинамъ. Какъ Вильгельмъ I, такъ и сынъ его Вильгельмъ Рыжій продолжали пользоваться наемными войсками.

Въ войнахъ между Генрихомъ II англійскимъ и Филиппомъ-Августомъ французскимъ, наемныя войска составляли значительную часть обѣихъ армій; они назывались „брабансонами" и, если судить по названію, набирались въ Брабантѣ и Нидерландахъ. Части эти, распускаемыя по окончаніи войнъ, неохотно разставались со своимъ положеніемъ и, непривыкшіе къ работѣ, составляли въ мирное время банды, которыя грабили безъ сожалѣнія жителей деревень и маленькихъ городовъ, чтобы добыть средства къ существованію.

По словамъ Патера Даніила, Филиппъ Смѣлый платилъ феодальнымъ владѣльцамъ даже за время ихъ обязательной службы; по всей вѣроятности, это объясняется бѣдностью многихъ изъ нихъ, лишавшей ихъ возможности выполнять свои обязательства, особенно при сколько-нибудь отдаленныхъ предпріятіяхъ.

Наемные солдаты временъ Людовика Дитяти и Филиппа-Августа были воинами въ военное время, разбойниками — въ мирное. Однимъ изъ первыхъ походовъ послѣдняго былъ именно противъ нихъ и окончился полнымъ пораженіемъ этихъ бандъ, въ провинціи Берри. Разбойники потеряли около 7.000 убитыми. Число ихъ должно было быть однако очень велико, такъ какъ уже въ слѣдующую войну мы ихъ встрѣчаемъ въ большомъ числѣ опять, какъ у Филиппа-Августа, такъ и у Іоанна англійскаго. Предводитель брабансоновъ, состоявшихъ на службѣ у Филиппа-Августа, назывался Кадокъ; онъ получалъ на содержаніе своихъ людей ежедневно 1.000 ливровъ, — сумму, по тому времени весьма значительную и дающую нѣкоторое понятіе о многочисленности солдатъ.

Ричардъ Львиное сердце также имѣлъ въ своемъ войскѣ, во время послѣднихъ войнъ съ Франціей, значительное число брабансоновъ подъ командой извѣстнаго Мархадера или Мерхадеса. Однако только во время войны Эдуарда III съ Франціей организованныя наемныя войска стали занимать видное мѣсто въ европейскихъ арміяхъ. Все его войско было на жалованьи; онъ заключилъ договоръ съ людьми, пользующимися извѣстнымъ положеніемъ или вліяніемъ, которые набирали отряды и командовали ими, получая за каждаго солдата извѣстную, разсчитанную по днямъ плату. Плата эта была довольно значительна, изъ чего можно заключить, что въ копейщики и даже лучники шли средніе классы, мелкое дворянство и богатые фермеры.

Въ 1346 г. получали ежедневно: графы — 6 шил. 8 динар.[1]), бароны и баннергеры — 4 шил., рыцари — по 2 шил., оруженосцы — 1 шил., конные лучники и легкіе всадники — 6 д., пѣшіе лучники — 3 д. и валлійская пѣхота — 2 д. Чтобы получить соотвѣтственную сумму денегъ въ настоящее время, слѣдуетъ помножить эти числа на 25; полученная сумма показываетъ, что жалованье было хорошее.

Такая высокая плата была необходима, чтобы привлечь на службу лучшіе классы; этимъ путемъ получилась въ Англіи армія національная и, слѣдовательно, болѣе надежная, чѣмъ въ прочей Европѣ, гдѣ войска пополнялись преимущественно иноземцами; — такъ въ битвѣ при Креси Филиппъ французскій имѣлъ 15.000 генуэзскихъ арбалетчиковъ, остальная же часть его войска состояла изъ ленной милиціи, плохого качества и мало дисциплинированной.

Авантюристы того времени собирались къ какимъ-либо особо любимымъ военнымъ вождямъ и черезъ ихъ посредство продавали свою службу тѣмъ, кто хотѣлъ и могъ ихъ содержать. Ихъ услугами преимущественно пользовались вольные города и республики Италіи, и поэтому они оказали замѣтное вліяніе на исторію этой страны, хотя, нужно сказать, что они сумѣли стать въ тягость и другимъ государствамъ, напр. Франціи и Германіи. Шайки эти были извѣстны подъ разными наименованіями: брабансоновъ, котеро, рутьеровъ и т. д.; начальники ихъ въ Италіи назывались кондотьерами, каковое названіе иногда переносится, хотя и неправильно, на самыя шайки. Это было тяжелое время, какъ для народа, такъ и для князей, когда честную, хотя и малопригодную ленную милицію замѣнили наемники, въ большинствѣ иностранцы, и ихъ храбрость и искусство въ бою не окупали ихъ разбойническихъ подвиговъ въ мирное время.

Провинціи Франціи, приложившія послѣ битвы при Пуатье, всѣ усилія, чтобы освободиться отъ англійскаго владычества, облагали себя извѣстными взносами и на эти средства вербовали наемниковъ. Лангедокъ содержалъ 10.000 чел., въ томъ числѣ 5.000 тяжеловооруженныхъ жандармовъ, 1.000 конныхъ сержантовъ и 4.000 арбалетчиковъ и щитоносовъ. Достойно замѣчанія, что при этомъ случаѣ городскіе жители выговорили себѣ право поступать въ конныя части, до тѣхъ поръ пополняемыя исключительно дворянами, такъ что съ этихъ поръ войско состояло изъ дворянъ, средняго и низшаго сословія.

Въ вольныя банды искателей приключеній поступали преимущественно бѣдные дворяне и рыцари, не имѣвшіе наслѣдственной земли и незнавшіе никакого дѣла, кромѣ военнаго. Онѣ были всѣ конныя и состояли изъ рыцарей, оруженосцевъ и лучниковъ. Единственная страна, гдѣ эти банды не находили, повидимому, примѣненія, была Англія, хотя при войнахъ въ

---

[1]) Шиллингъ приблизительно 45 к., 1 динарій (пенсъ) примѣрно $3^3/_4$ коп.

чужихъ земляхъ въ войскахъ ея было очень много наемниковъ. Благодаря этому Англія была избавлена въ мирное время отъ грабежей уволенныхъ солдатъ. Напротивъ того во Франціи банды эти оставались собранными и въ мирное время, и, чтобы получать средства къ жизни, облагали жителей контрибуціей какъ въ завоеванной странѣ, отмѣчая свои передвиженія убійствами, грабежами и разрушеніями. Было сдѣлано много попытокъ къ уничтоженію ихъ, но въ теченіе очень долгаго времени онѣ были тщетны.

Наибольшаго значенія достигли вольныя банды въ Италіи; онѣ состояли преимущественно изъ нѣмцевъ, и поэтому мало интересовались тѣмъ дѣломъ, которому служили; главное для нихъ была высокая плата и богатая добыча. Поэтому онѣ переходили отъ одного къ другому безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и, какъ кажется, безъ вреда для ихъ репутаціи, хотя, правда, имъ въ этомъ смыслѣ нечего было и терять.

Въ рѣдко случавшееся тогда мирное время наемники впадали въ очень тяжелое положеніе. Не получая денегъ за свою службу, не имѣя надежды на добычу, вслѣдствіе прекращенія войны, они однако должны были добывать себѣ какимъ-либо образомъ пропитаніе.

Гуарнери, одинъ изъ начальниковъ бандъ, первый въ 1343 г. соединилъ подъ своей командой многочисленную, распущенную по окончаніи войны, наемную конницу. Онъ рѣшилъ продолжать собирать контрибуцію съ мирныхъ жителей и такимъ образомъ, не подвергаясь опасностямъ боя, содержать своихъ людей не хуже, чѣмъ въ военное время.

Съ этого времени подобнаго рода банды авантюристовъ сдѣлались на долгое время бичемъ и несчастіемъ Италіи. Въ 1353 г. родоскій рыцарь Монтреаль или Моріале, поссорившійся съ неаполитанскимъ королемъ, собралъ множество распущенныхъ солдатъ и дезертировъ со всей Италіи. Онъ рѣшилъ, и не безъ основанія, что если ему удастся изъ всѣхъ мелкихъ бандъ сдѣлать одно сильное войско бандитовъ, то вся Италія вынуждена будетъ повиноваться ему. Скоро къ нему собралось 1.500 извѣстныхъ своей храбростью жандармовъ и 20.000 чел. прочаго войска. Отрядъ этотъ составлялъ какъ бы странствующую республику, связанную общей опасностью и общимъ стремленіемъ къ грабежу. Города Тосканы и Романьи откупались отъ его нападеній огромными суммами. Самъ Монтреаль былъ впрочемъ скоро казненъ, по приказанію трибуна Ріенци, въ руки котораго онъ неосторожно попался, но дѣло его продолжалось и послѣ его смерти. Конрадъ Ландо принялъ вмѣсто него начальство надъ „Большою ротою", сила которой дошла до 20.000 чел., въ числѣ которыхъ было 5.000 кирасиръ.

Однимъ изъ предводителей вольныхъ бандъ, заслужившимъ наиболѣе извѣстности и славы, былъ англичанинъ сэръ Джонъ Гауквудъ, котораго писатели того времени часто неправильно называютъ Аукудъ или Агу-

тусъ. Онъ повелъ отрядъ наемниковъ, послѣ мира въ Бретаньи, въ Италію и впослѣдствіи былъ главнокомандующимъ войсками папы Урбана V. Онъ долженъ считаться первымъ генераломъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; это доказываетъ, что система наемныхъ солдатъ, посвящавшихъ всю свою жизнь военному дѣлу, имѣла большое вліяніе на пробужденіе научныхъ принциповъ въ веденіи военныхъ операцій и боя. Всѣ итальянскіе историки единогласно говорятъ съ удивленіемъ о ловкости Гауквуда въ управленіи боемъ, объ его военныхъ хитростяхъ и о замѣчательно выполненныхъ отступленіяхъ. Какъ кажется, до этого времени историки не имѣли никакого понятія о тактикѣ или стратегіи, и поэтому при описаніи сраженій дается мало подробностей. Гауквудъ былъ не только лучшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ кондотьеромъ изъ иностранцевъ. Въ 1379 г. Альберикъ-ди-Барбіано началъ нанимать въ солдаты туземцевъ, которые скоро вытѣснили иностранцевъ. Его „рота Св. Георгія" была школой для цѣлаго ряда хорошихъ полководцевъ, которые усовершенствовали военное искусство и положили основаніе военной наукѣ, получившей дальнѣйшее развитіе благодаря Тюренну, Фридриху Великому и Наполеону.

Прежде чѣмъ покончить съ наемными войсками, остается еще сказать нѣсколько словъ объ ихъ образѣ дѣйствій. Такъ какъ войска обѣихъ сторонъ состояли изъ наемниковъ, которые совсѣмъ не интересовались исходомъ войны и которыхъ взаимныя симпатіи были часто гораздо сильнѣе симпатій къ той сторонѣ, которую они защищали за деньги, то вполнѣ понятно, что они сражались безъ всякой охоты и часто дѣлали только видъ, что сражаются. Вслѣдствіе этого войны въ то время были сопряжены съ самой незначительной опасностью для участвовавшихъ въ нихъ; были рѣшительные, по словамъ итальянскихъ историковъ, упорные бои, въ которыхъ погибало даже у побѣжденныхъ самое незначительное число людей. Отчасти причиной этому было также хорошее предохранительное вооруженіе и желаніе забрать какъ можно больше плѣнныхъ, въ надеждѣ получить за нихъ хорошій выкупъ. Потери были такъ малы, что возбуждаютъ только смѣхъ. Маккіавелли говоритъ, что когда въ 1423 году флорентійская армія сняла осаду Фурли, чтобы идти на помощь Цагонарѣ, то „при первой же встрѣчѣ съ противникомъ, она была разбита, не столько благодаря храбрости противника, сколько вслѣдствіе плохой погоды, такъ какъ ей пришлось идти нѣсколько часовъ въ глубокой грязи подъ проливнымъ дождемъ и послѣ того встрѣтить совершенно свѣжаго непріятеля. Въ этомъ сильномъ пораженіи, вѣсть о которомъ быстро распространилась по всей Италіи, ни одинъ человѣкъ не погибъ, кромѣ Людовика-дель-Обици и двухъ его людей, которые упали съ лошадей и утонули въ болотѣ.—Рѣдкіе неудачники!

Онъ же разсказываетъ о битвѣ при Кастракаро, происшедшей въ 1467 г. между венеціанцами и флорентинцами, слѣдующее: „до этой битвы

произошло нѣсколько мелкихъ стычекъ между обѣими арміями; впрочемъ, сообразно съ обычаями того времени, ни одна изъ сторонъ не дѣйствовала наступательно, не осаждала городовъ и не давала случая къ генеральному сраженію; всѣ сидѣли по своимъ палаткамъ и вообще дѣйствовали поразительно трусливо“. Наконецъ произошла битва, длившаяся, согласно правиламъ, полдня. „Было нѣсколько раненыхъ лошадей, нѣсколько плѣнныхъ воиновъ, но убитыхъ не было ни одного“.

Этихъ примѣровъ, которые могли бы быть дополнены еще очень многими, совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, что потери въ итальянскихъ войскахъ XV столѣтія были самыя незначительныя. Впрочемъ нужно таки сказать, что копья, мечи и стрѣлы были совершенно безсильны противъ латъ и шлемовъ. Даже если рыцарь падалъ съ лошади, то нанести ему смертельную рану было очень трудно, и было гораздо выгоднѣе взять его въ плѣнъ и затѣмъ принудить заплатить большой выкупъ.

Мы довели описаніе наемныхъ войскъ до XV столѣтія для бóльшаго удобства читателя и чтобы разъ навсегда съ ними покончить. За это время въ разныхъ европейскихъ государствахъ появилась отличная пѣхота, которая вскорѣ стала оказывать замѣтное вліяніе на исходъ сраженій и тѣмъ дала дѣйствительный толчокъ военному искусству. Поэтому мы должны вернуться нѣсколько назадъ и коснуться англійскихъ лучниковъ и швейцарскихъ копейщиковъ.

3. Англійскіе лучники и швейцарская пѣхота [1]).

Наилучшую пѣхоту XIV столѣтія составляли, безъ всякаго сомнѣнія, англійскіе свободные землевладѣльцы, отлично обученые стрѣльбѣ изъ лука. Начальниками ихъ были дворяне, отнюдь не считавшіе командованіе пѣхотой за безчестье, и самъ король много заботился объ организаціи этой пѣхоты. Они обучались постоянно стрѣльбѣ изъ лука, сначала по обязанности, а затѣмъ это сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ народныхъ удовольствій. Почти каждая деревня имѣла свои стрѣльбища, и ловкость лучниковъ была просто удивительна; они свободно выпускали 12 стрѣлъ въ минуту, и многіе могли второй стрѣлой попасть въ выпущенную передъ тѣмъ и засѣвшую въ мишени.

Главнымъ ихъ оружіемъ были луки изъ рябиноваго дерева, длиной въ 5 футовъ, пускавшіе крѣпкія стрѣлы съ крючками на 240 ярдовъ [2]). Стрѣлы имѣли на одномъ концѣ остріе, на другомъ перья. Онѣ связывались въ пучки и носились на поясѣ, иногда въ сумкѣ; колчановъ не употребляли.

Передъ самымъ боемъ лучникъ развязывалъ связку и клалъ нѣсколько стрѣлъ подъ лѣвую ногу остріемъ впередъ, откуда и бралъ ихъ по мѣрѣ на-

---

[1]) Bardin; — Violet le Duc; — Lacombe; — Froissart; — Daniel; — Burton, History of Scotland; — White, History of France; — Borthwick, Book of Battles; — Titler, History of Scotland.

[2]) Ярдъ = 3 футамъ.

добности. Наполеонъ III въ своемъ сочиненіи объ артиллеріи говоритъ относительно ловкости англійскихъ лучниковъ, что тотъ изъ нихъ, кто, будучи въ 1-мъ разрядѣ, на разстояніи 200 ярдовъ, изъ 12 выпущенныхъ стрѣлъ, давалъ хотя бы одинъ промахъ по человѣку, считался плохимъ стрѣлкомъ.

Личная свобода и самостоятельность англійскихъ землевладѣльцевъ дѣлала набираемыхъ изъ нихъ лучниковъ безстрашными и увѣренными въ себѣ,—качества, которыя дворянство старалось какъ можно болѣе въ нихъ поддержать и укрѣпить, обращаясь съ ними очень мягко и нерѣдко слѣзая сами въ бою съ лошадей и сражаясь пѣшкомъ чѣмъ какъ бы доказывали свое уваженіе къ подобному способу сраженія.

Французское дворянство, напротивъ того, обращалось со своей пѣхотой очень сурово, всячески притѣсняло въ лагерѣ и безъ пощады давило въ бою, напримѣръ при Креси, гдѣ рыцари пошли въ атаку черезъ ряды своихъ же генуэзскихъ арбалетчиковъ.

Число лучниковъ, которое Англія могла вывести въ поле, было очень велико. По словамъ Фруассара, англійское войско въ 1386 г. доходило до 10.000 жандармовъ и 100.000 лучниковъ, считая въ томъ числѣ отрядъ. который герцогъ Ланкастерскій повелъ въ Кастилію.

Онъ же говоритъ, что въ 1394 г. англійскій король вторгся въ Ирландію „съ 4.000 рыцарей и оруженосцевъ и 30.000 лучниковъ; имъ всѣмъ еженедѣльно выдавалось жалованье, и потому они были вполнѣ удовлетворены“. Ирландцы же имѣли только легкую, иррегулярную конницу, не знавшую ни сѣделъ, ни стремянъ и вооруженную копьями и дротиками.

Генуэзскіе арбалетчики пользовались также большой извѣстностью и часто нанимались сосѣдними государствами большими отрядами. Такъ Филиппъ Валуа имѣлъ ихъ при Креси 15.000 чел., и, по словамъ Патера Даніила, они служили ему также и на морѣ, что вполнѣ возможно, такъ какъ Генуя была морскимъ государствомъ.

Англійскіе лучники повидимому часто сражались и съ жандармами, не устрашаясь тяжелаго вооруженія и блеска гордыхъ рыцарей. При постоянныхъ, пограничныхъ войнахъ между Англіей и Шотландіей, они нерѣдко даже одерживали верхъ надъ Шотландскими дворянами, что заслуживаетъ вниманія, такъ какъ это первый примѣръ побѣды пѣхоты надъ конницей. Чрезвычайно интересно прослѣдить по этимъ войнамъ постепенное возрастаніе значенія пѣхоты. Сэръ Вилльямъ Валлахъ, въ высшей степени способный человѣкъ, ввелъ значительныя улучшенія въ тактику. Его дарованія, какъ полководца, показываетъ сраженіе при Стирлингѣ въ 1297 г., гдѣ онъ дозволилъ части англійской арміи спокойно переправиться черезъ рѣку Фортъ, затѣмъ атаковалъ ее и совершенно уничтожилъ на глазахъ прочей арміи, лишенной возможности подать ей помощь.

Въ сраженіи при Фалькиркѣ, въ слѣдующемъ году, интересно, какъ Валлахъ примѣнилъ новый способъ противодѣйствія пѣхоты конницѣ.

У него было всего 1.000 конныхъ воиновъ и около 30.000 пѣшихъ лучниковъ и копейщиковъ, у англійскаго же короля Эдуарда I — 7.500 жандармовъ и, какъ говорятъ, 80.000 пѣхоты. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это превосходство противника въ силахъ, особенно въ конницѣ, Валлахъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ принять бой. У одного изъ шотландскихъ хроникеровъ мы находимъ очень подробное описаніе боевого порядка шотландцевъ. Валлахъ построилъ свою пѣхоту на слегка покатой равнинѣ въ круги, на подобіе каре, внѣшніе ряды которыхъ были составлены изъ копейщиковъ; они стали на колѣни и выставили впередъ свои копья; внутри каре расположились лучники, которые должны были стрѣлять черезъ головы копейщиковъ. Конница была поставлена въ резервѣ, вѣроятно, съ цѣлью бросить ее на противника, когда его ряды будутъ разстроены пѣхотными каре. Однако благодаря перевѣсу силъ англичанъ, опытности, пріобрѣтенной ими въ бояхъ на материкѣ съ одной стороны, а съ другой—новизнѣ идеи построенія для шотландцевъ и недостаточной ихъ стойкости, каре ихъ были прорваны, и шотландское войско потерпѣло страшное пораженіе.

Въ описанномъ построеніи шотландской пѣхоты можно видѣть прототипъ позднѣйшаго перемѣшиванія пикинеръ съ мушкатерами, столь долго державшійся въ европейскихъ арміяхъ. Кромѣ того, мы усматриваемъ здѣсь воплощеніе идеи каре, шахматнаго порядка построенія и помѣщеніе кавалеріи въ резервѣ — принципы признаваемые и теперь.

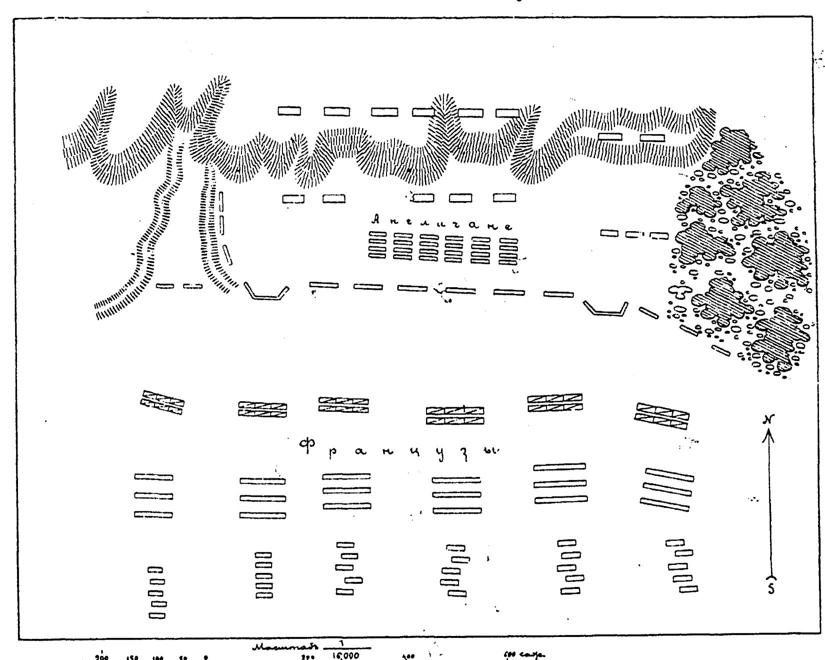
Нѣсколько позже, въ 1314 г. въ сраженіи при Баннокбурнѣ мы видимъ со стороны Роберта Брюса полное подражаніе тактикѣ его великаго соотечественника; онъ также построилъ пѣхоту въ каре, а конницу поставилъ въ резервѣ. И здѣсь подавляющее превосходство въ конницѣ было на сторонѣ англичанъ, такъ что Брюсъ не могъ и думать мѣряться съ ней въ открытомъ полѣ. Непосредственно передъ началомъ боя произошла горячая схватка между отрядомъ шотландскихъ копейщиковъ Рандольфа и 800 англійскихъ рыцарей Клиффорта, въ которой первые одержали верхъ. Затѣмъ выступили впередъ англійскіе лучники, которые начали очень удачно обстрѣливать копейщиковъ, лишенныхъ всякой возможности имъ отвѣчать. Король (Брюсъ) немедленно схватилъ свою конницу, энергично атаковалъ непріятельскихъ лучниковъ и отбросилъ ихъ; когда-же противъ него выдвинулась англійская конница, онъ отвелъ свою назадъ черезъ промежутки между каре. Англичане атаковали шотландскую пѣхоту, которая стояла непоколебимо, какъ угрюмыя скалы ея родины, и такъ какъ лошади въ то время не имѣли еще предохранительнаго вооруженія, то многія изъ нихъ были ранены и убиты, и въ рядахъ англійской конницы начался безпорядокъ, которымъ и воспользовался Брюсъ: онъ двинулъ впередъ своихъ всадниковъ и одержалъ побѣду. Начиная съ этого времени становится замѣтнымъ вліяніе англійскихъ лучниковъ.

Въ битвѣ при Халидонъ-Хиллѣ, близъ Бервика, въ 1333 г. шотландская конница спѣшилась и атаковала въ пѣшемъ строю, но такъ была мужественно встрѣчена королемъ Эдуардомъ и сильно обстрѣлена лучниками, что была приведена въ полный безпорядокъ и разбита на голову.

Побѣды при Креси, Пуатье и Азинкурѣ, этихъ трехъ рѣшительнѣйшихъ сраженіяхъ того времени, должны быть приписаны не англійскому дворянству и ленной милиціи, такъ какъ французское дворянство и милиція имъ ни въ чемъ не уступали, а именно безпримѣрному искусству и храбрости англійскихъ лучниковъ.

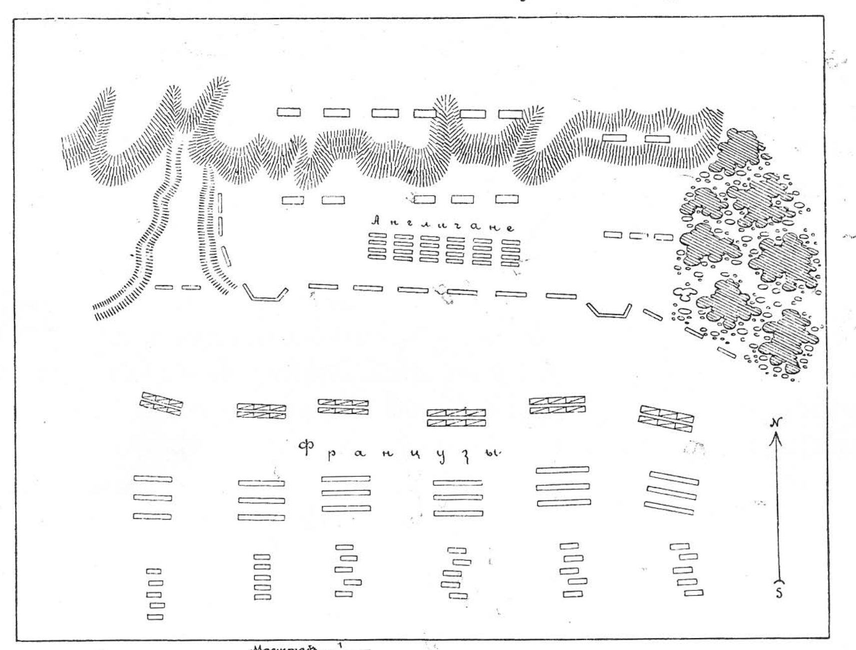
При Креси въ 1346 году у Эдуарда III было 4.000 жандармовъ, 10.000 лучниковъ, 10.000 валлійской и 10.000 ирландской пѣхоты. Какъ

СРАЖЕНІЕ ПРИ КРЕСИ 26 Августа 1346 года.



валлійцы, такъ и ирландцы составляли легкую иррегулярную пѣхоту, мало пригодную для боя въ первой линіи, но примѣнимую для развитія побѣды и для преслѣдованія. У англичанъ были также и пушки. Это сраженіе считается первымъ, гдѣ онѣ вообще появились; конечно, такимъ образомъ эта битва по многимъ причинамъ должна быть отмѣчена какъ эпоха въ исторіи военнаго искусства, и прежде всего, — благодаря примѣненію пороха. Это открытіе произвело переворотъ въ военномъ дѣлѣ, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени постоянно совершенствуется. Техническое искусство въ это время стояло очень низко и не могло дать изобрѣтенному пороху тотчасъ значительныхъ баллистическихъ свойствъ. Неудовлетворительный и нецѣлесообразный способъ приготовленія пушекъ

СРАЖЕНІЕ ПРИ КРЕСИ 26 Августа 1346 года.

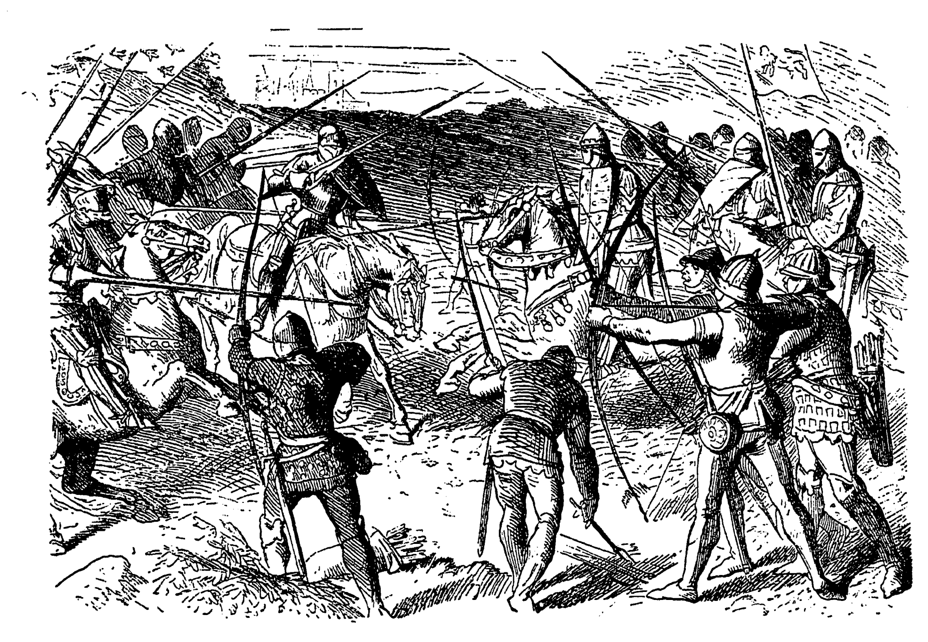


Масштабъ 1/16,000

саж. 200 150 100 50 0 200 400 600 саж.

и прочнаго огнестрѣльнаго оружія препятствовалъ быстрому уясненію всего значенія новаго изобрѣтенія. Револьверы, заряженныя съ казны, типа Снайдера, и пушки въ родѣ теперешнихъ Армстронга были изобрѣтены много столѣтій тому назадъ, и ихъ можно видѣть во многихъ арсеналахъ и музеяхъ, но искусство ихъ выдѣлыванія было такъ слабо развито, что ихъ никогда не могли приготовить какъ слѣдуетъ, и потому они скоро вышли изъ употребленія. Только послѣ постепенныхъ техническихъ улучшеній въ производствѣ, уже въ новѣйшее время вышли онѣ изъ забвенія и нашли примѣненіе, подъ названіемъ новыхъ изобрѣтеній.

Вышесказанное вполнѣ объясняетъ, почему историки того времени почти не упоминаютъ о пушкахъ при описаніи битвы при Креси.

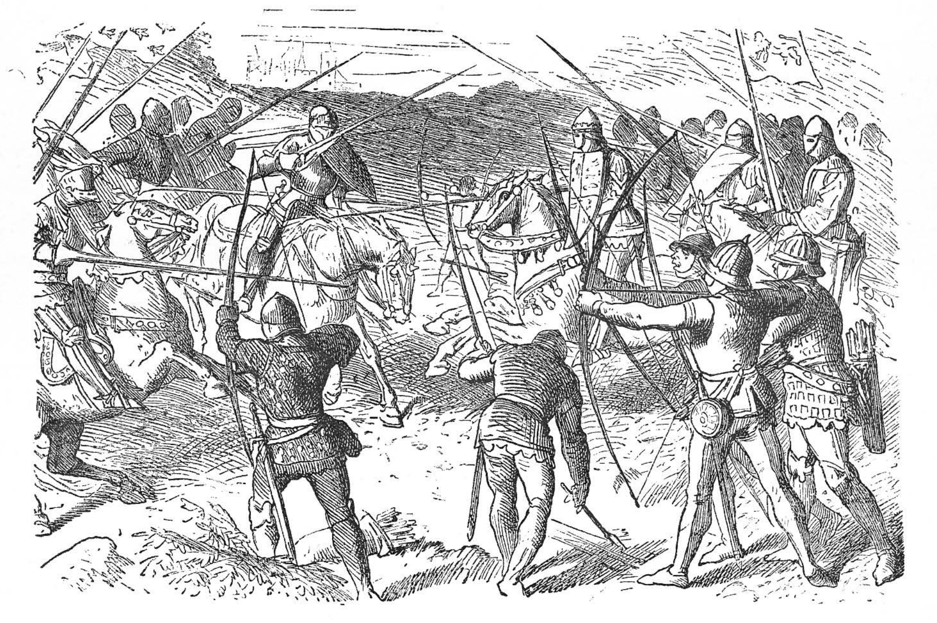


Битва при Креси.

Другой особенностью этой битвы было особенно рѣзко въ ней выказавшееся превосходство въ полевомъ бою англійскихъ лучниковъ надъ французскими рыцарями.

Наконецъ, здѣсь же мы видимъ въ первый разъ, что жандармы въ рѣшительномъ бою намѣренно и сознательно спѣшиваются и сражаются какъ копейщики. Мы видѣли тоже самое при Даміеттѣ, но тамъ ничего другого не оставалось дѣлать; это было сдѣлано по крайней необходимости для прикрытія высадки, и нельзя думать, чтобы тѣже рыцари примѣнили этотъ образъ дѣйствія въ другомъ случаѣ, въ открытомъ полѣ.

Эдуардъ III выбралъ при Креси хорошую оборонительную позицію и, какъ кажется, намѣревался оставаться въ строго выжидательномъ положеніи. Его боевой порядокъ показываетъ, что онъ понялъ то, до чего не



Битва при Креси.

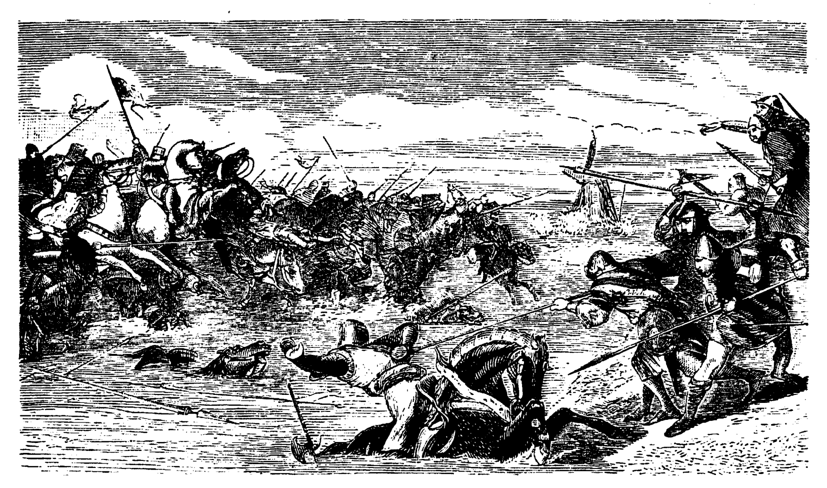
дошли крестоносцы, а именно, что конница не можетъ вести оборонительнаго боя. Поэтому, чтобы дать большую устойчивость своему войску противъ непріятеля, сильнѣйшаго въ конницѣ, онъ приказалъ своимъ жандармамъ спѣшиться и стать въ боевой линіи въ качествѣ тяжеловооруженныхъ пикинеровъ.

Позади арміи онъ построилъ всѣ свои повозки съ лошадьми конницы въ одинъ общій вагенбургъ. Все его войско было раздѣлено на 3 части: первой линіей командовалъ сынъ его Эдуардъ Черный принцъ, второй—графъ Норгемптонъ, третьей — онъ самъ. Жандармы были расположены въ центрѣ, лучники — по флангамъ, хотя, кажется, въ началѣ боя они были разсыпаны передъ фронтомъ. Въ такомъ порядкѣ англичане спокойно ожидали французовъ, значительно превосходившихъ ихъ въ силахъ.

Послѣдніе были также построены въ 3 линіи: первая состояла (по Фруассару) изъ 15.000 генуэзскихъ арбалетчиковъ, вторая — изъ 4.000 жандармовъ и многочисленной пѣхоты, подъ командой герцога Алансонскаго, третья — изъ дворянъ и рыцарей, подъ командой самого короля Филиппа. Арбалетчики начали бой, но такъ какъ тетивы ихъ арбалетовъ промокли и ослабли отъ сильнаго дождя, то большею частью стрѣлы не долетали; англійскіе лучники, сумѣвшіе сохранить луки сухими подъ одеждою, отвѣчали имъ тучей стрѣлъ. Генуэзцы, поражаемые въ лицо, голову, руки, не защищаемые своимъ предохранительнымъ вооруженіемъ, частью побросали арбалеты, частью перерѣзали тетивы и начали отходить. Для ихъ поддержки былъ выстроенъ еще раньше сильный отрядъ конныхъ жандармовъ, которому разсерженный король приказалъ теперь атаковать генуэзцевъ за то, что они отходили. Началась драка между войсками французовъ, произведшая полный безпорядокъ. Англійскіе лучники продолжали усиленно стрѣлять, а валлійская и ирландская пѣхота вмѣшалась въ дѣло, нанося страшные удары своими длинными ножами, вполнѣ пригодными для одиночнаго боя. Какъ кажется, затѣмъ французскіе всадники обошли фланги англійскихъ лучниковъ и налетѣли на спѣшенныхъ жандармовъ. Атака эта была такъ энергична, что вторая линія должна была идти на выручку первой, и даже была позвана третья. Но король Эдуардъ положительно отказалъ двинуть послѣднюю, отчасти потому, что предвидѣлъ успѣхъ и безъ того, отчасти, чтобы своею увѣренностью придать бодрость войску. Результатомъ боя была рѣшительная побѣда англичанъ, и главная честь въ ней принадлежала лучникамъ; жандармы также доказали, что они могли съ успѣхомъ бороться въ пѣшемъ строю съ храбрѣйшими рыцарями того времени. Можно поэтому смѣло сказать, что съ битвы при Креси можно считать время возрожденія пѣхоты.

Битва при Моргартенѣ, хотя и произошла нѣсколькими годами ранѣе, и имѣла несомнѣнно нѣкоторое вліяніе на развитіе военнаго искусства, но не въ такой степени какъ битва при Креси.

Разница въ обращеніи съ пѣхотой между англичанами и французами огромная. Во Франціи существовало обыкновеніе ставить феодальную пѣхоту въ первую линію, не потому, чтобы отъ нея ожидали какого-нибудь рѣшительнаго дѣйствія, но просто съ цѣлью дать въ ней пищу для ярости непріятельской конницы и утомить послѣднюю. Когда пѣхота была разбита и вынуждена къ отступленію, то рыцари не стѣснялись идти въ атаку черезъ нее, давя всѣхъ, кто имъ попадался на пути. Если же пѣхота храбро и стойко держалась, то и это возбуждало гнѣвъ рыцарей, считавшихъ успѣхъ своимъ личнымъ правомъ, и она опять наказывалась. Вообще отношеніе къ пѣхотѣ было всегда самое презрительное и обращеніе самое суровое. Съ генуэзцами обошлись при Креси, пожалуй, еще болѣе жестоко, чѣмъ обыкновенно: ихъ не только давили при движеніи

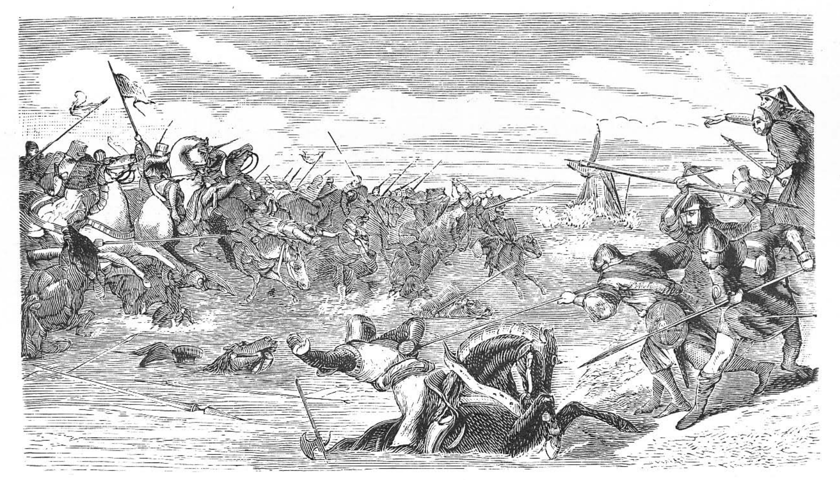


Сраженіе при Куртрэ (1302).

впередъ, но просто рубили; этому, можетъ быть, способствовало и то, что они были иноземные наемники, къ которымъ никто не имѣлъ симпатіи.

Однако самое присутствіе арбалетчиковъ въ составѣ французскаго войска показываетъ, что значеніе пѣхоты уже отчасти сознавалось; французскій король, конечно, никогда бы не нанялъ такого большаго числа пѣхоты, если бы не считалъ необходимымъ противопоставить ее англійскимъ лучникамъ, пользовавшимся славой во всей Европѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, они и были поставлены въ первую линію; отсюда и гнѣвъ Филиппа, когда онъ увидалъ, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

Въ битвѣ при Куртрэ, во Фландріи, въ 1302 г., мы также видимъ удачныя дѣйствія пѣхоты противъ тяжеловооруженныхъ рыцарей. Въ ней участвовали, съ одной стороны, французскіе рыцари, подъ командой графа Роберта Артуа, съ другой — фламандскіе граждане, своимъ трудолюбіемъ и энергіею добившіеся независимости и богатства. Они были вооружены пиками и дѣйствовали ими такъ храбро и ловко, что раз-



Сраженіе при Куртрэ (1302).

били рыцарей на голову. Какъ кажется, это было первымъ успѣхомъ пѣшихъ пикинеровъ противъ конныхъ рыцарей, такъ какъ дѣйствія графа Булонскаго при Бувинѣ въ 1214 г. составляютъ совершенное исключеніе, и пика въ то время не была принята повсюду для наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій.

Въ тоже время началась извѣстность швейцарской пѣхоты, скоро распространившаяся по всей Европѣ.

Швейцарскіе воины.

Битва при Моргартенѣ 15 ноября 1315 г. была какъ бы швейцарскимъ Мараѳономъ и первымъ шагомъ къ независимости страны.

Въ ней сражались 20.000 австрійцевъ подъ командой герцога Леопольда противъ 1.300 швейцарцевъ. На исходъ ея повліяли, впрочемъ, болѣе особыя условія мѣстности, чѣмъ тактическія соображенія. Монфоръ фонъ Теттнангъ, начальникъ австрійской конницы, очень неосторожно повелъ ее по узкому Моргартенскому проходу между озеромъ и Заттель-

Швейцарскіе воины.

сбергомъ. 50 человѣкъ, расположившіеся на высотѣ, неожиданно огласивъ воздухъ громкими криками, начали спускать огромные камни въ ряды растерявшейся австрійской колонны. Произошелъ безпорядокъ, которымъ воспользовались 1.300 швейцарцевъ, составлявшихъ все войско: они спустились съ горъ и съ яростью атаковали противника во флангъ; своими палицами они разбивали латы, а копьями наносили страшныя раны. Узкость прохода не позволяла дѣлать никакихъ эволюцій, а вслѣдствіе гололедицы лошади двигались только съ трудомъ. Часть австрійцевъ попадала въ озеро, прочіе повернули назадъ на свою пѣхоту, шедшую сзади; послѣдняя не могла ни свернуть съ дороги, ни разомкнуться, и была потоптана рыцарями. Началось всеобщее бѣгство, въ которомъ погибло много народу.

Сраженіе это, совершенно отличное отъ Креси, доказываетъ только, что конница не можетъ дѣйствовать на скалахъ и крупныхъ горахъ, и врядъ-ли нуженъ былъ такой кровавый урокъ, чтобы понять столь простую истину. Напротивъ того, битва при Креси, съ тактической точки зрѣнія, была выдающимся событіемъ, такъ какъ была дана на ровномъ мѣстѣ, гдѣ ни условія мѣстности, ни какія-либо другія чисто случайныя причины не играли никакой роли, а успѣхъ былъ результатомъ тактическихъ соображеній.

Битва при Земпахѣ, 9 іюля 1386 г., также окончилась побѣдой швейцарской пѣхоты, вооруженной преимущественно особаго рода палицами съ остріями (моргенштерны), мечами и сѣкирами. Эргерцогъ австрійскій Леопольдъ III, командовавшій рыцарями, приказалъ имъ спѣшиться; при этомъ, какъ говорятъ, они отрѣзали носки своихъ сапогъ, которые по господствовавшей тогда модѣ, были очень остры и длинны и мѣшали двигаться пѣшкомъ.

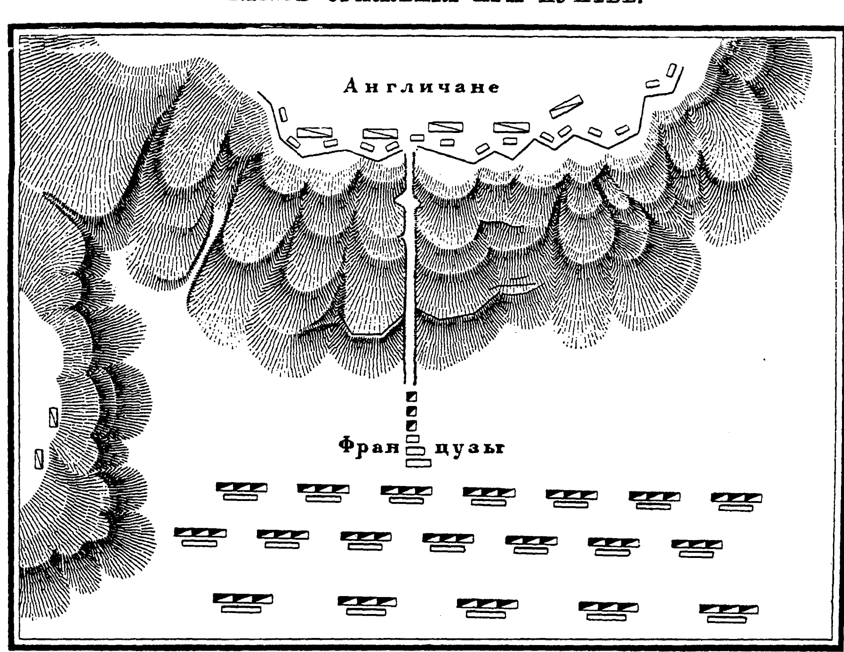
Спѣшенные рыцари, имѣя при себѣ копья на перевѣсъ, построились въ сомкнутую фалангу, противъ которой швейцарцы ничего не могли подѣлать. Тогда, какъ гласитъ преданіе, одинъ швейцарецъ — Арнольдъ-фонъ-Винкельридъ, поручивъ жену и дѣтей товарищамъ, схватилъ, сколько могъ охватить копій, вонзилъ ихъ себѣ въ грудь и, падая, увлекъ ихъ книзу. Швейцарцы бросились въ образовавшійся промежутокъ, и начался рукопашный бой, въ которомъ копья только мѣшали рыцарямъ, а моргенштерны сокрушали шлемы и латы. Дѣло кончилось полной побѣдой швейцарцевъ.

Въ битвахъ при Грансонѣ и при Муртенѣ, въ 1476 г., швейцарскіе пикинеры одержали верхъ надъ конницей Карла Смѣлаго; эти битвы окончательно упрочили за пикинерами славу стойкой пѣхоты и нанесли тяжелый ударъ приходившему въ упадокъ рыцарству.

Битва при Пуатье или Мопертюи, 19 сентября 1356 г., показываетъ дальнѣйшее развитіе военнаго искусства и даетъ возможность убѣдиться, что значеніе пѣхоты еще болѣе возрасло. Французское войско со-

стояло изъ 60.000 чел., подъ командой короля Іоанна. У Чернаго Принца было всего 8.000 чел., но онъ показалъ себя величайшимъ тактикомъ своего времени; всѣ мѣры, имъ принятыя, были вполнѣ основательны и исполнены чрезвычайно ловко. Онъ занялъ очень крѣпкую позицію на холмѣ, покрытымъ живыми изгородями, виноградниками и кустами, и подступы къ которому были очень затруднительны; единственная дорога шла по узкому дефиле между изгородями. Дефиле это по всей длинѣ было

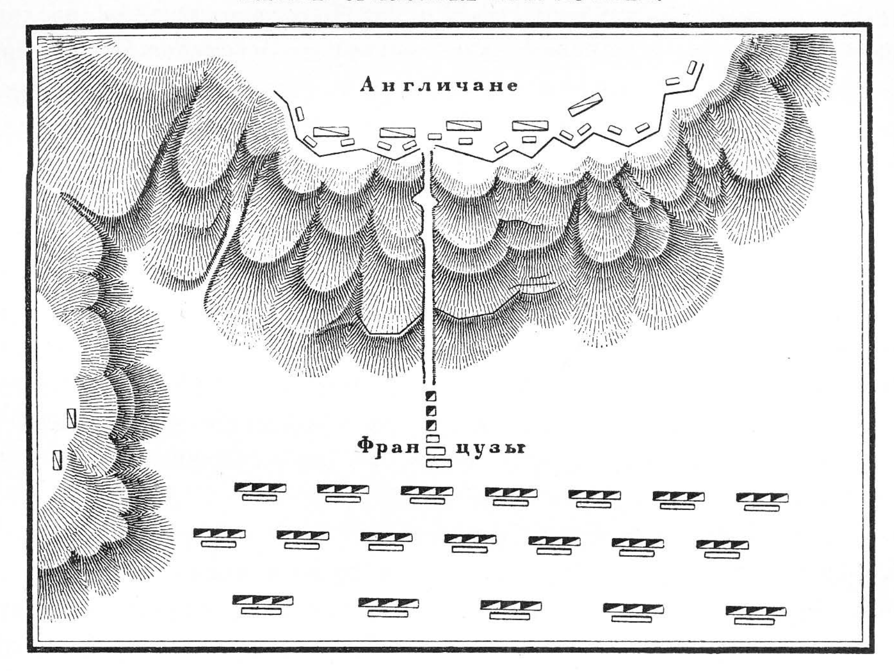
ПЛАНЪ ОРАЖЕНІЯ ПРИ ПУАТЬЕ.



густо занято лучниками; спѣшенные жандармы и остальные лучники стали по флангамъ въ треугольныхъ массахъ. Обозъ и лошади были поставлены позади въ укрѣпленномъ вагенбургѣ, совершенно такъ, какъ это было сдѣлано при Креси.

Французы построились въ 3 линіи. Первое нападеніе было произведено 300 отборными рыцарями, за которыми слѣдовалъ отрядъ пѣшихъ жандармовъ; это распоряженіе было сдѣлано съ цѣлью овладѣть дефиле и затѣмъ, подъ прикрытіемъ всадниковъ, провести по нему тяжеловооруженную пѣхоту для атаки англійскихъ спѣшенныхъ жандармовъ. И дѣйствительно, этотъ способъ дѣйствія былъ, кажется, единственнымъ возможнымъ для французовъ, такъ какъ вся мѣстность кругомъ была для конницы почти совершенно недоступна, и позиція Чернаго Принца укрѣплена и усилена искусственными препятствіями. Результатъ однако былъ для французовъ крайне печальный и главнымъ образомъ благодаря лучни-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ПУАТЬЕ.



камъ, которые открыли усиленную стрѣльбу на близкую дистанцію, и скоро все дефиле было покрыто убитыми и ранеными людьми и лошадьми; немногіе пробившіеся черезъ него были также убиты или взяты въ плѣнъ.

Слѣдовавшіе сзади спѣшенные жандармы, не будучи въ состояніи пройти черезъ загроможденное дефиле, остановились передъ входомъ въ него, но, поражаемые стрѣлами обратившихся теперь противъ нихъ лучниковъ, должны были въ безпорядкѣ отойти на вторую линію, которой и сообщили о неудачѣ. Въ эту рѣшительную минуту Черный Принцъ показалъ себя безусловно величайшимъ полководцемъ своего времени. Онъ понялъ, что пора перемѣнить планъ дѣйствій и, несмотря на численную слабость, перейти въ рѣшительную минуту въ наступленіе. Въ этомъ быстромъ рѣшеніи проявился его геній, а въ выполненіи плана — выдающееся, для того времени пониманіе тактики, онъ отрядилъ 600 всадниковъ, поддерживаемыхъ сильнымъ отрядомъ лучниковъ, въ обходъ холма, защищавшаго ихъ отъ взоровъ непріятеля, противъ лѣваго фланга и даже тыла второй линіи французовъ, которые были уже нѣсколько разстроены бѣглецами первой линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посадилъ всю кавалерію на коней и одновременно съ обходомъ, произвелъ бѣшеную атаку на фронтъ противника. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти фланговая и тыловая атаки на нестройную феодальную пѣхоту, незнакомую съ маневрами. Жандармы, вѣроятно, въ подражаніи англичанамъ при Креси, спѣшились для встрѣчи атаки, но не выдержали удара и были сразу сметены.

Какъ кажется, при этомъ французами было упущено изъ виду, что при Креси главное дѣйствіе было возложено на лучниковъ, жандармы же были спѣшены для поддержки ихъ. Въ данномъ же случаѣ спѣшиваніе французской конницы на ровномъ мѣстѣ, безъ лучниковъ, было совершенно безцѣльной и напрасной тратой силъ, потому что у нихъ было достаточно кавалеріи, чтобы пускать въ дѣло всѣ свѣжія силы, пока онѣ не раздавили бы противника. Веденіе боя со стороны французовъ было изъ рукъ вонъ плохо. Они находились въ своей странѣ, имѣли превосходную числомъ конницу, между тѣмъ какъ Черный Принцъ велъ войну въ чужой странѣ, страдалъ отъ недостатка продовольствія и имѣлъ сравнительно очень слабую армію.

Поэтому самое выгодное для короля Іоанна было никакъ не атаковать англичанъ въ крѣпкой позиціи, а просто препятствовать фуражировкамъ, перехватывать ихъ фуражировъ и наблюдать за арміей; если же онъ непремѣнно хотѣлъ атаковать, то было очень легко обойти англійскую позицію съ одного изъ фланговъ, а не лѣзть черезъ трудное дефиле. Черный Принцъ, напротивъ, сумѣлъ вывести свое войско изъ очень критическаго положенія; но нужно сказать, что ему во многомъ помогли его враги своимъ плохимъ образомъ дѣйствій. Битва при Пуатье представ-

ляетъ уже нѣсколько высшій образецъ тактическаго искусства, глубокое пониманіе свойствъ пѣхоты и конницы и правильное примѣненіе родовъ оружія со стороны Чернаго Принца. Его первоначальное расположеніе жандармовъ спѣшенными и затѣмъ быстрый переходъ отъ осторожной обороны къ самому энергичному наступленію, показываетъ въ немъ такое пониманіе характерныхъ особенностей каждаго рода оружія, какого не выказывалъ никто изъ его современниковъ и его предшественниковъ за нѣсколько столѣтій.

Битва при Хомильдонъ-Хиллѣ въ 1402 г., между шотландцами Дугласа и англичанами Перси, представляетъ еще примѣръ удачныхъ дѣйствій англійской пѣхоты противъ конницы въ открытомъ полѣ. Дугласъ построилъ свое войско въ глубокій четыреугольникъ на Хомильдонскомъ холмѣ на прекрасной позиціи противъ атакъ кавалеріи. Англичане безпрепятственно развернулись на близлежащей высотѣ; если бы Дугласъ воспользовался этимъ временемъ для производства рѣшительной атаки своими тысячью рыцарей и жандармовъ для рукопашнаго боя, то это было бы во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ ожидать нападенія на мѣстѣ. Со своей стороны и англичане были настолько осторожны, что не бросились сейчасъ же въ атаку, которая могла имѣть сомнительный исходъ, а выслали впередъ лучниковъ, покрывшихъ густую массу шотландцевъ цѣлой тучей стрѣлъ. Дѣйствіе ихъ было ужасно: не только слабое вооруженіе пѣхоты, но и латы рыцарей пробивались насквозь; множество бароновъ и дворянъ было поранено и перебито; лошади бросались во всѣ стороны, отказывали повиноваться поводу и давили раненыхъ. Тѣмъ не менѣе сотня рыцарей, подъ командой сэра Джона Свинтона, произвела отчаянную атаку, но была разсѣяна. Затѣмъ пошелъ въ атаку самъ Дугласъ со своей конницей. Лучники начали медленно отходить, не переставая стрѣлять и нанося сильныя потери шотландцамъ. Вальсингамъ утверждаетъ, что кольчуга Дугласа, которую изготовлялъ въ теченіе трехъ лѣтъ одинъ изъ наиболѣе искусныхъ оружейниковъ, была пробита стрѣлами въ пяти мѣстахъ, при чемъ самъ Дугласъ раненъ и затѣмъ взятъ въ плѣнъ. Вообще бой былъ выигранъ исключительно лучниками; англійская конница преслѣдовала уже разбитаго противника.

Слѣдующая затѣмъ битва, на которой стоитъ остановиться, произошла при Азинкурѣ 25 октября 1415 г., между англичанами, подъ командой короля Генриха V, и французами, подъ командой коннетабля Франціи. Англичанъ было менѣе 10.000 чел., французовъ почти 100.000 чел. Здѣсь также, какъ при Креси и Пуатье, лучники играли выдающуюся роль.

Генрихъ проявилъ много искусства при разстановкѣ своего войска: онъ его поставилъ на крѣпкой позиціи, примкнувъ оба фланга къ рощамъ. Впереди фланговъ онъ устроилъ двѣ засады: одну изъ 200 лучниковъ, другую изъ 400 жандармовъ; и тѣ, и другіе должны были въ самый раз-

гаръ боя неожиданно атаковать противника съ тыла и фланговъ (Магонъ при Треббіи во второй Пунической войнѣ). Въ этомъ онъ послѣдовалъ примѣру своего великаго дяди Чернаго Принца, который первый въ новыя времена дѣйствовалъ такимъ образомъ. Англійская армія была раздѣлена на три отряда; лучники стояли впереди жандармовъ, въ одной линіи по фронту и въ видѣ клина на флангахъ. Въ этой битвѣ въ ихъ снаряженіи было сдѣлано нововведеніе, напоминающее по мысли пику или штыкъ впослѣдствіи, а именно: кромѣ ихъ прежняго оружія, т. е. лука, ножа и топора или молота, они получили заостренный съ обоихъ концовъ колъ, который они вбивали передъ собой въ землю, наклонно впередъ и такимъ образомъ предохраняли себя противъ конницы (рогатины позднѣйшаго времени); верхній конецъ этого оружія былъ окованъ желѣзомъ и потому составлялъ дѣйствительную преграду для всадниковъ. Эти колья вбивались очень скоро и такъ же скоро могли быть вынуты и опять вбиты при перемѣнѣ позиціи. Подобнаго рода искусственное препятствіе, въ родѣ переноснаго бруствера, еще не встрѣчалось ни разу въ войнахъ христіанскихъ государствъ. Такимъ образомъ Азинкуръ составляетъ опять новую эру въ смыслѣ улучшеній пѣшей службы и усиленія пѣхоты относительно кавалеріи.

Англійскіе жандармы были опять спѣшены. Французская конница была очень скоро приведена въ безпорядокъ непріятельскими стрѣлами и столпилась въ разстройствѣ на узкомъ мѣстѣ между рощами; послѣдовавшая тутъ же атака обоихъ отрядовъ изъ засадъ довершила безпорядокъ. Тогда король далъ приказаніе объ общей атакѣ; лучники и жандармы бросились на непріятеля. Французы были такъ стѣснены, что не могли почти двигаться, и лучники били ихъ своими топорами почти безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Этимъ переходомъ отъ обороны въ наступленіе въ рѣшительную минуту Генрихъ проявилъ большія тактическія способности, и результатомъ его распоряженій была полная побѣда. Потеря французовъ убитыми, ранеными и плѣнными была такъ велика, что число убитыхъ и число плѣнныхъ, взятыя отдѣльно, были больше всей англійской арміи. Потери англичанъ были сравнительно очень незначительны.

Войны между Англіею и Франціею продолжались съ небольшими перерывами уже 70 лѣтъ, и за это время ленныя войска замѣнились наемными или получавшими жалованье. Битвы при Креси, Пуатье и Азинкурѣ нанесли смертельный ударъ рыцарству и его тактикѣ. Войска начали постепенно получать извѣстную организацію; значеніе пѣхоты возрасло; начали и обращать вниманіе на свойства мѣстности; безпорядочный одиночный бой двухъ шеренгъ рыцарей отошелъ въ вѣчность. На развалинахъ феодализма и рыцарства начала возникать новая система, и уже близко было время появленія постоянныхъ армій.

4. Введеніе постоянныхъ армій[1]).

Въ первый разъ отрядъ войска, могущій быть въ извѣстной степени названъ постояннымъ, появился въ 1025 г. у Канута Великаго, короля Англіи, Даніи и Норвегіи. Онъ имѣлъ на жалованьи корпусъ тѣлохранителей въ 6.000 чел., воспитанный въ строгой дисциплинѣ и совершенномъ удаленіи отъ народа. Они имѣли красивую одежду и блестящее вооруженіе и отличались духомъ товарищества и порядка.

Если не считать этого временнаго и не имѣвшаго значенія отряда, то честь введенія постоянной арміи должна быть приписана королю французскому Карлу VII, который этимъ путемъ достигъ внутренняго порядка и внѣшняго могущества.

Къ 1444 г. Карлу VII удалось изгнать англичанъ изъ большей части Франціи и затѣмъ заключить съ ними продолжительное перемиріе. Вслѣдствіе этого большое число наемниковъ, бывшихъ въ войскѣ, стало излишнимъ и приходилось ихъ распустить, но при этомъ явилось опасеніе, какъ бы они въ такомъ случаѣ, въ виду необходимости добывать себѣ пропитаніе и непривычки къ работѣ, не составили шаекъ разбойниковъ и грабителей. Чтобы избѣжать этой опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить внутренній порядокъ и увеличить авторитетъ короля, Карлъ VII рѣшилъ выбрать лучшихъ солдатъ изъ своего войска и составить изъ нихъ постоянную армію. Планъ былъ принятъ въ 1445 г., но держался въ тайнѣ, пока не были окончены всѣ подготовительныя распоряженія. Профосы всѣхъ провинцій получили приказаніе имѣть своихъ лучниковъ постоянно наготовѣ къ выступленію, по возможности подкрѣпить ихъ мѣстными жителями, и усиленно патрулировать по всѣмъ большимъ дорогамъ, чтобы удержать распущенныхъ солдатъ отъ грабежей и не позволять имъ соединяться въ шайки. Затѣмъ король избралъ 15 капитановъ изъ людей знатныхъ, мужественныхъ и опытныхъ, сообщилъ имъ свой планъ и потребовалъ ихъ содѣйствія. Имъ было поручено выбрать лучшихъ, наиболѣе дисциплинированныхъ солдатъ и составить изъ нихъ роты.

Приказаніе было исполнено, наборъ благополучно оконченъ, и король издалъ указъ о сформированіи 15 ордоннансовыхъ ротъ. Затѣмъ была издана прокламація къ войску, въ которой всѣмъ, незачисленнымъ въ составъ ротъ, солдатамъ предписано было немедленно же отправиться по мѣстамъ ихъ родины, не позволять себѣ по пути никакихъ насилій, не отдаляться отъ главныхъ дорогъ и не собираться въ шайки; за неисполненіе всего этого налагалась смертная казнь. Всѣ мѣры были такъ хорошо задуманы и исполнены, что всѣ распущенные солдаты спокойно вернулись

[1]) Daniel; — Boutaric; — Gay de Vernon; — Humbert; — Hallam; — Duparcq.

къ своимъ мирнымъ занятіямъ, и черезъ двѣ недѣли на дорогахъ не было изъ нихъ ни одного.

15 вновь сформированныхъ ротъ были всѣ конныя и состояли, по показаніямъ большей части писателей, изъ 100 копій каждая. Нѣкоторое уклоненіе отъ этого правила встрѣчается въ указѣ, изданномъ въ декабрѣ 1445 года, которымъ гарнизонъ Пуату, силой въ 200 копій, былъ раздѣленъ на 3 роты: первая — сенешаля Пуату — 110 копій, вторая — маршала де-Логеакъ — 60 копій и третья Флоке — 30 копій.

Жандармъ 1440 г.

Можно однако считать вѣрнымъ, что численность всѣхъ 15 ротъ была 1.500 копій. Каждое копье состояло изъ 6 человѣкъ: жандарма (homme d'armes), трехъ стрѣлковъ (archers), оруженосца (coutillier) и слуги (valct). Они всѣ были верхомъ, слѣдовательно въ 15 ротахъ было 9.000 коней. Впрочемъ, при каждой ротѣ состояло еще сверхъ комплекта нѣсколько охотниковъ изъ дворянъ, которые служили безъ жалованья, въ надеждѣ занять имѣющіяся открыться вакансіи.

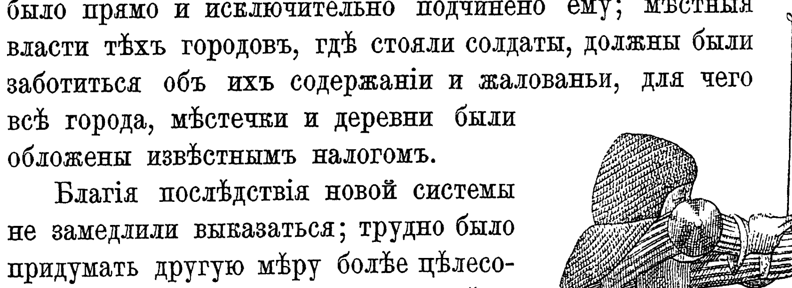
Въ полномъ копьѣ (lance fournie) имѣлось 13 коней, именно рыцарь имѣлъ ихъ 4, стрѣлки и оруженосцы по два и слуга — 1.

Жандармъ 1440 г.

Штабъ каждой роты составляли: капитанъ, лейтенантъ, знаменщикъ (guidon), прапорщикъ (enseigne) и вахмистръ (maréchal des logis). Офицеры выбирались изъ самыхъ знатныхъ, богатыхъ и опытныхъ солдатъ роты, которые всѣ были дворяне.

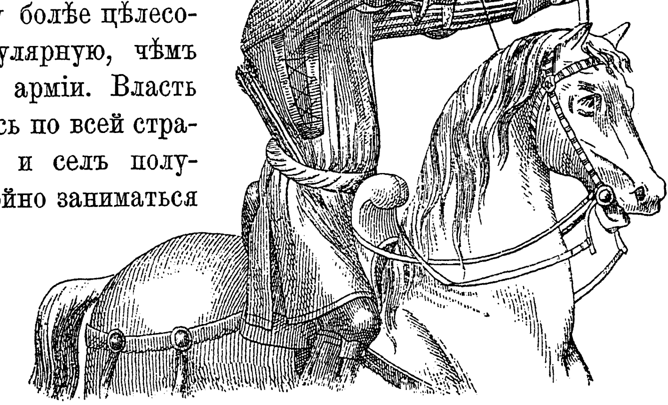
Жандармъ 1450 г.

Дисциплина была строгая, и капитаны отвѣчали за всѣ безпорядки и проступки, совершенные ихъ людьми. Всѣ роты стояли гарнизонами въ разныхъ городахъ страны, въ совокупности, чтобы усилить дисциплину, держать въ большемъ повиновенiи солдатъ и облегчить обученiе нѣсколькими частями вмѣстѣ.



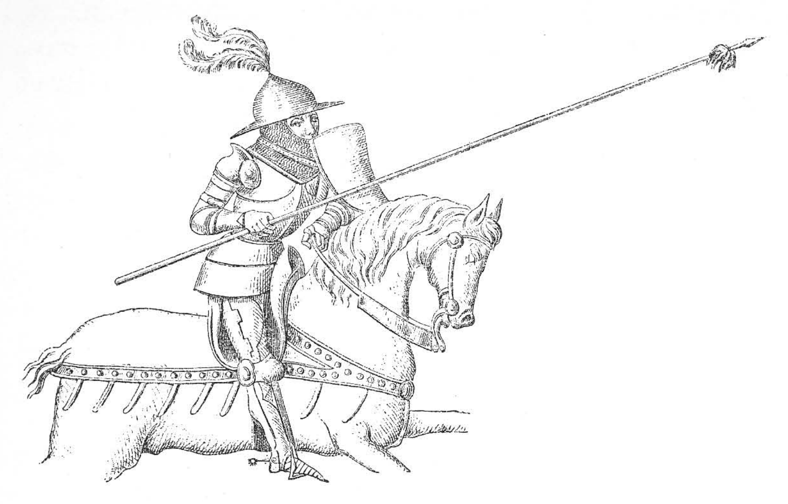
Жалованье выдавалось не непосредственно отъ короля, хотя войско было прямо и исключительно подчинено ему; мѣстныя власти тѣхъ городовъ, гдѣ стояли солдаты, должны были заботиться объ ихъ содержанiи и жалованьи, для чего всѣ города, мѣстечки и деревни были обложены извѣстнымъ налогомъ.

Благiя послѣдствiя новой системы не замедлили выказаться; трудно было придумать другую мѣру болѣе цѣлесообразную и болѣе популярную, чѣмъ учрежденiе постоянной армiи. Власть короля распространилась по всей странѣ, и жители городовъ и селъ получили возможность спокойно заниматься своими ремеслами, полями и стадами, безъ опасенiя подвергнуться нападенiю разбойниковъ. Промышленность также получила благодаря полной безопасности толчекъ къ дальнѣйшему развитiю. Пока не было войны, люди могли пожинать плоды своихъ трудовъ.



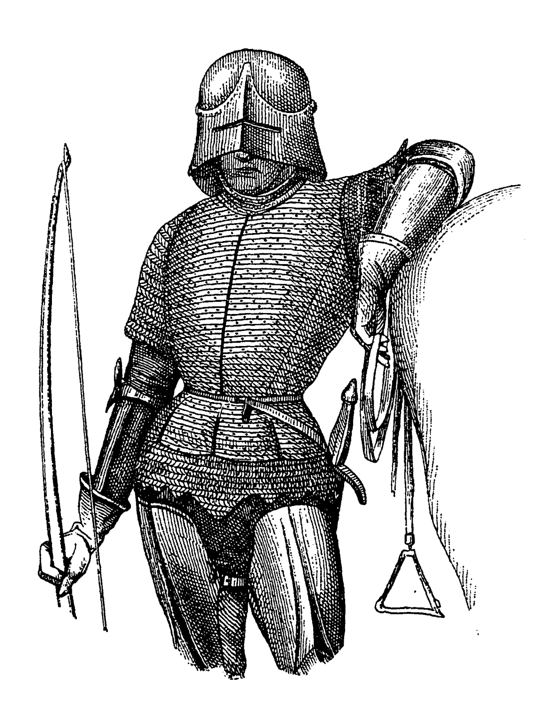
Французскiй стрѣлокъ временъ Карла V.

Ордоннансовыя роты были тяжелой конницей. Жандармы имѣли полное предохранительное вооруженiе, какъ прежнiе рыцари, короткiя копья,



Жандармъ 1450 г.

Французскій стрѣлокъ временъ Карла V.



Французскій стрѣлокъ временъ Карла VII.

обоюдоострые мечи и сѣкиры или палицы. Стрѣлки и оруженосцы имѣли болѣе легкое предохранительное вооруженіе, арбалеты, копья, мечи, кинжалы и палицы, при чемъ послѣднія прикрѣплялись къ сѣдлу. Они носили также кольчуги, а поверхъ ихъ желѣзную грудную кирасу; нѣкоторые же имѣли бригантинъ — кожаную грудную кирасу, покрытую желѣзными чешуйками.

Одновременно съ организаціей постоянной конницы, Карлъ VII позаботился и объ организаціи того же характера пѣхоты учрежденіемъ вольныхъ стрѣлковъ. Каждый церковный приходъ долженъ былъ выставить и содержать одного лучника (élu), который выбирался королевскими офицерами среди лучшихъ стрѣлковъ изъ лука. Лучники эти получали шлемы, бригантины, мечи и кинжалы и собирались по Воскресеньямъ и праздникамъ для ученій и стрѣльбы изъ лука въ полномъ вооруженіи. Они были освобождены отъ всѣхъ налоговъ и получали отъ своихъ приходовъ, пока находились на жалованьи, по 4 франка въ мѣсяцъ. Это не было, собственно говоря, постоянное войско, а скорѣе организованная милиція. Людовикъ XI довелъ число ея до 16.000 чел.; она раздѣлялась на 4 корпуса по 4.000 чел.; каждый корпусъ — на 8 ротъ по 500 чел.

Жандармъ 1453 г.

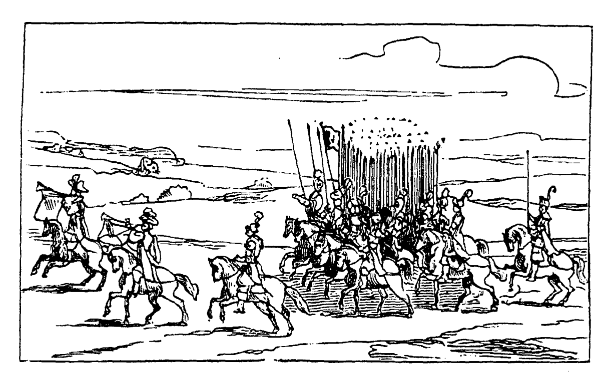
Милиція эта состояла изъ людей, хорошо обученныхъ стрѣльбѣ изъ лука, но за отсутствіемъ практики совершенно непривыкшихъ къ дѣйствію въ массѣ, безъ всякаго взаимнаго между собой довѣрія, безъ всякой внутренней связи, а потому и не могла оказать на войнѣ особенной пользы, такъ что французскіе короли стали обращаться къ иноземнымъ наемникамъ. Людовикъ XI первый

Французскій стрѣлокъ временъ Карла VII.

Жандармъ 1453 г.

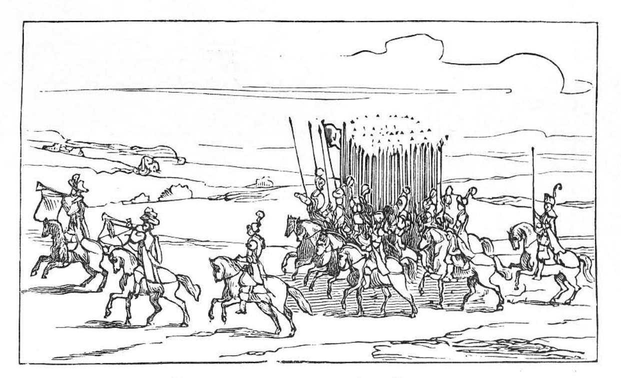
обратился къ швейцарцамъ, и этотъ обычай остался во Франціи въ силѣ до революціи; у этого короля было на службѣ до 10.000 швейцарской пѣхоты и значительное число германскихъ ландскнехтовъ.

Около этого времени конница перестала строиться въ одну шеренгу, какъ во времена ленной системы и рыцарства. Стрѣлковъ начали перемѣшивать съ жандармами и скоро остановились на строѣ по эскадронно въ трехъ шеренгахъ (жандармъ и за ними 2 лучника). Точнаго времени этой перемѣны указать нельзя. Ла-Ну говоритъ, что до Генриха II французскіе жандармы строились въ одну шеренгу.



Авангардъ въ средніе вѣка.

Какъ говорятъ, построеніе конницы въ эскадроны было впервые примѣнено въ своей арміи герцогомъ Бургундскимъ Карломъ Смѣлымъ. Онъ-же издалъ нѣчто въ родѣ устава для своихъ войскъ,— первая книга, касающаяся тактики или военнаго образованія во времена возрожденія военнаго искусства. Настоящихъ кавалерійскихъ эволюцій не производилось до 1473 года, такъ какъ вообще кавалерійская служба не могла достигнуть извѣстнаго совершенства, пока монархи не получили такую власть, чтобы ограничить права дворянства и подчинить его строгой дисциплинѣ.



Авангардъ въ средніе вѣка.

Періодъ III.

Отъ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія до Фридриха Великаго.

Глава I.

Введеніе огнестрѣльнаго оружія во всеобщее употребленіе [1].

Около половины XV столѣтія стало очень замѣтно вліяніе различныхъ условій, которыя черезъ извѣстное время произвели совершенный переворотъ въ искусствѣ веденія войны и проложили путь нынѣ существующей тактикѣ.

Англійскіе лучники и швейцарскіе пикинеры нанесли тяжелый ударъ рыцарству, и недоставало только изобрѣтенія метательнаго оружія, снаряды котораго обладали бы достаточной силой для пробитія латъ жандармовъ, чтобы низвести этихъ послѣднихъ на одинъ уровень съ прочими войсками. Однако усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія шло чрезвычайно медленно, и потребовалось много лѣтъ, пока изобрѣтеніе пороха стало приносить пользу и въ огнестрѣльномъ оружіи сдѣланы были такія улучшенія, при которыхъ дѣйствіе его стало превосходить дѣйствіе прежняго, доведеннаго до полнаго совершенства оружія. Поэтому въ теченіе продолжительнаго времени мы видимъ оба оружія, метательное и огнестрѣльное, одновременно въ употребленіи въ большей части армій.

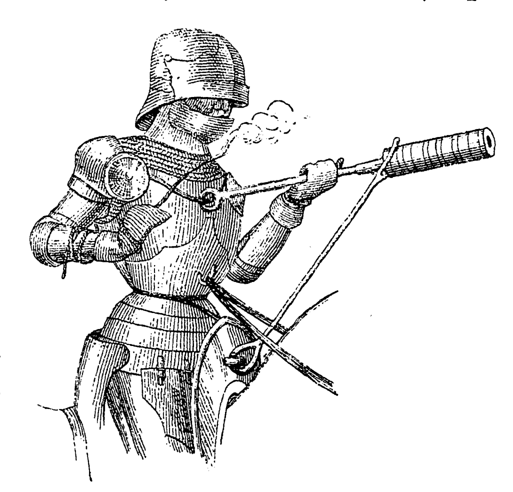
Тяжелыя орудія упоминаются въ первый разъ въ 1301 г., а именно говорятъ, что въ этомъ году въ городѣ Амбергѣ была изготовлена большая пушка. Гентъ имѣлъ ихъ въ 1313 г., Флоренція—въ 1325 г., Нѣмецкій рыцарскій орденъ — въ 1328 г. Эдуардъ III пользовался ими въ 1339 г. при осадѣ Камбрэ и въ 1346 г. въ битвѣ при Креси. Въ Швейцаріи первая отливка орудій произведена была позднѣе: въ Базелѣ — въ 1371 г., въ Бернѣ—въ 1413 г. Въ Россіи — въ 1389 г. Въ 1434 г. мы находимъ у тоборитовъ гаубицы.

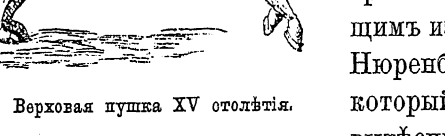
---

[1]) Daniel; — Demmin.

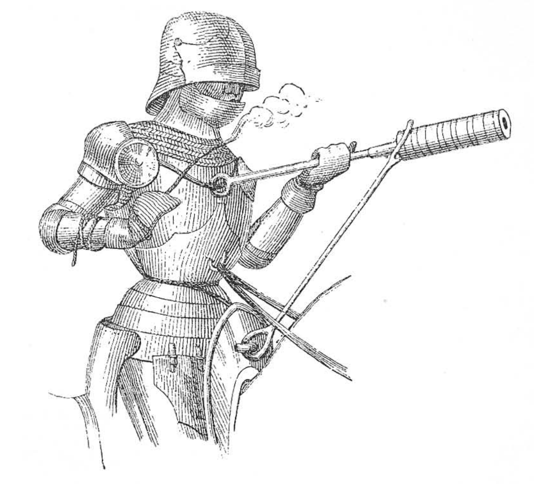
Ручное огнестрѣльное оружіе было изобрѣтено нѣсколько позже; оно встрѣчается раньше всего у фламандцевъ въ серединѣ XIV ст. Затѣмъ оно было введено въ Перуджіи въ 1364 г.; въ Падуѣ — въ 1386 г.; въ Швейцаріи — въ 1392 г.; о немъ упоминается въ битвѣ при Розебекѣ въ 1382 г. и при осадѣ Трокъ въ Литвѣ въ 1383 г. Въ немъ постоянно вводились разныя улучшенія, и наконецъ въ 1420 г. при осадѣ Бонифачіо въ Корсикѣ мы видимъ, что свинцовыя пули ручнаго оружія пробиваютъ самыя крѣпкія латы.

Было много образцовъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Самый первый состоялъ изъ тяжелаго, топорно изготовленнаго, желѣзнаго ствола, прикрѣпленнаго къ почти неотдѣланному куску дерева; взрывъ пороха производился помощью фитиля, приближаемаго къ устроенной сзади затравкѣ; при такомъ ружьѣ было часто два человѣка. Подобнаго рода оружіе небольшихъ размѣровъ было въ употребленіи въ конницѣ и называлось „pétrinals“ или „petronels“, потому что при выстрѣлѣ его прижимали къ груди. Затѣмъ были сдѣланы нѣкоторыя улучшенія въ ложѣ, давшія возможность держать ружье при прицѣлкѣ и стрѣльбѣ у плеча. Послѣ того и въ приспособленіяхъ для зажиганія были также сдѣланы улучшенія: вначалѣ фитиль прикрѣплялся къ курку (serpentine), или маленькому пальнику, затѣмъ было введено особое приспособленіе для прикрѣпленія фитиля съ прижимомъ, но безъ пружины, и наконецъ уже во второй половинѣ XV ст. вошли въ употребленіе аркебузы, снабженныя тѣмъ же приспособленіемъ, но съ прижимомъ и пружиной. Такимъ образомъ получилось сравнительно уже порядочное оружіе. Слѣдующимъ изобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ въ 1515 г. въ Нюренбергѣ, былъ колесный замокъ (Radschloss), который однако никогда не могъ совершенно вытѣснить болѣе простой и вѣрный фитильный.

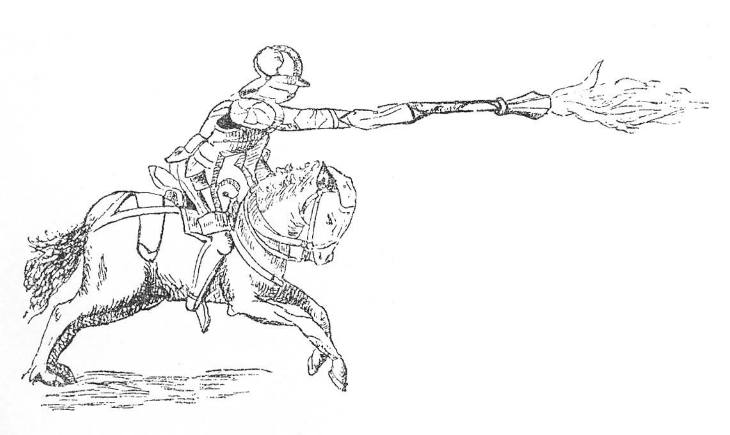

Pétrinals (petronels).


Верховая пушка XV столѣтія.

Нарѣзной стволъ былъ изобрѣтенъ въ Германіи, по словамъ однихъ въ Лейпцигѣ въ 1498 г., по словамъ другихъ въ Вѣнѣ. Пуля вгонялась



Pétrinals (petronels).



Верховая пушка XV столѣтія.

въ стволъ помощью молотка. Однако подобнаго рода оружіе очень долго не находило примѣненія въ военномъ дѣлѣ, вслѣдствіе трудности и продолжительности заряженія. Только въ 1793 г., послѣ американскихъ революціонныхъ войнъ, слѣдовательно 300 лѣтъ послѣ изобрѣтенія, французы ввели его у себя подъ названіемъ „carabines de Versailles". Колесный замокъ былъ замѣненъ пружиннымъ (Schnapphahnschloss), а этотъ послѣдній новымъ видомъ (Steinschloss или Batterieschloss), (извѣстнымъ у насъ въ Россіи просто подъ названіемъ кремневаго, хотя всѣ эти 3 системы передавали огонь съ помощью кремня. Примѣч. переводчика).

Кремневый замокъ, какъ обыкновенно думаютъ, изобрѣтенъ во Франціи около 1640 г., а скоро послѣ того былъ введенъ Вобаномъ и штыкъ. Полная замѣна старыхъ фитильныхъ ружей новыми произошла не ранѣе 1700 г.

Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій Леопольдъ I ввелъ въ 1698 г. въ Прусской пѣхотѣ желѣзный шомполъ. Патроны въ первый разъ были употреблены въ Испаніи въ 1569 г. и введены во Франціи не ранѣе 1644 г. Патронташи появились въ 1630 г. при Густавѣ-Адольфѣ. Ударныя ружья изобрѣтены въ 1807 г. шотландцемъ Форситомъ. Заряжаемое съ казны оружіе появляется уже въ концѣ XV и началѣ XVI ст.; изобрѣтеніе его всецѣло принадлежитъ нѣмцамъ. Между прочимъ, маршалъ Саксонскій также придумалъ одинъ образецъ подобнаго рода оружія и вооружилъ имъ свой уланскій полкъ. Это оружіе впрочемъ приносило мало пользы, вѣроятно вслѣдствіе дурного приготовленія. Повторительное оружіе и револьверъ составляетъ старое изобрѣтеніе, но послѣдній не имѣлъ практическаго примѣненія, до появленія системы Кольта.

Сдѣлавъ краткій очеркъ постепенныхъ улучшеній огнестрѣльнаго оружія, перейдемъ къ объясненію того вліянія, которое оно оказало на конницу и ея тактику.

ГЛАВА II.

Огнестрѣльное оружіе въ конницѣ [1]).

У историка Павла Іовія мы находимъ описаніе вступленія въ Римъ въ 1494 г. короля французскаго Карла VIII съ своимъ войскомъ, прекрасно организованнымъ и снаряженнымъ, и лучшимъ, чѣмъ всѣ другія современныя ему арміи. Описаніе это даетъ подробное понятіе о состояніи войскъ въ то время. Макіавелли говоритъ, что Карлъ VIII завоевалъ всю Испанію „кускомъ мѣла", — выраженіе фигуральное, которымъ онъ хо-

---

1) Carrion Nijas; — Macqiavelli, Art of War; — Daniel; — Boutell; — Humbert; — Demmin; — Webster; — Vanderburch; — Bardin; — Duparcq; — Nolan; — Liskenne; — Notley, Rise of the Dutch Republic.

тѣлъ сказать, что французскому королю при его движеніи приходилось только распредѣлять войско по квартирамъ.

Павелъ Іовій начинаетъ свое описаніе съ замѣчанія, которое интересно своей новизной, что всѣ части пѣхоты и конницы были совершенно другъ отъ друга отдѣлены. Первые батальоны состояли изъ швейцарскихъ и нѣмецкихъ пѣхотинцевъ, которые шли твердымъ шагомъ подъ музыку; историкъ очень восхваляетъ прекрасную выправку и замѣчательный порядокъ проходившихъ подъ знаменами войскъ. Оружіе ихъ состояло изъ короткихъ мечей и пикъ, длиной 10 футъ и съ желѣзными наконечниками. Четвертая часть пѣхоты имѣла аллебарды съ сѣкирами, а сто изъ каждой тысячи — аркебузы. Здѣсь мы видимъ въ первый разъ перемѣшиваніе въ томъ же полку пикинеровъ и мушкетеровъ, что впослѣдствіи очень долго было въ общемъ употребленіи во всей Европѣ.

За этой пѣхотой шло 5.000 гасконцевъ, почти все пращники и арбалетчики; это были легкія, иррегулярныя войска, но отлично обученныя бросанію дротиковъ, камней и стрѣлъ.

Затѣмъ слѣдовала конница, составленная изъ французскаго дворянства; этотъ составъ кавалеріи былъ естественнымъ послѣдствіемъ рыцарства и долгое время сохранялся принципіально. Даже 200 лѣтъ спустя, при Людовикѣ XIII мы видимъ, что наказаніе палками, бывшее вполнѣ употребительнымъ въ пѣхотѣ, совершенно воспрещалось въ конницѣ, потому что послѣдняя, какъ сказано въ регламентѣ, комплектуется почти исключительно дворянами; палка здѣсь замѣнялась саблей.

Конница Карла VIII имѣла великолѣпныя латы, сверху шелковые плащи, галстуки и золотые браслеты на рукахъ, и сидѣла на рослыхъ, крѣпкихъ лошадяхъ съ обрѣзанными хвостами и ушами. Французское предохранительное вооруженіе было нѣсколько облегчено въ томъ отношеніи, что лошади не прикрывались звѣриными кожами, какъ это было принято у итальянскихъ жандармовъ. Она раздѣлялась на копейщиковъ или жандармовъ и стрѣлковъ или легкихъ всадниковъ. Копья были сдѣланы изъ твердаго дерева съ хорошими металлическими наконечниками; кромѣ нихъ всадники имѣли еще палицы.

Жандармы съ оруженосцами и пажами составляли, повидимому, тяжелую конницу, а стрѣлки, которые выдѣлялись изъ „копій“ въ отдѣльный отрядъ, — легкую. Выдѣленіе это было однако чисто тактическаго характера, и стрѣлки находились въ тѣсной связи съ рыцарями, продолжая по прежнему въ административномъ отношеніи входить въ составъ копій. Они были вооружены большими луками, какіе были приняты у англичанъ, стрѣляли длинными стрѣлами и носили грудныя латы и шлемъ; нѣкоторые имѣли еще и дротики, которыми убивали сброшенныхъ съ коней рыцарей.

400 отборныхъ гвардейскихъ конныхъ лучниковъ окружали короля, а за ними непосредственно слѣдовали 200 французскихъ дворянъ въ роскошномъ тяжеломъ вооруженіи и съ палицами.

Артиллерія этого войска была лучшей изъ всего, что до тѣхъ поръ видѣли въ Европѣ. По словамъ Мезере, она состояла изъ 140 тяжелыхъ орудій и большаго числа болѣе легкихъ. Ихъ возили на особыхъ запряженныхъ лошадьми повозкахъ; прислуга при нихъ была отлично обучена. По всеобщему мнѣнію, Карлъ VIII былъ обязанъ своей артиллеріи тѣмъ, что совершилъ походъ въ Италію, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія, такъ какъ у итальянцевъ были только плохія пушки, къ тому же возимыя на волахъ.

Вскорѣ послѣ этого событія появилось сочиненіе Макіавелли, которое показываетъ правильность взгляда автора на основные принципы военнаго искусства и на требующіяся преобразованія.

Макіавелли писалъ въ очень интересное время, когда средневѣковыя учрежденія стали исчезать подъ вліяніемъ введенія новаго оружія, вызвавшаго измѣненія въ образѣ веденія войнъ. Взгляды его представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что они выражаютъ мысли его современниковъ въ это переходное время.

Онъ энергично возставалъ противъ системы наемныхъ войскъ и всячески поддерживалъ мысль о необходимости обученія гражданъ военному дѣлу и примѣненія ихъ къ защитѣ государства, основываясь на томъ, что въ древнія времена въ Греціи и Римѣ лучшіе воины были въ то же время и лучшими гражданами. Несмотря на предразсудки того времени, что кавалерія главный родъ оружія, онъ предвидѣлъ будущее значеніе пѣхоты и смѣло и рѣшительно высказывалъ мысль, что главную и дѣйствительную силу войска и государства составляетъ пѣхота.

Затѣмъ онъ говоритъ, что въ его время пѣхота имѣла полукирасу, закрывавшую грудь, пику, длиной въ 18 футъ, и широкій мечъ. Очень немногіе имѣли полную кирасу, набедренники, перчатки, и никто не носилъ шлема. Нѣкоторые были вооружены аллебардами и сѣкирами, и самое незначительное число — мушкетами.

Макіавелли издалъ свой трудъ около 1516 года, т. е. 22 года послѣ вторженія Карла VIII въ Италію; слѣдовательно, за этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени перемѣшиваніе въ одномъ полку пикинеровъ, аллебардщиковъ и мушкетеровъ вошло во всеобщее обыкновеніе. Получило оно начало въ Швейцаріи. Твердо рѣшившись отстоять независимость своей страны и вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя возможности по своей бѣдности завести многочисленную конницу для борьбы съ конницей германскихъ князей, швейцарцы обратили все свое вниманіе на пѣхоту и на ея тактику. Наиболѣе подходящимъ для нея оружіемъ они нашли пику, „съ которой“, по словамъ Макіавелли, „они научились не только, отбивать нападенія конницы, но часто ее прорывать и одерживать надъ ней верхъ“.

Нѣмцы, перенявшіе пику отъ швейцарцевъ, такъ надѣялись на пѣшихъ пикинеровъ, что всегда рѣшились бы съ ними, въ числѣ 15.000 —

20.000 чел., атаковать какую угодно многочисленную конницу. Макіавелли утверждаетъ, что въ его время было нѣсколько случаевъ такихъ атакъ, всегда оканчивавшихся благопріятно для пикинеровъ.

Вслѣдствіе этого пика заслужила такую славу, что ее приняли всѣ европейскіе народы; особенно ловко дѣйствовали ею испанцы. Приведемъ одинъ примѣръ, хотя ихъ можно было бы привести много.

Герцогъ Миланскій Филиппъ Висконти выслалъ противъ вторгнувшихся въ его землю 18.000 швейцарцевъ своего генерала, графа Карминьола, во главѣ 6.000 конницы и небольшаго числа пѣхоты, съ приказаніемъ немедленно атаковать противника. Атака не удалась, и миланцы потерпѣли сильное пораженіе. Карминьола, который, какъ кажется, былъ очень способный полководецъ, сразу оцѣнилъ всѣ преимущества пикинеровъ надъ всадниками. Онъ собралъ новое войско и вторично атаковалъ швейцарцевъ, приказавъ своимъ жандармамъ передъ боемъ спѣшиться и, превративъ ихъ такимъ образомъ въ тяжеловооруженныхъ пикинеръ, передъ которыми легковооруженные швейцарцы оказались совершенно беззащитными. Битва была выиграна миланцами: около 15.000 швейцарцевъ пало, прочіе были взяты въ плѣнъ.

Въ концѣ XV и началѣ XVI ст. конница, чтобы быть совершенно предохраненной, нагромоздила на себя такую тяжесть, что ей не только было трудно произвести сколько-нибудь быстрое движеніе, но она положительно лишила себя возможности, вслѣдствіе неповоротливости, нанести какой-нибудь вредъ непріятелю. Макіавелли очень хорошо сознавалъ всѣ недостатки такой системы. Онъ говоритъ: „я совсѣмъ не думаю, чтобы мы могли теперь такъ же разсчитывать на конницу, какъ на нее разсчитывали въ прежнія времена, такъ какъ въ послѣднее время мы часто видимъ, что конница постыдно побѣждается пѣхотой“. Затѣмъ онъ напоминаетъ сраженіе при Тиграноцертѣ, гдѣ катафракты Тиграна, имѣвшіе очень тяжелое предохранительное вооруженіе, не принесли никакой пользы, потому что были такъ обременены вооруженіемъ, что еле могли видѣть непріятеля, а не то, чтобы нанести ему вредъ; слѣзши же съ лошади, не могли болѣе влѣзть или дѣйствовать оружіемъ. Въ своей исторіи Флоренціи онъ приводитъ нѣсколько подобныхъ же примѣровъ изъ новѣйшаго времени, когда воины, упавшіе съ лошадей, не могли болѣе встать и утопали въ грязи.

Далѣе онъ высказываетъ свои мысли о цѣлесообразномъ употребленіи конницы: „Непремѣнно слѣдуетъ имѣть въ арміи нѣкоторое число конницы для подкрѣпленія и поддержанія пѣхоты, но она никакъ не должна составлять главнаго рода оружія. Она имѣетъ весьма важное значеніе для рекогносцировокъ, разъѣздовъ, набѣговъ, опустошенія непріятельской страны, тревоженія расположенія противника, отрѣзанія подвозовъ; въ сраженіяхъ же, которыя рѣшаютъ судьбу народовъ и для которыхъ преимущественно существуютъ войска, она скорѣе пригодна для преслѣдованія разбитаго и

бѣгущаго врага, чѣмъ для чего-либо другого". Достойно удивленія, что Макіавелли, который былъ извѣстный политикъ и государственный человѣкъ, но отнюдь не воинъ, выражаетъ такія разумныя и правильныя мнѣнія о военномъ дѣлѣ въ такое время, когда основные принципы его не понимались военными.

Мы остановились нѣсколько долѣе на его сочиненіяхъ, потому что онъ первый изъ писателей новаго времени посмотрѣлъ на военное искусство съ научной точки зрѣнія. Въ его взглядахъ просвѣчиваетъ заря возрожденія военнаго искусства.

Въ началѣ XVI ст. пѣхота уже пріобрѣла значеніе на полѣ сраженія и начала соперничать съ тяжеловооруженной конницей. Этому успѣху способствовали два обстоятельства: во-первыхъ, тяжесть вооруженія конницы и вслѣдствіе этого ея неповоротливость, не допускавшія атакъ на сколько-нибудь быстромъ аллюрѣ, и во-вторыхъ, лучшая организація и вооруженіе пѣхоты. Пики, которыя преимущественно назначались для отраженія атакъ конницы, были такъ длинны и крѣпки, что, если только пѣхота стояла сомкнуто, кавалеріи не было почти никакой возможности прорвать ея ряды. Аркебузы и мушкеты также давали возможность пѣхотѣ причинять большой вредъ конницѣ, не подвергая себя большой опасности, и, если пѣхота даже и была нѣсколько разстроена, то конницѣ предстояло еще одолѣть аллебардщиковъ, которые со своими сѣкирами были также опаснымъ врагомъ. Съ того момента, когда улучшеніе огнестрѣльнаго оружія дало возможность аркебузирамъ и мушкетерамъ поражать и жандармовъ, несмотря на ихъ тяжелое предохранительное вооруженіе, наступилъ коренной переворотъ, и превосходство пѣхоты было совершенно обезпечено. Однако въ теченіе еще очень долгаго времени по изобрѣтеніи огнестрѣльнаго оружія сила удара пули была столь мала, что она пробивала латы только съ очень близкаго разстоянія и то при прямомъ попаданіи. Поэтому предохранительное вооруженіе, усиленное при изобрѣтеніи пороха, еще долго оставалось въ употребленіи, и конница, признавъ въ огнестрѣльномъ оружіи опаснаго врага, стала сама имъ пользоваться.

Рыцари или тяжелые всадники очень скоро приняли „петронели"; это были гладкіе стволы на прямомъ кускѣ дерева; огонь передавался фитилемъ. При этомъ одинъ конецъ упирался въ грудную кирасу (poitrail), а другой поддерживался вилкой или другимъ упоромъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу. Пока пули не могли пробивать кирасъ, эти „петронели" давали нѣкоторое преимущество конницѣ надъ пѣхотой, не носившей полнаго предохранительнаго вооруженія, которое во время введенія огнестрѣльнаго оружія дѣлалось очень толстымъ; въ серединѣ XVI столѣтія предохранительное вооруженіе было облегчено, но недолго, такъ какъ уже къ концу этого столѣтія броня нѣкоторое время была тяжелѣе, чѣмъ когда-либо.

Постоянныя улучшенія въ аркебузахъ потребовали улучшенія латъ, при чемъ, чтобы не увеличивать вѣса всего снаряженія, были отброшены нѣкоторыя другія его части. Прежде всего, во второй половинѣ XVI ст. были сняты наножники и желѣзные башмаки; за ними подверглись понемногу той же участи передникъ (braconnière), тассеты, наплечники и т. д. Вмѣсто того стали носить высокіе, тяжелые кожаные сапоги и простые, крѣпкіе погоны. Это видоизмѣненное снаряженіе продолжало затѣмъ существовать въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. По мѣрѣ улучшенія огнестрѣльнаго оружія стало измѣняться отношеніе пѣхоты къ конницѣ въ пользу первой. Отчасти по этой причинѣ, отчасти вслѣдствіе трудности пріобрѣтенія большихъ лошадей, конница стала утрачивать свое первенствующее положеніе.

Постепенныя улучшенія въ огнестрѣльномъ оружіи возбуждали въ конницѣ постоянное стремленіе принять его и обратить въ свою пользу. Новое оружіе стало быстро распространяться во всѣхъ конницахъ Европы. За петронелями скоро послѣдовали аркебузы съ колеснымъ замкомъ, изобрѣтеннымъ въ 1515 г. въ Нюренбергѣ; онѣ скоро вошли въ конницѣ во всеобщее употребленіе, такъ какъ были удобнѣе для стрѣльбы съ коня. Въ началѣ XVI ст. появилось еще новое оружіе — пистолетъ; нѣкоторые производятъ это названіе отъ Пистойи, города въ Италіи, гдѣ онъ яко-бы впервые былъ изготовленъ; Демминъ-же, очень авторитетное лицо, говоритъ, что оно происходитъ отъ „pistallo“, что означаетъ въ переводѣ: пуговица, украшеніе. Какъ говорятъ, пистолеты вошли въ употребленіе въ Англіи въ 1521 г. и во Франціи въ 1531 г.; они были у французской пѣхоты, стрѣлявшей изъ нихъ подъ прикрытіемъ пикинеровъ, при Черизолѣ въ 1544 г.; въ 1557 г. въ битвѣ при С. Кентенѣ мы ихъ встрѣчаемъ у нѣмецкихъ всадниковъ.

Изобрѣтеніе пистолета съ колеснымъ замкомъ было очень выгодно для конницы, такъ какъ она получила въ немъ оружіе очень для себя удобное, и вмѣстѣ съ тѣмъ смертоносное.

Съ одной стороны пики и аркебузы пѣхоты, съ другой — тяжеловѣсность всадниковъ, не позволявшая имъ атаковать аллюромъ выше рыси, скоро довели конницу до полнаго забвенія атаки на полномъ ходу и удара; она предпочитала, вопреки своимъ основнымъ свойствамъ, перестрѣливаться съ пѣхотой. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, до какой степени предразсудки могутъ задерживать улучшенія и реформы, несмотря на то, что они являются настоятельно необходимыми вслѣдствіе наступившихъ измѣненій въ окружающей обстановкѣ.

Духъ рыцарства былъ еще живъ, и конница продолжала пользоваться особымъ расположеніемъ, хотя свернула на ложный путь и утратила свое первоначальное значеніе. Большинство, ложно примѣняясь къ требованіямъ измѣнившихся условій, думало, что конница, чтобы противостоять смертоносному огню пѣхоты, должна отбросить конную атаку и полагаться на

огнестрѣльное оружіе, несмотря на то, что послѣднее требуетъ тщательной и спокойной прицѣлки, что невыполнимо для всадника, и кромѣ того конница имѣетъ еще тѣ невыгодныя шансы въ подобной борьбѣ съ пѣхотой, что представляетъ своей массой большую цѣль для противника. Ослѣпленіе было такъ сильно, что даже противъ пѣхоты, стрѣлявшей на мѣстѣ изъ лучшаго оружія, предпочитали этотъ способъ дѣйствія.

Нѣмцы, кажется, умѣли отлично пользоваться пистолетами. Они строили свои эскадроны въ нѣсколько шеренгъ, иногда даже въ 16. Передняя шеренга подскакивала на близкое разстояніе къ непріятелю, стрѣляла изъ обоихъ пистолетовъ, поворачивала направо и налѣво и уходила назадъ, оставляя мѣсто прочимъ шеренгамъ, дѣйствовавшимъ совершенно такимъ-же образомъ; между тѣмъ первая шеренга выстраивалась за послѣдней и опять заряжала свои пистолеты, и, если было нужно, возобновлялся тотъ же маневръ опять съ первой шеренги. Подобнаго образа дѣйствій держались довольно долго, но онъ долженъ былъ быть оставленъ, какъ только французская конница начала атаковать полнымъ ходомъ занимавшихся стрѣльбой всадниковъ, при чемъ послѣдніе были почти безъ исключенія постоянно опрокидываемы.

Съ почти полнымъ изъятіемъ изъ употребленія копья, пистолету стали придавать большее значеніе, чѣмъ онъ этого заслуживалъ, и черезъ это вся кавалерійская тактика пошла по совершенно ложной дорогѣ. Главная сила этого рода оружія была утрачена или, по крайней мѣрѣ, забыта. Слѣдствіемъ этого явилось низведеніе конницы на очень невысокое положеніе; иначе впрочемъ и не могло быть при уменьшеніи быстроты движеній до рыси и при предпочтеніи огнестрѣльнаго оружія холодному.

Рейтаръ 1557 г.

Нѣмецкіе рейтары, — родъ конницы чисто германскій и затѣмъ встрѣчавшійся подъ тѣмъ же именемъ почти у всѣхъ европейскихъ народовъ,— были снаряжены и вооружены гораздо легче тяжелой конницы. На болѣе быстрыхъ лошадяхъ, вооруженные мечами и пистолетами, они нерѣдко одерживали верхъ надъ французскими жандармами. Во многихъ отношеніяхъ рейтары похожи на конницу новѣйшаго времени, но и они разсчитывали преимущественно на огнестрѣльное оружіе, которое при тогдашнемъ его состояніи отнюдь не могло быть поставлено наравнѣ съ холоднымъ для коннаго рукопашнаго боя.

Рейтаръ 1557 г.

Нѣмцы первые приняли глубокій строй для конницы; французы въ слѣпомъ подражаніи переняли его уже при Францискѣ I-мъ. Еще во времена императора Карла V французская конница строилась въ одну шеренгу, по обычаю рыцарей; нѣмецкая же уже въ 15—16 шеренгъ. Впрочемъ французы не долго оставались при прежнемъ построеніи и скоро замѣнили его новымъ.

По словамъ Ла-Ну Карлъ V первый свелъ свою конницу въ эскадроны [1]); скоро это распространилось по всей Европѣ и съ тѣхъ поръ уже было постояннымъ. Впрочемъ Наполеонъ III, въ своемъ сочиненіи объ артиллеріи, утверждаетъ, что строй поэскадронно былъ уже извѣстенъ нѣмцамъ гораздо раньше, а что Карлъ V только окончательно ввелъ его.

Хотя Францискъ I и увеличилъ глубину построенія въ своихъ эскадронахъ, но скоро это было оставлено, и французскіе жандармы стали строиться попрежнему въ одну шеренгу, пока не были разбиты на голову въ 1557 и 1558 гг. при С. Кентенѣ и Гравелингенѣ тяжелыми эскадронами испанскихъ копейщиковъ; точно также при Дре въ 1562 г. французскіе жандармы потерпѣли пораженіе отъ нѣмецкихъ рейтаровъ, и послѣ этого окончательно приняли строй въ нѣсколько шеренгъ, къ великому неудовольствію французскихъ дворянъ, желавшихъ непремѣнно сражаться въ первой шеренгѣ.

Впрочемъ, собственно говоря, жандармы и легкіе всадники до введенія эскадроновъ строились въ нѣсколько шеренгъ, но только онѣ ставились на дистанціи 40 шаговъ одна за другой; построеніе это не можетъ быть безусловно осуждаемо, такъ какъ оно давало возможность имѣть постоянно свѣжія части и постепенно вводить ихъ въ бой. Легкая конница перешла къ глубокому построенію гораздо раньше жандармовъ.

При Генрихѣ II французскіе эскадроны были силой въ 400 чел. и строились въ 10 шеренгъ, имѣя 40 чел., по фронту; затѣмъ они были уменьшены до 200 чел., при той-же глубинѣ; при Генрихѣ IV число шеренгъ уменьшилось до шести, а около 1633 г. эскадроны были сведены въ полки, которые строились въ 3—4 шеренги.

По словамъ Мельцо, въ началѣ XVI ст. существовало обыкновеніе ставить конныхъ аркебузировъ впереди копейщиковъ. Аркебузиры своей стрѣльбой старались привести непріятеля въ безпорядокъ и затѣмъ, когда цѣль была достигнута или противникъ подходилъ слишкомъ близко, они уходили назадъ черезъ интервалы второй линіи или мимо ея фланговъ, оставляя поле открытымъ для атаки копейщиковъ. За этими послѣдними, для ихъ поддержанія или для преслѣдованія непріятеля, шла линія кирасиръ, а за ней еще линія конныхъ аркебузировъ.

---

[1]) Сравнить со стр. 182. Примѣч. Брикса.

Вслѣдъ за этимъ перемѣшиваніемъ различныхъ родовъ конницы стали скоро перемѣшивать конницу съ пѣхотой, а именно придавать къ первой маленькія части мушкетеровъ. Такъ какъ въ то время аллюромъ для атакъ была рысь, то полагали (horrible dictu!), что мушкетеры поспѣютъ одновременно со всадниками подойти къ непріятелю и своимъ огнемъ помогутъ

Копейщикъ начала XVI столѣтія.

имъ. Эта полумѣра привела, однако, къ еще большему уменьшенію быстроты движенія конницы, не доставивъ ни силы огня, ни стойкости соотвѣтствующей пѣхотной части.

Всѣ вышеприведенные факты показываютъ, какъ невѣрно понимались военными людьми того времени основныя свойства конницы и, что все сводилось къ возможно большему извлеченію выгодъ изъ вновь изобрѣтеннаго огнестрѣльнаго оружія.

Копейщикъ начала XVI столѣтія.

Въ сраженіи при Павіи въ 1525 г. въ первый разъ мы видимъ перемѣшиваніе пѣхоты съ конницей, примѣненное маркизомъ Пескара. Большой ошибкой Франциска I была его атака съ жандармами имперской арміи, какъ разъ въ то время, когда дѣйствіе артиллеріи стало ощутительнымъ и могло породить у противника безпорядокъ. Несвоевременность же эта атаки замаскировала для артиллеріи поле дѣятельности и принудила ее прекратить огонь въ самую рѣшительную минуту. Имперцы благодаря этому оправились, перешли въ наступленіе и окружили короля съ его жандармами со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого Пескара выдвинулъ 1.500 баскскихъ аркебузировъ, которые открыли убійственный огонь по французамъ,

Сраженіе при Павіи. Обстрѣливаніе французскихъ рыцарей испанскими стрѣлками.

совершенно уже беззащитнымъ и не имѣвшимъ возможности ихъ атаковать. Король приказалъ своимъ воинамъ разомкнуться, что-бы уменьшить потери; непріятельская пѣхота воспользовалась этимъ, ворвалась въ открывшіеся такимъ образомъ интервалы и перебила много народа. Самъ король, выказавшій чудеса храбрости, былъ захваченъ въ плѣнъ, а съ нимъ и многіе изъ его генераловъ и высшихъ начальниковъ. Побѣда была самая рѣшительная, и ее поспѣшили приписать въ первый разъ здѣсь употребленному перемѣшиванію конницы съ пѣхотой. Обыкновеніе это получило очень быстрое распространеніе, и мы находимъ почти во всѣхъ тогдашнихъ арміяхъ пѣшихъ аркебузировъ, поставленныхъ между эскадронами.

Въ битвѣ при Дре въ 1562 г., мы видимъ обратное — эскадроны жандармовъ и легкой конницы были поставлены въ интервалахъ пѣхотныхъ батальоновъ.

*

Сраженіе при Павіи. Обстрѣливаніе французскихъ рыцарей испанскими стрѣлками.

При С. Дени въ 1567 г. протестантскіе аркебузиры подпустили непріятельскую конницу на 50 шаговъ и затѣмъ дали залпъ, причинившій ей большія потери; благодаря этому частному успѣху Колиньи получилъ возможность произвести отступленіе въ порядкѣ и спокойно.

Битва при Монконтурѣ въ 1569 г. можетъ служить хорошимъ примѣромъ тактики того времени. Нѣмецкая и швейцарская пѣхота были вооружены только пиками; французская — преимущественно аркебузами, только незначительное число людей имѣло аллебарды и еще меньшее — пики. Напротивъ того, французская конница дѣйствовала пикой, а нѣмецкая полагалась больше на пистолеты, которыми пользовалась вышеописаннымъ способомъ. Колиньи перемѣшалъ попарно французскіе и нѣмецкіе эскадроны въ надеждѣ, что такимъ образомъ они будутъ лучше поддерживать другъ друга, дѣйствуя одновременно одинъ пикой, а другой пистолетомъ. Кромѣ того, онъ придалъ конницѣ еще пѣшихъ аркебузировъ, которые должны были дѣйствовать передъ ея фронтомъ въ разсыпномъ строю. Въ бою королевскимъ жандармамъ удалось, благодаря большому росту и быстротѣ ихъ лошадей, опрокинуть протестантскую конницу, бывшую на болѣе легкихъ коняхъ. Тогда Колиньи приказалъ тремъ полкамъ французскихъ аркебузировъ открыть огонь по непріятелю, цѣля только въ лошадей и пустилъ въ атаку шесть корнетовъ нѣмецкихъ рейтаровъ. Онъ, вѣроятно, и одержалъ бы побѣду, еслибъ въ рѣшительную минуту не появился маршалъ Коссе, который ввелъ въ дѣло бывшую до сихъ поръ въ резервѣ швейцарскую пѣхоту.

Въ битвѣ при Кутра 20 октября 1587 г. Генрихъ IV Наварскій примѣнилъ новое построеніе, тоже основанное на взглядахъ того времени. Онъ поставилъ свою пѣхоту на флангахъ, конницу — въ центрѣ, при чемъ въ интервалахъ эскадроновъ стояли небольшія группы пѣшихъ аркебузировъ. Группы эти были построены въ 4 шеренги, по 5 человѣкъ въ каждой; для стрѣльбы первая шеренга ложилась, вторая становилась на колѣно, третья нагибалась немного и четвертая стояла прямо, такъ что всѣ могли стрѣлять одновременно; при этомъ было приказано не стрѣлять, пока непріятельская конница не подойдетъ на 20 саж., такъ что промаховъ почти не могло быть; люди были отборные, извѣстные храбростью и стойкостью, и имъ была выяснена вся важность спокойствія и присутствія духа. Королевская конница начала атаку съ разстоянія 800 метровъ и уже понесла довольно значительныя потери, когда на разстояніи 20 шаговъ ее встрѣтилъ залпъ, приведшій ее въ нѣкоторый безпорядокъ; затѣмъ она была энергично атакована конницей Генриха и отброшена.

Особенно интересное кавалерійское дѣло произошло 14 апрѣля 1574 г. при Мукеръ Гейде въ Голландіи, между голландцами подъ командой гр. Людовика Нассаускаго и испанцами подъ командой Авила. Испанская конница имѣла конныхъ карабинеровъ въ первой линіи, копейщиковъ и

нѣмецкихъ черныхъ рейтаровъ—во второй. Графъ Людовикъ атаковалъ всей своей конницей карабинеровъ и отбросилъ ихъ въ безпорядкѣ. Между тѣмъ его люди, заѣхавшіе по окончаніи атаки направо и налѣво, чтобы зарядить свое оружіе, были атакованы копейщиками и кирасирами, стоявшими до тѣхъ поръ сомкнуто въ резервѣ и теперь вынесшимися впередъ карьеромъ. Атака была произведена весьма энергично и вполнѣ своевременно. Послѣ короткаго боя голландскіе карабинеры были отброшены съ большими потерями, и дѣло рѣшено въ пользу испанцевъ.

Глава III.

Европейская конница въ XVI столѣтіи.

1. Раздѣленіе ея по родамъ [1]).

Въ предыдущей главѣ мы видѣли то преувеличенное значеніе, которое конница начала придавать огнестрѣльному оружію въ ущербъ холодному. Слѣдствіемъ этого явилось раздѣленіе конницы на различные роды, при чемъ преимущественно имѣлось въ виду извлечь возможно большую пользу отъ аркебузы, пистолета или карабина.

Прежде также существовало раздѣленіе конницы на тяжелую — жандармовъ и легкую — стрѣлковъ, но они не были совершенно отдѣлены другъ отъ друга, такъ какъ вторые были не болѣе, какъ свитой первыхъ и входили въ составъ „копій". Только въ походѣ Карла VIII въ Италію мы встрѣчаемъ легкихъ всадниковъ, выдѣленныхъ въ особыя части съ тактическими цѣлями.

Аргулетъ Генриха II.

Аргулеты. Людовику XII приписывается введеніе особаго рода легкихъ всадниковъ, называвшихся аргулетами, которые сражались въ разсыпномъ строю. Они имѣли легкую кирасу и легкій шлемъ, мечъ, палицу и арбалетъ а впослѣдствіи, вмѣсто послѣдняго — аркебузу съ колеснымъ замкомъ, которая носилась въ особомъ, прикрѣпленномъ къ сѣдлу, кожаномъ футлярѣ. Въ 1499 г. во французской арміи было сформировано 2.000 аргулетовъ, которые обучались по образцу венеціанской легкой конницы; тотъ же

---

[1]) Bardin; — Gay de Vernon; — Daniel; — Duparcq; — Humbert; — Beamish; — Rocquancourt; — Stowe. Annals; — Lamartine, History of Turkey; — Nolan; — Montecuculi; — Warnery, Remarques sur le militaire des Turcs.

Аргулетъ Генриха II.

характеръ носила и албанская конница, мало отличавшаяся отъ аргулетовъ. Повидимому, слово „аргулеты“ означало вообще особый родъ конницы, къ которому принадлежала и албанская, названная такъ потому, что она комплектовалась албанцами. Этимъ можно себѣ объяснить, что историки того времени безразлично употребляютъ одно вмѣсто другого названія: албанцы, страдіоты, аргулеты.

Страдіотъ.

Албанцы. Въ 1496 г. Карлъ VIII взялъ на свою службу 8.000 албанцевъ. Нѣсколько времени спустя Людовикъ XII назначилъ главнокомандующимъ ими одного изъ своихъ генералъ-полковниковъ; они составили ядро французской легкой конницы и существовали до Генриха III, когда одинъ ихъ эскадронъ, подъ командой маркиза Жуаезъ, участвовалъ въ битвѣ при Кутра. Албанцы были сформированы въ роты изъ 300—400 чел. и служили всѣ на своихъ лошадяхъ. Они носили нѣчто въ родѣ турецкаго костюма, но безъ тюрбана; сражались какъ на конѣ, такъ и пѣшкомъ. Исключительной принадлежностью ихъ вооруженія былъ арцегай, особаго рода короткое, съ обоихъ концовъ окованное желѣзомъ копье, которымъ они дѣйствовали съ необыкновенной ловкостью.

Женетеры или гинеты были почти во всѣхъ арміяхъ. Названіе это было испанское и происходитъ отъ слова „gineta“—короткое копье. Они имѣли всѣ обыкновенія и снаровки сарацинъ или мавровъ и составляли легкую испанскую конницу, соотвѣтствовавшую теперешнимъ гусарамъ. Подобно албанцамъ, они носили турецкій костюмъ, имѣли арцегаи и кромѣ того щиты. Ихъ лошади были малы, но хорошо сложены, и эта порода до сихъ поръ извѣстна во Франціи подъ именемъ „genets“. Они ѣздили на очень короткихъ стременахъ и употребляли мавританскій мундштукъ.

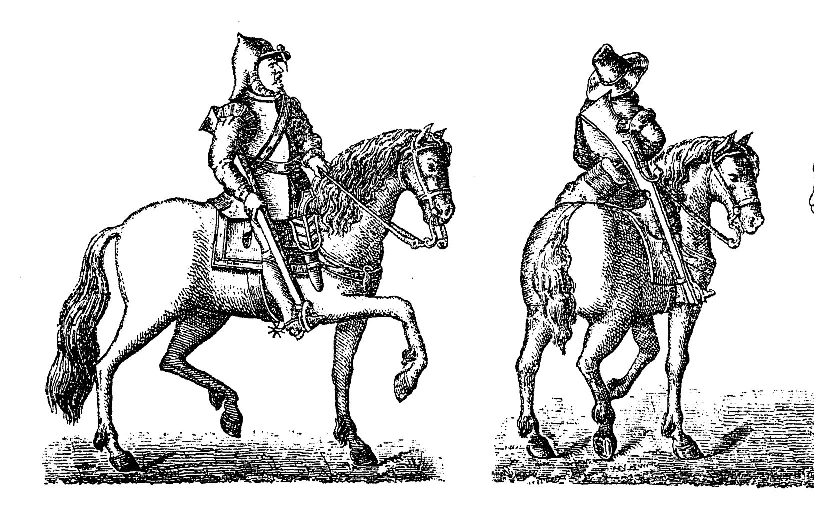
Съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія аргулеты очень скоро приняли аркебузы, а затѣмъ и ескопеты пистолеты. При Карлѣ IX слово „аргулетъ“ получило смыслъ браннаго слова, и послѣ битвы при Дре въ 1562 г. о нихъ болѣе не упоминается, ихъ мѣсто заступили во французской арміи карабены.

Конные аркебузиры встрѣчаются только во Франціи. Они были вооружены аркебузами, служили для прикрытія фланговъ и вообще для поддержки вооруженной копьями тяжелой конницы. Отъ карабеновъ и дра-

Страдіотъ.

гунъ они отличались только тѣмъ, что комплектовались изъ иноземцевъ, но службу несли одинаковую.

Карабены (carabins) появились во Франціи при Генрихѣ II и были сформированы преимущественно изъ гасконцевъ и басковъ. Они имѣли короткую аркебузу съ колеснымъ замкомъ, пистолетъ и, вѣроятно, мечъ. Они замѣнили аргулетовъ и страдіотовъ и составляли въ свое время легкую конницу. Въ полки они были сведены въ первый разъ при Людовикѣ XIII.



Аркебузиръ. Драгуны.

Драгуны появились также около того времени. По словамъ патера Даніеля, они были учреждены маршаломъ де Бриссакъ, который примѣнилъ ихъ въ первый разъ въ Піемонтѣ. Дюпаркъ же приписываетъ туже мысль Петру Строцци, который въ 1543 г., т. е. за 7 лѣтъ до походовъ Бриссака въ Піемонтѣ, посадилъ на лошадей 500 аркебузировъ, чтобы сберечь ихъ силы и съ намѣреніемъ, въ случаѣ нужды, заставить ихъ вести пѣшій бой.

Собственно же говоря, первое появленіе драгунъ должно быть отнесено къ еще болѣе раннему времени. Уже Карлъ Смѣлый обучалъ своихъ стрѣлковъ спѣшиванію, спутыванію лошадей и быстрымъ движеніямъ пѣшкомъ, при чемъ впереди шли пикинеры, которые, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, становились на колѣно, упирая пику однимъ концомъ въ землю, и тѣмъ давали стрѣлкамъ возможность стрѣлять черезъ ихъ головы; когда противникъ былъ приведенъ въ безпорядокъ градомъ стрѣлъ, то пикинеры атаковали его холоднымъ оружіемъ.

Обычай же сажать пѣхотинцевъ на лошадей, позади всадниковъ, при необходимости быстраго передвиженія, существовалъ почти вездѣ еще несравненно раньше. Наконецъ, какъ выше было упомянуто, еще Александръ Македонскій въ своихъ димахахъ имѣлъ нѣчто совершенно подобное нынѣшнимъ драгунамъ по мысли и примѣненію.

Аркебузиръ.

Драгуны.

Но за то кажется первыми, кто возобновилъ драгунъ и далъ имъ это имя, были дѣйствительно французы, а отъ нихъ уже они перешли и въ прочія арміи.

Убіеніе Генриха II на турнирѣ и послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ отмѣна этихъ упражненій очень сильно отозвались на примѣненіи пики въ конницѣ. Трудность найти подходящихъ лошадей, тяжесть вооруженія и постоянныя улучшенія въ огнестрѣльномъ оружіи, скоро вывели копье совершенно изъ употребленія и конница стала дѣйствовать почти исключительно огнемъ.

Въ 1550 — 1553 г. маршалъ де Бриссакъ неоднократно сажалъ отдѣльныя роты аркебузировъ на лошадей для придачи части пѣхоты большей подвижности, съ цѣлью быстраго занятія ею какой-либо важной позиціи, гдѣ пѣхота спѣшивалась и вела затѣмъ бой пѣшкомъ. Это была идея, создавшая драгунъ и, повидимому, составляла первоначальное ихъ назначеніе въ новѣйшее время. Позже, при Карлѣ IX, Генрихѣ III и Генрихѣ IV драгуны оказали большія услуги.

Также точно въ 1552 г. принцъ Александръ Пармскій, чтобы поразить герцога Алансонскаго неожиданностью, посадилъ нѣсколько пѣхотныхъ ротъ на вьючныхъ лошадей и быстро двинулъ ихъ навстрѣчу противнику.

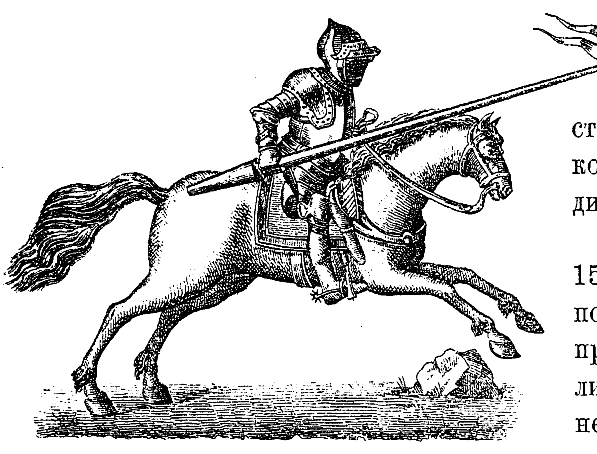
Такимъ образомъ драгуны были вначалѣ просто конной пѣхотой и пользовались лошадьми только для болѣе быстрыхъ переѣздовъ, сражались же всегда пѣшкомъ. Въ скоромъ времени, однако, люди не взлюбили спѣшиваніе и стали охотнѣе вести бой верхомъ, нежели пѣшкомъ; черезъ это къ этому роду конницы потеряли довѣріе.

Кирасиры составляли также особый родъ конницы, нѣчто въ родѣ нѣмецкихъ рейтаровъ. Они были впервые сформированы герцогомъ Морицомъ Нассаускимъ (Оранскимъ) во время нидерландской войны. Это былъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся полководцевъ того времени и принадлежалъ къ числу реформаторовъ военнаго искусства. Такъ какъ съ одной стороны онъ только съ большимъ трудомъ могъ достать пригодныхъ для копейщиковъ лошадей, а съ другой — этотъ родъ конницы требовалъ ровной и открытой мѣстности и твердаго грунта, что въ Нидерландахъ встрѣчалось очень рѣдко, то онъ совсѣмъ уничтожилъ ихъ въ своей арміи. Вмѣсто того онъ завелъ особый родъ конницы, болѣе легкій, чѣмъ копейщики, но все-таки носившій латы и кромѣ того имѣвшій пистолеты на длинномъ ложѣ и мечи, одинаково пригодные для уколовъ и для ударовъ.

Кирасиръ.

Кирасиръ.

Затѣмъ Морицъ научилъ ихъ встрѣчать непріятельскихъ копейщиковъ прежде всего залпомъ, а затѣмъ, раздаваясь отъ середины, бросаться въ рукопашную на ихъ фланги; вслѣдствіе болѣе легкаго вооруженія и потому большей подвижности кирасиръ, маневръ этотъ имъ почти всегда удавался. Такой способъ дѣйствія напоминалъ дѣйствія нѣмецкихъ рейтаровъ, которые послѣ выстрѣла уходили за фронтъ для заряжанія.



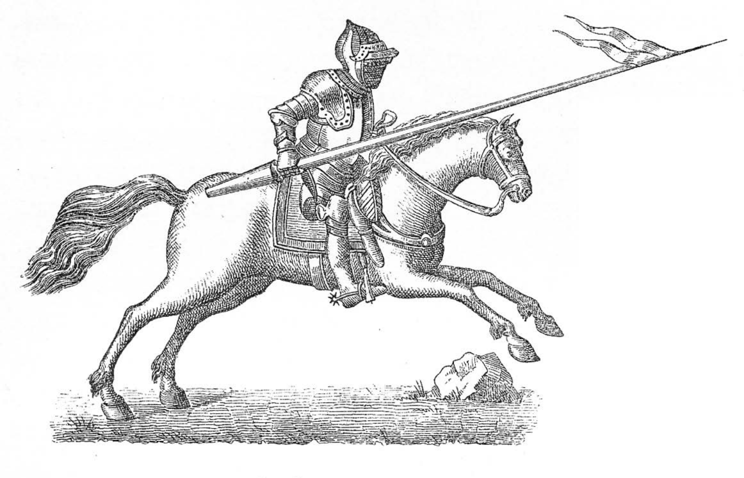
Копейщикъ.

Въ сраженіи при Иври въ 1590 г. рейтары, давъ залпъ, повернули назадъ и хотѣли пройти въ интервалы второй линіи, но интерваловъ этихъ не оказалось и они налетѣли на тяжелыхъ копейщиковъ, которыхъ герцогъ Майенскій велъ какъ разъ въ это время въ атаку, прорвали ихъ и привели въ полный безпорядокъ, благодаря чему атака не удалась и сраженіе было выиграно Генрихомъ IV.

Вновь организованная принцемъ Морицемъ конница получила названіе кирасиръ отъ кирасъ, составлявшихъ ея главное предохранительное вооруженіе. Кирасиры дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ и много способствовали побѣдамъ нидерландцевъ. Этотъ родъ конницы появился затѣмъ съ большими или меньшими измѣненіями почти во всѣхъ европейскихъ арміяхъ и существуетъ до настоящаго времени, съ тою только разницею, что теперь холодное оружіе сдѣлалось главнымъ, а огнестрѣльное — второстепеннымъ.

При Генрихѣ II вошло въ обыкновеніе придавать каждой ротѣ легкой конницы, къ которой причислялись и кирасиры, по 50 „карабеновъ“. Они строились обыкновенно на лѣвомъ флангѣ эскадрона и были подчинены его командиру, отъ котораго и получали знакъ для начала дѣйствій. По приближеніи на 200 шаговъ къ непріятельскимъ копейщикамъ и на 100 шаговъ къ кирасирамъ, они открывали огонь пошереножно и затѣмъ послѣдовательно уходили за эскадронъ, къ которому принадлежали. Если карабены были на обѣихъ сторонахъ, то они вели между собою огнестрѣльный бой въ разсыпномъ строю, стараясь притянуть огонь непріятеля на себя, когда кирасиры шли въ атаку.

Совершенно невозможно перечислить всѣ комбинаціи, которыя практиковались при соединеніи между собою различныхъ родовъ конницы и ихъ примѣненія съ цѣлью взаимной поддержки. Почти каждый годъ являлось



Копейщикъ.

новое измѣненіе или новая мысль въ зависимости отъ усмотрѣнія генераловъ и офицеровъ, командовавшихъ арміями и отдѣльными отрядами. Поэтому мы останавливаемся только на главнѣйшихъ.

Во времена принца Морица мы встрѣчаемъ впервые слово „корнетъ“, обозначающее одно изъ подраздѣленій конницы. Сила его колебалась между 100 — 300 конями. Принцъ Морицъ въ своихъ инструкціяхъ упоминаетъ объ одномъ корнетѣ въ 100 коней, о другомъ — въ 140; д'Авила говоритъ, что герцогъ Майенскій имѣлъ въ битвѣ при Иври корнетъ въ 300 коней. Въ теченіе долгаго времени сила конницы опредѣлялась числомъ корнетовъ вмѣсто прежнихъ „копій“. Самое названіе происходитъ отъ „корнета“ или штандарта, который имѣла каждая подобная единица. Въ запискахъ Стова говорится, что въ сраженіи при Цютфенѣ въ 1586 г. сэръ Виллькмъ Руссель сражался очень храбро: — „онъ атаковалъ со своимъ корнетомъ съ такой отвагой и такъ дѣйствовалъ своей сѣкирой, что непріятель видѣлъ въ немъ дьявола, а не человѣка, потому что гдѣ онъ только замѣчалъ, что собралось 6 — 7 враговъ, онъ бросался туда и разгонялъ ихъ очень скоро“.

Въ установленіяхъ императора Карла V составъ каждаго корнета опредѣленъ слѣдующій: 60 тяжеловооруженныхъ копейщиковъ, 120 кирасиръ, носившихъ только грудныя полукирасы, и 60 легкихъ всадниковъ, вооруженныхъ длинными аркебузами. На дѣлѣ это былъ какъ бы полкъ, составленный изъ 3 эскадроновъ конницы различныхъ родовъ. Карлъ V имѣлъ у себя вышеупомянутую національную легкую конницу женетеровъ, — испанцевъ, служившихъ образцомъ для легкихъ всадниковъ всѣхъ прочихъ народовъ и напоминавшихъ въ нѣкоторой степени венгерскихъ гусаръ. Они раздѣлялись на эскадроны. Раздѣленіе на полки также было впервые примѣнено въ Испаніи.

Значительно раньше времени, о которомъ мы говоримъ, появились въ Венгріи гусары, выдающаяся легкая конница. Это была сначала милиція: по постановленію, изданному въ половинѣ XV ст., каждый двадцатый человѣкъ былъ обязанъ службой; самое названіе гусаръ происходитъ отъ венгерскихъ словъ „huss“ — двадцатый и „ar“ — жалованье, плата. По словамъ патера Даніеля, они были вооружены частью длинными, прямыми или кривыми мечами на поясѣ и частью также длинными, прямыми тонкими шпагами (Stossdegen). Сѣдла изъ легкаго дерева клались на сложенные войлочные потники и сверху клали звѣриныя шкуры (шерстью наружу), покрывавшіе пистолеты и потники. Лошади имѣли только уздечки, такъ что ихъ можно было кормить при самой кратковременной остановкѣ, не разнуздывая. Гусары были особенно пригодны для фуражировокъ, развѣдокъ и сторожевой службы; образъ дѣйствія ихъ былъ самый безпорядочный и заключался въ постоянномъ, назойливомъ насѣданіи на противника въ разсыпномъ строю. Легкая конница по образцу гусаръ была скоро

введена почти во всѣ европейскія арміи и сохранилась въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ.

Турецкая конница того времени пользовалась большой извѣстностью. Она состояла изъ легкихъ всадниковъ, любимымъ оружіемъ которыхъ была кривая сабля или ятаганъ; кромѣ того они имѣли кирасы, шлемы и луки. Образъ дѣйствій ихъ былъ самый нестройный и безпорядочный, въ раз-

Легкая венгерская конница XVI столѣтія.

сыпномъ строю: они уходили передъ всякой сомкнутой атакой, но сейчасъ-же возвращались и бросались на фланги и тылъ противника, стараясь его утомить постоянными нападеніями. Долгое время турецкая конница считалась лучшей въ Европѣ. Если она рѣшалась атаковать противника, то принимала строй въ видѣ клина; если затѣмъ ей удавалось прорвать непріятельскій боевой порядокъ, то всадники немедленно разсыпались и вступали въ рукопашный бой, въ которомъ ихъ умѣнье владѣть оружіемъ

Легкая венгерская конница XVI столѣтія.

всегда доставляло имъ превосходство. Лошади ихъ были скорѣе маленькаго роста, но очень живыя, поворотливыя и хорошо выѣзженныя. За исключеніемъ сѣдла, все ихъ снаряженіе было очень легко. Пикой они дѣйствовали рѣдко, такъ какъ она непригодна для рукопашки. Турки не носили полнаго предохранительнаго вооруженія и потому могли съ изумительной ловкостью владѣть оружіемъ. Эта быстрота движеній дѣлала ихъ прекрасной, легкой конницей, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишала ихъ способности выдерживать натискъ тяжеловооруженныхъ всадниковъ, атаковавшихъ сомкнуто въ большомъ порядкѣ.

Турецкая конница состояла изъ регулярной — спаговъ и иррегулярной разныхъ сортовъ и наименованій. Спаги были вооружены копьями, дротиками и саблями; нѣкоторые еще и карабинами, другіе — луками. Европейскіе турки уже давно имѣли огнестрѣльное оружіе, когда азіатскіе начали только съ нимъ знакомиться. У нихъ были въ употребленіи также и пистолеты, которые носились или на сѣдлѣ, или за поясомъ. Легкія кольчуги въ XVII столѣтіи встрѣчались очень часто.

Аванпостная служба выполнялась турками очень строго, и они всегда имѣли конные посты, выдвинутые далеко впередъ, съ фронта, на флангахъ и въ тылу.

29 іюля 1526 г. произошло при Могачѣ большое сраженіе между турецкимъ султаномъ Солиманомъ Великолѣпнымъ и венгерскимъ королемъ Людовикомъ II. Это было преимущественно кавалерійское дѣло, интересное въ томъ отношеніи, что съ одной стороны были тяжеловооруженные венгерцы, а съ другой легкіе турки. У Солимана было около 200.000 чел. у Людовика — 30.000 и между ними довольно значительное число тяжеловооруженныхъ рыцарей и дворянъ, передъ бѣшеннымъ натискомъ которыхъ ни одна турецкая часть устоять не могла.

Планъ Солимана былъ составленъ очень искусно. Онъ построилъ свою армію въ три линіи: первую составляли азіатскія войска Ибрагима, вторую — европейскія войска Хозрева паши, а янычары подъ командою самого султана были поставлены въ резервѣ на холмѣ. Первой линіи было приказано разступиться передъ атакой венгерцевъ и затѣмъ заскакать имъ въ тылъ и на фланги. Дѣйствительно, венгерская конница подъ командой епископа Томори произвела блестящую атаку, пролетѣла чрезъ первую турецкую линію, давшую ей мѣсто, и пошла дальше, но уже съ сильно утомленными и запыхавшимися лошадьми, такъ что дойдя до второй линіи, должна была остановиться, а въ тоже время она была атакована съ флановъ и тыла первой линіей турокъ и почти вся перебита. Тогда двинулся впередъ самъ король съ храбрѣйшими рыцарями и тяжелой конницей; онъ прорвалъ подъ градомъ стрѣлъ обѣ турецкія линіи и уже подходилъ къ холму, гдѣ стоялъ Солиманъ съ 30.000 янычаръ, когда по немъ открыли фланговый огонь расположенныя здѣсь батареи и причинили боль-

шія потери. Тѣмъ не менѣе венгерцы продолжали движеніе, взобрались на холмъ и атаковали самого султана. Большое число слугъ и евнуховъ было перебито, защищая его; рыцари все приближались и уже направляли на него копья, когда подоспѣвшій отрядъ янычаръ отбросилъ нападающихъ и освободилъ своего повелителя. Такимъ образомъ венгерцы очутились въ самой серединѣ турецкаго расположенія и были окружены со всѣхъ сторонъ полчищами европейскихъ и азіатскихъ войскъ и янычаръ. Артиллерійскій огонь вырывалъ цѣлые ряды; легкіе всадники рубили всѣхъ, кто пытался бѣжать, а немногіе, успѣвшіе отъ нихъ ускакать, потонули съ лошадьми въ окружающихъ болотахъ. Такъ погибъ и несчастный король Людовикъ II и тѣло его никогда не было найдено. Потери венгерцевъ были огромны.

2. Испанская конница въ Мексикѣ и Перу [1]).

Обратимся теперь отъ Востока къ Западу и изложимъ вкратцѣ дѣйствія Кортеца въ Мексикѣ, гдѣ горсть кавалеріи имѣла огромное вліяніе на исходъ войны. Подробности завоеванія Мексики и военныя услуги, оказанныя при этомъ немногочисленными имѣвшимися у Кортеца всадниками, тѣмъ болѣе интересны, что это одинъ изъ немногихъ случаевъ, когда конница имѣла дѣло съ войсками, составленными изъ людей, никогда передъ тѣмъ не видавшими всадниковъ.

Мексиканцы не были совсѣмъ неопытны въ военномъ дѣлѣ: они имѣли уже тогда довольно хорошо организованныя и обученныя войска; существовало даже учрежденіе, имѣвшее много общаго съ Европейскимъ рыцарствомъ. Ацтекскіе князья зачисляли въ этотъ орденъ только въ видѣ награды за выдающуюся храбрость, при чемъ всякій зачислявшійся получалъ право носить на своей одеждѣ и вооруженіи извѣстныя украшенія.

Одежда офицеровъ была великолѣпна: она состояла изъ легкой туники, сдѣланной изъ стеганной хлопчатой бумаги, настолько толстой, чтобы ее не могло пробить бывшее въ употребленіи у индѣйцевъ метательное оружіе. Иногда вмѣсто туники, а иногда поверхъ нея болѣе знатные вожди носили латы изъ тонкихъ золотыхъ или серебряныхъ пластинокъ и накидки изъ перьевъ. Шлемы были деревянные или серебряные съ большимъ вкусомъ, и богато убранные съ великолѣпными перьями, золотыми украшеніями и драгоцѣнными камнями. Носили также роскошные браслеты, серьги и украшенія на шеѣ.

Войско дѣлилось на отдѣленія, силой въ 8.000 чел.; каждое изъ нихъ подраздѣлялось опять на меньшее отдѣленіе или роты въ 300 — 400 чел. Каждая рота имѣла свое знамя; каждая дивизія въ 8.000 чел. — также;

---

[1]) Prescott. Conquest of Mexico.

главнокомандующій имѣлъ при себѣ шитое золотомъ народное знамя, на которомъ былъ изображенъ государственный гербъ.

Тактика мексиканцевъ была довольно проста, но не первобытна. Они очень часто прибѣгали къ засадамъ, нечаяннымъ нападеніямъ и разнаго рода военнымъ хитростямъ. Наступленіе въ бою производилось въ замѣчательномъ порядкѣ и сопровождалось пѣніемъ и криками. Дисциплина была очень строга; непослушаніе наказывалось смертью. Оружіе состояло изъ пращей, луковъ и дротиковъ.

Таковы были военныя учрежденія этого многочисленнаго, богатаго и воинственнаго племени, когда пошелъ ихъ покорять испанскій рыцарь Фердинандъ Кортецъ. Онъ имѣлъ съ собой всего 110 моряковъ и 553 солдата, въ томъ числѣ 32 арбалетчика и 13 аркебузировъ. Кромѣ того, у него было 10 тяжелыхъ орудій, 4 фальконета, необходимые запасы и 16 лошадей. Перевозка была сопряжена съ большими трудностями и стоила очень дорого. Съ такими незначительными средствами былъ начатъ этотъ походъ, скорѣе похожій на фантастическій романъ, чѣмъ на дѣйствительное историческое происшествіе. Первое большое сраженіе произошло при Табаско 25 марта 1519 г.; Кортецъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ 40.000 индѣйскимъ войскомъ. Онъ приказалъ своей пѣхотѣ, поддержанной артиллерійскимъ огнемъ, атаковать непріятельскую позицію съ фронта, а самъ со всей своей конницей, въ числѣ 16 чел., произвелъ обходное движеніе съ цѣлью атаковать съ тыла. Фронтальное наступленіе встрѣтило упорное сопротивленіе; бой продолжался болѣе часу, и наконецъ испанцы, окруженные со всѣхъ сторонъ многочисленными врагами, начали подаваться назадъ. Вдругъ въ заднихъ рядахъ непріятеля возникъ безпорядокъ и смятеніе; на нихъ налетѣли испанскіе всадники съ громкимъ крикомъ, давя и рубя всѣхъ. Эта нежданная атака 16 всадниковъ рѣшила пораженіе храбраго 40.000 войска, сражавшагося до тѣхъ поръ съ мужествомъ и даже съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Внезапное появленіе въ тылу невиданныхъ никогда конныхъ людей произвело панику, и, какъ только главныя силы испанцевъ перешли въ рѣшительное наступленіе, мексиканцы побросали оружіе и обратились въ безпорядочное бѣгство. Этотъ чрезвычайно интересный случай напоминаетъ басню о центаврахъ. Индѣйцы, увидѣвъ конныхъ людей, приняли ихъ съ людьми за одно существо. Неудивительно потому, что ихъ охватилъ ужасъ.

Слѣдующую стычку испанцы имѣли съ тласкаланами, жителями маленькой республики между Мексикой и океаномъ. Военное устройство ихъ было сходно съ ацтекскимъ; у нихъ господствовало нѣчто въ родѣ феодальной системы. Существовалъ также рыцарскій орденъ, передъ зачисленіемъ въ который кандидатъ долженъ былъ простоять 50 — 60 дней въ полномъ вооруженіи на стражѣ въ храмѣ. Затѣмъ ему читалась серьезная проповѣдь объ его новыхъ обязанностяхъ. Въ дѣлахъ съ тласкаланами

испанцы были также счастливы, какъ съ индѣйцами, и наибольшую услугу имъ опять оказали всадники, пушки и все огнестрѣльное оружіе. Самое серьезное дѣло было 5 сентября 1519 г., когда тласкаланы выставили 50.000 чел. въ пяти отрядахъ. Простые воины были почти совершенно голые: они были вооружены пращами, дротиками и луками, изъ которыхъ они весьма мѣтко выпускали одновременно 2 или 3 стрѣлы; дротики составляли самое опасное оружіе и были снабжены ремнями, съ помощью которыхъ послѣ удара ихъ притягивали назадъ. Высшіе вожди носили стеганыя хлопчатобумажныя туники, скоро принятыя и испанцами. Онѣ имѣли 2 дюйма толщины и представляли нѣкоторое закрытіе отъ ударовъ метательнымъ оружіемъ; поверхъ нихъ богатые офицеры носили еще золотыя или серебряныя латы. Дисциплина, мужество и стойкость маленькаго отряда Кортеца, а также всадники и огнестрѣльное оружіе помогли ему и здѣсь одержать верхъ, но только послѣ дѣйствительно отчаяннаго боя.

Подробное описаніе дальнѣйшихъ операцій Кортеца, а равно и позднѣйшихъ дѣйствій Пизарро въ Перу завело бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ только, что и въ ней конница играла наиболѣе важную роль.

Глава IV.

Конница въ тридцатилѣтнюю войну; Густавъ-Адольфъ, Тилли и Валленштейнъ.

1. Густавъ-Адольфъ [1]).

Въ теченіе долгаго періода тридцатилѣтней войны военное искусство прошло нѣсколько ступеней въ своемъ развитіи. Въ центрѣ всей картины, которую представляетъ собою эта война, ярко выступаетъ величественный образъ героя-короля Густава-Адольфа шведскаго — одного изъ извѣстнѣйшихъ и величайшихъ военныхъ преобразователей новаго времени.

Благодаря ему тактика и вообще военное искусство сдѣлали такіе успѣхи, какъ война ни при комъ изъ полководцевъ ни до, ни послѣ него. Онъ былъ создателемъ новой системы, которая въ главныхъ чертахъ существуетъ и теперь. Вслѣдствіе этого его появленіе составляетъ эпоху въ исторіи военнаго искусства.

Это была натура совершенно выдающаяся, одна изъ тѣхъ, которыя столь рѣдко встрѣчаются на страницахъ исторіи. Онъ былъ отлично образованъ, превосходно изучилъ всѣ военныя учрежденія древнихъ временъ и былъ вполнѣ проникнутъ тѣми принципами, которые дали безсмертную

---

[1]) Beamish; — Decker; — Champan; — Mitchell; — Fonscolombe.

славу Александру, Аннибалу, Цезарю. Поэтому, хотя между его преобразованіями и встрѣчаются нововведенія, совершенно ему принадлежащія, но большая часть ихъ была разумнымъ возвращеніемъ къ идеямъ этихъ великихъ полководцевъ.

Прежде всего онъ установилъ въ своемъ войскѣ строгую дисциплину и вообще первый ввелъ порядокъ и послушаніе — факторы, составляющіе главный успѣхъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ ввелъ однообразіе въ одеждѣ солдатъ съ различіями по тѣмъ частямъ, къ которымъ они принадлежали.

Густавъ II, Адольфъ, король шведскій.

До него покрой и цвѣтъ платья совершенно зависѣлъ отъ вкуса владѣльца, и большая часть наемниковъ ходила просто въ лохмотьяхъ. Любимая поговорка Тилли: „оборванный солдатъ и блестящій мушкетъ“ вполнѣ характеризуетъ тогдашній взглядъ на этотъ предметъ. Введеніемъ хорошей и однообразной одежды Густавъ-Адольфъ далъ своимъ солдатамъ возможность легче переносить дурную погоду, поднялъ esprit de corps и улучшилъ наружный видъ своего войска.

До Густава Адольфа пѣхота строилась въ большія каре, составленныя въ центрѣ изъ пикинеровъ, а наружная сторона, то-есть фронтъ и фланги, изъ мушкетеровъ; подобное построеніе вытекало прямо изъ вошедшаго въ обыкновеніе перемѣшиванія обоихъ родовъ пѣхоты. Употребленіе огне-

Густавъ II, Адольфъ, король шведскій.

стрѣльнаго оружія настолько распространилось и вліяніе его на исходъ боя было на столько общепризнано, что какъ пѣхота, такъ и конница преимущественно полагались на него. Сохранившееся однако еще воспоминаніе о прежнихъ подвигахъ пѣхоты и продолжительность заряжанія мушкетовъ вынуждали придавать вооруженнымъ ими пѣхотинцамъ еще и пикинеровъ; эти послѣдніе, одѣтые въ полукирасы, защищавшія ихъ отъ пистолетныхъ выстрѣловъ всадниковъ, составляли для конницы непреодолимый барьеръ. Точно также пикинеры выдвигались впередъ и посылались въ атаку въ рѣшительную минуту боя, когда дѣло доходило до „удара въ пики“.

Густавъ-Адольфъ понялъ очень хорошо, что подобная масса, представлявшая нѣчто въ родѣ тяжелой и неповоротливой греческой фаланги и вполнѣ умѣстная при незначительной въ то время дальности и силѣ метательнаго оружія, была въ его время совершенно непригодна. Сверхъ того постепенное распространеніе орудій во всѣхъ арміяхъ и возраставшая ихъ мѣткость вызывали огромныя потери въ сомкнутыхъ массахъ пѣхоты. Все это вынуждало измѣнить способъ построенія, и дѣйствительно, Густавъ-Адольфъ началъ строить свои войска по образцу римскихъ легіоновъ, измѣняя однако этотъ боевой порядокъ сообразно съ новыми условіями боя. Онъ уменьшилъ силу полковъ съ 2.000 — 3.000 чел. до 1.200 и 1.000, полагаясь больше на быстроту движеній и свободу дѣйствій, чѣмъ на неуклюжую силу. Также точно онъ началъ строить пѣхоту въ 6 шеренгъ вмѣсто 12-ти, отдѣлилъ пикинеровъ отъ мушкетеровъ, и составилъ изъ каждаго изъ этихъ двухъ родовъ пѣхоты небольшія части, которыя стали подвижнѣе и могли гораздо свободнѣе поддерживать другъ друга. Уменьшеніемъ глубины онъ, при той же силѣ части, достигъ большаго протяженія фронта, а слѣдовательно и большей силы огня, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась меньшая цѣль для непріятельской артиллеріи. Мушкетеры и пикинеры строились такимъ образомъ, что первые могли всегда двигаться какъ впередъ, такъ и назадъ черезъ интервалы послѣднихъ, подобно римскимъ велитамъ. Длина пикъ была уменьшена съ 18 до 14 футъ, и много излишняго въ снаряженіи было отброшено.

Кромѣ вышесказаннаго, Густавомъ-Адольфомъ было сдѣлано еще много нововведеній: колонны; стрѣльба съ колѣна и повзводно; удобоперевозимыя кожаныя пушки; патроны, для носки которыхъ онъ далъ людямъ, вмѣсто прежнихъ перевязей, сумки; облегченіе мушкета и улучшенія въ немъ и окончательная отмѣна вилокъ; увеличеніе числа офицеровъ въ арміи для удобства управленія ею.

У Густава-Адольфа мы впервые замѣчаемъ согласованіе дѣйствій всѣхъ трехъ родовъ оружія: каждый изъ нихъ дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно и сообразно со своими свойствами, но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряетъ изъ виду общей цѣли. Обыкновенно онъ строилъ свою армію въ 2 или 3 линіи въ затылокъ другъ другу или въ шахматномъ порядкѣ; конница стано-

вилась или позади пѣхоты для ея поддержанія, или на ея флангахъ для самостоятельныхъ дѣйствій; артиллерія располагалась по всему фронту на удобныхъ мѣстахъ для поддержки пѣхоты и кавалеріи.

Мушкеты были облегчены во время польскихъ войнъ. Они были большею частью фитильные; кремневые начинали еще только входить въ употребленіе и были очень неудобной конструкціи. Мушкетеры носили съ собою заостренныя палки — рогатины, которыя втыкали въ нѣсколькихъ шагахъ передъ фронтомъ въ землю, наклонно впередъ, для защиты отъ конницы. За этой преградой стрѣлки могли спокойнѣе и вѣрнѣе цѣлиться. Этотъ способъ былъ перенятъ у англійскихъ стрѣлковъ подъ Азинкуромъ, но скоро вышелъ изъ употребленія. Остальное оружіе мушкетеровъ составлялъ мечъ, а предохранительное — шлемъ; пикинеры же имѣли кирасу и мечъ или сѣкиру. Для встрѣчи кавалерійской атаки пикинеръ держалъ пику наклонно въ лѣвой рукѣ, упирая конецъ ея въ землю противъ правой ноги; въ правой рукѣ были мечъ или сѣкира. Любопытно, что еще въ 1628 г. въ войскѣ Густава-Адольфа было 3.000 лучниковъ. Во время польской войны онъ имѣлъ отрядъ лыжниковъ, который употреблялся для наблюденія за непріятелемъ, когда глубокій снѣгъ мѣшалъ операціямъ. Кстати прибавить, что англійскія войска въ Канадѣ обучаются на лыжахъ движенію въ сомкнутомъ бою.

Въ кавалерійскомъ дѣлѣ Густавъ-Адольфъ былъ также великимъ преобразователемъ; можно сказать, что онъ первый понялъ истинное употребленіе этого рода оружія при современныхъ условіяхъ. Всѣ его улучшенія касались главнымъ образомъ не оружія и снаряженія, а именно тактическаго употребленія конницы.

До него конница имѣла характеръ тяжеловѣсности и неудобоподвижности. Эскадроны были огромны, движенія совершались медленными аллюрами, люди были тяжеловооружены и дѣйствовали преимущественно изъ мушкетовъ и пистолетовъ. Атака карьеромъ была совершенно неизвѣстна. Густавъ-Адольфъ раздѣлилъ свою конницу на полки изъ 8-ми ротъ по 70 чел. въ каждой; слѣдовательно, вся сила полка доходила до 560 коней. Полки эти строились въ 4, а затѣмъ и въ 3 шеренги. Снаряженіе было значительно облегчено, только тяжелой конницѣ были оставлены кирасы и шлемъ; въ легкой отнято все предохранительное вооруженіе.

Всякіе полузаѣзды, полуостановки, караколированіе, употреблявшіеся для вызова непріятельскаго огня до сближенія, были шведской конницѣ запрещены; ей предписывалось смѣло наступать на противника, причемъ первая шеренга давала залпъ изъ пистолетовъ, немедленно затѣмъ обнажала мечи и бросалась на непріятеля; вторая же и третья шеренги приберегали свой огонь до прорыва непріятельскаго расположенія.

Густавъ-Адольфъ всячески старался убѣдить свою конницу въ значеніи рукопашнаго боя. Онъ желалъ, чтобы она разсчитывала на холодное ору-

жіе и ударъ, и въ этомъ отношеніи опять онъ первый вызвалъ къ жизни позабытыя идеи Александра и Аннибала и старался ихъ примѣнить къ новымъ условіямъ.

Многіе писатели говорятъ, что онъ перемѣшивалъ пѣхоту и конницу по образцу того, какъ это дѣлали римляне; напримѣръ Шиллеръ утверж-

Мушкетеръ. Драгунъ. Кирасиръ. Пикинеръ.

Шведскія войска временъ Густафа Адольфа.

даетъ, что онъ старался восполнить недостатокъ конницы прибавленіемъ къ ней пѣхоты и такимъ образомъ одерживалъ побѣды. Кажется однако, что писатели эти не совсѣмъ поняли его мысль и приняли за простое перемѣшиваніе такого рода построеніе, которое давало возможность обоимъ родамъ оружія развить въ наивысшей степени взаимную поддержку. Его постоянныя стремленія къ предоставленію конницѣ возможно большей свободы движеній и поворотливости совершенно не согласуется съ перемѣши-

Мушкетеръ. Драгунъ. Кирасиръ. Пикинеръ.

Шведскія войска времен Густафа Адольфа.

ваніемъ ея съ пѣхотой, что могло только связать дѣйствія конницы. Дѣйствительно, онъ чередовалъ свою конницу съ пѣхотой въ боевомъ порядкѣ и располагалъ артиллерію по всему фронту; при чемъ, когда непріятель былъ потрясенъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, конница могла немедленно и съ большимъ удобствомъ его атаковать чрезъ интервалы. Но этотъ способъ дѣйствія не слѣдуетъ смѣшивать съ принятымъ прежде, когда едва-ли не къ каждому всаднику придавался пѣхотинецъ, и они не разставались ни во время движенія, ни въ бою.

Густавъ-Адольфъ, очевидно, слишкомъ хорошо понималъ цѣну быстроты и удара лошади, чтобы лишить свою конницу ея главнаго преимущества и низвести ее до роли вспомогательнаго рода оружія для пѣхоты.

Въ шведской арміи кирасиры или тяжелая конница имѣли шлемы, кирасы, длинные мечи и по два пистолета; драгуны или линейная конница — шлемы, длинныя ружья или мушкеты и шпаги; въ это время они употреблялись скорѣе, какъ кавалерія, чѣмъ какъ конная пѣхота. Легкая конница не имѣла никакого предохранительнаго вооруженія. Тяжелая конница обыкновенно составляла резервъ арміи. Третья шеренга составляла резервъ первыхъ двухъ. Есть указанія, что Густавъ-Адольфъ придавалъ коннымъ полкамъ легкія пушки.

2. Конница имперцевъ.—Битвы при Брейтенфельдѣ и Люценѣ [1].

Конница Тилли и Валленштейна состояла изъ кирасиръ, драгунъ, гусаръ и кроатовъ.

Кирасиры носили тяжелое предохранительное вооруженіе и сидѣли на высокихъ, тяжелыхъ лошадяхъ. Тилли строилъ ихъ въ 10, Валленштейнъ въ 8 шеренгъ; они были очень неповоротливы, открывали огонь и опять уходили назадъ для заряжанія. Драгуны, вооруженные длинными мушкетами, сражались иногда пѣшкомъ, но по большей части такъ же, какъ и тяжелая конница. Легкіе всадники строились у Тилли въ 6, у Валленштейна въ 5 шеренгъ. Гусары имѣли очень красивую форму; вся одежда и снаряженіе ихъ были богато изукрашены. Лучшей легкой конницей имперцевъ были иррегулярные кроаты; они преимущественно употреблялись для нечаянныхъ нападеній на обозы и транспорты, для засадъ и т. п. Они, какъ иррегулярные, считались ниже прочихъ войскъ, при заключеніи капитуляцій обыкновенно не принимались въ разсчетъ и въ качествѣ дикихъ варваровъ перерѣзывались безъ милосердія. Извѣстно одно горячее дѣло между 4.000 кроатовъ полковника Спара и отрядомъ шведской конницы подъ личнымъ начальствомъ Густава-Адольфа. Кроаты потерпѣли страшное пораженіе и это произвело чрезвычайно деморализирующее впечатлѣніе на этихъ иррегулярныхъ всадниковъ.

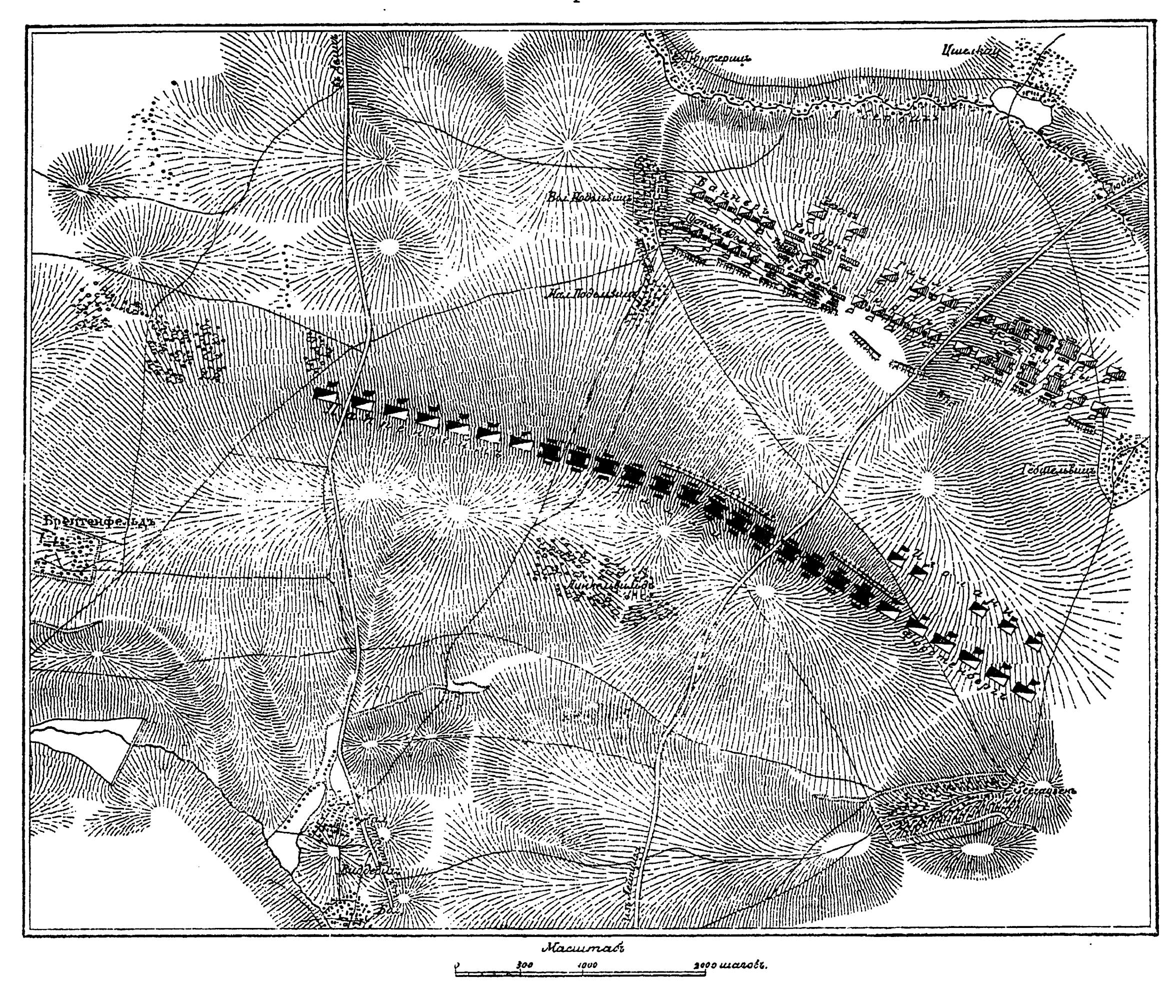
---

[1]) Beamish; — Mitchell; — Chapman; — Schiller.

Главныя сраженія тридцатилѣтней войны произошли при Брейтенфельдѣ или Лейпцигѣ въ 1631 г. и при Люценѣ, въ слѣдующемъ году; въ обѣихъ конница играла опять важную роль и уже имѣла вліяніе на исходъ сраженій.

При Брейтенфельдѣ имперцы въ числѣ 35.000 чел. заняли позицію, на слегка покатомъ участкѣ мѣстности среди огромной равнины. Центръ

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ БРЕЙТЕНФЕЛЬДѢ
7 Сентября 1631 г.

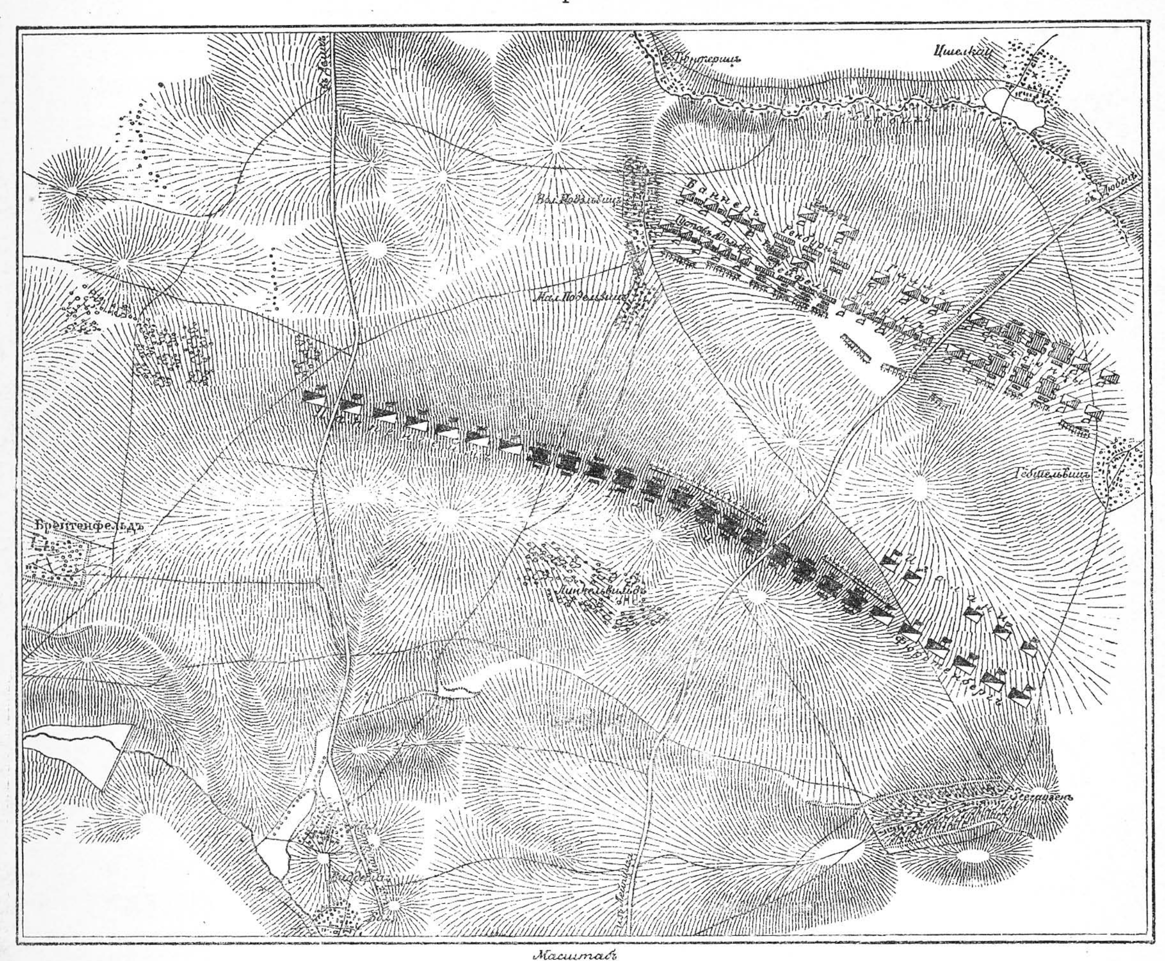


былъ подъ начальствомъ главнокомандующаго Тилли, правое крыло — Фюрстенберга и лѣвое — Паппенгейма, самого отважнаго кавалерійскаго генерала имперской арміи. Вся армія была построена въ одну глубокую массу, имѣя конницу на флангахъ, артиллерію — на холмѣ позади расположенія.

Соединенная шведско-саксонская армія приближалась въ 2 колоннахъ; близъ непріятельской позиціи, около Подельвица, ей пришлось переправ-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ БРЕЙТЕНФЕЛЬДѢ

7 Сентября 1631 г.



ляться черезъ ручей. Попытка имперцевъ остановить здѣсь шведовъ привела къ бою. Пылкій Паппенгеймъ съ 2.000 кирасиръ атаковалъ 3 шотландскихъ полка, составлявшихъ авангардъ шведовъ; шотландцы, во время поддержанные драгунами, отбили это нападеніе. Паппенгеймъ быстро собралъ свои части и возобновилъ атаку, уже съ фланга. Генералъ Баннеръ приказалъ головнымъ отдѣленіямъ зайти направо и такимъ образомъ удерживалъ непріятельскую конницу, пока король развертывалъ войско въ боевой порядокъ.

Отброшенные кирасиры отошли такъ быстро на главныя силы, что оставили безъ поддержки высланный имъ на подкрѣпленіе полкъ пѣхоты, на который и наскочила преслѣдовавшая кирасиръ шведская конница. Полкъ построилъ каре, имѣя по ошибкѣ или по недоразумѣнію, въ срединѣ пикинеровъ, а кругомъ нихъ — мушкетеровъ[1]); послѣдніе были сразу прорваны финляндскими всадниками и перебиты. Пикинеры же, хотя и остановили натискъ непріятельской конницы, но были немедленно вслѣдъ за тѣмъ атакованы двумя ротами шведскихъ мушкетеръ и на голову разбиты; ихъ полковникъ, герцогъ Голштинскій, былъ убитъ.

Между тѣмъ вся шведская армія въ числѣ 20.000 чел., ободренная успѣхами въ передовыхъ стычкахъ, развернулась; она имѣла двѣ боевыя линіи и резервъ. Густавъ-Адольфъ принялъ на себя начальство надъ правымъ крыломъ, поручивъ лѣвое — Горну и центръ — Тейфелю.

Говорятъ, что у шведовъ былъ въ этомъ дѣлѣ артиллерійскій резервъ, — первый въ исторіи случай примѣненія таковаго.

Настоящая битва началась съ ожесточеннаго кавалерійскаго боя на правомъ флангѣ шведской арміи. Густавъ-Адольфъ и Паппенгеймъ, во главѣ своихъ кавалерійскихъ массъ, произвели другъ на друга бѣшенную атаку. Послѣ кровопролитной рукопашной схватки кирасиры Паппенгейма были обращены въ бѣгство. Густавъ-Адольфъ преслѣдовалъ ихъ нѣкоторое разстояніе, затѣмъ повернулъ налѣво, налетѣлъ на непріятельскую артиллерію, забралъ ее и направилъ ея огонь на густыя массы имперской пѣхоты, составлявшей центръ арміи.

Между тѣмъ Фюрстенбергъ съ правымъ крыломъ имперцевъ разбилъ, составлявшую лѣвый флангъ союзниковъ саксонскую армію и прогналъ ее въ полномъ безпорядкѣ съ поля сраженія; Тилли не могъ остановить преслѣдованія своего побѣдоноснаго праваго крыла; Густавъ-Адольфъ воспользовался его отсутствіемъ, атаковалъ съ фланга обнаженный центръ и на голову его разбилъ. Въ это время вернулся Фюрстенбергъ, только что собравшій свои разстроенныя преслѣдованіями части, и съ 8.000 чел. бросился на лѣвый флангъ шведовъ, которые немедленно притянули вто-

[1]) Это не было просто ошибкой, а, часто примѣнявшееся, старое построеніе испанцевъ и ландскнехтовъ (сравнить Hoyer Gesch. d. Kriegsk. I, стр. 171, 309, 461, а также стр. предлагаемой книги). „Прим. Брикса“.

рую линію на помощь первой и передвинули ближе резервъ. День склонялся уже къ вечеру; центръ имперцевъ былъ разбитъ; лѣвое крыло окончательно прогнано съ поля битвы, и дѣло почти окончательно рѣшено въ пользу шведовъ. Тѣмъ не менѣе имперская конница продолжала бой съ большимъ мужествомъ: 4 роты кирасиръ атаковали шведскую пѣхоту и дошли почти вплотную до ея пикъ; въ полку Лумсдена оказалось нѣсколько знаменъ, прострѣленныхъ ихъ пистолетными пулями. Но все было напрасно: шведы быстро перестроили свою пѣхоту изъ шести шеренгъ въ три; передняя стала на колѣни, вторая нѣсколько нагнулась, третья стояла прямо и всѣ открыли непрерывный и убійственный огонь въ то время, какъ кавалерія атаковала съ фланга и тыла все еще державшихся ветерановъ-имперцевъ.

Побѣда была рѣшительная; потеря имперцевъ убитыми, ранеными и плѣнными поистинѣ ужасна.

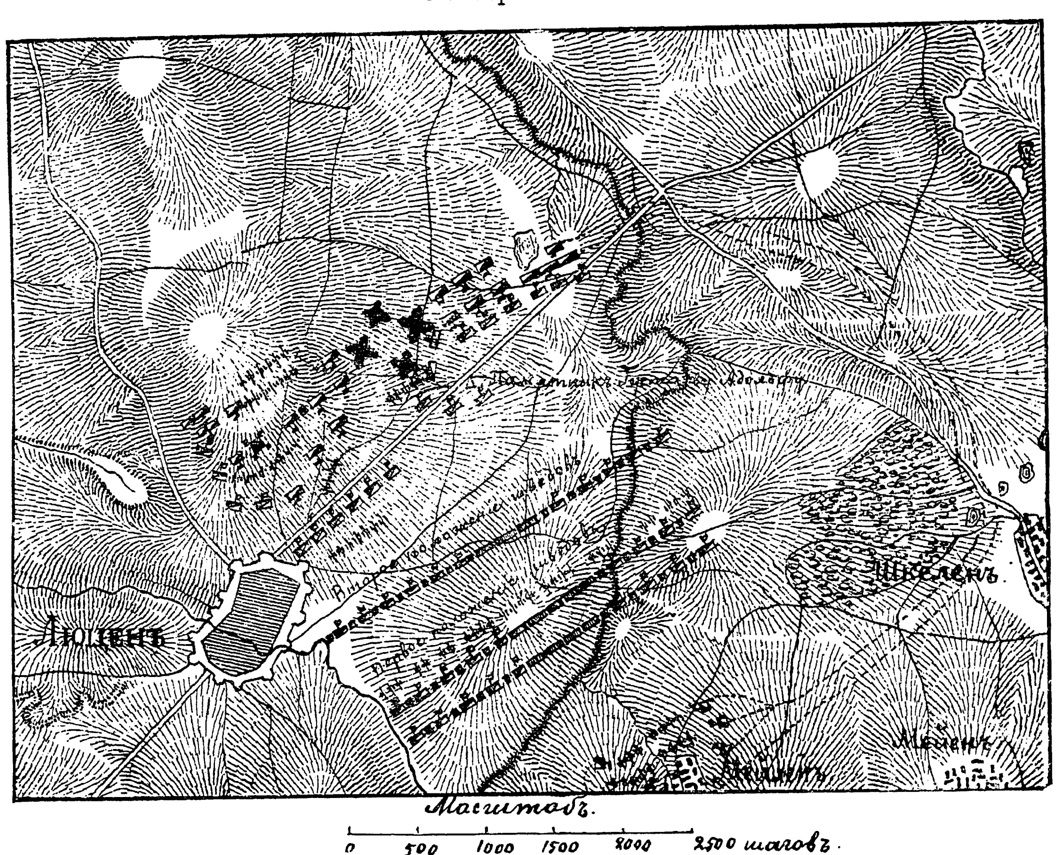
При сравненіи только что описаннаго сраженія съ битвами при Павіи, Могачѣ, Монконтурѣ, Кутра и другими боями предъидущаго періода, нельзя не поразиться огромнымъ прогрессомъ въ военномъ искусствѣ за столь короткое время. При Брейтенфельдѣ мы видимъ примѣненіе тѣхъ же основныхъ принциповъ, которые мы признаемъ и теперь: взаимнодѣйствіе трехъ родовъ оружія, возрожденіе истинной дѣятельности кавалеріи, мѣры для обезпеченія фланговъ, — всего этого не встрѣчалось со времени римлянъ.

Битва при Люценѣ, происшедшая 6 ноября 1632 г. между Густавомъ-Адольфомъ и Валленштейномъ, представляетъ много сходства съ Брейтенфельдской въ отношеніи примѣненія тактическихъ принциповъ. Въ началѣ боя имперская армія была силой въ 17.000 чел.; прибытіе Паппенгейма довело ее до 27.000. Она была построена въ двѣ линіи и имѣла резервъ; позиція была искусственно усилена: въ стѣнкахъ садовъ на правомъ флангѣ продѣланы бойницы, канавы на большой дорогѣ углублены; какъ стѣнки, такъ и канавы были заняты мушкетерами. Шведская армія силой въ 20.000 чел. была также построена въ 2 линіи; пѣхота — въ шесть шеренгъ; конница, по нѣкоторымъ источникамъ, — въ три шеренги; Гарте же говоритъ, что въ это время кавалерія обыкновенно строилась въ четыре. Пѣхота стояла въ центрѣ, конница — на флангахъ; пѣхотный резервъ полковника Гендерсона былъ расположенъ между обѣими линіями; конный резервъ полковника Эма — за центромъ.

Дѣло началось съ общей атаки шведовъ на позицію Валленштейна, причемъ стоявшія въ центрѣ бригады взяли штурмомъ шоссе и стоявшія по другую его стороны батареи. Не получивъ однако своевременно поддержки отъ конницы, задержанной неблагопріятными условіями мѣстности, онѣ должны были отдать все, ими взятое. Между тѣмъ Густавъ-Адольфъ, во главѣ конницы своего праваго фланга, разсѣялъ стоявшихъ противъ него

поляковъ и кроатовъ, которые своимъ безпорядочнымъ бѣгствомъ привели въ разстройство и прочую конницу. Въ это время король получилъ извѣстіе объ опасномъ положеніи пѣхоты центра и, поручивши Горну преслѣдованіе непріятельскихъ всадниковъ, самъ съ кирасирскимъ полкомъ Стенбока поспѣшилъ къ ней на помощь. Онъ поѣхалъ при этомъ впередъ и выдвинулся очень далеко отъ своей свиты, желая найти удобное мѣсто для атаки; приблизившись слишкомъ близко къ непріятелю, былъ раненъ въ лѣвую руку,

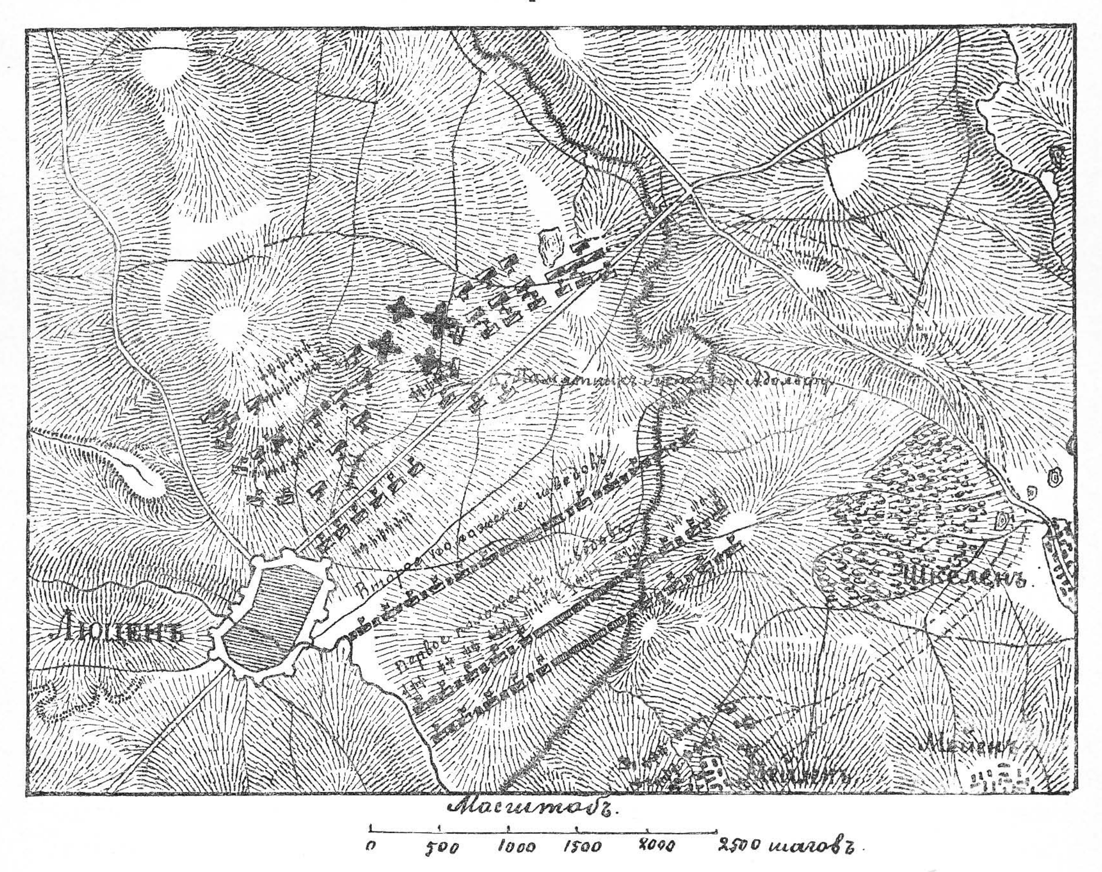
ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ЛЮЦЕНѢ
6 ноября 1632 г.



затѣмъ вторымъ выстрѣломъ сброшенъ съ лошади, смертельно раненъ и убитъ пронесшимся черезъ него отрядомъ кроатовъ.

Извѣстіе о смерти любимаго короля пробѣжало съ быстротой молніи по рядамъ шведовъ и возбудило въ нихъ ярость и жажду мести. Они атаковали имперцевъ и отбросили ихъ на всѣхъ пунктахъ, когда неожиданно появился храбрѣйшій изъ австрійскихъ вождей Паппенгеймъ со своими кирасирами и драгунами. Онъ наканунѣ вечеромъ прибылъ въ Галле, лежащій довольно далеко отъ мѣста боя, и получилъ приказаніе отъ Валлен-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ЛЮЦЕНѢ
6 ноября 1632 г.



штейна прибыть возможно скорѣе къ арміи. Въ это время люди Паппенгейма были заняты грабежемъ города. Онъ немедленно посадилъ и повелъ своихъ всадниковъ, приказавъ пѣхотѣ и артиллеріи слѣдовать за нимъ возможно скорѣе.

Прибытіе Паппенгейма измѣнило ходъ сраженія. Онъ собралъ бѣглецовъ и вмѣстѣ съ ними, во главѣ своихъ всадниковъ, понесся въ атаку и влетѣлъ въ самыя густыя массы шведовъ; его примѣръ возбудилъ солдатъ, которые стали сокрушать все передъ собою. Валленштейнъ воспользовался минутой и двинулъ впередъ свои войска, которыя отбросили шведовъ и отобрали взятыя ими орудія. Пикколомини и Терцки всѣми силами помогали Паппенгейму; кирасиры Пикколомини истребили послѣ отчаянной борьбы почти весь синій шведскій полкъ. Пикколомини произвелъ семь атакъ, былъ шесть разъ раненъ, и подъ нимъ было убито семь лошадей. У самого Валленштейна въ нѣсколькихъ мѣстахъ прострѣленъ плащъ; а Паппенгеймъ, единственный кавалерійскій вождь въ Германіи, который могъ сравниться съ Густавомъ-Адольфомъ, былъ убитъ. Со смертью его счастье какъ бы отвернулось отъ имперцевъ. Какъ метеоръ, промчался онъ по полю сраженія, неся съ собою побѣду; когда онъ свалился, точно солнце закатилось, его кирасиры пали духомъ и въ отчаяніи бѣжали съ поля битвы. Шведы собрали всѣ свои войска и произвели уже при наступленіи темноты отчаянную атаку, окончившуюся съ успѣхомъ для нихъ; это было одно изъ самыхъ продолжительныхъ и кровопролитныхъ сраженій.

Въ битвѣ при Люценѣ конница играла выдающуюся роль, и это служитъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ цѣлесообразности сдѣланныхъ въ ней Густавомъ-Адольфомъ преобразованій. Нужно впрочемъ сказать, что одной изъ главныхъ причинъ успѣховъ конницы были выдающіяся его способности, какъ кавалерійскаго генерала.

Со стороны имперцевъ вліялъ на дѣйствія ихъ кавалеріи порывистый характеръ Паппенгейма. Какая разница между битвой при Люценѣ и битвой при Бувинѣ съ ея гордымъ рыцарствомъ, графомъ Булонскимъ и каре изъ пикинеровъ! Какая разница съ безкровными битвами въ Италіи, когда единственными погибшими были утонувшіе въ грязи! Точно какимъ то новымъ духомъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ, повѣяло на полководцевъ!

Герцогъ Бернгардъ Веймарскій вступилъ въ командованіе арміей послѣ смерти Густава-Адольфа, и проявленная имъ при этомъ рѣшительность запечатлѣла его имя на страницахъ исторіи. Когда кто-то заговорилъ объ отступленіи, онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что слѣдуетъ говорить о мести, а не объ отступленіи и приказалъ подполковнику полка Стенбока вести своихъ людей впередъ; такъ какъ послѣдній колебался, то пылкій герцогъ зарубилъ его и, ставъ во главѣ полка, произвелъ съ нимъ побѣдоносную атаку.

Что касается до сторожевой и развѣдывательной службы, то она въ теченіе кампаній Густава-Адольфа неслась вполнѣ правильно и сознательно. Разъѣзды высылались во всѣ стороны на очень большія разстоянія и не стѣснялись никакими заранѣе намѣченными правилами. Когда противникъ былъ еще далеко, они дѣлались силой въ 6 или 7 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ; по мѣрѣ сближенія они усиливались и доходили до 20 чел., подъ командой офицера.

Кромѣ разъѣздовъ, свѣдѣнія о противникѣ добывались еще черезъ шпіоновъ и черезъ плѣнныхъ, которые подвергались строгому допросу; непріятельскіе курьеры подстерегались всадниками, и такимъ путемъ иногда удавалось добыть очень важныя и нужныя извѣстія.

ГЛАВА V.

Англійская конница въ войнахъ между Карломъ I и парламентомъ [1]).

Междоусобная война, раздѣлившая въ періодъ времени 1642 — 1650 г. всю Англію на два враждебныхъ лагеря, выдвинула нѣсколько очень способныхъ кавалерійскихъ генераловъ; вообще, конница примѣнялась очень искусно и пріобрѣла сильное вліяніе на исходъ сраженій. Кромвель, великій предводитель парламентской конницы, проявилъ такую же несокрушимую энергію, какъ Густавъ-Адольфъ, такую же бѣшеную храбрость при веденіи атаки, какъ его противникъ — пылкій принцъ Рупрехтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ его высокій умъ и желѣзная воля сдѣлали его однимъ изъ величайшихъ вождей, когда-либо существовавшихъ. При началѣ войны онъ, будучи простымъ дворяниномъ-землевладѣльцемъ и достигнувъ уже 44 лѣтъ, безъ всякаго военнаго знанія или опытности, набралъ конный полкъ для службы парламенту; полкъ этотъ скоро прославился своей стойкостью и получилъ названіе „The Jronsides". Черезъ три года Кромвель достигъ званія главнокомандующаго, а черезъ 10 лѣтъ сдѣлался самымъ полновластнымъ лицомъ въ Англіи.

Принцъ Рупрехтъ, предводитель войска короля, обладалъ такой-же (если не большей), смѣлостью, какъ Кромвель, но не имѣлъ ни разсудительности, ни осторожности послѣдняго.

Энергія обоихъ вождей придала дѣйствіямъ конницы въ этихъ войскахъ совершенно особый характеръ, отличавшій ее отъ кавалеріи прежнихъ временъ. Живость и лихость атакъ ставятъ ея дѣйствія на одну доску съ подвигами конницы Густава-Адольфа и Паппенгейма.

---

[1]) Clarendou's History Nolan; — Hume.

Конница состояла изъ кирасиръ, главнымъ оружіемъ которыхъ были пистолеты и шпаги, и драгунъ, вооруженныхъ мушкетами.

Первое кавалерійское дѣло произошло между небольшимъ коннымъ отрядомъ, предводимымъ принцемъ Рупрехтомъ, и всадниками полковника Сендиса. Послѣдніе только что начали выходить изъ дефиле, какъ были замѣчены принцемъ Рупрехтомъ, который немедленно же бросился на нихъ въ карьеръ. Эта энергичная атака дала ему побѣду, доставившую

Кромвель.

извѣстность роялистской конницѣ и давшую ей нравственное преимущество, съ трудомъ впослѣдствіи отнятое иронсайдами.

Въ битвѣ при Эджегиллѣ въ 1642 г. роялистская конница разбила на обоихъ флангахъ непріятельскую, но преслѣдовала ее такъ далеко, что по возвращеніи нашла центръ сильно тѣснимый парламентской пѣхотой. Принцъ Рупрехтъ, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, совершенно упустилъ изъ виду необходимость постоянно держать свою часть въ рукахъ и помнить, что только на рѣшительномъ пунктѣ и въ критическую минуту ударъ всѣми силами можетъ доставить полную побѣду.

Кромвель.

Бой при Грентамѣ и Гэнсборо былъ рѣшенъ конницей. Въ первомъ драгуны обѣихъ армій перестрѣливались уже съ полчаса, когда Кромвель приказалъ своимъ обнажить шпаги и повелъ ихъ на непріятеля. Роялисты ожидали ихъ, стоя на мѣстѣ, и, конечно, были немедленно же опрокинуты, прогнаны съ поля сраженія и преслѣдуемы на большое протяженіе, при чемъ понесли значительныя потери.

Въ битвѣ при Гэнсборо Кромвель въ цѣломъ рядѣ мелкихъ схватокъ, отбросилъ непріятельскую конницу за гребень высотъ, когда неожиданно наткнулся на сильный конный отрядъ роялистовъ, спѣшившій на помощь своимъ. Не задумываясь ни минуты, Кромвель, оставивъ въ резервѣ 3 эскадрона маіора Уэллея, съ остальными атакуетъ противника и гонитъ его передъ собой. Неожиданная атака генерала Кавендиша останавливаетъ его всадниковъ и даже заставляетъ ихъ повернуть назадъ, но внимательно слѣдившій за ходомъ боя Кромвель выдвигаетъ резервные три эскадрона, пускаетъ ихъ въ тылъ роялистской конницѣ и одерживаетъ побѣду; генералъ Кавендишъ былъ при этомъ убитъ.

Знаменитая битва при Марстонъ Мурѣ, 2 іюля 1644 г., была также рѣшена конницей. Королевской арміей, стоявшей фронтомъ на западъ, командовали принцъ Рупрехтъ и маркизъ Ньюкэстль; парламентской, построенной фронтомъ на востокъ,—графъ Манчестерскій и Кромвель. Послѣдній съ конницей лѣваго крыла атаковалъ стоявшую противъ него конницу принца Рупрехта; завязалась отчаянная свалка, рѣшенная атакой свѣжей части, оставленной Кромвелемъ въ резервѣ до послѣдней минуты; правое крыло роялистовъ было разбито и отброшено далеко назадъ за лѣвое.

Между тѣмъ на другомъ флангѣ дѣло приняло какъ разъ противуположный оборотъ. Лѣвое роялистское крыло было атаковано сэромъ Фэрфаксомъ и приведено сначала въ нѣкоторый безпорядокъ, но начальникъ конницы Лукасъ поправилъ дѣло, опрокинувъ блестящей атакой парламентскую конницу. Тоже произошло и съ пѣхотой этого крыла. Результатомъ всего вышесказаннаго было то, что къ вечеру обѣ арміи какъ бы помѣнялись мѣстами, занимая каждая то, на которомъ утромъ стояла другая. Побѣду рѣшила атака Кромвеля съ его конницей, которую онъ вернулъ съ преслѣдованія и привелъ въ порядокъ.

Битва при Назеби, 14 іюня 1645 г., нѣсколько напоминаетъ Марстонъ-Мурѣ, но имѣетъ еще болѣе сходства съ битвой при Нордлингенѣ (Аллергеймѣ). Правое крыло роялистовъ, подъ командой принца Рупрехта, блестящей атакой опрокинуло лѣвое парламентское, а правое парламентское, подъ командой Кромвеля, разбило лѣвое роялистское сэра Мармадюка Ленгдалля. Но Рупрехтъ увлекся успѣхомъ и бросился преслѣдовать, выпустивъ свои части изъ рукъ, между тѣмъ какъ Кромвель, недоступный увлеченію даже въ самую горячую минуту боя, немедленно собралъ свою

конницу и атаковалъ съ тыла и фланговъ роялистскую пѣхоту лѣваго фланга, которая вела упорный бой съ парламентской пѣхотой. Рупрехтъ вернулся со своей утомленной и разстроенной конницей, когда битва была уже рѣшена, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряна и королевская корона.

Разница въ поведеніи обоихъ кавалерійскихъ вождей заслуживаетъ полнаго вниманія и еще разъ напоминаетъ о необходимости сочетанія самой безумной энергіи и смѣлости съ разсудительной осторожностью. Кромвель имѣлъ первыя два качества не въ меньшей степени, чѣмъ Рупрехтъ; но если, съ одной стороны, мало кто могъ сравниться съ нимъ въ стремительности, съ которою онъ прорѣзывалъ непріятельскіе ряды,

Англійская конница временъ Кромвеля.

то съ другой стороны никто не могъ такъ владѣть собою и распоряжаться съ такимъ хладнокровіемъ. Онъ на полномъ скаку могъ остановиться и, если нужно было, перейти къ оборонѣ.

Существуетъ мнѣніе, что многіе изъ англійскихъ офицеровъ, принимавшихъ участіе въ междоусобной войнѣ, служили прежде въ Германіи подъ командой Густава-Адольфа или Паппенгейма. Если это вѣрно, то, конечно, опытность, пріобрѣтенная ими тамъ подъ начальствомъ такихъ вождей, не могла не имѣть вліянія на дѣйствія конницы, составленной изъ англійскихъ дворянъ и вольныхъ гражданъ, обладавшихъ отъ природы энергіей и потому способныхъ къ принятію образа дѣйствій, требовавшаго смѣлости и рѣшительности.

Англійская конница времен Кромвеля.

Прежде чѣмъ покончить съ англійской конницей XVII столѣтія, слѣдуетъ еще упомянуть о маркизѣ Монрозѣ, выказавшемъ способности выдающагося полководца.

Его походы въ горныхъ частяхъ Шотландіи въ 1645 г. по смѣлости и ловкости могутъ считаться образцами подобнаго рода дѣйствій. Пользуясь неутомимостью и скоростью ходьбы горныхъ жителей, не отстававшихъ отъ всадниковъ, и ихъ храбростью въ рукопашномъ бою, онъ постоянно перемѣшивалъ мелкія части конницы и пѣхоты.

Слѣдующее поколѣніе дало также выдающагося кавалерійскаго вождя, Грахамъ Клавергуза (болѣе извѣстнаго подъ именемъ „Bonnie Dundee“), соединявшаго смѣлость, энергію и рѣшительность съ умѣньемъ ловко и искусно управлять войсками. Онъ не имѣлъ случая выказать вполнѣ свои способности, но даже немногое, сдѣланное имъ, даетъ право сказать, что въ Великобританіи, за исключеніемъ Кромвеля, не было лучшаго кавалерійскаго генерала.

ГЛАВА VI.

Русская конница. — Казаки[1]).

Въ концѣ XV ст. мы встрѣчаемъ въ первый разъ казаковъ, и такъ какъ впослѣдствіи намъ придется много говорить о нихъ, то слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ происхожденіи.

Греческій императоръ Константинъ Порфирородный упоминаетъ еще въ IX вѣкѣ о существованіи у подошвы Кавказскихъ горъ страны, называвшейся Казахіей. Тамъ жилъ еще до монгольскаго ига народъ татарскаго происхожденія, носившій названіе казаковъ. Въ 1021 г. онъ былъ покоренъ великимъ княземъ Мстиславомъ и уже въ 1023 г. воевалъ вмѣстѣ съ нимъ противъ Ярослава.

Во все время татарскаго ига о казакахъ не упоминается; но какъ только оно было свергнуто, многочисленные выходцы изъ Россіи поселились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили прежде казаки и приняли ихъ имя.

Русскіе лѣтописцы XII столѣтія часто упоминаютъ о существованіи вольной, воинственной общины, между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Она составилась изъ выходцевъ всѣхъ странъ, преимущественно изъ Россіи, Польши и Кавказа, которые жили, повидимому, войной и грабежами. Татары называли принадлежавшихъ къ ней—казаками, т. е. бунтовщиками или вольными. Позже они получили правильную организацію и стали называться по мѣстностямъ, гдѣ жили: казаки донскіе, яицкіе, запорожскіе и такъ далѣе.

---

[1]) Haxthausen, La force militaire de la Russie;—Iwanoff;—Zeddeler;—Gudim Lewkowitsch.

Въ войнѣ Чингисъ-Хана въ 1224 г. были, какъ кажется, также казаки подъ начальствомъ воеводы Плоскина. Этотъ казачій предводитель сумѣлъ выманить великаго князя Мстислава Романовича изъ Кіева, поклявшись ему на крестѣ, что онъ будетъ въ полной безопасности. Едва только, однако онъ такимъ путемъ овладѣлъ княземъ, какъ тотчасъ предалъ его мучительной смерти. Этотъ случай вполнѣ доказываетъ дикость нравовъ тогдашнихъ казаковъ. Подобныя же шайки служили и въ византійскомъ войскѣ подъ именемъ аллановъ.

О казакахъ упоминается затѣмъ уже при Василіи Великомъ въ битвѣ, происшедшей въ 1444 г. между московскимъ войскомъ и татарскимъ султаномъ Мустафой. Говорится еще о дѣйствіяхъ ихъ въ Польшѣ въ 1516 г., а въ 1579 г. запорожцы сражаются вмѣстѣ съ войскомъ императора Рудольфа II противъ турокъ.

Казаки не платили никакихъ податей или пошлинъ; они получали участокъ земли и за это обязаны были выходить на войну, подобно дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ. Они были, такъ сказать, вольными союзниками великаго князя, и вмѣстѣ съ тѣмъ находились подъ его покровительствомъ. Всѣ казаки извѣстнаго округа составляли полкъ, который назывался или по имени какого-нибудь города, или по имени своего командира. Полки дѣлились на сотни и десятки, бывшіе подъ командой сотниковъ и десятниковъ. Вооруженіе ихъ было тоже, что и прочихъ русскихъ войскъ, т. е. состояло изъ сабель, копій и луковъ, а позже пистолетовъ и карабиновъ. Каждый полкъ имѣлъ хоругвь, литавры и другіе музыкальные инструменты. Донскіе казаки были самые многочисленные и, какъ кажется, имѣли артиллерію. Они вообще повиновались указамъ царя, но ни одинъ сборщикъ податей не смѣлъ показаться къ нимъ.

При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ былъ изданъ указъ, по которому каждый поставляемый въ конницу человѣкъ долженъ былъ быть снабженъ хорошей лошадью, карабиномъ и двумя пистолетами. Хотя казаки преимущественно были конными, но у нихъ были и пѣхотные полки.

Казачья иррегулярная конница давала отличныя вспомогательныя войска, составлявшія постоянно значительную часть русской военной силы. Они были особенно пригодны для аванпостной службы и предпріятій малой войны, въ которыхъ они во время походовъ XVIII и начала нынѣшняго столѣтія оказали дѣйствительно выдающіяся услуги.

Глава VII.

Французская конница.— Походы Конде, Тюренни и Люксембурга.

1. Организація, снаряженіе и вооруженіе конницы при Людовикѣ XIV [1]).

Въ теченіе предыдущаго періода конница всѣхъ европейскихъ народовъ, кромѣ турокъ, состояла частью изъ кирасиръ, частью изъ такихъ частей, которыя подъ разными видами и наименованіями въ сущности представляли изъ себя просто драгунъ. Послѣ Густава-Адольфа тактика конницы какъ бы идетъ назадъ, такъ какъ исключительное вниманіе обращается на вооруженіе всадниковъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и на пользованіе имъ.

Людовикъ XIV значительно увеличилъ силу своей гвардіи (maison du roi) и тратилъ на ея обмундированіе и содержаніе огромныя суммы, такъ что она была, вѣроятно, самымъ блестящимъ и дорогимъ войскомъ того времени. Значительная часть ея состояла изъ конницы, а именно: 4 роты тѣлохранителей (gardes du corps), 1 рота жандармовъ, 1 рота шеволеже и 2 роты мушкетеровъ.

Роты тѣлохранителей были силой въ 360 чел. каждая при 1 ротмистрѣ, 3 лейтенантахъ, 3 прапорщикахъ, 12 exempts, 12 бригадирахъ, 12 подбригадирахъ и 6 знаменщикахъ. Каждая рота дѣлилась на 6 отдѣленій или бригадъ, которыми командовали лейтенанты и прапорщики въ порядкѣ старшинства. Онѣ были вооружены шпагами, пистолетами и мушкетонами, т. е. короткими мушкетами, но сражались большей частью только первыми двумя; послѣдніе употреблялись только при оборонѣ дефиле, при преслѣдованіи и т. п.

Въ 1676 г. Людовикъ XIV сформировалъ еще роту гвардейскихъ конногренадеръ, силой въ 130 чел., изъ 3 бригадъ, при 3 лейтенантахъ, 3 подлейтенантахъ, 3 вахмистрахъ (maréchaux des logis), 6 сержантахъ и 6 ефрейторахъ (appointez). Люди были вооружены шпагой, ружьемъ и 2 пистолетами и были обучены сражаться какъ верхомъ, такъ и пѣшкомъ. На коняхъ конногренадеры особенно отличались при Лезѣ, а пѣшкомъ — при Валансіеннѣ, гдѣ они штурмомъ взяли очень сильную крѣпость.

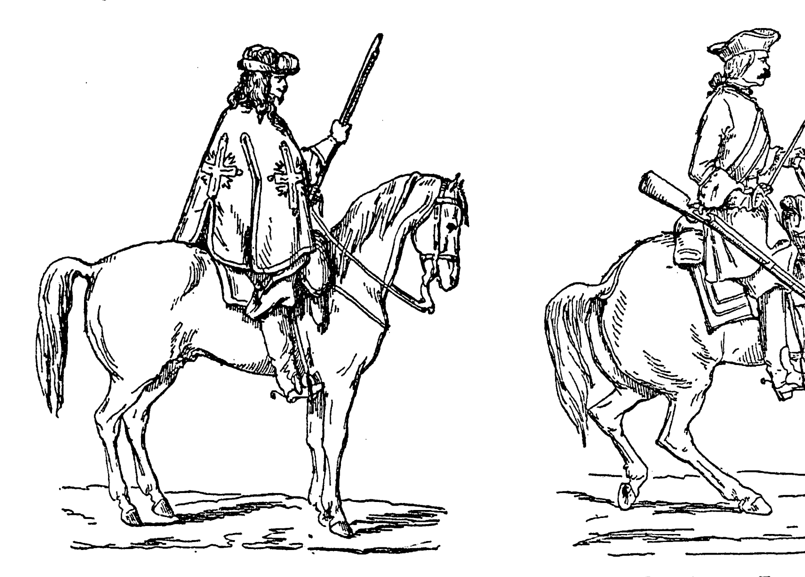
Рота жандармовъ состояла изъ 200 человѣкъ, при 2 ротмистрахъ, 3 прапорщикахъ, 3 guidons и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ. Въ 1657 г. ея вооруженіе состояло изъ шпагъ и пистолетовъ; въ теченіе войны часть людей получила нарѣзные карабины. Одежда была ярко-краснаго цвѣта. Предохранительное вооруженіе не носилось.

---

[1]) Daniel; — Carrion Nisas; — Duparcq; — Rocquancourt; — Life of Condé, — Ramsay, Histoire de Turenne; — Mémoires de Turenne; — Buisson, Vie de Turenne; Grahame; — Feuquières.

Легкоконная рота (шеволеже) была силой въ 200 чел., при 2 лейтенантахъ, 4 корнетахъ и 10 вахмистрахъ, кромѣ необходимаго числа унтеръ-офицеровъ. На время войны къ ней, какъ и къ другимъ легкоконнымъ ротамъ, прибавлялось 50 „карабеновъ“ (подъ командой одного изъ офицеровъ роты), которые обыкновенно начинали дѣло перестрѣлкой. Такъ продолжалось до 1620 г., когда Людовикъ XIV свелъ отдѣльные отряды карабеновъ въ карабинерные полки, которые уже существовали самостоятельно, а не прикомандированными къ легкоконнымъ ротамъ. Рота же, находившаяся въ подчиненіи капитана гвардейскихъ шеволеже, была обращена въ мушкетерскую. Легконные всадники были вооружены шпагами или саблями и пистолетами; позже они получили 20 карабиновъ, розданныхъ 20 человѣкамъ послѣдней шеренги; ими пользовались рѣдко, до рукопашнаго боя. Одежда была также яркокраснаго цвѣта, и также не было предохранительнаго вооруженія.

Обѣ роты мушкетеровъ состояли изъ 250 человѣкъ каждая, съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Они несли службу



Королевскій мушкетеръ 1665 г. Карабинеръ Людовика XIV.

какъ на коняхъ, такъ и пѣшкомъ и, слѣдовательно, были настоящими драгунами. Лучшимъ примѣромъ такого ихъ двоякаго образа дѣйствій можетъ служить битва при Касселѣ. Армія перестраивалась въ боевой порядокъ, когда маршалъ д'Юміеръ замѣтилъ позади одной изгороди три непріятельскихъ баталіона. Онъ спѣшилъ немедленно мушкетеровъ и приказалъ имъ атаковать противника, поддержавъ ихъ пѣхотнымъ полкомъ; непріятель былъ съ урономъ отброшенъ. Затѣмъ мушкетеры сѣли на коней и вошли въ боевую линію въ конномъ строю. Они были вооружены мушкетами, шпагами и пистолетами.

Королевскій мушкетеръ 1665 г.

Карабинеръ Людовика XIV.

Кромѣ этой конницы, извѣстной подъ именемъ „maison du roi“, во Франціи были еще карабинеры, драгуны, кирасиры и легкая конница.

Въ 1693 г. карабинеры были сведены Людовикомъ XIV въ одинъ полкъ изъ 100 ротъ по 20 человѣкъ каждая; каждыя пять ротъ составляли эскадронъ. Численность полка была 411 офицеровъ и 3.000 нижнихъ чиновъ. Карабинеры были вооружены длинными шпагами, пистолетами и нарѣзными карабинами, пули для которой изготовлялись двоякой величины: большой — для лучшаго вжиманія пули въ нарѣзы, причемъ она при заряженіи вгонялась молоткомъ, и малой — для скораго заряженія въ случаѣ необходимости.

Драгуны, сражавшіеся какъ верхомъ, такъ и пѣшкомъ, были вооружены длинными шпагами и мушкетами со штыками; кромѣ того они имѣли топоръ или какой-либо другой шанцевый инструментъ, который притрочивался къ сѣдлу. Драгунскіе полки состояли изъ 5 эскадроновъ по 150 чел. каждый; эскадронъ дѣлился на 3 роты и строился въ 3 шеренги. Всего въ полку было 750 человѣкъ.

Вообще въ концѣ XVII вѣка спѣшиваніе конницы было очень распространено и практиковалось во всѣхъ ея родахъ, но все-таки драгуны чаще другихъ замѣняли пѣхоту; такъ за 6 дней до битвы при С.-Готардѣ въ 1624 г. драгуны были спѣшены для рекогносцировки.

При вступленіи на престолъ Людовика XIV во французской арміи былъ всего одинъ драгунскій полкъ. Въ 1659 г. былъ сформированъ второй, а къ 1690 г. число ихъ возросло до 43. Причиной такого значительнаго увеличенія ихъ было выставлено то обстоятельство, что драгуны оказались особенно подходящими для сколько-нибудь продолжительныхъ войнъ, такъ какъ они лучше другихъ переносили всѣ трудности похода. По той же причинѣ Наполеонъ I имѣлъ въ испанскихъ войскахъ драгунъ.

Гусары появились во Франціи въ 1691 г.; отъ нихъ ожидали особенно ловкаго дѣйствія холоднымъ оружіемъ. Они ѣздили на очень короткихъ стременахъ и сражались большею частью въ разомкнутомъ строю.

Кирасиры и вся легкая конница строились въ три шеренги; при атакѣ они всѣ давали залпъ сразу, а не по шереножно и затѣмъ бросались на противника со шпагой въ рукахъ. Атака производилась почти всегда рысью; иногда подходили къ непріятелю шагомъ, стрѣляли изъ пистолетовъ и затѣмъ обнажали шпагу для рукопашнаго боя. Въ этомъ замѣчается въ тактикѣ конницы шагъ назадъ; не встрѣчается больше живыхъ, энергичныхъ атакъ всадниковъ, какъ во времена Густава-Адольфа, Кромвеля и Паппенгейма!

Шеренги стояли другъ отъ друга на дистанціи 12 шаговъ. Тюреннь уменьшилъ ее до 6 шаговъ и воспретилъ конницѣ (въ битвѣ при Зинцгеймѣ) употребленіе огнестрѣльнаго оружія. Французскіе всадники не были хорошо обучены и поэтому мало способны къ маневрированію на быстрыхъ

аллюрахъ и къ выполненію стройныхъ атакъ. Тѣмъ не менѣе, при хорошихъ начальникахъ, они были для арміи очень полезны, какъ напр. въ битвахъ при Рокруа, при Дюнахъ и при Лезѣ.

Въ боевомъ порядкѣ пѣхота становилась въ центрѣ, конница на флангахъ. По словамъ де-Кинси, Тюреннь перемѣшивалъ эскадроны съ бата-

Кирасиръ. **Конный мушкетеръ.**

Французская конница временъ Людовика XIII.

ліонами и Монтекукули будто бы примѣнялъ такое же построеніе, какъ дающее обоимъ родамъ оружія возможность помогать другъ другу.

Хотя конница и стала опять дѣйствовать преимущественно огнестрѣльнымъ оружіемъ, но тѣмъ не менѣе примѣръ Густава-Адольфа былъ еще слишкомъ свѣжъ въ памяти, чтобы остаться безъ всякаго вліянія на тактику конницы, и достаточно было появленія энергичнаго кавалерійскаго генерала, чтобы ея дѣйствія опять стали оказывать большое вліяніе на ходъ сраженій. Мы это видѣли во время междоусобной англійской войны при

Кирасиръ. Конный мушкетеръ.

Французская конница временъ Людовика XIII.

описанiи столкновенiй „ironside'овъ“ Кромвеля съ отважными всадниками принца Рупрехта. Въ то же время и во Францiи появился кавалерiйскiй вождь, который отважными и стремительными дѣйствiями своей конницы выигралъ битву, поставившую его въ отношенiи управленiя этимъ родомъ оружiя на одну высоту съ Александромъ Македонскимъ.

Великiй Конде, о которомъ мы говоримъ, былъ солдатомъ отъ рожденiя и уже въ битвѣ при Рокруа, — первой, въ которой онъ участвовалъ, 21 года отъ роду, — выказалъ выдающiяся военныя способности. Его безумная храбрость и беззавѣтная энергiя дали ему право на командованiе коннымъ отрядомъ въ первой линiи, и, благодаря этимъ его качествамъ, соединеннымъ съ замѣчательно искуснымъ управленiемъ своею частью, была выиграна битва при Рокруа, и слава его упрочена.

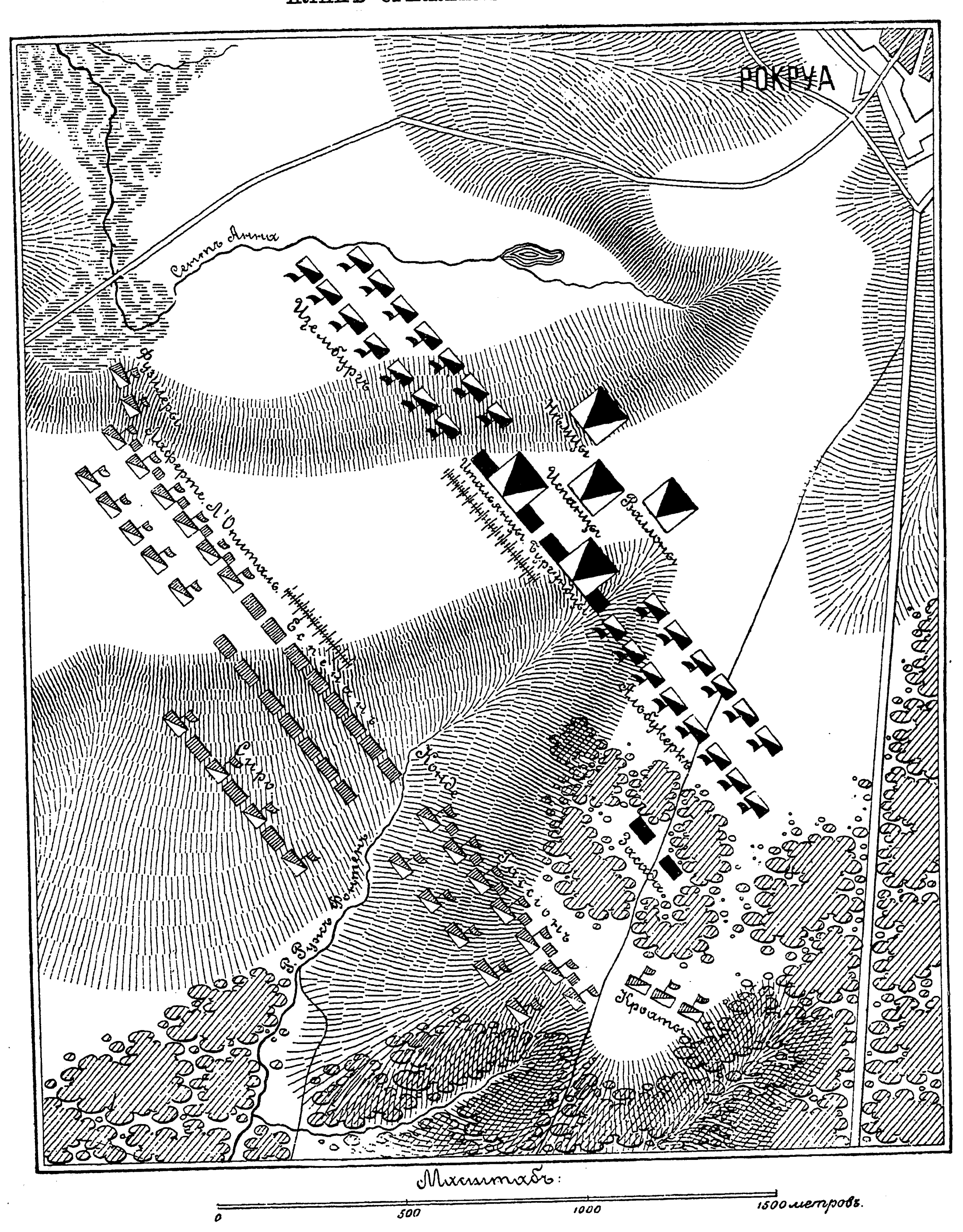
Испанская армiя, подъ командой донъ-Франциско де Мело, вторгнулась въ маѣ 1643 г. въ предѣлы Францiи и приступила къ осадѣ Рокруа. Она состояла изъ 26.000 отборныхъ солдатъ; испанская пѣхота считалась лучшей въ Европѣ, а де Мело пользовался репутацiей опытнаго, хорошаго генерала. Конде, носившiй еще тогда титулъ герцога Энгiенскаго, имѣлъ всего 14.000 пѣхоты и 7.000 конницы.

Когда Конде принялъ начальство, обѣ армiи были раздѣлены пересѣченной болотистой мѣстностью съ дефиле и лѣсными участками, крайне выгодной для обороняющихся, такъ что испанцы могли встрѣтить наступленiе французовъ съ полной надеждой на успѣхъ. Они однако упустили это изъ виду и пропустили высланный Конде конный отрядъ Гассiона, который доставилъ запасы въ Рокруа и одновременно съ тѣмъ произвелъ рекогносцировку, а самъ Конде успѣлъ пройти трудную мѣстность и построить свою армiю въ боевой порядокъ близъ города. Онъ поставилъ войска въ двѣ линiи: пѣхоту въ центрѣ, конницу на флангахъ; въ резервѣ было оставлено нѣсколько ротъ жандармовъ и легкой конницы; взводы по 50 мушкетеровъ были поставлены между эскадронами.

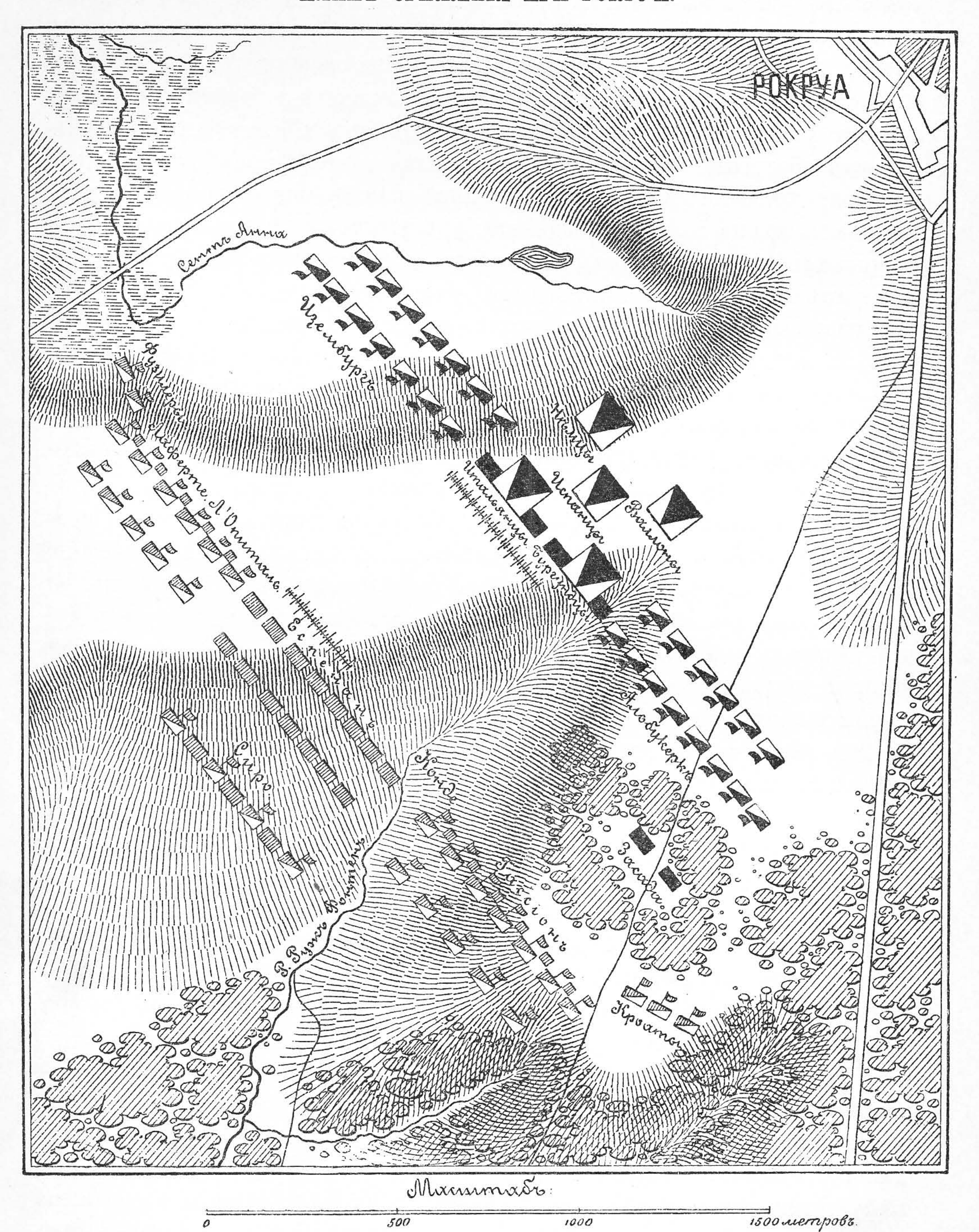
Испанцы построились почти такъ же, но де Мело занялъ лежавшую нѣсколько впереди его лѣваго фланга рощу 1.000 мушкетерами, чтобы обстрѣливать правое крыло французовъ при его наступленiи. Этимъ крыломъ командовалъ Конде и при немъ Гассiонъ, а лѣвымъ — маршалъ де л'Опиталь. У испанцевъ де Мело командовалъ правымъ крыломъ, герцогъ Альбукерскiй — лѣвымъ.

Битва началась такой лихой атакой молодого принца на расположенныхъ въ рощѣ мушкетеръ, что они были сразу уничтожены. Затѣмъ онъ повернулся противъ герцога Альбукерскаго, пославъ Гассiона въ обходъ, во флангъ. Эта атака также увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: черезъ нѣсколько минутъ вся конница испанскаго лѣваго крыла была разбита и обращена въ бѣгство. Конде послалъ для ея преслѣдованiя Гассiона съ небольшимъ отрядомъ, а самъ съ большей частью силъ бросился на обнаженный теперь

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ РОКРУА.



ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ РОКРУА.



флангъ нѣмецкой, валлонской и итальянской пѣхоты. И здѣсь счастье улыбнулось молодому генералу: успѣхъ слѣдовалъ за нимъ, и въ короткое время ему удалось прорвать и совершенно разбить все лѣвое крыло, кромѣ испанцевъ.

Между тѣмъ у маршала де л'Опиталя дѣла шли плохо. Конде получилъ извѣстіе, что де Мело съ лучшими испанскими войсками крайне энергично атаковалъ французовъ, захватилъ орудія, изрубилъ пѣхоту и отбросилъ остатки на резервы. Это извѣстіе пришло тогда, когда Конде, преслѣдуя разбитыя имъ части, оказался въ тылу праваго крыла испанцевъ. Онъ вмигъ сообразилъ положеніе дѣлъ и также быстро привелъ свои соображенія въ исполненіе. Собравъ всю свою конницу, онъ повелъ ее большимъ галопомъ вдоль задней линіи испанской арміи и яростно атаковалъ съ тыла всадниковъ Мело, преслѣдовавшихъ войска л'Опиталя. Атака эта все перевернула: побѣдоносные испанцы были остановлены, пушки отобраны назадъ, плѣнные освобождены, непріятель опрокинутъ и обращенъ въ полное бѣгство.

Между тѣмъ испанская пѣхота центра продолжала стоять твердо и непоколебимо. Эти славныя войска, считавшіяся въ теченіе цѣлаго столѣтія непобѣдимыми, были подъ командой графа Фуентеса. Три раза французская конница съ героемъ принцемъ во главѣ атаковала ихъ и три раза была отброшена. Испанцы построились въ нѣсколько каре, поставивъ въ серединѣ ихъ артиллерію. Съ холоднымъ спокойствіемъ, какъ на парадѣ, поддерживали они убійственный огонь изъ мушкетовъ, а когда французскіе всадники подходили на 60 шаговъ, испанцы разступались: орудія открывали огонь и вырывали цѣлые непріятельскіе ряды. Послѣ трехъ атакъ Конде собралъ всѣ имѣвшіяся войска и готовился возобновить нападеніе въ четвертый разъ; тогда испанцы изъявили желаніе сдаться. Конде, окруженный большой свитой, выѣхалъ впередъ; испанцы, принявъ его появленіе за начало новой атаки, дали по немъ залпъ; взбѣшенные французы, предполагая коварное предательство, бросились на нихъ и почти всѣхъ ихъ перебили. Подходившее какъ разъ въ это время подкрѣпленіе подъ командой генерала Бека встрѣтило только остатки разбитой арміи и повернуло назадъ при приближеніи Гассіона, котораго Конде выслалъ ему на встрѣчу.

Вышеописанная битва имѣетъ выдающійся интересъ, такъ какъ вполнѣ наглядно показываетъ, какое огромное вліяніе имѣетъ на дѣйствія конницы присутствіе во главѣ ея геніальнаго человѣка. И дѣйствительно, гдѣ только появлялся выдающійся кавалерійскій генералъ, тамъ сейчасъ же сказывалось вліяніе его не только на этотъ родъ оружія, но и на исходъ цѣлой кампаніи.

Битва при Рокруа оживила довѣріе въ конницѣ и пріостановила, хотя на очень короткое время, возрастающее значеніе пѣхоты. Военному искус-

ству однако битва эта не дала ничего новаго, такъ какъ дѣйствія Конде представляютъ большое сходство съ дѣйствіями Александра Македонскаго при Арбеллахъ.

Два года спустя, 4 августа 1645 г., произошло при Нордлингенѣ (Аллергеймѣ) между французами и баварцами сраженіе, гдѣ на долю конницы также выпала выдающаяся роль.

Баварская армія расположилась на очень крѣпкой позиціи, занимая флангами двѣ высоты и имѣя въ 350 шагахъ передъ центромъ деревню Аллергеймъ, усиленную искусственными преградами. Фельдмаршалъ Мерси командовалъ лично центромъ, генералъ Гленъ правымъ крыломъ и извѣстный кавалерійскій генералъ Іоганнъ фонъ Вертъ — лѣвымъ. У французовъ главнокомандующимъ былъ Конде, поручившій правое крыло маршалу Граммону, лѣвое — Тюренну и центръ — графу Марзену.

Французы атаковали Аллергеймъ, но неуспѣшно; при отбитіи этой атаки былъ убитъ Мерси. Въ тоже время Вертъ бросился на правое крыло французовъ; Граммонъ, ожидавшій его на мѣстѣ и только открывшій огонь изъ карабиновъ и мушкетовъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Ту же участь потерпѣла и вторая линія, но при этомъ Вертъ совершенно выпустилъ своихъ всадниковъ изъ рукъ и позволилъ имъ разсѣяться по всему полю, вмѣсто того, чтобы собрать ихъ и вести на обнаженный непріятельскій центръ. Пока все это происходило, Тюреннь, послѣ очень упорнаго боя, одержалъ верхъ надъ правымъ флангомъ баварцевъ и окружилъ ихъ въ деревнѣ Аллергеймъ, гдѣ они скоро и сдались.

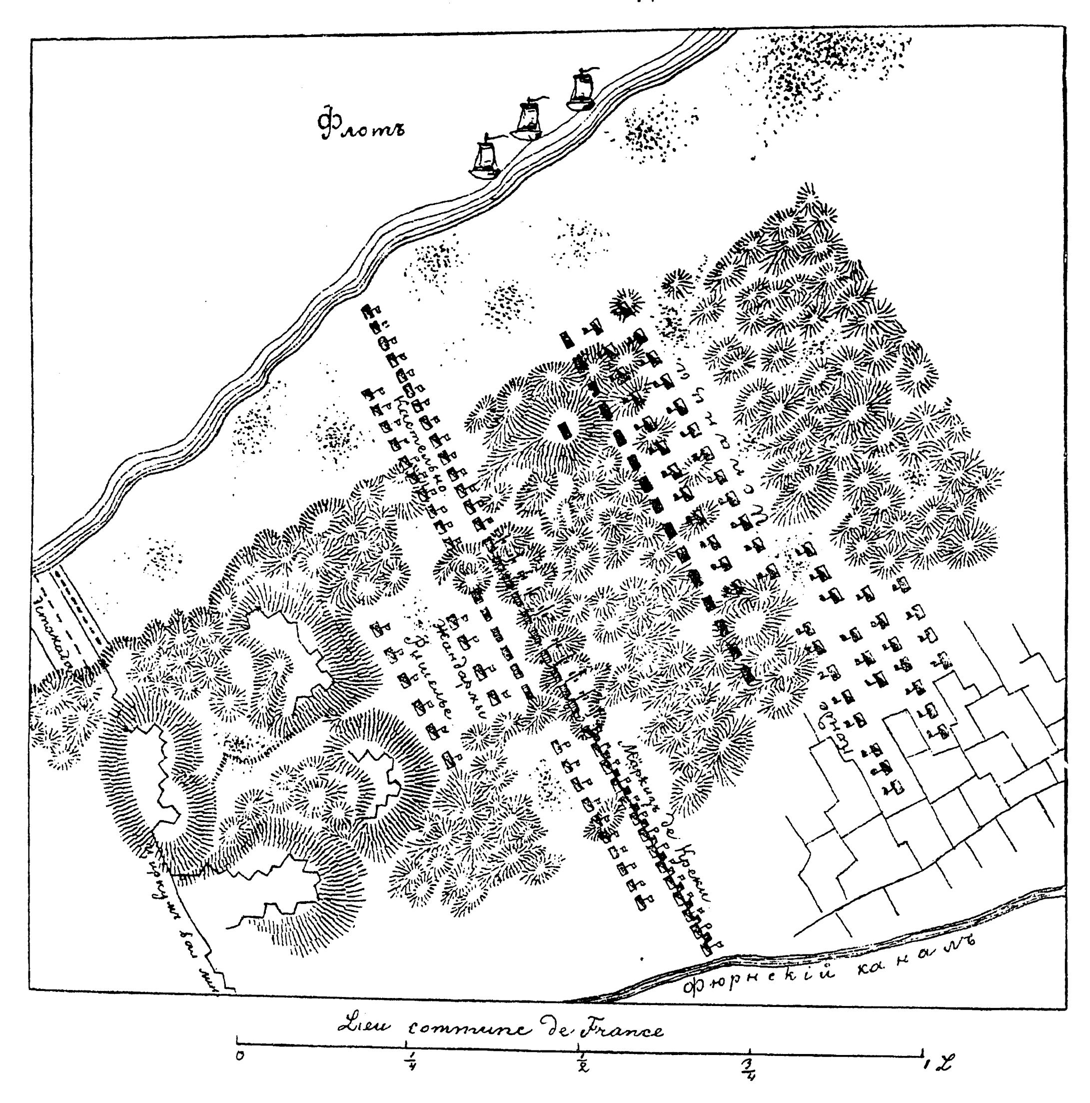
Наконецъ Вертъ возвратился со своими всадниками, но было уже поздно: вмѣсто того, чтобы немедленно атаковать Тюренпя съ тыла, онъ вернулся на первоначально занимаемое имъ мѣсто и потерялъ черезъ это очень много времени, почему ему и осталось только прикрывать отступленіе разбитой арміи. Битва эта очень поучительна для офицера конницы: изъ нея видно, насколько важно держать свою часть въ рукахъ и послѣ побѣды.

Сраженіе при Дюнахъ, данное 14 іюня 1658 г. для прикрытія осады Дюнкирхена, служитъ доказательствомъ значительнаго прогресса въ военномъ искусствѣ. Удачныя дѣйствія Тюренни изумительны и талантливое пользованіе имъ всѣми средствами, которыя могли закрѣпить за нимъ успѣхъ, превосходитъ все, до сихъ поръ нами встрѣченное. Приливомъ онъ воспользовался, чтобы имѣть поддержку отъ огня англійскаго флота, а отливомъ — чтобы обойти флангъ непріятеля.

Испанская армія была силой въ 6.000 чел. пѣхоты и 8.000 конницы; донъ Жуанъ командовалъ правымъ крыломъ, упиравшимся въ море; великій Конде — лѣвымъ. Французское войско имѣло 6.000 всадниковъ и 9.000 пѣхоты и было построено въ двѣ линіи съ резервомъ; маркизъ де Креки командовалъ правымъ крыломъ, Кастельно — лѣвымъ, маркизъ Гаданъ и Беллефонъ — центромъ. Во время самаго боя наступилъ отливъ и Кастельно

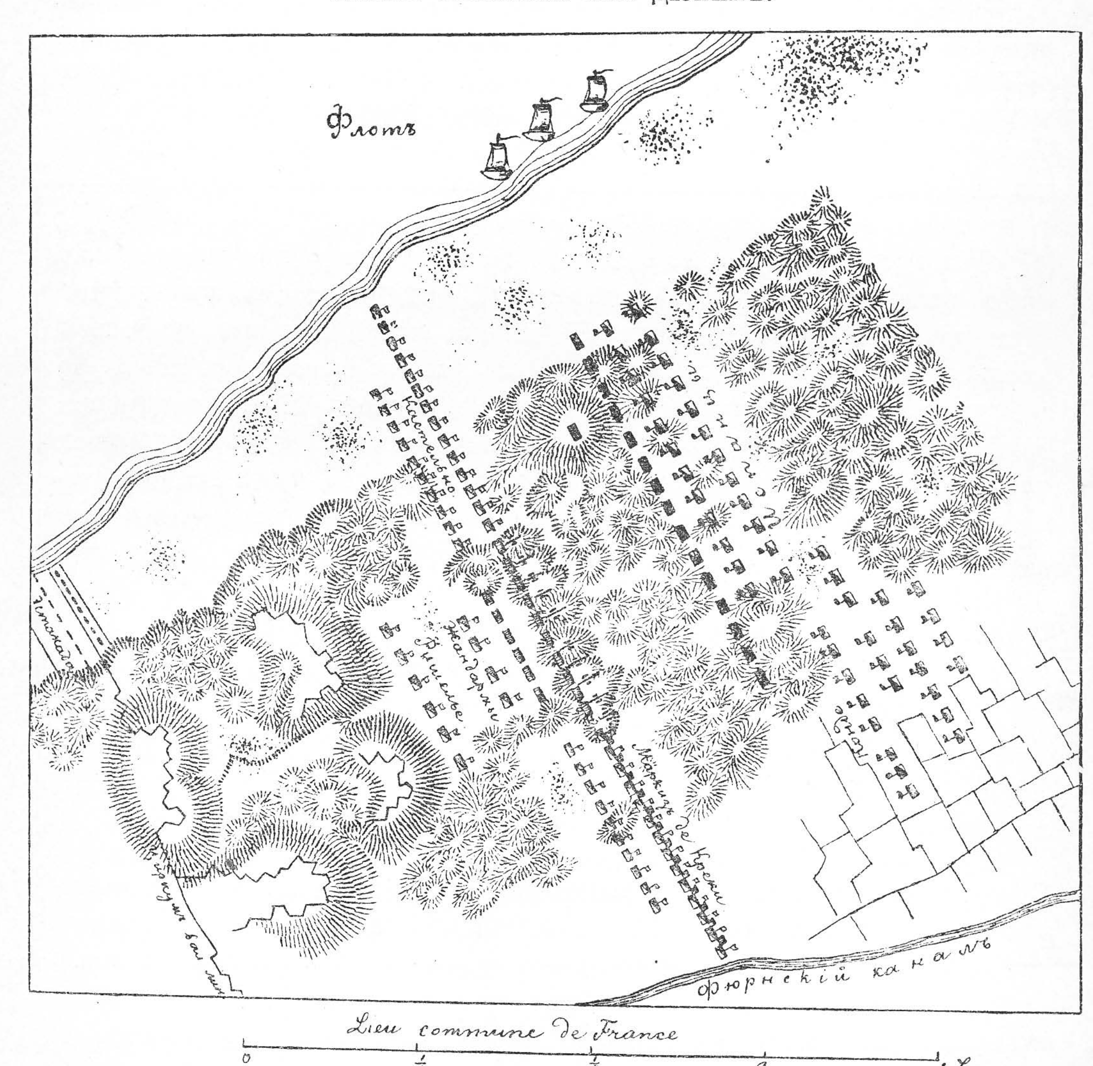
получилъ возможность, двигаясь со своей конницей вдоль по берегу, обойти правое крыло испанцевъ, затѣмъ заѣхать направо и броситься въ промежутокъ между обѣими линіями, приведя ихъ въ полное разстройство. Между тѣмъ на противуположномъ флангѣ Конде, сражаясь со своей

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ДЮНАХЪ.



обычной храбростью, опрокинулъ лихой кавалерійской атакой войска Креки и, по всей вѣроятности, получилъ бы возможность привести въ исполненіе свое намѣреніе — снабдить Дюнкирхенъ подкрѣпленіями, если бы маршалъ Тюреннъ не поспѣшилъ на помощь къ Креки съ частью конницы. Завязался отчаянный бой, въ которомъ подъ Конде была убита лошадь, и онъ

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ДЮНАХЪ.



самъ едва не попался въ плѣнъ; наконецъ Тюреннь одержалъ верхъ, и испанская армія должна была отступить.

Въ этой битвѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя удачное пользованіе временемъ отлива, дозволившее французамъ обойти правый флангъ испанцевъ, — обстоятельство, совершенно не предусмотрѣнное донъ Жуаномъ и противъ котораго онъ не принялъ никакихъ мѣръ.

Въ битвѣ при Зинцгеймѣ, 16 іюня 1674 г., французскіе драгуны подошли къ непріятельской позиціи раньше другихъ войскъ. Тюреннь

ПЛАНЪ БОЯ ПРИ ЗИНЦГЕЙМѢ

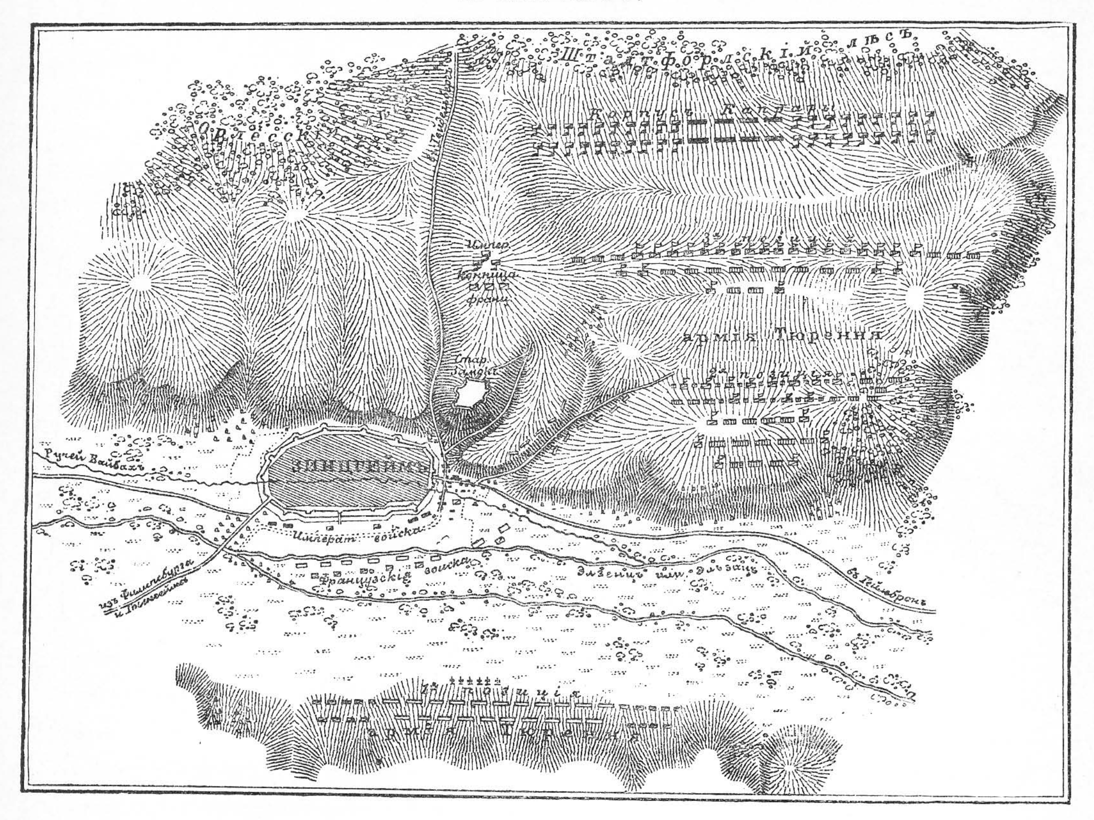
16 Іюня 1674 г.

немедленно приказалъ имъ атаковать городъ Зинцгеймъ, служившій опорнымъ пунктомъ правому флангу арміи герцога Лотарингскаго и прикрывавшій переправу черезъ ручей Эльцъ или Эльзенцъ.

Драгуны, бывшіе подъ командой Окинкура, спѣшились и живо повели атаку черезъ сады, виноградники и другія препятствія, лежавшія впереди города. Атака была поддержана подошедшей между тѣмъ пѣхотой. Въ скоромъ времени французы вогнали непріятеля въ городъ, по его пятамъ переправились черезъ водяной ровъ, разбили ворота и проникли такимъ

ПЛАНЪ БОЯ ПРИ ЗИНЦГЕЙМѢ

16 Іюня 1674 г.



образомъ въ городъ, взявъ при этомъ 400 человѣкъ въ плѣнъ и перебивъ или разогнавъ остальныхъ.

Послѣ этого прочія части арміи Тюренния и кавалерія переправились черезъ ручей и двинулись на главную позицію непріятеля, расположившагося на высотѣ и примкнувшаго одинъ флангъ къ холмамъ и виноградникамъ, а другой къ длинной изгороди. Вершина возвышенности была ровная и представляла всѣ удобства для дѣйствія конницы, почему имперская армія, въ которой этотъ родъ оружія преобладалъ, тамъ и расположилась. Сообразно съ этими особенностями мѣстности, Тюренннь, противъ обыкновенія того времени, поставилъ конницу въ центрѣ, а пѣхоту на флангахъ. При этомъ послѣдняя, превосходившая непріятельскую, пользуясь виноградниками на правомъ флангѣ и изгородью на лѣвомъ, могла постепенно подвигаться впередъ, обходя противника и оказывая существенную помощь своей конницѣ, двинутой прямо на центръ. Исполнено все было настолько удачно, что французской конницѣ удалось взобраться на вершину, здѣсь развернуться и произвести всѣми силами атаку, рѣшившую участь дня.

Это сраженіе служитъ дальнѣйшимъ примѣромъ удачнаго пользованія мѣстностью. Такъ какъ на флангахъ она была удобна для пѣхоты, то наступленіе было произведено уступами съ обоихъ фланговъ, что и вызвало отступленіе непріятельскаго центра. Съ этого времени мы замѣчаемъ, что особенности поля сраженія начинаютъ оказывать вліяніе на построеніе войскъ.

Маршалъ Люксембургъ пошелъ совершенно по стопамъ Тюренния и умѣлъ, при распредѣленіи войскъ, отлично пользоваться мѣстностью. Онъ также очень хорошо понималъ выгоду косаго боеваго порядка, чему примѣромъ можетъ служить битва при Флерусѣ 1 іюля 1690 г.

Центръ и лѣвый флангъ французской арміи были поставлены какъ бы для атаки позиціи принца Вальдекскаго съ фронта, а правое крыло въ это время произвело обходное движеніе и ударило на лѣвый флангъ. Пѣхота маршала Люксембурга занимала самую деревню Флерусъ, а конница развернулась на ровной мѣстности по обѣ стороны деревни. Обходное движеніе удалось вполнѣ и рѣшило бой, что въ началѣ было сомнительно, такъ какъ французская конница лѣваго крыла была отброшена и разбита и такую же участь потерпѣла и пѣхота, поспѣшившая къ ней на помощь.

Битва при Лезѣ въ 1691 г. тоже доказываетъ военныя способности Люксембурга и особенно замѣчательна искусными дѣйствіями конницы. Маршалъ Люксембургъ зналъ, что принцъ Оранскій собирается отойти за протекавшую позади его позиціи рѣку, и предположилъ, что онъ для прикрытія этого отступленія оставитъ только конный арьергардъ, разсчитывая на значительное разстояніе между обѣими арміями. Сообразно съ этимъ, Люксембургъ, какъ только пришло извѣстіе о выступленіи про-

тивника, взялъ съ собой сильный конный отрядъ, произвелъ ночной маршъ и рано утромъ настигъ арьергардную конницу принца Оранскаго, начинавшую переправу по мосту.

Немедленно поведена была атака; непріятель, застигнутый совершенно врасплохъ и не успѣвшій построиться, былъ сокрушенъ первымъ же ударомъ и разбитъ. Маршалъ Люксембургъ одержалъ побѣду съ 28 эскадронами, преимущественно королевской арміи, надъ 75 непріятельскими и отнялъ у нихъ 40 штандартовъ. Слухъ объ этой побѣдѣ прошелъ по всей Европѣ, и Людовикъ XIV такъ высоко цѣнилъ это дѣло, что приказалъ въ память его выбить особую медаль.

При Неервинденѣ въ 1693 году маршалъ Люксембургъ одержалъ побѣду надъ принцемъ Оранскимъ. Три атаки французовъ на непріятельскую позицію были отбиты, когда при четвертой атакѣ конница проскочила между полевыми укрѣпленіями, прошла по нимъ, атаковала Неервинденъ съ тыла и помогла пѣхотѣ рѣшить дѣло. Достойно замѣчанія, что на этомъ же самомъ мѣстѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, герцогъ Мальборо такимъ же образомъ взялъ Мегенскія линіи, при чемъ его кавалерія заполнила рвы связками сѣна, перешла валы укрѣпленій и взяла позицію.

Глава VIII.

Монтекукули. — Нѣмецкая конница. — Битва при С. Готтардѣ 1664 г.[1]).

Во второй половинѣ XVII столѣтія между нѣмецкими генералами выдавался Монтекукули, достойный противникъ Тюренния и одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени. Его записка о военномъ искусствѣ, о военной системѣ турокъ и его описаніе кампаніи 1664 г. являются весьма цѣнными вкладами въ военную литературу и доказываютъ выдающіяся способности автора.

Изъ его описаній мы можемъ извлечь очень интересныя свѣдѣнія о состояніи нѣмецкой конницы въ его время, объ ея службѣ, а равно и о войнахъ, въ которыхъ самъ авторъ участвовалъ.

Пѣхота въ его время дѣлилась на пикинеровъ и мушкетеровъ, при чемъ первые представляли собою только пассивную силу для обороны противъ конныхъ атакъ. Эскадроны конницы были силой въ 150 чел. и строились въ три шеренги по 50 чел. Иногда, когда приходилось дѣйствовать большими массами, два эскадрона сводились въ одинъ; обыкновенно же они стояли на интервалахъ въ 18 шаговъ, и Монтекукули считалъ

[1]) Montecuculi.

цѣлесообразнымъ располагать въ этихъ интервалахъ взводы мушкетеровъ въ 40 чел., построенные въ 5 шеренгъ. Онъ вполнѣ понималъ важность резерва и совѣтовалъ, при расположеніи арміи въ двѣ линіи, конницѣ каждой линіи имѣть свой резервъ, такъ чтобы вся она была построена въ четыре линіи. Драгунъ онъ ставилъ на флангахъ.

Монтекукули раздѣляетъ конницу на кирасиръ и легкую. Кирасиры имѣли каски, грудныя и спинныя кирасы, желѣзныя перчатки, доходящія до локтей, длинныя шпаги, пистолеты, а часть — еще и мушкетоны. Главными ихъ свойствами должны были быть сомкнутость и твердость. Легкой конницы было немного; она предназначалась для развѣдокъ, фуражировокъ, прикрытія транспортовъ и т. п. и была вооружена шпагами и карабинами.

Защитники пики очень часто указываютъ на авторитетъ Монтекукули. Онъ, дѣйствительно, говоритъ, что пика наилучшее оружіе для конницы, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы вооруженные ею люди имѣли полное предохранительное вооруженіе и сидѣли на отличныхъ лошадяхъ, при чемъ считаетъ необходимымъ для успѣшнаго дѣйствія ею твердый грунтъ и ровную, открытую мѣстность. Если всѣмъ этимъ условіямъ можно удовлетворить и имѣются еще для поддержки кирасиры, то можно ожидать большихъ результатовъ. Если же одно изъ условій не выполнено или если подъ рукой нѣтъ кирасиръ для развитія успѣха атаки, то Монтекукули признаетъ пику излишней и даже вредной. Такимъ образомъ выходитъ, что Монтекукули не такъ безусловно стоитъ за пику, какъ это обыкновенно полагаютъ.

Монтекукули имѣлъ также полное представленіе о примѣненіи драгунъ: онъ говоритъ, что „они — пѣхота, которой дали лошадей для болѣе быстраго движенія“. Онъ считаетъ пѣхоту главнымъ родомъ оружія и прибавляетъ, что тяжелая конница должна составлять половину пѣхоты, а легкая — четверть тяжелой.

Впрочемъ Монтекукули, несмотря на его несомнѣнно большія военныя способности, не былъ кавалеристомъ. Самый предлагаемый имъ способъ веденія войны, осторожный, методическій, все разсчитывающій, основанный на однихъ маневрахъ и маршахъ, не способствовалъ развитію кавалерійскаго дѣла, и, дѣйствительно, этотъ родъ оружія при немъ не далъ ни одного сколько-нибудь выдающагося подвига. Конница, благодаря тяжелому вооруженію и неповоротливости, скорѣе пошла назадъ съ того времени, когда Паппенгеймъ, Пикколомини и Терцкій умѣли придать своимъ всадникамъ такую живость, подвижность, энергію. Монтекукули одержалъ большую побѣду надъ турками при С. Готтардѣ въ Венгріи, 1 августа 1664 г. Турки имѣли гораздо болѣе многочисленную конницу, но онъ сумѣлъ парализовать ее, воспрепятствовавъ ей переправиться черезъ рѣку, такъ что до 30.000 турецкихъ всадниковъ были лишены

возможности принять участіе въ сраженіи. Всѣ распоряженія Монтекукули основаны на стремленіи оказать возможное сопротивленіе многочисленной непріятельской легкой конницѣ. Его пѣхота была построена въ 6 шеренгъ, изъ которыхъ двѣ переднія состояли изъ мушкетеръ, а остальныя — изъ пикинеръ. Между эскадронами были размѣщены отдѣленія мушкетеръ въ 24 — 30 чел., которымъ приказано было, въ случаѣ отступленія, отходить на ближайшіе пѣхотные баталіоны. Всѣ мушкетеры вообще должны были стрѣлять по шереножно, съ тѣмъ, чтобы постоянно оставалась часть ихъ съ заряженными ружьями. Тяжелой конницѣ было строго запрещено отдѣляться отъ пѣхоты для преслѣдованія противника — распоряженіе оригинальное и доказывающее достоинства турецкой конницы. Въ случаѣ успѣха вся армія должна была въ густыхъ массахъ подаваться впередъ, и только легкой конницѣ разрѣшалось броситься за непріятелемъ. Эти всѣ распоряженія Монтекукули указываютъ на ту пассивную роль и оборонительный образъ дѣйствій, которыя онъ назначилъ своимъ кирасирамъ. Нужно сказать, что это вполнѣ оправдывалось многочисленностью и отличными качествами легкой турецкой конницы, съ которой кирасирамъ невозможно было бороться. Съ другой стороны и турецкіе всадники ничего не могли подѣлать съ этими послѣдними, пока они оставались въ сомкнутомъ, глубокомъ строю и единственнымъ возможнымъ образомъ дѣйствія для турокъ съ надеждой на успѣхъ было какими-либо маневрами утомить и нарушить сомкнутость нѣмецкихъ всадниковъ.

Глава IX.

Начало XVIII столѣтія. — Походы Мальборо и принца Евгенія Савойскаго [1]).

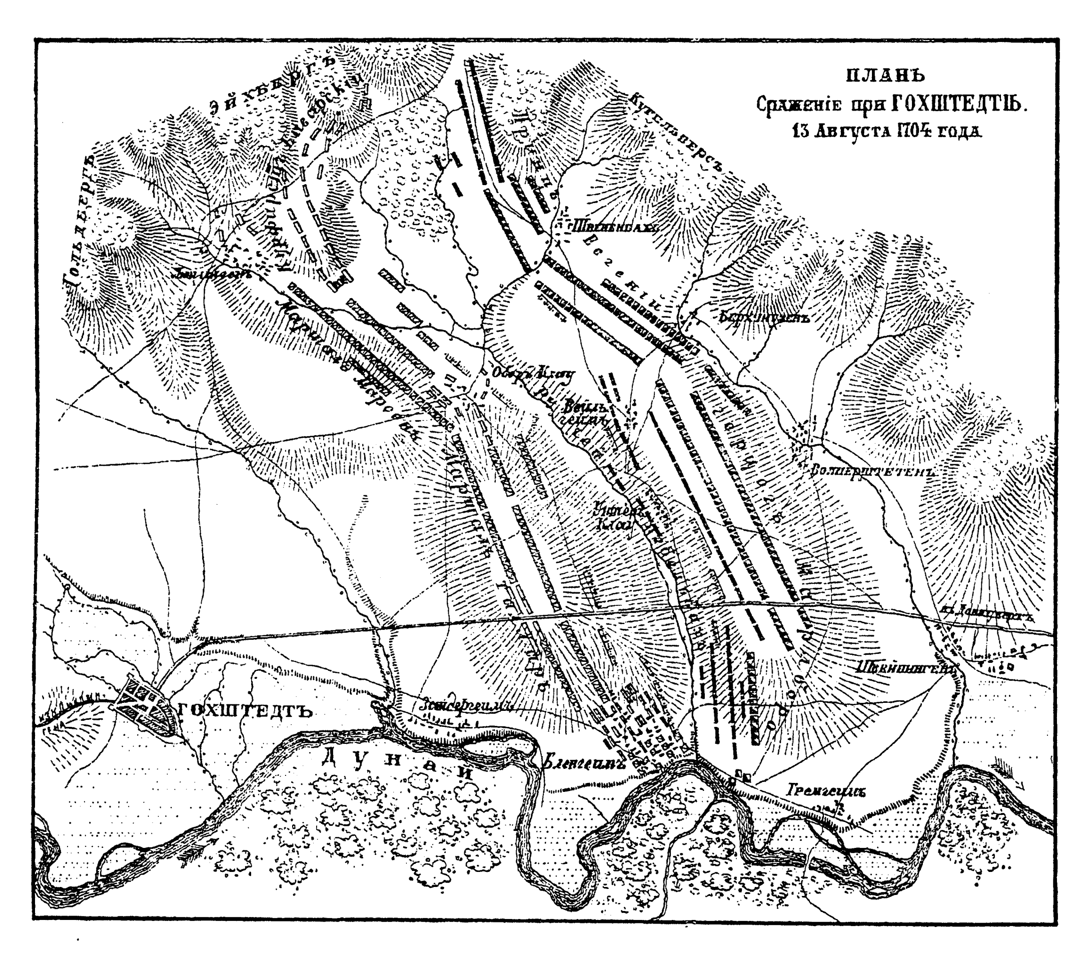
Герцогъ Мальборо и его другъ и союзникъ принцъ Евгеній Савойскій были выдающимися полководцами и особенно отличались дѣятельнымъ примѣненіемъ кавалеріи. Наиболѣе важной и рѣшительной битвой, ими выигранной соединенными силами, была битва при Гохштедтѣ или Блиндгеймѣ 13 августа 1704 года.

Сраженіе это было выиграно почти исключительно цѣлесообразными дѣйствіями союзной конницы, очень многочисленной и отличнаго качества. Армія Мальборо и Евгенія была силой въ 32.000 чел. пѣхоты и 20.000 конницы; французско-баварская армія доходила до 82 батальоновъ и 152 эскадроновъ, въ числѣ 56.000 чел. Маршалъ Талларъ, французскій главнокомандующій расположилъ свои войска на сильной позиціи позади ручья Небеля,

---

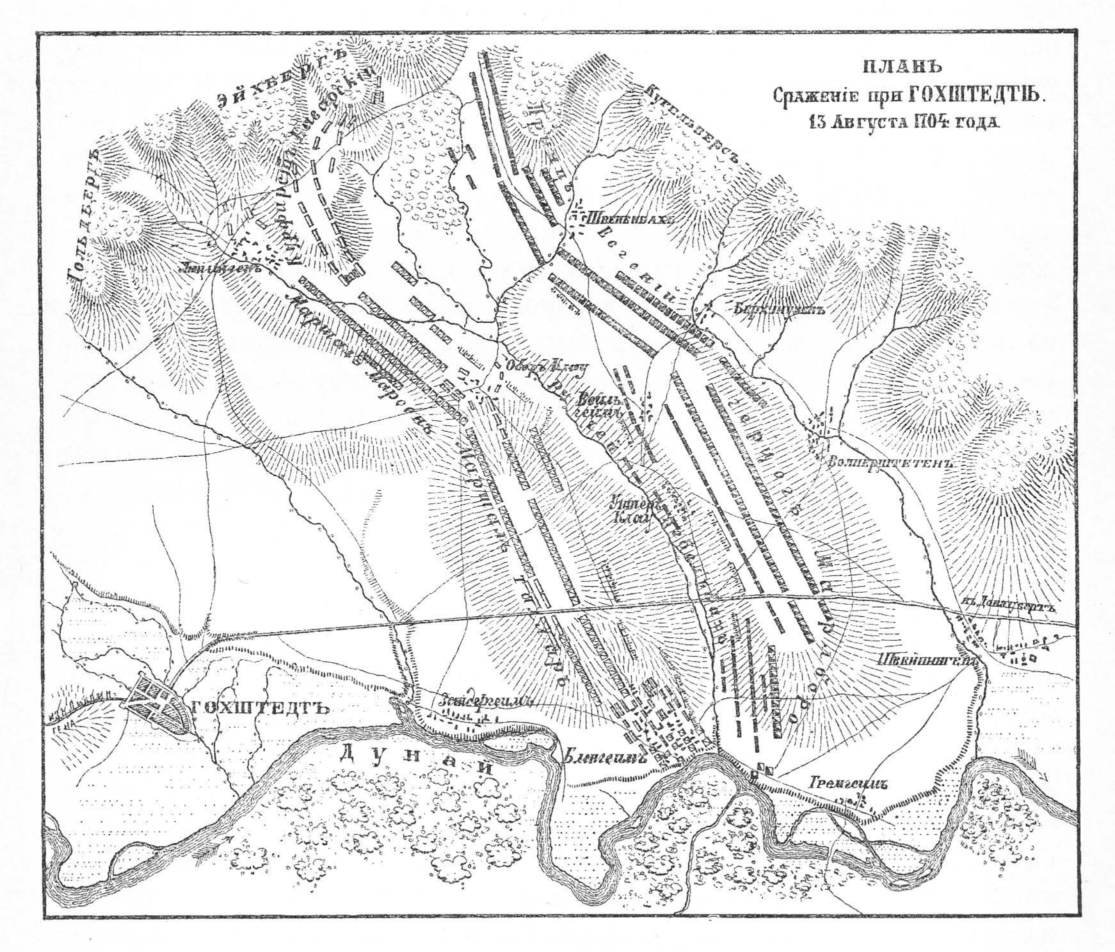
[1]) Coxe, Life of Marlborough; — Grahame.

уперевъ правый флангъ въ Дунай у деревни Блиндгеймъ. Центръ его, стоявшій на мѣстности слегка покатой къ сторонѣ непріятеля, былъ составленъ почти исключительно изъ конницы, которая въ числѣ около 50 эскадроновъ занимала все пространство между деревнями Блиндгеймъ и Оберглау; баварская конница примыкала къ правому флангу французской, такъ что почти вся конница стояла въ центрѣ. Значительная часть пѣхоты занимала Блиндгеймъ, который, какъ видно, считался Талларомъ за ключъ



позиціи. Армія была построена въ двѣ линіи и въ серединѣ второй линіи конницы было поставлено три бригады пѣхоты.

Мальборо сейчасъ замѣтилъ слабую сторону расположенія противника: длинная линія конницы, поставленная для обороны переправы черезъ рѣку, могла быть очень легко прорвана однимъ ударомъ многочисленной союзной кавалеріи. Черезъ это оба фланга были бы совершенно отрѣзаны другъ отъ друга; густыя пѣхотныя массы, занимавшія Блиндгеймъ, могли быть заперты и окружены въ этой деревнѣ, весь же лѣвый флангъ французско-баварской арміи можно было взять во флангъ и откинуть. Сооб-


ПЛАНЪ
Сраженіе при ГОХШТЕДТѢ.
13 Августа 1704 года
Эйхбергъ
Гольдбергъ
Кутельбергъ
Швененбахъ
Бергхаузенъ
Вольперштетенъ
Оберъ Клау
Унтеръ Клау
Швеннингенъ
въ Донауверт
ГОХШТЕДТЪ
Дунай
Бленгеймъ
Тренгеймъ

разно съ этимъ Мальборо сдѣлалъ всѣ распоряженія для переправы черезъ Небель; армія была построена въ 4 линіи: первая состояла изъ пѣхоты, вторая и третья изъ конницы, четвертая — изъ пѣхоты. Это построеніе въ высшей степени соотвѣтствовало характеру мѣстности и расположенію противника. Пѣхота первой линіи должна была переправиться черезъ рѣчку, возстановить по ней мосты и прикрыть переправу по нимъ конницы; четвертая же линія должна была, не переходя за ручей, поддержать когда нужно наступленіе прочихъ частей и подать имъ помощь въ случаѣ неудачи. Какъ только были отданы приказанія, тотчасъ были приведены и спущены въ воду понтоны и приступлено къ наводкѣ моста, а равно и къ исправленію уже существовавшаго каменнаго моста. Дабы еще болѣе укрѣпить Таллара въ мысли, что Блиндгеймъ считается самымъ важнымъ пунктомъ, на него было произведено энергичное нападеніе, продолжавшееся все время, пока въ центрѣ дѣлались необходимыя приготовленія; наступавшая на эту деревню колонна была атакована во флангъ 3 эскадронами французскихъ жандармовъ, почему лордъ Кутсъ послалъ просить подкрѣпленія. Посланные 5 эскадроновъ были атакованы такимъ же числомъ французскихъ жандармскихъ эскадроновъ, встрѣтившихъ ихъ залпомъ изъ мушкетоновъ; союзная конница бросилась на нихъ съ обнаженными шпагами, опрокинула и прогнала въ интервалы пѣхоты, открывшей сильный огонь по преслѣдовавшимъ всадникамъ и вынудившей ихъ къ быстрому отступленію.

На правомъ флангѣ союзной арміи принцъ Евгеній наткнулся на крайне упорное сопротивленіе курфюрста Баварскаго. Бой продолжался здѣсь нѣсколько часовъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока въ центрѣ Мальборо всячески старался переправить свою конницу по бродамъ и топкимъ берегамъ Небеля и стать твердой ногой на томъ берегу. Это удалось только съ большимъ трудомъ и послѣ цѣлаго ряда стычекъ, въ одной изъ которыхъ конница Мальборо была отброшена къ ручью и принуждена отойти къ своей пѣхотѣ. Выдвинутая тогда вторая линія конницы оттѣснила опять французскіе эскадроны, но встрѣченная изъ Блиндгейма сильнымъ мушкетнымъ и орудійнымъ огнемъ, вынуждена была остановиться. Къ 5 часамъ дня Мальборо удалось, наконецъ, занять позицію, съ которой онъ могъ начать предположенную имъ атаку. Во время бывшихъ до того боевъ Талларъ подкрѣпилъ свою конницу 9 батальонами, стоявшими во второй ея линіи; тогда и Мальборо выдвинулъ на соотвѣтственное мѣсто 3 ганноверскихъ баталіона съ нѣсколькими орудіями. Затѣмъ конница его, поддержанная этими тремя баталіонами, двинулась подъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ противъ 10.000 французской конницы, спокойно ее ожидавшей. Огонь былъ такъ силенъ, что наступающій долженъ былъ черезъ нѣсколько времени пріостановиться и даже отойти шаговъ на 60. Артиллерія и пѣхота продолжали живую пере-

стрѣлку, но скоро огонь французовъ сталъ ослабѣвать, и пѣхота ихъ, терявшая массу людей отъ непріятельскихъ снарядовъ, все таяла и таяла.

Послѣ короткой остановки Мальборо опять перешелъ въ наступленіе, и французскіе всадники начали отходить; 9 баталіоновъ были частью изрублены, частью взяты въ плѣнъ. Талларъ еще разъ собралъ свою конницу, образовалъ вторую линію и попытался остановить противника, но неудачно. Мальборо, увидѣвши, что настала рѣшительная минута, приказалъ всѣмъ трубачамъ трубить атаку и стремительно бросился на непріятеля. Французскіе всадники, уже нѣсколько поколебленные предшествовавшими неудачными боями, теперь, увидя несущуюся на нихъ грозную массу, дали слабый залпъ изъ своихъ карабиновъ на очень большомъ разстояніи отъ противника и обратились въ бѣгство. Этимъ битва была рѣшена.

Союзная конница наводнила, если можно такъ выразиться, всю равнину въ центрѣ бывшаго расположенія Таллара и со всѣхъ сторонъ окружила занимавшую Блиндгеймъ пѣхоту, которая вынуждена была сдаться безусловно. Затѣмъ она нагнала конницу Таллара въ деревнѣ Зондергеймѣ, взяла большую часть ея и самого маршала въ плѣнъ и, налетѣвъ съ фланга на армію курфюрста Баварскаго, вынудила и его къ поспѣшному отступленію.

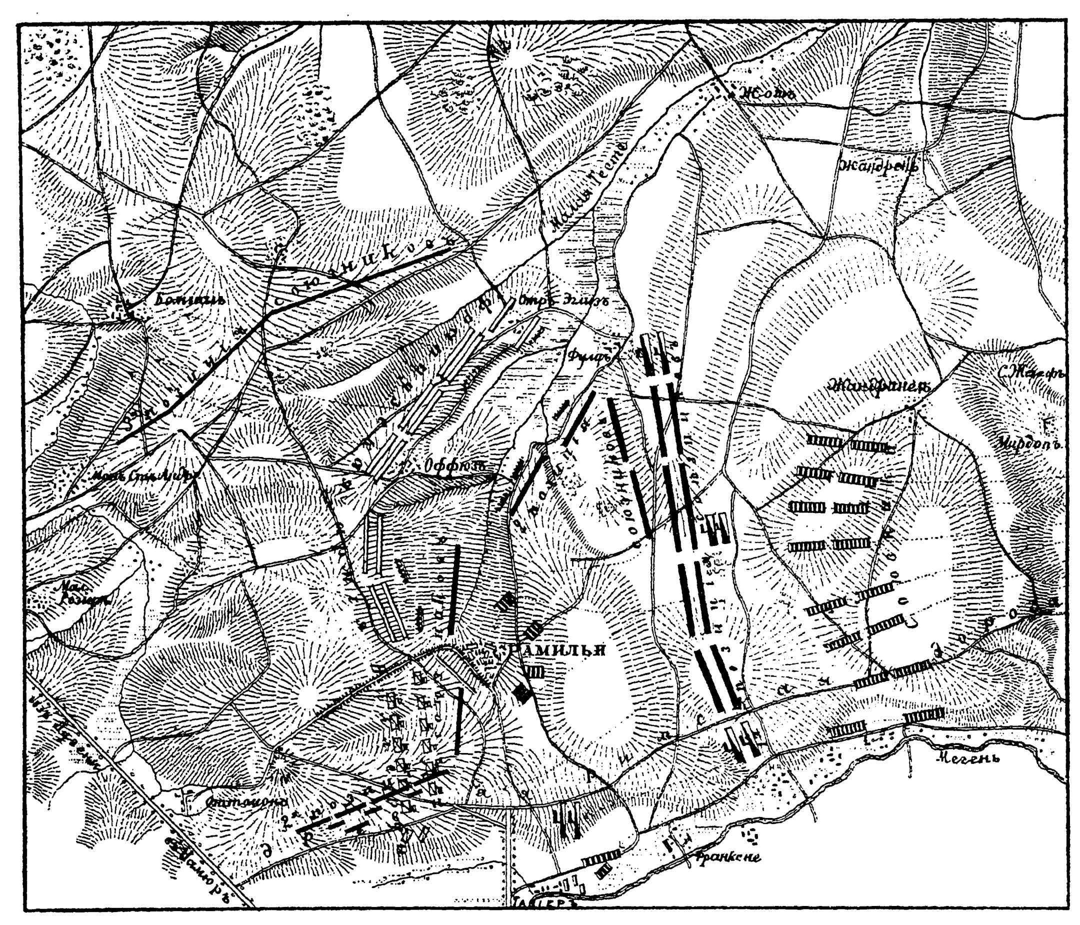
Хотя конница и играла выдающуюся роль въ только что описанной битвѣ и ей обязаны союзники успѣхомъ, нельзя все-таки не замѣтить, что дѣйствія ея не были вполнѣ сообразны съ основными ея свойствами, и если дѣло кончилось такъ успѣшно для Мальборо, то это благодаря тому только, что ошибки были сдѣланы обѣими сторонами. Мы опять встрѣчаемъ и пагубный обычай ставить пѣхоту между конными частями, и усиленное дѣйствіе послѣднихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Первую, атаку Мальборо, вѣроятно, произвелъ самымъ маленькимъ аллюромъ, такъ какъ пѣхота и артиллерія, какъ кажется, не отставали отъ конницы. Образъ дѣйствія Таллара также не можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ онъ, повидимому, предполагалъ оборонять позицію на ровной мѣстности конницей, ожидая противника стоя на мѣстѣ. Врядъ-ли можно усомниться въ томъ, что если бы Талларъ въ эту критическую минуту, когда союзная конница поколебалась и уже отошла на 60 шаговъ, бросилъ на нее карьеромъ всѣхъ своихъ всадниковъ, то опрокинулъ бы ее въ Небель и на его болотистые берега.

Мальборо вполнѣ понималъ всю важность силы удара при атакѣ, такъ какъ собралъ значительную конную массу въ одномъ пунктѣ, но онъ упустилъ изъ виду другой, столь же важный факторъ — быстроту. Здѣсь можно только повторить, что моральное впечатлѣніе имѣетъ огромное вліяніе, особенно въ конномъ бою, и что въ этомъ отношеніи видъ несущейся полнымъ ходомъ массы по крайней мѣрѣ столь же внушителенъ, какъ цѣлый градъ пуль, выпущенныхъ съ близкаго разстоянія.

Въ концѣ сраженія мы встрѣчаемъ безусловно правильное употребленіе конницы, когда огромная масса ея пущена полнымъ ходомъ по всему полю сраженія, чтобы смести съ него все, что еще держалось. Въ этомъ отношеніи Мальборо можетъ быть принятъ за предвѣстника Фридриха Великаго, лучше котораго никто изъ новѣйшихъ полководцевъ не понималъ силы удара конной массы, пущенной съ надлежащей быстротой и сомкну-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ РАМИЛЬИ

23 мая 1706 г.

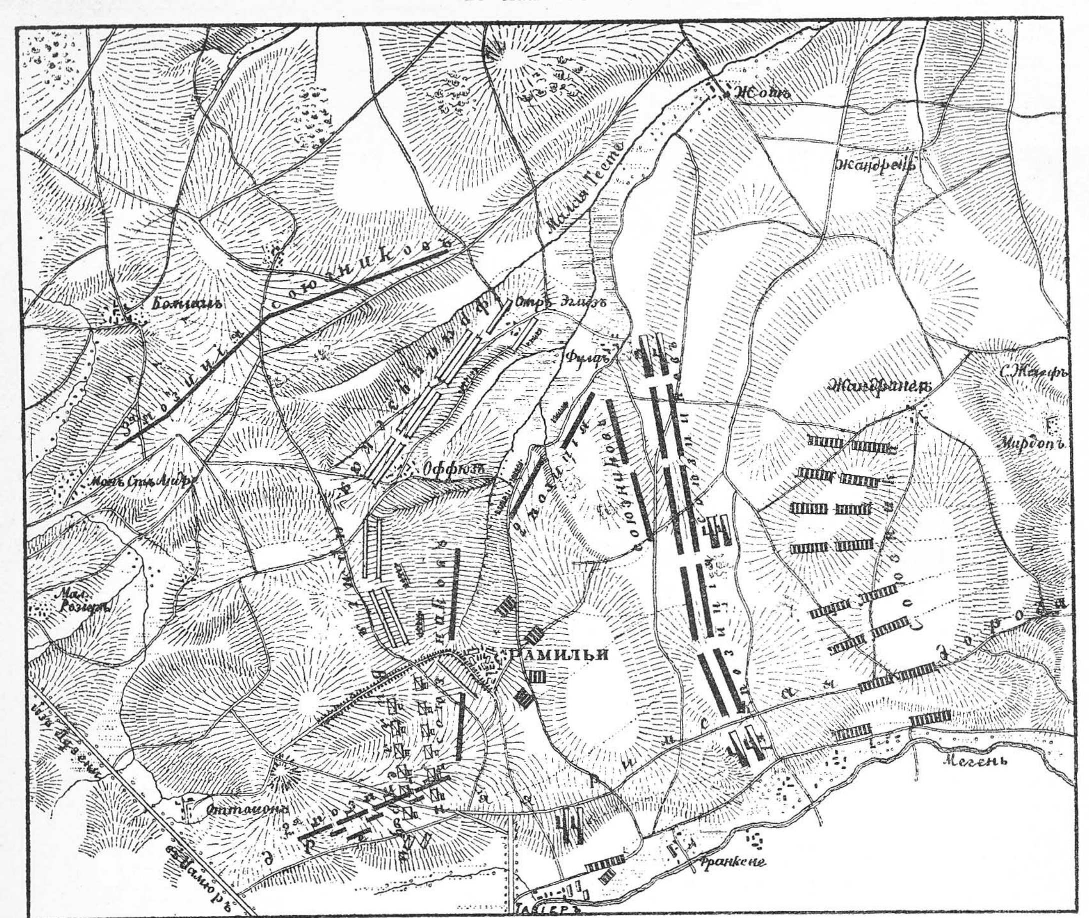


тостью въ вѣрномъ направленіи. У Мальборо недоставало только быстроты движенія.

Битва при Рамильи, 23 мая 1706 г., представляетъ нѣкоторое сходство съ битвой при Блиндгеймѣ, но участвовавшая въ ней конница была еще многочисленнѣе. Союзная армія имѣла 35.000 чел. пѣхоты и 29.000 чел. конницы; французская—40.000 чел. пѣхоты и 35.000 чел. конницы. Маршалъ Вильруа расположилъ свои войска нѣсколько сходно съ расположеніемъ маршала Таллара при Гохштедтѣ; правый флангъ былъ примкнутъ къ

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ РАМИЛЬИ

23 мая 1706 г.



Мегеньѣ у деревни Тавье, и конница поставлена на равнинѣ между этимъ пунктомъ и Рамильи. Послѣ демонстраціи противъ праваго фланга Вильруа, Мальборо повелъ настоящую атаку на французскую конницу, построивъ свою въ три линіи, что давало ему возможность вводить въ дѣло свѣжіе резервы. Отрядъ изъ 14 эскадроновъ спѣшенныхъ драгунъ и 2 баталіоновъ пѣхоты, посланный Вильруа для подкрѣпленія войскъ, занимавшихъ Тавье, былъ встрѣченъ отрядомъ коннаго резерва союзниковъ и частью изрубленъ, частью обращенъ въ бѣгство. Затѣмъ, главныя силы конницы ударили на французовъ и отбросили ихъ на вторую линію, которая своевременно поддержала первую, удачной атакой привела союзниковъ въ безпорядокъ и погнала ихъ назадъ. Въ эту критическую минуту появился съ одной стороны Мальборо съ 17 эскадронами праваго крыла, а съ другой — резервные эскадроны, разбившіе спѣшенныхъ драгунъ; французы остановились, союзники успѣли оправиться.

Мальборо между тѣмъ приказалъ привести съ праваго крыла всѣхъ свободныхъ всадниковъ; 20 свѣжихъ эскадроновъ поспѣшили къ нему и построились за правымъ флангомъ, въ четвертой линіи. При послѣдовавшей затѣмъ атакѣ правый флангъ французской конницы былъ отброшенъ на центръ, вся линія прорвана и охвачена съ фланговъ, а затѣмъ общій ударъ на всѣхъ пунктахъ поля сраженія окончательно потрясъ французовъ и они отступили, потерявъ много плѣнныхъ.

Въ этомъ бою обращаетъ на себя вниманіе примѣненіе резерва, имѣвшее прекрасный результатъ.

При Мальплаке, 11 сентября 1708 г., Мальборо опять воспользовался своей конницей для прорыва непріятельскаго центра. При этомъ ей пришлось атаковать полевыя укрѣпленія, возведенныя французами для усиленія своей позиціи. Подъ командой принца Овернскаго она прошла черезъ промежутки между нѣсколькими реданами, затѣмъ развернулась и опрокинула защитниковъ укрѣпленій; высланный немедленно вслѣдъ за ней пѣхотный отрядъ занялъ и удержалъ за собою захваченныя такимъ образомъ укрѣпленія, несмотря на то, что союзные всадники были остановлены, а затѣмъ и прогнаны резервной французской конницей.

Около этого времени вошло вообще въ обыкновеніе усиливать позицію полевыми укрѣпленіями, и въ теченіе многихъ лѣтъ война заключалась въ оборонѣ и взятіи укрѣпленныхъ позицій или въ маневрахъ, имѣвшихъ цѣлью вынудить противника очистить ихъ. Мальборо нѣсколько разъ очень удачно пользовался своей конницей для форсированія подобныхъ укрѣпленныхъ линій, напримѣръ при Мегеньѣ въ 1705 г. Линіи эти были очень сильны и возводились въ теченіе трехъ лѣтъ; онѣ тянулись отъ Намюра на Маасѣ до Антверпена. Самой сильной ихъ частью былъ промежутокъ между Левъ и Гелисгеймомъ, гдѣ маленькая Геста съ ея крутыми и скользкими берегами образуетъ какъ бы водяной ровъ передъ укрѣп-

леніями; эти послѣднія состояли изъ нѣсколькихъ редановъ, соединенныхъ куртиной. Мальборо выбралъ какъ разъ эту часть для атаки, думая встрѣтить здѣсь менѣе войскъ.

17 іюля Мальборо сдѣлалъ ложное нападеніе на противоположный конецъ укрѣпленій близъ Намюра и передвинулъ всѣ свои силы влѣво, показывая будто онъ желаетъ поддержать это нападеніе. Вильруа далъ себя обмануть и притянулъ свои войска вправо, оставя въ линіяхъ у Левъ очень слабыя силы. Тогда Мальборо, приказавъ своей конницѣ запастись связками сѣна вмѣсто фашинъ, приготовленіе которыхъ могло бы возбудить въ непріятелѣ подозрѣнія, совершилъ форсированный ночной маршъ съ сильнымъ отрядомъ конницы и 20 баталіонами пѣхоты къ заранѣе избранному пункту атаки. Прибывъ на мѣсто, конница перешла по бродамъ Гесту, закидала связками сѣна рвы укрѣпленій и, такимъ образомъ перешедши ихъ, постоянными атаками задерживала спѣшившихъ французовъ; въ это время укрѣпленія были заняты сильными пѣхотными частями, и вся французская армія принуждена была поспѣшно отступить.

Также и при занятіи линій у Бушенъ въ 1711 г. на конницу было возложено прикрытіе переправы главныхъ силъ и ихъ развертываніе, что ею и было съ успѣхомъ исполнено.

Битва при Альманцѣ въ Испаніи, въ 1707 г., была одной изъ самыхъ упорныхъ и кровопролитныхъ. Англійская пѣхота сражалась съ замѣчательнымъ мужествомъ и прорвала центръ французовъ. Герцогъ Бервикскій имѣлъ однако гораздо болѣе многочисленную конницу, которая разбила оба крыла союзной арміи, затѣмъ насѣла на 13 англійскихъ баталіоновъ и принудила ихъ сдаться. Союзники были съ самаго начала боя очень неудачно построены, такъ какъ всѣ роды оружія были между собою перемѣшаны. Побѣда, одержанная французами, была полная и закончила войну въ Испаніи.

ГЛАВА X.

Карлъ XII и его конница.—Сраженіе при Полтавѣ[1]).

При необыкновенной живости и почти сверхъестественной энергіи, которыя отличали Карла XII, короля шведскаго, было вполнѣ понятно, что онъ предпочиталъ кавалерійскую службу, и его личныя качества не могли не отразиться на образѣ дѣйствій его конницы на полѣ сраженія. Къ сожалѣнію однако онъ не обладалъ разсудительностью, — столь необходимымъ качествомъ для полководца. Если бы у него было больше спокойствія въ обсужденіи и больше осторожности въ дѣйствіяхъ, то онъ несомнѣнно былъ бы однимъ изъ выдающихся вождей новаго времени.

[1]) Nolan 18; — Beamish; — Journal de Pierre le Grand.

*

Какъ уже упомянуто, онъ обращалъ особенное вниманіе на кавалерію и умѣлъ очень искусно пользоваться ею въ бою; онъ проложилъ путь реформамъ Фридриха Великаго и сдѣлался образцомъ для Зейдлица. Развивъ идеи Карла, Зейдлицъ поставилъ прусскую кавалерію на высоту какой еще не достигла ни одна конница.

Энергическій темпераментъ Карла XII заставлялъ его стремиться къ рукопашному бою и къ движеніямъ самыми быстрыми аллюрами. Онъ не

Карлъ XII.

выносилъ ни осторожнаго, медленнаго наступленія, ни дѣйствія огнемъ изъ пистолетовъ и карабиновъ съ дальняго разстоянія, предпочитая атаку въ штыки въ пѣхотѣ и со шпагой въ рукахъ въ конницѣ. Сообразно съ этимъ онъ запретилъ всадникамъ носить какое-либо предохранительное вооруженіе, чтобы развить въ нихъ выносливость и достигнуть наибольшей быстроты. Употребленіе огнестрѣльнаго оружія въ конницѣ было имъ запрещено. Онъ водилъ своихъ всадниковъ въ атаку съ холоднымъ оружіемъ

Карлъ XII.

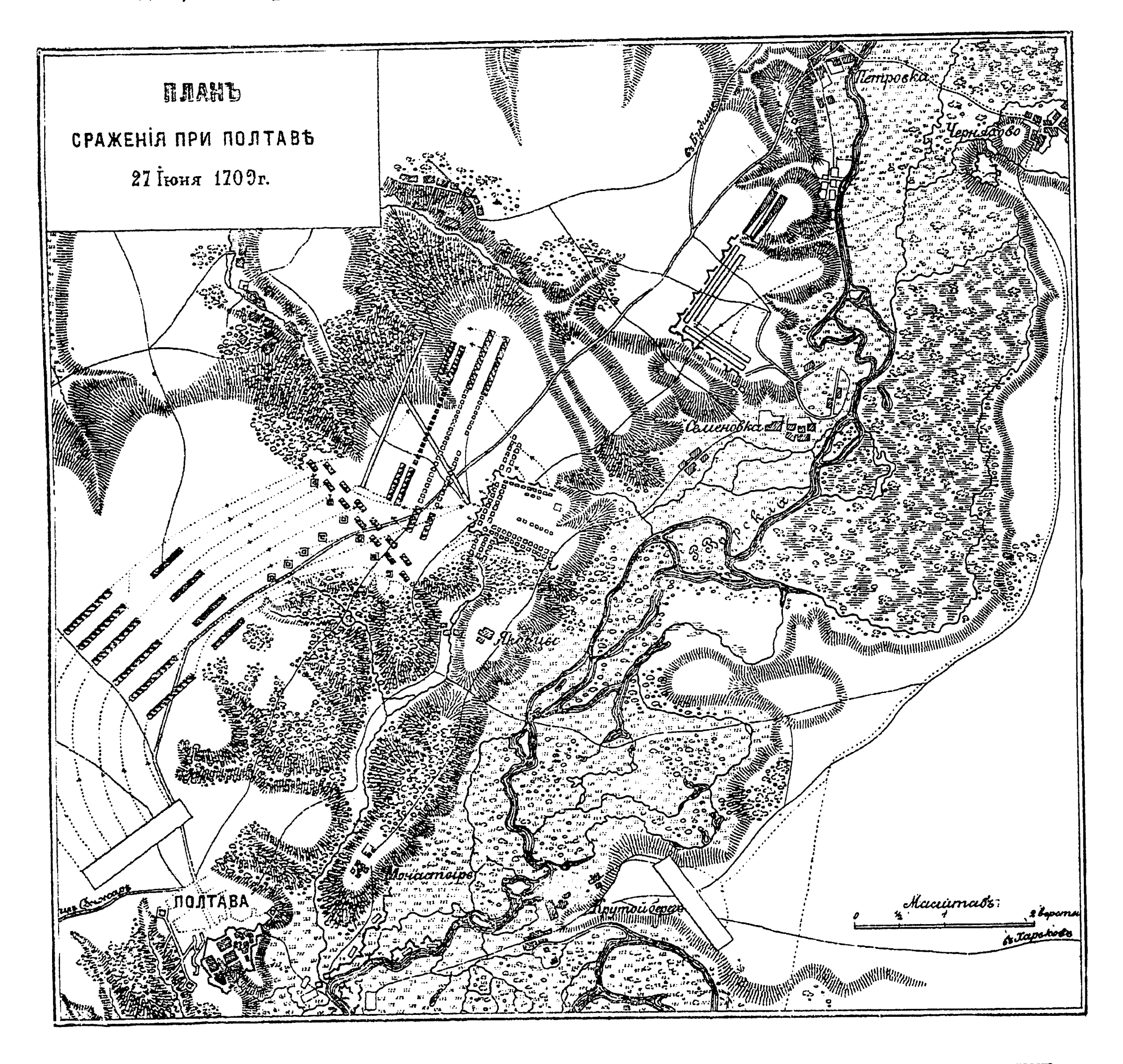
противъ пѣхоты, конницы, укрѣпленій и на всякого рода мѣстности. Никакія препятствія не могли его остановить. Его энергія и живость высказывались особенно при преслѣдованіи. Такъ онъ въ теченіе 9-ти дней, не разсѣдлывая, слѣдовалъ за маршаломъ Шуленбургомъ и саксонцами, нагналъ ихъ наконецъ у Саница, близъ Пуница, и немедленно же атаковалъ двумя конными полками 10.000 человѣкъ непріятеля; саксонская

Петръ Великій.

пѣхота спаслась только тѣмъ, что легла на землю; онъ проскочилъ черезъ нее, разбилъ саксонскую конницу и затѣмъ повернулъ назадъ опять противъ пѣхоты и орудій; первую выручило только раннее наступленіе ночи, подъ покровомъ которой она перешла границу, но всѣ орудія достались Карлу XII. Его всадники въ этомъ бою дѣйствовали исключительно имъ присвоеннымъ холоднымъ оружіемъ,—длинной, прямой шпагой, годной преимущественно для уколовъ.

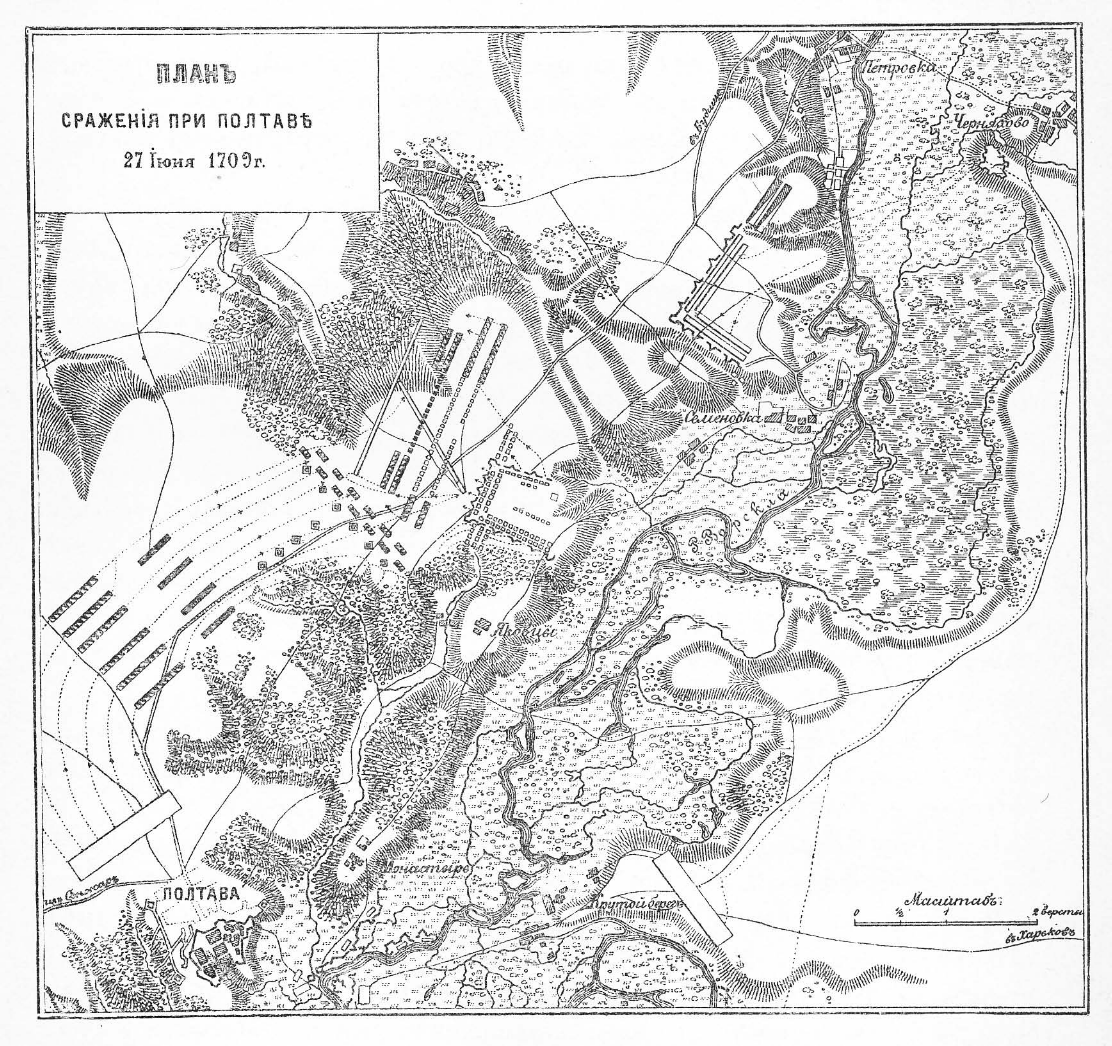
Петръ Великій.

Конница Карла XII была пріучена къ самымъ стремительнымъ движеніямъ, къ которымъ до него никогда не прибѣгали, да, вѣроятно, и считали ихъ просто невозможными. Онъ самъ служилъ примѣромъ: говорятъ, что на смотру одного полка въ 1707 г. онъ загналъ до смерти двухъ лошадей. Очевидно, что примѣръ короля не могъ не оказать вліянія на всю конницу.



Полтавскій бой въ 1709 г. между Петромъ Великимъ и Карломъ XII окончился полнымъ пораженіемъ шведовъ и въ сущности закончилъ карьеру шведскаго короля.

Распоряженія Петра Великаго были на столько же разнообразны по мысли, насколько искусны по выполненію. Онъ понималъ очень хорошо силу, которую могло придать избранной имъ позиціи ея укрѣпленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что непрерывная линія окоповъ принуждаетъ ограничиться строгой обороной и не допускаетъ быстраго перехода въ насту-


ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ПОЛТАВѢ
27 Іюня 1709 г.
Петровка
Черняково
въ Будище
Семеновка
р. Ворскла
Яковцы
Монастырь
ПОЛТАВА
изъ Сенжаръ
Крутой берегъ
Масштабъ
0
½
1
2 версты
въ Харьковъ

пленіе. Сообразно съ этимъ онъ приказалъ построить 7 отдѣльныхъ редутовъ, каждый на 2 баталіона, съ значительными интервалами между ними. Черезъ это какъ пѣхота, такъ и конница могли свободно, въ любую минуту, перейти въ наступленіе между редутами, сохраняя возможность, въ случаѣ неудачи, отойти подъ ихъ прикрытіе.

Карлъ XII, раненый и вынужденный оставаться на носилкахъ, все-таки произвелъ 27 іюня на разсвѣтѣ нападеніе своей конницей, поддержанной пѣхотой. Русскіе оказали сильное сопротивленіе, и шведы взяли только два еще не вполнѣ оконченныхъ редута. 6 баталіоновъ и 4 эскадрона праваго шведскаго крыла были опрокинуты, отрѣзаны отъ прочихъ частей и вынуждены укрыться въ лѣсъ.

Между тѣмъ кавалерійскій бой шелъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, при чемъ шведская конница была поддержана своей пѣхотой, а русская пѣхота не могла подать помощи своей конницѣ, такъ какъ была стѣснена укрѣпленіями, въ которыхъ находилась. Вслѣдствіе этого генералъ-лейтенантъ Бауеръ получилъ приказаніе отойти назадъ мимо праваго фланга укрѣпленій, чтобы дать возможность пѣхотѣ принять участіе въ бою конницы; въ случаѣ наступленія пѣхоты—онъ долженъ былъ отходить еще дальше давать отпоръ кавалеріи. Шведская конница, послѣдовавшая за Бауеромъ, попала подъ ружейный и пушечный огонь съ укрѣпленій, понесла большія потери и вынуждена была отступить. Тогда русскіе, подъ командой князя Меншикова и генералъ-лейтенанта Ренцеля, въ числѣ 5 полковъ конницы и 5 баталіоновъ пѣхоты обратились противъ прежде отрѣзанныхъ и укрывшихся въ лѣсу шведскихъ частей, совершенно ихъ разбили и захватили большинство въ плѣнъ.

Затѣмъ Петръ Великій вывелъ часть пѣхоты изъ укрѣпленій и поставилъ ее впереди фланга ихъ линіи, такъ что шведы при наступленіи были бы остановлены съ фронта и въ то же время атакованы во флангъ. Карлъ XII при помощи фельдмаршала Реншильда, построилъ свою армію для окончательной атаки, имѣя пѣхоту въ центрѣ и конницу—на флангахъ. Петръ Великій вывелъ всѣ свои войска изъ укрѣпленій и перевелъ 6 конныхъ полковъ съ праваго фланга на лѣвый. Въ 9 часовъ утра начался бой на лѣвомъ флангѣ и скоро распространился по всей линіи; онъ окончился полнымъ пораженіемъ шведовъ, потерявшихъ много убитыми и еще болѣе плѣнными.

Преслѣдованіе было ведено крайне энергично. Разбитые остатки шведской арміи подъ командой генерала Левенгаупта отступили къ Переволочнѣ на Днѣпрѣ, но не успѣли еще черезъ него переправиться, какъ были настигнуты княземъ Меншиковымъ съ сильнымъ коннымъ отрядомъ и вынуждены, въ числѣ 14.000 чел., сдаться; только королю съ небольшой свитой удалось уйти въ Турцію. При этой погонѣ Меншикова позади каждаго всадника было посажено по пѣхотинцу.

Побѣда была одной изъ наиболѣе рѣшительныхъ, когда-либо виданныхъ; самое сраженіе показываетъ выдающіяся способности Петра Великаго, какъ полководца. Это выразилось и въ искусномъ расположеніи редутовъ и въ дѣйствіяхъ всѣхъ родовъ оружія. Мы видимъ въ этомъ бою дальнѣйшее развитіе мысли взаимной поддержки конныхъ и пѣшихъ частей.

ГЛАВА XI.

Петръ Великій.—Регулярная армія[1]).

Организація постоянной регулярной арміи въ Россіи принадлежитъ всецѣло Петру Великому и составляетъ одну изъ его наиболѣе крупныхъ заслугъ.

Дмитрій Донской первый раздѣлилъ войско на полки. До монгольскаго ига главную его часть составляла пѣхота, а затѣмъ начала преобладать конница. Собственно до Петра Великаго не было постоянной регулярной арміи. Онъ ее ввелъ, и онъ же сталъ вести бой по принципамъ военнаго искусства.

При его вступленіи армія состояла изъ 2 драгунскихъ и 27 пѣхотныхъ полковъ; понимая все значеніе конницы, онъ сейчасъ же приступилъ къ увеличенію численности этого рода оружія. Въ 1701 г. было сформировано 8 драгунскихъ полковъ, въ слѣдующемъ — одинъ, затѣмъ еще два, въ 1704 г. — четыре, въ 1705 — шесть, въ 1706 и послѣдующихъ годахъ еще 6 и въ 1711 — одинъ, такъ что все число драгунскихъ полковъ въ этомъ году было 30; кромѣ того, въ 1709 г. было сформировано 3 гренадерскихъ драгунскихъ полка, не имѣвшихъ штандартовъ.

Драгуны должны были сражаться какъ пѣшкомъ, такъ и верхомъ, и все ихъ снаряженіе и вооруженіе было приспособлено къ этой двойной цѣли. Они имѣли для пѣшаго боя — мушкеты, а для коннаго — длинныя, прямыя шпаги и пистолеты. Намѣреніе примѣнять драгунъ и пѣшкомъ и верхомъ видно изъ ихъ снаряженія. Пятая часть людей имѣла топоры, десятая — большія лопаты и другая десятая — заступы; весь этотъ инструментъ былъ приторченъ къ сѣдламъ. Такимъ образомъ они имѣли возможность устраивать засѣки и возводить полевыя укрѣпленія на тѣхъ позиціяхъ, которыя они должны были оборонять въ пѣшемъ строю. Съ 1700 г. по 1708 г. у мушкетовъ было нѣчто въ родѣ шпаги-штыка.

Драгуны имѣли синіе мундиры съ бѣлыми или красными отворотниками, обшлагами и отворотами, жилеты и штаны изъ козлиной кожи, сапоги со шпорами и треугольныя шляпы; послѣднія были замѣнены въ

---

[1]) Iwanoff; — Gudim Lewkowitsch.

Драгуны Петра Великаго.

Драгуны Петра Великаго.

1702 г. каской. Послѣ 1708 г. къ мушкетамъ были приданы штыки въ родѣ шведскихъ. Юнкера, квартермистры, знаменщики, сержанты и капралы не имѣли ружей, а носили шпаги и пистолеты.

Драгуны строились въ конномъ строю въ 3 шеренги, въ пѣшемъ — въ 4.

При Петрѣ Великомъ конница была очень многочисленна: въ 1720 г. числительность пѣхоты была 57.956 чел., а конницы — 36.333 лош. Это показываетъ, какое важное значеніе придавалъ конницѣ одинъ изъ самыхъ выдающихся полководцевъ.

Формируя драгунскіе полки, Петръ Великій не оставлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ безъ вниманія и легкую конницу. Хотя у него было очень много казаковъ, но уже въ 1707 г. онъ сформировалъ легкій отрядъ въ 300 чел. изъ венгерцевъ, сербовъ, молдаванъ и валаховъ. Въ 1711 г. легкая конница была доведена до 8 полковъ, но затѣмъ опять уменьшена, такъ какъ содержаніе ея стоило очень дорого. Однако, въ 1723 г. былъ изданъ указъ о сформированіи гусаръ, по образцу существовавшихъ въ австрійской арміи. Петръ хотѣлъ сформировать еще нѣсколько регулярныхъ гусарскихъ полковъ, но это было приведено въ исполненіе уже послѣ его смерти, въ 1740 г. Въ 1721 г. сформированъ гвардейскій конный полкъ изъ дворянъ; онъ долженъ былъ служить разсадникомъ для офицеровъ кавалеріи. Въ теченіе 9 лѣтъ эта система оставалась въ дѣйствіи.

Легкая конница предназначалась преимущественно для аванпостной службы и предпріятій малой войны, а драгуны — для дѣйствій на полѣ сраженія. Въ боевомъ порядкѣ конница обыкновенно строилась на флангахъ. Первое нападеніе производилось большею частью ею, а въ случаѣ неудачи его вступала въ дѣло пѣхота. Русскія войска того времени почти совсѣмъ не умѣли маневрировать, но отличались большой стойкостью, мужествомъ въ оборонительныхъ бояхъ и необыкновеннымъ упорствомъ при оборонѣ укрѣпленій. Петръ Великій отлично воспользовался этими качествами своей арміи въ Полтавской битвѣ, возведя нѣсколько редутовъ.

Въ русской арміи было одно время до 84.000 чел. конницы всѣхъ родовъ.

Особенно отличилась русская конница при нападеніи въ сентябрѣ 1708 г. на шведскаго генерала Левенгаупта, который велъ большой транспортъ продовольственныхъ и прочихъ запасовъ въ Украйну къ Карлу XII. Бой произошелъ на берегу р. Ристы, гдѣ Левенгауптъ оставилъ арьергардъ, чтобы задержать наступленіе противника и дать время своему транспорту отойти подальше. 27 сентября утромъ подошли русскіе драгуны и тотчасъ открыли огонь изъ своихъ ружей и орудій. Послѣ горячаго боя Левенгауптъ отошелъ къ Лѣсному, гдѣ и приготовился къ упорному сопротивленію. Царь шелъ вплотную за нимъ и выслалъ впередъ для задержанія его 1.000 драгунъ полковника Кампбеля. Русскій отрядъ состоялъ изъ одного пѣхотнаго, одного драгунскаго и двухъ гвардейскихъ полковъ.

По особымъ условіямъ мѣстности драгунамъ приказано было спѣшиться и стать рядомъ съ пѣхотой; они такъ и дрались въ теченіе всего боя въ пѣшемъ строю и много способствовали его выигрышу. Передовые посты шведовъ были опрокинуты на главныя силы, а скоро и эти послѣднія атакованы; завязался горячій бой, продолжавшійся до наступленія темноты. Ночью шведы отступили, бросивъ весь свой обозъ. Русскіе преслѣдовали ихъ такъ энергично, что Левенгаупту пришлось бросить транспортъ, сжегши что было можно. Но и затѣмъ на него постоянно насѣдалъ генералъ Пфлугъ, съ нѣсколькими драгунскими полками, казаками и калмыками, который нагналъ шведскій арьергардъ у Пропойска и еще разъ разбилъ его на голову.

Этотъ случай представляетъ очень любопытный примѣръ нападенія на транспортъ; уничтоженные запасы были весьма значительны, и потеря ихъ отразилась на общемъ ходѣ войны очень печально для шведовъ.

И въ этомъ дѣлѣ кавалерія играла видную роль.

ГЛАВА XII.

Маршалъ Саксонскій. — Его мысли о конницѣ [1]).

Маршалъ Саксонскій былъ безусловно выдающимся полководцемъ и, въ качествѣ опытнаго наблюдателя и глубокаго мыслителя, умѣлъ одинаково хорошо находить какъ недостатки, такъ и средства къ ихъ исправленію. Его записки показываютъ правильное пониманіе принциповъ военнаго дѣла, и за его время не было написано ничего лучшаго по военному искусству.

Между разными нововведеніями, сдѣланными Маршаломъ Саксонскимъ во французской арміи, упомянемъ о ровномъ, однообразномъ шагѣ въ ногу, который скоро былъ принятъ во всѣхъ государствахъ. Онъ же ввелъ опять пику, исчезнувшую въ европейской конницѣ задолго до него; всадники, ею вооруженные, были имъ названы уланами.

Его мысли объ организаціи и вооруженіи конницы, а равно и тактикѣ ея, были вполнѣ правильны и показываютъ глубокое пониманіе свойствъ этого рода оружія. Онъ былъ того мнѣнія, что конница должна быть легко снаряжена и вооружена, чтобы быть способной къ быстрымъ и продолжительнымъ движеніямъ, и что ее нужно постоянно упражнять и втягивать въ работу.

Онъ требовалъ раздѣленія конницы на два рода: тяжелую и драгунъ. Первой, содержаніе которой дорого, должно было быть очень немного. Она

---

[1]) Rocquancourt; — Saxe's Reveries; — Lloyd.

должна была сидѣть на высокихъ, сильныхъ лошадяхъ, пріученныхъ къ самымъ несложнымъ и спокойнымъ движеніямъ, держаться постоянно сомкнуто, никогда не теряя порядка и спокойствія. Она должна постоянно оставаться при главныхъ силахъ, никогда не посылаться въ разъѣзды, на фуражировки, конвоированіе и т. п., а употребляться исключительно для сомкнутыхъ атакъ на полѣ сраженія. Всадники должны были имѣть кирасы, каски, хорошія шпаги въ 4 фута длиною и карабины, но не пистолеты; передняя шеренга — пики; людей надо строго выбирать, ростомъ не менѣе 5 фут., 6—7 дюйм. и при томъ не толстыхъ.

Маршалъ М. Саксонскій.

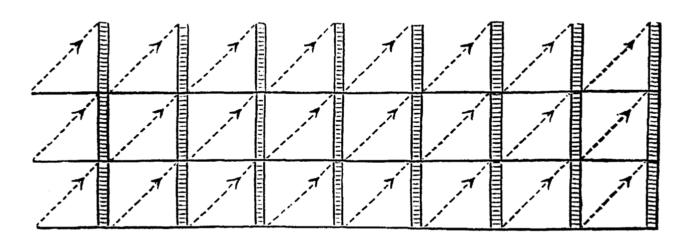
Драгуны предполагались Маршаломъ Саксонскимъ вдвое многочисленнѣе тяжелыхъ всадниковъ, на небольшихъ, но живыхъ, подвижныхъ лошадяхъ. Маневрированіе должно было производиться съ чрезвычайной быстротой, при чемъ слѣдовало требовать отъ нихъ такого же знанія пѣхотныхъ эволюцій, какъ и конныхъ. Вооруженіе ихъ — мушкеты, шпаги и пики; послѣднія считались особенно пригодными для пѣшаго боя. Ростъ — небольшой, 5 футъ или 5 футъ 1 дюймъ.

Вся конница должна была строиться въ три шеренги. Драгуны передъ спѣшиваніемъ должны были размыкать шеренги на такія дистанціи, чтобы могли заѣхать четвертой или восьмой частью фронта направо, послѣ чего получался эскадронъ, построенный въ 8 шеренгъ и обращенный лицемъ

Маршалъ М. Саксонскій.

къ праѳому флангу. Затѣмъ всадники слѣзали, связывали лошадей между собой и выстраивали фронтъ въ первоначальномъ направленіи.

Фланговые люди въ каждой изъ 8 образовавшихся послѣ заѣзда шеренгъ оставались на коняхъ и присматривали за всѣми лошадьми.



На драгунъ возлагались разъѣзды, аванпосты, конвоированіе и т. п.

Маршалъ Саксонскій не даетъ указаній на то, какимъ образомъ спѣшенные драгуны должны были сражаться, имѣя мушкеты, шпаги и пики. Едва-ли онъ предполагалъ возможнымъ, чтобы каждый человѣкъ слѣзалъ и сражался со всѣмъ арсеналомъ своего оружія въ рукахъ. Вѣроятно, его мысль была та, что первая шеренга должна сохранять пики, а прочія — мушкеты, черезъ что получается часть, составленная, какъ мы это очень часто раньше встрѣчали, изъ пикинеръ и мушкетеръ.

Отстаивая предохранительное вооруженіе, маршалъ руководствовался совершенно новымъ взглядомъ. Онъ говорилъ, что если его конница имѣетъ такое вооруженіе, по возможности не тяжелое, защищающее ее отъ ударовъ холоднаго оружія, то непріятельская, ничѣмъ не предохраненная, должна будетъ обратиться преимущественно къ дѣйствію огнестрѣльнымъ оружіемъ; между тѣмъ, по его глубокому убѣжденію, послѣдній образъ дѣйствій повлечетъ за собою полное пораженіе, такъ какъ она неминуемо будетъ опрокинута смѣло ее атакующими всадниками, причемъ послѣдніе даже не понесутъ особенно значительныхъ потерь. При этомъ разсужденіи онъ, однако, упустилъ изъ виду одно обстоятельство, а именно, что насколько тяжелѣе становится снаряженіе, настолько уменьшается быстрота движеній, и, слѣдовательно, легковооруженные всадники будутъ имѣть болѣе совершенное оружіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладать большей быстротой. Это мы видѣли у пареянъ.

Маршалъ Саксонскій изобрѣлъ заряжаемый съ казенной части карабинъ и вооружилъ имъ вновь сформированный уланскій полкъ. Карабинъ носился на ремнѣ, на всадникѣ. Онъ имѣлъ значительные недостатки, вѣроятно, происходившіе отъ несовершенства техники въ то время. Пики были длиной 12 футъ и вѣсомъ около 6 фунтовъ; онѣ служили вмѣстѣ съ тѣмъ стойками для палатокъ.

Инструкціи Маршала Саксонскаго касательно маршей конницы вполнѣ цѣлесообразны. Онъ требуетъ прежде всего ровнаго и постояннаго аллюра.

Онъ обучалъ всадниковъ караколированію и заѣздамъ въ каждой шеренгѣ четвертой или восьмой частью фронта направо и налѣво.

При атакѣ онъ требовалъ полнѣйшей сомкнутости и настоятельно предупреждалъ объ опасности безпорядочнаго преслѣдованія. Люди должны были постоянно помнить о штандартѣ и собираться къ нему. Атака начиналась рысью, затѣмъ переходили въ галопъ, а послѣдніе 20—30 шаговъ дѣлали карьеромъ. Маршалъ Саксонскій требовалъ продолжительныхъ движеній галопомъ и первый высказалъ мысль, что эскадронъ, который не можетъ произвести большимъ аллюромъ безъ утомленія атаку на 2.000 шаговъ, не годится для дѣйствительной службы. Это было въ его глазахъ совершенной необходимостью, какъ для тяжелой конницы, такъ и для драгунъ. Послѣдніе, кромѣ того, должны были умѣть дѣйствовать въ разомкнутомъ строю, для чего спеціально предназначалась третья шеренга, обученная затѣмъ, послѣ такого боя, быстро собираться позади первыхъ двухъ.

Онъ совѣтовалъ упражнять конницу и зимой, чтобы у лошадей было постоянно открытое дыханіе и чтобы онѣ были выдержаны, а также требовалъ пріученія ихъ къ орудійнымъ и ружейнымъ выстрѣламъ, чтобы ни шумъ, ни огонь, ни дымъ ихъ не пугали.

Энергія Карла XII и указанія Маршала Саксонскаго придали конницѣ значительно бо́льшую подвижность и несомнѣнно оказали вліяніе на развитіе взглядовъ Фридриха Великаго, на долю котораго выпала заслуга вернуть конницѣ ея настоящее значеніе, послѣ колебаній во взглядахъ на задачи конницы почти въ продолженіе двухъ тысячелѣтій. Онъ отбросилъ многія ложныя идеи и возобновилъ славныя дѣла временъ Александра и Аннибала.

Въ слѣдующемъ періодѣ мы подробно познакомимся съ тѣми улучшеніями въ организаціи, вооруженіи и тактикѣ конницы, которыя были сдѣланы Фридрихомъ, а также съ его системой, служившей въ теченіе столькихъ лѣтъ образцомъ для конницы большей части армій.

Періодъ IV.

Отъ Фридриха Великаго до введенія нарѣзнаго оружія 1740—1854 гг.

ГЛАВА I.

Конница при Фридрихѣ Великомъ.

1. Организація и тактика его конницы [1]).

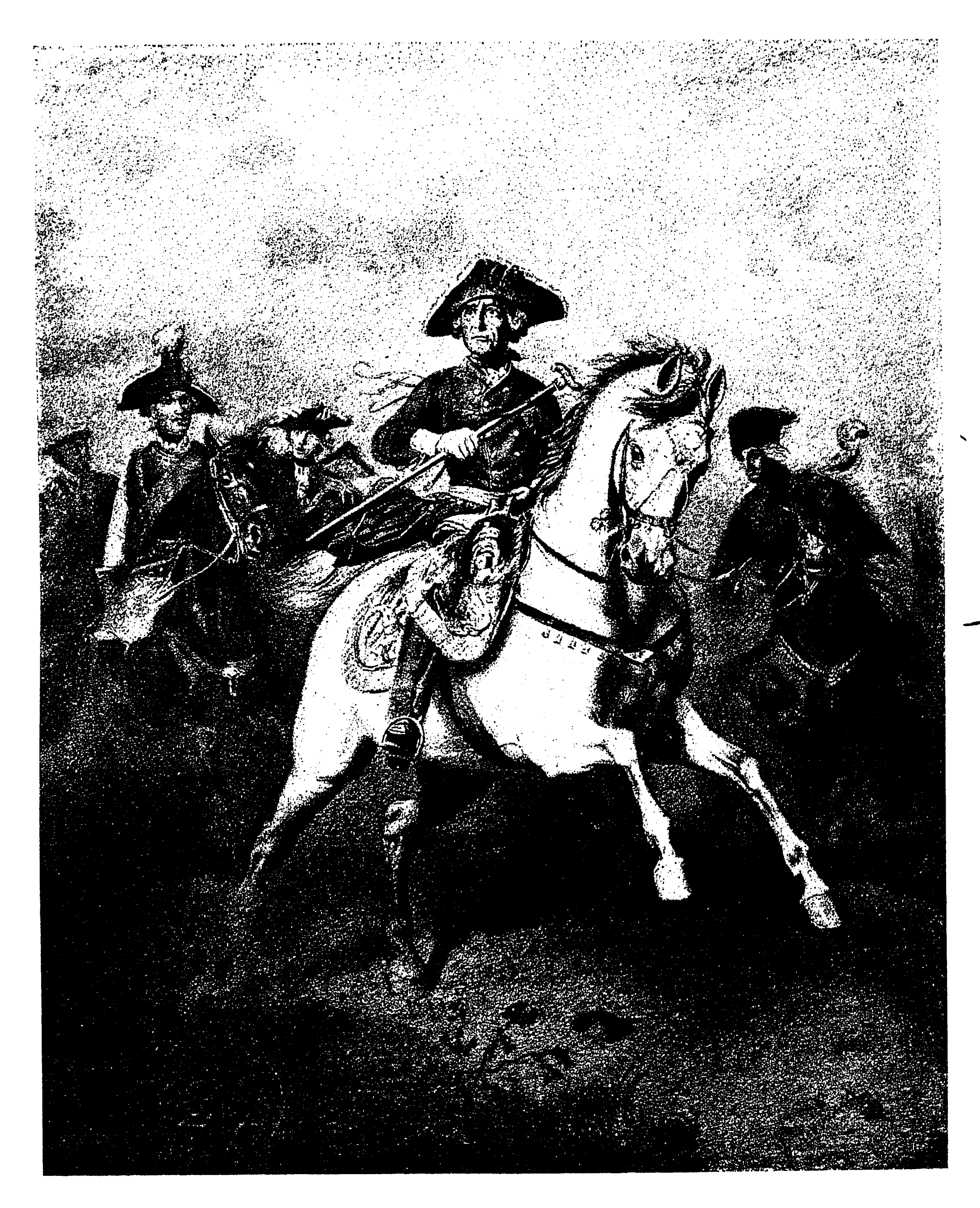
При восшествіи Фридриха Великаго на престолъ, онъ получилъ армію отлично дисциплинированную, маневрирующую съ необыкновенной точностью, но обученную по совершенно фальшивой системѣ. Конница состояла изъ высокихъ людей и массивныхъ лошадей и была въ совершенствѣ обучена стрѣльбѣ какъ пѣшкомъ, такъ и съ коня. Такимъ образомъ, это было что то тяжелое, неповоротливое, совершенно неспособное къ быстрымъ движеніямъ. Впрочемъ, такова была конница и во всѣхъ прочихъ европейскихъ арміяхъ: неповоротливая масса тяжелыхъ всадниковъ и лошадей, производившая атаки маленькой рысью и преимущественно занимавшаяся стрѣльбой изъ пистолетовъ и карабиновъ.

Фридрихъ, въ первомъ своемъ сраженіи, при Мольвитцѣ, перемѣшалъ пѣхоту съ кавалеріей и достигъ этимъ хорошаго результата, но онъ тѣмъ не менѣе очень скоро понялъ всю ложность подобной системы и приступилъ къ преобразованіямъ въ духѣ Карла XII, которыя черезъ очень непродолжительное время сдѣлали его конницу одной изъ лучшихъ и подвижнѣйшихъ.

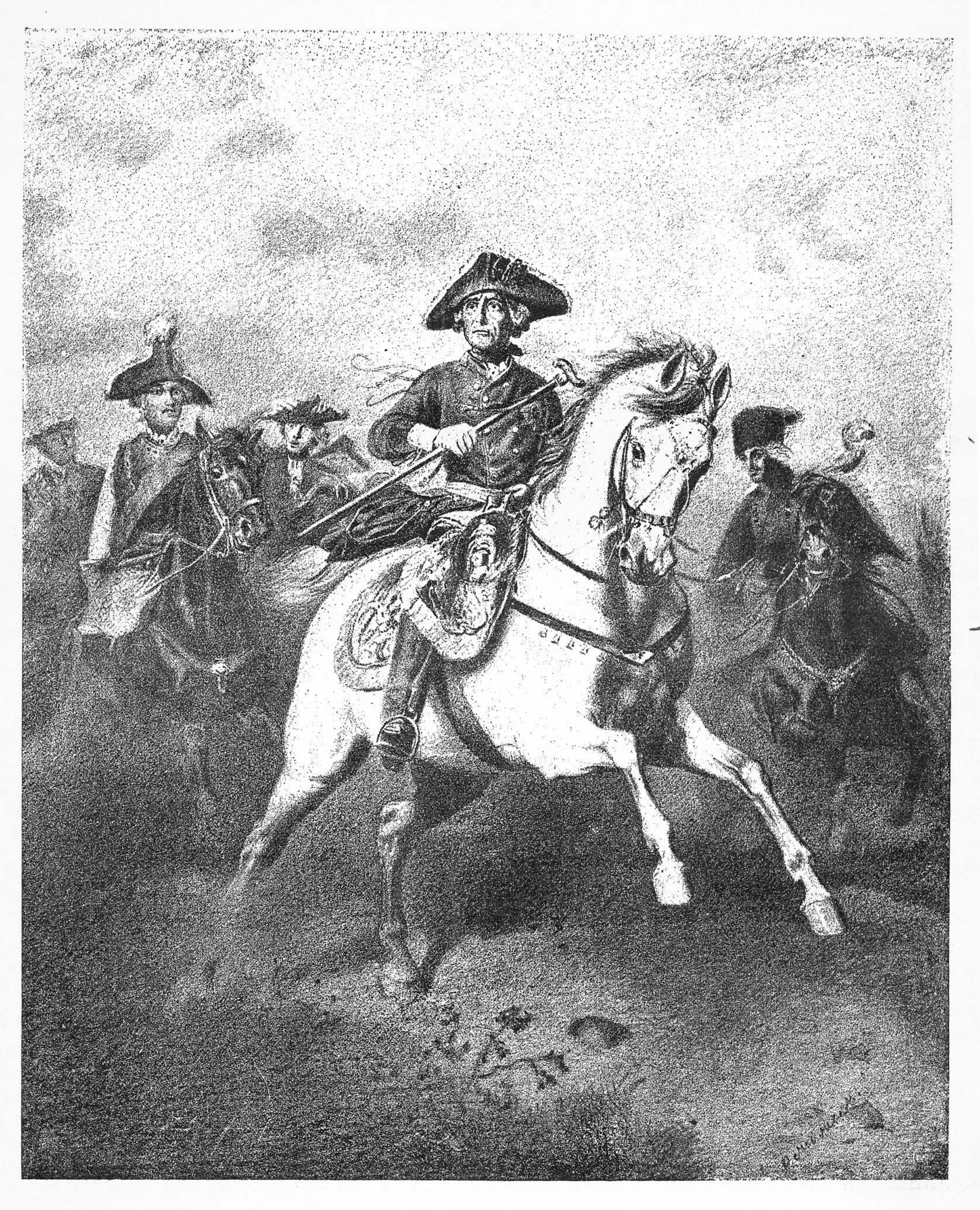
Первой его мѣрой было строго воспретить стрѣльбу съ коня и дѣйствовать исключительно атакой карьеромъ съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ. Онъ обучалъ своихъ всадниковъ не обращать никакого вниманія на огонь противника и смѣло врываться въ его ряды. Для доведенія быстроты до наивысшей степени онъ облегчилъ снаряженіе и вооруженіе солдатъ, и старательно обучалъ ихъ быстрымъ движеніямъ въ порядкѣ на всякаго рода мѣстности.

---

[1]) Nolan; — Duparcq; — Rocquancourt; — Beamish; — Humbert; — Warnery.



Фридрихъ Великій.



Фридрихъ Великій.

Онъ обращалъ особенное вниманіе на сохраненіе полной сомкнутости и вѣрнаго направленія при движеніи на большія разстоянія. Постоянными упражненіями ему удалось довести прусскую конницу къ началу семилѣтней войны до того, что она выполняла всякія перестроенія и эволюціи самыми быстрыми аллюрами въ полномъ порядкѣ и сомкнутости. Гиберъ, въ своемъ восхваленіи прусскаго короля, говоритъ: „Въ одной только Пруссіи офицеры и солдаты обладаютъ увѣренностью въ лошади и смѣлостью въ управленіи ею, такъ что они составляютъ какъ бы одно цѣлое съ ней и проводятъ въ жизнь древнее сказаніе о центаврахъ. Только тамъ видны на маневрахъ 60 — 80 эскадроновъ, силой дѣйствительно въ 130 — 140 коней каждый, составляющихъ крыло всей арміи; только тамъ можно видѣть 8.000 — 10.000 всадниковъ, производящихъ атаку на нѣсколько сотъ саженъ въ совершенномъ порядкѣ и послѣ остановки начинающихъ подобную же атаку противъ предположеннаго, внезапно появившагося въ новомъ направленіи противника“.

„Во всѣхъ лагеряхъ, на всѣхъ смотрахъ, вообще гдѣ только Фридрихъ видитъ свою конницу, онъ обращаетъ преимущественное вниманіе на эти атаки большими массами, придавая большое значеніе умѣнью ихъ выполнять“.

Уже Маршалъ Саксонскій требовалъ, какъ мы видѣли, чтобы конница могла произвести атаку на 2.000 шаговъ самымъ быстрымъ ходомъ, съ сохраненіемъ сомкнутости. Фридрихъ вполнѣ оцѣнилъ эту мысль и употреблялъ всѣ средства для ея выполненія. Старѣйшіе генералы считали нужнымъ протестовать противъ нѣкоторыхъ его нововведеній, но въ Зейдлицѣ и Цитенѣ онъ нашелъ полное сочувствіе и поддержку, и въ скоромъ времени весь свѣтъ наполнился славой прусскихъ всадниковъ, организованныхъ, обученныхъ и предводимыхъ подобными блестящими вождями. Дѣйствительно, изъ 22 большихъ сраженій, данныхъ Фридрихомъ, по крайней мѣрѣ 15 были выиграны, благодаря его конницѣ.

Вообще конница достигла въ это время своего апогея. Почва для этого была уже подготовлена, и стоило только появиться генію, который бы воспользовался имѣющимися данными, чтобы повести ее къ славѣ и успѣхамъ. Въ теченіе почти полустолѣтія какъ всадники, такъ и пѣхотинцы привыкли возлагать всю свою надежду на огнестрѣльное оружіе. Пѣхота отбросила пики и замѣнила ихъ штыками, которые, представляя достаточную защиту противъ конницы, двигавшейся медленными аллюрами, очевидно, не въ состояніи были задержать энергичной атаки. Неподвижные, неповоротливые всадники, противъ которыхъ Зейдлицъ и Цитенъ вели быструю, подвижную конницу Фридриха, очевидно, не могли остановить огнемъ изъ пистолетовъ и карабиновъ несшихся на нихъ полнымъ ходомъ эскадроновъ. Варнери говоритъ (и ему можно повѣрить на слово): „опытъ показалъ мнѣ, болѣе чѣмъ въ ста случаяхъ, что эскадронъ, пола-

гавшійся только на огонь, будетъ всегда опрокинутъ эскадрономъ, атакующимъ его карьеромъ безъ единаго выстрѣла".

Также и пѣхота, непривычная къ подобному образу дѣйствій, постоянно терпѣла первое время пораженія; рѣзня, начинавшаяся послѣ того, какъ линія пѣхоты была прорвана, была столь ужасна, что не могла не произвести впечатлѣнія на все остальное войско. Одинъ-два подобныхъ успѣха должны были сильно поднять духъ конницы и, напротивъ того, подѣйствовать угнетающимъ образомъ на пѣхоту; благодаря полной увѣренности въ себѣ, кавалерія атаковывала все, что ей представлялось, съ такой отвагой, что положительно сметала все передъ собою. Очевидно, это и было одной изъ причинъ постоянныхъ поразительныхъ успѣховъ конницы въ семилѣтнюю войну.

Ни въ какое время, даже при Александрѣ и Аннибалѣ, не было совершено конницей болѣе выдающихся подвиговъ, чѣмъ при Фридрихѣ въ позднѣйшія его войны; тайна этихъ подвиговъ заключалась въ заботливомъ одиночномъ обученіи каждаго солдата, въ постоянномъ маневрированіи массами, въ исключительномъ употребленіи холоднаго оружія и въ пламенной энергіи и искусствѣ кавалерійскихъ генераловъ.

Въ первомъ сраженіи Фридриха, при Мольвитцѣ, его конница, еще находившаяся въ томъ положеніи, какъ онъ ее нашелъ при вступленіи на престолъ, была атакована и сразу опрокинута австрійской кавалеріей, пріобрѣвшей нѣкоторую опытность въ войнахъ съ турками. По всѣмъ вѣроятіямъ, дѣло это произвело сильное впечатлѣніе на Фридриха и дало толчокъ къ введенію разныхъ преобразованій.

Фридрихъ Великій предписывалъ своимъ офицерамъ всегда атаковать первымъ, въ томъ убѣжденіи, что атака есть не только лучшее, но и единственное средство дѣйствія для конницы. Онъ старался поднять какъ можно выше духъ всадниковъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ его инструкціи для конницы: „если предстоитъ атака, то она должна быть произведена по указаннымъ правиламъ, именно: сначала большой рысью, а затѣмъ широкимъ галопомъ, но всегда сомкнуто; Его Величество увѣренъ, что, при соблюденіи этого, непріятельская конница будетъ всегда опрокинута". При этомъ находится слѣдующее примѣчаніе: „если кто нибудь изъ людей не исполняетъ своей обязанности и выскакиваетъ изъ рядовъ, то первый же офицеръ или унтеръ-офицеръ долженъ его проткнуть палашомъ". Изъ этого можно видѣть, что Фридрихъ, чтобы вызвать свою конницу на совершеніе великихъ подвиговъ, пользовался всѣми средствами и прибѣгалъ иногда къ суровымъ мѣрамъ.

Вполнѣ понятно, что при подобной системѣ прусская конница оказалась значительно выше конницы другихъ нѣмецкихъ государствъ съ ея медленными движеніями и французской съ ея недостаточно сомкнутыми построеніями. Послѣдняя производила въ это время двоякаго рода атаки:

„en muraille“ — рысью въ сомкнутомъ строю и „en fourrageurs“ — карьеромъ въ разомкнутомъ строю. Превосходство прусской конницы было столь велико, что ея гусары и прочія легкія части ни минуты не задумывались атаковать тяжелыхъ австрійскихъ кирасиръ и драгунъ, при чемъ нерѣдко опрокидывали и побѣждали ихъ. Измѣнивъ образъ дѣйствій конницы, Фридрихъ улучшилъ также ея организацію и тактическія построенія. Его конница состояла изъ кирасиръ, драгунъ и гусаръ.

Кирасирскій полкъ дѣлился на 5 эскадроновъ, эскадронъ на двѣ роты по 70 коней въ каждой. Обыкновенное построеніе было въ 3 шеренги, при чемъ третья шеренга служила для пополненія разрывовъ въ первыхъ двухъ при движеніи въ атаку. Сохраненіе трехшереножнаго строя на галопѣ представляло большія затрудненія; особенно плохо приходилось второй шеренгѣ, сжатой между двумя другими. Слѣдствіемъ этого, для увеличенія подвижности, явился двухшереножный строй, принятый къ концу семилѣтней войны какъ французами, такъ и пруссаками.

На полѣ сраженія конница строилась обыкновенно въ двѣ линіи, изъ которыхъ первая имѣла между эскадронами самые маленькіе интервалы, а вторая — болѣе широкіе, равные приблизительно длинѣ фронта эскадрона. Вторая линія служила резервомъ, черезъ который первая могла, въ случаѣ необходимости, отойти и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдала за флангами, держась наготовѣ встрѣтить фланговую атаку противника. Фридрихъ былъ большимъ поклонникомъ атаки во флангъ и требовалъ, чтобы его конница пользовалась всякимъ случаемъ для производства ихъ, говоря, что успѣхъ такой атаки несомнѣненъ.

При обученіи конницы въ мирное время, Фридрихъ очень часто заставлялъ ее атаковать въ одной сомкнутой линіи безъ интерваловъ, справедливо предполагая, что ей тѣмъ легче будетъ маневрировать, имѣя самые небольшіе интервалы, въ 5 — 6 шаговъ. Эскадронъ дѣлился на два дивизіона, дивизіонъ на два взвода по 12 рядовъ, взводъ — на 2 отдѣленія.

Кирасиры носили кирасы. Въ каждомъ полку было 37 офицеровъ, 70 унтеръ-офицеровъ и 12 трубачей.

Большая часть драгунскихъ полковъ имѣли ту-же силу и составъ, какъ и кирасирскіе; былъ однако одинъ въ 3 эскадрона[1]) и два — по 10 эскадроновъ.

Гусарскіе полки имѣли по 10 эскадроновъ, но эскадроны были слабые. Полкъ былъ силой въ 1.440 коней, при 51 офицерѣ и 110 унтеръ-офицерахъ. Начальниковъ относительно было больше, чѣмъ у австрійцевъ.

Хотя Фридрихъ и запрещалъ всадникамъ дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, пока они находились въ сомкнутомъ конномъ строю, но онъ отлично понималъ всю важность стрѣльбы для небольшихъ частей, флан-

[1]) Это былъ не драгунскій, а кирасирскій полкъ — Gardes du corps (Прим. Брикса).

*

керовъ, патрулей и т. п.; и, чтобы люди могли въ этихъ случаяхъ пользоваться своимъ оружіемъ съ успѣхомъ, ихъ заботливо обучали стрѣльбѣ, прицѣливанію и скорому заряжанію.

Такъ какъ прусскіе всадники часто занимали аванпосты, ходили въ разъѣзды и вообще несли службу, гдѣ были предоставлены самимъ себѣ,

Гусаръ. Кирасиръ. Драгунъ-гренадеръ.

Прусская конница временъ Фридриха Великаго.

то необходимо было комплектовать ее людьми, на которыхъ можно было-бы безусловно положиться. Они имѣли почти ежедневно возможность дезертировать, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ приходилось постоянно задерживать шпіоновъ и дезертировъ. Поэтому въ конницу назначались преимущественно сыновья мелкихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ, и въ случаѣ побѣга родственники отвѣчали за нихъ. Это показываетъ, съ какимъ вниманіемъ

Гусаръ. Кирасиръ. Драгунъ-гренадеръ.

Прусская конница временъ Фридриха Великаго.

король входилъ во всѣ мелочи кавалерійскаго дѣла, и не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы сформировать хорошую конницу. Нужно сказать, что усилія его были достойно вознаграждены, потому что большею частью своихъ успѣховъ онъ обязанъ именно конницѣ.

Въ числѣ другихъ улучшеній, введенныхъ какъ полагаютъ, Фридрихомъ, нужно сказать о развертываніи колоннъ движеніемъ эскадроновъ или взводовъ въ полъ-оборота направо или налѣво прямо на свое мѣсто. Прежде это производилось такимъ образомъ, что голова колонны заѣзжала правымъ или лѣвымъ плечомъ и шла въ новомъ направленіи, пока вся колонна не вытягивалась ей въ затылокъ, а затѣмъ всѣ части заѣзжали одновременно во фронтъ. Частые заѣзды и особенно продолжительное движеніе флангомъ къ непріятелю не нравилось королю, и онъ пожелалъ замѣнить это построеніе другимъ, болѣе простымъ. Когда же онъ сообщилъ эту свою мысль нѣкоторымъ старѣйшимъ офицерамъ, то они замѣтили, что это такого рода вещь, которой никто прежде не дѣлалъ, о которой даже не думали. „Она уже обдумана", отвѣчалъ король, „и должна быть приведена въ исполненіе". Тогда было замѣчено, что нужно сначала научить всадниковъ въ манежѣ. „Этому они должны научиться, а также и ихъ лошади", — былъ отвѣтъ короля. А по заявленіи, что многіе сломаютъ себѣ шею прежде, чѣмъ построеніе будетъ выучено, Фридрихъ отвѣчалъ: „Чтожъ такое, лишь бы оно дало побѣду". Проба была сдѣлана, сначала небольшими частями, затѣмъ большими, и удалась вполнѣ. — Вышесказанное, взятое изъ „Военныхъ и политическихъ писемъ" графа Альгаротти, показываетъ, съ какой энергіей Фридрихъ проводилъ всѣ свои реформы, несмотря на устарѣлые взгляды и предубѣжденія, вкорѣнившіеся въ арміи.

Кирасиры обыкновенно составляли первую линію; гусары ставились на флангахъ или въ резервѣ, но настоящей ихъ сферой была малая война. Драгуны занимали среднее мѣсто между кирасирами и гусарами, и дѣйствовали въ связи съ тѣми и другими. Впрочемъ, Фридрихъ вообще примѣнялъ конницу болѣе разнообразно, чѣмъ кто-либо изъ кавалерійскихъ вождей, и нерѣдко возлагалъ обязанности легкой конницы на кирасиръ, а гусаръ заставлялъ сражаться сомкнутыми эскадронами на полѣ битвы, на подобіе линейной конницы.

Образъ дѣйствія конницы Фридриха, большими массами и исключительно холоднымъ оружіемъ, подвергалъ ее болѣе чѣмъ когда-либо убійственному артиллерійскому и пѣхотному огню. Бывали случаи, когда эти оба рода оружія могли вполнѣ безнаказанно обстрѣливать конницу. Желаніе чѣмъ нибудь помочь этой послѣдней побудило Фридриха сформировать конную артиллерію, которая могла всюду слѣдовать за конницей и въ бою своимъ огнемъ удерживать непріятельскую артиллерію и пѣхоту на почтительномъ разстояніи, пролагая вмѣстѣ съ тѣмъ путь своимъ всадникамъ. Это нововведеніе дало конницѣ, безъ уменьшенія ея подвижности,

новое средство для нападенія и обороны. Гусарамъ и прочимъ легкимъ войскамъ также иногда придавались конныя батареи.

Одинъ изъ кавалеристовъ, современниковъ Фридриха Великаго, генералъ-маіоръ Варнери, оставилъ выдающіяся военныя сочиненія; его „Remarques sur la cavalerie“ являются одной изъ лучшихъ работъ по ор-

Зейдлицъ.

ганизаціи и тактикѣ конницы, и особенно интересны, потому что выражаютъ мысли одного изъ лучшихъ прусскихъ кавалерійскихъ генераловъ. А именно, извѣстно, что взгляды Варнери основаны на взглядахъ Зейдлица, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ и съ которымъ былъ соединенъ узами тѣсной дружбы. Прочія его сочиненія, хотя можетъ быть и не столь интересныя, также имѣютъ свою цѣну, какъ напр. въ „Remarques sur le

Зейдлицъ.

militaire et la marine des turcs et des russes“ находится много любопытныхъ свѣдѣній объ арміяхъ обѣихъ этихъ странъ. Его „Campagnes de Frèderic II, roi de Prusse, de 1756 à 1762“ были сильно раскритикованы, но и въ нихъ находится много интересныхъ подробностей.

Варнери выказываетъ чрезвычайное поклоненіе Зейдлицу. Онъ называетъ его: „этотъ великій человѣкъ“ и говоритъ, что нельзя довести конницу до бо́льшаго совершенства, чѣмъ это сдѣлалъ Зейдлицъ; про полкъ же его онъ заявляетъ, что онъ могъ бы служить образцомъ для конницы всего свѣта. Фридрихъ обладалъ особенной способностью выбирать людей: его оба кавалерійскіе генерала Зейдлицъ и Цитенъ, были людьми чрезвычайно выдающимися. Энергія и быстрая рѣшимость перваго высказалась вполнѣ, когда онъ еще былъ молодымъ офицеромъ, при одномъ случаѣ, о которомъ говорится въ „Jdées pratiques sur la cavalerie“ графа Рошфора. „Зейдлицъ, которому Фридрихъ обязанъ большей частью своихъ успѣховъ, былъ такой ловкій и энергичный всадникъ, что не могъ допустить, чтобы кавалерійскій офицеръ попался въ плѣнъ, пока онъ на конѣ. Это было имъ какъ то высказано, когда онъ, въ чинѣ ротмистра, сопровождалъ короля. Фридрихъ, отъ котораго ничего не ускользало, услыхалъ это замѣчаніе и рѣшилъ испытать Зейдлица. Случай не замедлилъ представиться. Свита проходила по мосту; дойдя до средины его, король остановился и, обращаясь къ Зейдлицу, который былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ лицами свиты, сказалъ: Вы говорите, что кавалерійскій офицеръ никогда не можетъ быть взятъ въ плѣнъ, это замѣчаніе безспорно храбраго человѣка; бываютъ однако, случаи, когда можно бы сдаться безъ всякаго безчестья. Предположимъ напримѣръ, что мы ваши враги; вы, конечно, и не попытались бы пробиться. Что же вы сдѣлали бы? Зейдлицъ съ быстротою мысли даетъ шпоры лошади, бросается въ рѣку и, безъ всякаго поврежденія, возвращается къ свитѣ; затѣмъ, кланяясь королю, говоритъ: „Ваше Величество, вотъ мой отвѣтъ“.

Зейдлицъ обладалъ способностью угадывать минуту, когда можно было быть смѣлымъ, даже отчаяннымъ, и когда слѣдовало быть осторожнымъ. Никто не умѣлъ такъ полно сочетать разумную сдержанность съ сумасшедшей энергіей. Еще мальчикомъ онъ отличался смѣлыми поступками: 7 лѣтъ отъ роду онъ проѣхалъ между вертящимися колесами вѣтряной мельницы. 23 лѣтъ онъ былъ маіоромъ и успѣлъ высказаться во многихъ битвахъ, 32 (34) — полковникомъ и командиромъ кирасирскаго полка, 35 (36) — генералъ-лейтенантомъ и главнокомандующимъ конницей[1]). Самымъ блестящимъ его подвигомъ была битва при Россбахѣ въ 1757 г., гдѣ онъ съ одними своими всадниками одержалъ побѣду. Его нападеніе

[1]) Этого званія Зейдлицъ никогда не имѣлъ; высшей должности онъ достигъ въ 1767 г., а именно: генералъ-отъ-кавалеріи и генералъ-инспектора, расположенной въ Верхней и Нижней Силезіи конницы, то-есть 70 эскадроновъ. (Примѣч. Брикса).

на Готу, когда онъ съ 1.500 людей взялъ городъ, занятый сильнымъ пѣхотнымъ отрядомъ съ артиллеріей, было другимъ отважнымъ дѣломъ.

Другой изъ кавалерійскихъ генераловъ Фридриха, Цитенъ, былъ очень любимъ королемъ. Онъ, по словамъ его біографа, соединялъ мудрость съ мужествомъ, ловкость съ присутствіемъ духа и дѣятельность съ полнѣйшимъ самообладаніемъ. Онъ составлялъ планъ съ постепенностью находящей грозы и приводилъ его въ исполненіе съ быстротой молніи. Онъ долгое время командовалъ извѣстнымъ гусарскимъ полкомъ, получившимъ его имя или такъ называемыхъ „гусаръ съ мертвой головой"[1]). Онъ состоялъ на службѣ въ теченіе около 70 лѣтъ и скончался 86 лѣтъ отъ роду. Быстрота его рѣшеній была по истинѣ изумительна. Онъ сказалъ однажды королю: „въ ту минуту, когда я вижу противника, у меня уже готовы всѣ распоряженія". Эта быстрота взгляда была одной изъ причинъ его постоянныхъ успѣховъ. Во всѣхъ описаніяхъ походовъ и битвъ Фридриха мы встрѣчаемъ постоянно имя Цитена и всегда съ особенной славой.

Въ конницѣ Фридриха мы встрѣчаемъ самое заботливое обученіе одиночныхъ людей и мелкихъ единицъ до сведенія ихъ въ крупныя части. Едва-ли онъ не былъ первымъ, кто обратилъ большое вниманіе на одиночное обученіе ѣздѣ и владѣнію оружіемъ. Положимъ мы видѣли, что во времена рыцарства молодые дворяне постоянно занимались съ 14-ти лѣтняго возраста ѣздой и употребленіемъ копья, меча, палицы и сѣкиры и, по всѣмъ вѣроятіямъ, они въ этомъ достигали не меньшей, если не большей ловкости, чѣмъ всадники Фридриха,—но этимъ все и ограничивалось: они подготовлялись исключительно къ одиночному бою. Фридрихъ же сдѣлалъ большой шагъ впередъ, поставивъ одиночное обученіе только основаніемъ для маневрированія и дѣйствія большими массами.

Послѣ Дрезденскаго мира было обращено особое вниманіе на спеціально-кавалерійское обученіе конницы. Каждому полку былъ устроенъ манежъ и приданъ берейторъ, который занимался обученіемъ людей и лошадей; солдаты обучались всѣмъ подробностямъ искусства ѣзды и особенно усиленно владѣнію оружіемъ на конѣ. Черезъ это всякій всадникъ получалъ полную увѣренность въ своихъ силахъ, какъ въ управленіи лошадью, такъ и въ дѣйствіи оружіемъ. Ни одинъ солдатъ не допускался до участія въ маневрахъ, пока онъ не прошелъ всего курса обученія и не сидѣлъ крѣпко въ сѣдлѣ.

Эта заботливость, съ которою занимались каждымъ всадникомъ и каждой лошадью, дала возможность прусской конницѣ маневрировать большими

---

[1]) Это ошибка. Гусарскій полкъ Цитена назывался лейбъ-гусарскимъ 2 и никогда не носилъ мертвой головы. Эта послѣдняя была у гусарскаго № 5 полка или у „черныхъ" гусаръ, какъ они назывались по цвѣту одежды. Черные мундиры носилъ также существовавшій во время семилѣтней войны старый гусарскій полкъ № 8, а на шпагахъ онъ имѣлъ скелетъ съ девизомъ: vincere aut mori. (Примѣч. Брикса).

массами съ изумительной быстротой. Она могла выполнять всѣ эволюціи на широкомъ галопѣ, сохраняя полную сомкнутость и вѣрность направленія.

Зейдлицъ и Цитенъ обращали оба большое вниманіе на обученіе конницы. По окончаніи манежной ѣзды, приступали къ маневрированію на пересѣченной мѣстности и большими массами. Особенно Зейдлицъ часто

Цитенъ.

производилъ маневры на трудно доступной мѣстности на всѣхъ аллюрахъ, причемъ, конечно, бывали случаи ушибовъ и даже смерти. Фридрихъ сдѣлалъ ему однажды по этому случаю замѣчаніе, на что Зейдлицъ спокойно отвѣчалъ: „если Ваше Величество будетъ дѣлать такой шумъ изъ-за пары сломанныхъ шей, то у васъ никогда не будетъ тѣхъ смѣлыхъ всадниковъ,

Цитенъ.

которые такъ необходимы въ полѣ". Этотъ разсказъ хорошо иллюстрируетъ тотъ духъ, въ которомъ воспитывалась конница Фридриха.

Какъ мы уже говорили, конница на ровной мѣстности атаковала иногда въ сомкнутой линіи безъ всякихъ интерваловъ (en muraille, какъ говорили французы), напр.: Зейдлицъ при Цорндорфѣ съ 70 эскадронами, — случай, который выказываетъ донельзя рельефно превосходное обученіе конницы маневрированію. Вообще же интервалы между эскадронами допускались различные и сообразовались, какъ кажется, съ мѣстностью и образомъ дѣйствія противника.

Отступленіе конница производила обыкновенно уступами; сборъ производился всегда впередъ и никогда назадъ, т. е. другими словами, послѣ удара собирались во время преслѣдованія, — правило очень важное и цѣлесообразное, такъ какъ имъ устранялась безпорядочная погоня, и часть оставалась въ рукахъ начальника, что давало ему возможность встрѣтить съ успѣхомъ новыя могущія появиться части противника, или ударить во флангъ или тылъ подставившихся подъ ударъ непріятельскихъ частей.

Система обученія была одинакова во всѣхъ родахъ конницы: быстрота, спокойное маневрированіе, атаки сомкнутыя и разомкнутыя требовались отъ всѣхъ частей. Также точно всѣ обучались прыгать черезъ канавы и заборы, переходить черезъ углубленныя дороги, проходить деревни и дефиле, обыскивать лѣса, исполнять развѣдки, т. е. учили всему, что могло встрѣтиться на войнѣ.

Легко себѣ представить, какую силу составляла въ бою подобнымъ образомъ обученная конница, предводимая энергичными вождями. Довѣряя холодному оружію, привыкнувъ къ рукопашному бою, всадники скоро стали съ презрѣніемъ относиться къ огнестрѣльному оружію.

Разсмотрѣвъ особенности системы Фридриха по подготовкѣ частей и познакомившись съ его необыкновенной заботливостью о войскахъ, мы нисколько не удивимся одержаннымъ имъ огромнымъ успѣхамъ, а придемъ къ заключенію, что онъ пожалъ то, что посѣялъ.

Послѣдуемъ затѣмъ за прусской конницей на поля сраженій и посмотримъ поближе на результаты сдѣланныхъ Фридрихомъ нововведеній, которыя весьма поучительны для каждаго кавалерійскаго офицера.

2. Подвиги прусской конницы.—Битвы при Гогенфридбергѣ, Сорѣ, Гохкирхѣ, Прагѣ, Россбахѣ, Лейтенѣ и Цорндорфѣ [1]).

Побѣда въ битвѣ при Гогенфридбергѣ 4 іюня 1745 г. была одержана преимущественно благодаря конницѣ. Цитенъ, переправившійся съ конницей лѣваго крыла вбродъ черезъ Стригаускія воды, рѣшительно атаковалъ, по трудной мѣстности, правый флангъ австрійцевъ, которые, не

[1]) Carlyle; — Warnery; — Nolan; — Towers.

привыкшіе къ такому образу дѣйствій, скоро были приведены въ разстройство и опрокинуты. Они впослѣдствіи оправдывались слѣдующими словами: „мы не могли атаковать пруссаковъ отчасти по причинѣ раздѣлявшихъ насъ болотъ, а отчасти потому, что они сами перешли по нимъ и атаковали насъ“. Они, очевидно были смущены и устрашены самоувѣреннымъ наступленіемъ пруссаковъ. На нѣкоторыхъ пунктахъ поля сраженія австрійцы не доводили дѣло до столкновенія, а давали, стоя на мѣстѣ, залпъ изъ своихъ карабиновъ, затѣмъ поворачивались и обращались въ бѣгство.

Вышеприведенный примѣръ показываетъ, что прусскіе всадники были обучены ходить по такой мѣстности, которая считалась австрійцами недоступной, почему послѣдніе и должны были ожидать непріятельской атаки, стоя на мѣстѣ, и, очевидно, были отброшены.

Въ центрѣ прусская конница также совершила блестящіе подвиги. Генералъ-лейтенантъ Гесслеръ съ Байрейтскимъ драгунскимъ полкомъ находился здѣсь во второй линіи и какъ разъ противъ случайно образовавшагося въ первой линіи промежутка. Наблюдая отсюда за боемъ, онъ замѣтилъ, что австрійская пѣхота начинаетъ подавать признаки нѣкотораго разстройства. Настала минута дѣйствовать. Пославъ сказать пѣхотѣ, чтобы она еще нѣсколько увеличила вышеупомянутый промежутокъ, онъ повелъ своихъ всадниковъ карьеромъ въ двухъ колоннахъ на поколебленныхъ австрійцевъ, и послѣдніе потерпѣли полное пораженіе. Двадцать батальоновъ были опрокинуты въ одну минуту, захвачено нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и много знаменъ, литавръ и такъ далѣе. Эта атака рѣшила дѣло, и австрійскій главнокомандующій поспѣшилъ отступить съ разстроенными остатками своей арміи.

Разница между конницами прусской и австрійской выступала очень рельефно въ этомъ сраженіи, и превосходство первой изъ нихъ высказывалось вполнѣ.

Въ битвѣ при Сорѣ, 30 сентября 1745 года, мы видимъ дальнѣйшій примѣръ этого превосходства. Австрійская армія поднялась ночью въ полной тишинѣ, чтобы подъ покровомъ завѣсы гусаръ обойти чрезъ лѣса правый флангъ пруссаковъ, противъ котораго была возведена батарея для 28 орудій, прикрытая съ лѣваго фланга 50 эскадронами конницы, построенными въ три линіи. Вслѣдствіе обходнаго движенія австрійцевъ Фридриху пришлось подъ огнемъ этой батареи совершить перемѣну фронта всей арміей. Во время исполненія этого маневра, австрійскіе всадники оставались праздными его зрителями, но пруссаки не дремали. Король приказалъ генералу Будденброку съ его кирасирами атаковать въ гору австрійцевъ, что и было исполнено. Австрійцы не подались ни на шагъ впередъ, а только открыли, стоя на мѣстѣ, огонь изъ своихъ карабиновъ. Пруссаки, не обращая на этотъ огонь никакого вниманія, налетѣли на

первую линію, смяли и отбросили ее на вторую, вторую — на третью и наконецъ загнали всѣхъ ихъ въ лѣса, откуда они уже болѣе и не показывались.

Воспользовавшись этой атакой, прусская пѣхота захватила непріятельскую батарею, и весь лѣвый флангъ австрійцевъ оказался отброшеннымъ съ поля сраженія. Но конница Будденброка еще не кончила своихъ дѣйствій. Такъ какъ ей на правомъ флангѣ уже нечего было больше дѣлать, то она была переведена на лѣвый, который до тѣхъ поръ держался оборонительно. Теперь подкрѣпленная новыми эскадронами, конница и здѣсь атакуетъ австрійскихъ всадниковъ и также отбрасываетъ ихъ въ лѣса. Пруссаки не послѣдовали за ними, а повернули вправо противъ обнаженнаго фланга непріятельской пѣхоты, ударили на нее и обратили въ бѣгство, захвативъ около двухъ тысячъ плѣнныхъ. Этой атакой и закончилось сраженіе.

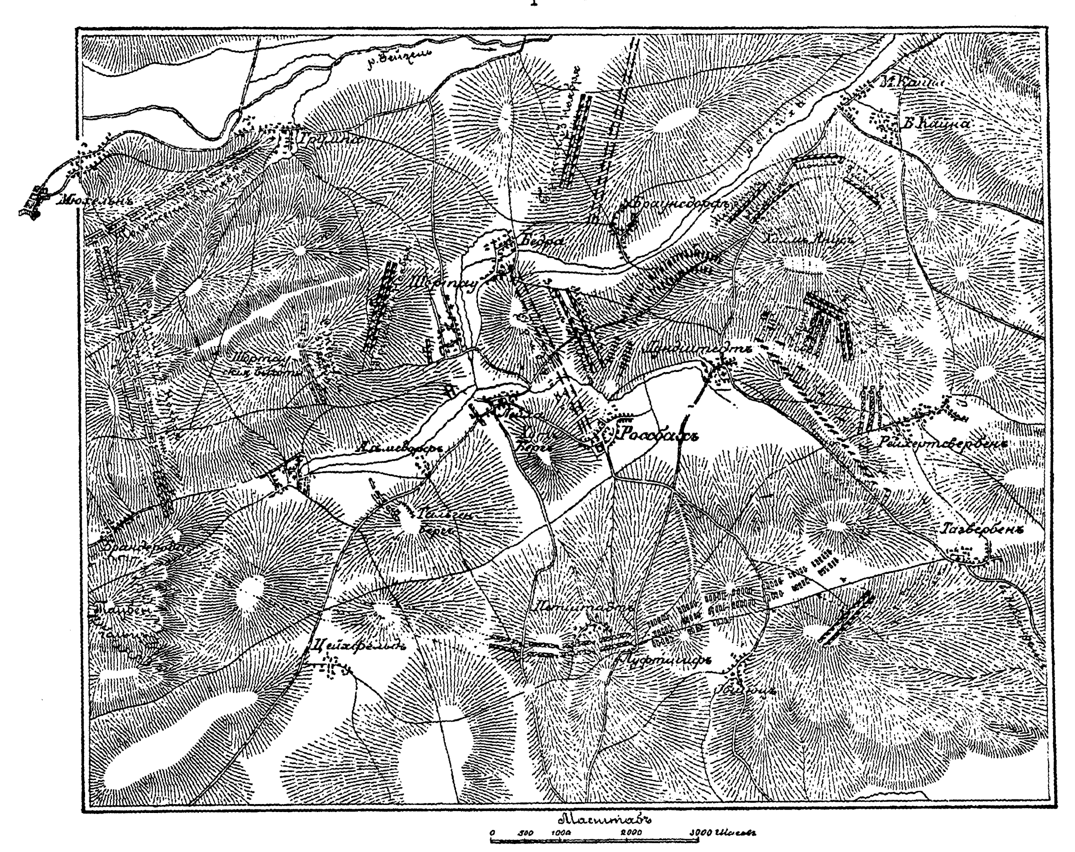
При Гохкирхѣ 14 октября 1758 года австрійская армія опять обошла правый флангъ прусской и ночнымъ нападеніемъ заставила послѣднюю отойти. И тутъ конница оказала пруссакамъ большую услугу, а именно она остановила наступленіе непріятеля на довольно продолжительное время и тѣмъ предотвратила полную катастрофу. Цитенъ, со своей обыкновенной бдительностью и предусмотрительностью, держалъ своихъ гусаръ совершенно одѣтыми и лошадей осѣдланными, будучи на готовѣ выступить при первой же тревогѣ. Дѣйствительно, ему скоро и пришлось это сдѣлать, и онъ, несмотря на ночное время, атаковалъ австрійцевъ съ такой рѣшимостью, что тѣ вынуждены были на этомъ пунктѣ остановиться, а Фридрихъ получилъ возможность отвести съ разсвѣтомъ свою армію въ полномъ порядкѣ на новую позицію. Только благодаря неутомимости и самоотверженію Цитена отступленіе это было совершено безъ большихъ потерь.

Въ битвѣ при Прагѣ, 6 мая 1757 года, произошло жаркое кавалерійское дѣло на лѣвомъ флангѣ прусской арміи, которая обошла австрійцевъ, сдѣлавъ бѣлымъ днемъ фланговый маршъ. Австрійцы, замѣтивъ обходъ, стянули всю конницу, въ числѣ 104 эскадроновъ, къ своему правому флангу, который загнули подъ прямымъ угломъ къ первоначальному расположенію. Конница построилась въ три линіи съ эскадронными интервалами. Прусская кавалерія этого крыла состояла всего изъ 65 эскадроновъ подъ командой принца Шенайхъ, но тѣмъ не менѣе она немедленно пошла въ атаку. Австрійцы подпустили ихъ на 50 шаговъ, дали залпъ изъ карабиновъ и затѣмъ бросились на встрѣчу. Обойденные съ обоихъ фланговъ, пруссаки были остановлены и два раза вынуждены отойти, но въ третій разъ Цитенъ со своими гусарами и драгунскимъ полкомъ атаковалъ такъ рѣшительно и энергично, что опрокинулъ австрійцевъ на ихъ же пѣхоту, которую они привели въ безпорядокъ.

Генералъ Варнери, полкъ котораго много способствовалъ успѣху, сообщаетъ интересныя подробности о произведенной имъ атакѣ противъ гусаръ Гаддика, причемъ ему пришлось обойти прудъ, къ которому онъ и примкнулъ свой флангъ, чтобы обезпечить его отъ охвата.

Въ битвѣ при Россбахѣ, 5 ноября 1757 года, конница играла наиболѣе рѣшительную роль: сраженіе было выиграно исключительно ею, такъ какъ только нѣсколько пѣхотныхъ полковъ успѣли подойти, да и то

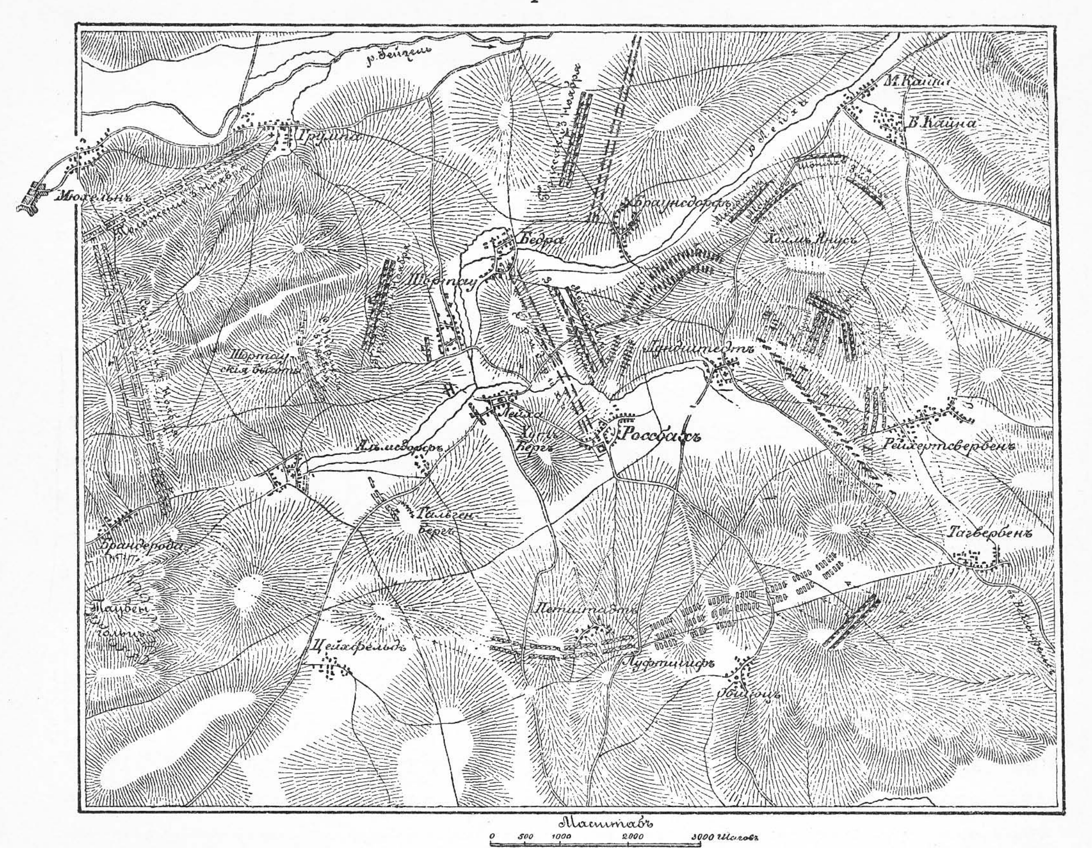
ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ РОССБАХѢ
5 ноября 1757 г.



къ самому концу боя. Союзная французско-имперская армія потянулась къ своему правому флангу, чтобы обойти лѣвый флангъ пруссаковъ. Какъ только Фридрихъ замѣтилъ это движеніе, онъ тотчасъ же принялъ свои мѣры и приказалъ своей конницѣ, пройдя скрытно за холмами, стать поперекъ дороги, по которой шли союзники. Какъ только эти подошли достаточно близко, Зейдлицъ понесся въ атаку на главныя ихъ части и опрокинулъ ихъ прежде, чѣмъ онѣ успѣли развернуться. Сдѣланная ими попытка собраться не удалась, потому что пруссаки быстро повторили

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ РОССБАХѢ

5 ноября 1757 г.



атаку. Въ то время какъ австрійская конница, шедшая въ головѣ арміи, терпѣла неудачу, союзная пѣхота сдѣлала попытку выстроиться въ боевой порядокъ, но Фридрихъ атаковалъ ее первыми подоспѣвшими 6—8 баталіонами, съ помощью артиллеріи и конницы сломилъ слабое сопротивленіе ошеломленныхъ головныхъ частей и скоро отбросилъ пѣхоту въ полномъ безпорядкѣ.

Принцъ Субизъ, главнокомандующій союзниковъ, выдвинулъ свою резервную конницу въ надеждѣ поправить дѣло и дать войскамъ время оправиться и построиться, но прусская конница атаковала ее и также опрокинула. Этимъ дѣло въ этотъ день кончилось, и только ночь остановила дальнѣйшее преслѣдованіе.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня король двинулся съ драгунами и гусарами для преслѣдованія непріятеля. Онъ скоро нагналъ его арьергардъ, который занималъ замокъ и прилегавшіе сады, обнесенные заборами. Фридрихъ спѣшилъ драгунъ и послалъ ихъ въ атаку; они выбили непріятеля изъ садовъ и двинулись къ замку, который австрійцы поспѣшили очистить и затѣмъ перешли черезъ рѣку Унструтъ, сжегши за собой мостъ. Этотъ примѣръ интересенъ потому, что показываетъ, что Фридрихъ, несмотря на его высокое мнѣніе о холодномъ оружіи, не пренебрегалъ и огнестрѣльнымъ, когда надѣялся извлечь изъ него пользу. Беренгорстъ (стр. 97), описывая Россбахское сраженіе, слѣдующимъ образомъ выражаетъ духъ прусской кавалерійской тактики: „здѣсь, на поляхъ Рейхардсвербена, проявился геній прусской конницы и сражался въ головѣ ея. Если конница на полѣ сраженія стоитъ на готовѣ, какъ задержанный потокъ, и по данному знаку разливается по полю, сметая всѣ преграды, то она достигаетъ идеала кавалеріи, такъ и сдѣлалъ Зейдлицъ въ этотъ день. Субизъ и Гильдбургаузенъ были стерты съ лица земли“.

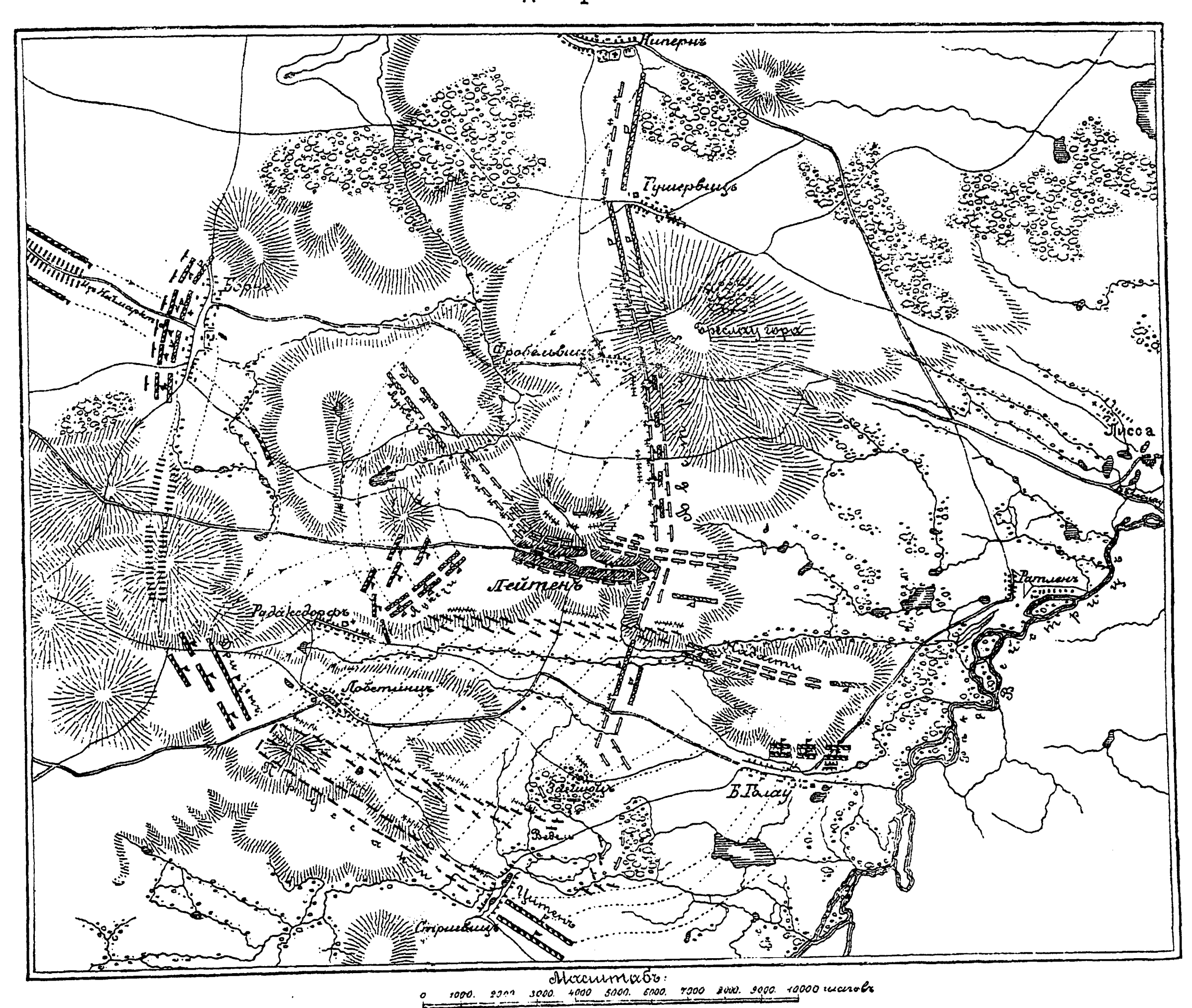
Въ битвѣ при Лейтенѣ, 5 декабря 1757 г., Фридрихъ одержалъ побѣду надъ австрійцами, благодаря искусному примѣненію косого боевого порядка. Прусская конница праваго крыла была поддержана 4 батальонами, поставленными позади нея для охраненія ея фланга; эти батальоны оказали большую услугу: они своимъ огнемъ остановили конницу Надасди, которая налетѣла съ фланга на прусскую конницу и смяла нѣсколько полковъ.

На лѣвомъ крылѣ, напротивъ того, Фридрихъ поставилъ генерала Дризена съ конницей для охраненія фланга пѣхоты, приказавъ ему ни о чемъ больше не заботиться; Дризенъ спряталъ своихъ всадниковъ въ углубленной дорогѣ и выжидалъ удобной минуты. Между тѣмъ австрійская конница Лукези, предполагая, что прусская пѣхота не прикрыта съ фланга, бросилась на нее въ атаку. Когда Лукези пронесся и былъ встрѣченъ съ фронта огнемъ пѣхоты, Дризенъ ударилъ ему во флангъ и тылъ, и австрійскіе всадники бѣжали по всѣмъ направленіямъ.

Въ этой битвѣ, какъ и во всѣхъ, прусская конница много способствовала одержанію побѣды. Кажется впрочемъ, и австрійцы къ этому времени уже нѣсколько прониклись кавалерійскимъ духомъ; такъ Надасди очень удачно атаковалъ Цитена во время перестроенія, и только огонь выше-

ПЛАНЪ ОРАЖЕНІЯ ПРИ ЛЕЙТЕНѢ

5 декабря 1757 г.

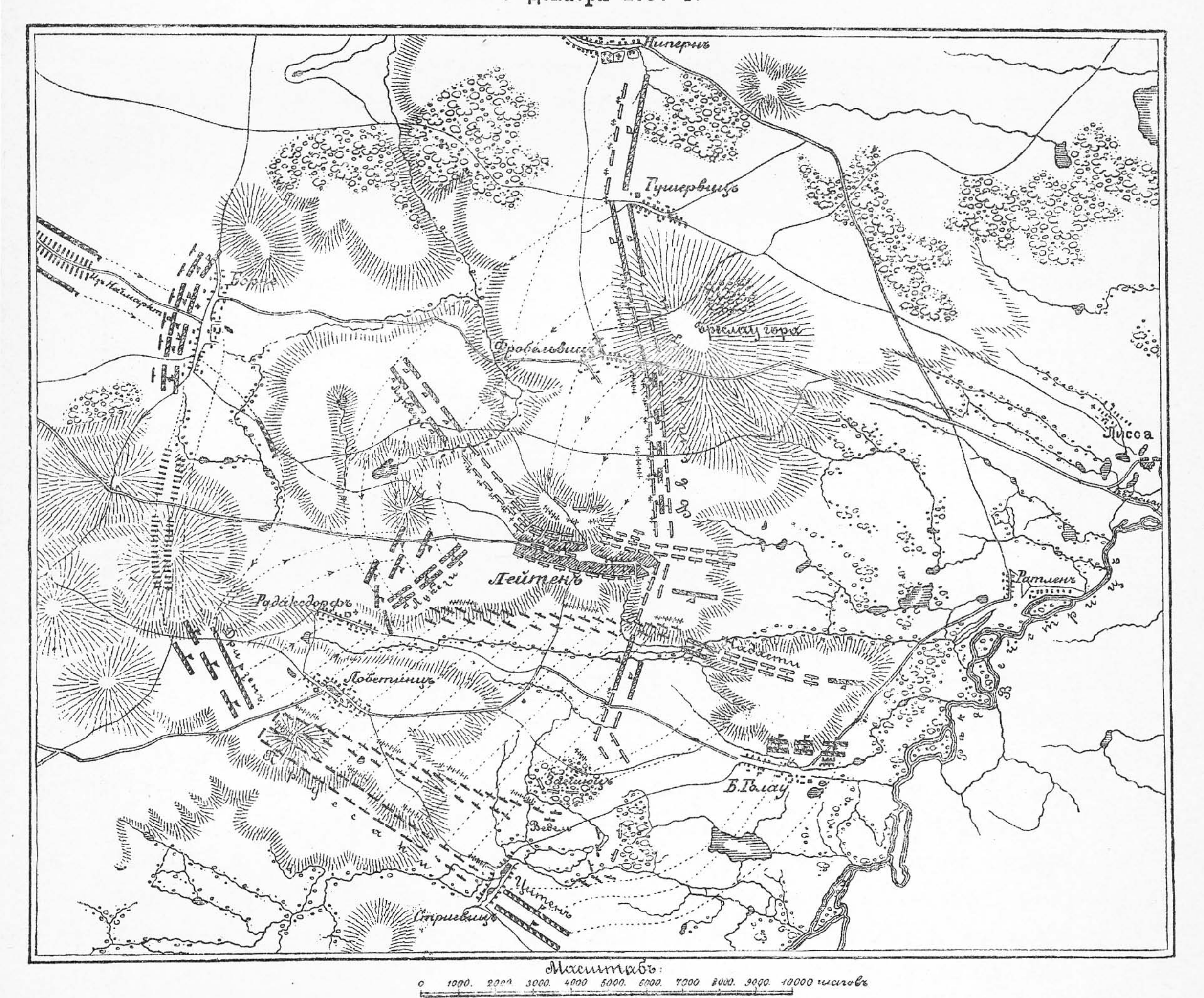


упомянутыхъ четырехъ баталіоновъ остановилъ австрійцевъ и выручилъ пруссаковъ.

Битва при Цорндорфѣ, 25 августа 1758 г., была выиграна въ полномъ смыслѣ слова исключительно Зейдлицемъ и его всадниками. Русскіе отчаянно атаковали прусскія линіи и принудили пѣхоту ихъ къ безпорядочному отступленію; черезъ это образовался значительный прорывъ въ расположеніи пруссаковъ и весь ихъ лѣвый флангъ былъ обнаженъ. Русскіе,

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ЛЕЙТЕНѢ

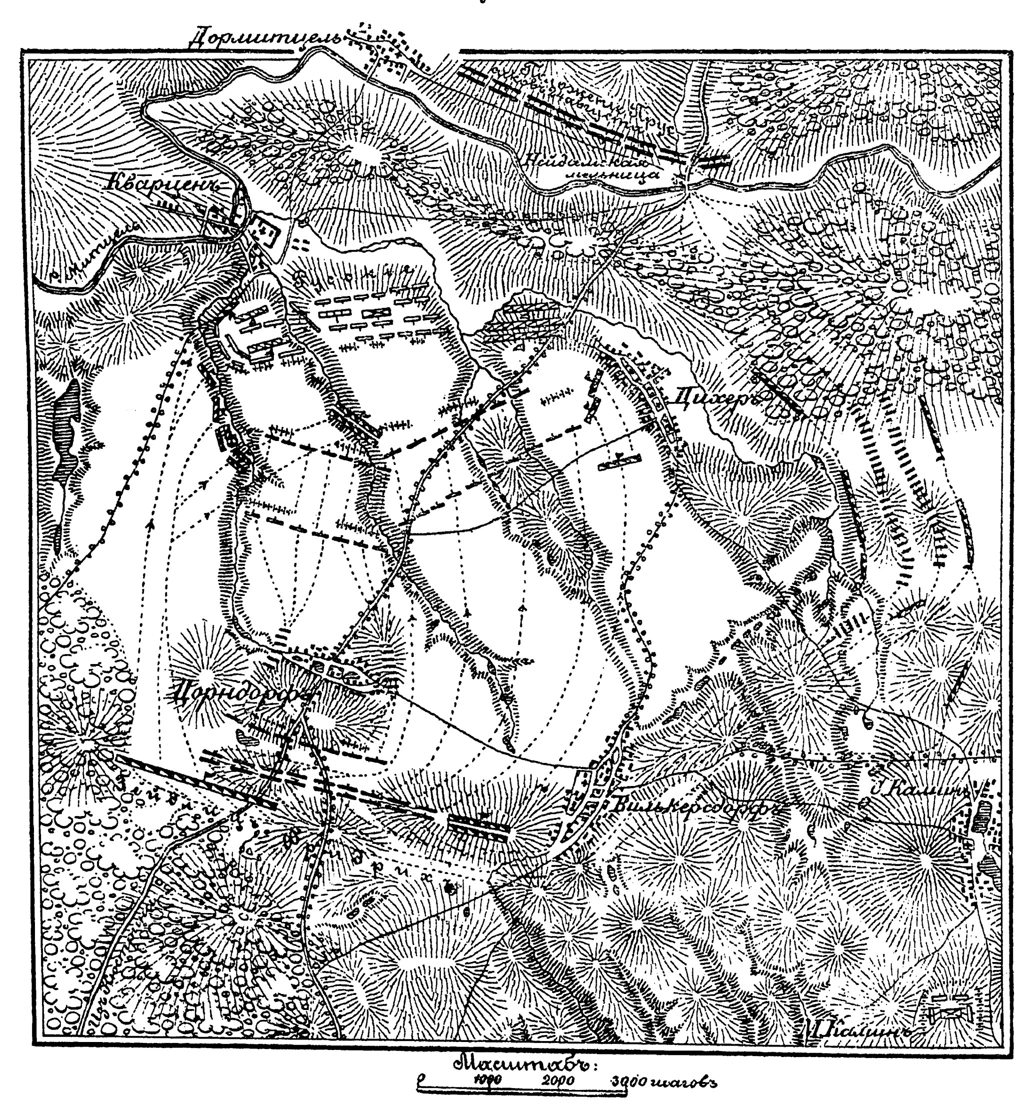
5 декабря 1757 г.



увлеченные успѣхомъ, наступали все дальше, опрокидывая все встрѣчавшееся имъ, и захватили 26 орудій. Дѣло казалось рѣшеннымъ, когда Зейдлицъ, переправившійся во главѣ 5.000 всадниковъ черезъ болотистый Цабернъ-Грундъ, налетѣлъ съ фланга на разстроившихся при быстромъ наступ-

ПЛАНЪ ОРАЖЕНІЯ ПРИ ЦОРНДОРФѢ

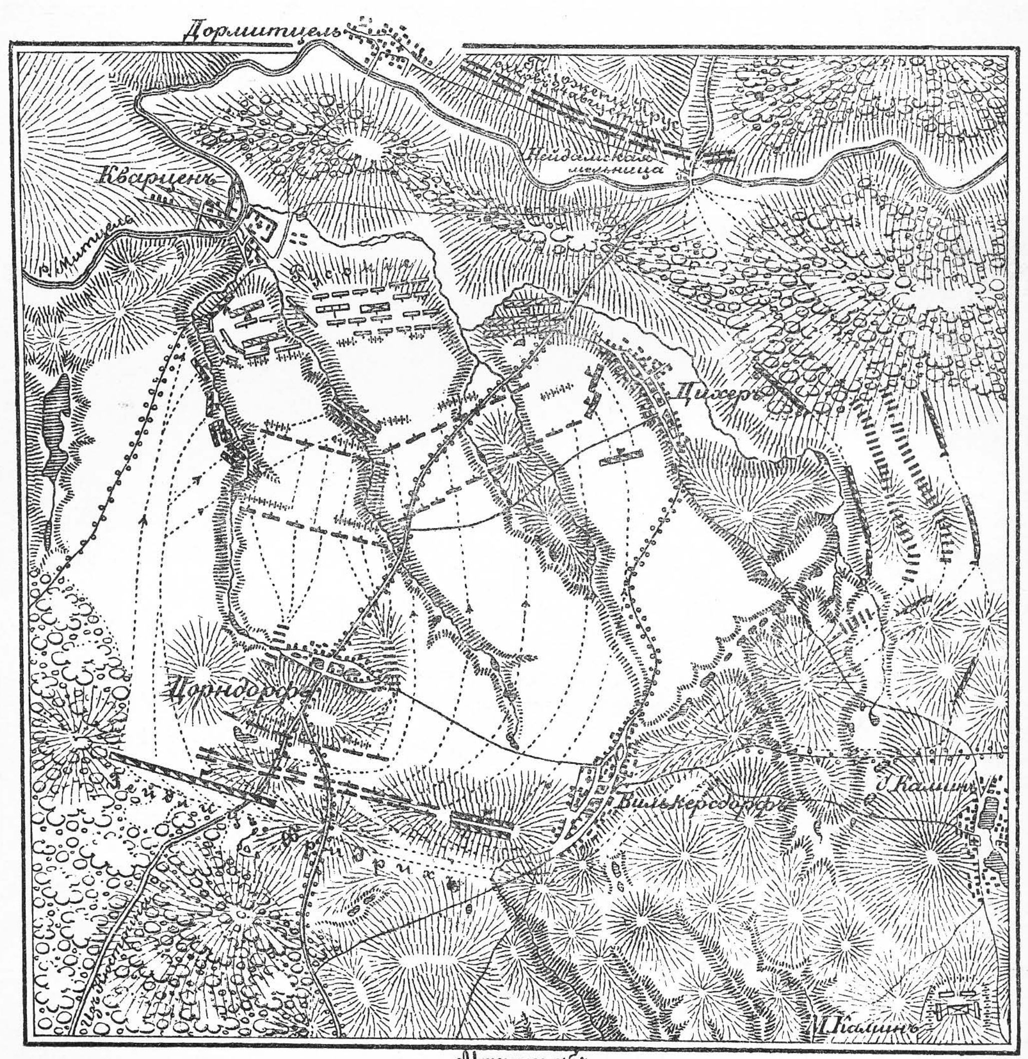
25 августа 1758 г.



леніи русскихъ. Атака была произведена крайне энергично, и ряды русскихъ были прорваны, но они, не думая ни о бѣгствѣ, ни о сдачѣ въ плѣнъ, упорно сопротивлялись съ величайшимъ мужествомъ; рѣзня кончилась только съ усталостью прусскихъ всадниковъ.

ПЛАНЪ ОРАЖЕНIЯ ПРИ ЦОРНДОРФѢ

25 августа 1758 г.



Между тѣмъ была потребована вторая линія русскихъ или, вѣрнѣе, задняя половина того огромнаго четыреугольника, въ которомъ они были построены до боя. Съ нею была сдѣлана вторая попытка. Со своей стороны и Фридрихъ послалъ пѣхоту своего праваго фланга въ атаку; едва только она успѣла подойти къ русскимъ на мушкетный выстрѣлъ, какъ была смѣло атакована русской конницей, поддержанной пѣхотой. При этой атакѣ русскихъ былъ прорванъ прусскій центръ и захвачены батарея и баталіонъ пѣхоты въ плѣнъ. Фридрихъ бросился лично впередъ, чтобы собрать свои разстроенныя части, но ничего не могъ сдѣлать. Вновь успѣхъ колебался, когда опять съ другого конца поля появился Зейдлицъ съ 61 эскадрономъ, атаковалъ русскихъ и отбросилъ ихъ въ болота Мейтцеля. Самъ Фридрихъ открыто признавался, что успѣху въ этой битвѣ онъ обязанъ исключительно Зейдлицу. Однако успѣхъ этотъ былъ столь сомнителенъ и горячо оспариваемъ, что обѣ стороны приписываютъ себѣ побѣду.

ГЛАВА II.

Австрійская конница въ войнахъ Фридриха Великаго [1].

Австрійская конница того времени состояла изъ кирасиръ, драгунъ и гусаръ. Въ извѣстной битвѣ при Прагѣ первыхъ было 77 эскадроновъ, вторыхъ — 42 и третьихъ — 35.

Между конницами австрійской и прусской была большая разница. Какъ мы знаемъ, Фридрихъ обращалъ особенное вниманіе на обученіе своихъ всадниковъ маневрированію и дѣйствіямъ большими массами. При этомъ другіе отдѣлы кавалерійскаго образованія были въ извѣстной степени въ пренебреженіи, такъ что прусская конница была гораздо менѣе обучена сторожевой и развѣдывательной службѣ, чѣмъ дѣйствіямъ на полѣ сраженія.

Напротивъ того, въ австрійской арміи было очень много иррегулярныхъ конныхъ частей, которыя въ бою не могли выдержать сомкнутыхъ атакъ прусской конницы, но превосходили ее въ разныхъ мелкихъ предпріятіяхъ, развѣдкахъ и т. п. Онѣ особенно удачно дѣйствовали въ лѣсахъ и вообще на пересѣченной мѣстности, при нападеніяхъ на отдѣльные отряды, при чемъ тотчасъ же уходили, какъ только на нихъ насѣдали, отлично пользуясь малѣйшими складками мѣстности.

Отличное выполненіе сторожевой службы было очень важно для австрійцевъ, между тѣмъ какъ Фридрихъ находился въ этомъ отношеніи въ

[1]) Friedrich's Memoiren; — Bismarck; — Carlyle; — Lloyd; — Jomini, Grandes Opérations; — d'Aldegnier.

менѣе выгодномъ положеніи и потому могъ на каждомъ шагу подвергнуться какой-нибудь случайной, неожиданной опасности. Только превосходный матеріалъ его конницы, ея отличное обученіе и высокій духъ давали ему возможность одерживать на поляхъ сраженій успѣхи, которые

Гусаръ. Кроатъ.

Австрійская конница.

парализовали невыгоды, бывшія слѣдствіемъ плохого исполненія сторожевой службы.

Фридрихъ неоднократно жаловался на трудность выполненія скрытыхъ движеній, благодаря необыкновенной бдительности и ловкости австрійскихъ гусаръ. По его собственному признанію, въ 1744 г. австрійская армія, съ помощью своихъ 10.000 венгерскихъ гусаръ, на мѣстности, покрытой

Гусаръ. Кроатъ.

Австрійская конница.

лѣсами, болотами, холмами и дефиле, отрѣзала ему всѣ пути сообщенія. Австрійцы знали все, что дѣлается у него въ лагерѣ, а онъ не могъ выслать ни одного разъѣзда, такъ какъ зналъ, что разъѣздъ этотъ будетъ неминуемо захваченъ непріятелемъ. Такимъ образомъ прусская армія была блокирована въ своемъ лагерѣ и не могла изъ него выходить; очевидно, что при этихъ условіяхъ добывать фуражъ и продовольствіе было чрезвычайно трудно.

У австрійцевъ въ семилѣтнюю войну былъ еще отрядъ уланъ, набранный изъ жителей Украйны; по одеждѣ, снаряженію и образу дѣйствія они напоминали татаръ и калмыковъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ пикъ длиною въ 15 футъ, пистолетовъ, сабель и иногда карабиновъ; по словамъ генерала Ллойда, нѣкоторые изъ нихъ имѣли луки и стрѣлы.

Кромѣ того въ австрійской конницѣ было еще много легкихъ, иррегулярныхъ отрядовъ кроатовъ, такъ что она была гораздо многочисленнѣе прусской.

Венгерцы организовали еще особый корпусъ конныхъ стрѣлковъ, который принесъ много пользы. Корпусъ этотъ составлялъ часть арміи герцога Брауншвейгскаго. Вооруженіе ихъ состояло изъ нарѣзныхъ ружей съ коническими затравками.

Въ исторіи Фридриха Великаго, написанной Карлейлемъ, приводится много примѣровъ тѣхъ трудностей, которыя встрѣтилъ прусскій король при добываніи свѣдѣній о движеніяхъ непріятельской арміи. Такъ, при открытіи кампаніи въ 1741 г. его армія была окружена тучами легкихъ войскъ, и онъ былъ поставленъ въ совершенную неизвѣстность обо всемъ, что происходило внѣ его расположенія. Его разъѣзды не отваживались выходить изъ лагеря, а болѣе сильныя части также не могли прорвать окружавшей завѣсы, скрывавшей врага и его дѣйствія.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1744 г. Фридрихъ попалъ опять въ очень затруднительное положеніе, благодаря превосходству непріятеля въ легкой конницѣ. Послѣдняя шныряла кругомъ по кустамъ, лѣсамъ и скалистымъ долинамъ. Прогнать или разбить эти легкія части было совершенно невозможно, такъ какъ онѣ быстро уходили при приближеніи превосходныхъ силъ, но также быстро и возвращались, когда прекращалось преслѣдованіе. Фуражировки производились не иначе, какъ цѣлыми полками; всѣ письма и приказанія перехватывались. Карлейль говоритъ, что легкіе всадники въ то время заслоняли свѣтъ солнца и что посылалось иногда до шести ординарцевъ съ приказаніями къ какому-нибудь генералу, стоявшему внѣ лагеря Фридриха, и всѣ перехватывались. Три сумки съ письмами, предназначавшимися для самого короля, были также захвачены, и онъ въ теченіе 4-хъ недѣль оставался безъ всякихъ извѣстій и не зналъ, что дѣлалъ императоръ или французскій король и т. п.

*

Въ бою при Тейнскомъ мосту легкіе австрійскіе всадники атаковали арьергардъ Цитена и захватили переправу; прусскимъ гусарамъ удалось только съ большимъ трудомъ отбить ихъ и отступить въ порядкѣ.

Когда въ октябрѣ 1744 г. Фридрихъ покинулъ лагерь при Конопиштѣ, то онъ ясно увидѣлъ, что гарнизонамъ Будвейса, Табора и Фрауенберга угрожаетъ опасность попасть въ плѣнъ. Поэтому онъ тогда же послалъ восемь человѣкъ ординарцевъ одного за другимъ съ приказаніемъ этимъ гарнизонамъ присоединиться къ нему. Всѣ восемь были перехвачены австрійскими разъѣздами, такъ что не получившіе никакихъ приказаній гарнизоны въ числѣ 3.000 чел., дѣйствительно, были взяты въ плѣнъ.

Вообще вся кампанія 1744 г. была довольно несчастлива для Фридриха, и неудачи его, какъ кажется, должны быть скорѣе приписаны искусству австрійской конницы въ малой войнѣ, чѣмъ какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ. Карлейль говоритъ по этому поводу: „Въ то время, какъ передъ старымъ Трауномъ все освѣщено дневнымъ свѣтомъ, Фридрихъ окруженъ все затемняющей атмосферой пандуровъ, которые его постоянно держатъ въ полунощной темнотѣ. Его положеніе освѣщается ему случайно, какъ бы вспыхиваніемъ молніи...“

При переходѣ австрійцевъ черезъ Эльбу у Тейница, 19 ноября 1744 г., легкая конница ихъ перейдя рѣку вплавь и вбродъ выше и ниже пункта переправы, бросилась въ близъ лежащіе лѣса. Цитенъ и Ведель, долго сдерживавшіе австрійцевъ, нѣсколько разъ посылали просить подкрѣпленій, но всѣ посланные были убиты австрійскими всадниками; подкрѣпленіе не пришло, и пруссаки должны были отступить.

Битва при Сорѣ, какъ мы уже видѣли, была въ сущности нечаяннымъ нападеніемъ. Правое крыло Фридриха было обойдено 30.000 австрійцевъ подъ прикрытіемъ завѣсы гусаръ, передовыя части которыхъ подоспѣли по кустамъ на 600 шаговъ къ прусскому лагерю. Всѣмъ этимъ австрійцы были обязаны чрезвычайнымъ способностямъ своей конницы къ развѣдывательной службѣ. Фридрихъ былъ затѣмъ вынужденъ развертывать свою армію подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ и, по всей вѣроятности, потерпѣлъ бы сильное пораженіе, если бы не превосходство его кирасиръ и пѣхоты надъ австрійскими.

Сраженіе при Гохкирхѣ было еще въ большей степени нечаяннымъ, чѣмъ Сорское, но Цитенъ уже научился угадывать хитрости противника и своей бдительностью спасъ армію.

Генералъ Ллойдъ, служившій въ австрійской арміи, говоритъ, что онъ съ 200 егерей и 100 драгунъ держался въ теченіе всей кампаніи 1760 г. такъ близко отъ прусской арміи, что ни разу не потерялъ ее изъ виду, хотя австрійскія главныя силы и корпусъ, къ которому онъ принадлежалъ, были иногда удалены отъ пруссаковъ на 2—3 перехода. Почти ни одного

дня не проходило безъ стычки, и все-таки потеря этого отряда въ теченіе всей кампаніи не превзошла 20 человѣкъ.

Вышеприведенные примѣры даютъ понятіе о замѣчательной ловкости въ отправленіи сторожевой и развѣдывательной службы австрійскими иррегулярными частями. Будь у Фридриха такая же конница, то успѣхи его были бы еще больше, чѣмъ они оказались на дѣлѣ, и онъ никогда не попадалъ бы съ арміей въ такія тяжелыя, иногда отчаянныя положенія, какъ это часто съ нимъ бывало.

Австрійская конница отличалась еще въ одной очень важной отрасли кавалерійской службы, а именно въ партизанскихъ дѣйствіяхъ, и въ операціяхъ въ тылу непріятеля на его сообщенія. Самымъ замѣчательнымъ изъ подобныхъ поисковъ было нападеніе генерала Гаддика съ 4.000 чел. и 4 орудіями на Берлинъ 17 октября 1757 г. Его отрядъ состоялъ преимущественно изъ кроатовъ. Онъ тщательно скрывалъ свое движеніе, шелъ преимущественно лѣсами и вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ распространенія слуховъ, преувеличивалъ силу своего отряда. Комендантъ Берлина, генералъ Роховъ, имѣвшій отрядъ такой же силы, какъ и Гаддикъ, и, слѣдовательно, при полной возможности отбить его, повѣрилъ слухамъ о многочисленности австрійцевъ. Смѣлыя дѣйствія партизанъ еще болѣе укрѣпляли Рохова въ этой увѣренности, и, какъ только австрійцы атаковали шлезвигскія ворота и форштадтъ, онъ ушелъ съ королевскимъ семействомъ и архивами въ Шпандау, бросивъ Берлинъ на произволъ судьбы. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Гаддикъ удовольствовался выкупомъ въ 180.000 талеровъ и послѣ 12 часовой остановки благополучно ушелъ за Шпрее. Все это предпріятіе было задумано очень искусно, выполнено чрезвычайно смѣло и произвело на нѣкоторое время сильное впечатлѣніе; оно доказываетъ выдающіяся способности австрійской конницы къ подобнаго рода службѣ.

Другимъ подобнаго рода предпріятіемъ, можетъ быть не столь блестящимъ, но несравненно болѣе важнымъ по своимъ послѣдствіямъ, было нападеніе 30 іюня 1758 г. на прусскій транспортъ полковника Мозеля, шедшій изъ Троппау въ Ольмюцъ. Отнятіе этого транспорта австрійцами имѣло большое вліяніе на результатъ кампаніи, такъ какъ вынудило Фридриха бросить осаду Ольмюца и уйти въ Богемію.

Полковникъ Мозель выступилъ изъ Троппау 26 іюня съ 4.000 повозокъ и конвоемъ изъ 8 баталіоновъ пѣхоты, 3.000 рекрутъ и выздоровѣвшихъ, сведенныхъ въ 4 маршевые баталіона, и 1.100 всадниковъ. Австрійскій главнокомандующій, фельдмаршалъ Даунъ, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы преградить путь Мозелю, такъ какъ очень хорошо понималъ, что для спасенія Ольмюца нужно или не допустить транспорта, или вступить въ открытый бой съ прусской арміей. Чтобы ввести Фридриха въ заблужденіе, онъ сталъ маневрировать, какъ будто собираясь вступить въ сраженіе, а между тѣмъ отрядилъ лучшаго изъ партизановъ, генералъ-маіора

Лаудона, для атаки транспорта съ запада; одновременно съ нимъ Зисковичъ долженъ былъ атаковать съ востока. Фридрихъ, однако, понимая, что все зависитъ отъ безпрепятственнаго подхода транспорта, и, разгадавъ хитрости Дауна, не дался въ обманъ, пославъ генерала Цитена съ 20 эскадронами и 3 баталіонами на встрѣчу Мозелю.

Лаудонъ выполнилъ данное ему порученіе очень искусно: онъ сумѣлъ скрыть свой маршъ отъ пруссаковъ и въ исходѣ третьяго дня атаковалъ Мозеля близъ Куннерсдорфа. Онъ занялъ высоты, господствующія надъ дефиле между Баучемъ и Альтъ-Либе, спряталъ кроатовъ и венгерцевъ по лѣсамъ, а конницу поставилъ поперекъ дороги, чтобы со всѣхъ сторонъ атаковать голову непріятельской колонны, какъ только она покажется изъ лѣсу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выставилъ густую цѣпь постовъ къ сторонѣ Фридриха и выдвинулъ ее какъ можно ближе къ Ольмюцу, чтобы лишить прусскаго короля возможности получить извѣстія объ опасности, угрожавшей транспорту; эти посты такъ исправно сдѣлали свое дѣло, что первое извѣстіе, полученное Фридрихомъ о транспортѣ, было извѣстіе объ его потерѣ.

При первомъ нападеніи близъ Бауча, Лаудонъ потерпѣлъ неудачу; мѣры, принятыя Мозелемъ, были столь цѣлесообразны и люди его сражались такъ мужественно, что австрійцы были отбиты съ потерей 500 слишкомъ человѣкъ. Въ тотъ же вечеръ присоединился къ Мозелю Цитенъ, и на слѣдующій день они сдѣлали дневку, чтобы подтянутъ весь длинный обозъ. Утромъ 30 они двинулись дальше и дошли благополучно до дефиле у Домштедтеля. Уже 120 повозокъ прошли его и начали вытягиваться по лежащей у выхода изъ него равнинѣ, какъ вдругъ на противулежащихъ высотахъ показались австрійцы и открыли сильный орудійный огонь. Цитенъ приказалъ повозкамъ, по мѣрѣ выхода изъ дефиле, строить вагенбургъ, а самъ ударилъ на австрійцевъ; первая его атака была сначала удачна, но взятый во флангъ саксонскими драгунами, онъ долженъ былъ отойти къ транспорту. Между тѣмъ подошелъ генералъ Зисковичъ и атаковалъ середину транспорта. Прусскіе рекруты держались очень мужественно и умирали на своихъ мѣстахъ; однако послѣ упорнаго боя превосходство австрійцевъ въ силахъ взяло верхъ, и Цитенъ вынужденъ былъ отойти къ Троппау. Весь транспортъ попалъ въ руки непріятеля; генералу Крокову, начальнику авангарда, удалось провести только около 250 повозокъ.

Нельзя дѣлать упрековъ пруссакамъ за эту неудачу, такъ какъ задача провести благополучно транспортъ по пересѣченной мѣстности — одна изъ самыхъ трудныхъ. Въ данномъ же случаѣ, кромѣ того, нападающій былъ гораздо сильнѣе обороняющагося, что позволяло съ самаго начала предсказать послѣднему неудачу.

Всѣ приведенные выше примѣры съ одной стороны весьма поучительны, какъ для изученія вообще, такъ и потому, что они даютъ читателю ясное

представленіе объ образѣ дѣйствій конницы въ тѣ времена. Они показываютъ поразительный контрастъ, который существовалъ въ образѣ дѣйствій конницы обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Большіе успѣхи, одержанные великимъ прусскимъ королемъ, несмотря на значительное превосходство его противниковъ въ силахъ, доставили извѣстность прусской арміи и славу великаго полководца ея предводителю. Всѣ европейскія государства стали въ точности подражать сдѣланнымъ имъ измѣненіямъ въ организаціи и одеждѣ, и прусская система послужила образцомъ для всего цивилизованнаго міра.

Эти обстоятельства имѣли важное значеніе для конницы; можно сказать, что до настоящаго времени въ основаніи всѣхъ конницъ лежитъ система Зейдлица и Цитена. Въ 1749 г. одинъ изъ лучшихъ французскихъ кавалерійскихъ офицеровъ, графъ Мельфоръ, посѣтилъ прусскіе лагери и много говорилъ съ тамошними кавалерійскими генералами о тактикѣ конницы. Также и Маршалъ Саксонскій бывалъ при дворѣ Фридриха Великаго. Эти посѣщенія вызвали обмѣнъ идей и подражаніе прусской конницѣ, ея организаціи и тактикѣ въ Англіи, Франціи, Ганноверѣ и Австріи. Наполеону только удалось усовершенствовать методическое употребленіе кавалеріи, примѣненіемъ ея во всѣхъ видахъ ея дѣятельности. Онъ умѣлъ пользоваться ею для прикрытія движенія арміи, для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ въ бою, для развитія успѣха и для прикрытія отступленій. Его конница однако никогда не была такъ полно и хорошо обучена маневрированію на быстрыхъ аллюрахъ, какъ фридриховская. Постоянныя войны и многочисленныя занятія другого рода не позволяли Наполеону лично входить въ обученіе своихъ всадниковъ, какъ это постоянно дѣлалъ Фридрихъ.

Въ теченіе довольно продолжительнаго времени прусской арміи подражали во всемъ до послѣднихъ мелочей, что нерѣдко служило предметомъ порицанія безпристрастныхъ военныхъ писателей. Такъ, генералъ Ллойдъ, принимавшій участіе въ военныхъ походахъ противъ Фридриха, отзывается съ горькой ироніей и рѣзкимъ порицаніемъ о той массѣ мелочей, на которыя въ тѣ времена обращалось огромное вниманіе во всѣхъ арміяхъ. Онъ говоритъ, что вся наука сводилась къ правильной пригонкѣ шляпы или пуговицы. „Они приписывали“, прибавляетъ онъ, „славныя побѣды прусскаго короля этимъ и тому подобнымъ мелочамъ. Короткіе мундиры, маленькія шляпы, узкіе штаны, башмаки съ высокими каблуками и множество разныхъ безполезныхъ движеній при упражненіяхъ и эволюціяхъ были введены во всеобщее употребленіе только на томъ основаніи, что все это имѣлось въ Пруссіи“.

Эта выписка изъ сочиненій опытнаго генерала и выдающагося военнаго писателя даетъ понятіе о томъ огромномъ вліяніи, которое имѣла прусская военная система на всѣ европейскія арміи второй половины XVIII ст.

Глава III.

Русская конница во второй половинѣ XVIII ст.[1]).

Петръ Великій привелъ свою конницу въ очень хорошее состояніе, но и послѣ него не перестаютъ дѣлать въ ней разныя измѣненія и улучшенія, сообразно съ понятіями времени. Такъ, при Елисаветѣ Петровнѣ было введено раздѣленіе полковъ на эскадроны; при ней же кирасиры получили желѣзныя кирасы, длинные палаши и по 2 пистолета; ѣздили они на тяжелыхъ нѣмецкихъ лошадяхъ. Около того же времени были введены повороты по три. Нѣсколько позже началось и въ Россіи рабское подражаніе всему прусскому.

Въ 1763 г. была учреждена особая коммисія, спеціально для реорганизаціи русской арміи по прусскому образцу. Было постановлено, что должно состоять на каждые 2 пѣхотные полка — одинъ полкъ тяжелой кавалеріи, на каждые 2 эскадрона тяжелой конницы — эскадронъ гусаръ и сотня казаковъ. Кирасиры были уничтожены и замѣнены карабинерами, вооруженными карабинами безъ штыковъ, какъ во Франціи при Людовикѣ XIV.

Съ 1763 по 1775 г. тяжелая конница имѣла длинные палаши, по 2 пистолета и желѣзныя кирасы; карабинеры — карабины и палаши; гусары — сабли, пистолеты и короткіе карабины. Въ 1786 г. всадники носили кожаные штаны, ботики со шпорами и палаши съ мѣдными эфесами и кожаными ножнами. Драгуны и карабинеры имѣли карабины притроченными къ сѣдламъ, которыя были нѣмецкаго образца и клались поверхъ сложенной шерстяной попоны или подушки. Легкокавалерійское сѣдло было венгерскаго образца и лежало на войлочной подушкѣ, набитой коровьимъ волосомъ. Вся конница имѣла кобуры. Въ каждой ротѣ было 20 топоровъ и 4 лопаты. Строились въ три шеренги.

Въ 1766 г. была издана „Инструкція командиру коннаго полка"; въ ней находятся всѣ подробности по одиночному обученію. Въ 1766 г. эскадроны были раздѣлены на взводы и полуэскадроны. Во взводѣ полагалось по 17 рядовъ, но на дѣлѣ въ эскадронѣ было часто только 60 или 80 человѣкъ. Въ названной выше инструкціи обращено большое вниманіе на выѣздку и выдержку лошадей.

Чтобы поднять искусство ѣзды въ конницѣ, въ каждый полкъ были назначены особые берейторы, которые должны были обучать всѣхъ офицеровъ полка и по 2 нижнихъ чина съ дивизіона. Затѣмъ въ каждомъ полку было выбрано 5 нижнихъ чиновъ, которые спеціально обучались берейторскому искусству, и никто не могъ быть произведенъ въ унтеръ-офицеры или капралы безъ знанія его. Офицеръ, не умѣвшій ѣздить верхомъ, считался ничего не стоющимъ, и отъ солдата ожидалась польза

[1]) Iwanoff.

только въ томъ случаѣ, если онъ крѣпко сидѣлъ въ сѣдлѣ. Всѣ эти взгляды на одиночное обученіе тѣ же, которые проводилъ Фридрихъ.

Потемкинъ, Румянцевъ и Суворовъ ввели въ конницѣ многія улучшенія. Румянцевъ, сражавшійся въ семилѣтнюю войну, былъ горячимъ поклонникомъ холоднаго оружія. Въ кампанію 1774 г. онъ началъ строить свою конницу въ 2 шеренги и ставилъ ее между пѣхотными каре на высотѣ заднихъ ихъ фасовъ. Употребленіе огнестрѣльнаго оружія было

Конногренадеръ. Армейскій гусаръ.

Русская конница временъ Екатерины II.

строго воспрещено, и только полковымъ командирамъ разрѣшалось прибѣгать къ нему подъ ихъ личной отвѣтственностью. Высшей единицей въ конницѣ была составленная изъ 2 полковъ бригада. Суворовъ, участвовавшій также въ семилѣтней войнѣ и отличавшійся тамъ своими партизанскими дѣйствіями, былъ чрезвычайно быстръ въ движеніяхъ. Въ 1768 г. онъ прошелъ съ пѣхотнымъ полкомъ и 2 эскадронами кавалеріи 1.000 верстъ въ одинъ мѣсяцъ и билъ врага вездѣ, гдѣ встрѣчалъ. При занятіи Туртукая, онъ примѣнялъ кавалерію чрезвычайно удачно. Саблю или палашъ онъ считалъ за лучшее оружіе для кавалериста.

Конногренадеръ. Армейскій гусаръ.

Русская конница временъ Екатерины II.

Потемкинъ обращалъ особенное вниманіе на конницу, причемъ придавалъ большое значеніе драгунамъ и легкимъ всадникамъ. Онъ увеличилъ вдвое численность первыхъ и уменьшилъ тяжелую конницу. Онъ же улучшилъ одежду и снаряженіе и приказалъ коротко стричь волосы и не

Князь Италійскій, графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.

пудрить ихъ. Ему обязаны увеличеніемъ числа гусарскихъ полковъ и сформированіемъ конноегерскихъ. При немъ было введено во всей конницѣ венгерское сѣдло, какъ болѣе легкое, дешевое и удобное для лошади. Наконецъ онъ особенно заботился о хорошей посадкѣ, ловкомъ владѣніи оружіемъ и искусномъ маневрированіи заѣздами.

Князь Италійскій, графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.

Въ битвѣ при Кагулѣ, 21 іюля 1770 г., конница состояла изъ 2 кирасирскихъ, 3 карабинерныхъ, 2 гусарскихъ, 6 казачьихъ полковъ и одного сборнаго полка изъ 5-ти эскадроновъ. Конница эта, подъ командой графа Салтыкова и князя Долгорукова, живыми и смѣлыми атаками въ концѣ сраженія рѣшила дѣло въ пользу русскихъ.

Хотя употребленіе огнестрѣльнаго оружія и было строго воспрещено, но оно на столько вошло въ обыкновеніе, что оказалось невозможнымъ соблюдать это воспрещеніе противъ многочисленной и отличной турецкой конницы. Такъ, въ битвѣ при Кагулѣ значительное число карабинеровъ, стоявшихъ между двумя большими каре, открыли съ коня очень безпорядочный огонь.

Глава IV.

Конецъ XVIII ст. — Революціонныя войны въ Америкѣ и Франціи [1]).

По окончаніи войнъ Фридриха Великаго наступило, продолжавшееся до французской революціи, мирное время, которымъ всѣ правительства воспользовались, чтобы реорганизовать свои арміи и ввести въ нихъ тѣ улучшенія, которымъ научились отъ Фридриха.

Мы видимъ въ этотъ періодъ особенно заботливое изученіе военнаго искусства и усиленныя занятія военными науками, что выразилось появленіемъ большаго числа сочиненій по тактикѣ и возбужденіемъ многихъ новыхъ вопросовъ, причемъ почти всѣ примѣры и указанія брались изъ семилѣтней войны.

Во Франціи въ это время было сдѣлано въ конницѣ очень много измѣненій. Такъ, королевскимъ указомъ 1-го января 1766 г. былъ окончательно и исключительно введенъ двухшереножный строй и установлены интервалы между эскадронами въ одну четвертую часть длины фронта эскадрона. На нѣкоторое время дистанція между шеренгами была еще оставлена въ 12 шаговъ. Всадники обучались и стрѣльбѣ, но преимущественно атакѣ холоднымъ оружіемъ рысью и галопомъ. Однако атаки послѣднимъ аллюромъ, вслѣдствіе недостатка въ упражненіяхъ, бывали обыкновенно безпорядочными и несомкнутыми. Тѣмъ не менѣе въ общемъ замѣчался большой прогрессъ сравнительно съ прежнимъ.

Другимъ важнымъ нововведеніемъ во французской арміи, основаннымъ, вѣроятно, на примѣрѣ австрійцевъ, было сформированіе многочисленной

---

[1]) Humbert; — Carrion Nisas; — Jomini Gr. Opèr; — Rocquancourt; — Alison; — Beamish; — Nolan; — Archduke Charles, Principes de la Stratégie; — Liskenne; — Duc de Rovigo, Mémoires.

и очень хорошаго качества легкой конницы, необходимость въ которой становилась все болѣе и болѣе ощутительной, въ виду сильнаго увеличенія численности армій, которое вызвало болѣе широкое примѣненіе аванпостной и развѣдывательной службы.

Эти легкіе всадники получили одежду и снаряженіе, вполнѣ сообразное съ ихъ службой; они были вооружены карабиномъ, пистолетомъ и саблей, дѣйствовали же преимущественно послѣдней. Лошади ихъ однако продолжали нести на себѣ большой грузъ въ видѣ тяжелаго сѣдла, плаща, чемодана и жизненныхъ припасовъ. Маршалъ Саксонскій вполнѣ сознавалъ весь вредъ этого, и очень рѣшительно высказывался противъ всѣхъ излишнихъ предметовъ.

При Людовикѣ XVI дистанція между шеренгами была уменьшена до 2 шаговъ, введены перестроенія четырехрядными отдѣленіями, учреждено много манежей и школъ ѣзды и обращено особенное вниманіе на одиночное обученіе людей.

Къ началу революціи французская конница состояла изъ 30 тяжелыхъ полковъ, численностью въ 12.960 чел., 17 драгунскихъ — 6.528 чел., 4 гусарскихъ — 1.280 чел. и 3.414 чел. гвардейской конницы, всего—болѣе 24.000 всадниковъ.

Прусская конница уже въ послѣдніе годы царствованія Фридриха сильно ухудшилась. Лучшіе офицеры или состарились, или умерли; старые солдаты были уволены и замѣнены новыми; и хотя принципы воспитанія и обученія и славныя традиціи были еще въ конницѣ живы, все-таки въ первые же годы послѣ кончины Фридриха былъ замѣченъ большой шагъ назадъ. Вслѣдствіе этого конница не могла оказать въ революціонныхъ войнахъ тѣхъ услугъ, которыя отъ нея ожидались по старой памяти. Вина въ этомъ должна быть въ значительной степени отнесена, повидимому, на долю предводителей, такъ какъ при стычкахъ мелкихъ частей прусская конница въ первые годы войны оказывалась на высотѣ своей прежней славы и гораздо выше французской; но во главѣ конницы не было ни одного генерала, который съумѣлъ бы управлять ея массами на полѣ сраженія, подобно тому, какъ во времена Фридриха.

У австрійцевъ конница была организована совершенно по прусскому образцу и заслужила въ послѣднихъ войнахъ въ Богеміи и Турціи, подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Лаудона, хорошую репутацію. Она была очень многочисленна и состояла въ 1792 г. изъ 12 эскадроновъ карабинеръ, 54 эскадроновъ кирасиръ, 42 эскадроновъ драгунъ, 36 эскадроновъ легкоконныхъ (шево-леже), 74 эскадроновъ гусаръ и 8 эскадроновъ уланъ, всего 226 эскадроновъ, численностью въ 44.000 человѣкъ.

Революція 13 американскихъ колоній противъ Великобританіи началась въ 1776 г. Вызванная ею война продолжалась 7 лѣтъ и окончилась въ 1783 г. признаніемъ независимости Соединенныхъ Штатовъ. Дости-

женію этого результата много способствовали французы, помогавшіе американцамъ войсками, кораблями, оружіемъ и деньгами. Театръ войны — непроходимые лѣса и пустыни безъ путей сообщенія—почти совершенно исключали участіе конницы въ военныхъ операціяхъ, и дѣйствительно, она не имѣла почти никакого вліянія на исходъ кампаніи. Обѣ стороны организовали нѣсколько партизанскихъ отрядовъ, которые оказали нѣкоторыя услуги, но все это въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, и изученіе ихъ дѣйствій представляетъ мало интереса. Пересѣченный характеръ мѣстности побуждалъ прибѣгать преимущественно къ огнестрѣльному оружію; особенно часто пользовались имъ американцы, стрѣляя очень мѣтко съ дальнихъ разстояній изъ-за различныхъ мѣстныхъ закрытій, такъ какъ самыя свойства ихъ, въ сущности иррегулярной, арміи заставляли ограничиваться мелкими схватками, нечаянными нападеніями и т. п. Единственнымъ слѣдствіемъ этой войны для европейскихъ армій было сформированіе въ нихъ отдѣльныхъ отрядовъ стрѣлковъ, которые дѣйствовали долгое время исключительно въ разсыпномъ строю.

Французская революція, послѣдовавшая вскорѣ за американской, оказала уже гораздо большее вліяніе на состояніе военнаго искусства, при чемъ вліяніе это коснулось не только тактики, но комплектованія и организаціи армій. Возстаніе народа противъ своего законнаго короля и провозглашеніе республики влекло за собой столь важныя послѣдствія и опасности и для другихъ государствъ, что они нашлись вынужденными встать на защиту свергнутой монархіи.

Коалиція стольких государствъ противъ Франціи побудила правителей республики принять цѣлый рядъ чрезвычайныхъ мѣръ, чтобы имѣть возможность бороться съ надеждой на успѣхъ противъ угрожавшей опасности. Они рѣшили привлечь насильно весь народъ къ защитѣ страны и постановили въ мартѣ 1793 г. набрать 300.000 чел. для пополненія дѣйствующей арміи. Съ расширеніемъ военныхъ операцій явилась потребность въ новыхъ силахъ, и въ іюлѣ было предписано набрать еще 1.200.000 чел. Эти люди были распредѣлены по старымъ полкамъ, чтобы скорѣе научиться военному дѣлу, но подобный наплывъ рекрутъ не только повредилъ дисциплинѣ, но почти отнялъ у арміи регулярный характеръ.

Эти большія массы, значительно превосходившія прежнія арміи, для болѣе быстрой передачи приказаній и правильно поставленной отвѣтственности, требовали и другой организаціи.

Это повело за собою раздѣленіе войскъ на дивизіи и корпуса, въ составъ которыхъ входили всѣ три рода оружія. Во главѣ бригадъ стояли бригадные, дивизій — дивизіонные, корпусовъ — полные генералы, а во главѣ арміи — главнокомандующій. Благодаря такой организаціи значительно облегчалось управленіе массами. 3 пѣхотныхъ баталіона составляли полубригаду, 6 баталіоновъ — бригаду, 2 бригады — дивизію, 2 или болѣе ди-

визій — корпусъ. Каждой дивизіи придавалось обыкновенно два полка конницы (легкой, тяжелой или драгунъ) и 2 батареи: пѣшая и конная.

Конница французской арміи въ 1793 г. была довольно многочисленна, но по отношенію къ сильно увеличившейся пѣхотѣ — очень слаба. Она состояла изъ 2 полковъ карабинеръ и 16 полковъ тяжелой конницы, вооруженныхъ только палашомъ и пистолетомъ, 20 полковъ драгунъ, 25 — конноегерей и 12 — гусаръ, вооруженныхъ саблей, карабиномъ и пистолетомъ. Легкой конницы было около 33.000 человѣкъ: 22.000 егерей и 11.000 гусаръ; послѣдніе употреблялись очень рѣдко для сомкнутыхъ атакъ, между тѣмъ, какъ егеря несли безразлично службу на полѣ сраженія и внѣ его, такъ что они оказывались самымъ полезнымъ родомъ конницы. Подобные полки раздѣлялись обыкновенно на 4 эскадрона, въ 200 коней каждый.

Система распредѣленія конницы по дивизіямъ была вскорѣ признана ошибочной, такъ какъ кавалерія, будучи вся распредѣлена на мелкія части, не могла сдѣлать ничего существеннаго. Генералъ Гошъ первый понялъ это и, по назначеніи своемъ въ 1797 г. главнокомандующимъ арміи Самбры и Мааса, соединилъ гусаръ, драгунъ и конноегерей въ отдѣльныя дивизіи. Эта принятая имъ мѣра составляетъ значительный шагъ впередъ.

Наполеонъ въ итальянской арміи также отдѣлилъ конные полки отъ пѣхотныхъ дивизій и свелъ ихъ въ бригады резервной конницы.

Большая численность французскихъ революціонныхъ армій имѣла еще другое очень важное послѣдствіе. Арміи Фридриха Великаго были малы, крѣпко сплочены и въ совершенствѣ обучены; онъ могъ съ ними сдѣлать фланговый маршъ на глазахъ противника, съ спокойствіемъ и порядкомъ марша на парадѣ; онъ могъ спокойно развертывать свои войска и дѣлать перемѣну фронта подъ артиллерійскимъ огнемъ, какъ при Сорѣ; онъ могъ послѣ нечаяннаго ночнаго нападенія и неудачнаго боя очень скоро привести свои войска въ порядокъ. Однимъ словомъ, онъ имѣлъ въ своемъ войскѣ превосходное орудіе, съ которымъ могъ все себѣ позволить; это обстоятельство имѣло, конечно, большое вліяніе на его образъ дѣйствій. Такъ какъ при этомъ люди его были обучены стрѣлять очень мѣтко, то, чтобы вполнѣ воспользоваться силой огня, онъ строилъ ихъ развернутымъ строемъ; наконецъ, искусство его армій въ маневрированіи позволяло ему принимать косой порядокъ противъ того или другого фланга непріятельскаго расположенія.

Французскіе генералы временъ революціи, напротивъ того, имѣли подъ своей командой массу солдатъ, правда въ высокой степени воодушевленныхъ и исполненныхъ стремленіемъ къ славѣ, но очень плохо обученныхъ не только маневрированію, но даже и владѣнію оружіемъ. Еще задолго до революціи между военными писателями возникъ спорный во-

просъ о томъ, что лучше для наступленія пѣхоты: колонны или развернутый строй. Фоларъ написалъ нѣсколько томовъ въ пользу первыхъ; Мениль Дюранъ и другіе послѣдовали за нимъ, и образовалась цѣлая школа, державшаяся того мнѣнія, что пѣхота должна атаковать въ колоннахъ.

Теперь же французы самой силой обстоятельствъ были поставлены въ необходимость принять это построеніе. Ихъ плохо дисциплинированныя массы воодушевленныхъ рекрутъ не могли маневрировать съ тою же точностью, какъ австрійцы и пруссаки. Поэтому они приняли систему прямой атаки непріятельскаго расположенія густыми колоннами, поддержанными огнемъ большихъ артиллерійскихъ батарей. Впереди колоннъ шли застрѣльщики изъ лучшихъ стрѣлковъ, которые, подобно римскимъ велитамъ, начинали дѣло усиленнымъ обстрѣливаніемъ позиціи противника и прикрывали тѣмъ наступленіе колоннъ, которыя, слѣдуя сзади, могутъ быть сравнены съ фалангой древнихъ временъ.

Отъ этихъ застрѣльщиковъ не требовалось высокой степени обученія для выполненія ихъ обязанностей. Это былъ такой составъ людей, который на другомъ поприщѣ не могъ принести большой пользы, а здѣсь могъ пригодиться. Слѣдовавшія за ними колонны состояли изъ совершенно необученныхъ людей, которые черпали мужество и вѣру въ успѣхъ въ своей численности. Это естественный инстинктъ какъ людей, такъ и животныхъ— собираться въ массы въ виду угрожающей опасности, и образъ дѣйствія французовъ въ колоннахъ былъ именно основанъ на этомъ инстинктѣ. При началѣ движенія колонны ихъ имѣли, дѣйствительно, видъ строя, но затѣмъ онѣ обращались просто въ безпорядочныя толпы тѣсно сплоченныхъ людей. Подобная система естественно вызывала широкое примѣненіе артиллеріи; конницѣ также придавались въ значительномъ числѣ конныя батареи. Наполеонъ еще болѣе увеличилъ ихъ число и сталъ придавать ихъ каждой кавалерійской дивизіи.

Тяжелая конница была вооружена палашами и пистолетами; драгуны — ружьями, пистолетами и палашами; егеря — карабинами, пистолетами и саблями; гусары — пистолетами и саблями; послѣдніе употреблялись преимущественно для сторожевой и развѣдывательной службы. Въ первыхъ битвахъ республики конница почти не участвовала, ограничиваясь преимущественно мелкими схватками, гдѣ личная ловкость и воодушевленіе значительно вліяла на успѣхъ. Тяжелая конница не имѣла почти никакого значенія до появленія на аренѣ Наполеона.

Одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ случаевъ въ исторіи конницы произошелъ во время похода въ Голландію, въ январѣ 1795 г. Каналы, пересѣкающіе страну эту по всѣмъ направленіямъ, дѣлаютъ ее почти недоступной лѣтомъ для конницы; но зима 1795 г. была очень холодная, вся вода покрылась льдомъ, и такимъ образомъ дѣйствія конницы и конной

артиллеріи стали вполнѣ возможны. Благодаря этому обстоятельству войска вполнѣ благополучно прошли по замерзшему озеру Бисбошъ и былъ захваченъ арсеналъ въ Дортрехтѣ. Около того же времени французы узнали, что часть голландскаго флота замерзла во льду близъ Текселя, и выслали противъ нея сильный отрядъ конницы съ конной артиллеріей. Онъ прошелъ форсированными маршами сѣверную Голландію, перешелъ замерзшее Зюдеръ-зее и, окруживъ флотъ, потребовалъ сдачи. Удивленные появленіемъ конницы и угрозой атаки съ ея стороны, — обстоятельство, на которое они никакъ не разсчитывали, — командиры судовъ согласились спустить флаги, давъ такимъ образомъ французскимъ гусарамъ славу единственной конницы, овладѣвшей военными судами въ морѣ.

Прусская конница въ первые годы войнъ съ республикой также не отличалась въ битвахъ, но дѣйствовала съ успѣхомъ въ мелкихъ стычкахъ и предпріятіяхъ. Одно изъ такихъ дѣлъ произошло 17 сентября 1792 г.; арьергардъ французской арміи Дюмурье, бывшій подъ командой генерала Шазо, въ числѣ 10.000 слишкомъ чел., былъ атакованъ 1.500 прусскихъ гусаръ съ 4 конными орудіями, опрокинутъ первой же атакой и въ большомъ безпорядкѣ отброшенъ на главныя силы и далѣе по направленію къ Парижу. Незначительная горсть конницы чуть не разбила всей французской арміи — доказательство того сильнаго моральнаго впечатлѣнія, которое производитъ лихая кавалерійская атака на молодыя, необученныя войска.

Въ ноябрѣ 1793 г. австрійцы нанесли сильное пораженіе французскому отряду въ 10.000 чел., шедшему на выручку осажденнаго Кенуа, при чемъ одно каре въ 3.000 чел. было прорвано австрійской конницей и совершенно уничтожено.

Во всѣхъ войнахъ конца прошлаго столѣтія конницы прусская и австрійская оказались гораздо выше французской и, хотя ими не было одержано блестящихъ побѣдъ, подобныхъ побѣдамъ Фридриха, тѣмъ не менѣе онѣ показали себя вполнѣ на высотѣ своего назначенія. Такъ, при Виллеръ-ан-Куше 86 австрійцевъ и 200 англійскихъ легкихъ драгунъ атаковали французскій отрядъ въ 10.000 чел. пѣхоты и конницы. Атака была произведена столь энергично и удачно, что французскіе всадники были сразу отброшены на свою пѣхоту, которая тоже была опрокинута, и весь отрядъ, съ потерей 1.200 чел. убитыми и ранеными и 3 орудій, отошелъ въ полномъ безпорядкѣ на Камбре. И такой подвигъ былъ совершенъ менѣе, чѣмъ 300 чел.! Австрійскій императоръ далъ всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ офицерамъ орденъ „за заслуги"; англійскій же 15 гусарскій полкъ съ тѣхъ поръ, въ видѣ отличія, носитъ названіе Виллеръ-ан-Куше.

Также точно при Гандшусгеймѣ въ 1795 г. австрійская конница приняла дѣятельное участіе въ пораженіи французовъ, и она же покрыла

себя славой при нападеніи на Майнцскія укрѣпленныя линіи. Каждой изъ трехъ колоннъ было при этомъ придано по нѣсколько эскадроновъ, а сильный конный отрядъ былъ въ резервѣ, чтобы имъ довершить успѣхъ. Пѣхота очень скоро овладѣла частью укрѣпленій и возвела тамъ ложементъ; вслѣдъ за ней проникла конница, и очень скоро довершила побѣду съ весьма незначительными потерями.

При Вюрцбургѣ въ 1796 г. австрійская конница также много способствовала одержанію побѣды. Какъ кажется, это было первое сраженіе въ революціонныхъ войнахъ, въ которомъ конница приняла участіе въ значительныхъ силахъ, и на исходъ котораго могла поэтому оказать вліяніе. Австрійцы выиграли это сраженіе, благодаря искусному употребленію резерва.

Въ итальянскихъ кампаніяхъ 1796 и 1797 гг. конница могла принимать только небольшое участіе. Послѣ битвы при Ровередо Наполеонъ послалъ своего адъютанта Ламарруа съ 50 драгунами въ середину бѣгущихъ австрійцевъ для занятія дефиле при Кальяно, черезъ что значительныя пѣхотныя части оказались отрѣзанными и вынужденными къ сдачѣ.

Во время египетской экспедиціи Наполеона произошелъ цѣлый рядъ боевъ между воодушевленными солдатами Франціи и блестящими всадниками Востока. По своей своеобразности бои эти особенно интересны для кавалерійскаго офицера тѣмъ, что конница одной изъ сторонъ состояла изъ иррегулярныхъ легкихъ всадниковъ, великолѣпно ѣздившихъ верхомъ и отлично владѣвшихъ оружіемъ, но безъ всякой дисциплины и умѣнья сомкнуто маневрировать.

Египетскіе мамелюки, бывшіе настоящими владѣльцами страны, состояли изъ смѣси кавказцевъ, албанцевъ, сербовъ и босняковъ, которые въ дѣтствѣ были взяты у родителей и посланы въ Египетъ. Они были воинами по призванію и никогда ничѣмъ другимъ не занимались. Ихъ лошади, оружіе, блестящая одежда и военные подвиги составляли ихъ гордость. Число ихъ доходило до 12.000, подъ командой 24 беевъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ одѣвать и снаряжать 500—600 мамелюковъ. При каждомъ воинѣ было 2 ассистента, на подобіе рыцарскаго „копья“ или галльской тримакрезіи. Мамелюки составляли отличную иррегулярную конницу, не имѣли понятія о дисциплинѣ, совсѣмъ не были обучены и даже неспособны къ сомкнутому маневрированію.

Слуги ихъ, кажется, совсѣмъ не участвовали въ бою; одинъ велъ въ поводу заводную лошадь съ вещами и продовольствіемъ, другой—возилъ карабинъ. Сами мамелюки имѣли пару пистолетовъ и кинжалъ за поясомъ, пару пистолетовъ у сѣдла, саблю и мушкетонъ. Они носили шали и тюрбаны, обернутые въ нѣсколько разъ и потому составлявшіе нѣчто въ родѣ предохранительнаго снаряженія; по словамъ Наполеона, нѣкоторые имѣли кольчуги и шлемы. Но больше всего, для избѣжанія непріятельскихъ

ударовъ, они полагались на своихъ прекрасныхъ боевыхъ коней; имъ мало могли помогать въ этомъ случаѣ ихъ тонкіе, артистической работы, клинки, которые предназначались скорѣе для рѣзанія, чѣмъ для рубки, и не могли поэтому парировать сильнаго удара.

Наполеонъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ нѣсколько интересныхъ подробностей о мамелюкахъ. Онъ говоритъ, что два мамелюка могли отлично держаться противъ трехъ французовъ, потому что были лучше вооружены и обучены, сидѣли на лучшихъ лошадяхъ и имѣли слугъ для поддержки; но съ другой стороны 100 французовъ не должны были опасаться 100 мамелюковъ, 300 французовъ превосходили такое же число мамелюковъ, а 1.000 французовъ должны несомнѣнно побѣдить 1.500 мамелюковъ. Такъ велико значеніе тактики, порядка и способности къ маневрированію.

Послѣ того, какъ французскіе кавалерійскіе генералы ознакомились съ образомъ дѣйствія мамелюковъ, они начали при наступленіи противъ нихъ выстраивать нѣсколько линій. Какъ только первая линія начинала движеніе, мамелюки старались охватить ее съ фланга; сообразно съ этимъ вторая линія шла полъ-оборота направо или налѣво, чтобы поддержать первую удлиненіемъ боеваго порядка. Тогда мамелюки растягивались еще болѣе, чтобы охватить и вторую линію. Этимъ моментомъ и пользовались французы для общей атаки, которою обыкновенно и опрокидывали противника. Впрочемъ, всѣ первыя битвы были выиграны пѣхотой и артиллеріей, безъ всякаго содѣйствія конницы.

Конское снаряженіе мамелюковъ было очень массивно и богато изукрашено; мундштуки — очень строгіе, такъ что останавливали сразу самыхъ горячихъ жеребцовъ на полномъ карьерѣ; стремена пригонялись очень коротко; обѣ луки были такъ высоки, что даже раненаго всадника трудно было вышибить изъ сѣдла. Несмотря на довольно тяжелое конское снаряженіе, лошади не были слишкомъ нагружены, такъ какъ всадники не носили багажа при себѣ.

Таковъ былъ непріятель, съ которымъ приходилось бороться французамъ въ Египтѣ. Наполеонъ имѣлъ очень немногочисленную конницу, которая при томъ не была въ состояніи вступать въ одиночный бой со смѣлыми восточными всадниками, такъ что въ началѣ онъ дѣйствовалъ исключительно пѣхотой и артиллеріей. Первая стычка произошла у Раманіэ, на Нилѣ. Вторая французская дивизія была внезапно атакована; начальникъ ея Десе построилъ свои войска въ нѣсколько каре, имѣя орудія по угламъ и обозъ въ серединѣ, и отбилъ нападеніе однимъ картечнымъ огнемъ.

Распоряженія Наполеона для борьбы съ мамелюками были очень своеобразны и вполнѣ соображены съ характеромъ противника. Онъ раздѣлилъ армію на пять дивизій; каждая изъ нихъ строила каре въ 6 шеренгъ глубиной, съ орудіями по угламъ; гренадерскія роты, распредѣленныя по

взводно, держались наготовѣ броситься на помощь всякому угрожаемому пункту. Конница, всего 200 чел., была поставлена въ серединѣ между каре. Въ томъ же порядкѣ совершала армія и марши, такъ что передній и задній фасы каре (послѣдній повернувшись предварительно кругомъ) шли развернутымъ строемъ, а боковые, повернувшись направо и налѣво — въ колоннахъ. При нападеніи все останавливалось, поворачивалось во фронтъ и спокойно ожидало атаки. Если же французы сами намѣревались атаковать, то три наружныя шеренги каре выстраивали колонны и шли въ атаку, а самыя каре, уже въ три шеренги глубиной, оставались на мѣстѣ въ видѣ резерва.

Въ такомъ порядкѣ двигались французскія дивизіи, послѣ благополучно совершившейся высадки, на Каиръ, при чемъ за ними все время слѣдили мамелюки, наготовѣ воспользоваться малѣйшей оплошностью. Первое большое сраженіе произошло близъ пирамидъ или точнѣе, у деревни Эмбабе, недалеко отъ Каира, гдѣ самъ Мурадъ-бей съ 8.000 отборныхъ всадниковъ и множествомъ малообученной пѣхоты занялъ позицію для обороны доступовъ къ столицѣ. Онъ построилъ укрѣпленіе приблизительно на 40 орудій у берега рѣки, къ которому примкнулъ правый флангъ конницы; лѣвый флангъ простирался по пустынѣ до пирамидъ. Наполеонъ, замѣтившій тотчасъ, что орудія, помѣщенныя въ укрѣпленіи, стоятъ не на лафетахъ, а укрѣплены неподвижно и, слѣдовательно, могутъ стрѣлять только въ одномъ направленіи, рѣшилъ двинуться вправо, чтобы избѣжать ихъ огня. Мурадъ-бей, увидѣвъ это движеніе и сразу понявъ причину его, принялъ съ быстротою опытнаго генерала рѣшеніе атаковать французовъ на маршѣ.

Атака была произведена 7.000 всадниковъ безпорядочной толпой. Десе едва успѣлъ исполнить перестроеніе, какъ уже передовые всадники наскочили на него; человѣкъ 30—40 храбрѣйшихъ ворвались внутрь каре, но всѣ тамъ и погибли. Прочія дивизіи были совершенно готовы встрѣтить атаку. Зрѣлище представлялось французамъ внушительное. Многочисленныя толпы лихихъ всадниковъ, великолѣпно одѣтые и на быстрыхъ скакунахъ, неслись на нихъ полнымъ галопомъ, подымая облака пыли, среди которыхъ изрѣдка блистало оружіе и украшенія. Громкіе крики разносившіеся по воздуху, и подобный грому топотъ нѣсколькихъ тысячъ копытъ, если и не навели панику на французскую пѣхоту, то все же заставляли ее ожидать окончанія дѣла съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ успѣхѣ. Скоро артиллерія открыла картечный огонь; затѣмъ по фронту всѣхъ каре затрещали ружейные выстрѣлы, залпъ раздавался за залпомъ, поражая всадниковъ и лошадей, безпомощно валявшихся и бившихся передъ каре, преграждая путь остальнымъ.

Съ рѣдкимъ мужествомъ прорвались мамелюки въ интервалы между каре и бѣшено атаковали всѣ ихъ фасы одновременно. Не имѣя возмож-

ности прорвать прямымъ ударомъ сомкнутые ряды французовъ, нѣкоторые изъ нихъ передъ самыми штыками поворачивали лошадей кругомъ и поднимали ихъ на дыбы, надѣясь этимъ путемъ проложить дорогу, хотя бы и цѣной опрокидыванія лошади. Другіе стрѣляли изъ своихъ пистолетовъ и карабиновъ и затѣмъ бросали ихъ въ противника. Тѣ всадники, лошади которыхъ были убиты, подползали къ каре и своими ганджарами рубили ноги солдатъ передней шеренги. Наконецъ мамелюки должны были прекратить свои отчаянныя атаки и уйти, оставивъ передъ каре массу убитыхъ и раненыхъ людей и лошадей, свидѣтельствовавшихъ объ упорствѣ боя. Потери ихъ были огромны, а французы потеряли всего около 200 чел.

Это сраженіе показало, что французская пѣхота можетъ бороться съ мамелюками, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ необходимости совершеннѣйшей дисциплины въ конницѣ, рядомъ съ умѣньемъ владѣть конемъ и оружіемъ. Кто усомнится, что мамелюки, если бы они были обучены сомкнутымъ единовременнымъ атакамъ и поддержаны конными орудіями, разнесли бы французскую пѣхоту? Они почти достигли этого и такъ, своими безпорядочными атаками и безъ всякой артиллеріи. Огонь нѣсколькихъ батарей причинилъ бы большія потери густымъ массамъ французовъ, а если бы для избѣжанія ихъ они развернулись, то неминуемо сдѣлались бы жертвами этой чудной конницы.

Въ битвѣ при Седиманѣ, во время экспедиціи генерала Десе въ верхній Египетъ, произошелъ случай, доказывающій, что не штыки, а только огонь можетъ защитить стоящую въ каре пѣхоту отъ хорошей конницы. Дивизія Десе, при приближеніи сильнаго отряда мамелюковъ, построила одно большое и два маленькихъ каре. Командиръ одного изъ послѣднихъ, отъ избытка самоувѣренности, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ дѣла при пирамидахъ, приказалъ своимъ людямъ сберегать огонь до той поры, пока они увидятъ бѣлки глазъ противника. Залпъ, дѣйствительно, былъ данъ, когда противникъ подскакалъ совсѣмъ вплотную, но это было поздно. Дѣйствіе залпа въ самомъ дѣлѣ было ужасно, но лошади такъ разскакались, что ихъ нельзя было ничѣмъ остановить, даже еслибы всадники этого и пожелали. Каре было прорвано, много людей перебито, а всадники ворвались въ середину, сражаясь и падая по мѣрѣ того, какъ долго ихъ лошади могли еще держаться на ногахъ, въ зависимости отъ степени смертоносности полученной ими раны. Генералъ Десе выразилъ самое строгое порицаніе командиру каре, неосмотрительность котораго была причиной почти совершенной гибели его части.

Во время осады С. Жанъ-д'Акръ, въ слѣдующемъ году, Наполеонъ получилъ извѣстіе о приближеніи сильной турецкой арміи, составленной изъ остатковъ мамелюковъ, янычаръ изъ Алеппо и Дамаско и многочисленной иррегулярной конницы. На встрѣчу ей и для соединенія съ Жюно, занимавшимъ передовой постъ у Назарета, былъ высланъ отъ Акры

Клеберъ. На своемъ пути онъ встрѣтилъ 4.000 всадниковъ, но, дѣйствуя по испробованной уже въ Египтѣ системѣ, отбилъ всѣ ихъ нападенія.— 16 апрѣля 1799 г., двигаясь для атаки турецкаго лагеря близъ горы Ѳаворъ, Клеберъ неожиданно наткнулся на всю турецкую армію, шедшую ему на встрѣчу. Онъ немедленно построилъ свой слабый отрядъ въ нѣсколько каре съ орудіями по угламъ; едва было окончено построеніе ихъ, какъ уже на французовъ налетѣло 15.000 всадниковъ, за которыми шло столько же пѣхоты. Увѣренные въ себѣ и стойкіе французскіе ветераны не поколебались ни на минуту; они открыли мѣткій и частый орудійный огонь, который вырывалъ цѣлые ряды турокъ и покрылъ въ скоромъ времени все пространство передъ всѣми каре массами тѣлъ людей и лошадей; французы держались такимъ образомъ 6 часовъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, выступившій съ значительными силами на поддержаніе Клебера дошелъ до окружавшихъ поле сраженія высотъ и увидѣлъ въ нихъ французскія каре, окруженныя со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и мужественно отбивавшія его атаки. Рѣшеніе его было живо принято. Часть конницы и легкой кавалеріи, подъ командой генерала Лекурба, была выслана противъ мамелюковъ, стоявшихъ въ резервѣ, а самъ Наполеонъ, съ построенной въ два каре дивизіей Бона, атаковалъ съ тыла и фланга турокъ, сражавшихся съ Клеберомъ. Мѣры эти, въ связи съ превосходствомъ дисциплины и тактики французовъ, дали имъ полную побѣду. Такимъ образомъ 6.000 французскихъ ветеранъ одержали верхъ надъ 30.000 войскомъ, составленнымъ на половину изъ конницы.

Послѣдняя битва въ Египтѣ между французами и мамелюками произошла у Геліополиса, 20 марта 1800 года, и кончилась, какъ всѣ предъидущія битвы, полной побѣдой французовъ. Клеберъ имѣлъ всего 12.000 человѣкъ, которыхъ онъ построилъ въ четыре каре съ артиллеріей по угламъ и конницей въ интервалахъ. Въ резервѣ, для поддержанія угловъ и для произведенія въ случаѣ возможности наступательныхъ движеній, были оставлены гренадерскія роты. Атака на лежащій далеко впереди общаго турецкаго расположенія лагерь янычаръ была вполнѣ удачна, при чемъ большая часть его защитниковъ была перебита. Между тѣмъ главныя силы турокъ уже приближались. Французы по обыкновенію построили нѣсколько каре, но поставили артиллерію въ интервалы между ними, а конницу — за серединой. Боевой порядокъ этотъ былъ вполнѣ цѣлесообразенъ, что и показалъ успѣхъ боя. Сраженіе началось артиллерійскимъ огнемъ обѣихъ сторонъ, при чемъ дѣйствіе французскихъ орудій было гораздо сильнѣе; онѣ стали наносить наконецъ такія потери туркамъ, что послѣдніе рѣшили произвести общее наступленіе. Сосредоточеніе ихъ войскъ было замѣчено французами, которые и приготовились къ встрѣчѣ атаки. 20.000 всадниковъ бросились на нихъ карьеромъ — зрѣлище, способное потрясти самыя храбрыя сердца. Французы однако стояли

твердо; орудія ихъ открыли сильный картечный огонь, который разметалъ непріятельскіе передніе ряды; задніе повернули назадъ и обратились въ бѣгство ранѣе, чѣмъ по нимъ былъ данъ хотя бы одинъ ружейный выстрѣлъ.

Великій визирь однако собралъ свои войска и повелъ ихъ вторично въ атаку. Въ отбитіи ея приняла участіе и пѣхота, и все турецкое войско, не выдержавъ ея мѣткихъ и смертельныхъ залповъ, обратилось въ полное бѣгство.

Въ этихъ кампаніяхъ вошло въ обыкновеніе у французовъ сводить застрѣльщиковъ въ группы изъ 4 чел., для болѣе успѣшнаго отбитія нападеній бедуиновъ и мамелюковъ. Кромѣ того Бонапартъ рѣшилъ выдать своей пѣхотѣ пики съ желѣзными остріями на обоихъ концахъ, которыя должны были втыкаться солдатами въ землю передъ собой при встрѣчѣ кавалерійской атаки; эти же пики предназначались для обнесенія лагеря по его окружности. Впрочемъ, сильная жара отражалась такъ неблагопріятно на здоровьи войскъ, что Наполеонъ нашелъ болѣе полезнымъ не утруждать людей ноской лишней тяжести, и пики не были розданы. Употребленіе пикъ, подобное предлагавшемуся Наполеономъ, мы уже видѣли при Азинкурѣ.

Другой особенностью кампаніи въ Египтѣ былъ организованный Наполеономъ полкъ на дромадерахъ, который долженъ былъ нести драгунскую службу. Онъ принесъ большую пользу, потому что лошади съ трудомъ двигались по пустынѣ. Полкъ этотъ былъ составленъ изъ отборныхъ людей изъ пѣхоты, которые сидѣли на нѣкоторомъ подобіи турецкаго сѣдла, положенномъ на горбѣ дромадера; они имѣли съ собою оружіе и десятидневный провіантъ. Передъ началомъ боя полкъ останавливался, дромадеры становились на колѣна, люди слѣзали и выстраивались въ пѣшемъ строю — въ развернутомъ строѣ или въ каре, смотря по обстоятельствамъ. Вначалѣ на каждое животное сажали двухъ солдатъ, но впослѣдствіи предпочли сажать только одного и брать за то съ собою болѣе значительный запасъ провіанта.

Глава V.

Конница во времена Наполеона[1]).

Наполеонъ ставилъ конницу очень высоко и обладалъ глубокимъ пониманіемъ ея свойствъ. Никто такъ не цѣнилъ легкую конницу при скры-

Наполеонъ.

тіи движеній своей арміи или для развѣдыванія о движеніяхъ противника. Онъ также придавалъ огромное значеніе атакамъ конницы большими мас-

[1]) Boutourline, Campagne de 1812;—Humbert;—Ambert;—General Foy;—Alison;—Duc de Rovigo;—de Brack-Avanpostes de cavalerie légére;—Napier, History of the Peninsular War;—Ségur.

Наполеонъ.

сами на полѣ сраженія, и умѣлъ ими пользоваться для нанесенія удара цѣлому флангу непріятеля.

Онъ измѣнилъ организацію конницы въ составѣ французской арміи, собравъ разсѣянные повсюду полки въ отдѣльныя бригады и дивизіи, по родамъ конницы. Его увѣренность въ важности дѣйствія тяжелой конницы большими массами была такъ велика, что онъ свелъ дивизіи въ корпуса. Такъ въ 1805 году сила кавалерійскаго корпуса Мюрата доходила до 22.000 кирасиръ и драгунъ и 1.000 конныхъ артиллеристовъ. Въ составъ арміи въ кампанію 1812 г., кромѣ приданныхъ корпусамъ легкихъ кавалерійскихъ дивизій, входило еще подъ общей командой Мюрата четыре резервныхъ кавалерійскихъ корпуса генераловъ: Нансути, Монбрена, Груши и Латуръ-Мобура, всего 208 эскадроновъ, т. е. 38.200 коней.

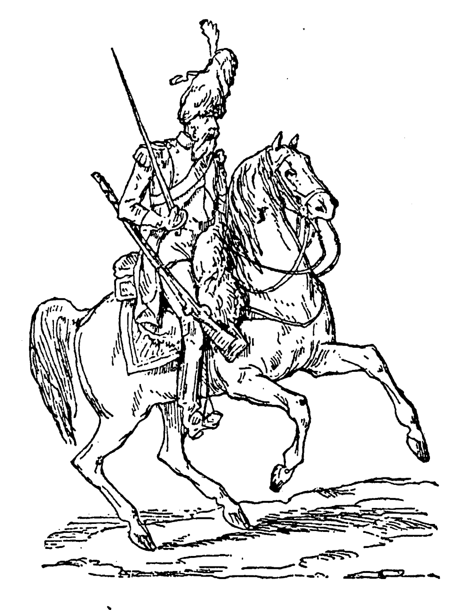
Вскорѣ послѣ принятія императорскаго титула, Наполеонъ устроилъ при Булони большой лагерь, гдѣ войска обучались съ величайшей заботливостью маневрированію большими массами. Обученіе конницы было основано на принципахъ Фридриха. Такъ какъ Наполеонъ самъ служилъ въ артиллеріи, то онъ былъ недостаточно знакомъ со всѣми деталями кавалерійской службы, тогда какъ Фридрихъ, знавшій до мельчайшихъ подробностей службу всѣхъ трехъ родовъ оружія, могъ своимъ вмѣшательствомъ поставить одиночное обученіе каждаго человѣка на надлежащую высоту. Но во всякомъ случаѣ Наполеонъ прекрасно зналъ цѣну кавалеріи и ея службы во всѣхъ ея отрасляхъ. Онъ отлично понималъ задачи кавалеріи по развѣдкѣ и охраненію и стоялъ даже выше Фридриха въ смыслѣ умѣнья узнавать положеніе, движенія и намѣренія противника.

Фридрихъ очень часто попадалъ въ затруднительное положеніе именно вслѣдствіе невозможности правильно оріентироваться. Наполеонъ же только однажды былъ поставленъ въ такое положеніе, а именно послѣ похода 1812 г., когда вся его конница погибла въ снѣгахъ Россіи или попалась въ плѣнъ.

Малочисленность и недостатокъ опытности его конницы въ 1813 г. привели къ тому, что передъ сраженіемъ при Люценѣ онъ совершенно ничего не зналъ о близости союзниковъ и былъ неожиданно вовлеченъ въ генеральное сраженіе.

Наполеонъ, чувствовавшій, что его конницѣ недостаетъ маневренной способности конницы Фридриха, старался восполнить этотъ недостатокъ большими массами ея, что повело за собою движеніе въ атаку рысью, такъ какъ только на этомъ аллюрѣ значительныя массы могли соблюдать должный порядокъ и сомкнутость.

Производство атаки медленнымъ аллюромъ вызывало однако такія потери отъ пѣхотнаго огня, что Наполеонъ долженъ былъ принять особыя мѣры для уменьшенія ихъ. Тяжелая конница, а позже и карабинеры, получили опять кирасы и каску. — Вновь сформированные кирасиры скоро



Драгунъ 1813 г.

Гвардейскій конный шассеръ.

заслужили себѣ громкую славу и совершали подвиги, нерѣдко вліявшіе на исходъ всей кампаніи.

Въ арміи Наполеона была конница всѣхъ родовъ. Послѣ боя при Боргетто въ 1796 г. онъ сформировалъ отрядъ гидовъ, которыхъ главная

Солдатъ гвардейскаго обоза.

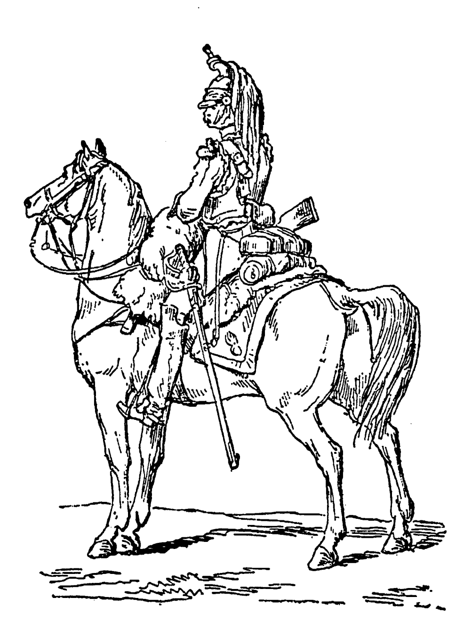
Гвардейскій уланъ.

Драгунъ 1813 г.

Гвардейскій конный шассеръ.

Солдатъ гвардейскаго обоза.

Гвардейскій уланъ.



Кирасиръ 1807 г.

Гвардейскій мамелюкъ.

обязанность состояла въ охраненіи его особы; онъ былъ составленъ изъ ветерановъ, прослужившихъ 10 лѣтъ и избранныхъ съ особой тщательностью. Этотъ отрядъ составилъ основаніе консульской гвардіи, которая впослѣдствіи разрослась почти въ особую армію, подъ именемъ императорской гвардіи.

Гвардейскій драгунъ.

Солдатъ гвардейскаго обоза.

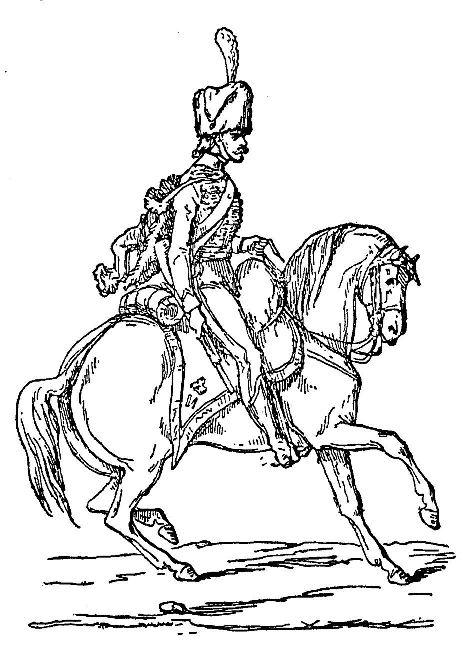
Кирасиръ 1807 г.

Гвардейскій мамелюкъ.

Гвардейскій драгунъ.

Солдатъ гвардейскаго обоза.

Карабинеръ во французской арміи было два полка. Въ 1791 г. ихъ вооруженіе состояло изъ карабина со штыкомъ, пистолета и палаша; въ 1794 г. они передали карабины нѣсколькимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, не имѣвшимъ еще оружія. Нѣсколько позже они захватили въ одномъ австрійскомъ замкѣ складъ англійскаго оружія и вооружились мушкетами, которые и имѣли при Аустерлицѣ. Въ войнѣ 1809 г., и до обращенія ихъ въ кирасиры, они имѣли короткіе мушкеты безъ штыковъ.



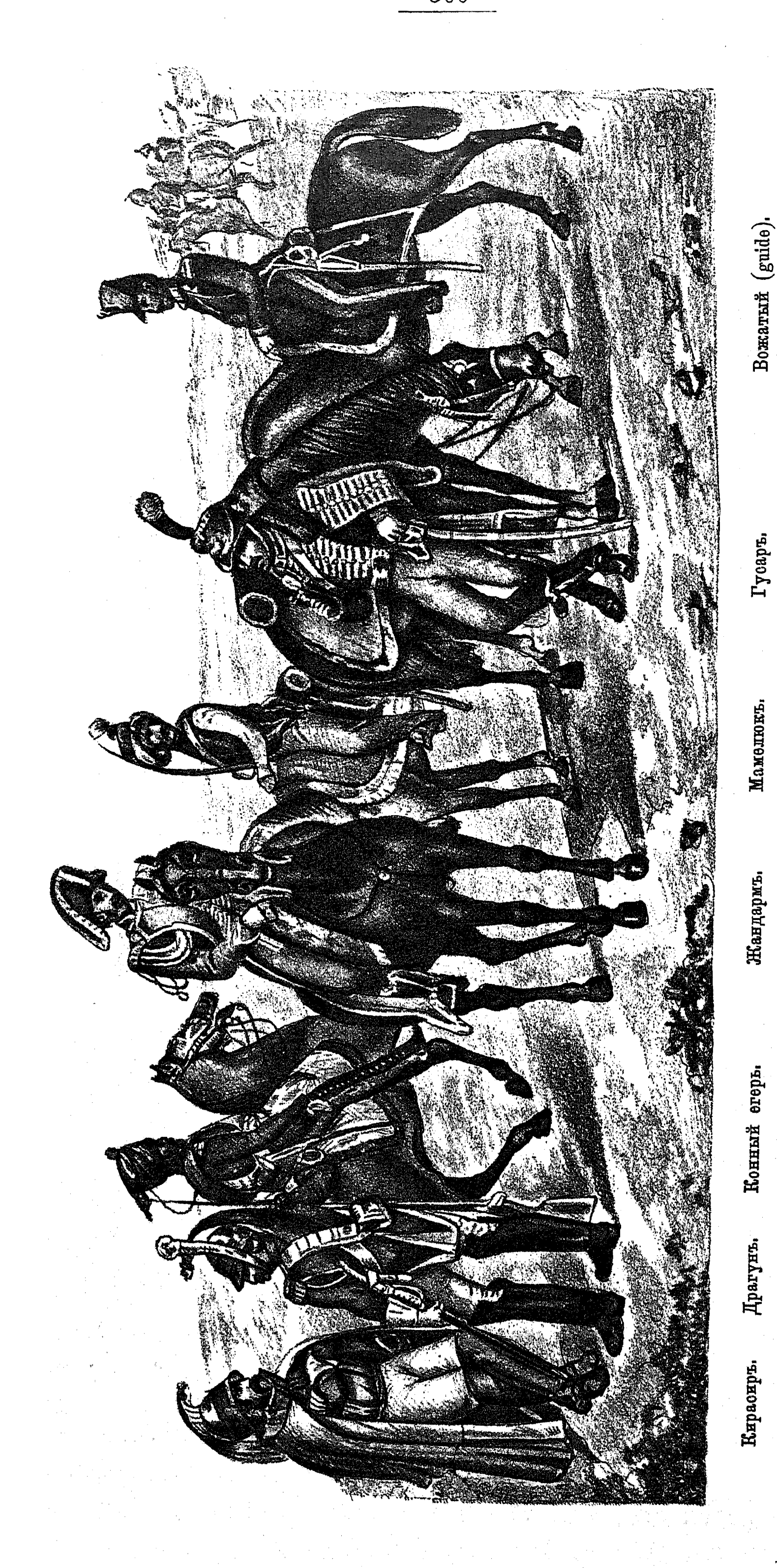
Гвардейскій конно-артиллеристъ.

Кирасирскіе полки были вновь сформированы въ декабрѣ 1802 г. изъ 5-го, 6-го и 7-го конныхъ полковъ. Они оказали такія важныя услуги, что въ 1804 г. еще 9-ть полковъ получили кирасы, и во всѣхъ кирасирскихъ полкахъ кивера были замѣнены касками. Въ 1812 г. кирасирскихъ полковъ было 14-ть.

Драгунъ у Наполеона было очень много. Въ 1802 г. ихъ было 21 полкъ въ зеленыхъ мундирахъ, съ разными отличіями и въ каскахъ. Они тогда были пѣхотой, посаженной на коней, но скоро были преобразованы въ настоящую конницу, только лучше обученную пѣшему бою. Драгуны, не особенно отличавшіеся въ походахъ на Рейнѣ, были посланы въ Испанію, и здѣсь, при Сультѣ, Сюше и С. Сирѣ заслужили блестящую репутацію. Особенно важныя услуги они оказали при дѣйствіяхъ противъ гверильясовъ. Въ 1812 г. Наполеонъ довелъ число драгунскихъ полковъ до 30.

Уланы появились впервые въ тогдашней французской арміи въ 1807 г., когда Наполеонъ сформировалъ въ Варшавѣ изъ поляковъ полкъ силой въ 1.000 коней, подъ названіемъ легкоконнаго уланскаго (chevaux legers lanciers) и зачислилъ его въ гвардію. Уланы имѣли пику съ флюгеромъ, гусарскую саблю и 2 пистолета. Въ 1810 г. былъ сформированъ второй полкъ, называвшійся по цвѣту одежды краснымъ; а въ іюлѣ 1812 г.—третій, силой въ 5 эскадроновъ. Всѣ эти три полка были гвардейскіе. По декрету 25 ноября 1811 г. къ каждой кирасирской дивизіи долженъ былъ быть приданъ легкоконный уланскій полкъ. Первый такого рода полкъ былъ вооруженъ карабинами, второй—мушкетонами; оба имѣли штыки. Въ 1811 г. девять драгунскихъ полковъ были переформированы въ уланскіе, такъ какъ Наполеонъ увидѣлъ необходимость имѣть такіе полки для борьбы съ русскими и австрійскими уланами и казаками; и дѣйствительно, уланы оказали большіе услуги.

Гвардейскій конно-артиллеристъ.



Кирасиръ. Драгунъ. Конный егерь. Жандармъ. Мамелюкъ. Гусаръ. Вожатый (guide).

Французская конница при Наполеонѣ I.

Кирасиръ. Драгунъ. Конный егерь. Жандармъ. Мамелюкъ. Гусаръ. Вожатый (guide).

Французская конница при Наполеонѣ I.

Конноегерскихъ полковъ (chasseurs a cheval) въ 1799 г. было 25, въ 1804 — 24, въ 1812 и 1813 — 31; они были вооружены саблями, пистолетами и мушкетонами.

Гусарскихъ полковъ, при восшествіи Наполеона на престолъ, было 10; въ 1812 и 1813 гг. число ихъ было увеличено до 13.

Наполеонъ основалъ значительное число кавалерійскихъ школъ, гдѣ основательно подготовлялись офицеры и инструкторы для конницы.

Познакомившись съ составомъ и силой конницы Наполеона, перейдемъ теперь къ способу употребленія ея этимъ великимъ полководцемъ и къ тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ ею достигалъ.

Какъ мы уже говорили, Наполеонъ отлично понималъ роль конницы, какъ при подготовительныхъ къ бою операціяхъ, при завязкѣ боя, для прикрытія движенія пѣхоты и артиллеріи во время сосредоточенія и развертыванія, такъ и во время самого боя для поддержанія другихъ родовъ оружія при атакѣ и для удержанія натиска непріятеля. Также хорошо умѣлъ онъ бросать ее въ рѣшительную минуту на потрясеннаго врага, чтобы этимъ ударомъ закрѣпить за собою успѣхъ.

Особенно хорошо достигалъ Наполеонъ сочетанія и взаимодѣйствія всѣхъ трехъ родовъ оружія. Первая его линія была обыкновенно построена развернутымъ строемъ, вторая — въ баталіонныхъ колоннахъ; тяжелая конница — въ резервѣ, легкая конница и артиллерія — передъ фронтомъ и на флангахъ. Если непріятельской конницѣ удавалось прорвать первую линію, то, конечно, она могла еще проскакать въ интервалы второй линіи, но затѣмъ, на утомленныхъ и запыхавшихся лошадяхъ, она встрѣчала совершенно свѣжую резервную конницу, которая ее опрокидывала и заставляла въ полномъ безпорядкѣ вторично проходить подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ пѣхоты. Во время войнъ Имперіи принципъ взаимной поддержки родовъ оружія проникъ въ общее сознаніе, и Наполеону тѣмъ легче было поддерживать пѣхоту и кавалерію артиллеріей и связывать дѣйствія пѣхоты и конницы между собою.

Но держась принципа взаимодѣйствія всѣхъ 3-хъ родовъ оружія, Наполеонъ никогда не доходилъ до того, чтобы перемѣшивать ихъ между собою въ мелкихъ частяхъ, какъ это мы неоднократно встрѣчали прежде. Напротивъ того, дѣйствія массами были основнымъ принципомъ его тактики. Такъ, онъ нерѣдко соединялъ значительное число орудій въ одну батарею, чтобы дѣйствовать сосредоточеннымъ огнемъ по какому-либо важному пункту; напримѣръ, такая батарея была сформирована при Ваграмѣ, и она своимъ огнемъ разнесла центръ австрійцевъ, проложивъ дорогу Макдональду. Также и въ конницѣ только часть была придана пѣхотнымъ корпусамъ, остальная же соединена въ большія массы для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ на полѣ сраженія, какъ напримѣръ при Эйлау.

Въ дни сраженій Наполеонъ держалъ конницу близко къ боевой линіи, чтобы имѣть ее подъ рукой въ рѣшительную минуту; черезъ это она несла иногда значительныя потери отъ огня непріятельской артиллеріи, если условія мѣстности не давали возможности отъ него укрыться.

Нѣсколько наиболѣе поучительныхъ примѣровъ лучше всего покажутъ употребленіе конницы и ея образъ дѣйствія.

Въ битвѣ при Кастильоне австрійцы, слишкомъ удлинивъ позицію, сильно ослабили свой центръ, что не ускользнуло отъ орлинаго взгляда Наполеона. Онъ сосредоточилъ сильную пѣхотную колонну, поддержанную конницей, и направилъ ее для прорыва центра. Атака была удачна, и австрійская армія оказалась разрѣзанной на двѣ части, изъ которыхъ одна ушла за Минчіо, а другая, отступавшая на присоединеніе къ Кваздановичу, была преслѣдуема Жюно драгунами. Остановленная при Сало съ фронта занимавшимъ этотъ городъ французскимъ отрядомъ и настигнутая съ тыла конницей, она была вся разсѣяна съ потерей 3.000 чел. плѣнными и 20 орудій.

Съ этого времени Наполеонъ постоянно посылалъ свою конницу для энергичнаго и безостановочнаго преслѣдованія разбитаго непріятеля.

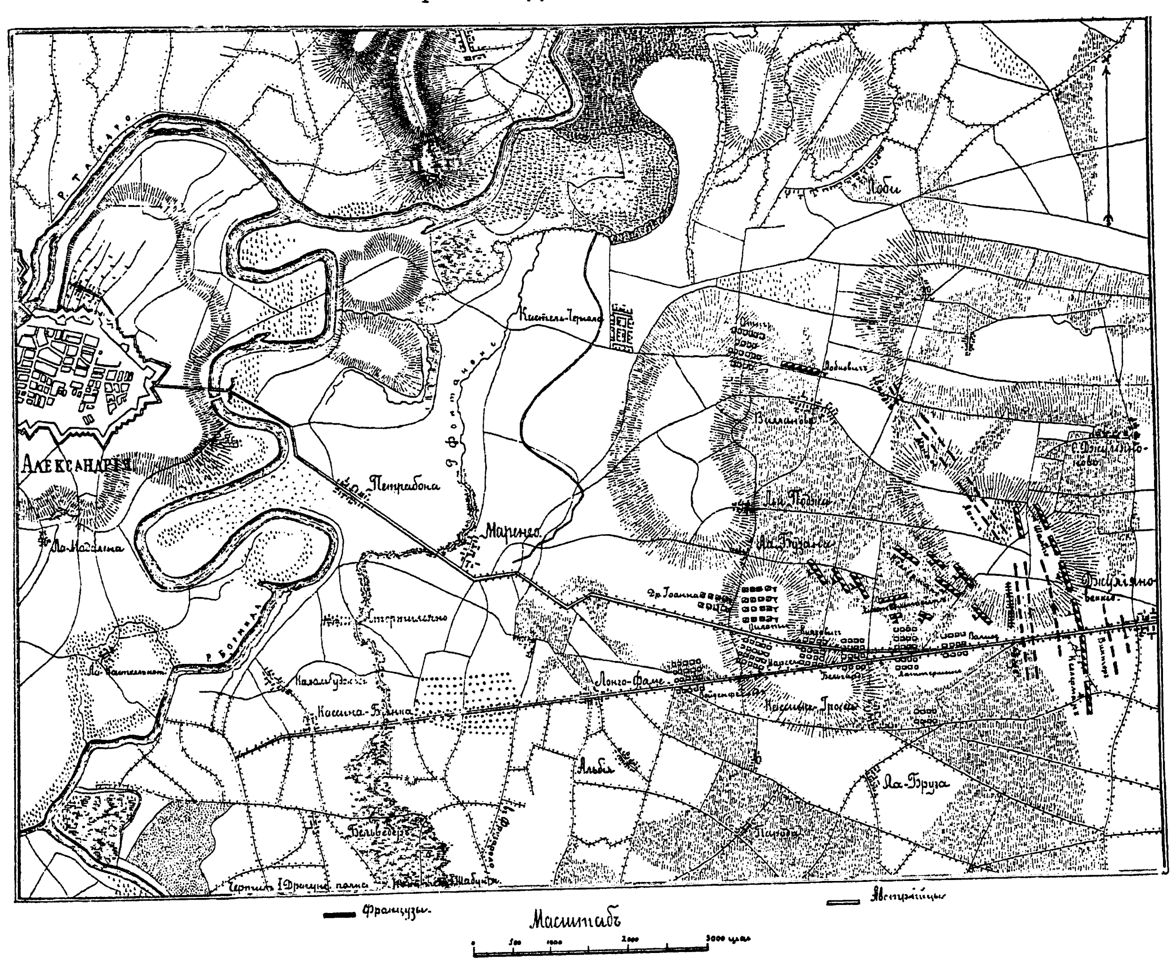
О походѣ въ Египетъ мы уже говорили, а потому перейдемъ прямо къ сраженію при Маренго, которое въ какіе нибудь 10 минутъ времени одной атакой французской конницы было обращено изъ полнаго пораженія въ блестящую побѣду, рѣшившую всю кампанію.

Наполеонъ, послѣ знаменитаго перехода черезъ Альпы, вышелъ на сообщенія австрійской арміи, которая вслѣдствіе этого вынуждена была принять фронтомъ къ своему же тылу бой, отъ котораго зависѣло ея спасеніе или гибель. Главнокомандующій ея Меласъ оставался еще нѣсколько дней послѣ боя при Монтебелло въ сильно укрѣпленной Александріи и этой непонятной беззаботностью ввелъ въ заблужденіе Наполеона, который началъ опасаться, какъ бы тотъ не ускользнулъ отъ него, обойдя тотъ или другой его флангъ. Для предупрежденія этого Наполеонъ нѣсколько разбросалъ французскія дивизіи, какъ вдругъ рано утромъ 14 іюня 1800 г. Меласъ, выступивъ изъ Александріи, атаковалъ выдвинутую дальше всѣхъ впередъ часть французской арміи подъ командой Виктора и Гарданна. Превосходство австрійцевъ въ силахъ дало имъ возможность оттѣснить правое крыло французовъ за широкую, открытую равнину, тянущуюся между Маренго и С. Жульяно. При этомъ австрійцамъ представился случай воспользоваться своей многочисленной конницей, когда французы, обезсиленные продолжительными четырехчасовыми усиліями удержаться на мѣстѣ, оказались вынужденными къ поспѣшному отступленію. Австрійцы слѣдовали за ними по пятамъ, нанося имъ страшныя потери изъ 50 орудій. Сначала отступленіе было произведено въ нѣсколькихъ каре, которыя отходили уступами въ полномъ порядкѣ, но скоро французы оказались охваченными со

всѣхъ сторонъ австрійскими всадниками, которыхъ съ большимъ трудомъ нѣсколько сдерживала французская конница Келлермана и Шампо. Между тѣмъ венгерская пѣхота не переставала подвигаться впередъ, а артиллерія, слѣдуя между баталіонами, обстрѣливала каре сильнымъ картечнымъ огнемъ. Понемногу равнина покрывалась все больше и больше бѣглецами;

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ МАРЕНГО

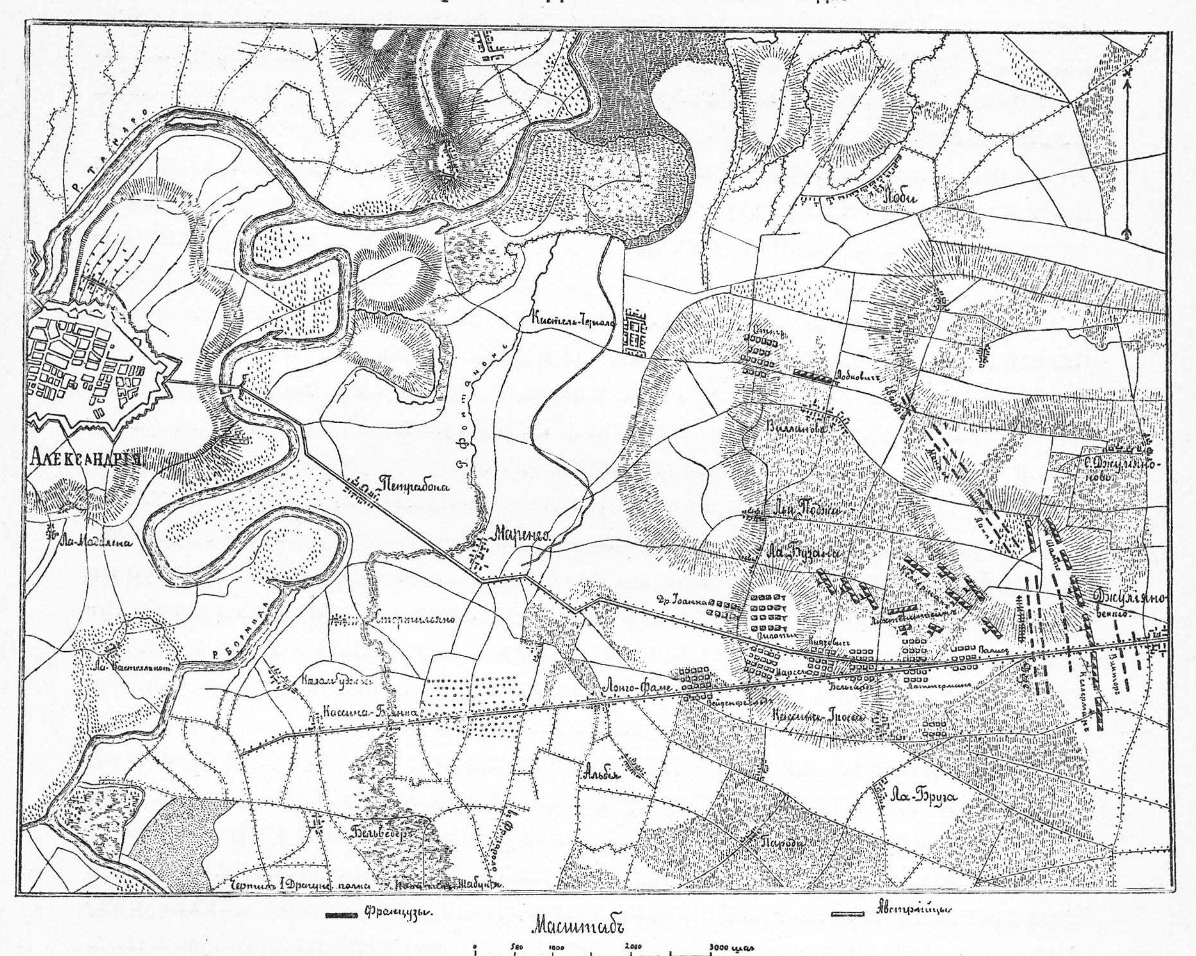
послѣ прибытія Десе 14 іюня 1800 года.



день казался безвозвратно потеряннымъ. Прибытіе Наполеона со свѣжими частями нѣсколько подняло духъ людей и дало имъ возможность на нѣкоторое время пріостановиться. Но и это поправило дѣло не надолго. Меласъ, увѣренный въ побѣдѣ, уже уѣхалъ въ заднія линіи, оставивъ начальника штаба въ головѣ колоннъ, какъ подошелъ Десе съ французскими резервами и немедленно вступилъ въ дѣло. Въ эту именно критическую минуту и была произведена кавалерійская атака, рѣшившая участь дѣла. Австрійцы на-

ПЛАНЪ ОРАЖЕНІЯ ПРИ МАРЕНГО

послѣ прибытія Десе 14 іюня 1800 года.



ступали сильными колоннами, и видъ этихъ 6.000 побѣдоносно приближавшихся венгерскихъ пѣхотинцевъ вселилъ нѣкоторое колебаніе въ рядахъ войскъ Десе. Между тѣмъ Келлерманъ спряталъ 800 кирасиръ за горой, покрытой виноградниками, совершенно защищавшей ихъ отъ взглядовъ противника. Наблюдая отсюда за ходомъ боя, онъ замѣтилъ колебаніе пѣхоты Десе и, понявъ всю опасность положенія, выскочилъ изъ засады, атаковалъ австрійскую колонну во флангъ, опрокинулъ ее, взялъ 2.000 чел., въ томъ числѣ и начальника штаба генерала Цаха, въ плѣнъ и погналъ остальныхъ на шедшія сзади подкрѣпленія. Въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ Келлерманъ говоритъ: „Я увидѣлъ это. Я — между ними. Они сдаются. Все дѣло потребовало менѣе времени, чѣмъ сколько нужно для написанія этихъ нѣсколькихъ строкъ“.

Этотъ блестящій подвигъ далъ французамъ побѣду. Австрійцы отошли въ Александрію. На слѣдующій день было заключено перемиріе, по которому Піемонтъ и Миланъ достались французамъ, а австрійцамъ было разрѣшено уйти за Минчіо. Такимъ образомъ одно сраженіе дало Наполеону 12 крѣпостей съ 1.500 пушекъ, и все это было результатомъ стойкости пѣхоты Десе и блестящей атаки конницы Келлермана.

Кампанія 1805 г. началась дѣломъ при Вертингенѣ, 8 октября, между 8.000 французской конницы Мюрата и 12 бат. австрійскихъ гренадеръ съ 4 эскадронами кирасиръ генерала Ауфемберга.

Австрійцы, считавшіе себя въ полной безопасности, были неожиданно окружены на маршѣ значительнымъ числомъ французскихъ всадниковъ. Ауфембергъ немедленно построилъ свою дивизію въ одно большое каре съ кирасирами по угламъ и ожидалъ нападенія. Французскіе драгуны быстрымъ натискомъ смели слабую австрійскую конницу, но, несмотря на всѣ усилія, не могли прорвать каре. Попытки тяжелой конницы Нансути его прорвать оказались также неудачными. Дѣло очень долго колебалось, пока не подошелъ наконецъ Удино со своими гренадерами и артиллеріей, которая огнемъ проложила дорогу конницѣ; каре было прорвано, при чемъ взято 3.000 плѣнныхъ и вся австрійская артиллерія.

Этотъ бой придалъ французской конницѣ большую самоувѣренность на всю кампанію и тѣмъ далъ ей возможность достигнуть еще большихъ успѣховъ. Въ первый періодъ компаніи конница неоднократно употреблялась для преслѣдованія разбитаго врага. Цѣлымъ рядомъ въ высшей степени искусныхъ маневровъ Наполеону удалось стать на сообщенія австрійской арміи и запереть ее въ Ульмѣ. Понявъ безвыходность своего положенія, главнокомандующій Макъ рѣшилъ послать эрцгерцога Фердинанда со всей конницей и легкой пѣхотой, чтобы попытаться прорваться и уйти въ Богемію. Колонны эти вышли 15 октября по двумъ дорогамъ, какъ разъ во время самого разгара Эльхингенскаго боя; одной колонной командовалъ самъ эрцгерцогъ, другой—генералъ Вернекъ. Мюратъ, при первомъ

извѣстіи о выступленіи австрійцевъ, получилъ приказаніе преслѣдовать ихъ; къ вечеру слѣдующаго дня онъ настигъ ихъ арьергардъ при Неренштеттенѣ и взялъ 2.000 плѣнныхъ. На другой день при Нересгеймѣ онъ взялъ еще больше плѣнныхъ; наконецъ, на слѣдующій день онъ въ третій разъ насѣлъ на утомленныхъ австрійцевъ и, окруживъ ихъ принудилъ генерала Вернека сдаться ему съ 8.000 человѣкъ. Затѣмъ неутомимый Мюратъ продолжалъ преслѣдованіе по дорогѣ на Гундгаузенъ и Нюрнбергъ, гдѣ шла конница эрцгерцога. Въ слѣдующую же ночь былъ захваченъ большой артиллерійскій и продовольственный паркъ, вся артиллерія и казна. Все 19-е число продолжалось преслѣдованіе, и 20-го Мюратъ вынудилъ австрійцевъ къ принятію боя. Послѣ нѣсколькихъ атакъ послѣдніе были разсѣяны, и большое число ихъ взято въ плѣнъ. Эрцгерцогу Фердинанду только съ большимъ трудомъ удалось уйти съ 3.000 всадниковъ — единственные остатки выступившаго за нѣсколько дней до того изъ Ульма сильнаго отряда!

При этомъ преслѣдованіи, продолжавшемся 4 дня, Мюратъ дѣлалъ ежедневно 50—60 верстъ и захватилъ въ плѣнъ 17 генераловъ, 200 офицеровъ, 12.000 нижнихъ чиновъ, 11 знаменъ, 120 орудій и 500 повозокъ. Кавалерія дѣйствительно много способствовала успѣху этой кампаніи. Ея преслѣдованіе можетъ быть поставлено рядомъ съ погоней Карла XII за саксонцами, когда онъ преслѣдовалъ послѣднихъ въ теченіе 9 дней, не разсѣдлывая коней.

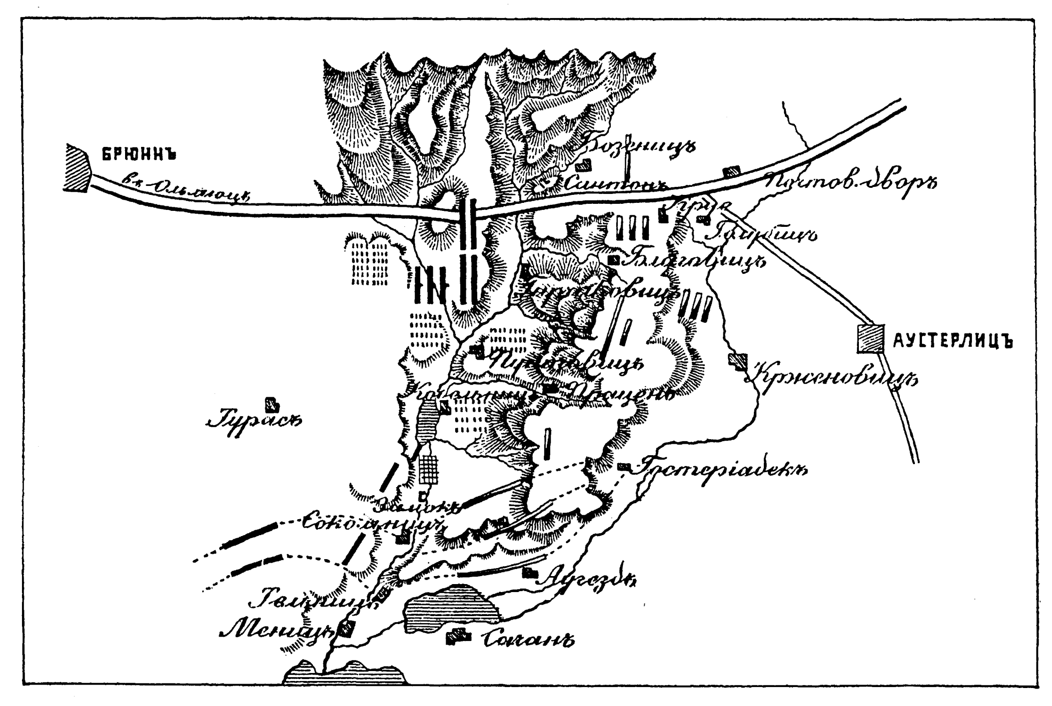
Это былъ первый примѣръ подобнаго рода употребленія конницы при Наполеонѣ, но позже мы встрѣчаемъ такихъ примѣровъ еще нѣсколько. Уже при послѣдовавшемъ послѣ капитуляціи Ульма движеніи на Вѣну, конница Мюрата опять идетъ впереди, постоянно насѣдая на отступающаго противника.

При Аустерлицѣ Наполеонъ пустилъ свою конницу въ дѣло на той части поля сраженія, которая по свойствамъ мѣстности представляла наиболѣе къ тому благопріятныя условія. Между конницами обѣихъ сторонъ произошелъ цѣлый рядъ схватокъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ одной изъ нихъ австрійскіе кирасиры опрокинули конницу Келлермана и промчались вслѣдъ за ней черезъ первую и даже вторую французскія линіи; но затѣмъ были встрѣчены резервной конницей Мюрата, въ свою очередь опрокинуты и прогнаны назадъ, при чемъ имъ пришлось отходить подъ сильнѣйшимъ огнемъ французской пѣхоты, положившимъ болѣе половины ихъ.

Такъ какъ немедленно по окончаніи сраженія было заключено перемиріе, то случая для преслѣдованія здѣсь не представилось.

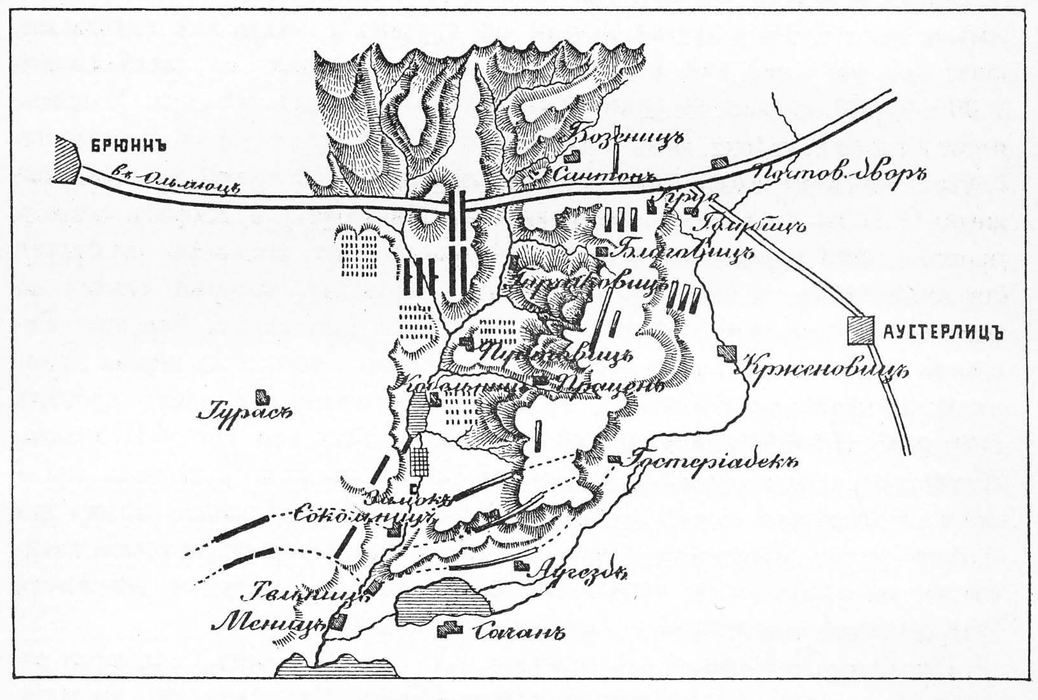
Въ слѣдующей кампаніи, 1806 г., мы встрѣчаемъ дальнѣйшіе примѣры употребленія конницы какъ въ сраженіи, такъ и послѣ него при преслѣдованіи.

Наполеонъ, со свойственнымъ ему искусствомъ, поставилъ свою армію въ такое выгодное стратегическое положеніе, что она охватила пруссаковъ съ фланга и съ тыла ранѣе, чѣмъ они успѣли собраться и приготовиться къ отпору. Рѣшительное сраженіе произошло при Іенѣ 14 октября 1806 г. Дѣло было начато Неемъ: его кирасиры захватили лихой атакой батарею въ 13 орудій, стоявшую на небольшомъ возвышеніи. Въ свою очередь прусская конница храбро атаковала пѣхоту Нея; но послѣдняя, построивши каре, отбила всѣ атаки, пока наконецъ присланная Наполеономъ конница не освободила ее окончательно. Послѣ того бой разгорѣлся по всей линіи; превосходство французовъ въ силахъ дало имъ возможность оттѣснить



Сраженіе при Аустерлицѣ 2 декабря 1805 г.

пруссаковъ, захватить занятыя этими послѣдними деревни и принудить ихъ къ отступленію, которое пруссаки и начали въ полномъ порядкѣ. Настала минута для дѣйствія конницы. Наполеонъ послалъ Мюрата съ 12.000 всадниковъ атаковать отступающаго врага. Успѣхъ былъ полный. Ничто не могло остановить ихъ удара. Напрасно уже утомленная прусская конница бросилась на выручку своей пѣхоты и артиллеріи: она была опрокинута и сметена съ поля сраженія, всѣ орудія захвачены и пѣхота изрублена. Главнокомандующій прусской арміи, князь Гогенлоэ, въ своемъ приказаніи подошедшему съ резервами генералу Рюхелю, даетъ намъ понятіе о впечатлѣніи, произведенномъ на него этой атакой Мюрата; приказавъ Рюхелю открыть въ своихъ линіяхъ отверстія для прохода отсту-



Сраженіе при Аустерлицѣ 2 декабря 1805 г.

пающихъ, онъ продолжаетъ: „будьте готовы встрѣтить атаку непріятельской конницы, которая налетаетъ самымъ бѣшенымъ образомъ, опрокидываетъ и рубитъ бѣгущихъ и уже смѣшала окончательно пѣхоту, конницу и артиллерію“.

Побѣда французовъ была тѣмъ болѣе полной, что въ тотъ же день Даву нанесъ при Ауерштедтѣ не менѣе тяжкое пораженіе другой части прусской арміи. Бѣглецы обѣихъ армій направлялись на Веймаръ, и Наполеонъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для ихъ преслѣдованія. Энергія, съ которой было ведено это преслѣдованіе, способствовала довершенію полнаго успѣха; французская кавалерія при этомъ дѣйствовала образцово.

Мюратъ занялъ Веймаръ по пятамъ бѣглецовъ; часть его всадниковъ вышла изъ города, а другая обошла его кругомъ и заняла всѣ выходы изъ него, при чемъ всѣ еще не успѣвшіе выйти пруссаки, въ числѣ 15.000 и 200 орудій попали въ руки французовъ. На слѣдующій день Мюратъ, имѣя за собой пѣхоту Нея, подошелъ къ Эрфурту, который немедленно сдался; это дало французамъ 14.000 плѣнныхъ, 120 орудій и большіе запасы. Остатки пруссаковъ потянулись къ Магдебургу и Мюратъ пошелъ за ними, гоня передъ собою всѣхъ бѣглецовъ, зная, что скоро они будутъ его плѣнниками. Оттуда онъ двинулся къ Шпандау, который сдался по первому его требованію въ тотъ же день, какъ Даву занялъ Берлинъ. Гогенлоэ, отрѣзанный такимъ образомъ отъ столицы, повернулъ черезъ Грансее и Цеденикъ на Штеттинъ, но и сюда неутомимый Мюратъ поспѣлъ даже раньше авангардной прусской конницы, такъ что уже у Цеденика, 26 октября, гусары Ласалля и драгуны Груши внезапно атаковали пруссаковъ и отбросили ихъ съ потерей въ 1.000 чел. Въ слѣдующіе затѣмъ дни произошло еще нѣсколько боевъ, въ одномъ изъ которыхъ прусскіе гвардейскіе жандармы были окружены на совершенно открытой мѣстности французскими всадниками и вынуждены къ сдачѣ.

Гогенлоэ, отрѣзанный отъ прямаго пути въ Штеттинъ, надѣялся достигнуть этого города кружнымъ путемъ черезъ Пренцлау, но Мюратъ, получивъ извѣстіе о новомъ направленіи, взятомъ пруссаками, тотчасъ разгадалъ намѣренія Гогенлоэ, перевелъ ночью усиленнымъ маршемъ по полямъ свой отрядъ съ одной дороги на другую и утромъ 28 октября опять атаковалъ пруссаковъ, съ фронта и съ фланга. Утомленная и деморализованная прусская конница была сразу опрокинута и отброшена на свои главныя силы; какъ разъ въ это время подошла и пѣхота Ланна, которая шла всю ночь съ примѣрной неутомимостью и теперь появилась противъ праваго фланга пруссаковъ. Послѣ короткаго, но упорнаго боя, пруссаки сдались, при чемъ французы взяли въ плѣнъ 16.000 пѣхоты и 6 полковъ конницы, 45 знаменъ и штандартовъ и 64 орудія. Почти въ тоже время Мильо захватилъ съ отрядомъ легкой конницы при Пасевалькѣ 6.000 чел., въ томъ числѣ 2.000 конницы.

*

На слѣдующій день, 29 октября, Ласалль подошелъ съ бригадой гусаръ къ Штеттину и потребовалъ сдачи; послѣ вторичнаго требованія крѣпость съ 160 орудіями и гарнизономъ въ 6.000 чел. сдалась на капитуляцію, безъ единаго выстрѣла.

Тотчасъ же послѣ этого Мюратъ повернулъ на западъ и пошелъ за войсками, отошедшими подъ командой Блюхера къ Любеку. 30 октября у Анклама былъ взятъ въ плѣнъ генералъ Била съ 4.000 чел.; 1 ноября арьергардъ Блюхера потерпѣлъ пораженіе у Носсентина съ потерей 500 чел.; 4-го онъ былъ разбитъ вторично у Висмара. 6 ноября Любекъ былъ взятъ штурмомъ, прусская пѣхота перебита или захвачена въ плѣнъ а 7-го послѣ боя при Швартау Блюхеръ былъ вынужденъ сдаться у Раткау на капитуляцію; французы захватили 4.000 пѣхоты, 3.700 конницы и 40 орудій.

Вся кампанія длилась около мѣсяца. Два кавалерійскихъ дѣла, у Шлейца 9 октября и у Заалфельда 10, послужили прологомъ къ двойной битвѣ у Іены и Ауерштедта 14 октября. Одержанная здѣсь побѣда была столь рѣшительна, а преслѣдованіе столь живо и энергично, что непосредственнымъ слѣдствіемъ ихъ было уничтоженіе военнаго могущества Пруссіи.

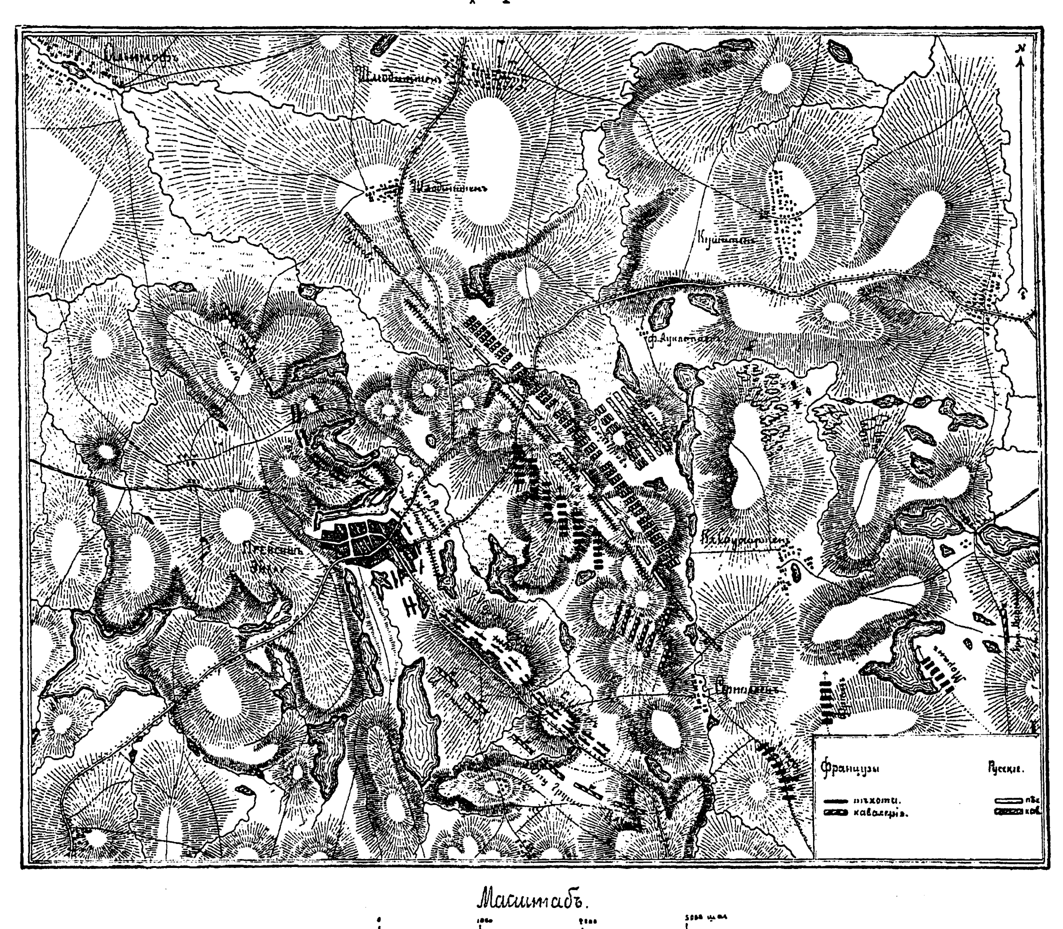
Слѣдующая кампанія Наполеона, бывшая слѣдствіемъ только что описанной, была ведена въ Польшѣ и восточной Пруссіи, куда онъ сейчасъ же выступилъ противъ сильной русской арміи, шедшей на помощь пруссакамъ. Военныя дѣйствія начались занятіемъ Варшавы французами 30 ноября; затѣмъ послѣдовали битвы при Пултускѣ и Голыминѣ 26 декабря, въ первой изъ которыхъ Беннигсенъ очень искусно образовалъ завѣсу изъ своихъ казаковъ и за нею скрытно выполнилъ всѣ подготовительныя операціи.

Сраженіе при Эйлау, 8 февраля 1807 года, было однимъ изъ наиболѣе кровопролитныхъ и упорныхъ; обѣ стороны приписываютъ себѣ побѣду. Конница оказала огромныя услуги и той, и другой сторонѣ. Сраженіе началось атакой корпусовъ Ожеро и Сульта, поддержанныхъ 150 орудіями, на правый флангъ русскихъ. Какъ только Ожеро подошелъ на 100 шаговъ, русскіе открыли по немъ страшный огонь изъ 200 орудій, причинившій ему тяжкія потери. Какъ разъ въ это время началась сильнѣйшая снѣжная вьюга, которой русскіе поспѣшили воспользоваться и атаковали одинъ флангъ французскихъ дивизій пѣхотой Тучкова, а другой — сильнымъ коннымъ отрядомъ. Вьюга не дозволяла ничего видѣть, и казаки налетѣли на непріятельскія колонны раньше, чѣмъ тѣ успѣли ихъ замѣтить, а не только приготовиться для встрѣчи. Корпусъ Ожеро, атакованный одновременно съ обоихъ фланговъ конницей и пѣхотой, былъ прорванъ и почти совершенно уничтоженъ; изъ 16.000 чел. спаслось не болѣе 1.500. Пораженію корпуса способствовало еще и то обстоятельство, что, благодаря сырой погодѣ, ружья отказывались дѣйствовать. Эта неудача

отразилась на всемъ боевомъ порядкѣ Наполеона: русскій правый флангъ и центръ подвинулся сильно впередъ, легкія войска заняли Эйлау, а одна колонна подошла совсѣмъ близко къ холму, на которомъ находился Наполеонъ, и чуть не захватила его въ плѣнъ.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ

8-го февраля 1807 г.



Наполеонъ принялъ немедленно же съ полнымъ спокойствіемъ всѣ мѣры, чтобы остановить наступленіе русскихъ: старой гвардіи онъ приказалъ атаковать одно ихъ крыло, конницѣ Мюрата — другое. Русскіе, увлеченные успѣхомъ, наступали въ безпорядкѣ и не успѣли опомниться, какъ французы уже на нихъ насѣли. Началась ожесточенная рѣзня. Русская колонна почти цѣликомъ легла на мѣстѣ. Это нѣсколько возстановило для французовъ ходъ боя въ центрѣ, но потребовалось еще самое энергичное вмѣшательство Наполеона на правомъ флангѣ для той же цѣли.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ

8-го февраля 1807 г.

Атака была произведена корпусомъ Даву, поддержаннымъ всей конницей; въ первомъ было 25.000 чел. и 200 орудій, во второй — 14.000 коней.

Поднявшаяся опять вьюга на этотъ разъ помогла французамъ: Мюратъ со своими 70 эскадронами подошелъ почти вплотную къ русскимъ линіямъ прежде, чѣмъ его приближеніе было замѣчено. Ударъ былъ неотразимъ. Первая линія русскихъ была прорвана, кавалерія отогнана, и начался упорный бой. Русскіе баталіоны, не думая ни объ отступленіи, ни о сдачѣ, продолжали обороняться маленькими кучками съ геройской стойкостью. Часть французскихъ всадниковъ доскакала до русскихъ резервовъ, но была здѣсь встрѣчена донскими казаками Платова и почти совершенно уничтожена; длинныя пики казаковъ, ихъ ловкость, свѣжесть ихъ лошадей давали имъ полное преимущество въ одиночномъ бою передъ тяжелыми неповоротливыми кирасирами на утомленныхъ, запыхавшихся лошадяхъ.

Затѣмъ Беннигсенъ выслалъ къ деревнѣ Серпалленъ свою конницу для атаки во флангъ пѣхоты Морана, которая и была, дѣйствительно, вынуждена отойти шаговъ на 400. Сраженіе кончилось около 10 часовъ вечера и осталось нерѣшеннымъ. Скорѣе всего можно сказать, что обѣ стороны были побѣждены, такъ какъ Беннингсенъ отступилъ, а Наполеонъ замѣтилъ это только на столько во время, чтобы не сдѣлать того же самому; но черезъ нѣсколько дней онъ все таки вынужденъ былъ отойти назадъ.

Сраженіе при Эйлау приводится многими писателями, какъ примѣръ вѣроятности такого случая, когда пѣхота, не имѣя возможности, вслѣдствіе дождя или снѣга, дѣйствовать изъ своихъ ружей, окажется совершенно беззащитной передъ конницей. Въ настоящее время однако, съ введеніемъ заряжающихся съ казны винтовокъ подобные случаи уже невозможны. Особенностью этого сраженія представляется образъ дѣйствій русской пѣхоты, которая, по словамъ Тьера, не имѣя возможности остановить атаку французскихъ всадниковъ, бросилась на землю, пропустила ихъ черезъ себя, затѣмъ поднялась и открыла огонь имъ въ тылъ.

Послѣ битвы при Эйлау русская конница оказала важныя услуги. Мюратъ попробовалъ съ 12 кирасирскими полками преслѣдовать Беннигсена по дорогѣ на Кенигсбергъ, но послѣ горячаго боя былъ отброшенъ съ потерей 400 убитыхъ и 300 плѣнныхъ.

Въ этомъ походѣ Наполеону впервые пришлось встрѣтиться съ трудностями вести войну противъ войска, имѣющаго такую дѣятельную конницу, какъ казаки.

Это превосходство русской иррегулярной конницы сдѣлалось еще болѣе замѣтнымъ въ походахъ 1812, 1813 и 1814 гг. и повлекло за собой много неудачъ и потерь для французовъ.

Послѣ описаннаго выше пораженія кирасиръ Мюрата казаки стали еще смѣлѣе и предпріимчивѣе; они постоянно насѣдали на французовъ,

не прекращая своей дѣятельности даже ночью; они отрѣзывали фуражировъ, перехватывали ординарцевъ, тревожили биваки. Дошло наконецъ до того, что французы были лишены всякой возможности дѣлать какія-либо реквизиціи, и продовольствіе ихъ арміи встрѣчало большія затрудненія. Черезъ 10 дней Наполеону пришлось отвести зимнія квартиры болѣе назадъ; за это время онъ потерялъ больше 1.500 плѣнныхъ кавалеристовъ, захваченныхъ неутомимыми казаками.

Достойно замѣчанія, что этотъ походъ былъ первымъ, въ которомъ успѣхи Наполеона не могли быть доведены до конца. Это должно быть приписано въ значительной степени русской конницѣ, и мы скоро увидимъ, какъ дѣятельность ея иррегулярныхъ всадниковъ стала однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ въ дѣлѣ разрушенія гигантскаго военнаго могущества Наполеона.

Въ сраженіи при Экмюлѣ, 22 апрѣля 1809 г., произошло нѣсколько кавалерійскихъ схватокъ, при чемъ баварскіе кирасиры захватили 16-ти орудійную австрійскую батарею. При отступленіи австрійцевъ къ Регенсбургу они развернули впереди Эглофгейма своихъ кирасиръ и гусаръ, чтобы прикрыть пѣхоту и артиллерію. Французскія колонны были вынуждены пріостановиться до прибытія ихъ конницы. Австрійцы атаковали первые; кирасиры Нансути и С. Сюльписа встрѣтили ихъ залпомъ изъ карабиновъ (неумѣстное употребленіе огнестрѣльнаго оружія), затѣмъ двинулись галопомъ и опрокинули ихъ. Австрійскіе резервы вмѣшались въ дѣло, и началась общая рукопашная свалка, которая продолжалась еще и при лунномъ освѣщеніи. Австрійскіе кирасиры, имѣвшіе только грудныя кирасы, находились поэтому въ невыгодномъ положеніи относительно французскихъ кирасиръ, имѣвшихъ кирасы двойныя и послѣ упорнаго сопротивленія вынуждены были отступить, чѣмъ еще разъ подтвердилось превосходство кавалеріи Наполеона.

При Ваграмѣ конницами обѣихъ сторонъ было произведено много атакъ. Такъ, австрійскіе кирасиры очень удачно ударили во флангъ пѣхоты Массены какъ разъ въ ту минуту, какъ она завладѣла деревней Адерклау и находилась въ нѣкоторомъ безпорядкѣ; атака эта разстроила почти весь корпусъ Массены и дѣло было поправлено только личнымъ вмѣшательствомъ Наполеона съ поддержкой значительныхъ подкрѣпленій. Кирасиры С. Сюльписа произвели повторныя атаки на одну изъ австрійскихъ колоннъ, наиболѣе угрожавшую французамъ, и тѣмъ дали время своей пѣхотѣ оправиться.

Много кавалерійскихъ схватокъ произошло также на правомъ французскомъ крылѣ, съ которымъ Даву обошелъ лѣвое австрійское, но эти стычки не представляютъ особеннаго интереса. Въ нихъ только проявилась вполнѣ вся важность резерва въ кавалерійскомъ бою. Вначалѣ Груши опрокинулъ конницу Розенберга и погналъ ее передъ собой; затѣмъ подошли кира-

сиры Гогенлоэ и въ свою очередь опрокинули Груши; но къ послѣднему подоспѣлъ на помощь Монбренъ, и дѣло рѣшилось въ пользу австрійцевъ.

На лѣвомъ крылѣ французская конница понесла такія тяжкія потери отъ непріятельскаго артиллерійскаго огня, что, обезсиливъ отъ этихъ потерь и утомившись отъ продолжительнаго боя, она не могла уже энергично преслѣдовать отступавшихъ австрійцевъ; въ результатѣ было захвачено очень мало плѣнныхъ и ни одного орудія. Наполеонъ былъ этимъ очень недоволенъ и сдѣлалъ строгій выговоръ своимъ кавалерійскимъ генераламъ. „Видано-ли когда нибудь что-либо подобное", — сказалъ онъ имъ, „ни плѣнныхъ, ни орудій. Этотъ день останется безъ всякихъ послѣдствій".

Въ сраженіи при Дрезденѣ въ 1813 г. Мюратъ, подъ прикрытіемъ тумана, обошелъ лѣвый флангъ союзниковъ и построилъ свою конницу перпендикулярно къ непріятельскимъ линіямъ и близко отъ нихъ, не будучи однако замѣченнымъ. Пока союзники вели ожесточенную борьбу съ французской пѣхотой съ фронта, эти 12.000 всадниковъ неожиданно атаковали ихъ съ фланга и тыла; линія союзниковъ была прорвана и большая часть лѣваго крыла перебита или взята въ плѣнъ. Атака Мюрата рѣшила сраженіе въ пользу Наполеона.

Также и въ послѣднихъ кампаніяхъ Наполеона мы встрѣчаемъ много примѣровъ удачнаго употребленія конницы, напримѣръ при Лейпцигѣ, Феръ-Шампенуазѣ, Ватерлоо; но такъ какъ къ тому времени конница прочихъ государствъ уже многому научилась отъ Наполеона, и мы о ней будемъ говорить позже, то здѣсь не будемъ входить въ дальнѣйшее описаніе этихъ сраженій.

Приведенныхъ примѣровъ впрочемъ достаточно чтобы дать читателю ясное представленіе объ образѣ дѣйствій конницы Наполеона и о достигнутыхъ ею успѣхахъ. Наполеонъ очень высоко цѣнилъ легкую конницу, благодаря которой получалъ свѣдѣнія о движеніяхъ и намѣреніяхъ противника. Его письма и мемуары даютъ ясное понятіе о той заботливости, съ которой онъ относился къ этому дѣлу. Способностью разгадывать намѣренія противника самъ онъ обладалъ въ высшей степени и очень цѣнилъ эту способность у своихъ кавалерійскихъ офицеровъ. Его слова о генералѣ Штенгелѣ, убитомъ въ первую итальянскую кампанію, показываютъ то высокое мнѣніе, которое онъ имѣлъ объ этомъ офицерѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ образецъ его требованій отъ легкокавалерійскаго генерала.

„Генералъ Штенгель, эльзасецъ родомъ, былъ отличнымъ гусарскимъ офицеромъ; онъ служилъ на сѣверѣ подъ начальствомъ Дюмурье; былъ ловокъ, уменъ и бдителенъ. Онъ сочеталъ качества юности съ качествами зрѣлаго возраста и былъ отличнымъ начальникомъ передовыхъ постовъ. За два или три дня до смерти онъ первымъ занялъ Леценьо. Французскій генералъ вошелъ туда нѣсколькими часами позже и нашелъ уже все сдѣланнымъ: дефиле и броды были обрекогносцированы, проводники приго-

товлены, священникъ и почтмейстеръ допрошены, завязаны сношенія съ мѣстными жителями, шпіоны высланы по разнымъ направленіямъ, письма на почтѣ задержаны и тѣ, въ которыхъ заключались какія-либо военныя свѣдѣнія, переведены и разобраны; наконецъ приняты были мѣры для устройства продовольственныхъ магазиновъ".

Взгляды Наполеона на различные способы добыванія свѣдѣній такъ поучительны, что должны быть извѣстны въ полной подробности каждому кавалерійскому офицеру. Ихъ можно, между прочимъ, найти въ одномъ письмѣ къ брату Іосифу, королю испанскому. „Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о противникѣ; это объясняютъ тѣмъ, что таковыхъ нельзя было добыть, какъ будто это было что нибудь чрезвычайное, никогда ни въ одной арміи не имѣвшее мѣсто, какъ будто шпіоны являются сами собой. Вы должны поступать въ Испаніи такъ, какъ поступаютъ въ другихъ мѣстахъ. Высылайте разъѣзды. Прикажите задерживать алькадовъ, настоятелей монастырей, почтмейстеровъ и прежде всего письма. Запирайте этихъ людей, пока они не заговорятъ; спрашивайте ихъ два раза въ день; держите ихъ, какъ заложниковъ. Заставляйте ихъ посылать людей, которыхъ должно обязать во что бы то ни стало доставлять свѣдѣнія. Если принять рѣшительныя, а въ случаѣ необходимости и насильственныя мѣры, то всегда можно добыть извѣстія. Всѣ почты должны быть заняты; письма задержаны. Единственная цѣль добыть свѣдѣнія оправдываетъ посылку отряда въ 4—5 тысячъ чел., который занимаетъ какой-либо большой городъ, беретъ письма съ почты, задерживаетъ наиболѣе состоятельныхъ жителей съ ихъ письмами, бумагами, газетами и т. п. Представляется совершенно несомнѣннымъ, что даже внутри французскихъ линій жители очень хорошо знаютъ, что дѣлается у непріятеля; очевидно, что внѣ этихъ линій они знаютъ это еще лучше; что же вамъ препятствуетъ арестовать людей выдающагося общественнаго положенія? Затѣмъ вы можете отсылать ихъ обратно, при чемъ во время ихъ ареста слѣдуетъ обращаться съ ними вполнѣ хорошо. Можно признать за положительный фактъ, что если война ведется не въ пустынѣ, а въ населенной странѣ, то генералъ, не умѣющій добыть нужныя ему свѣдѣнія, не понимаетъ своего дѣла. Мѣстные жители будутъ оказывать содѣйствіе непріятельскому генералу не по доброй волѣ и даже не изъ за денегъ; самое вѣрное для этого средство — обезпечить ихъ жизнь, имущество, города, монастыри охранительной стражей или какимъ-либо другимъ способомъ".

Наполеонъ также хорошо умѣлъ пользоваться конницей и для сокрытія своихъ движеній, и результатомъ этого былъ почти постоянный успѣхъ его блестящихъ стратегическихъ плановъ. Его способность скрывать свои намѣренія была не меньше способности угадывать непріятельскія.

Экспедиція въ Египетъ была въ сущности нечаяннымъ нападеніемъ; его возвращеніе оттуда врядъ-ли окончилось бы столь удачно, если бы не

глубокая тайна, его окружавшая. Маренгскій походъ былъ столь успѣшенъ благодаря искусству, съ которымъ онъ скрылъ отъ всего свѣта избранный имъ путь. Маршъ его на Ульмъ въ 1805 г. былъ совершенно скрытъ отъ австрійскаго главнокомандующаго конницей Мюрата, пока правый его флангъ не былъ обойденъ, сообщенія отрѣзаны, армія заперта въ крѣпости и остался только одинъ исходъ—капитуляція. Конница Наполеона играла дѣйствительно въ эту кампанію роль завѣсы, черезъ которую Макъ ничего не могъ видѣть и благодаря которой удалась одна изъ наиболѣе блестящихъ стратегическихъ комбинацій.

Мы видѣли, какъ въ 1806 г. Наполеонъ засталъ пруссаковъ врасплохъ, что опять таки должно быть въ значительной степени приписано искусному употребленію конницы для сокрытія своихъ движеній. Въ Испаніи маршалы пользовались драгунами совершенно въ духѣ Наполеона. Здѣсь однако французамъ приходилось дѣйствовать при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ все населеніе было настроено крайне враждебно и народная война была въ полномъ разгарѣ. Тѣмъ не менѣе французскіе драгуны заслужили себѣ здѣсь громкую славу и оказались наиболѣе подходящимъ родомъ войска для борьбы съ гверильясами.

Непиръ разсказываетъ, что въ операціяхъ въ Португаліи, предшествовавшихъ битвѣ при Виміерѣ въ 1808 г. конница Жюно, многочисленная и дѣятельная, совершенно скрывала дѣйствія его отъ англійскаго главнокомандующаго и британскія войска были ею совершенно окружены, такъ что не знали ничего, происходящаго внѣ ихъ линій.

Послѣ сраженія при Валенціи, Сюше послалъ для преслѣдованія испанцевъ драгунъ, за каждымъ изъ которыхъ было посажено по пѣхотинцу. Эти части быстротой своего движенія помѣшали войскамъ противника собраться и разсѣяли ихъ окончательно. Въ испанскихъ войнахъ случалось неоднократно, что драгуны спѣшивались и сражались въ пѣшемъ строю.

Наполеоновскія продолжительныя войны дали нѣсколькихъ хорошихъ кавалерійскихъ генераловъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть поставленъ наравнѣ съ Зейдлицемъ или Цитеномъ. Многіе изъ нихъ обладали бѣшеной дерзостью и смѣлостью, но при этомъ имъ недоставало разумной предусмотрительности,—совершенно необходимаго качества для кавалерійскаго вождя. Также точно ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть сравненъ съ Оливеромъ Кромвелемъ.

Наиболѣе выдающимся кавалерійскимъ генераломъ былъ безспорно Мюратъ. Его смѣлость, энергія, рыцарское обращеніе, мужественная красота дѣлали его идоломъ всадниковъ. Блестящая одежда, красивая посадка, богато изукрашенная лошадь, сразу выдѣляли его и бросались въ глаза. Онъ обязанъ былъ своей славой необыкновенной храбрости и постоянной неутомимости; но ему недоставало ума и разсудительности.

Никто не понималъ этого лучше Наполеона, который выразился о немъ такъ: „это былъ рыцарь въ полѣ, но безъ всякаго мнѣнія и рѣшительности въ совѣтѣ; онъ любилъ, я могу даже сказать, обожалъ меня; онъ былъ моей правой рукой, но безъ меня онъ ничего не значилъ. Въ бою

Іоахимъ Мюратъ.

онъ былъ, можетъ быть, храбрѣйшимъ воиномъ въ свѣтѣ; предоставленный самому себѣ, это былъ глупецъ безъ всякаго разсудка".

Приведемъ случай изъ жизни Мюрата, гдѣ особенно рѣзко выразилась его энергія и неутомимость. При вторженіи въ Россію въ 1812 г. онъ командовалъ конницей авангарда. Съ 24 іюня, день перехода черезъ Нѣманъ, по 14 сентября французская армія все подвигалась впередъ, въ постоянныхъ стычкахъ съ русскимъ арьергардомъ. Мюратъ шелъ посто-

Іоахимъ Мюратъ.

янно въ головѣ авангарда; ежедневно съ утра до вечера шли эскадроны, подъ палящими лучами солнца, въ облакахъ пыли, хотя лошади постоянно падали отъ усталости. Но труды, усталость — все было забыто при видѣ Москвы, которая всѣмъ солдатамъ представлялась конечной цѣлью ихъ усилій, мѣстомъ полнаго отдохновенія и наградой за перенесенныя труды и лишенія.

Послѣ 60 боевъ, послѣ трехмѣсячныхъ маршей подошелъ наконецъ Мюратъ къ Москвѣ, которую русскіе очистили. Онъ вошелъ въ городъ и не нашелъ тамъ никого; не задумываясь ни минуты, онъ двинулся дальше, вышелъ изъ Москвы черезъ другія ворота и продолжалъ преслѣдованіе русскихъ, имѣя передъ собой необъятное пространство восточной Россіи и затѣмъ Азіи. Этотъ образчикъ неутомимой энергіи даетъ болѣе ясное представленіе о характерѣ Мюрата, нежели какой-либо другой фактъ изъ его жизни.

Изъ другихъ кавалерійскихъ генераловъ Наполеона Келлерманъ отличился атакой при Маренго и еще въ другихъ случаяхъ. По мнѣнію маршала Мармона, Келлерманъ, Монбренъ и Ласалль были единственными хорошими кавалерійскими генералами за всѣ 20 лѣтъ Наполеоновскихъ войнъ. Бесьеръ, командиръ гвардейской кавалеріи, былъ также хорошимъ кавалеристомъ; Штенгель, отзывъ Наполеона о которомъ мы приводили уже, былъ убитъ раньше, чѣмъ имѣлъ возможность вполнѣ выказать себя.

Глава VI.

Конница временъ Наполеона. (Продолженіе).

1. Русская конница при Александрѣ I[1]).

Насколько войны Наполеона выработали во Франціи хорошую кавалерію, одинаково пригодную на полѣ сраженія и къ малой войнѣ, настолько онѣ же способствовали примѣненію въ Россіи безчисленныхъ полчищъ иррегулярной конницы.

Высокое честолюбіе, неутомимая энергія и воинственный характеръ Наполеона вовлекли его въ военныя предпріятія во всѣхъ климатахъ, отъ знойныхъ пустынь Египта до снѣжныхъ полей Россіи. Врядъ-ли какой либо другой генералъ могъ обладать такой широкой и многосторонней опытностью, какъ онъ. Онъ воевалъ и противъ отлично обученныхъ и дисциплинированныхъ солдатъ Пруссіи и Австріи, и противъ безпорядочнаго, необученнаго народнаго ополченія въ Испаніи. Въ 1812 г. ему пришлось

¹) Boutourlin; — Alison; — Wilson; — Ségur; — Nolan.

вести войну съ народомъ, главная сила котораго состояла въ массѣ иррегулярныхъ всадниковъ,—противникъ, сходный съ тѣмъ, который былъ столь пагубенъ для Красса и его легіоновъ и поставилъ парѳянъ единственнымъ соперникомъ Рима.

Кирасиръ. Конно-егерь. Гусаръ. Уланъ. Драгунъ.

Русская конница при Императорѣ Александрѣ I.

Дѣйствія русской конницы и особенно казаковъ въ 1812 и 1813 гг. заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ они во многомъ способствовали низверженію самой могущественной военной державы, когда-либо существовавшей со временъ Рима.

Кирасиръ. Конно-егерь. Гусаръ. Уланъ. Драгунъ.

Русская конница при Императорѣ Александрѣ I.

Конница Александра I состояла въ 1810 г. изъ регулярныхъ полковъ: 6 кирасирскихъ, 36 драгунскихъ, 11 гусарскихъ и 5 уланскихъ; кромѣ того гвардейскихъ: 2 кирасирскихъ, 1 драгунскаго, 1 гусарскаго и уланскаго и 1 казачьяго полка и уральской сотни. Армейскіе, гусарскіе и уланскіе полки имѣли по 10 эскадроновъ; гвардейскій казачій—3; всѣ прочіе полки, какъ гвардейскіе, такъ и армейскіе—5. Въ каждомъ эскадронѣ было коней: въ гвардіи—159, въ арміи—151. Въ 1811 году было сформировано еще два кирасирскихъ полка, и вся конница сведена въ 11 дивизій, изъ нихъ 1 гвардейская и 2 кирасирскія. Въ каждой изъ послѣднихъ было по 5 полковъ (въ томъ числѣ въ первой 2 гвардейскихъ); прочія дивизіи состояли каждая изъ 4 драгунскихъ и 2 гусарскихъ или уланскихъ полковъ; 4-я дивизія имѣла еще лишній гусарскій полкъ, а 8-я состояла всего изъ 3 драгунскихъ и 1 гусарскаго полковъ.

Впрочемъ, главную силу русской конницы составляли не эти регулярныя части, а казаки, которые при объявленіи войны призывались въ огромномъ числѣ подъ знамена и, дѣйствительно, оказали выдающіяся услуги. Почти всѣ донскіе казаки собрались подъ начальство Платова, и ихъ неутомимой дѣятельности во многомъ обязаны русскіе успѣхами въ концѣ кампаніи 1812 года. Казаки, занимающіеся дома хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, съ дѣтства пріучаются ѣздить верхомъ и даютъ такую неутомимую, выносливую конницу, какой нельзя встрѣтить ни въ какой другой странѣ Европы.

Казаки въ началѣ были вооружены пиками, составлявшими ихъ главное оружіе, шашками и пистолетами. Лошади ихъ малаго роста, но быстрыя, выносливыя и неприхотливыя.

Способность ихъ къ быстрымъ движеніямъ допускала совершеніе усиленныхъ маршей съ чрезвычайною легкостью въ короткое время, и въ этомъ отношеніи никто въ Европѣ не могъ съ ними соперничать (по словамъ сэра Роберта Вильяма, они могли дѣлать въ часъ до 5 англійскихъ миль — $7^1/_2$ верстъ).

Пистолеты носились на поясномъ ремнѣ, а не на сѣдлѣ. Казаки не имѣютъ шпоръ, а вмѣсто того нагайку. Ихъ умѣніе ѣздить верхомъ, управлять лошадью и владѣть оружіемъ позволяли имъ не бояться и не избѣгать рукопашнаго боя.

Въ началѣ войны они не умѣли дѣлать сомкнутыхъ атакъ, подобно прочимъ конницамъ; они атаковали обыкновенно въ разомкнутомъ строю или лавой, съ громкимъ крикомъ, причемъ каждый намѣчалъ себѣ заранѣе противника.

Позднѣе, въ теченіе кампаніи они прониклись большей дисциплиной и порядкомъ и научились сомкнутымъ атакамъ, которыя производились ими очень смѣло и нерѣдко съ успѣхомъ противъ французской регулярной конницы и даже противъ пѣхотныхъ каре.

Все число сраженій, данныхъ Александромъ I Наполеону, очень велико, и въ большей части ихъ русская конница оказалась на высотѣ своего назначенія. Такъ, въ сраженіи при Аустерлицѣ 2.000 русскихъ гвардейскихъ кирасиръ, подъ личнымъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, ударили во флангъ французской пѣхотѣ Вандамма, сражавшейся съ резервной пѣхотой великаго князя. Атака была выполнена въ совершенномъ порядкѣ и съ полнымъ мужествомъ; французы были разсѣяны и потеряли одного орла. Наполеонъ, видѣвшій это дѣло, выслалъ противъ русскихъ свою гвардейскую пѣхоту, подъ начальствомъ Бессьера и Раппа. Русскіе, потерявшіе порядокъ послѣ первой атаки, были отброшены, но скоро собрались и атаковали вторично; завязалась отчаянная свалка, въ которой обѣ стороны соперничали мужествомъ; наконецъ русскіе были вынуждены отойти къ Аустерлицу. Вліяніе этой схватки отразилось на исходѣ сраженія.

О блестящихъ подвигахъ русской конницы при Эйлау, гдѣ казаки Платова съ успѣхомъ атаковали всадниковъ Мюрата, было уже говорено выше.

Въ 1807 году Беннигсенъ выступаетъ изъ занятой имъ позиціи у Гейльсберга съ цѣлью атаковать Нея, но быстрое сосредоточеніе французскихъ войскъ вынудило его возвратиться въ укрѣпленный лагерь у этого города. Арьергардъ Багратіона долженъ былъ при этомъ прикрыть переправу черезъ Алле (по четыремъ мостамъ) орудій и повозокъ. Багратіонъ остановилъ свои войска (5.000 пѣхоты и 2.000 конницы) у Глоттау, выслалъ конницу на встрѣчу французамъ, чтобы по возможности ихъ задержать, и построилъ пѣхоту въ нѣсколько каре, съ цѣлью остановить, такимъ образомъ, слѣдовавшаго по пятамъ Мюрата съ 12.000 всадниковъ. Русская конница выказала при этомъ дѣйствительно изумительную храбрость. Превосходство непріятеля въ силахъ было подавляющее, но русскіе сражались столь стойко и мужественно, что ни одно каре не было прорвано и ни одинъ эскадронъ не былъ опрокинутъ. Послѣ кровопролитнаго и нерѣшительнаго боя, когда артиллерія и обозъ переправились, Багратіонъ снялся съ позиціи и медленно, въ полномъ порядкѣ отошелъ за Алле, безъ особенно значительныхъ потерь. Образъ дѣйствій русской конницы въ этомъ сраженіи дѣлаетъ ей честь, въ полномъ смыслѣ этого слова.

При движеніи Наполеона къ Москвѣ въ 1812 г. русская конница не замедлила прибавить къ прежнимъ лаврамъ — новые. Первыя стычки произошли между казаками и польскими всадниками 9 и 10 іюня; оба раза послѣдніе потерпѣли полное пораженіе.

Мы остановимся теперь на одномъ дѣлѣ, которое произошло при Красномъ между отрядомъ Невѣровскаго (6.000 пѣхоты и 1.200 коней) и войсками Нея и Мюрата. Невѣровскій былъ неожиданно окруженъ и атакованъ 18.000 непріятельскихъ всадниковъ, но рѣшилъ не сдаваться, а

сопротивляться до послѣдней крайности. Построивъ свои войска въ два каре, затѣмъ сведенныя въ одно, онъ началъ отводить ихъ медленно назадъ, останавливаясь для отпора французовъ, которые сдѣлали въ этотъ день болѣе сорока атакъ. Послѣднимъ удавалось иногда врываться въ русскіе ряды, убивать офицеровъ среди каре, но русскіе сейчасъ же опять смыкались и продолжали огонь. Къ ночи они дошли до Корытни, потерявъ 1.000 чел. и 5 орудій. Этотъ бой представляетъ замѣчательный примѣръ сопротивленія пѣхоты превосходной въ силахъ конницѣ, на совершенно ровной мѣстности[1]).

При Бородинѣ была произведена блестящая атака генераломъ Уваровымъ съ первымъ кавалерійскимъ корпусомъ и нѣсколькими казачьими полками, на лѣвый флангъ итальянскаго вице-короля Евгенія. Уваровъ, перешедши Колочу, отбросилъ прежде всего кавалерійскую бригаду Орнано; итальянская дивизія Дельзона избѣжала той же участи только благодаря быстрому построенію каре. Обозъ и муниціонныя колонны обратились въ безпорядочное бѣгство; самъ вице-король съ трудомъ избѣжалъ плѣна, бросившись въ одно изъ каре. Наполеонъ, увидѣвъ, что безпорядокъ распространяется все далѣе и далѣе, счелъ нападеніе Уварова за серьезное и поскакалъ туда съ гвардейской конницей и артиллеріей. Между тѣмъ Уваровъ, при приближеніи превосходныхъ французскихъ силъ, отошелъ обратно за рѣку, достигнувъ вполнѣ своей цѣли — оттянуть часть непріятельскихъ резервовъ отъ рѣшительнаго пункта боя. Эта демонстрація повлекла такимъ образомъ за собой значительное замедленіе исхода боя.

Въ томъ же сраженіи произошло еще другое лихое кавалерійское дѣло — взятіе большаго редута (батареи Раевскаго) французской конницей. Пока Наполеонъ дѣлалъ подготовленія и распоряженія къ рѣшительной атакѣ, которая должна была быть произведена значительными пѣхотными массами, поддержанными 200 орудіями, онъ выдвинулъ впередъ свою конницу съ тѣмъ, чтобы прорвать ею непріятельскія линіи и взять редутъ съ тыла. Дѣло было поручено кирасирамъ Монбреня, подъ начальствомъ Коленкура. Алисонъ описываетъ эту атаку слѣдующимъ образомъ: „Вы увидите меня побѣдителемъ или мертвымъ, сказалъ Коленкуръ, становясь во главѣ своихъ кирасиръ; затѣмъ онъ повелъ ихъ впередъ большимъ галопомъ, и они скоро исчезли въ облакахъ пыли и дыма. Русскіе поддержали редутъ войсками Остермана, за которымъ въ резервѣ были гвардейскіе полки: Преображенскій и Семеновскій. Между тѣмъ Коленкуръ, опро-

[1]) Это тѣмъ болѣе изумительно, что дивизія Невѣровскаго состояла исключительно изъ новобранцевъ. Съ другой стороны, однако, надо замѣтить, что хотя русскіе отступали и по открытой мѣстности, но дорога была окопана канавами и обсажена въ 4 ряда деревьями и что Мюратъ атаковалъ отдѣльными эскадронами, не пользуясь своей многочисленной конной артиллеріей, несмотря на ея настоятельныя просьбы и на убѣжденія Нея. Въ Ideen-Taktik der Reiterei графа Бисмарка (Karlsruhe 1829 p. 266—278) яркими красками описаны смятеніе и разстройство конницы въ этомъ сраженіи. Примѣч. Брикса.

кинувъ высланную ему на встрѣчу конницу, продолжалъ движеніе подъ градомъ пуль съ редута. Слѣдомъ за нимъ шла пѣхота Евгенія, которая подошла почти къ самому редуту, какъ вдругъ въ немъ показались французскіе всадники. Огонь съ редута прекратился, и на высшихъ его точкахъ заблистали каски кирасиръ [1]).

Груши, слѣдовавшій для поддержки этой атаки, повернулъ противъ Остермана, но встрѣченный двумя гвардейскими кавалерійскими полками, былъ опрокинутъ съ большими потерями.

Въ бою при Кацбахѣ, 26 августа 1813 г., союзники обязаны успѣхомъ преимущественно русской конницѣ корпуса Сакена, подъ начальствомъ Васильчикова. Эти храбрые всадники атаковали кирасиръ Себастіани, когда они выходили изъ Кроичскаго дефиле, что привело въ безпорядокъ все лѣвое французское крыло и вынудило его къ отступленію. Затѣмъ и самъ Макдональдъ долженъ былъ отступить, причемъ во время преслѣдованія союзники взяли у него много плѣнныхъ и трофеевъ.

Въ сраженіи при Кульмѣ, 30 августа 1813 г., союзники имѣли 10.000 отличной конницы, между тѣмъ какъ у Вандамма ея было всего 3.000. Союзники сосредоточили всю конницу на своемъ правомъ флангѣ, гдѣ ровная открытая мѣстность представляла всѣ удобства для ея дѣйствія. Дѣло началось энергичной атакой союзной конницы на лѣвое крыло французовъ, которое съ перваго же удара было опрокинуто на центръ и правое крыло, что угрожало Вандамму потерей сообщеній съ Пирной. Боясь этого онъ выслалъ на помощь лѣвому крылу свѣжую бригаду, но она также была опрокинута и только увеличила общее смятеніе. Вслѣдствіе этого французы были вынуждены къ отступленію; между тѣмъ прусскій корпусъ Клейста отрѣзалъ имъ путь и Вандаммъ съ большей частью арміи былъ взятъ въ плѣнъ; но при этомъ французская конница Корбино дала блестящій примѣръ того, какъ вообще слѣдуетъ конницѣ дѣйствовать при подобныхъ обстоятельствахъ. Имѣя путь отступленія отрѣзаннымъ и будучи окруженъ превосходнымъ непріятелемъ, Корбино все-таки рѣшилъ пробиться. Ставъ во главѣ своихъ всадниковъ, онъ бросился въ крутое, трудно доступное дефиле, наполненное къ тому же толпами пруссаковъ, прорвалъ ихъ, перерубилъ прислугу при орудіяхъ, захватилъ самыя орудія, но конечно не могъ ихъ увезти, и благополучно избѣжалъ плѣна. Этотъ примѣръ можетъ служить подтвержденіемъ правила, что конница въ полѣ никогда не должна сдаваться.

16 октября 1813 г. началось при Лейпцигѣ величайшее изъ сраженій новаго времени, и началось оно блестящей атакой двухъ русскихъ кирасирскихъ полковъ подъ командой Левашева противъ праваго французскаго крыла. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ приказалъ своей конницѣ въ значи-

---

1) Alison III, 554, 565.

тельныхъ силахъ атаковать центръ и лѣвый флангъ союзниковъ. Келлерманъ, во главѣ 6 тысячъ всадниковъ, опрокинулъ Левашева и подвигался далѣе, когда въ свою очередь его ударили во флангъ только что перешедшіе Плейсу 6 австрійскихъ кирасирскихъ полковъ графа Ностица. Келлерманъ былъ опрокинутъ и ушелъ за свою пѣхоту и артиллерію, гдѣ опять привелъ въ порядокъ свои части. Эта рѣшительная атака австрійцевъ спасла центръ союзниковъ отъ пораженія.

Нѣсколько позднѣе этого дѣла конницей Мюрата и Латуръ-Мобура была произведена отчаянная попытка прорвать расположеніе союзниковъ у Вахау. 4.000 — 5.000 кирасиръ, построенные въ одну линію, безъ резерва, бросились съ фланга на пѣхоту принца Евгенія Вюртембергскаго, привели его въ совершенный безпорядокъ, опрокинули десять эскадроновъ русской гвардіи и захватили нѣсколько орудій. Центръ союзниковъ былъ прорванъ. Императоръ Александръ и король Прусскій должны были отъѣхать назадъ, чтобы не попасть въ плѣнъ, и катастрофа казалась неминуемой. Но Александръ I, сохранившій поразительное хладнокровіе, направилъ на французскихъ кирасиръ, съ фланга красныхъ гвардейскихъ казаковъ Орлова-Денисова, а съ фронта — Барклая съ резервной конницей. Эти распоряженія спасли союзниковъ. Казаки ударили во флангъ французовъ, какъ разъ въ то время, когда они, лишенные предводителя (Латуръ-Мабуръ былъ тяжело раненъ) и на запыхавшихся лошадяхъ, пришли въ нѣкоторое разстройство. Кирасиры были съ перваго же удара опрокинуты и съ большими потерями отброшены назадъ; 24 орудія взяты обратно. Такимъ образомъ въ одномъ сраженіи мы видимъ, что въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ минутъ двѣ кавалерійскія атаки, сначала побѣдоносныя, оканчиваются полнымъ пораженіемъ вслѣдствіе неимѣнія резерва.

И въ слѣдующихъ сраженіяхъ этой кампаніи было нѣсколько кавалерійскихъ дѣлъ, но приводить ихъ всѣхъ нѣтъ ни возможности, ни цѣли. Остановимся только на одномъ изъ этихъ сраженій, интересномъ потому, что въ немъ 22.000 союзной конницы съ 128 орудіями дѣйствовали противъ французскаго отряда почти той-же силы, но состоявшаго изъ 17.000 пѣхоты и 5.000 конницы.

Сраженіе это произошло 25 марта 1814 г. при Феръ-Шампенуазѣ и было начато русскимъ авангардомъ изъ кавалергардовъ и кирасиръ. Этотъ послѣдній рѣшительно атаковалъ французовъ, которые, построенные въ нѣсколько каре, отходили подъ прикрытіемъ своей конницы и артиллеріи. Между тѣмъ подошла вся союзная конница, бывшая подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича и графа Ностица, опрокинула французскихъ драгунъ и захватила 44 орудія.

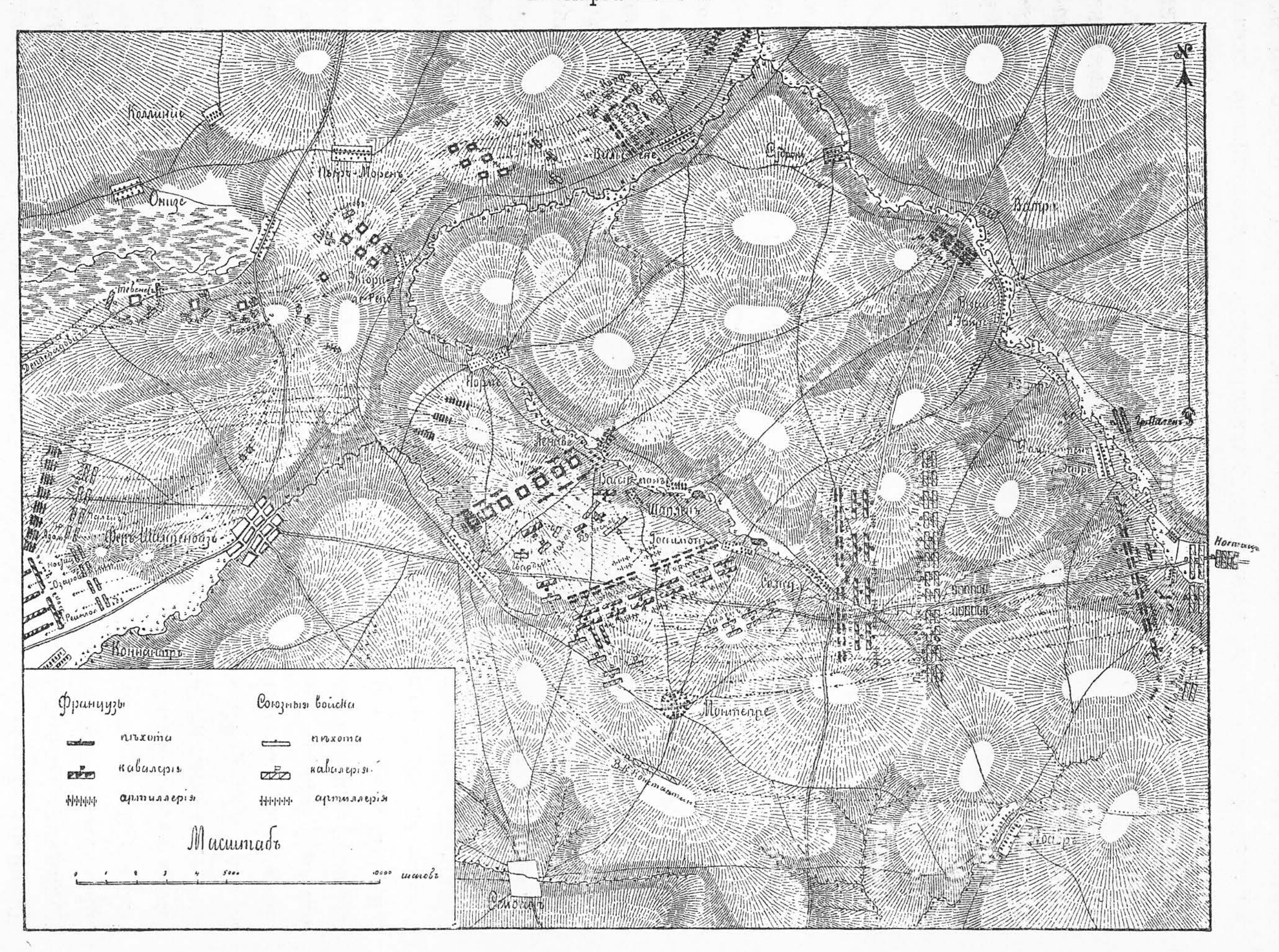
Внезапная паника охватила французскую пѣхоту, лишенную возможности, вслѣдствіе сильнаго ливня, дѣйствовать изъ своихъ ружей и къ тому же теперь лишенную поддержки артиллеріи; она бросилась въ без-

ПЛАНЪ ОРАЖЕНІЯ ПРИ ФЕРЪ-ШАМПЕНОАЗѢ

25 марта 1814 г.

ПЛАНЪ ОРАЖЕНІЯ ПРИ ФЕРЪ-ШАМПЕНОАЗѢ

25 марта 1814 г.



порядкѣ черезъ Ферь-Шампенуазъ. Только геройское самопожертвованіе полка тяжелой конницы, подъ командой генерала Леклерка, бросившагося впередъ для прикрытія этого поспѣшнаго отступленія, и наступившая ночь дали маршаламъ возможность возстановить нѣкоторый порядокъ въ своихъ частяхъ.

Между тѣмъ на другомъ концѣ поля сраженія Императоръ Александръ I, сопровождаемый королемъ прусскимъ и сильнымъ коннымъ отрядомъ, наткнулся на французскую дивизію Пакто, сопровождавшую большой артиллерійскій паркъ и продовольственный транспортъ и уже съ большимъ мужествомъ выдержавшую нѣсколько атакъ генераловъ Корфа и Васильчикова.

Сэръ-Арчибальдъ-Алисонъ даетъ въ своей исторіи Европы очень живое описаніе послѣдовавшаго за прибытіемъ Императора Александра блестящаго дѣла.

„Какъ только Александръ I убѣдился, что это отрядъ противника, онъ поспѣшно принялъ мѣры, чтобы окружить его со всѣхъ сторонъ и уничтожить. Русскіе и прусскіе гвардейскіе кирасиры построились вправо, гусары Корфа — съ фронта и драгуны Васильчикова — слѣва. Такимъ образомъ 9.000 всадниковъ, поддержанные 70 орудіями, готовились атаковать 6.000 пѣхоты съ всего 16 орудіями. Когда непріятель былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ, Императоръ, чтобы избѣжать напраснаго кровопролитія, послалъ французскому генералу предложеніе сдаться. Пакто, отлично сознававшій невозможность спастись, тѣмъ не менѣе геройски отклонилъ это предложеніе и въ краткой рѣчи напомнилъ своимъ людямъ объ ихъ обязанности — умереть за родину; въ отвѣтъ раздались громкіе крики, и французы открыли огонь. Построенные въ каре, имѣя артиллерію и повозки въ серединѣ ихъ, они продолжали отступленіе на Ферь-Шампенуазъ, храбро отбивая атаки конницы, пока были подведены ближе батареи, управленіе одной изъ которыхъ было поручено Александромъ лорду Каткарту. Убійственный огонь ихъ прорвалъ ряды одного каре, послѣ чего конница ворвалась въ него и все перерубила или захватила въ плѣнъ. Между тѣмъ по русскимъ полкамъ пронесся слухъ, что Государь въ опасности. Все устремилось впередъ: гусары, драгуны, уланы, кирасиры поскакали къ полю сраженія, на которомъ наконецъ собралось около 13.000 всадниковъ. Тѣмъ не менѣе второе французское каре все еще отказывалось сдаться; оно даже стрѣляло въ адъютанта Императора — Рапателя, котораго онъ взялъ по предсмертной просьбѣ генерала Моро. Наконецъ Александръ I далъ приказаніе объ атакѣ. Во главѣ своихъ кавалергардовъ онъ самъ бросился на одно изъ каре и ворвался въ него черезъ одно изъ сдѣланныхъ артиллерійскимъ огнемъ прорывовъ. Гвардейцы, воспламененные присутствіемъ любимаго Царя и опасностью, которой онъ себя подвергалъ, съ неудержимой силой бросились въ каре

и ворвались въ него со всѣхъ сторонъ. Французы все еще отказывались сдаться и продолжали по истинѣ геройское сопротивленіе, пока не изстрѣляли всѣхъ патроновъ. Пакто передалъ свою шпагу лично Государю. Въ этомъ дѣлѣ пало около 3.000 французовъ, въ числѣ которыхъ было много національныхъ гвардейцевъ [1])".

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы дать читателю ясное представленіе объ образѣ дѣйствій конницы во времена Наполеона. Но легкая конница союзныхъ войскъ и особенно казаки имѣли такое рѣшительное вліяніе на исходъ всѣхъ операцій, что дѣйствія ихъ не могутъ быть пройдены молчаніемъ.

При описаніи тактики Фридриха Великаго, мы упоминали уже о томъ затруднительномъ положеніи, въ которое онъ часто попадалъ, благодаря австрійской легкой конницѣ, которая не могла противостоять конницѣ Фридриха въ бою, но превосходила ее въ искусствѣ нести сторожевую и развѣдывательную службу. Также точно и Наполеонъ испыталъ первую неудачу, благодаря превосходству противника въ легкой, способной къ партизанской войнѣ конницѣ.

Мы уже обращали вниманіе читателя на этотъ фактъ въ предыдущей главѣ при описаніи Эйлаускаго сраженія. Это былъ первый случай въ жизни Наполеона, когда онъ былъ вынужденъ отступить послѣ генеральнаго сраженія. Хотя по техническимъ и тактическимъ причинамъ дѣло при Эйлау окончилось побѣдой для французовъ, но въ дѣйствительности это было сраженіе нерѣшительное, которое однако, если бы въ немъ не принимали участіе казаки, могло бы сдѣлаться и безспорной побѣдой для французовъ.

Съ этого времени мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ вліяніе, которое имѣли казаки на судьбу Наполеона до самого его отрѣченія. Особенно важны ихъ дѣйствія въ 1812 г., при чемъ они стали наиболѣе чувствительны для французовъ по вступленіи ихъ въ Москву. Тутъ настало какъ бы перемиріе между главными силами обѣихъ сторонъ и какъ разъ въ это время начались партизанскія дѣйствія на флангахъ и въ тылу Наполеона. Подвижные, внезапно появляющіеся и неуловимые партизаны захватывали всѣ отдѣльныя команды и, занявъ всѣ дороги въ Москву, прекратили подвозы туда и держали армію Наполеона какъ бы въ блокадѣ. Слѣдствіемъ этого явился недостатокъ продовольствія и фуража въ Москвѣ; драгуны должны были предпринимать очень отдаленныя фуражировки, чтобы добывать продовольствіе, при чемъ они очень часто попадали въ руки шнырявшихъ вездѣ кругомъ казаковъ. Такимъ образомъ въ теченіе трехъ недѣль октября мѣсяца французская армія, не давъ ни одного сраженія, потеряла 4.180 чел. Мюратъ въ тоже время доносилъ,

[1]) Alison IV, 382, 383.

что въ ежедневныхъ аванпостныхъ стычкахъ погибла половина французской конницы, достигнувшей Москвы.

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Такое уменьшеніе численности французской конницы имѣло очень печальные результаты и сдѣлало дѣйствія казаковъ, вслѣдствіе ихъ превосходства, еще болѣе рѣшительными.

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

18-го октября русскіе открыли военныя дѣйствія нападеніемъ на Мюрата при Винковѣ, причемъ конница Орлова-Денисова, остановившая съ тыла лѣвое его крыло, привела французовъ въ разстройство и вынудила Мюрата къ отступленію, съ потерей 1.500 чел. плѣнными, 38 орудій и всего обоза.

Генералъ-маіоръ Я. П. Кульневъ.

Немедленно послѣ этого Наполеонъ двинулся на Калугу, но былъ остановленъ при Малоярославцѣ, при чемъ чуть не попалъ самъ въ плѣнъ. 25 утромъ онъ выѣхалъ, чтобы осмотрѣть мѣсто бывшаго наканунѣ сраженія, и двигался среди своей арміи, считая себя въ полной безопасности, какъ вдругъ раздался крикъ солдатъ: „Это Платовъ! ихъ 10.000“! Напо-

Генералъ-маіоръ Я. П. Кульневъ.

леонъ сначала не повѣрилъ и попалъ поэтому въ величайшую опасность; его адъютантъ, генералъ Раппъ, былъ сброшенъ съ лошади, и только необычайное мужество его конвоя и прибытіе гвардейскихъ конногренадеръ и драгунъ спасло Наполеона отъ плѣна.

Въ дѣйствительности это неожиданное нападеніе было произведено Платовымъ съ 20-мъ егерскимъ и 10-мъ казачьимъ полками, съ цѣлью

Давыдовъ.

отбить артиллерійскій паркъ; орудія были взяты, по вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ и приближенія непріятельской гвардейской конницы могло быть увезено только 11-ть.

Это дѣло имѣло весьма важное вліяніе на исходъ кампаніи. Оно подѣйствовало угнетающимъ образомъ на духъ Наполеона, убѣдило его въ превосходствѣ легкой конницы противника и въ слабости его собственной, какъ разъ въ ту минуту, когда многое зависѣло отъ смѣлости и рѣшительности его дѣйствій. Въ ту же ночь былъ собранъ военный совѣтъ, и

Давыдовъ.

на немъ возбужденъ и горячо обсуждался вопросъ: слѣдуетъ-ли сдѣлать попытку проложить себѣ дорогу па Медынь, или же лучше произвести отступленіе по той самой дорогѣ, по которой шли на Москву.

Мюратъ рѣшительнымъ образомъ настаивалъ на болѣе смѣломъ планѣ, но всѣ другіе генералы были противнаго мнѣнія, и, какъ говорятъ, полученное какъ разъ въ это время извѣстіе о новомъ, горячемъ боѣ съ казаками у Боровска въ тылу арміи, побудило Наполеона рѣшиться на отступленіе, которое стало для него столь пагубнымъ. Въ то время какъ онъ начиналъ это отступленіе, Кутузовъ также собирался отойти на Калугу, — слѣдовательно, на этотъ разъ совѣтъ Мюрата былъ наилучшій и, вѣроятно, привелъ бы къ хорошему результату.

Фигнеръ.

Итакъ началось знаменитое отступленіе, продолжавшееся съ 26 октября по 13 декабря. За это время не проходило почти ни одного дня безъ того, чтобы казаки не оказали какой нибудь важной услуги, такъ какъ Платовъ постоянно насѣдалъ на непріятельскій арьергардъ. Скоро среди отсту-

Фигнеръ.

пающихъ появился недостатокъ въ продовольствіи, что имѣло слѣдствіемъ самые страшные безпорядки. На каждомъ шагу вынуждены были бросать повозки, такъ какъ лошади падали съ голоду. Люди начали разбѣгаться по окрестностямъ въ поискахъ за продовольствіемъ; лошадей, которыя нужны были для другихъ цѣлей, убивали и съѣдали.

2 ноября произошло горячее дѣло при Вязьмѣ, гдѣ французскій арьергардъ, почти отрѣзанный генераломъ Васильчиковымъ, пробился только съ большимъ трудомъ и съ потерей 6.000 чел.

Казаки ни на минуту не упускали отступавшихъ изъ виду, и францу-

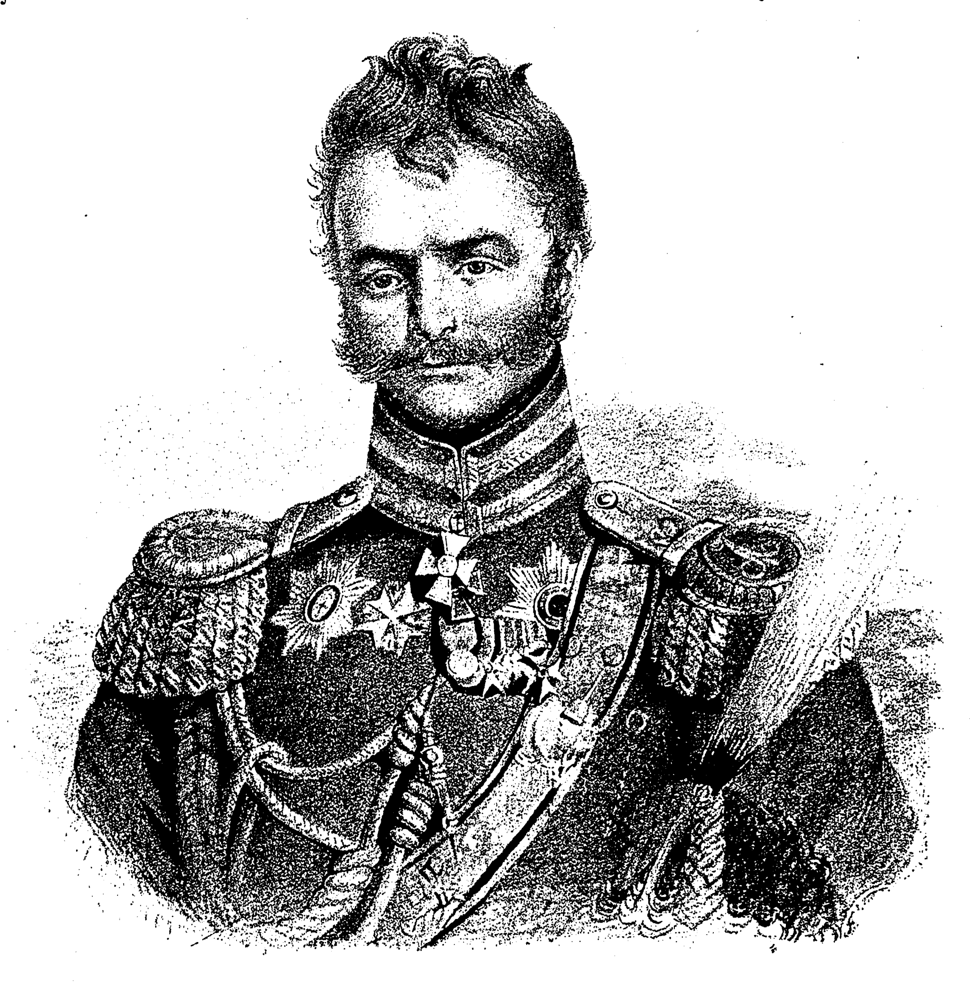
Сеславинъ.

замъ оставалось одно изъ двухъ: или оставаться въ рядахъ и умереть съ голоду или отдѣлиться въ сторону за продовольствіемъ и быть убитыми крестьянами или взятыми въ плѣнъ казаками. Ко всему этому прибавился еще и сильный морозъ; всѣ обстоятельства сложились такъ, чтобы сдѣлать изъ этого отступленія одну изъ самыхъ страшныхъ катастрофъ, какія только встрѣчаются въ военной исторіи.

Обыкновенно говорятъ, что суровая зима была главной причиной неудачи похода Наполеона въ Россіи; но если разсмотрѣть дѣло въ подробности, то нельзя не вывести заключенія, что истинной причиной было превосходство русскихъ въ легкой конницѣ. Огромное разстояніе, на которое

Сеславинъ.

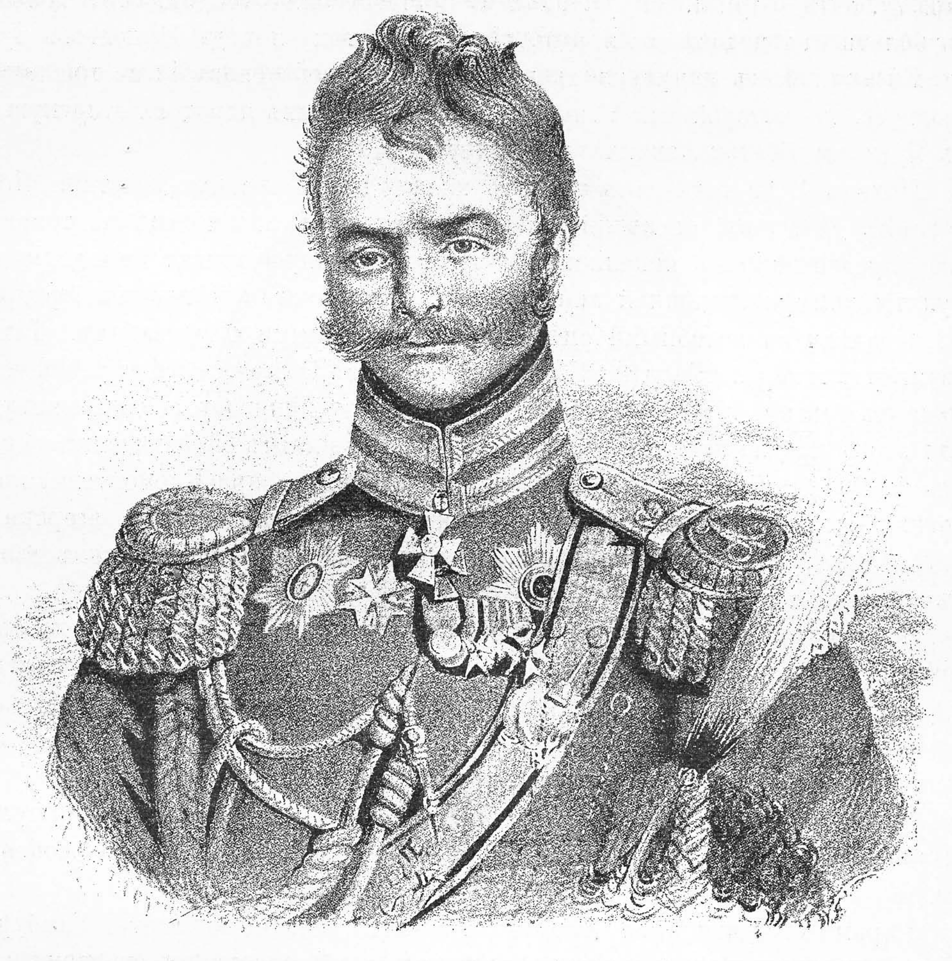
Наполеонъ отдалился отъ своей базы и магазиновъ, сдѣлали правильное продовольствіе войскъ крайне труднымъ, тѣмъ болѣе, что армія была очень многочисленна. Какъ только выказалось превосходство казаковъ въ малой войнѣ, фуражировкамъ былъ положенъ конецъ, и скоро, подъ вліяніемъ голода и лишеній, во французской арміи ослабла дисциплина и упалъ духъ. Эти обстоятельства болѣе холода способствовали уничтоженію ея.



Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.

Алисонъ говоритъ, что „война была бы для французовъ одинаково пагубна, если бы Москва не была сожжена и зима не была холодна“.

„Если армія бросается зря въ середину скиѳской конницы не имѣя возможности получать изъ своей страны продовольствіе и фуражъ, то она неминуемо погибнетъ. Александръ Великій благополучно избѣжалъ этой опасности, удовольствовавшись безплоднымъ пораженіемъ скиѳовъ на берегахъ Оксуса и не идя далѣе въ глубь страны. Дарій же, вторгнувшійся въ предѣлы страны со всѣми персидскими силами, нашелъ тамъ погибель.



Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.

Легіоны Марка Антонія и Красса были уничтожены безпрерывными нападеніями пароянъ; генія Юліана было недостаточно для борьбы съ ними, и точно также геройство Ричарда Львиное сердце разбилось о многочисленную конницу Саладина. Уже одно то огромное количество повозокъ, которое должна имѣть европейская армія, вторгающаяся въ азіатскую страну, губитъ ее, потому что увеличиваетъ ея балластъ и ускоряетъ минуту, когда армія, окруженная непріятельскими всадниками, должна погибнуть отъ недостатка продовольствія. Поэтому походъ Наполеона противъ Россіи былъ неправиленъ въ самомъ своемъ основаніи по той самой причинѣ, по которой всѣ попытки цивилизованныхъ народовъ вторгнуться въ пустыни Востока оканчивались неудачами“ [1]).

Походъ 1812 года далъ толчекъ началу партизанскихъ дѣйствій. Полковникъ Давыдовъ, писавшій о нихъ, предложилъ ихъ и самъ же привелъ свое предложеніе въ исполненіе, производя безпрестанныя нападенія на пункты коммуникаціонной линіи французовъ. Много отдѣльныхъ отрядовъ было захвачено подобными смѣлыми и неутомимыми партизанами. Такъ, авангардъ генерала Бараге д'Илье подъ командой Ожеро, силой въ 2.000 чел., долженъ былъ при Ляховѣ сдаться графу Орлову-Денисову, соединившемуся для этого предпріятія съ Давыдовымъ, Сеславинымъ и Фигнеромъ. Депо изъ 1.300 французовъ было неожиданно атаковано при Клементьевѣ полковникомъ Бистромомъ съ отрядомъ изъ двухъ гвардейскихъ егерскихъ баталіоновъ, эскадрона кирасиръ и сотни казаковъ и цѣликомъ взято въ плѣнъ.

Въ русской конницѣ того времени было много выдающихся кавалерійскихъ вождей, во главѣ которыхъ нужно поставить Платова, затѣмъ идутъ: Уваровъ, Паленъ, Орловъ-Денисовъ, Давыдовъ, Чернышевъ, Сеславинъ и Фигнеръ. Въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. Великій Князь Константинъ Павловичъ выказалъ качества храбраго и блестящаго генерала.

Въ войну 1813 года партизанскія дѣйствія въ тылу французской арміи были еще распространеннѣе и смѣлѣе; въ этихъ предпріятіяхъ особенно выдавались русскіе всадники и ихъ предводители.

Первымъ выдающимся дѣломъ этой кампаніи было взятіе Гамбурга Теттенборномъ, дѣятельнымъ и энергичнымъ офицеромъ, съ отрядомъ изъ 3.000 пѣхотинцевъ и 3.000 казаковъ. Нѣсколько времени спустя Чернышевъ, Бенкендорфъ и Дорнбергъ со своими отрядами, сдѣлавъ въ сутки 50 англійскихъ миль, разбили у Люнебурга генерала Морана, потерявшаго 1.000 чел. убитыми и ранеными и сдавшагося съ остальными 2.000 въ плѣнъ, и освободили жителей названнаго города. Эти успѣхи имѣли очень важное значеніе, такъ какъ они подняли духъ народа, и возстаніе скоро распространилось по всей Германіи.

[1]) Alison III, 599.

Позже, послѣ побѣды Наполеона при Люценѣ и Бауценѣ, партизаны не переставали тревожить его тылъ и причиняли ему много заботъ, тѣмъ болѣе, что воспоминаніе объ отступленіи изъ Москвы было еще очень живо въ его памяти. 27 мая, нѣсколько дней послѣ Бауценскаго сраженія, партизанскій отрядъ захватилъ значительный артиллерійскій паркъ, и въ тоже время конница Воронцова напала при Дессау на сильный конный французскій отрядъ и разбила его, взявъ 500 плѣнныхъ.

Два дня спустя, 29 мая, находившійся близъ Магдебурга генералъ Чернышевъ получилъ извѣстіе о прибытіи въ Гальберштадтъ вестфальскаго генерала Окса съ артиллерійскимъ паркомъ и рѣшилъ напасть на него. Выступивъ въ тотъ же день съ гусарами и казаками, онъ безостановочно шелъ цѣлый день и цѣлую ночь и, сдѣлавъ такимъ образомъ около 90 верстъ, приблизился къ непріятелю на слѣдующій день въ 5 часовъ утра. Генералъ Оксъ былъ застигнутъ совершенно врасплохъ, и весь его отрядъ въ 1.200 чел. былъ перебитъ или взятъ въ плѣнъ со всѣми орудіями.

Затѣмъ Чернышевъ ушелъ обратно за Эльбу и остановился у Бернбурга, гдѣ началъ дѣлать приготовленія къ совмѣстному нападенію съ Воронцовымъ на генерала Арриги, прикрывавшаго съ 5.000 отрядомъ значительные магазины въ Лейпцигѣ. Сдѣлавъ въ одинъ день около 60 верстъ, Чернышевъ соединился съ Воронцовымъ, и затѣмъ они бросились на Арриги, который совершенно не ожидалъ нападенія. Какъ разъ въ ту минуту, какъ побѣда склонялась на сторону смѣлыхъ партизановъ, пришло извѣстіе о заключенномъ между Наполеономъ и союзниками перемиріи.

По возобновленіи военныхъ дѣйствій Чернышевъ продолжалъ свои набѣги. Онъ принималъ участіе въ пораженіи Удино при Гросбергѣ и затѣмъ перенесъ свои дѣйствія въ тылъ французамъ, въ Вестфальское королевство. Съ отрядомъ изъ 3.000 всадниковъ при 4 орудіяхъ онъ переправился чрезъ Эльбу у Дессау и съ быстротою молніи пошелъ на Кассель, куда и прибылъ 30 сентября. Его смѣлый маршъ и рѣшительное поведеніе вселили во французахъ большое смущеніе. Іеронимъ Бонапарте, король вестфальскій, долженъ былъ покинуть свою столицу безъ единаго выстрѣла, и Чернышевъ, при громкихъ, радостныхъ кликахъ населенія, вступилъ въ Кассель и провозгласилъ уничтоженіе Вестфальскаго королевства. Цѣлую недѣлю пробылъ Чернышевъ въ Касселѣ и затѣмъ вышелъ изъ него, не потерявъ ни одного человѣка и захвативъ съ собой всѣ запасы изъ арсенала, королевскихъ лошадей и экипажи и огромную добычу.

Моральное впечатлѣніе этого набѣга было сильнѣе производимаго выиграннымъ сраженіемъ. Онъ показалъ непрочность положенія Наполеона въ образованныхъ имъ военныхъ королевствахъ, и убѣжденіе въ этомъ распространилось по всей Германіи.

Казаки, сражавшіеся сначала исключительно въ разомкнутомъ строю, скоро научились маневрировать и въ сомкнутомъ и тогда, благодаря быстротѣ движеній и подвижности, получили рѣшительное преимущество надъ французскими кирасирами, которые, благодаря своему тяжелому вооруженію, утомлялись несравненно скорѣе въ безпрерывныхъ стычкахъ.

Одинъ или два примѣра, заимствованные „изъ исторіи и тактики конницы" Нолана, дадутъ ясное представленіе объ образѣ дѣйствій казаковъ и ихъ превосходствѣ въ малой войнѣ.

„19 августа 1813 года, по окончаніи перемирія, союзники начали тѣснить французовъ на Берлинъ и Потсдамъ. Полковникъ Быхаловъ получилъ приказаніе произвести съ донскимъ казачьимъ полкомъ рекогносцировку по направленію на Люкенвальде. Онъ стоялъ бивакомъ на Треббинской дорогѣ и двинулся черезъ Шарфенбрикъ и Вальтерсдорфъ. Французскіе пикеты начали отходить при его приближеніи, и мы получили возможность вполнѣ ясно видѣть поля, лежащія къ сѣверу и востоку отъ Люкенвальда. Какъ разъ въ это время сильный отрядъ конницы поспѣшно двигался изъ города прямо на насъ и, подойдя, построился въ сомкнутую эскадронную колонну; фланкеры пристроились къ флангамъ. Затѣмъ французы двинулись рысью, плотно сомкнувшись, чтобы не дать русскимъ возможности прорваться въ интервалы, прямо на нашъ центръ, который немедленно раздался, и казаки бросились на тылъ и флангъ колонны. Французы, не встрѣчая съ фронта никакого сопротивленія, остановились, а ихъ мучители начали колоть фланговые ряды и стрѣлять въ густую массу, гдѣ скоро возникъ совершенный безпорядокъ, лишившій возможности сдѣлать какое-либо перестроеніе. Казаки даже и не пытались произвести общую атаку и продолжали колоть и стрѣлять, производя частныя нападенія, гдѣ представлялась къ тому возможность. Между тѣмъ фланговые ряды французовъ повернули кнаружи, такъ что получилось нѣчто въ родѣ каре, и открыли стрѣльбу изъ карабиновъ, продолжавшуюся около получаса [1]). Наконецъ появились головы французскихъ пѣхотныхъ колоннъ, и какъ только артиллерія ихъ открыла огонь, конница была освобождена изъ тяжелаго положенія. Полковникъ Быхаловъ отошелъ по дорогѣ на Шарфенбрикъ, никѣмъ не преслѣдуемый" [2]).

18 сентября 1813 г. произошло близъ Мюльберга другое дѣло между 1.200 казаковъ генерала Иловайскаго и 2.000 французскихъ драгунъ. Ноланъ, со словъ капитана Ганцауге, сообщаетъ слѣдующія подробности о немъ:

[1]) Печальный эпизодъ въ исторіи кавалеріи — это каре безпомощныхъ кирасиръ. Интересно однако сравнить его съ подобнымъ построеніемъ эскадрона ф. Бисмарка Виртембергскаго Лейбъ-шеволеже полка, противъ значительно превосходныхъ силъ иррегулярной конницы, подъ Рудней 8 августа 1812 года, въ Ideen Taktik der Reiterei des Graf. v. Bismark, p. 261 — 263. Прим. Брикса.

[2]) Nolan. 81, 82.

„Французы окончили перестроенія, пока казаки развертывались; они построились въ одну линію en muraille, съ небольшимъ резервомъ. Казаки бросились, были встрѣчены огнемъ изъ карабиновъ и повернули назадъ; французы совсѣмъ не обнажали сабель. Они заѣхали въ колонну, взяли полные интервалы и вторичнымъ заѣздомъ построились во фронтъ. Мы каждую минуту ожидали атаки, но, какъ кажется, намѣреніе ихъ состояло просто въ удлиненіи протяженія фронта, чтобы не подвергнуться охвату — обыкновенному образу дѣйствія казаковъ“.

„Послѣ того какъ обѣ стороны окончили почти одновременно приготовленія къ бою, казакамъ было строго приказано не поворачивать назадъ передъ огнемъ непріятеля, а офицерамъ — рубить перваго, кто повернетъ. Нѣсколько сотенъ получили приказаніе атаковать противника во время боя съ тыла и фланговъ. Всѣ эти приказанія были исполнены въ точности. Казаки наскочили на французовъ и окружили ихъ; я видѣлъ при этомъ собственными глазами, что многіе изъ драгунъ, выстрѣливъ, не успѣли вынуть сабли, какъ были зарублены или заколоты. Французы сначала сопротивлялись упорно, на сколько это возможно для стоящей на мѣстѣ конницы, противъ такого дѣятельнаго противника, насѣдающаго со всѣхъ сторонъ; затѣмъ нѣкоторые одиночные люди повернули назадъ, и ихъ примѣру скоро послѣдовали прочіе. Резервъ, вмѣсто того, чтобы возстановить бой, также обратился въ бѣгство: все скакало по направленію къ Якобсталю, и вся равнина была покрыта бѣгущими всадниками. Не было ни одного взвода, отступавшаго въ порядкѣ; это была настоящая охота; многіе падали съ лошадей и затѣмъ захватывались въ плѣнъ. Наконецъ мы наскочили на линію кирасиръ, выходившихъ изъ лѣсу, и ея сомкнутость остановила насъ безъ всякой команды. Мы впрочемъ были довольны одержанной нами побѣдой и ушли назадъ въ Мюльбергъ“ [1]).

Генералъ де-Бракъ говоритъ слѣдующее о казакахъ: „Казаки были родомъ войскъ, дѣлавшимъ войну въ высшей степени опасной, въ особенности для тѣхъ нашихъ офицеровъ, которые посылались на рекогносцировку. Многіе изъ нихъ, особенно генеральнаго штаба, выбранные начальникомъ его для этого назначенія, предпочитали привозить извѣстія, собираемыя у мѣстныхъ жителей, чѣмъ удаляться на значительное разстояніе впередъ и подвергнуться нападенію казаковъ. Императоръ не былъ такимъ образомъ въ состояніи судить объ обстановкѣ“. Трудно придумать бо́льшую похвалу этимъ легкимъ всадникамъ, чѣмъ вышеприведенныя слова.

Приведемъ еще мнѣніе о казакахъ другого французскаго генерала — Морана. Онъ говоритъ: „Этимъ дикимъ всадникамъ совершенно неизвѣстны наши подраздѣленія, наше правильное равненіе, наша сомкнутость, которымъ мы придаемъ такое значеніе. Они крѣпко держатъ лошадь ногами

---

[1]) Ganzauge — выдержка, приведенная у Nolan 83, 84.

и упираются въ широкія стремена, которыя служатъ имъ точкой опоры при дѣйствіи оружіемъ. Они умѣютъ съ мѣста мчаться карьеромъ и на карьерѣ круто останавливаться; лошади кажутся однимъ тѣломъ съ ними. Люди всегда бдительны, поворотливы, нетребовательны и исполнены военнаго честолюбія. Какой прекрасный видъ представляла французская конница, когда она стояла на берегахъ Нѣмана, освѣщенная лучами іюньскаго солнца, блестя золотомъ и сталью и полная мужества! Какое глубокое прискорбіе возбуждаетъ воспоминаніе о маневрахъ, которые ее напрасно утомляли въ борьбѣ съ казаками, ранѣе презираемыми, сдѣлавшими для спасенія Россіи больше, чѣмъ всѣ ея регулярныя арміи! Каждый день они появлялись на горизонтѣ длинными линіями, а ихъ смѣлые наѣздники подъѣзжали къ самымъ нашимъ рядамъ. Мы строились и шли этимъ линіямъ навстрѣчу; въ ту минуту, какъ мы къ нимъ подходили, онѣ пропадали и передъ нами оказывались только сосны и березы; но часъ спустя, когда мы кормили лошадей, нападеніе возобновлялось и опять появлялись эти черныя линіи, повторялись тѣ же маневры и съ тѣми же результатами. Такимъ образомъ утомилась и растаяла храбрѣйшая и прекраснѣйшая конница въ борьбѣ съ людьми, которыхъ она презирала, но которые сумѣли спасти родину, истинными защитниками и освободителями которой были они. Мы должны еще прибавить, что наша конница была многочисленнѣе казаковъ, что она была поддержана самой легкой и храброй артиллеріею, которая когда-либо существовала! Вождь ея, предметъ удивленія для героевъ, поддерживалъ ея маневры самой неустрашимой пѣхотой; и несмотря на это, казаки вернулись на берега Дона со славой и добычей, а всѣ поля Россіи были усѣяны тѣлами и оружіемъ нашихъ смѣлыхъ несравненныхъ воиновъ“![1])

Интересно, что въ 1813 и 1814 гг. казаки были вооружены и дѣйствовали совершенно такъ, какъ американская конница во время междоусобной войны; казаки часто замѣняли посаженную на коней пѣхоту.

Указавъ такимъ образомъ на пользу, оказанную казаками, мы въ заключеніи приведемъ выдержку изъ письма къ Нолану прусскаго гвардейскаго уланскаго ротмистра фонъ-Ганцауге:

„Большую часть послѣдней кампаніи противъ французовъ я былъ прикомандированъ къ донскимъ казакамъ. Въ это время они были очень мало знакомы съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія. Но во время движенія по Западной Европѣ они оцѣнили всѣ выгоды, имъ доставляемыя, особенно при дѣйствіяхъ на пересѣченной мѣстности, и понемногу вооружились французскими ружьями. При этомъ, на удобной для того мѣстности, они стали спѣшиваться и вести бой въ разсыпномъ строю. Я видѣлъ, какъ они такимъ путемъ побѣждали превосходную въ силахъ конницу и даже

---

[1]) Nolan 86, 87.

пѣхоту, если онѣ нападали на нихъ въ одиночку. Въ этихъ случаяхъ пѣхота опасалась оставшейся верхомъ части казаковъ, которая прикрывала коноводовъ и держалась по возможности ближе отъ спѣшенныхъ людей, постоянно готовыхъ сѣсть на коней и броситься на противника, если онъ отступалъ или былъ выбитъ изъ своего закрытія.

Этому образу дѣйствій исключительно я приписываю успѣхи казаковъ во время кампаній на Эльбѣ и на Рейнѣ и то превосходство, которое они въ малой войнѣ и аванпостной службѣ постоянно имѣли надъ непріятельской конницей".

2. Австрійская, прусская и англійская конницы въ войнахъ Наполеона[1]).

Австрійская конница въ началѣ революціонныхъ войнъ стояла выше французской, но затѣмъ опустилась и нерѣдко терпѣла отъ послѣдней пораженія.

При Аустерлицѣ, впрочемъ, австрійская конница сражалась съ большимъ мужествомъ для прикрытія отступленія своей пѣхоты. Также и въ другихъ сраженіяхъ она проявила выдающуюся храбрость и самопожертвованіе при отступленіи разбитой арміи, напримѣръ: при Экмюлѣ, Эглофсгеймѣ и Регенбургѣ. Въ послѣднемъ сраженіи 40 эскадроновъ австрійскихъ кирасиръ задержали, болѣе чѣмъ на три часа, французскую конницу и тѣмъ дали время всей своей арміи уйти за Дунай.

Прусская конница, хотя и хорошо снаряженная и обученная, въ 1806 г. была безъ особеннаго труда побита при Іенѣ и Ауэрштедтѣ французской конницей, которая затѣмъ своимъ энергичнымъ преслѣдованіемъ окончательно уничтожила прусскую армію. Въ 1813 и 1814 гг. союзники имѣли очень многочисленную конницу, но пользовались ею на поляхъ сраженій очень нераціонально, перемѣшивая ее съ пѣхотой, подобно тому, какъ это дѣлали маршалы Людовика XIV при Блиндгеймѣ и Рамильи. Наполеонъ, которому вслѣдствіе этого удалось свободно дѣйствовать своей артиллеріей, скоро лишилъ союзную конницу почти всякаго значенія, и дѣло дошло до того, что его конница, почти сплошь состоявшая изъ рекрутовъ, нерѣдко побѣждала союзную. При Люценѣ союзники имѣли конницу, значительно превосходившую французскую, но совершенно не воспользовались ею, и она осталась празднымъ зрителемъ пораженія пѣхоты. Наполеонъ, вполнѣ сознававшій свою слабость въ этомъ отношеніи, ожидалъ, что союзники будутъ атаковать его значительными массами конницы, и принялъ всѣ мѣры для отпора, построивъ пѣхоту въ большія каре, поддержанныя артиллеріею, и отведя конницу въ резервъ. Но союзная конница такъ и не вышла изъ бездѣйствія, и потому Наполеонъ, несмотря на ея превосходство, одержалъ побѣду.

[1]) Nolan; — Humbert; — Napier; — Beamish History of King's German Legion.

Австрійская конница начала XIX столѣтія.

Австрійская конница начала XIX столѣтія.

Прусская конница начала XIX столѣтія.

Прусская конница начала XIX столѣтія.

Послѣ сраженія при Лейпцигѣ конница союзниковъ усилилась до 60.000 коней, и, конечно, при такой ея многочисленности, можно бы было достигнуть большихъ результатовъ при преслѣдованіи Наполеона. Чернышевъ и Орловъ-Денисовъ съ казаками, дѣйствительно, постоянно насѣдали на французовъ и захватывали всѣхъ отсталыхъ; но чего нибудь въ родѣ преслѣдованія послѣ Іены и въ поминѣ не было.

Интересно упомянуть здѣсь о рѣшительномъ успѣхѣ, одержанномъ 26 прусскими эскадронами полковника Дольфса надъ французской дивизіей Мезона близъ Гайнау 26 мая 1813 г. Французы, построенные въ восемь каре, поддержанные артиллеріей, были рѣшительно атакованы и почти совершенно уничтожены въ какіе нибудь 15 минутъ времени; только небольшая часть конницы успѣла ускакать.

Послѣ сраженія при Ватерлоо пруссаки преслѣдовали французовъ въ высшей степени энергично, хотя 1.500 чел. пруссаковъ подъ командой полковника Соора, неосторожно выдвинувшіеся впередъ, были атакованы 1 іюля 1815 г. у Роканкура близъ Версаля и взяты въ плѣнъ. Это дѣло интересно тѣмъ, что было послѣднимъ въ длинномъ рядѣ Наполеоновскихъ войнъ. Тактика кавалеріи въ этотъ періодъ была во всѣхъ европейскихъ арміяхъ одинакова, и только казаки имѣли свой особый образъ дѣйствій.

Англійская конница отличалась во времена войнъ въ Испаніи и поддержала тамъ славу, заслуженную въ нидерландскихъ кампаніяхъ 1793—94 гг. Въ сраженіи при Саламанкѣ дѣло было рѣшено атакой кавалеріи Ле-Маршана и Ансона подъ командой сэра Коттона. Въ нѣсколько минутъ лѣвое французское крыло было совершенно разстроено, взято 2.000 плѣнныхъ и 5 орудій, остатки французской дивизіи загнаны въ лѣсъ, и дивизія перестала существовать.

Въ англійской арміи того времени служило много ганноверцевъ и другихъ нѣмцевъ, изъ которыхъ былъ сформированъ такъ называемый королевскій нѣмецкій легіонъ; при немъ числилось два полка тяжелыхъ драгунъ и 3 полка гусаръ. Эта конница пользовалась большой извѣстностью; первый гусарскій полкъ полковника Ареншильда считался лучшей легкой конницей всей арміи для аванпостной службы, а наиболѣе блестящая атака во всѣхъ испанскихъ походахъ была произведена драгунской бригадой генерала Бока при Гарціи Херсандецѣ, на слѣдующій день послѣ Саламанскаго сраженія.

Въ исторіи нѣмецкаго легіона Бемиша мы находимъ слѣдующія подробности объ этомъ дѣлѣ:

„Такъ какъ въ началѣ дѣла французская пѣхота и артиллерія были скрыты неровностями мѣстности, то бригады, по приказанію лорда Велингтона, двинулись галопомъ на непріятельскую конницу. Пока полки шли ущельемъ, они вынуждены были двигаться по три; выйдя же изъ него, начали, не останавливаясь, выстраивать фронтъ по первымъ эскадронамъ.

Головной эскадронъ перваго полка ротмистра Гатторфа съ генераломъ Бокомъ, штабъ-офицеромъ полка и англійской артиллеріи подполковникомъ Майемъ, привезшимъ приказаніе, бросился прямо на непріятеля, не дожидаясь прочихъ".

Лѣвый флангъ французскихъ всадниковъ началъ отходить передъ атакой бригады Ансона, а находившіеся въ центрѣ повернули назадъ при приближеніи эскадрона Гатторфа. При преслѣдованіи эскадронъ этотъ попалъ подъ огонь пѣхоты, которымъ Май и много людей и лошадей были ранены, и преслѣдованіе остановлено.

Ротмистръ Густавъ фонъ-деръ-Декенъ, командовавшій третьимъ или лѣвофланговымъ эскадрономъ полка, замѣтилъ, что если онъ будетъ продолжать наступленіе въ предписанномъ порядкѣ, то неминуемо подставитъ свой флангъ огню пѣхотнаго каре, и принялъ смѣлое рѣшеніе атаковать его однимъ своимъ эскадрономъ.

Сомкнуто, въ полномъ порядкѣ тронулся эскадронъ противъ каре, открывшаго частый огонь; въ 120 шагахъ отъ него Декенъ былъ смертельно раненъ пулей въ колѣно, лейтенантъ фонъ-Фосъ и много людей и лошадей убито. Ротмистръ фонъ-Усларъ-Глейхенъ, командиръ лѣваго полуэскадрона, тотчасъ выскочилъ передъ средину эскадрона и, ободривъ нѣсколькими словами людей, повелъ ихъ дальше; второй залпъ уложилъ еще больше драгунъ, но они продолжали движеніе и подскочили къ самому каре, охвативъ его заѣздомъ правымъ плечомъ съ двухъ сторонъ. Двѣ переднія шеренги каре на колѣняхъ выдвинули впередъ штыки, заднія четыре, стоя, направляли ружья въ подскакавшихъ драгунъ. Въ эту минуту случайный выстрѣлъ, повалилъ одну лошадь съ всадникомъ на штыки и тѣмъ открылъ дорогу прочимъ. Драгуны, несмотря на открытый по нимъ огонь, прорвались въ каре, и весь баталіонъ былъ перебитъ или взятъ въ плѣнъ.

Ротмистръ Ритценштейнъ, командиръ 2 эскадрона, встрѣтилъ на пути очень трудную мѣстность и, замѣтя успѣхъ товарищей, рѣшилъ также повернуть на пѣхоту и атаковать второе каре, стоявшее на вершинѣ холма. Онъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ; лейтенантъ Хюгель убитъ, лейтенантъ Траппъ тяжело раненъ. Но духъ французскихъ пѣхотинцевъ былъ уже потрясенъ только что происшедшимъ на ихъ глазахъ уничтоженіемъ перваго каре: нѣкоторые изъ нихъ оставили свои ряды, каре было прорвано и также частью перебито, частью взято въ плѣнъ. Люди, успѣвшіе спастись, построили третье каре; небольшая часть конницы прискакала къ нимъ на помощь. Противъ нихъ обратился ротмистръ баронъ Маршалькъ съ третьимъ эскадрономъ 2-го полка и полуэскадрономъ 2-го эскадрона лейтенанта Фуметти; онъ сначала разсѣялъ непріятельскую конницу, затѣмъ атаковалъ пѣхоту и почти совершенно ее уничтожилъ"[1]).

---

[1]) History of King' German Legion II, 81—84.

Генералъ Фуа, въ своей исторіи испанскихъ войнъ, говоритъ, что это были самыя блестящія атаки въ этихъ войнахъ. Также и Веллингтонъ высказываетъ въ своихъ донесеніяхъ, что онъ никогда не видалъ болѣе лихихъ атакъ.

Ватерлоо, рѣшающая и послѣдняя битва наполеоновскихъ войнъ, была высшимъ тріумфомъ англійской арміи. Въ этомъ дѣлѣ конница ея выказала необычайное мужество; справедливость требуетъ впрочемъ сказать, что и противники ея, французскіе кирасиры и драгуны, проявили не меньше геройства.

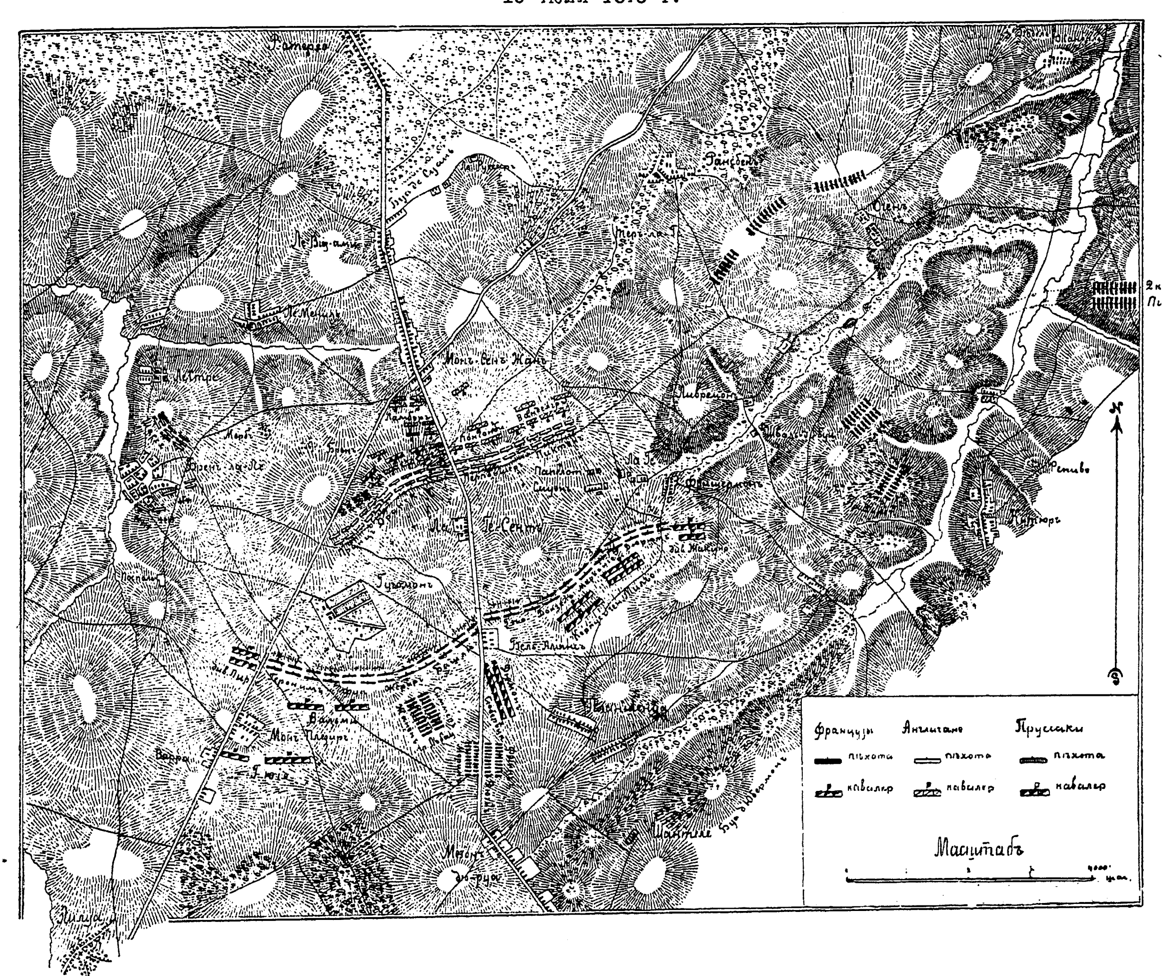
Сраженіе при Ватерлоо началось атакой французовъ на центръ и лѣвый флангъ англичанъ съ обѣихъ сторонъ фермы Ла-Гэ-Сентъ. 20.000 чел. Нея и Эрлона двинулись въ четырехъ колоннахъ, поддержанные артиллеріей и конницей; эта огромная масса шла въ полномъ порядкѣ, сопровождаемая огнемъ 74 орудій, и сбила первую линію союзниковъ, которая въ безпорядкѣ отошла черезъ интервалы второй, гдѣ находился мужественный генералъ Пиктонъ, который уже водилъ свои части къ побѣдѣ на стольких поляхъ сраженій. У него было всего двѣ слабыя бригады, силой въ 3.000 чел., растянутыя въ одну тонкую линію, между тѣмъ какъ наступающія колонны были, по крайней мѣрѣ, вчетверо сильнѣе; тѣмъ не менѣе онъ спокойно и твердо ожидалъ нападенія. Французы подошли и начали развертываться; Пиктонъ воспользовался очень удачно этимъ моментомъ: давъ залпъ, онъ бросился на нихъ въ штыки, слѣдуя въ головѣ своихъ частей, но тутъ же былъ убитъ пулей въ голову. Французы, приведенные въ безпорядокъ, начали отходить; тогда англійская кавалерійская бригада Понсонби, пройдя черезъ интервалы своей пѣхоты, яростно ихъ атаковала. Французы были окончательно разсѣяны и потеряли въ нѣсколько минутъ 2.000 плѣнныхъ и 2 орла. Между тѣмъ англійская конница, поддержанная слѣва бригадой Ванделёра, продолжала движеніе, атаковала артиллерію, захватила 24 орудія и, перерѣзавъ хомуты и постромки, лишила ихъ возможности передвигаться. Затѣмъ англійскіе всадники помчались дальше, атаковали еще третью линію орудій и конницы и опрокинули ихъ. Но тутъ Наполеонъ, увидавъ наступившій безпорядокъ, выдвинулъ изъ второй линіи кирасиръ Мильго, и эти свѣжія части всадниковъ отбросили пришедшіе въ разстройство эскадроны Понсонби и нанесли имъ страшныя потери. Самъ Понсонби былъ убитъ, и едва только пятая часть его людей возвратилась обратно.

Несмотря на столь печальный исходъ атаки, она имѣла очень большое значеніе, такъ какъ, благодаря ей, была уничтожена колонна въ 5.000 чел., взято 2.000 плѣнныхъ, сдѣланы негодными къ употребленію 80 орудій и, главное, былъ остановленъ предполагавшійся французами сильный ударъ, и такимъ образомъ на этой части поля сраженія дѣло повернулось въ пользу англичанъ.

Между тѣмъ Наполеонъ продолжалъ наступленіе на Ла-Гэ-Сентъ, взялъ ее и двинулся далѣе. Кирасиры Мильго уничтожили Ганноверскій баталіонъ, но были сами атакованы англійской гвардіей и опрокинуты съ большими потерями; затѣмъ англичане бросились преслѣдовать; резервы ихъ, горя желаніемъ участвовать въ дѣлѣ, послѣдовали за ними, какъ

ПЛАНЪ ОРАЖЕНІЯ ПРИ ВАТЕРЛОО

15 іюля 1815 г.

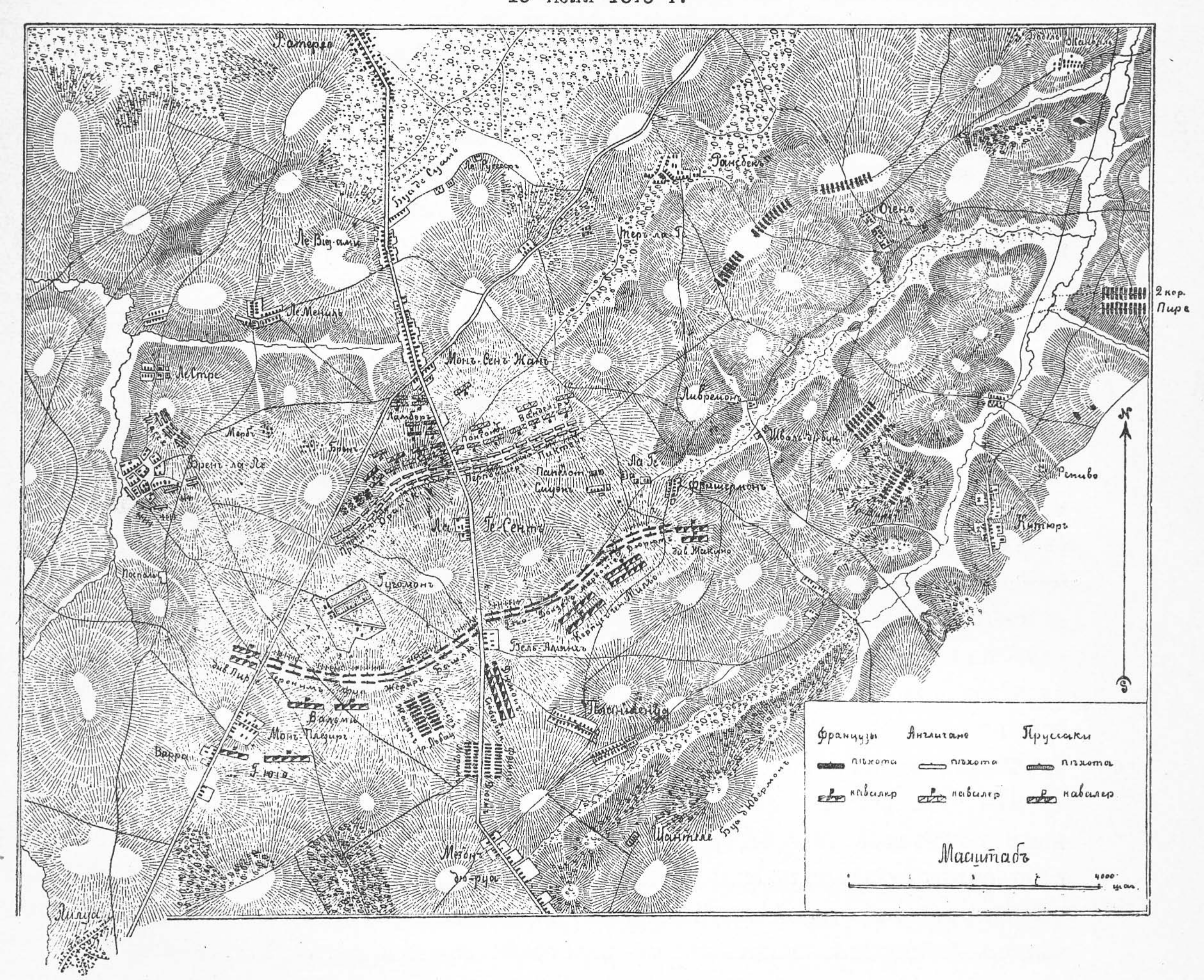


вдругъ они, пришедшіе уже въ нѣкоторый безпорядокъ, были атакованы французскими уланами и въ свою очередь опрокинуты; тутъ вмѣшались въ дѣло 12 и 16 англійскіе конные полки и выручили своихъ, отбросивъ улановъ.

Тогда Наполеонъ рѣшился на отчаянную попытку разбить своими кирасирами лѣвый флангъ союзниковъ. Распоряженія Веллингтона для отраженія этой атаки были очень искусны и вѣрно разсчитаны; онъ рас-

ПЛАНЪ ОРАЖЕНІЯ ПРИ ВАТЕРЛОО

15 іюля 1815 г.



положилъ пѣхотныя каре въ шахматномъ порядкѣ съ артиллеріей въ интервалахъ и ожидалъ нападенія. Французы открыли сильнѣйшій орудійный и ружейный огонь, для укрытія отъ котораго англичане вынуждены были лечь, но какъ только показалась конница, они вскочили и открыли пальбу залпами; артиллерія стрѣляла картечью до послѣдней минуты и затѣмъ прислуга ушла въ середину каре. Орудія попадали нѣсколько разъ въ руки французскихъ кирасиръ, во время ихъ отчаянныхъ попытокъ прорвать пѣхотныя каре; всякій разъ послѣ отбитаго нападенія артиллеристы бѣжали къ своимъ орудіямъ и открывали стрѣльбу вслѣдъ отступающимъ всадникамъ.

Почти вся конница Наполеона погибла въ этихъ лихихъ, но безплодныхъ атакахъ лѣваго крыла англичанъ. Послѣ отчаянныхъ усилій и многихъ атакъ отошли въ безпорядкѣ остатки французской конницы. Это была только тѣнь тѣхъ блестящихъ эскадроновъ, которые были выстроены въ утро этого дня на поляхъ Бель-Алльянса. Неразумное употребленіе резервной конницы въ первые фазисы этого боя и уничтоженіе императорской гвардіи въ послѣднія его минуты, были главными причинами совершеннаго пораженія французской арміи. Свѣжій кавалерійскій резервъ могъ бы прикрыть отступленіе ея и предотвратить обращеніе неудачи въ катастрофу.

Англійская конница въ эту войну состояла изъ лейбъ-гвардіи, гвардейскихъ или тяжелыхъ драгунъ и изъ легкихъ драгунъ и гусаръ, которые были вооружены, какъ и въ прочихъ государствахъ, холоднымъ оружіемъ, пистолетами и карабинами. Улановъ въ то время не было.

Глава VII.

Конница и ея служба отъ временъ Наполеона до 1854 года[1]).

За время отъ окончанія большихъ революціонныхъ войнъ до введенія нарѣзнаго оружія, т. е. отъ Ватерлоо до Крымской кампаніи, не было ни большихъ войнъ, ни выдающихся улучшеній въ военномъ дѣлѣ.

Наиболѣе важными войнами были: войны Россіи съ Турціей 1828—1829 гг., польская война 1830—1831 гг., походы французовъ въ Алжирѣ и англичанъ въ Индіи [2]). При разсмотрѣніи ихъ подробностей найдется

[1]) Ивановъ; — Окуневъ, война 1831 г.; — Солтыкъ; — Мемуары Дембинскаго; — Dr. E. H. Nolan, History of British India; — Havelock.

[2]) Рядомъ съ ними достойны упоминанія дѣйствія кавалеріи въ войнѣ на Кавказѣ и въ вызванныхъ политическимъ движеніемъ битвахъ 1848—49 гг. въ Даніи, Познани, Баденѣ, Италіи и Австріи. Примѣчаніе Брикса.

очень мало перемѣнъ въ образѣ дѣйствій конницы; мы укажемъ вкратцѣ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ Россіи — дѣятельность Императора Николая I по отношенію къ конницѣ была различна въ разное время его царствованія. Въ началѣ его 2 драгунскія дивизіи были переформированы въ одну уланскую и одну гусарскую и все число конницы, по экономическимъ причинамъ, уменьшено. Напротивъ, послѣ польской кампаніи 1831 г. значеніе конницы было оцѣнено и число ея увеличено; всѣ полки были переформированы въ восьми-эскадронный составъ и предположено формированіе резервовъ.

Въ войнѣ Россіи съ Персіей, начавшейся въ 1826 г., особенно замѣчательна битва при Елисаветполѣ. Персы, имѣвшіе очень многочисленную конницу, построили пѣхоту въ центрѣ, конницу на флангахъ и попытались обойти и окружить русскую армію. Огонь русской артиллеріи остановилъ ихъ наступленіе. Упорное сопротивленіе русскихъ повело къ неудачѣ атаки конницей, а центръ русскихъ прорвалъ и отбросилъ персидскую пѣхоту. Побѣда была докончена конницей, которая энергично преслѣдовала и захватила много плѣнныхъ.

Во время русско-турецкой кампаніи (1828—1829 г.), при операціяхъ противъ Шумлы, генералъ Мадатовъ былъ посланъ 29 августа 1829 г. съ второй бригадой третьей гусарской дивизіи, первымъ уланскимъ полкомъ и 6 конными орудіями въ тылъ турецкой арміи, для воспрепятствованія доставки припасовъ въ Шумлу. Онъ захватилъ 97 чел., 50 лошадей, много скота и 106 повозокъ съ продовольствіемъ.

Въ польскую кампанію отдѣльные отряды генераловъ Крейца и Ридигера имѣли въ своемъ составѣ много конницы. У перваго въ 1831 г. было 9.043 чел. пѣхоты, 5.137 коней и 71 орудіе; а у второго — 6.686 чел. пѣхоты, 6.762 коня, исключая казаковъ и 24 орудія.

Польская конница оказалась очень хорошей и дѣятельной и имѣла нѣсколько выдающихся предводителей. Такъ, при Дембе-Вельке, 31-го марта 1831 г., генералъ Скаржинскій произвелъ очень удачную атаку на русскій центръ, которая собственно и рѣшила дѣло, при чемъ захватилъ плѣнныхъ и орудія.

Однимъ изъ лучшихъ польскихъ кавалеристовъ былъ генералъ Дверницкій. При его экспедиціи на Волынь въ 1831 г. у него было 2.700 коней, 1.300 пѣхоты и нѣсколько орудій. Послѣ боя при Боремлѣ онъ былъ прижатъ къ австрійской границѣ и вынужденъ сдаться австрійцамъ.

Самый интересный для кавалерійскаго офицера эпизодъ изъ польской кампаніи — это походъ генерала Дембинскаго черезъ Литву въ іюлѣ 1831 г., походъ, который имѣлъ много общаго съ позднѣйшими партизанскими дѣйствіями междоусобной американской войны. Онъ заслуживаетъ вниманія, потому что показываетъ, что можетъ сдѣлать предпріимчивый и смѣлый кавалеристъ.

Въ началѣ іюля 1831 г. польская армія находилась въ Куршанахъ, гдѣ рѣшили раздѣлить ее на три отряда, одинъ изъ которыхъ Дембинскій взялся отвести въ Варшаву, окружнымъ путемъ черезъ Литву, гдѣ было много русскихъ войскъ. Отрядъ состоялъ изъ 3.800 чел. при 6 орудіяхъ. Дембинскій выступилъ 9 іюля и слѣдовалъ черезъ Мишкуцы и Покрой на Поневѣжъ и Ованту, гдѣ его арьергарду пришлось выдержать упорный бой съ колонной преслѣдовавшаго его генерала Савоини. Съ наступленіемъ ночи движеніе было продолжено черезъ Окмину, Маляту и Интурки на Подбродзе, куда его пѣхота была подвезена галопомъ на лошадяхъ и затѣмъ храбро штурмовала непріятельскую позицію. Оттуда Дембинскій повернулъ на сѣверъ и шелъ нѣкоторое время въ этомъ направленіи, чтобы ввести русскихъ въ заблужденіе; затѣмъ круто повернулъ на юго-востокъ и форсированнымъ маршемъ двинулся на Данушевъ, гдѣ перешелъ Вилію. Избѣжавъ, съ большимъ искусствомъ, всѣхъ посланныхъ противъ него колоннъ, онъ продолжалъ движеніе сначала въ южномъ, затѣмъ въ юго-западномъ направленіи черезъ Сморгонь, Кревъ, Баруны и Ольшаны къ Збойску на Нѣманѣ, перешелъ здѣсь эту рѣку и двинулся черезъ Дзенціолъ, Волю на Шарѣ, Порозово, Наревку на Наревѣ, Бѣльскъ, Нуръ на Бугѣ и Ядовъ въ Варшаву, куда и прибылъ 3 августа. Дембинскій во время похода долженъ былъ переправиться черезъ одну большую и шесть маленькихъ рѣкъ и ловкостью своихъ движеній и искусствомъ распоряженій сумѣлъ ввести противника въ совершенное заблужденіе, такъ что, сдѣлавъ въ 25 дней 130 польскихъ (149 нѣмецкихъ) миль, привелъ свой отрядъ благополучно въ Варшаву. Онъ захватилъ по пути большія денежныя суммы и много запасовъ и нашелъ время и возможность переформировать два изъ своихъ орудій въ конныя. Для производства форсированныхъ маршей онъ бралъ у мѣстныхъ жителей лошадей и давалъ ихъ по пятидесяти на баталіонъ для болѣе утомленныхъ людей; онъ самъ говоритъ, что этой мѣрой, дозволившей ему давать отдыхъ усталымъ пѣхотинцамъ безъ прекращенія движенія, онъ обязанъ спасеніемъ и успѣхомъ. Кромѣ того часть своей пѣхоты онъ обратилъ въ ѣздящую, давъ ей лошадей на все время; эта конная пѣхота оказалась ему очень полезной, такъ какъ она могла, увеличивая аллюръ, слѣдовательно, не задерживая движенія всей колонны, разсѣивать мелкія части, преграждавшія ей дорогу.

Въ Индіи англичанамъ пришлось за послѣднія 100 лѣтъ вести много войнъ, въ большей части которыхъ конница играла значительную роль съ обѣихъ сторонъ. Туземныя войска во многихъ государствахъ содержали много конницы, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользовалась конница маратовъ. Когда Гайдеръ-Али напалъ въ 1780 г. на англичанъ, то въ его войскѣ было 28.000 чел. конницы и 15.000 регулярной пѣхоты, кромѣ піонеровъ, рабочихъ и т. п. Всадники атаковали англичанъ безпорядочными массами и не могли сломить сомкнутыя британскія войска.

Большая подвижность туземныхъ армій давала имъ всегда извѣстное преимущество надъ англичанами, которые поэтому не были въ состояніи довершить побѣду энергичнымъ преслѣдованіемъ. Операціи лорда Лэка въ 1803—1806 гг. интересны потому, что полководецъ этотъ понималъ свойства конницы и умѣлъ ею пользоваться. Лордъ Лэкъ получилъ въ ранней юности первоначальное военное обученіе во время войнъ Фридриха Великаго и тамъ научился цѣнить хорошо обученную и организованную конницу. У Фридриха была уже тогда конная артиллерія; Лэкъ схватилъ эту мысль и придалъ каждому конному полку по 2 шестифунтовыхъ орудія, прислуга къ которымъ назначалась изъ рядовъ полка. Эти орудія имѣли запасныхъ лошадей, чтобы смѣнять ими утомленныхъ и никогда не отставать отъ конницы.

Всю зиму 1802 г. и весну 1803 г. Лэкъ обучалъ и упражнялъ свои войска, состоявшія изъ 3 англійскихъ драгунскихъ полковъ и 5 полковъ легкой вспомогательной конницы при 16 орудіяхъ. Такимъ путемъ онъ получилъ отлично обученную часть, соединявшую быстроту движенія съ возможностью поражать противника огнемъ. Такого рода войско и было, дѣйствительно, необходимо для борьбы съ врагомъ, противъ котораго оно подготовлялось. Мараты, какъ мы уже говорили, имѣли отличную легкую конницу, дѣйствовавшую по образцу пароянъ или казаковъ и обладавшую гораздо большею подвижностью, чѣмъ англичане, вслѣдствіе чего она могла совершенно внезапно появляться на пунктахъ, гдѣ ее не ожидали, и также быстро исчезать, избѣгая пораженія и преслѣдованія.

Голькаръ, имѣвшій 60.000 легкихъ всадниковъ и 130 орудій, побѣдивъ Синдія и раджу Берара въ битвѣ при Ассайѣ, Аргумѣ, Дели и Ласвари, выступилъ противъ англичанъ. Первыя его операціи въ 1804 г. были удачны; такъ, ему удалось помѣшать движенію полковниковъ Муррэя и Монсона. Затѣмъ, при приближеніи Лэка съ главными силами, Голькаръ раздѣлилъ свое войско: регулярную пѣхоту съ орудіями послалъ на югъ, а самъ съ конницей двинулся на сѣверъ для производства набѣга. Лэкъ быстро принялъ рѣшеніе. Оставивъ генерала Фразера съ пѣхотой и тяжелыми орудіями для наблюденія за непріятельской пѣхотой, онъ самъ двинулся за Голькаромъ съ 6 конными полками, нѣсколькими конными и состоявшими при полкахъ орудіями и бригадой туземной пѣхоты, признанной лучшей по неутомимости въ ходьбѣ. Обозъ былъ взятъ самый ограниченный, и были приняты всѣ мѣры для достиженія наибольшей подвижности.

Преслѣдованіе началось 31 октября и продолжалось до 16 ноября безъ того, чтобы разстояніе, отдѣлявшее обѣ стороны (25 — 30 англійскихъ миль) уменьшилось. 16 ноября, когда Лэкъ сдѣлалъ дневку, Голькаръ былъ уже на 36 миль впереди; тѣмъ не менѣе англійскій полководецъ рѣшился произвести ночной маршъ и неожиданно атаковать Голькара. Дѣло удалось вполнѣ. Англичане подошли къ лагерю Маратовъ на разсвѣтѣ;

лошади маратовъ были спутаны, люди спали, закутанные въ одѣяла; англійская артиллерія открыла огонь, драгуны бросились въ атаку; пораженіе маратовъ было полное, самъ Голькаръ едва спасся. Преслѣдованіе продолжалось на 10-ть миль, слѣдовательно, англичане прошли въ сутки около 70 англійскихъ миль, что должно быть признано за очень усиленное движеніе, особенно если принять въ соображеніе, что передъ тѣмъ въ 15 дней было сдѣлано около 350 миль.

Лэкъ потерялъ 2 убитыхъ и около 20 раненыхъ людей и 75 лошадей; мараты оставили на полѣ битвы 3.000 убитыхъ. Этотъ почти необыкновенный успѣхъ былъ одержанъ 3.500 противъ 60.000 и долженъ быть приписанъ главнымъ образомъ удачному сочетанію быстрыхъ движеній съ дѣйствіемъ огнемъ.

Другой операціей того-же характера было преслѣдованіе Амеръ-хана той-же конницей, порученной Лэкомъ генералу Смиту. На этотъ разъ она прошла около 700 миль (175 нѣмецкихъ) въ 43 дня и только у самой подошвы Гималая, близъ Цульгарка, 2 марта 1805 г., могла принудить Амеръ-хана принять бой. Послѣ упорной борьбы англичане одержали побѣду, но значительной части непріятельскихъ всадниковъ, благодаря большой быстротѣ ихъ коней, удалось спастись бѣгствомъ.

2 апрѣля 1805 года Лэкъ вторично напалъ нечаянно, опять послѣ ночнаго марша, на остатки конницы Голькара, перебилъ около 1.000 чел. и гналъ остальныхъ на 15 миль, потерявъ самъ всего около 20 чел. Приведенные примѣры показываютъ, какое значеніе получаетъ конница при такой организаціи и вооруженіи, которыя даютъ ей возможность быстро двигаться, а когда нужно, дѣйствовать огнемъ.

Недостатокъ подобнаго рода конницы чувствовался англичанами при возстаніи сипаевъ въ 1857 г., когда они дѣйствительно разбивали возставшихъ, гдѣ встрѣчали ихъ, но имъ очень рѣдко удавалось настичь ихъ.

Французская конница въ Алжирѣ пріобрѣла большую опытность въ борьбѣ съ толпами иррегулярныхъ всадниковъ, годившихся для одиночнаго боя, но не умѣвшихъ сомкнуто маневрировать массами.

Въ цѣломъ ряду боевъ, какъ напримѣръ при Буффарикѣ въ 1832 г., Цигѣ и Хиффѣ 1835 г., Тафнѣ 1835 г., Исли 1845 г., французы оставались побѣдителями. Такъ какъ эти битвы представляютъ много общаго съ описанными уже боями противъ мамелюковъ, то разсмотрѣніе ихъ въ подробности не можетъ представить интереса.

Періодъ V.

Отъ введенія нарѣзнаго оружія до настоящаго времени.

Глава I.

Вліяніе нарѣзнаго оружія. — Крымская война. — Итальянская война 1859 года[1]).

Нарѣзное оружіе и значеніе его, въ смыслѣ большей вѣроятности попаданія, были уже извѣстны въ XVII столѣтіи; но такъ какъ въ то время ружья заряжались съ дула, то приходилось втискивать пулю въ стволъ съ большой силой, чтобы она заполнила нарѣзы и получила, такимъ образомъ, при выстрѣлѣ вращательное движеніе. Вслѣдствіе этого заряжаніе требовало много времени, и нарѣзное оружіе не нашло примѣненія въ войскахъ.

Заряжаніе ружей съ казны было также давно извѣстно (съ 1540 г.), но техническое производство въ то время было еще такъ мало развито, что никакъ не удавалось приготовить хорошаго образца подобнаго рода ружья, и въ обращеніи продолжали оставаться винтовки, заряжаемыя съ дула. Какъ мы видѣли, онѣ получили въ американскихъ революціонныхъ войнахъ болѣе широкое примѣненіе, особенно въ рукахъ стрѣлковъ, и по образцу послѣднихъ были заведены въ большинствѣ армій особенныя части легкой пѣхоты, вооруженныя винтовками.

Между тѣмъ новое открытіе дало толчокъ этому дѣлу. Въ 1823 г. 34-го англійскаго полка капитанъ Нортонъ изобрѣлъ цилиндро-коническую пулю, но это изобрѣтеніе такъ и заглохло до 1853 г., когда придуманная на тѣхъ же основаніяхъ французскимъ капитаномъ Миньѐ пуля была принята въ европейскихъ арміяхъ. Пуля эта, расширявшаяся при выстрѣлѣ и такимъ образомъ заполнявшая нарѣзы, уничтожила трудность заряжанія и дала пѣхотѣ возможность имѣть оружіе, обладавшее дальностью и мѣткостью.

---

[1]) Humbert; — Beamish; — Kinglake, Invasion of the Crimea; — Богдановичъ, Восточная война; — Renard.

Это былъ второй тяжелый ударъ, нанесенный конницѣ со времени изобрѣтенія пороха. Первымъ была увеличившаяся въ огнестрѣльномъ оружіи сила удара, вызвавшая уничтоженіе предохранительнаго снаряженія и возрожденіе пѣхоты, какъ рода оружія, въ бою. Новый же ударъ долженъ былъ повлечь за собою еще болѣе важныя измѣненія въ отношеніяхъ конницы и пѣхоты, такъ какъ вѣроятность попаданія увеличилась значительно, а дальность въ три раза. Заряжаніе съ казны увеличило вчетверо скорость стрѣльбы, такъ что теперь атакующая конница должна была ожидать, по крайней мѣрѣ, 10 залповъ, между тѣмъ какъ во времена Фридриха и Наполеона пѣхотѣ по большей части не приходилось давать болѣе одного залпа.

Нельзя отвергать, что эти новыя изобрѣтенія имѣли весьма важное вліяніе на тактику конницы и ея примѣненіе и, кажется, вполнѣ будетъ умѣстно упомянуть о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя должны были быть сдѣланы въ организаціи, вооруженіи и употребленіи конницы, чтобы бороться со вновь появившимися препятствіями.

Прежде всего мы разсмотримъ то вліяніе, которое оказало нарѣзное и заряжаемое съ казны оружіе въ войнахъ, послѣдовавшихъ за его изобрѣтеніемъ, а затѣмъ на основаніи этого выскажемъ наши взгляды на современныя требованія по отношенію къ вооруженію и къ примѣненію конницы.

Первая война, въ которой были употреблены пули Минье, произошла между Россіей и западно-европейскими союзными державами въ Крыму въ 1854 г. Операціи этой войны состояли почти исключительно въ продолжительной осадѣ и, слѣдовательно, дали конницѣ мало случаевъ испробовать свои силы противъ пѣхоты.

Въ сраженіи при Альмѣ союзники имѣли не болѣе 1.000 всадниковъ; совершенно понятно, что они не только не могли бороться съ многочисленной русской конницей, но и не появились на полѣ сраженія. Даже послѣ окончанія битвы англійскій главнокомандующій не рѣшился пустить конницу для преслѣдованія, такъ какъ опасался, что она будетъ уничтожена русской конницей и артиллеріей.

Въ операціяхъ, предшествовавшихъ сраженію при Альмѣ и непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ, напр. при фланговомъ маршѣ къ Балаклавѣ, конница обѣихъ сторонъ дала очень слабыя доказательства своего умѣнья нести сторожевую и развѣдывательную службу. Сорокъ лѣтъ мира создали въ арміи совершенно новое поколѣніе, умѣвшее прекрасно маневрировать, но безъ всякой боевой опытности.

Развѣдывательная служба исполнялась такъ плохо съ обѣихъ сторонъ, что англо-французская армія при маршѣ на Балаклаву, выйдя на дорогу изъ Севастополя въ Бахчисарай, внезапно и совершенно неожиданно для обѣихъ сторонъ наткнулась на хвостъ русской арміи, переходившей шоссе.

Лордъ Рагланъ былъ страшно пораженъ и чуть не попался въ плѣнъ; русскіе, не менѣе пораженные, поспѣшили уйти. Англійская конница лорда Лукана попала не на ту дорогу, на которую слѣдовало, и пошла по ней, строго придерживаясь правилъ, указанныхъ въ уставѣ, въ строю обозначенномъ для авангарда, оставляя безъ всякаго вниманія сосѣднія дороги и вокругъ лежащую мѣстность. Такимъ образомъ двѣ непріятельскія арміи двигались на перерѣзъ другъ другу, такъ что даже сошлись на одномъ пунктѣ, не угадавъ взаимныхъ намѣреній и даже безъ столкновенія между конницами. Этотъ фактъ указываетъ на полнѣйшее незнакомство кавалерійскихъ офицеровъ обѣихъ армій съ одной изъ важнѣйшихъ отраслей ихъ службы.

Отъ этого фланговаго марша до сраженія при Балаклавѣ, 25 октября 1854 года, дѣйствія конницы не заслуживаютъ упоминанія; здѣсь же на долю конницы выпала львиная доля. Сраженіе это было вызвано желаніемъ генерала Липранди выбить союзниковъ изъ Балаклавы, служившей базой англичанамъ.

Аванпостная служба продолжала выполняться въ союзной арміи очень неудовлетворительно и состояла почти исключительно въ вопросахъ и отвѣтахъ: „Стой! кто идетъ"? — „Рундъ". „Какой"? — „Повѣрочный". — „Повѣрочный рундъ можетъ пройти. На посту ничего новаго". Кинглэнъ говоритъ совершенно вѣрно: „когда эти слова повторяются людьми нѣсколько тысячъ разъ, то онѣ производятъ такое же усыпляющее дѣйствіе, какъ монотонные удары волнъ о берегъ". „Человѣческій духъ можетъ быть легко убитъ формулой, но никакъ не оживленъ".

Результатомъ такой службы было то, что аванпосты англичанъ получили увѣдомленіе о приближеніи непріятеля отъ дежурнаго штабъ-офицера, между тѣмъ какъ должно было бы быть какъ разъ наоборотъ. Такимъ образомъ русскіе подошли внезапно къ линіи передовыхъ редутовъ, взяли ихъ штурмомъ одинъ за другимъ и, частью перебивъ, частью захвативъ въ плѣнъ занимавшихъ ихъ турокъ, двинулись дальше на Балаклаву. Многочисленная конница, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ коней, прикрывала это движеніе; четыре эскадрона ея, высланные къ Кадыкіою, встрѣтили здѣсь 93-й шотландскій полкъ, который, въ развернутомъ строю, далъ по нимъ залпъ, послѣ чего русскіе всадники отошли. Объ этомъ дѣлѣ было много говорено: англійскіе писатели старались выставить его важной побѣдой пѣхоты надъ конницей, но на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Одинъ извѣстный англійскій кавалерійскій офицеръ, присутствовавшій при этомъ, говоритъ, что русскіе эскадроны совсѣмъ и не собирались атаковать, а просто производили демонстрацію съ цѣлью побудить противника развернуть свои силы; поэтому, когда 93-й полкъ показался па холмѣ, то они, считая свое дѣло выполненнымъ, повернули назадъ. Сэръ Колинъ Кэмпбель, командиръ 93-го полка, опытный офицеръ, очень хорошо пони-

малъ чего добиваются русскіе, и сообразно съ этимъ принялъ свои мѣры; онъ же вполнѣ призналъ искусство, выказанное командиромъ русской демонстрировавшей части, потому что сказалъ своему адъютанту: „Шедуэль, этотъ офицеръ понимаетъ свое дѣло".

Вскорѣ послѣ того, слѣдовавшій съ частью англійской тяжелой кавалерійской бригады къ южной долинѣ генералъ Скерлетъ вдругъ увидалъ у себя на флангѣ значительную массу русской конницы, которая, повидимому, шла въ его направленіи, но замѣтивъ его, пріостановилась. Не медля ни минуты, Скерлетъ заѣхалъ во фронтъ и бросился прямо на центръ русскихъ. Атака эта на стоявшаго на мѣстѣ врага удалась вполнѣ тѣмъ болѣе, что русскія поддержки стояли такъ близко отъ первой линіи, что утратили совершенно значеніе резерва; Скэрлетъ же былъ поддержанъ другими эскадронами своей бригады, атаковавшими непріятеля во флангъ. Результатомъ столкновенія было то, что русскіе вынуждены были начать отступленіе, которое и было произведено ими безъ преслѣдованія со стороны англичанъ. Поведеніе лорда Кардигана, остававшагося со своей легкой бригадой празднымъ зрителемъ боя вмѣсто того, чтобы атаковать русскихъ во флангъ, должно быть признано безусловно ошибочнымъ и доказываетъ насколько продолжительная мирная служба вызываетъ рутину.

Часъ или два послѣ только что описаннаго дѣла произошла знаменитая атака „шестисотъ". Она была предпринята вслѣдствіе невѣрно понятаго приказанія, и лордъ Кардиганъ прошелъ 3.000 слишкомъ шаговъ подъ гору, все время подъ убійственнымъ артиллерійскимъ и пѣхотнымъ перекрестнымъ огнемъ. Самая атака была ведена въ высшей степени блестящимъ образомъ и доказала высокую храбрость всѣхъ участниковъ, но все было напрасно: пушечный и ружейный огонь уничтожилъ почти всю бригаду, изъ которой вернулось всего 195 чел. Дѣло это не представляетъ ничего поучительнаго для кавалерійскаго офицера и заслуживаетъ упоминанія только по тому беззавѣтному мужеству, съ которымъ всадники эти пошли на вѣрную смерть[1]).

Для прикрытія ихъ отступленія генералъ д'Аллонвилль атаковалъ съ только что прибывшимъ на поле битвы 4-мъ африканскимъ конно-егерскимъ полкомъ русскую артиллерію, стоявшую на Федюхиныхъ высотахъ. Атака была произведена разомкнутая, en fourrageurs, и вынудила нѣсколько русскихъ батарей сняться съ позиціи; выполнена она была смѣло, искусно и своевременно.

Говорятъ, что потери, понесенныя легкой англійской бригадой, были причинены ей преимущественно штуцерниками, засѣвшими на окаймляю-

[1]) Съ этимъ согласиться нельзя, — примѣръ поучительный, въ особенности если дополнить его фланговой атакой своднаго уланскаго полка Еропкина и воспроизвести вообще полнѣе этотъ эпизодъ. *В. Сухомлиновъ.*

щихъ сѣверную долину холмахъ. Въ томъ же дѣлѣ появились въ первый разъ въ европейскихъ войнахъ револьверы, оружіе, имѣющее страшное дѣйствіе. Многіе англійскіе офицеры были вооружены ими и воспользовались ими при атакѣ „шестисотъ", особенно во время безпорядочно произведеннаго отступленія. Подъ нынѣ умершимъ полковникомъ Дженнинсомъ, 13-го гусарскаго полка, бывшаго въ то время ротмистромъ того же полка, была тяжело ранена лошадь и съ трудомъ подвигалась впередъ, когда на него бросилось трое русскихъ: офицеръ и два солдата. Дженнинсъ вынулъ револьверъ и угрозой выстрѣла удерживалъ преслѣдователей на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя. Наконецъ офицеръ бросился на него съ поднятой саблей; Дженнинсъ выстрѣломъ уложилъ его на мѣстѣ; тогда оба солдата прекратили преслѣдованіе, и онъ добрался благополучно до своихъ. Было и еще нѣсколько подобныхъ случаевъ въ эту войну.

Въ сраженіи при Башъ-Кадыкларѣ, 19 ноября 1853 г., на азіатскомъ театрѣ войны между княземъ Бебутовымъ и Рейсъ-Ахметомъ-пашой была произведена блистательная атака драгунами и линейными казаками на правый флангъ турокъ. Атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: турецкія каре были прорваны, правое крыло и центръ опрокинуты, 20 орудій захвачено и рѣшена побѣда. Между тѣмъ на правомъ русскомъ флангѣ князь Чавчавадзе, съ 3 дивизіонами Нижегородскихъ драгунъ, сотней конной милиціи и 4 орудіями, удерживалъ во время всего боя 5.000 башибузуковъ и курдовъ, затѣмъ опрокинулъ турецкій конный полкъ, поддержанный 8 баталіонами и 8 орудіями, и прогналъ всѣ эти войска съ поля сраженія, отнявъ у нихъ два орудія.

При Курюкъ-Дара, 24 іюля 1854 г., генералъ-маіоръ графъ НироДъ II и полковникъ Куколевскій атаковали съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ турецкую батарею, подъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; опрокинувъ непріятельскихъ всадниковъ, они захватили батарею и увезли 4 орудія съ собой. Вслѣдъ затѣмъ вышеупомянутый князь Чавчавадзе съ Нижегородскими драгунами прорвалъ нѣсколько турецкихъ каре и уничтожилъ одинъ баталіонъ: впрочемъ, полкъ понесъ при этомъ большія потери; выбыло изъ строя: офицеровъ 23 (изъ 33) и половина нижнихъ чиновъ. Несмотря на это, нижегородцы произвели еще атаку, при чемъ отняли назадъ два взятыхъ турками орудія и захватили еще четыре турецкихъ[1]).

Во время войнъ Великобританіи съ Персіей въ 1857 г. была произведена блестящая атака третьимъ бомбейскимъ легкимъ коннымъ полкомъ противъ сомкнутаго и вполнѣ готоваго къ отпору персидскаго каре въ 500 чел. Полковой адъютантъ Муръ вскочилъ первымъ въ каре; онъ

[1]) На Дунаѣ было нѣсколько интересныхъ кавалерійскихъ дѣлъ; изъ нихъ наиболѣе интересное произошло 29 сентября 1855 г. при Евпаторіи, между французской кавалерійской дивизіей д'Аллонвиля и русской уланской дивизіей Корфа. Примѣч. Брикса.

повѣсилъ саблю на темлякѣ на руку, взялъ поводья въ обѣ руки и толкнулъ лошадь на штыки; лошадь была убита, но каре прорвано и уничтожено, а самъ Муръ даже и не раненъ.

Въ итальянской кампаніи 1859 г. конница не могла играть выдающейся роли, преимущественно вслѣдствіе условій мѣстности, покрытой виноградниками и деревьями и перерѣзанной канавами. При Мадженте было нѣсколько кавалерійскихъ атакъ [1]), но все слабыми частями. Также и при Сольферино было произведено нѣсколько таковыхъ около Медоле, какъ австрійцами, такъ и французами; онѣ происходили исключительно между конными частями и съ колеблющимся успѣхомъ по мѣрѣ того, какъ та или другая сторона вводила въ дѣло резервы; конечный успѣхъ остался все-таки за французами. Въ одной изъ этихъ атакъ генералъ Дево взялъ въ плѣнъ 600 чел. австрійской пѣхоты, а африканскіе конные егеря прорвали не успѣвшіе еще окончательно построиться каре.

Вообще же можно сказать, что конница за все время похода ничего важнаго не сдѣлала. Казалось, что обѣ стороны опасались бросать ее большими массами на противника и, по всей вѣроятности, причиной нежеланія пускать конницу въ атаку на пѣхоту было мѣткое и далеко несущее нарѣзное оружіе.

При Монтебелло командиръ пьемонтскаго Монферратскаго полка полковникъ Морелли атаковалъ съ 22 уланами австрійское каре и прорвалъ его, но потерялъ 11 чел. убитыми; всѣ прочіе были ранены. Затѣмъ Морелли, хотя и смертельно раненый, атаковалъ еще три раза.

Убійственное дѣйствіе нарѣзнаго оружія породило среди конницы нѣкотораго рода панику, и многіе извѣстные военные люди выражали мнѣніе, что дѣятельность ея отнынѣ должна значительно съузиться. Даже мнѣніе, что дни конницы сочтены и что она должна быть если не совершенно уничтожена, то значительно сокращена, встрѣтило много сторонниковъ и очень мало противниковъ.

Отъ читателя, который внимательно слѣдилъ за нами, не могло ускользнуть, какъ идеи возникаютъ и затѣмъ легко доводятся до крайности и какъ въ различныя эпохи мнѣніе склонялось то въ пользу пѣхоты, то въ пользу конницы, доходя въ обоихъ случаяхъ до крайностей.

Въ разбираемомъ періодѣ все поднялось противъ конницы и можно было подумать, что и здѣсь дѣло будетъ слѣпо доведено до крайнихъ увлеченій. Но какъ въ то время, когда рыцарство испытало впервые силу

[1]) Здѣсь произведена знаменитая атака 4-хъ эскадроновъ Австрійскихъ гусаръ короля прусскаго, подъ начальствомъ храбраго полковника барона Едельсгейма, противъ французскихъ зуавовъ и иностраннаго легіона по пересѣченной мѣстности, между тутовыми деревьями и виноградниками въ окрестностяхъ Понте Веккіо ди Маджента. Означенный полкъ вообще пріобрѣлъ большую славу въ эту войну, столь невыгодную для кавалеріи. Онъ отличился, подъ предводительствомъ своего командира героя при Кавѣ, Валенцѣ. Оленго и Сольферино. Прим. Брикса.

возрождающейся пѣхоты, въ лицѣ швейцарскихъ пикинеровъ и англійскихъ лучниковъ, и позднѣе, когда конницѣ былъ нанесенъ ударъ примѣненіемъ огнестрѣльнаго оружія, кастовые предразсудки и esprit de corps рыцарей долгое время высоко держали знамя рыцарства, такъ и теперь тѣ же чувства пробудились въ конницѣ, противустали сторонникамъ мнѣнія, что конница не нужна и что ее надо уничтожить. Гордость конницы своей службой, ея славный духъ возстали противъ новыхъ воззрѣній, утверждая, что если и произошли нѣкоторыя измѣненія въ пользованіи конницей, то все же время ея не прошло и передъ ней лежитъ широкое поле дѣятельности.

Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что рамки дѣятельности ея на полѣ битвы съузились, что случаевъ для производства рѣшающихъ атакъ стало меньше, что потери при такихъ атакахъ возросли до чрезвычайности. Эти обстоятельства неминуемо должны были вызвать различныя перемѣны въ конницахъ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Въ Россіи уже въ 1856 г., сейчасъ же по окончаніи Крымской кампаніи, были произведены важныя измѣненія: армейскіе кирасиры упразднены, число драгунскихъ полковъ уменьшено и вмѣсто нихъ сформировано 14 новыхъ, болѣе легкихъ полковъ. Отмѣна кирасъ была, вѣроятно, вызвана силой удара пули Минье, дѣлавшей это вооруженіе совершенно безполезнымъ.

Въ Австріи послѣ 1859 г. конница была значительно уменьшена въ числѣ. Она состояла въ то время изъ 8-ми кирасирскихъ, 8 драгунскихъ, 12 уланскихъ и 12 гусарскихъ полковъ; каждый тяжелый полкъ имѣлъ по 6, легкій по 8 эскадроновъ, за исключеніемъ 6-го и 11-го уланскихъ, въ которыхъ было по 4 эскадрона. Кромѣ того было 2 полка гусаръ изъ охотниковъ по 4 эскадрона. Слѣдовательно, всего было 96 эскадроновъ тяжелой и 192 эскадрона легкой конницы. Въ мартѣ 1860 года конница получила новую организацію, по которой она была сокращена на 2 полка, а именно изъ 8-ми драгунскихъ полковъ — 1, 2, 3 и 6 обращены въ кирасирскіе, 5-й и 7-й остались драгунскими, остальные два — № 4-й и 8-й расформированы. Легкая кавалерія сокращена до 24 эскадроновъ [1]). По словамъ генерала Ренара, у кирасиръ, хотя и сохранившихъ это названіе, была упразднена кираса.

Въ Пруссіи, напротивъ того, конница, заключавшая въ себѣ до итальянской войны 80 эскадроновъ тяжелой и 72 эскадрона легкой конницы, была доведена до 100 эскадроновъ въ каждой. Сдѣлано это было, чтобы нѣсколько вознаградить уменьшеніе конницы по военному составу, происшедшее вслѣдствіе исключенія ландверной конницы изъ войскъ первой линіи и сохраненія ея только въ видѣ резерва.

---

[1]) Вѣроятно полковъ, но тогда бы не было сокращенія. Впрочемъ, сравнить со стр. 343. Прим. Брикса.

ГЛАВА II.

Американская междуусобная война 1861 — 1865 гг.[1]).

Около этого времени, еще ранѣе, чѣмъ нарѣзное оружіе успѣло выдержать окончательное испытаніе, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки вспыхнула междуусобная война вслѣдствіе стремленія южныхъ штатовъ (желавшихъ сохранить невольниковъ) отложиться отъ сѣверныхъ и западныхъ и образовать самостоятельное государство. Въ войнѣ этой, веденной обѣими сторонами съ необыкновеннымъ упорствомъ и продолжавшейся четыре года, участвовали такія огромныя массы войскъ, какія до тѣхъ поръ ни разу не появлялись въ войнахъ между цивилизованными государствами.

Подробности войны очень интересны и поучительны, такъ какъ и обстоятельства ее вызвавшія, и способъ ея веденія представляютъ много своеобразнаго.

Съ 1812 по 1861 гг. Соединенные Штаты вели очень мало войнъ, между которыми самыми важными, хотя сами по себѣ очень незначительными, были мексиканскія; всѣ же прочія были просто пограничными столкновеніями съ индѣйцами. Вслѣдствіе этого постоянное войско было очень малочисленно и народъ не былъ знакомъ съ правилами и необходимыми традиціями, которыя свойственны регулярной арміи. Но съ другой стороны борьба, которую все народонаселеніе въ теченіе одного-двухъ поколѣній должно было вести съ дикой природой, звѣрями, индѣйцами и авантюристами, не могла не имѣть вліянія на выработку его характера.

Въ пограничныхъ участкахъ винтовка была такой же необходимостью, какъ и топоръ. Почти всѣ умѣли стрѣлять, а многіе достигали замѣчательнаго искусства въ стрѣльбѣ. Уже въ войнѣ за независимость колоній англійскія войска испытали на себѣ необыкновенную мѣткость стрѣльбы американцевъ. Съ другой стороны, во время войны 1812 г., канадскіе добровольцы, выросшіе при тѣхъ же условіяхъ, какъ и американцы, но вслѣдствіе болѣе суроваго климата еще болѣе закаленные и выносливые, сильно помогли англійскимъ регулярнымъ войскамъ, и эти послѣднія смѣло шли противъ американскихъ армій, нанося имъ пораженія.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ способности канадской милиціи къ подобнаго рода дѣйствіямъ можетъ служить бой при Шатогэ въ 1813 году: около 400 канадцевъ, вооруженныхъ винтовками и топорами, преградили здѣсь дорогу американской арміи генерала Гэмптона въ 7.000 чел. Одинаково искусные во владѣніи топорами, какъ и винтов-

[1]) History of Morgan's Cavalry;—Duke;—Ф. Боркэ, Мемуары;—Campaigns of Forrest;—Johnston's Narrative, — Pollard's Second Jear of the War; — Hotchkiss and Allen; — Andrews;—Havelock;—thé Three Main Military Questions of the Day.

ками канадцы живо устраивали съ помощью первыхъ засѣки, задерживая такимъ образомъ американцевъ на каждомъ шагу, и встрѣчали противника смертоноснымъ огнемъ изъ винтовокъ съ фронта и фланговъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, будучи не въ силахъ преодолѣть преграду изъ сваленныхъ исполинскихъ деревьевъ, американцы не выдержали направленнаго противъ нихъ огня и поспѣшно отступили, преслѣдуемые канадцами. Каждое вторженіе въ Канаду встрѣчало подобное же мужественное и рѣшительное сопротивленіе, и къ концу войны американцы не владѣли ни однимъ дюймомъ канадской земли, между тѣмъ какъ британскія войска занимали почти весь штатъ Мичиганъ.

Изъ опыта, какъ этой войны, такъ и постоянныхъ столкновеній съ индѣйцами, американцы вынесли очень высокое мнѣніе объ огнестрѣльномъ оружіи. Вслѣдствіе этого явилась въ 1812 году мысль о конныхъ стрѣлкахъ, и, дѣйствительно, изъ жителей Кентукки былъ сформированъ одинъ полкъ таковыхъ, вооруженный винтовками и пистолетами. Единственной побѣдой, одержанной въ этой войнѣ американцами, они обязаны именно этому полку, — въ сраженіи при Моравіанъ Тоунъ въ Западной Канадѣ 5 октября 1813 г. Полковникъ Джонсонъ, командовавшій Кентуккскимъ полкомъ, атаковалъ британскую пѣхоту, прорвалъ ее и захватилъ плѣнныхъ; затѣмъ онъ повернулъ влѣво и бросился на сильный отрядъ индѣйцевъ, засѣвшихъ въ молодой рощѣ; оказалось однако, что почва была топкая и лошади начали вязнуть. Тогда онъ приказалъ своимъ людямъ спѣшиться и атаковать въ пѣшемъ строю; предводитель индѣйцевъ Текумсетъ былъ скоро убитъ и его храбрецы обращены въ бѣгство. Это разительный примѣръ удачнаго дѣйствія части, одинаково способной какъ къ конному, такъ и къ пѣшему бою.

Также и револьверъ Кольта, который, по нашему мнѣнію, будетъ играть важную роль въ кавалерійскихъ бояхъ, былъ изобрѣтенъ въ Америкѣ уже въ 1838 г., и полковникъ Кольтъ попытался ввести его въ употребленіе въ войскахъ во время войны съ семинолами во Флоридѣ. Однако одно военное учрежденіе, которому поручено было представить отчетъ, высказалось противъ введенія его, и поэтому большая часть этихъ револьверовъ была продана за очень низкую цѣну техасцамъ, которые въ это время вели войну съ команхами. Здѣсь револьверы получили большую славу, и поэтому, во время скоро затѣмъ послѣдовавшей мексиканской войны, всѣ старались добыть таковые и платили за нихъ очень дорого. Ими очень удачно воспользовался въ рукопашномъ бою состоявшій въ этой войнѣ при американской арміи техасскій полкъ конныхъ стрѣлковъ; при каждомъ столкновеніи револьверъ оказывалъ имъ большую услугу и тогда со всѣхъ сторонъ раздались голоса, требовавшіе введенія его вновь въ употребленіе. Такъ и было сдѣлано, и скоро почти всѣ обитатели пограничныхъ штатовъ были вооружены револьверами и отлично научились изъ

нихъ стрѣлять. Отсутствіе законности и порядка въ новыхъ поселеніяхъ, гдѣ каждый человѣкъ долженъ былъ самъ защищать свою жизнь, сдѣлали употребленіе револьвера или ножа всеобщимъ. Подобныя условія жизни, требующія самостоятельности характера, и нужды новой страны, требующія изобрѣтеній и примѣненій всякихъ средствъ для преодолѣнія преградъ, на каждомъ шагу вызывали постоянное напряженіе мыслительныхъ способностей и имѣли результатомъ быстрое развитіе американскаго народа. Отсюда явилось несомнѣнное расположеніе къ изобрѣтеніямъ на всѣхъ поприщахъ и выработался характеръ, которому подобнаго, по изобрѣтательности, самонадѣянности и самомнѣнію, на свѣтѣ не существуетъ другого. Изобрѣтательность прирожденныхъ янки, по истинѣ, изумительна.

Таково было населеніе, его оружіе и отношеніе къ нему, когда началась война, въ которой постоянное войско очень скоро расплылось и исчезло среди массы охотниковъ, собравшихся подъ знаменами обѣихъ партій. Интересно прослѣдить весь ходъ войны и посмотрѣть, какъ практичность и отсутствіе всякихъ предвзятыхъ мыслей и рутины выработали тактику, совершенно новую, своеобразную, но подходившую къ мѣстнымъ условіямъ.

Воспитаніе и обычаи народа имѣли большое вліяніе на исходъ войны, и, сообразно съ ними, очень скоро проявилась значительная разница между войсками, набиравшимися въ той или другой части страны.

Обитатели сѣверо-восточныхъ штатовъ были преимущественно фабрикантами, и потому войска ихъ состояли большею частью изъ рабочихъ. Жители южныхъ штатовъ, напротивъ того, занимались преимущественно земледѣліемъ и были привычны къ обращенію съ оружіемъ. Наконецъ, сѣверозападные штаты поставляли солдатъ изъ закаленныхъ пограничныхъ фермеровъ.

Если южные штаты и имѣли въ своихъ частяхъ лучшій матеріалъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ его было гораздо меньше. На восточномъ театрѣ войны, т. е. въ Виргиніи, гдѣ южане имѣли противъ себя арміи, комплектовавшіяся изъ жителей большихъ городовъ, превосходство первыхъ обнаружилось очень скоро и продолжало выказываться во все время войны. Напротивъ, на западномъ театрѣ войны федералисты находились въ болѣе выгодномъ положеніи; сторонники сѣвера были въ долинѣ Миссисипи гораздо многочисленнѣе южанъ и нисколько не уступали имъ въ военныхъ качествахъ; поэтому превосходство силъ дало имъ возможность именно здѣсь одержать первый успѣхъ (взятіе форта Донельсонъ). Съ этого времени удача все болѣе и болѣе склонялась на сторону федералистовъ, которые шагъ за шагомъ завоевали всю эту часть конфедераціи, несмотря на упорное сопротивленіе южанъ, горячо отстаивавшихъ каждую пядь земли.

Къ началу войны обѣ стороны были еще совершенно неподготовлены; имъ пришлось прежде, чѣмъ начать военныя дѣйствія, набрать, организо-

вать, вооружить и обучить свои войска. Понятно, что при этихъ условіяхъ конница сначала не могла быть очень многочисленной. Въ первой большой битвѣ, при Булль-Рунѣ 21 іюля 1861 г., 40.000 федеральная армія имѣла всего 7 ротъ конницы, т. е. одинъ полкъ слабаго состава; конница южанъ также не была многочисленнѣе. Американцы, при формированіи арміи, придерживались существовавшихъ въ то время взглядовъ, по которымъ кавалерія считалась безполезной и непримѣнимой при новомъ оружіи; но скоро практичный американскій народъ понялъ свою ошибку, и численность конницы стала быстро возрастать въ теченіе всей войны, такъ что въ послѣднемъ ея періодѣ сѣверные штаты имѣли не менѣе 80.000 всадниковъ, — почти исключительно конныхъ стрѣлковъ.

Военныя дѣйствія въ Виргиніи сразу показали болѣе знанія и искусства со стороны предводителей, чѣмъ на Миссисипи; тамъ были: Ли, Джонстонъ, „Stonevall" (Каменная стѣна) Джаксонъ и ихъ офицеры, способные и понимавшіе военное дѣло. Напротивъ, на западномъ театрѣ войны военныя дѣйствія носили первые два года преимущественно партизанскій характеръ, и тутъ то конные стрѣлки заслужили себѣ славу.

Генералъ-маіоръ Джонъ Морганъ, кентукіецъ родомъ, — человѣкъ совершенно незнакомый съ военнымъ дѣломъ, — первый понялъ значеніе отряда конныхъ стрѣлковъ и направилъ конницу на новый путь, на которомъ и она могла воспользоваться улучшеніями въ огнестрѣльномъ оружіи.

Средневѣковые рыцари, послѣ того какъ первое впечатлѣніе, произведенное изобрѣтеніемъ пороха, прошло, сами переняли новое оружіе и кромѣ того увеличили прочность предохранительнаго вооруженія, чѣмъ еще надолго поддержали свое превосходство надъ пѣхотой. Та же мысль пришла и Моргану и онъ понялъ, что дальнобойная винтовка дастъ драгунамъ или коннымъ стрѣлкамъ такія преимущества, какихъ они никогда не получатъ отъ менѣе мѣткихъ карабиновъ, дававшихъ притомъ возможность дѣйствовать только на незначительныя разстоянія. Сообразно съ этимъ онъ организовалъ конную часть, способную къ быстрымъ передвиженіямъ и обученную вести какъ конный, такъ и пѣшій бой.

Была еще другая причина введенія конныхъ стрѣлковъ, которая представляется очень своеобразной европейскому читателю и особенно кавалерійскому офицеру. Для этого послѣдняго — и всѣ европейскіе военные писатели поддерживаютъ кавалериста въ этой увѣренности — нѣтъ сомнѣнія, что сабля, въ различныхъ своихъ видахъ и наименованіяхъ, есть самое дѣйствительное оружіе для всадника. Поэтому и моральное впечатлѣніе, производимое конницей, атакующей съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ, очень значительно во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, и для нихъ не существуетъ болѣе твердаго убѣжденія, какъ-то, что конница, полагающаяся на стрѣльбу, будетъ неминуемо опрокинута. Въ Америкѣ распространенъ какъ разъ противуположный взглядъ. Тамъ всѣ питаютъ полное презрѣніе къ

холодному оружію; привычка всѣхъ гражданъ имѣть при себѣ револьверъ, и искусство, съ которымъ они стрѣляютъ изъ винтовокъ, которыя также имѣются почти у всѣхъ, заставляютъ ихъ рѣшительно предпочитать огнестрѣльное оружіе. Въ войскахъ южныхъ штатовъ господствовало полное неуваженіе къ холодному оружію, доходившее до того, что ничто на свѣтѣ не могло ихъ заставить отступить передъ всадниками, атакующими холоднымъ оружіемъ, хотя у сѣверянъ конница, и особенно регулярная ея часть, еще по старой традиціи дѣйствовала саблей.

Одинъ выдающійся генералъ (южанинъ) сообщалъ автору книги, что видѣлъ цѣпи стрѣлковъ и развернутыя линіи пѣхоты, атакованныя конницей сѣверянъ, и, какъ только люди замѣчали приближеніе ея, между ними начинался такой разговоръ: „смотри, ребята! вонъ скачутъ эти дураки опять со своими саблями; покажемъ имъ“! При этомъ они удивлялись и смѣялись, какъ будто употребленіе сабли было величайшей глупостью.

Авторъ слышалъ тоже мнѣніе отъ офицеровъ генерала Моргана. Вспоминая о столкновеніяхъ съ федералистами, они говорили: „они атаковали насъ саблями, и когда мы это видѣли, то впередъ знали, что побѣда за нами, и было просто смѣшно съ ихъ стороны думать, что они могутъ намъ нанести какой-либо вредъ своими саблями“.

Это чувство было такъ сильно распространено по всему западу уже въ самомъ началѣ войны, что наскоро собранная конница южныхъ штатовъ, вооруженная отчасти обыкновенными охотничьими двустволками, заряжаемыми дробью, при атакѣ карьеромъ давала при приближеніи къ противнику залпъ изъ обоихъ стволовъ и затѣмъ дѣйствовала въ рукопашномъ бою прикладами [1]).

Съ такимъ матеріаломъ и при такихъ обстоятельствахъ Морганъ опять вызвалъ въ жизнь двоеборцевъ-драгунъ и выполнилъ это съ огромнымъ успѣхомъ.

Генералъ Дюкъ говоритъ въ своей исторіи о конницѣ Моргана: „чтобы ни говорили о генералѣ Морганѣ, во всякомъ случаѣ отъ него нельзя отнять той заслуги, что онъ открылъ совершенно до него неизвѣстное примѣненіе конницы или вѣрнѣе конной пѣхоты. Тогда какъ другіе кавалерійскіе офицеры слѣпо придерживались образцовъ, данныхъ въ прежнихъ войнахъ или въ школьныхъ системахъ, хотя бы они совершенно не подходили къ требованіямъ времени и образу веденія войны, Морганъ нашелъ и усовершенствовалъ не только новую тактику, новый образъ дѣйствія, но и стратегію, столь же новую, сколь и дѣйствительную. Будучи совершенно незнакомъ съ военнымъ искусствомъ, какъ оно преподается въ книгахъ и академіяхъ, онъ ни въ чемъ не является подражателемъ, всему научился самъ, и успѣхи его были не менѣе поразительны, чѣмъ его геній“.

[1]) Это можетъ быть только названо каррикатурой на конницу, и дѣйствіе прикладами не можетъ быть приведено въ видѣ довода противъ холоднаго оружія. Прим. Брикса.

„Самъ создатель и организаторъ своего маленькаго войска, которое никогда не превышало 4.000 чел., онъ вывелъ изъ строя убитыми и ранеными почти такое же число враговъ и взялъ болѣе 15.000 плѣнныхъ. Изобрѣтатель дальнихъ поисковъ или „рейдовъ“, которые столь рѣзко отличаются отъ безцѣльнаго мотанія конницы, онъ достигалъ съ горстью людей результатовъ, которые иначе потребовали бы цѣлыхъ армій, дорогихъ приготовленій и продолжительныхъ войнъ“.

Люди Моргана были сначала вооружены совершенно невозможнымъ образомъ; но во время войны онъ взялъ такое множество оружія у непріятеля, что могъ дать всѣмъ своимъ людямъ винтовки и револьверы. Въ началѣ часть людей имѣла винтовки, другая — гладкія ружья, кто — сабли, кто — револьверы, но впослѣдствіи всѣ получили винтовки или карабины и револьверы; съ тѣхъ поръ сабля употреблялась очень рѣдко, чтобы не сказать никогда.

Отрядъ Моргана былъ обученъ по тактикѣ для конницы Мори, къ которой Морганъ прибавилъ много эволюцій для полковъ и бригадъ. Строй ротъ, подраздѣленіе, спѣшиваніе, развертываніе въ сторону фронта, фланговъ или тыла, — все это было такое же, какъ и въ регулярной конницѣ; отрядъ былъ вполнѣ обученъ всему, что касалось перестроенія изъ развернутаго строя въ колонны и обратно, движенія по различнымъ направленіямъ, правильнаго дѣйствія поддержекъ и резервовъ и т. п.

Описаніе образа дѣйствій Моргана генераломъ Дюкомъ навѣрно заинтересуетъ каждаго читателя.

„Пусть читатель представитъ себѣ прежде всего развернутый одношереножный строй одного полка; фланговыя роты — разсыпаны иногда фланкерами верхомъ, иногда стрѣлками пѣшкомъ и притомъ такъ, что закрываютъ фронтъ всего полка; остальные люди спѣшены (коноводами были по одному человѣку въ каждомъ отдѣленіи изъ четырехъ человѣкъ и капралы) и развернуты въ одну линію на интервалахъ въ 6 футъ между стрѣлками; затѣмъ эта линія подвигается впередъ широкимъ шагомъ, чаще — почти бѣгомъ; — вотъ образъ дѣйствій Моргана“.

„Тѣ же самыя эволюціи производились и въ конномъ, и въ пѣшемъ строю; но послѣдній способъ дѣйствій употреблялся чаще, — мы были скорѣе конными стрѣлками, чѣмъ конницей. Небольшая часть людей оставалась на коняхъ въ видѣ резерва, чтобы дѣйствовать на флангахъ, прикрыть отступленіе или преслѣдовать; вообще люди рѣдко сражались верхомъ, кромѣ какъ во время рейдовъ. Правда, всѣ люди были отличными ѣздоками, съ дѣтства привычными ѣздить на самыхъ дикихъ лошадяхъ, но условія мѣстности, гдѣ намъ приходилось дѣйствовать (густые лѣса, высокіе заборы) и недостатокъ времени для выѣздки лошадей, дѣлали маневрированіе большими конными частями очень затруднительнымъ. Конечно, было легко произвести атаку по дорогѣ въ колоннѣ по четыре, но

очень трудно было атаковать по открытому мѣсту, въ развернутомъ строѣ и при этомъ сохранить еще подобіе строя[1]). Кромѣ того, мы почти никогда не дѣйствовали саблей, а огнестрѣльное оружіе значительной длины не очень удобно для конныхъ эволюцій. Наконецъ, мы находили бой пѣшкомъ болѣе дѣйствительнымъ; мы могли съ большей легкостью маневрировать и наносить противнику большія потери, не подвергая себя таковымъ. Длинную, гибкую линію, примѣнявшуюся ко всякой мѣстности, было очень трудно прорвать; если она была оттѣснена на одномъ пунктѣ, то отовсюду направлялся сильный огонь на этотъ пунктъ. Кромѣ того, она была очень удобна для маневрированія, могла быть свободно передвигаема въ стороны и дозволяла простымъ поворотомъ и быстрымъ движеніемъ собрать людей, куда было нужно".

„Слѣдуетъ замѣтить, что Морганъ очень рѣдко сражался вмѣстѣ со всей арміей; поэтому его отрядъ долженъ былъ быть совершенно самостоятельнымъ. Если онъ терпѣлъ неудачу, то не могъ укрыться за пѣхоту и тамъ оправиться. Онъ долженъ былъ сражаться противъ пѣхоты, конницы, артиллеріи; брать города, въ которыхъ каждый домъ былъ крѣпостью; атаковать укрѣпленія безъ всякой поддержки. Поэтому онъ былъ вынужденъ держаться такого образа дѣйствій, который давалъ ему возможность совершить многое въ короткое время и постоянно, какъ при успѣхѣ, такъ и при неудачѣ, имѣть людей въ рукахъ. На разстояніи 400—500 (англійскихъ) миль отъ всякой поддержки волей-неволей приходится разсчитывать только на себя".

Какъ офицеры, такъ и люди предпочитали среднюю винтовку Энфильда, но вначалѣ люди были вооружены тѣмъ, что они могли найти. Поэтому одна рота имѣла длинныя, другая — короткія, третья — среднія винтовки Энфильда, четвертая — винтовки Миссисипи, пятая — охотничьи ружья, шестая — карабины Энфильда. Кромѣ того, почти каждый человѣкъ имѣлъ револьверъ, иные — по два; впослѣдствіи, когда было захвачено достаточное число ихъ, всѣ получили по два. Наиболѣе предпочитаемымъ былъ револьверъ Кольта.

Морганъ имѣлъ еще 2 горныя гаубицы, которыя возились двумя лошадьми каждая и проходили почти по всякой мѣстности. Эти орудія оказывали неоднократно существенныя услуги и были страшно любимы людьми, которые называли ихъ „bullpups" (буйволятами, телятами буйвола) и привѣтствовали всякое ихъ появленіе въ бою радостными криками.

Разсмотрѣвъ вооруженіе и образъ дѣйствія Моргана, перейдемъ теперь къ описанію его дѣятельности.

---

[1]) Эти слова крайне характеристично обрисовываютъ состояніе американской конницы (мы умышленно не говоримъ кавалеріи) того времени. Онъ просто признаетъ ее неспособной къ правильной атакѣ развернутымъ строемъ и этимъ объясняется многое, что иначе казалось бы страннымъ и непонятнымъ. Прим. Брикса.

Морганъ, какъ говорятъ, былъ изобрѣтателемъ дальнихъ поисковъ или рейдовъ. По всей вѣроятности, мысль эта родилась у него въ головѣ совершенно самостоятельно, такъ какъ врядъ-ли онъ слышалъ о дѣйствіяхъ Чернышева, Теттенборна и вообще партизановъ въ тылу французской арміи въ 1813 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ его рейды, по своимъ основаніямъ, были вполнѣ схожи съ дѣйствіями Чернышева въ 1813 г. и Дембинскаго въ 1831 г., съ той только разницей, что у Моргана не было пѣхоты и всего только два орудія.

Первый его рейдъ былъ произведенъ въ 1862 г. въ Кентукки. Онъ вышелъ 4 іюля изъ Ноксвилля (въ Тенесси) и двинулся черезъ Спарту и Гласговъ, между которыми переправился черезъ рѣку Кумберлэндъ, на Лебанонъ, гдѣ захватилъ значительные магазины съ запасами разнаго рода. Оттуда онъ пошелъ черезъ Спрингфильдъ и Мэквилль на Харродсбургъ, Лауренсбургъ и Мидуэ,—желѣзнодорожная станція между Франкфуртомъ и Лексингтономъ. Послѣднее мѣсто было главнымъ опорнымъ пунктомъ федералистовъ, и какъ тамъ, такъ и во Франкфуртѣ находились сильные отряды, значительно превосходившіе отрядъ Моргана. Тѣмъ не менѣе ему удалось искусными маршами, удачной высылкой отрядовъ и одновременной угрозой нѣсколькимъ пунктамъ, смутить федералистовъ и вселить въ нихъ сомнѣніе на счетъ пункта, гдѣ они должны ожидать главнаго удара. Необыкновенная подвижность высылаемыхъ имъ летучихъ колоннъ дѣлала собираніе свѣдѣній о ихъ силахъ и намѣреніяхъ крайне затруднительнымъ. Способность войскъ Моргана къ большимъ переходамъ видна изъ того, что ко времени приближенія къ Мидуэ, они сдѣлали въ 8 дней нѣсколько болѣе 300 (англійскихъ или 75 нѣмецкихъ) миль и, несмотря на то, были совершенно свѣжи и бодры.

Прибывъ въ Мидуэ и имѣя такимъ образомъ превосходныя силы на обоихъ флангахъ, Морганъ прибѣгъ къ содѣйствію телеграфа, для дѣйствія которымъ находился въ его штабѣ необыкновенно искусный въ этомъ дѣлѣ канадіецъ Эльсфорсъ. Заставивъ телеграфъ дѣйствовать въ обѣ стороны, онъ соединилъ между собою обоихъ федералистскихъ генераловъ, перехватывалъ ихъ приказанія, посылалъ депеши, вслѣдствіе которыхъ войска сѣверянъ были разосланы по различнымъ, совершенно ложнымъ направленіямъ.

Успѣхъ этого рейда, который былъ доведенъ до Цитіяны, на желѣзной дорогѣ Лексингтонъ-Цинцинати, былъ чрезвычайный: о достигнутыхъ при этомъ результатахъ говорится въ донесеніи Моргана слѣдующее:

„Я выступилъ изъ Ноксвилля 4-го сего мѣсяца съ почти 900 человѣкъ и вернулся въ Ливингстонъ 28-го съ 1.200 человѣкъ, пробывъ такимъ образомъ въ отсутствіи 24 дня. За это время я сдѣлалъ болѣе 1.000 миль, взялъ 17 городовъ и уничтожилъ всѣ имѣвшіеся тамъ правительственные запасы и оружіе, разсѣялъ около 1.500 человѣкъ мѣстной мили-

ціи (home-guards) и отпустилъ на слово около 1.200 человѣкъ регулярныхъ войскъ. Моя потеря убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти простирается до 90 человѣкъ".

При второмъ рейдѣ, въ августѣ 1862 г., Морганъ захватилъ желѣзную дорогу Луисвилль-Ношвиль у Галлатина, въ тылу арміи Буэля и тѣмъ вынудилъ этого послѣдняго, отрѣзаннаго такимъ образомъ отъ базы, отступить къ Луисвиллю.

Въ происшедшемъ вскорѣ за взятіемъ Галлатина боѣ у Гартсвилля, часть отряда Моргана столкнулась съ федеральной конницей, бросившейся на нее съ саблей въ рукахъ. Объ этой стычкѣ Дюкъ говоритъ: „Изгородь, шедшая съ восточной стороны луга, была разрушена; около 300 человѣкъ ворвались въ него и бросились наискосъ съ обнаженными саблями на линію лошадей. Между тѣмъ роты B, C, E и F[1]) спѣшились и стали на колѣни за низкимъ заборомъ по ту сторону дороги; подпустивъ непріятеля на 30 ярдовъ (около 36 шаговъ), они дали залпъ, дѣйствіе котораго было убійственно. Тутъ можно было видѣть силу огня этой длинной линіи, которую такъ легко было прорвать. Каждый стрѣлокъ стоялъ свободно и могъ выбрать, въ кого цѣлить; поэтому, какъ только дымъ разсѣялся, было видно, что двѣ трети людей и лошадей лежали на землѣ. Конница этимъ залпомъ была отброшена и поспѣшила пробраться черезъ то узкое отверстіе въ заборѣ, черезъ которое вошла; наши люди поспѣшили за ней и дали второй залпъ, совершенно ее разсѣявшій. Тѣмъ не менѣе они еще попытались атаковать, но были опять отброшены". Затѣмъ остававшіеся на коняхъ люди бросились преслѣдовать отступавшаго непріятеля и продолжали это на три мили, пока Джонсонъ не собралъ своихъ людей и не спѣшилъ ихъ на крѣпкой позиціи за холмомъ. Преслѣдовавшіе, не долго думая, также спѣшились подъ прикрытіемъ холма и взяли эту позицію штурмомъ.

Дѣйствовавшія здѣсь федеральныя войска были отборныя; конница была собрана наилучшая и поручена генералу Джонсону, который считался лучшимъ и храбрѣйшимъ кавалерійскимъ офицеромъ и былъ спеціально выбранъ для уничтоженія отряда Моргана. Тѣмъ не менѣе Джонсонъ, который — напоминаемъ это вторично и просимъ никакъ не забывать — разсчитывалъ исключительно на холодное оружіе, былъ на голову разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ большей частью своихъ лошадей. Генералъ Дюкъ вполнѣ признаетъ безупречную храбрость какъ офицеровъ, такъ и людей федеральной конницы и, разсказавъ объ ихъ атакѣ холоднымъ оружіемъ, прибавляетъ, что генералъ Джонсонъ „былъ выдающимся офицеромъ", но, какъ кажется, совершенно не оцѣнилъ „новаго рода конницы".

Это презрѣніе къ холодному оружію есть нѣчто совершенно своеобразное. Мы можемъ найти въ исторіи конницы много примѣровъ, гдѣ она

[1]) Американцы обозначаютъ роты буквами, а не нумерами. Примѣч. Брикса.

дѣйствовала преимущественно огнестрѣльнымъ оружіемъ, но нѣтъ примѣра въ военной исторіи, чтобы атака карьеромъ съ обнаженною саблею въ рукахъ не производила бы на противника сильнаго нравственнаго впечатлѣнія. Опытъ американской междоусобной войны показываетъ совсѣмъ другое.

Въ іюлѣ 1863 г. Морганъ произвелъ свой самый смѣлый и дальній рейдъ черезъ Кентуки и Индіану, который навѣрно увѣнчался бы совершеннымъ успѣхомъ, если бы не неожиданное поднятіе воды въ Огіо, уничтожившее всѣ броды. Надѣлавъ много вреда въ тылу противника, онъ былъ припертъ, наконецъ, къ рѣкѣ и взятъ въ плѣнъ съ большей частью своего отряда. Во время этого рейда Морганъ двигался съ необыкновенной быстротой; самый усиленный маршъ, когда-либо имъ сдѣланный, былъ произведенъ именно теперь, когда онъ прошелъ разстояніе отъ Суммансвилля въ Индіанѣ до Уилліамсбурга, къ востоку отъ Цинциннати, т. е. около 90 (англійскихъ или 22 нѣмецкихъ) миль въ 35 часовъ.

Примѣръ, данный Моргономъ, не остался безъ подражателей. Особенныя услуги оказалъ въ сѣверо-виргинской арміи начальникъ кавалеріи южанъ храбрый и лихой генералъ Стюартъ. Два раза онъ обходилъ вокругъ всего расположенія непріятеля, выступая съ одного изъ своихъ фланговъ и возвращаясь на другой.

Первый такой поискъ, когда была обойдена кругомъ расположенная противъ Ричмонда армія Макъ-Клелана, былъ произведенъ въ іюнѣ 1862 г. Эта была, собственно, большая рекогносцировка, имѣвшая впрочемъ и характеръ рейда, такъ какъ уничтоженіемъ магазиновъ съ разнаго рода запасами былъ нанесенъ большой вредъ федеральной арміи. Въ ней участвовало 2.500 всадниковъ при двухъ конныхъ орудіяхъ. Небольшой отрядъ этотъ вышелъ изъ Тэлорсвилла и пробилъ себѣ дорогу черезъ непріятельскія линіи, опрокинувъ всѣ части войскъ, пытавшіяся преградить ему путь. Затѣмъ Стюартъ взялъ и уничтожилъ всѣ транспортныя суда на р. Памункей и много обозовъ съ различными запасами, разрушилъ желѣзную дорогу и, наконецъ, переправившись черезъ Чикагомини, благополучно вернулся къ своимъ. Цѣль рекогносцировки — опредѣленіе расположенія противника была вполнѣ достигнута. Исполнена она была частью по образцу усиленныхъ рекогносцировокъ, частью—скрытно, при чемъ все время, несмотря на принятыя мѣры къ скрытію движеній и къ избѣжанію столкновенія съ противникомъ, шли въ полной готовности къ самой рѣшительной атакѣ, если бы она потребовалась противъ преграждающаго путь непріятеля. Полковникъ фонъ-Боркэ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ [1]), что во время этого рейда „непріятельскія коммуникаціонныя линіи были уничтожены, имущество сожжено на нѣсколько милліоновъ, захвачены сотни плѣнныхъ, лошадей и муловъ и нагнанъ страхъ и ужасъ на всю федеральную армію“.

[1]) Zwei Jahre im Sattel und am Feinde v. Borcke, übers. v. Kaehler. Berlin 1877.

Добытыя этимъ рейдомъ свѣдѣнія были чрезвычайно важны и позволили генералу Ли составить планъ тѣхъ знаменитыхъ операцій, которыя извѣстны подъ именемъ „семидневныхъ боевъ“ и благодаря которому нѣсколько дней спустя, „Stonewall“ Джаксонъ атаковалъ съ такой увѣренностью и съ такимъ успѣхомъ Макъ-Клелана съ тыла и фланга.

Нѣсколько недѣль спустя, 22 августа 1862 года, Стюартъ напалъ на тылъ арміи генерала Попе у станціи Кетлеттъ желѣзной дороги Оранжъ — Александрія. Самъ Попе спасся при этомъ только благодаря той счастливой для него случайности, что онъ какъ разъ въ это время выѣхалъ изъ своей главной квартиры на рекогносцировку. Полковникъ Боркэ говоритъ о результатахъ этого дѣла: „мы перебили множество враговъ; взяли 400 плѣнныхъ, въ томъ числѣ много офицеровъ, и болѣе 500 лошадей; уничтожили нѣсколько сотъ палатокъ, большіе запасы и много повозокъ; захватили кассу съ 500.000 долларовъ въ документахъ и 20.000 золотомъ и, что всего важнѣе, весь обозъ федеральнаго главнокомандующаго со всѣми служебными и частными бумагами, которыя открыли намъ истинную численность арміи, размѣщеніе различныхъ корпусовъ и составленный планъ дѣйствій“. На добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣніяхъ генералъ Ли построилъ свой планъ обхода непріятельской арміи Джаксономъ, обхода, кончившагося второй битвой при Манассасѣ и полнымъ пораженіемъ федералистовъ.

Въ этой битвѣ произошло нѣсколько горячихъ кавалерійскихъ схватокъ, показавшихъ, что конница Стюарта обладала способностью не только къ рейдамъ и рекогносцировкамъ, но и къ атакамъ на полѣ сраженія. Пѣхота федералистовъ находилась въ полномъ отступленіи и прикрывалась ихъ конницей, когда противъ послѣдней двинулся Стюартъ съ бригадой Робертсона. Второй Виргинскій конный полкъ полковника Мунфорда шелъ нѣсколько впереди другихъ двухъ полковъ и немедленно бросился въ атаку; первая линія федералистовъ была прорвана и опрокинута, но вторая ихъ линія въ свою очередь атаковала пришедшихъ при преслѣдованіи въ нѣкоторое разстройство виргинцевъ и отбросила ихъ съ большимъ урономъ. Въ эту критическую минуту подошли остальные два полка южанъ и съ яростью бросились на непріятеля; ударъ этотъ рѣшилъ дѣло: федералисты были окончательно опрокинуты, потерявъ много убитыхъ и раненыхъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ и лошадей.

9-го октября 1862 года Стюартъ началъ свой самый дальній рейдъ, веденный черезъ Пенсильванію кругомъ всей арміи сѣверянъ. Онъ выступилъ съ 1.800 конями и 4 орудіями конной артиллеріи, 10-го октября переправился черезъ Потомакъ и быстро двинулся черезъ Мерчерсбургъ на Чемберсбургъ, куда прибылъ съ наступленіемъ темноты. Всѣ телеграфныя проволоки были немедленно перерѣзаны; желѣзная дорога и правительственные магазины разрушены и захвачено много лошадей. Положе-

ніе Стюарта въ Чемберсбургѣ было однако очень опасно: онъ находился въ тылу федеральной арміи, въ непріятельской странѣ и въ 90 миляхъ отъ своихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ онъ счелъ опаснымъ возвращаться по той же самой дорогѣ, по которой пришелъ, и рѣшилъ двинуться на востокъ, обойти федеральную армію и переправиться черезъ Потомакъ нѣсколько ниже ея расположенія, въ окрестностяхъ Лисбурга.

Были приняты всевозможныя мѣры, чтобы ввести противника въ заблужденіе. Стюартъ двинулся сначала по направленію на Геттисбургъ, до Кастауна, затѣмъ повернулъ на юго-западъ на Гагерстаунъ, потомъ скоро опять на востокъ къ Эмметсбургу, пройдя который, прошелъ въ южномъ направленіи на Фредерикъ. Прежде чѣмъ дойти до послѣдняго пункта, онъ повернулъ круто на востокъ и ночью прошелъ черезъ Либерти, Ньюмаркетъ и Монровію, гдѣ перерѣзалъ телеграфныя проволоки и разрушилъ желѣзную дорогу въ Балтиморъ. Съ разсвѣтомъ онъ занялъ Гіаттстоунъ, на коммуникаціонной линіи Макъ-Клелана съ Вашингтономъ, захватилъ нѣсколько повозокъ и продолжалъ движеніе на Баркесвилль. Прибывъ сюда, Стюартъ достовѣрно узналъ, что близъ Пульсвилла стоитъ генералъ Стонеманъ съ 4—5 тысячами человѣкъ для наблюденія за бродами черезъ Потомакъ. Чтобы обмануть противника, онъ двинулся сначала прямо на Пульсвилль, затѣмъ свернулъ вправо и, оставивъ этотъ пунктъ въ 2—3 миляхъ влѣво, вышелъ лѣсами на дорогу изъ Пульсвилла къ Монокаси. Здѣсь онъ наткнулся на тянувшагося къ Пульсвиллю противника. Это было первое серьезное столкновеніе въ эту экспедицію, и въ немъ вполнѣ выказалась польза конницы, умѣющей вести пѣшій бой. Стюартъ въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ говоритъ:

„Я немедленно приказалъ атаковать, что и было прекрасно выполнено головнымъ эскадрономъ (Ирвинга) бригады Ли; онъ отбросилъ непріятельскую конницу назадъ на ея пѣхоту, которая наступала съ цѣлью захватить гребень высотъ, откуда была только что прогнана конница. Съ быстротою мысли всадники Ли спѣшиваются, начинаютъ стрѣлковый бой съ пѣхотой и задерживаютъ ее, пока не подоспѣла артиллерія храбраго Пельгама, которая окончательно отогнала непріятеля къ его батареямъ по ту сторону Монокаси“.

Захваченный гребень высотъ былъ удержанъ и имъ воспользовались для скрытія движенія, которое предпринялъ Стюартъ влѣво къ Уайтъ-Форду, занятому 200 человѣкъ пѣхоты. Несмотря на сильную позицію, занятую ими въ скалахъ, нѣсколькихъ гранатъ и наступленія спѣшенныхъ людей было достаточно, чтобы сбить ихъ, и переправа была совершена вбродъ, въ порядкѣ производства упражненія перехода черезъ дефиле на учебномъ полѣ. Едва только послѣдняя часть успѣла переправиться, какъ показался непріятель.

Потери Стюарта были очень незначительны, особенно если принять во вниманіе важность добытыхъ имъ свѣдѣній и произведенное нравственное впечатлѣніе. Разстояніе между Чемберсбургомъ и Лисбургомъ, равное 90 англійскимъ (20 нѣмецкимъ) милямъ, было пройдено въ 36 часовъ,—одинъ изъ самыхъ быстрыхъ переходовъ, извѣстныхъ въ исторіи.

Какъ важно для конницы умѣнье вести пѣшій бой—ясно изъ описаннаго дѣла при Пульсвиллѣ. Тѣже люди повели сначала конную атаку, которой сбросили непріятеля съ высотъ, затѣмъ спѣшились и огнемъ своимъ задержали непріятельскую пѣхоту до прибытія артиллеріи.

Въ іюнѣ 1863 года конный отрядъ Стюарта былъ силой въ 12.000 коней при 24 орудіяхъ, и 9-го числа этого мѣсяца произошелъ бой у станціи Брэнди, — самое большее изъ кавалерійскихъ дѣлъ этой войны, гдѣ со стороны южанъ участвовало 12.000, а со стороны сѣверянъ — 15.000 всадниковъ.

Битва эта имѣла совершенно своеобразный характеръ, такъ какъ обѣ стороны сражались преимущественно въ пѣшемъ строю, хотя въ тоже время было произведено и нѣсколько блестящихъ конныхъ атакъ. Боевая линія тянулась почти на три мили, и огонь спѣшившихся стрѣлковъ былъ такъ силенъ, что трескотня ружей была какъ въ большомъ сраженіи. Во время боя двѣ федеральныя бригады генерала Перси Виддгама обошли Стюарта и неожиданно ударили въ тылъ его, чѣмъ почти рѣшили участь боя. Однако подоспѣвшіе два полка южанъ блестящей атакой опрокинули эти бригады и отбросили ихъ, захвативъ батарею и много плѣнныхъ. Сраженіе было рѣшено лихой и успѣшной атакой бригадъ Уильяма Ли и Джонса на правый флангъ сѣверянъ. Федералисты вынуждены были отойти за Раппаганнокъ, остановивъ преслѣдованіе противника многочисленными батареями, выставленными на другомъ его берегу.

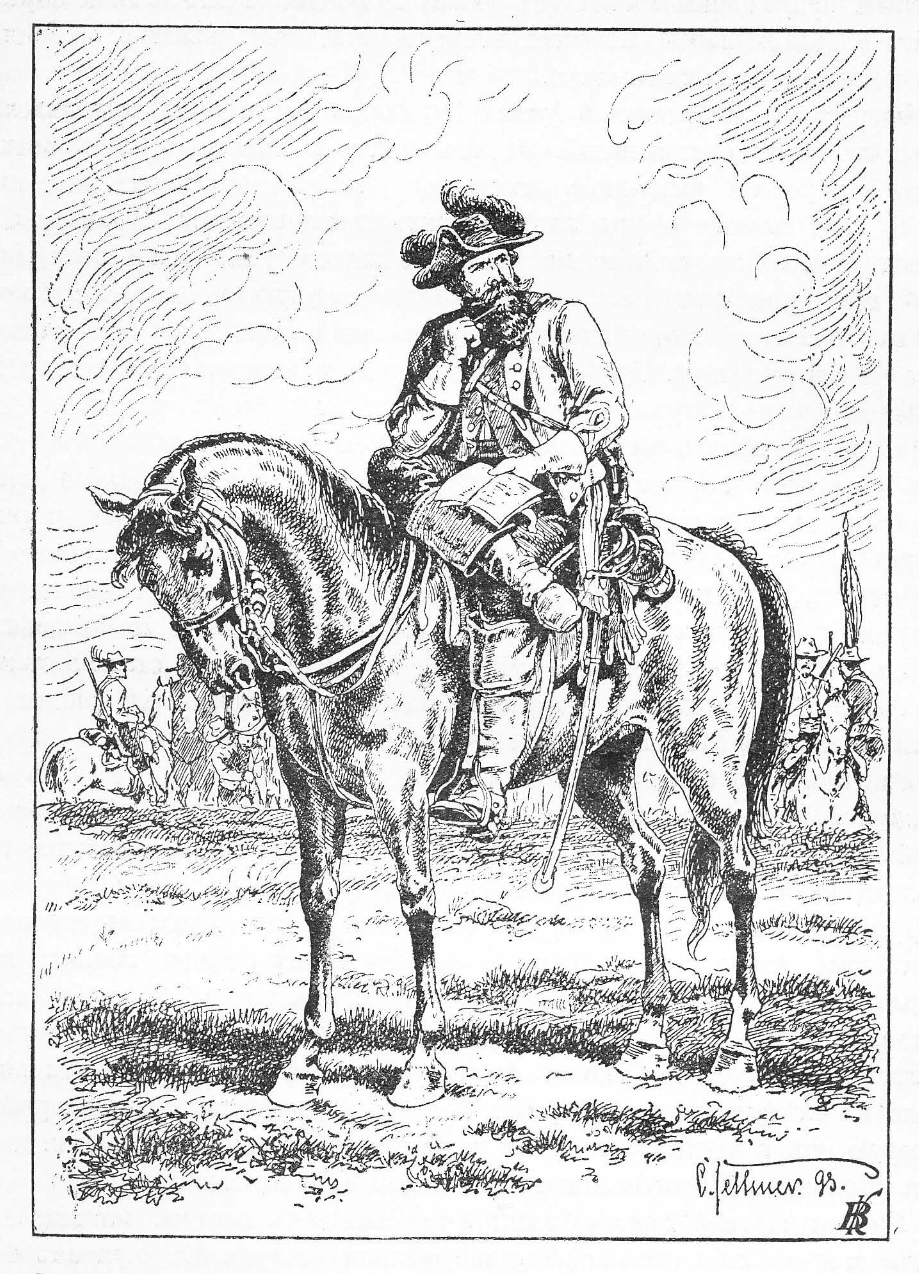
Стюартъ былъ убитъ 11-го мая 1864 года въ бою, противъ генерала Шеридана, пытавшагося захватить Ричмондъ внезапнымъ нападеніемъ; у Стюарта было 1.100, у Шеридана 8.000 всадниковъ.

Стюартъ былъ въ высшей степени талантливый кавалерійскій офицеръ, рѣдкой энергіи, блестящей храбрости и вмѣстѣ съ тѣмъ отличавшійся рѣшительностью и способностью находить выходъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, чѣмъ онъ нерѣдко спасалъ свой отрядъ въ очень критическія минуты. Его умѣнье добывать свѣдѣнія о противникѣ и его движеніяхъ было изумительно. Смерть его была тяжкой потерей для всей арміи, но никто не чувствовалъ потери этой сильнѣе главнокомандующаго Ли, который обязанъ былъ своими лучшими планами и наибольшими успѣхами свѣдѣніямъ, доставленнымъ Стюартомъ. Это выказалось вполнѣ въ очень скоромъ времени въ тѣхъ безпрестанныхъ бояхъ, которые розыгрались въ томъ-же 1864 году между Уильдернесомъ, Ганноверъ - Куртъ - Гаузомъ и Питерсбургомъ и при которыхъ Ли было чрезвычайно трудно получить какія

либо свѣдѣнія отъ своей конницы. Онъ посылалъ на развѣдки одного кавалерійскаго офицера за другимъ и однажды въ очень критическую ми-

Стюартъ.

нуту воскликнулъ: „О, если бы имѣть генерала Стюарта хоть на часъ!" Затѣмъ, обращаясь къ штабу, продолжалъ: „Я ничего не могу сдѣлать, если не имѣю вѣрныхъ извѣстій".



Стюартъ.

Стюартъ былъ, безъ сомнѣнія, самымъ даровитымъ изъ кавалерійскихъ офицеровъ этой войны, за исключеніемъ, пожалуй, генерала Форреста, который, будучи человѣкомъ безъ всякой военной подготовки и образованія, обладалъ необыкновенной энергіей, желѣзной волей и особенной способностью къ командованію.

Форрестъ былъ ростомъ 6 футъ и $1^1/_2$ дюйма (1,87 метра), широкоплечій, здоровый, хорошо сложенный. Однимъ своимъ появленіемъ, еще раньше, чѣмъ онъ успѣлъ чѣмъ-либо выказаться, онъ привлекалъ всеобщее вниманіе. При началѣ войны онъ получилъ полномочіе на сформированіе коннаго полка изъ охотниковъ, и первое же его дѣло было совершенно необыкновенное, такъ какъ оно произошло между его полкомъ и вооружённой 9 тяжелыми орудіями панцырной канонеркой, которая была послана въ Кантонъ на р. Кумберлендѣ, для уничтоженія находившихся тамъ запасовъ южанъ. Форрестъ, получивъ извѣстіе объ этомъ, сдѣлалъ ночной маршъ въ 32 мили и прибылъ къ угрожаемому пункту ранѣе канонерки. Онъ немедленно спѣшилъ своихъ людей и разсыпалъ ихъ вдоль по берегу за деревьями и пнями. Канонерка, прибывъ, стала на якорь и открыла картечный огонь. Люди Форреста, отличные стрѣлки и расположенные за закрытіями, открыли такой мѣткій огонь въ открытые люки, что канонерка вынуждена была немедленно закрыть таковые и уйти какъ можно дальше.

Въ 1862 г. во время операцій у порта Донельсона, столь печально окончившихся для южанъ, Форрестъ былъ начальникомъ всей конницы и выказалъ вполнѣ свои способности къ этой должности, и своимъ поведеніемъ, отличавшимъ его отъ другихъ начальниковъ, привлекъ на себя всеобщее вниманіе. Послѣ отчаянной вылазки, во время которой Форрестъ обошелъ крайній правый флангъ сѣверянъ и оттѣснилъ его на значительное разстояніе, начальникъ южанъ рѣшилъ сдаться. Это рѣшеніе было встрѣчено Форрестомъ съ большимъ неудовольствіемъ, и онъ выражалъ его столь настойчиво, что генералъ Пиллоу разрѣшилъ ему сдѣлать попытку пробиться, причемъ потребовалъ только, чтобы онъ началъ дѣйствія немедленно, пока еще не начаты переговоры. Форрестъ сейчасъ же выступилъ и провелъ свой отрядъ вполнѣ благополучно, всѣ же прочія части положили на слѣдующій день оружіе. Это дѣло утвердило славу Форреста, которую онъ поддержалъ и всѣми дальнѣйшими своими дѣйствіями, доказавъ свои способности отличнаго кавалерійскаго начальника.

Нѣсколько дней послѣ битвы при Шило, въ которой конница Форреста отлично себя показала, южане начали отступленіе, причемъ Форрестъ составлялъ тыльный отрядъ съ 150 всадниками. Близъ Монтерэ его настигли два конныхъ полка и одинъ пѣхотный. Форрестъ, къ которому только что подошло 200 чел. подкрѣпленія, рѣшилъ немедленно атаковать сѣверянъ, несмотря на страшную несоразмѣрность силъ. Атака была произведена карьеромъ; въ 25 шагахъ отъ непріятеля южане дали смерто-

носный на такомъ разстояніи залпъ изъ своихъ охотничьихъ винтовокъ и бросились на непріятеля съ саблей и револьверомъ въ рукахъ. Атака была произведена столь неожиданно и съ такой энергіей, что сѣверяне были

Американская конница южанъ.

моментально опрокинуты на свою пѣхоту, смяли и разстроили ее; Форрестъ, не давъ ей времени опомниться и собраться, налетѣлъ на нее и обратилъ въ полное бѣгство. Потери сѣверянъ были очень значительны и у нихъ было взято много плѣнныхъ; Форрестъ былъ при атакѣ тяжело раненъ.

*

Американская конница южанъ.

Въ іюлѣ 1862 г. Форрестъ выступилъ съ отрядомъ въ 1.000 чел. противъ генерала Криттендена, занимавшаго съ отрядомъ сѣверянъ Мурфрисборо. Послѣ короткаго, но отчаяннаго боя федералистскій генералъ съ 1.765 солдатами былъ взятъ въ плѣнъ и кромѣ того было захвачено много лошадей, повозокъ, оружія, одежды и запасовъ. Благодаря этому Форрестъ получилъ возможность снабдить свой отрядъ лучшимъ оружіемъ.

Въ Трентонѣ въ декабрѣ 1862 г. Форрестъ напалъ на непріятеля съ частью своихъ конныхъ людей и отбросилъ его на его позицію, обнесенную брустверомъ изъ хлопчатобумажныхъ тюковъ и табачныхъ ящиковъ. Подскочивъ къ ней на 60 шаговъ, Форрестъ отвелъ свой отрядъ на 300—400 шаговъ назадъ за закрытіе, спѣшилъ только что атаковавшихъ верхомъ людей, выдвинулъ орудія и открылъ такой сильный пушечный и ружейный огонь, что непріятель вынужденъ былъ въ скоромъ времени положить оружіе. Результаты этого дѣла, гдѣ съ Форрестомъ участвовали какіе нибудь 275 чел., изумительны: южане захватили 400 солдатъ, 300 негровъ, 1.000 лошадей и мулловъ, 13 повозокъ, 7 зарядныхъ ящиковъ 20.000 снарядовъ, 400.000 патроновъ и огромное число предметовъ одежды, разнаго рода запасовъ и т. п. Все было достигнуто атакой 200 всадниковъ, вогнавшихъ непріятеля въ его укрѣпленія и затѣмъ атаковавшихъ вторично, но уже въ пѣшемъ строю. Вообще американская война даетъ многочисленные примѣры такого рода дѣйствій конныхъ стрѣлковъ, которыя, какъ мы видѣли, не по плечу европейской конницѣ,—а именно одинаковая рѣшительность и ловкость въ дѣйствіяхъ пѣшкомъ и верхомъ.

На обратномъ пути къ своимъ линіямъ Форрестъ съ 1.200 всадниками имѣлъ горячее дѣло у Паркерсъ Кроссъ Родсъ съ 1.800 федералистами. Его боевая линія состояла изъ спѣшенныхъ стрѣлковъ съ сотней конныхъ на каждомъ флангѣ; 2 орудія были поставлены въ центрѣ; по два—на флангахъ. Отрядъ сѣверянъ, послѣ упорнаго сопротивленія, былъ побѣжденъ, отрѣзанъ отъ своего пути отступленія и уже выставилъ бѣлый флагъ, какъ вдругъ въ тылу Форреста неожиданно появились двѣ федералистскія бригады и открыли огонь. Тогда собиравшійся сдаться отрядъ схватилъ опять оружіе и возобновилъ бой. Форрестъ, во главѣ остававшихся верхомъ 75 чел., немедленно атаковалъ выставленныя вновь прибывшими сѣверянами орудія, разсѣялъ прислугу, отбросилъ прикрывавшую ихъ пѣхоту и захватилъ три передка.

Этой атакой онъ далъ возможность спѣшеннымъ людямъ сѣсть на коней; затѣмъ Форрестъ увелъ ихъ съ глазъ многочисленной непріятельской пѣхоты, бросился на слѣдовавшій въ хвостѣ ея обозъ, захватилъ его и увезъ съ собой.

Это еще доказательство необыкновенной способности всадниковъ Форреста вести бой одинаково успѣшно какъ пѣшкомъ, такъ и верхомъ.

Отчасти это можетъ быть приписано большему развитію того класса людей, изъ котораго преимущественно комплектовались войска южанъ — людей, увѣренныхъ въ себѣ и толковыхъ, которые очень живо схватывали выгоду того или другого образа дѣйствій въ каждомъ данномъ случаѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, при этомъ прибавить, что обстоятельства, при которыхъ велась американская война, были совсѣмъ особыя и что, можетъ быть, подобный же образъ дѣйствій встрѣтилъ бы затрудненіе въ европейскихъ государствахъ, гдѣ войска комплектуются преимущественно изъ крестьянъ, гораздо менѣе развитыхъ, чѣмъ американскіе граждане.

Въ битвѣ при Чикамаугѣ, 19 и 20 сентября 1863 г., вся конница южанъ, въ томъ числѣ и конница Форреста, сражалась спѣшенной на флангахъ арміи и только небольшая ея часть оставалась верхомъ. Спѣшенные всадники дѣйствовали одинаково храбро и съ одинаковымъ успѣхомъ, какъ и лучшая пѣхота. По одержаніи побѣды, Форрестъ живо посадилъ своихъ людей на коней, бросился за отступавшими сѣверянами и захватилъ много плѣнныхъ. Ему оставалось не болѣе полумили до Чатануги, когда онъ былъ вынужденъ съ большимъ неудовольствіемъ вернуться, такъ какъ не удалось убѣдить главнокомандующаго на движеніе впередъ для извлеченія возможно бо́льшей пользы изъ побѣды.

Въ февралѣ 1864 г. произошелъ рядъ боевъ между федеральной конницей генерала Смита, производившаго рейдъ, и высланной для задержанія его конницей Форреста. Важнѣйшимъ изъ этихъ боевъ былъ Околонскій, гдѣ Форрестъ опять съ полнымъ успѣхомъ примѣнилъ свой обыкновенный образъ дѣйствій, то пѣшкомъ, то верхомъ. Три спѣшенныхъ полка южанъ атаковали позицію сѣверянъ съ фронта, а самъ Форрестъ съ однимъ полкомъ въ конномъ строю обошелъ непріятеля и атаковалъ его правый флангъ. Сѣверяне вынуждены были очистить свою позицію и отойти на вторую, гдѣ заняли холмъ и расположились въ четыре линіи. Форрестъ, слѣдовавшій вплотную за ними съ небольшой частью отряда, пришедшей при преслѣдованіи въ нѣкоторое разстройство, не рѣшился атаковать сильную позицію противника, къ тому же болѣе многочисленнаго, а отвелъ своихъ людей назадъ на выгодную позицію и спѣшилъ ихъ въ одну линію. Тогда сѣверяне перешли въ наступленіе; атаки изъ трехъ линій были отбиты огнемъ, и только четвертой, самой сильной, удалось прорвать южанъ. Эти послѣдніе, нисколько не смутившись, вступили въ рукопашный бой со своими конными противниками, дѣйствуя изъ револьверовъ; завязался въ высшей степени упорный бой, кончившійся пораженіемъ сѣверянъ, которые оставили въ рукахъ южанъ много плѣнныхъ.

Однимъ изъ выдающихся подвиговъ Форреста было взятіе штурмомъ 12 апрѣля 1864 г. спѣшенными людьми форта Пиллау, вооруженнаго шестью орудіями и имѣвшаго гарнизонъ въ 580 чел.

Въ сраженіи при Тишимонго-Крикъ, 10 іюня 1864 г., многочисленная пѣхота сѣверянъ атаковала три спѣшенныхъ полка Форреста и подошла уже къ нимъ на 30 шаговъ, когда послѣдніе вынули свои револьверы и открыли изъ нихъ стрѣльбу по наступающему противнику, который и былъ опрокинутъ и вынужденъ къ отступленію; южане бросились за нимъ, продолжая дѣйствовать изъ револьверовъ, затѣмъ пріостановились, сѣли на подошедшихъ между тѣмъ лошадей и продолжали преслѣдованіе уже верхомъ. У Форреста было всего 3.200 чел., а у федералистскаго генерала Стургиса, по крайней мѣрѣ, втрое больше, но все-таки послѣдній вынужденъ былъ отступить на 58 миль въ теченіе 2 дней, потерявъ 1.900 чел. убитыми и 2.000 плѣнными, 19 орудій, 200 слишкомъ повозокъ, 30 лазаретныхъ линеекъ и много разныхъ запасовъ. Если успѣхъ можетъ служить мѣриломъ годности извѣстнаго принципа, то этотъ бой сильнаго отряда изъ 3 родовъ, оружія со слабой летучей конницей конныхъ стрѣлковъ, разъ навсегда рѣшилъ-бы вопросъ о пригодности конницы, организованной по образцу американской.

21-го августа 1864 года Форрестъ неожиданнымъ нападеніемъ захватилъ городъ Мемфисъ, занятый многочисленнымъ непріятелемъ, взялъ много плѣнныхъ и благополучно совершилъ отступленіе съ самыми незначительными потерями. При этомъ авангардъ его, состоявшій изъ 40 отборныхъ всадниковъ, атаковалъ съ револьверомъ въ рукахъ шестиорудійную батарею, перебилъ и разогналъ человѣкъ 20 прислуги и захватилъ орудія.

Какъ мы видѣли, всадники Форреста участвовали во всѣхъ предпріятіяхъ, какія могутъ выпасть на долю войска: они сражались и какъ конница, и какъ пѣхота; участвовали въ большихъ сраженіяхъ, прогоняли канонерку, брали укрѣпленія, строили мосты. Имъ предстояло передъ окончаніемъ ихъ дѣятельности совершить еще одно дѣло, совсѣмъ изъ ряда выходящее.

Въ октябрѣ 1864 года Форрестъ рѣшилъ прекратить судоходство по Теннеси, на которой ходило много федералистскихъ канонерокъ и транспортныхъ судовъ. Онъ избралъ себѣ на берегу позицію, гдѣ скрытно расположилъ свои войска и орудія и ожидалъ приближенія непріятельскихъ судовъ. 29 октября пароходъ Мазепа съ баржей на буксирѣ былъ атакованъ и приведенъ въ невозможность двигаться дальше, послѣ чего матросы спустили его къ противоположному берегу и спаслись бѣгствомъ. Капитанъ Греси, переплывъ рѣку, захватилъ лодку, и конфедераты овладѣли судномъ со всѣми находившимися на немъ запасами.

Вскорѣ затѣмъ показалась канонерка „Ундина", сопровождавшая транспортный пароходъ „Венера"; артиллерія и стрѣлки южанъ открыли по немъ усиленный огонь и принудили ихъ къ сдачѣ. Сейчасъ же на нихъ были посажены отборные люди, поднятъ флагъ конфедераціи, и Форрестъ, чтобы убѣдиться все-ли въ порядкѣ, совершилъ на нихъ пробный рейсъ

до форта Химэнъ, а оставшіеся на берегу привѣтствовали товарищей громкими криками въ ихъ новой дѣятельности.

Федералисты выслали тогда нѣсколько канонерокъ для обратнаго завладѣнія „Ундиной“ и „Венерой“. Южане вынуждены были оставить на второй федералистскаго механика для управленія машиной, который привелъ руль въ негодность, вслѣдствіе чего назначенный командиромъ судна полковникъ Даусонъ долженъ былъ выброситься на берегъ и опять обратился со своими людьми въ конницу. Нѣсколько дней спустя и „Ундина“, атакованная превосходными силами противника, выбросилась на берегъ и была сожжена, а люди обратились въ конницу.

Хотя такимъ образомъ Форресту и не удалось окончательно прекратить сообщеніе по рѣкѣ, но тѣмъ не менѣе уничтоженіе нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ, перерывъ сообщенія на нѣсколько дней и, главное, нравственное впечатлѣніе, произведенное этими дѣйствіями слѣдуетъ признать очень важными результатами.

Мы окончимъ наше описаніе дѣйствій конницы Форреста разсказомъ о преслѣдованіи и плѣненіи имъ полковника Стрейта съ его отрядомъ въ маѣ 1863 г. въ Алабамѣ.

Когда Форрестъ получилъ извѣстіе, что Стрейтъ намѣренъ произвести поискъ вглубь конфедераціи, то принялъ самыя серьезныя мѣры, чтобы задержать его. Они встрѣтились у Дэ-Гапъ; послѣ короткаго боя федералисты отошли на крѣпкую позицію на горѣ Сэндъ. Форрестъ немедленно атаковалъ ихъ, но безуспѣшно, и долженъ былъ отвести людей назадъ, чтобы устроить ихъ и затѣмъ атаковать вторично. Стрейтъ воспользовался этимъ временемъ и началъ отступленіе, преслѣдуемый Форрестомъ; онъ попробовалъ остановиться у Лонкъ-Крика, но послѣ горячаго боя былъ опрокинутъ и вынужденъ продолжать отступленіе. Съ наступленіемъ ночи, отойдя на 10 миль, Стрейтъ опять остановился, но неутомимый Форрестъ атаковалъ его уже въ полной темнотѣ и опять опрокинулъ.

Черезъ 6 миль произошелъ опять ночной бой, и опять сѣверяне были разбиты. Затѣмъ Форрестъ сдѣлалъ привалъ на 2 часа, чтобы накормить людей и лошадей, не ѣвшихъ ничего уже почти 24 часа, дать подтянуться отсталымъ и вообще привести отрядъ въ порядокъ. Съ разсвѣтомъ преслѣдованіе было возобновлено при восторженныхъ крикахъ людей, и сѣверяне настигнуты въ 11 часовъ утра у Блоунтсвилля и выбиты оттуда, причемъ оставили въ городѣ снаряженіе и продовольствіе. Стрейтъ отошелъ на 10 миль дальше къ Блэкъ-Уаріору Крику, гдѣ опять загорѣлось дѣло, по окончаніи котораго, съ наступленіемъ ночи, Форрестъ сдѣлалъ привалъ на 3—4 часа. Въ полночь онъ выступилъ опять и, пройдя 15 миль, нагналъ непріятеля у Уильсъ-Крика, откуда вытѣснилъ его, захвативъ плѣнныхъ, лошадей и фуражъ. Тутъ пришлось опять сдѣлать привалъ на нѣсколько часовъ, чтобы покормить лошадей. Но столь быстрое движеніе не

могло не отозваться на отрядѣ Форреста: много лошадей отказалось идти дальше, оказалось значительное число отсталыхъ; у него оставалось всего 600 человѣкъ, да и тѣ были крайне утомлены трехсуточнымъ движеніемъ и боемъ, такъ что засыпали, сидя верхомъ. Воспламенивъ ихъ мужество краткою рѣчью, Форрестъ однако продолжалъ движеніе; непріятель былъ скоро настигнутъ, и опять начался бой, тянувшійся 10 миль до Блэкъ-Крика. Федералисты перешли черезъ эту рѣчку по мосту, который, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, сожгли за собою. Въ это время къ Форресту прибыла молодая дама, сочувствовавшая южанамъ, хорошо знавшая окрестности и понявшая необходимость быстрой переправы. Она предложила указать недалеко отъ моста старый, малоизвѣстный бродъ и, сѣвъ на лошадь позади Форреста, поскакала съ нимъ къ мѣсту брода, указала его подъ огнемъ непріятельскихъ стрѣлковъ, спустя немного времени южане продолжали преслѣдованіе. Въ Гадсденѣ Форрестъ выбралъ 300 доброконныхъ всадниковъ и въ 5 часовъ дня 2-го мая, сдѣлавъ 9—10 миль, настигъ сѣверянъ у Тюркейтоуна. Здѣсь Стрейтъ устроилъ засаду, но южане быстро пронеслись мимо нея, стрѣляя въ обѣ стороны изъ винтовокъ и револьверовъ, ударили на непріятеля по ту сторону засады и опрокинули его. Между тѣмъ стало совершенно темно и Форрестъ остановился на всю ночь, чтобы дать хорошенько отдохнуть лошадямъ. Съ разсвѣтомъ 3-го мая южане, въ числѣ 500 человѣкъ, выступили далѣе и въ 9 час. утра настигли сѣверянъ. Между тѣмъ Форрестъ рѣшилъ попробовать окончить дѣло хитростью и послалъ непріятелю предложеніе сдаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая скрыть свою малочисленность, онъ раздѣлилъ свой отрядъ на части и приказалъ имъ показываться въ различныхъ пунктахъ, чтобы вселить въ федералистахъ убѣжденіе, что они окружены превосходными силами.

Обманутые такимъ образомъ сѣверяне согласились положить оружіе, и Форрестъ, чтобы не открывать своей слабости, заявляетъ имъ, что въ виду трудности доставленія фуража, онъ назначаетъ для конвоированія плѣнныхъ только два полка, остальныя же части ставитъ по квартирамъ въ близъ лежащихъ городахъ. Сообразно съ этимъ, онъ, въ присутствіи Стрейта, даетъ несуществующимъ полкамъ приказаніе слѣдовать въ тотъ или другой пунктъ. Такимъ образомъ 1.700 человѣкъ положили оружіе передъ 500.

Мы привели этотъ эпизодъ въ полной подробности потому, что трудно найти другой примѣръ такого безостановочнаго и энергичнаго преслѣдованія. Въ теченіе 3-хъ дней люди Форреста дѣлали по 41 (болѣе 10 нѣмецкихъ) миль въ день и при томъ ежедневно имѣли нѣсколько боевъ днемъ и ночью; въ послѣдніе же 48 часовъ они сдѣлали 90 (около 22 нѣмецкихъ) миль. Правда, что ко времени заключенія капитуляціи люди были такъ утомлены, что съ трудомъ держали глаза открытыми.

Представленныхъ описаній болѣе выдающихся предпріятій Моргана, Стюарта и Форреста совершенно достаточно, чтобы дать ясное понятіе объ образѣ дѣйствій конницы, впервые появившейся въ американской войнѣ. Моргану и Форресту, не получившимъ никакого военнаго образованія, принадлежитъ заслуга изобрѣтенія новаго тактическаго и стратегическаго употребленія конницы и чрезвычайно удачнаго примѣненія новаго огнестрѣльнаго оружія къ потребностямъ конницы.

Самая мысль о быстромъ передвиженіи верхомъ людей на важные пункты, гдѣ они затѣмъ сражаются пѣшкомъ, и употребленіе метательнаго оружія съ коня совсѣмъ не новы. Александръ Македонскій такъ употреблялъ своихъ димаховъ, парояне — своихъ стрѣлковъ; римляне часто спѣшивались; рыцари пользовались петронелями, жандармы — аркебузами и пистолетами; наконецъ, драгуны неоднократно примѣнялись такъ, но не всегда съ успѣхомъ. Ниже мы разсмотримъ причины этого факта и увидимъ, существуютъ-ли онѣ и въ настоящее время. Въ американской войнѣ конница оказала большія услуги и именно — въ качествѣ конныхъ стрѣлковъ. Южане первые примѣнили этотъ способъ дѣйствій и дѣйствовали съ успѣхомъ, пока его не переняли у нихъ сѣверяне и вскорѣ побили ихъ собственнымъ оружіемъ, благодаря своему превосходству въ силахъ и въ богатствѣ.

Обратимся теперь къ обзору дѣйствій конницы сѣверянъ и изложимъ ихъ дѣйствія въ томъ же духѣ въ послѣдніе годы войны.

Весной 1863 года стало замѣтно, что сѣверо-американское правительство поняло значеніе новаго рода всадниковъ и ту пользу, которую можно извлечь изъ многочисленной, способной къ дальнимъ поискамъ конницы. Въ предыдущую зиму были приложены усилія для сформированія отрядовъ конныхъ стрѣлковъ, которые были отлично вооружены, снаряжены и подготовлены къ предстоящей имъ дѣятельности.

Первый большой рейдъ со стороны сѣверянъ былъ произведенъ въ 1863 году генераломъ Грирсономъ. Онъ выступилъ 17 апрѣля изъ Ла-Гранжа (въ Теннеси, восточнѣе Мемфиса) съ бригадой въ 2.000 слишкомъ коней и прошелъ черезъ середину штата Миссисипи, уничтожая запасы, портя желѣзнодорожныя и телеграфныя линіи, предавая огню мосты, магазины и т. под. Онъ прошелъ черезъ Риплей, Нью-Альбани, Понтотокъ, Филадельфію, Декатуръ и 24 апрѣля прибылъ въ Ньютонъ на желѣзной дорогѣ Виксбургъ-Меридіанъ. По разрушеніи здѣсь нѣсколькихъ вагоновъ, машинъ и мостовъ, онъ продолжалъ движеніе черезъ Гэрландвилль на Джорстоунъ, гдѣ была совершена переправа черезъ р. Перль, и отсюда до Хазельхурста на желѣзной дорогѣ Нью-Орлеанъ-Джаксонъ-Мемфисъ, которая была также разрушена; затѣмъ рейдъ продолжался вдоль полотна на Бруксгавенъ, гдѣ были сожжены желѣзнодорожное депо и находившіеся тамъ вагоны, а отсюда на Магнолію и Батонъ-Ружъ (по Миссисипи), куда

отрядъ прибылъ 2 мая, сдѣлавъ болѣе 300 миль въ непріятельской странѣ, значительно попортивъ сообщенія противника и не понеся почти никакой потери. Нужно, впрочемъ, добавить, что Грирсону много помогли произведенные въ тоже время Доджемъ и Страйтомъ поиски, которые привлекли на себя конницу Форреста и не дали ей возможности помѣшать Грирсону.

Нѣсколько дней спустя генералъ Стонеманъ предпринялъ экспедицію въ тылъ арміи Ли, одновременно съ предполагавшимся нападеніемъ генерала Гукера на тылъ лѣваго фланга южанъ. Раньше всего выступилъ Авериль, который долженъ былъ оттянуть непріятельскую конницу къ ея лѣвому флангу и тѣмъ открыть дорогу Стонеману. Авериль имѣлъ 1 мая горячее дѣло съ бригадой У. Г. Ф. Ли у ст. Репиданъ и въ тотъ же день Стонеманъ двинулся съ 10.000 всадниковъ черезъ Ракоонъ на Луизія-Куртъ-Гаузъ, куда и прибылъ рано утромъ 2 мая въ то время, пока Авериль отступалъ обратно за правый флангъ Гукера. Освободившійся такимъ образомъ У. Ли съ 900 чел. имѣлъ въ тотъ же день дѣло съ частью отряда Стонемана между Гордожвиллемъ и Луизія-Куртъ-Гаузъ и, подавленный превосходствомъ, вынужденъ былъ отойти. Вечеромъ 2-го мая Стонеманъ прибылъ въ Томпсонъ-Кроссъ-Родъ въ тылу арміи южанъ, какъ разъ между ея расположеніемъ и базой. Здѣсь онъ рѣшилъ раздѣлить отрядъ на части и пустить его по разнымъ направленіямъ. Одинъ полкъ, подъ командой Уиндгэма, былъ посланъ на югъ въ Колумбію на рѣкѣ Джемсъ, уничтожилъ тамъ все казенное имущество, завладѣлъ нѣкоторымъ числомъ лошадей и муловъ, и въ туже ночь вернулся къ Стонеману. У. Ли все время слѣдовалъ за нимъ, но по причинѣ большой несоразмѣрности въ силахъ не могъ предпринять ничего серьезнаго.

Другой отрядъ, подъ командой полковника Кильпатрика, двинулся въ восточномъ направленіи на станцію Кунгари Фредериксбургской желѣзной дороги, куда и прибылъ 4 мая утромъ; здѣсь было уничтожено депо и разрушена желѣзная дорога между Ричмондомъ и арміей южанъ. Затѣмъ отрядъ двинулся къ Мидсу-Бриджъ на центральной желѣзной дорогѣ, которая также была разрушена. Оттуда Кильпатрикъ переправился черезъ Памункей у Ганноверъ-тоуна черезъ Матапони прошелъ по Эссексу и граничащимъ съ нимъ графствамъ и 7-го благополучно прибылъ въ Глочестеръ-Пойнтъ, уничтоживъ еще нѣсколько вагоновъ и складовъ.

Третій отрядъ полковника Дэвиса спустился по Южной-Аннѣ, разрушилъ Фредериксбургскую желѣзную дорогу у Ашландса и перехватилъ шедшій изъ Чакселлорсвилла лазаретный поѣздъ, при чемъ было взято нѣсколько плѣнныхъ. По разрушеніи нѣсколькихъ машинъ, движеніе было продолжено къ центральной желѣзной дорогѣ, которая также была разрушена, а затѣмъ на Ричмондъ и по направленію къ Вилліамсбургу. Здѣсь Дэвисъ столкнулся съ высланнымъ противъ него отрядомъ и выну-

жденъ былъ, послѣ неудачнаго нападенія, уйти влѣво. Онъ переправился затѣмъ черезъ Памункэй и Матапони и прибылъ благополучно въ Глочестеръ-Пойнтъ.

Прочіе высланные небольшіе отряды сдѣлавъ назначенные имъ рейды и разрушивъ на пути мосты и все, что имъ попадалось, 5 мая соединились также у Томпсонъ-Кроссъ-Родъ со Стонеманомъ, который, по сборѣ ихъ всѣхъ, кромѣ отрядовъ Кильпатрика и Дэвиса, отошелъ обратно черезъ Раконъ-Фордъ и Келлисъ-Фордъ и 8-го мая соединился съ Гукеромъ.

Несмотря на кажущуюся его удачу, рейдъ этотъ не можетъ считаться особенно успѣшнымъ. Поврежденія на желѣзныхъ дорогахъ были очень незначительны и легко исправлены; экспедиція захватила большую полосу земли, почти безъ помѣхи, а между тѣмъ плѣнныхъ почти не было захвачено; нравственнаго впечатлѣнія не было произведено никакого. Во время производства рейда разыгралась трехдневная битва при Ченлорсвиллѣ, въ которой южане одержали блестящую побѣду и тѣмъ вышли изъ очень затруднительнаго положенія. Планъ главнокомандующаго ихъ былъ очень смѣлъ и рискованъ и въ значительной степени обязанъ своей удачей отсутствію конницы на правомъ флангѣ сѣверянъ. Дѣло было рѣшено обходомъ праваго фланга Гукера, сдѣланнымъ корпусомъ Джаксона. При этомъ и безъ того слабѣйшая числомъ армія южанъ должна была раздѣлиться на двѣ части; очевидно, что движеніе, чтобы удалось, должно было быть произведено чрезвычайно скрытно и быстро, а это было возможно только при отсутствіи кавалеріи сѣверянъ. Если бы Стонеманъ, вмѣсто производства почти безцѣльнаго рейда, находился на правомъ флангѣ Гукера, то несомнѣнно войска Джаксона, при ихъ движеніи по труднодоступной мѣстности, были бы окружены и уничтожены. На дѣлѣ же они совершили свое обходное движеніе совершенно скрытно и съ полнымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ рейдъ Стонемана можетъ служить примѣромъ неудачнаго и несвоевременнаго примѣненія очень хорошей мысли. Если бы Стонеманъ, выйдя въ тылъ Ли, повернулъ на сѣверъ и смѣло двинулся противъ его расположенія, то, по крайней мѣрѣ, произвелъ бы весьма полезную диверсію и, быть можетъ, появился бы на полѣ сраженія въ самую рѣшительную минуту, когда атака его 10.000 всадниковъ съ тылу могла бы имѣть послѣдствіемъ полное пораженіе южанъ.

Перейдемъ теперь къ описанію большого рейда, произведеннаго черезъ всю Алабаму въ 1865 г. федеральной конницей подъ командой Уильсона, и остановимся на нѣкоторыхъ его подробностяхъ, такъ какъ онъ имѣлъ весьма важное вліяніе на исходъ кампаніи на юго-западѣ.

Въ первой половинѣ 1865 года вся конница федеральной арміи, дѣйствовавшей на Миссисипскомъ театрѣ войны, въ числѣ 22.000 человѣкъ, была расположена на сѣверномъ берегу Тенесси между Ватерлоо и Гревелли-Стрингъ. Начальникомъ ея былъ генералъ Уильсонъ, пользовавшійся

репутацiей хорошаго кавалериста. Онъ въ теченiе многихъ недѣль съ большой энергiей занимался обученiемъ, организацiей, снаряженiемъ и дисциплинировкой своихъ частей. При неизсякаемыхъ источникахъ, находившихся въ распоряженiи правительства Соединенныхъ Штатовъ, ему удалось отлично снарядить и вооружить своихъ всадниковъ. Кавалеристовъ тщательно обучали и старались достигнуть наибольшей выносливости и подвижности. Строились они въ двѣ шеренги. Недостатокъ былъ только въ лошадяхъ, такъ что изъ всего числа людей было только 17.000 конныхъ.

Противъ Уильсона дѣйствовалъ Форрестъ,—противникъ, котораго нельзя было не опасаться, но положенiе его было очень неблагопрiятное, такъ какъ ему приходилось разсылать своихъ людей во всѣ стороны, чтобы добыть себѣ фуражъ, одежду, лошадей и рекрутовъ, въ то время, какъ Уильсонъ спокойно обучалъ и снаряжалъ своихъ людей.

18 марта Уильсонъ началъ свою экспедицiю въ Алабаму. Это не долженъ былъ быть простой поискъ. За 4 года войны войска южанъ сильно ослабѣли; сѣверяне же, напротивъ того, довели свою конницу до небывалыхъ размѣровъ, такъ что въ данномъ случаѣ дѣло шло просто о нашествiи цѣлой армiи, составленной исключительно изъ конницы.

Сила федералистовъ простиралась до 12.000 коней съ соотвѣтствующей артиллерiей и 1.500 пѣшихъ людей для охраны обоза и пополненiя конныхъ рядовъ, по мѣрѣ прiобрѣтенiя лошадей. Не было забыто ничего, что могло дать отряду большую подвижность: каждый солдатъ имѣлъ съ собою 5-ти-дневный провiантъ, 24 фунта зерна, 100 патроновъ и 2 запасныя подковы. На вьючныхъ лошадяхъ было взято хлѣба на 5 дней, чаю, кофе, сахару и соли на 10 дней; на повозкахъ везлось: кофе—на 45, сахару—на 20, соли—на 15 дней и по 8 патроновъ на винтовку. При этомъ въ провiантскомъ обозѣ было всего 250 повозокъ. Полагали, что если принять въ соображенiе запасы, которые можно было найти на мѣстѣ, то отрядъ былъ обезпеченъ продовольствiемъ на 60 дней. Кромѣ того, при немъ состоялъ понтонный паркъ изъ 30 лодокъ, которыя со всѣми принадлежностями перевозились на 50 повозкахъ.

Форрестъ имѣлъ всего 6.400 человѣкъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ; продовольствiе ихъ было затруднительно. Кромѣ того, Уильсонъ такъ скоро шелъ, что Форрестъ не былъ въ состоянiи сосредоточить свои войска, и Уильсонъ безъ труда ихъ оттѣснилъ.

25 марта Уильсонъ вышелъ въ южномъ направленiи изъ Чикасоу. Чтобы ввести непрiятеля въ заблужденiе и вмѣстѣ съ тѣмъ легче продовольствовать свои войска, онъ двинулся по нѣсколькимъ дорогамъ: дивизiя Уптона черезъ Руссельвиль и Моунтъ-Гопъ на Джесперъ; дивизiя Лонга—черезъ станцiю Чероки, Франкфуртъ и Торнгилль также на Джесперъ; дивизiя Макъ-Кука—черезъ Эльдриджъ туда же. Изъ Джеспера весь отрядъ пошелъ вмѣстѣ черезъ Елейтонъ на Монтевалло. Здѣсь про-

изошли первыя стычки съ конницей южанъ, подъ командой Родди и Кросланда; слабыя ея части были скоро оттѣснены на Сиксъ-Мейль-Крикъ, гдѣ попытались остановиться, но были отброшены еще дальше на Рендольфъ. На слѣдующее утро шнырявшіе по всей окрестности разъѣзды сѣверянъ поймали непріятельскаго ординарца, и изъ бывшихъ у него депешъ Уильсонъ узналъ о распредѣленіи конницы Форреста и о слабости встрѣченныхъ ими наканунѣ непріятельскихъ конныхъ частей. Тогда онъ рѣшилъ насѣсть на нихъ какъ можно рѣшительнѣе и вогнать ихъ въ укрѣпленія, окружавшія городъ Сельму,—цѣль операціи всей кампаніи. При Эбенецеръ-Чюрчъ, 6 миль сѣвернѣе Плентерсвилль, произошло горячее дѣло. Форрестъ могъ противупоставить 9.000 сѣверянъ только 1.500 чел. и 6 орудій. Дѣло было начато шедшей въ головѣ дивизіей Лонга, который спѣшилъ 72-й индіанскій полкъ конной пѣхоты и, оттѣснивъ передовые посты южанъ, послалъ противъ нихъ въ атаку на коняхъ съ саблями въ рукахъ часть 17-го индіанскаго полка конной пѣхоты. Атака эта опрокинула стрѣлковъ южанъ и прорвала ихъ главныя силы послѣ чего, понеся нѣкоторыя потери, 17-й полкъ, обойдя кругомъ лѣваго фланга противника, вернулся назадъ. Южане однако скоро оправились и продолжали бой съ ожесточеніемъ. Какъ разъ въ это время подошла дивизія Уптона, слѣдовавшая нѣсколько восточнѣе Лонга; услыхавъ выстрѣлы, она повернула направо и рысью поспѣшила къ мѣсту боя, прибывъ на который, всадники спѣшились и атаковали правый флангъ непріятеля. Это движеніе рѣшило дѣло и вынудило южанъ, понесшихъ значительныя потери, къ отступленію. Бой произошелъ 1 апрѣля. Уильсонъ провелъ слѣдующую за симъ ночь на бивакѣ у Плентерсвилль, въ 90 миляхъ отъ Сельмы.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня движеніе на этотъ пунктъ энергично продолжалось. Городъ былъ обнесенъ укрѣпленіемъ бастіоннаго начертанія, которое начиналось у рѣки, въ 3 миляхъ ниже города и, обойдя его полукругомъ, оканчивалось также у рѣки, выше города. Доступъ къ укрѣпленію, какъ съ востока, такъ и съ запада затруднялся глубокими, труднодоступными протоками съ вязкимъ дномъ; профиль была слѣдующая: высота бруствера = 6 — 8 футъ, толщина = 8 футъ, глубина рва = 5 футъ, ширина = 10 — 15 футъ, высота палисадъ на гласисѣ = 5 футъ.

Такимъ образомъ федеральной конницѣ приходилось имѣть дѣло съ укрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ непрерывной ограды, фланкированной бастіонами и усиленной палисадомъ на гласисѣ. Форрестъ занималъ городъ съ 3.000 — 4.000 человѣкъ.

Уильсонъ подошелъ около 4 часовъ дня. Штурмъ былъ начатъ дивизіей Лонга въ пѣшемъ строю; правый флангъ составлялъ 17-й индіанскій полкъ, затѣмъ шли 123 и 98 иллинойскіе, 4 огійскій и 4 мичиганскій, — всего 1.500 чел. Пройдя подъ сильнымъ огнемъ около 700 шаговъ по совсѣмъ

открытой мѣстности, они, одолѣвъ палисады и прочія препятствія, ворвались въ укрѣпленіе и прогнали южанъ въ городъ. Также точно и дивизія Уптона проникла въ городъ, перелѣзши черезъ палисады, при чемъ люди подсаживали другъ друга. Городъ былъ взятъ, и Форрестъ съ оставшимися людьми отошелъ по дорогѣ на Бюрневилль. Трофеи Уильсона, имѣвшаго 9.000 всадниковъ и 8 орудій, состояли изъ 31 полевого орудія, одного 30-ти фунтоваго орудія Паррота, 2.770 плѣнныхъ (въ томъ числѣ 150 офицеровъ), нѣсколькихъ знаменъ и огромныхъ запасовъ разнаго рода. Уильсонъ остался нѣсколько дней въ Сельмѣ, поджидая высланные имъ отряды, и воспользовался этимъ временемъ для постройки моста черезъ Алабаму, ширина которой въ этомъ пунктѣ доходитъ до 870 футовъ. 10-го числа онъ переправился по этому мосту съ сѣвернаго берега рѣки на южный, разрушивъ предварительно до основанія всѣ литейныя заведенія, арсеналы и магазины и уничтоживъ оружіе и запасы, чѣмъ былъ нанесенъ страшный ударъ дѣлу конфедераціи.

При взятіи Сельмы было захвачено столько лошадей, что Уильсонъ могъ снабдить ими всѣхъ своихъ пѣшихъ людей. Онъ пополнилъ свои запасы, уничтожилъ лишнія повозки и принялъ вообще всѣ мѣры, чтобы довести свой отрядъ до возможной степени подвижности. Затѣмъ Уильсонъ двинулся черезъ Монгомери въ Георгію, съ цѣлью разрушить и уничтожить тамъ все, что возможно, и затѣмъ соединиться съ Шерманомъ въ сѣверной Каролинѣ. Монгомери былъ скоро взятъ, при чемъ сами южане, до прибытія непріятеля, сожгли 90.000 хлопчатобумажныхъ тюковъ; сѣверяне же разрушили всѣ магазины и затѣмъ 14-го двинулись дальше. 16-го Уильсонъ взялъ укрѣпленные пункты Колумбусъ и Уестъ-Пойнтъ; а 20-го прибылъ въ Маконъ, гдѣ получилъ извѣстіе о заключенномъ перемиріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ узналъ, что президентъ южной конфедераціи Джефферсонъ Дэвисъ бѣжалъ. Уильсонъ выслалъ за нимъ въ погоню войска, и 11-го мая взялъ его въ плѣнъ.

Вышеописанная экспедиція Уильсона была однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій кавалеріи во всю войну. Удача ея должна быть, конечно, въ значительной степени приписана тому страшному истощенію, въ которомъ находилась конфедерація въ послѣдній періодъ войны. Но все же она составляетъ выдающееся предпріятіе отряда, состоявшаго исключительно изъ конницы, и нѣсколько напоминаетъ крестовые походы, когда такого рода отряды брали укрѣпленія. Экспедиція эта показываетъ, что можетъ сдѣлать отрядъ конныхъ стрѣлковъ при искусномъ и смѣломъ управленіи [1]).

Мы закончимъ наше повѣствованіе о дѣйствіяхъ конницы въ американскую войну описаніемъ операцій Шеридана и его отряда конныхъ

[1]) И огромномъ превосходствѣ въ силахъ надъ противникомъ, состоящимъ исключительно изъ конницы. Прим. Брикса.

стрѣлковъ весной 1865 г. въ окрестностяхъ Питерсбурга и Ричмонда. Эти операціи имѣли рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи и повлекли за собой очищеніе Ричмонда и сдачу арміи Ли, а потому и заслуживаютъ изученія кавалерійскимъ офицеромъ.

Четыре года сѣверяне напрягали всѣ усилія, чтобы овладѣть главнымъ городомъ конфедераціи; однажды они уже появились совсѣмъ близъ него, но были отражены съ огромными потерями. Почти во всѣхъ болѣе значительныхъ битвахъ южане оказывались побѣдителями, и превосходство ихъ генераловъ въ искусствѣ управленія войсками и ихъ солдатъ въ храбрости и стойкости было неоспоримо. Время однако многое измѣняетъ, и на долю южанъ выпало быть побѣжденными той системой, которую они сами изобрѣли, но которую противники ихъ дополнили и привели въ дѣйствіе въ гораздо большемъ масштабѣ, благодаря большимъ средствамъ.

Послѣ цѣлаго ряда боевъ Гранту удалось занять позицію къ югу отъ Питерсбурга, гдѣ онъ былъ въ состояніи, имѣя въ Сити Пойнтъ близкую и обезпеченную базу, безъ всякаго затрудненія продовольствовать свою армію и, стоя спокойно на мѣстѣ, выжидать успѣшнаго окончанія своего плана — ударами по всей линіи истощить силы южанъ. Съ іюня 1864 г. до весны 1865 г. Грантъ оставался на этой позиціи, къ югу отъ р. Джемсъ, но всѣ его попытки выбить конфедератовъ изъ ихъ расположенія не удавались; слабая, но геройская армія Ли стойко держалась, несмотря на повторенныя нападенія превосходнаго въ силахъ противника.

Кажется въ половинѣ января Гранту пришла мысль, что если онъ отрѣжетъ Ричмондъ и прекратитъ всѣ подвозы, то очищеніе или сдача его неминуемы. Задача эта была возложена на конницу. Главныхъ коммуникаціонныхъ путей, ведущихъ къ Ричмонду, было три: каналъ р. Джемсъ, Данвильская желѣзная дорога и желѣзная дорога Бюрксвилль—Питерсбургъ, называемая южной. Перехватить эти три пути и сдѣлалось главной цѣлью Гранта. Шериданъ, избранный имъ для исполненія этого, находился съ слишкомъ 10.000 всадниковъ и еще большимъ числомъ пѣхоты въ долинѣ Шенандоа, къ сѣверу отъ р. Джемсъ; за нимъ наблюдалъ генералъ Эрли съ незначительнымъ отрядомъ.

Шериданъ получилъ весной приказаніе разбить Эрли, двинуться на Линчбургъ, разрушить тамъ каналъ, переправиться черезъ р. Джемсъ, предпринять отсюда поискъ въ южномъ направленіи, разрушить обѣ желѣзныя дороги и затѣмъ, описавъ большую дугу, соединиться съ Шериданомъ въ сѣверной Каролинѣ. 27 февраля Шериданъ вступилъ и 2 марта дошелъ до Вейнсборо, гдѣ совершенно раздавилъ Эрли своей массой всадниковъ; затѣмъ быстрымъ движеніемъ достигъ канала, который разрушеніемъ шлюзовъ и плотинъ былъ приведенъ въ состояніе совершенной негодности. Рѣку Джемсъ Шериданъ не могъ перейти по причинѣ прибыли водъ и поэтому пошелъ вдоль берега ея по направленію на Ричмондъ, который

обошелъ съ сѣвера. 10 марта онъ достигъ Уайтъ-Гауза на Памункеѣ и вошелъ тамъ въ связь съ крайнимъ правымъ флангомъ Гранта; 26 переправился черезъ Джемсъ у Сити-Пойнта и расположился въ тылу Гранта, линія котораго тянулась отъ Сити-Пойнта на 25 миль въ юго-западномъ направленіи. Противъ него и въ томъ же направленіи, но не на столь большое протяженіе простирались линіи Ли. Вся мѣстность къ западу представляла отличное поле дѣйствій для конницы, которая теперь имѣлась въ большомъ количествѣ въ распоряженіи Гранта.

Послѣдній и рѣшилъ обойти ею флангъ Ли и направить ее на обѣ вышеупомянутыя желѣзныя дороги, которыя оставались единственными путями сообщеній Ричмонда съ внутренностью страны.

Въ это время у сѣверянъ было 160.000 человѣкъ, а у южанъ всего 45.000, если не менѣе. Слѣдовательно, Грантъ имѣлъ полную возможность послать въ обходъ сильный отрядъ, имѣя достаточныя силы въ центрѣ. Отрядъ этотъ былъ составленъ изъ всей конницы Шеридана, поддержанной II-мъ и V-мъ корпусами. Онъ долженъ былъ, дѣлая охватывающее движеніе влѣво, укрѣпить занятыя позиціи, чтобы прикрывать армію во время движенія отъ удара во флангъ.

Шериданъ выступилъ 29-го марта съ 10.000 всадниковъ и двинулся черезъ станцію Римсъ на Динуидди Куртъ Гаузъ, который и былъ занятъ въ ту же ночь; II-й и V-й корпуса шли правѣе Шеридана и поддерживали связь съ лѣвымъ флангомъ главныхъ силъ. Занятыя позиціи были укрѣплены, такъ какъ ожидали непріятельской атаки, которая, дѣйствительно, была произведена въ тотъ же день дивизіей южанъ, но была отбита. Рано утромъ 30-го генералъ Мериттъ двинулся съ 4-мя конными бригадами на рекогносцировку Файфъ-Форкса, опорнаго пункта праваго фланга Ли, сильно укрѣпленнаго. Передовые посты южанъ были оттѣснены въ укрѣпленія, подойдя къ которымъ, сѣверяне должны были повернуть назадъ и отступить. Между тѣмъ 30-го же числа подошла пѣхота, которая стала на ночь на Бойдтоунской дорогѣ, между Гравелли-Рунъ и Гатчерсъ-Рунъ. 31-го утромъ прибывшая пѣхота произвела нападеніе на позицію южанъ, тянувшуюся вдоль Уайтъ-Окской дороги и усиленную укрѣпленіями и засѣками. Сѣверяне были отражены и отброшены до Бойдтоунской дороги.

Въ это время шедшій на лѣвомъ флангѣ Шериданъ продолжалъ движеніе, и такимъ образомъ конфедераты получили возможность обратиться противъ него; нападеніе было произведено конницей Фитцъ-Ли и двумя пѣхотными дивизіями, но безуспѣшно. При второй атакѣ южанамъ удалось отрѣзать часть конницы Шеридана, которая и могла присоединиться къ своимъ главнымъ силамъ только путемъ дальняго обхода. Завязался въ высшей степени упорный бой; сѣверяне спѣшились, укрылись за наскоро сложенными изъ рельсъ брустверами и огнемъ изъ своихъ магазинокъ отбили отчаянныя атаки всей кавалеріи и двухъ пѣхотныхъ дивизій южанъ.

Ночь раздѣлила сражающихся; сѣверяне удержали всѣ свои позиціи. Такъ кончился первый день Файфъ-Форкскаго сраженія.

Сэръ Генри Гэвелокъ, у котораго мы заимствовали много подробностей, говоритъ при описаніи этого боя слѣдующее: „всякій англійскій боевой офицеръ, прочтя вышеприведенное, долженъ откровенно признаться, что будь онъ поставленъ съ конницей въ подобное положеніе, имѣя карабины, стрѣляющіе на 350 шаговъ, и нѣсколько винтовокъ, стрѣляющихъ на 700 шаговъ, людей, одѣтыхъ въ стѣсняющее ихъ платье, обутыхъ въ сапоги съ длинными шпорами, при болтающихся желѣзныхъ ножнахъ, и, слѣдовательно, людей, совершенно неспособныхъ къ пѣшему бою, то онъ сначала попытался бы задержать непріятеля огнемъ наѣздниковъ (столь же мало дѣйствительнымъ, какъ огонь изъ дѣтскихъ игрушечныхъ ружей), затѣмъ произвелъ бы нѣсколько конныхъ атакъ, которыя всѣ были бы отражены, принеся ему только тяжкія потери и, наконецъ, утѣшаясь тѣмъ, что конница есть оружіе наступательное, а не оборонительное, пришелъ бы къ заключенію, что онъ ничего больше сдѣлать не можетъ и отступилъ бы съ большимъ урономъ, безъ успѣха и пользы для дѣла. Очевидно, что при этомъ вся предыдущая трехдневная работа была бы потеряна, и ее пришлось бы еще разъ продѣлать всю съ начала“ [1]).

Напротивъ того, конница Шеридана обладала такой оборонительной силой, что ея стойкость дала возможность расположеннымъ правѣе ея корпусамъ собраться и устроиться. Очевидно, что эта оборонительная сила, при другомъ образѣ дѣйствій или другомъ вооруженіи, не могла бы выказаться въ той же мѣрѣ. Грантъ говоритъ въ своемъ донесеніи: „Генералъ Шериданъ выказалъ себя въ данномъ случаѣ выдающимся полководцемъ. Вмѣсто того, что бы отступить на главныя силы, ссылаясь на встрѣченныя имъ превосходныя силы, онъ спѣшиваетъ свою конницу, оставляя верхомъ только самое необходимое число коноводовъ. Это принудило непріятеля развернуться и перейти въ наступленіе на большое протяженіе по лѣсамъ и пересѣченной мѣстности и задержало его дѣйствія“ [2]).

1-го апрѣля утромъ Шериданъ двинулся съ цѣлью обойти южанъ и отрѣзать часть ихъ войскъ. Медленность движенія корпуса Уаррена и поспѣшное отступленіе южанъ на ихъ позицію у Файфъ-Форка помѣшали ему. Тогда онъ сдѣлалъ демонстративное обходное движеніе праваго крыла южанъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ 5-й корпусъ обошелъ ихъ лѣвое крыло и отрѣзалъ ихъ отъ Питерсбурга и остальной части арміи Ли.

Въ тоже время Мерритъ съ 3-мя конными бригадами цѣлымъ рядомъ атакъ вогналъ правый флангъ южанъ въ ихъ временныя укрѣпленія, затѣмъ спѣшилъ своихъ людей и повелъ ихъ въ атаку на эти послѣднія. Все было готово къ всеобщему наступленію, и 5-й корпусъ получилъ при-

[1]) Havelock The Three Main Military Questions of the Day 79.

[2]) Havelock 82.

казаніе зайти правымъ плечомъ впередъ, обойти лѣвое непріятельское крыло и отбросить его въ Файфъ-Форкскія укрѣпленія. Федеральная пѣхота двинулась скорымъ шагомъ въ атаку на укрѣпленія съ востока въ то время, какъ конница, какъ мы уже видѣли, готовилась атаковать ихъ съ запада. Три спѣшенныя бригады бросились яростно на южанъ; завязалась отчаянная рукопашная схватка; люди нѣсколько разъ колебались и начинали отступать, но затѣмъ опять бросались впередъ, и наконецъ южане, атакованные съ трехъ сторонъ и совершенно обезсиленные, прекратили неравный бой и отступили. Спѣшенные всадники проникли тогда во многихъ мѣстахъ внутрь укрѣпленій и встрѣтились тамъ съ людьми 5-го корпуса, ворвавшимися одновременно съ ними съ другой стороны. Южане были совершенно разсѣяны. Остававшіяся верхомъ бригады Меррита начали преслѣдованіе, при чемъ „южане уже болѣе нигдѣ не сопротивлялись, а уходили въ полномъ безпорядкѣ“. 5—6 тысячъ человѣкъ было взято въ плѣнъ, а остальнымъ отрѣзана дорога къ арміи Ли, такъ что вся потеря южанъ доходила до 13.000 человѣкъ. Сраженіе при Файфъ-Форксѣ въ сущности рѣшило исходъ кампаніи.

Ли оставалось теперь на выборъ: или очистить Ричмондъ и Питерсбургъ и уйти въ западную Виргинію, гдѣ постараться протянуть войну на нѣкоторое время безъ всякой надежды на успѣхъ, или оставаться на своей позиціи, причемъ ему угрожала опасность быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и окончательно отрѣзаннымъ, въ каковомъ случаѣ сдача, вслѣдствіе недостатка припасовъ, становилась только вопросомъ времени.

Онъ остановился на первомъ рѣшеніи, а именно отступить по направленію на Данвилль, а если это окажется невыполнимымъ, то на Линчбургъ, гдѣ гористая мѣстность давала нѣкоторую возможность бороться противъ превосходныхъ силъ.

При послѣдовавшемъ затѣмъ преслѣдованіи на долю конницы сѣверянъ выпала главная роль; надо сказать, что ей удалось окончательно отрѣзать отступленіе Ли только благодаря тому, что всадники Шеридана были обучены спѣшиваться и могли занимать и удерживать въ пѣшемъ строю важныя оборонительныя позиціи.

Ли началъ отступленіе въ ночь на 3-е апрѣля. Меритъ послѣдовалъ за нимъ въ утро того-же дня и нагналъ его арріергардъ у Немоцинъ-Крикъ, гдѣ мостъ былъ уничтоженъ и набросано нѣсколько укрѣпленій для обороны переправы. Меритъ переправился немедленно вбродъ, поддержанный артиллеріей обошелъ позицію непріятеля и принудилъ его такимъ образомъ къ отступленію. Конница послѣдовала за нимъ еще на 20 миль, а Шериданъ съ 5-мъ корпусомъ держался возможно ближе къ ней. Въ этотъ день было взято 300 плѣнныхъ, 4 орудія и 2 знамени. Рано утромъ на слѣдующій день преслѣдованіе было возобновлено 9-ю конными бригадами. Южане заняли у Бетани столь сильную позицію, что сѣверяне

не рѣшились атаковать ее ночью, но, получивъ въ 11 часовъ вечера извѣстіе объ отступленіи южанъ, Шериданъ немедленно пошелъ за ними и прибылъ въ Джеттерсвилль около 6 часовъ утра, почти одновременно съ 5-мъ корпусомъ, шедшимъ туда другой дорогой. Такимъ образомъ Ли былъ отрѣзанъ отъ пути отступленія на Данвилль и оттѣсненъ на Линчбургъ.

Между Диттонсвиллемъ и Сэлорсъ-Крикъ Шериданъ нагналъ арьергардъ южанъ, силой въ 10.000 чел. Тутъ имѣлъ мѣсто крайне оригинальный способъ примѣненія кавалеріи при преслѣдованіи. Признавая, что непріятель слишкомъ силенъ, чтобы можно было ожидать успѣха отъ атаки на него съ фронта, Шериданъ рѣшился пройти къ западу, нѣсколько обогнать колонну и своей головной дивизіей атаковать обозъ и его прикрытіе. Такъ онъ и сдѣлалъ; но такъ какъ непріятеля было довольно много и послѣдній состоялъ изъ отличныхъ солдатъ, то дивизія только могла насѣдать на него своими спѣшенными стрѣлками, задерживать его движеніе. Между тѣмъ постепенно подходили слѣдующія дивизіи, и каждая изъ нихъ, проходя впередъ предыдущей опять атаковывала южанъ во флангъ. Благодаря такому образу дѣйствій сѣверяне достигнули Сэлорсъ-Крикъ раньше непріятеля, живо заняли позицію на высотахъ противуположнаго берега и, ставъ такимъ образомъ поперекъ дороги, преградили путь южанамъ. Первымъ результатомъ дѣйствій Шеридана былъ захватъ 16 орудій, 400 повозокъ и многихъ плѣнныхъ, а теперь цѣлыхъ три дивизіи южанъ оказались отрѣзанными и должны были положить оружіе.

Также точно было продолжено преслѣдованіе и дальше: конница кружнымъ путемъ обходила южанъ, становилась поперекъ ихъ пути отступленія, спѣшивалась и задерживала ихъ своимъ огнемъ. Наконецъ 9 апрѣля 1865 года у Аппоматоксъ-Куртъ-Гауза вся армія Ли, если только можно было назвать ее арміей, была вынуждена положить оружіе.

Замѣчанія по поводу этихъ событій сэра Генри Гэвелокъ заслуживаютъ быть приведенными, какъ принадлежащія высоко образованному и опытному офицеру. Онъ говоритъ: „Образъ дѣйствій Шеридана очень характеристиченъ и показываетъ, до какой высокой степени умѣнья примѣняться къ разнымъ обстоятельствамъ была доведена въ то время конница сѣверянъ, благодаря своему вооруженію и обученію: Шериданъ настигаетъ арьергардъ противника, обгоняетъ его, поворачивается кругомъ и строится фронтомъ къ нему, съ полнымъ спокойствіемъ выбираетъ удобную позицію и упорно на ней держится, несмотря на отчаянныя усилія выбить его. Опытъ четырехлѣтней войны, полное довѣріе, которымъ пользовались генералы, показавшіе себя хорошо на дѣлѣ, свобода, которая имъ была предоставлена въ изобрѣтеніи и примѣненіи разнаго рода улучшеній,— все это вмѣстѣ взятое дало Шеридану, и еще одному или двумъ такимъ же выдающимся полководцамъ, возможность стряхнуть съ себя вредную рутину европейскихъ кавалерійскихъ теорій и организовать свою собствен-

ную конницу, не въ видѣ звенящей, блестящей, дорогой, но почти ненужной игрушки, какова она у насъ, а какъ родъ оружія, способный къ серьезной дѣятельности на всякой мѣстности, при всякихъ обстоятельствахъ, и безъ всякой поддержки со стороны пѣхоты".

„Не только между европейскими конницами, извѣстными автору, нѣтъ ни одной, которая могла бы проявить ту же дѣятельность, какъ конница Шеридана, но и въ исторіи всѣхъ войнъ настоящаго и прошлаго столѣтій не встрѣчается ни одного случая подобнаго рода расправы съ сильнымъ арьергардомъ".

Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Если бы какая нибудь европейская конница, безъ магазинокъ и безъ умѣнья сражаться пѣшкомъ, пожелала преградить имъ дорогу невинной стрѣльбой фланкерозъ или повторными атаками холоднымъ оружіемъ, то южанамъ было бы легко съ ней справиться. Они могли построить баталіонныя или бригадныя каре съ обозомъ въ серединѣ; размѣстить эти каре въ шахматномъ порядкѣ, чтобы дать имъ возможность взаимной поддержки, и затѣмъ, спокойно наступая, огнемъ проложить себѣ дорогу среди непріятельской конницы. Какъ не вспомнить при этомъ извѣстнаго разсказа Непира о двухъ каре: одного — изъ 5-го и 77-го британскихъ, другого — изъ 21-го португальскаго полковъ, которыя съ полнымъ успѣхомъ проложили себѣ дорогу у Эль-Бодока среди блестящихъ и храбрыхъ французскихъ кирасиръ Монбрена, не пострадавъ нисколько, какъ три священные мужа изъ ассирійской огненной печи? Кто изъ знающихъ военную исторію не вспомнитъ отступленія англійской пѣхоты черезъ открытую, длиной въ 3 мили, равнину у Фуентесъ д'Онорь, когда болѣе 500 этихъ самыхъ отборныхъ всадниковъ, старавшихся преградить ей дорогу, было оставлено ею лежащими, убитыми и ранеными за собой; или такого же блестящаго отступленія русскихъ каре при Краонѣ и Реймсѣ въ 1814 году [1])? Арьергардъ южанъ подъ командой ветерана Еуеля состоялъ изъ людей, доказавшихъ во множествѣ сраженій, начиная съ Буль-Руна, свое мужество. Дѣло было не въ людяхъ, но времена и средства совершенно перемѣнились. Употребленіе конныхъ стрѣлковъ для пѣшаго боя изъ-за закрытій дѣлало огонь конницы сѣверянъ столь же дѣйствительнымъ, какъ и огонь лучшей пѣхоты; постоянно занимая одну позицію за другой, быстро двигавшимися конными частями, сѣверяне, укрываясь мѣстностью, не терпя сами потерь, наносили огнемъ страшный вредъ противнику, а затѣмъ, не задерживаясь долго на мѣстѣ, могли его обгонять и ставить опять новыя преграды движенію. Южане же не могли строиться въ каре, потому что въ этомъ построеніи они терпѣли бы еще вдесятеро большія потери отъ магазинокъ".

[1]) Или отступленія прусскихъ каре при Этожѣ въ февралѣ того же года, а также и уже упомянутаго движенія дивизіи Невѣровскаго изъ Краснаго въ Смоленскъ въ 1812 г. Примѣчаніе Брикса.

Къ словамъ этимъ можно еще прибавить, что пѣхота при Эль-Бодонѣ, Фуентесъ д'Оноръ, Краонѣ и Реймсѣ была вооружена кремневыми ружьями, не обладавшими ни мѣткостью, ни дальнобойностью, между тѣмъ какъ южане имѣли отличныя винтовки. Нельзя поэтому не придти къ заключенію, что ни одна регулярная конница при настоящемъ ея положеніи не могла бы сдѣлать того, что сдѣлала конница Шеридана, особенно если мы вспомнимъ, что дѣйствіе происходило на мѣстности крайне пересѣченной.

Изъ вышеприведеннаго очерка дѣйствій конницы въ американскую войну видно, что обѣ стороны изобрѣли и примѣнили на дѣлѣ новый способъ употребленія конницы, обѣщающій большія выгоды. Нельзя прочесть описанія поисковъ Моргана, экспедицій Форреста, большихъ усиленныхъ рекогносцировокъ Стюарта, операцій Грирсона въ Миссисипи, нашествія коннаго отряда Уильсона, маневровъ Шеридана и т. д. безъ того, чтобы не придти къ убѣжденію, что конные стрѣлки составляютъ истинное примѣненіе конницы при нынѣшнемъ состояніи огнестрѣльнаго оружія.

Тотъ кавалерійскій офицеръ, который, прочтя вышеприведенныя описанія, останется вѣрнымъ традиціямъ Фридриха Великаго и Наполеона, ссылаясь на неудачное примѣненіе идеи „драгунъ" въ XVII столѣтіи, будетъ продолжать вѣрить, что конница, возлагающая свои надежды на огнестрѣльное оружіе, всегда должна гибнуть,—тотъ только докажетъ, что не умѣетъ сдѣлать правильныхъ выводовъ изъ исторіи американской войны[1]).

Утверждаютъ, что страна не благопріятствовала дѣйствіямъ въ конномъ строю, что не было времени обучить набранныхъ до и во время войны солдатъ коннымъ атакамъ и что, наконецъ, удачныя дѣйствія конныхъ стрѣлковъ не доказываютъ еще, что дѣйствія обученной на старыхъ основаніяхъ конницы были бы хуже. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что четырехлѣтнія непрерывныя военныя дѣйствія должны были выработать войска наилучшія; армія южанъ подъ командой Ли при Ченслорсвиллѣ была одной изъ наиболѣе дисциплинированныхъ и способныхъ къ дѣлу армій, и самое сраженіе при Ченслорсвиллѣ доказываетъ это какъ нельзя лучше.

Перейдемъ теперь къ кампаніямъ 1866 г. въ Австріи и 1870—71 гг. во Франціи и посмотримъ, превосходятъ-ли результаты, добытые въ нихъ кавалеріей въ настоящемъ значеніи этого слова, на благопріятной мѣстности, противъ улучшеннаго оружія, тѣ результаты, которыхъ новая конница достигла въ Америкѣ.

---

[1]) Этимъ заключеніемъ авторъ доказываетъ лишь самъ, что не сдѣлалъ правильнаго вывода изъ исторіи американской войны въ отношеніи конницы вообще и остался при субъективномъ взглядѣ на это дѣло—американца. *В. Сухомлиновъ.*

Глава III.

Австро-Прусская война 1866 года[1]).

Численность прусской конницы въ эту кампанію простиралась до 30.000 чел., не считая 7.200 чел. въ запасныхъ эскадронахъ. Она состояла, со включеніемъ гвардіи, изъ полковъ: 10 кирасирскихъ по 4 эскадрона, вооруженныхъ кирасами, касками, палашами и пистолетами; 15 уланскихъ, по 4 эскадрона, вооруженныхъ пиками, саблями и пистолетами; 10 драгунскихъ и 13 гусарскихъ, вооруженныхъ одинаково саблями и игольчатыми карабинами. Кирасиры и уланы составляли тяжелую, драгуны и гусары— легкую конницу. Кромѣ того было 12 ландверныхъ конныхъ полковъ, 6 тяжелыхъ и 6 легкихъ, вооруженныхъ подобно дѣйствующимъ.

Австрійская конница была сокращена послѣ кампаніи 1859 года и состояла изъ полковъ: 12 кирасирскихъ (неимѣвшихъ кирасъ, которые были отмѣнены не задолго до войны), 2 драгунскихъ, 14 гусарскихъ, 13 уланскихъ, всего — 26.621 чел. Въ кирасирскихъ полкахъ было по 4 эскадрона (въ одномъ было 5) и при каждомъ полку былъ эскадронъ депо.

Итальянская конница состояла изъ полковъ: 4 тяжелыхъ, 7 уланскихъ, 7 легкоконныхъ и 1 гидовъ. Всѣ полки, кромѣ послѣдняго, дѣлились на 6 дѣйствующихъ эскадроновъ по 150 человѣкъ и 1 эскадронъ депо; всего—12.600 чел. Полкъ гидовъ былъ въ 8 эскадроновъ и силой въ 60 офицеровъ, 1.074 нижнихъ чиновъ и 858 коней; онъ предназначался преимущественно для ординарческой службы. Тяжелая конница и уланы имѣли пики.

Во время всей кампаніи 1866 года конница не только не имѣла вліянія на ея исходъ, но даже за ней не числится никакихъ важныхъ заслугъ. Тщетно искали бы мы массовыя атаки кавалеріи, которыя отличали бои Фридриха и Наполеона.

Ни одинъ бой, кромѣ Находскаго, не былъ рѣшенъ вполнѣ или отчасти прусской кавалеріей. Что касается до австрійской легкой конницы, то она не только не окружала, подобно ея предкамъ, прусскую армію и не отрѣзывала ея сообщеній, но она не сумѣла даже скрывать движеній своей арміи и была столь небрежна въ отправленіи сторожевой и развѣдывательной службы, что въ битвѣ при Кениггрецѣ прусскій гвардейскій корпусъ могъ почти совершенно незамѣченнымъ захватить ключъ позиціи и тѣмъ рѣшить дѣло.

Въ Гичинскомъ бою австрійской конницей генерала Эдельсгейма была сдѣлана попытка остановить наступленіе пруссаковъ и вырвать атакой побѣду изъ ихъ рукъ. Прусская пѣхота только что овладѣла деревней Подоломъ, передъ тѣмъ зажженной гранатой. Эдельсгеймъ во главѣ трехъ

---

[1]) Rüstow; — Hozier.

лучшихъ конныхъ полковъ повелъ отчаянную атаку на горящую деревню, но лошади, испугавшись огня и дыма, повернули кругомъ, и полки должны были отступить не безъ потерь. Нѣсколько позже пруссаки, во время преслѣдованія ими австрійцевъ, были атакованы гусарскимъ полкомъ, но, полагась на свои скорострѣлки, они, даже не потрудившись строить каре, встрѣтили атаку развернутымъ строемъ. Довѣріе къ своему оружію ихъ не обмануло, гусары должны были съ тяжелыми потерями повернуть назадъ передъ непрерывнымъ свинцовымъ дождемъ, вырывавшимъ цѣлые ряды.

Бой при Находѣ 27 іюня начался схваткой между прусскими уланами и драгунами и австрійскими кирасирами, въ которой австрійцы послѣ горячаго рукопашнаго боя вынуждены были отступить. Этотъ бой былъ между пикой и саблей, подобно кавалерійскимъ боямъ прежнихъ временъ. Легкіе австрійскіе всадники (?) должны были уступить сильному напору тяжелыхъ пруссаковъ и ихъ лошадей (?).

Дальнѣйшія подробности этого боя мало интересны, такъ какъ не способствуютъ уясненію вліянія новаго оружія на тактику конницы.

Послѣ пораженія австрійцевъ при Кениггрецѣ превосходство заряжаемаго съ казны оружія стало неоспоримо. Разбитая пѣхота ихъ отступила на всѣхъ пунктахъ отъ Хлума до Росница, и прусская конница и артиллерія выѣхали для ея преслѣдованія. Для прикрытія отступленія австрійскія орудія открыли по преслѣдователямъ огонь, а когда прусскіе всадники подъѣзжали слишкомъ близко къ отступавшей пѣхотѣ, то она поворачивалась и отбрасывала ихъ залпами.

Австрійская конница была подъ рукой, но не могла атаковать непріятельской пѣхоты изъ опасенія полнаго и притомъ безполезнаго своего уничтоженія. Но когда быстрое наступленіе прусской конницы замаскировало огонь пѣхоты и артиллеріи, то австрійскіе всадники немедленно обратились противъ нея и съ полнымъ самопожертвованіемъ приняли на себя прикрытіе отступленія своей пѣхоты. Бой продолжался съ колеблющимся успѣхомъ по мѣрѣ того, какъ вводились свѣжія части. Кажется, не было ни одной удачной атаки конницы противъ пѣхоты, такъ какъ отступавшіе австрійцы, какъ только прусская конница насѣдала слишкомъ близко, останавливались и отбрасывали ее огнемъ своихъ нарѣзныхъ винтовокъ.

Конница обѣихъ сторонъ была отлично организована и снаряжена и состояла изъ мужественныхъ солдатъ, что она и доказывала на дѣлѣ, такъ какъ нѣсколько разъ происходили рукопашныя схватки послѣ взаимной атаки въ карьеръ, напримѣръ 10 іюля при Саарѣ и 11 при Тишновицѣ. 15 числа 5 мъ прусскимъ кирасирскимъ полкомъ полковника Бредова была произведена лихая атака на австрійскую артиллерію, на шоссе Ольмюцъ-Тобитчау. Мы приведемъ здѣсь описаніе изъ сочиненія Гозье о семинедѣльной войнѣ:

„Бредовъ, подъ прикрытіемъ холмистой мѣстности, построилъ свой полкъ уступами по эскадронно. Для атаки батареи 1 эскадронъ прикрывалъ движенія справа противъ могущей появиться австрійской конницы; 2-й и 4-й были направлены прямо на орудія, а 3-й, слѣдуя за 2-мъ, составлялъ резервъ“.

„Эскадроны тронулись сначала маленькой, затѣмъ полной рысью, въ совершенномъ порядкѣ, какъ на плацу, несмотря на сильный огонь, причинившій имъ нѣкоторыя потери. За нѣсколько сотъ шаговъ отъ орудій они перешли въ широкій галопъ, все увеличивавшійся по мѣрѣ приближенія къ австрійцамъ. Орудія пускали выстрѣлъ за выстрѣломъ; снопы огня вырывались одинъ за другимъ изъ дула ихъ, сопровождая гранаты, съ шумомъ разсѣкавшія густыя облака дыма, собиравшіяся впереди орудій. Фланговые эскадроны нѣсколько отдѣлились, взявъ направленіе на фланги линіи орудій, ожидая встрѣтить хотя какое нибудь прикрытіе; средніе бросились прямо на орудія и, проскочивъ въ интервалы, налетѣли на прислугу. Огонь внезапно прекратился, дымъ началъ понемногу разсѣиваться, но шумъ все продолжался: предсмертные крики людей, зарубленныхъ палашами, просьбы о пощадѣ, топотъ коней, звукъ стали, крики радости и побѣды, — все это перемѣшалось и поднималось къ небу, смѣшиваясь съ молитвами, которыя въ тоже время возносились въ нѣсколькихъ миляхъ отъ поля сраженія: въ это самое воскресеніе въ арміи Фридриха-Карла было отслужено благодарственное молебствіе за дарованныя до сихъ поръ побѣды. Пруссаки захватили 18 орудій, 7 повозокъ, 170 плѣнныхъ и 168 лош., — хорошая добыча для одного полка. Потеряли они всего 12 чел. и 8 лош., такъ какъ слегка поднимавшаяся мѣстность и быстрое движеніе атакующихъ эскадроновъ ввели въ заблужденіе артиллеристовъ, которые цѣлили слишкомъ высоко, такъ что большая часть гранатъ перелетѣла черезъ головы пруссаковъ. Изъ 18 орудій — 17 было доставлено въ Просницъ, а одно брошено, такъ какъ оказалось слишкомъ испорченнымъ.

Пока кирасиры возились у орудій, подошелъ отъ Ненаковица непріятельскій эскадронъ. Бредовъ лично сталъ во главѣ своего 1-го эскадрона и повелъ его въ атаку, для прикрытія увозимыхъ трофеевъ. Какъ могучій валъ налетѣлъ эскадронъ на противника. Легкіе австрійскіе всадники были отброшены и разсѣяны; попытки ихъ вновь собраться были неудачны, и они принуждены были уйти за Ненаковицъ.

Въ этомъ бою Бредовъ выказалъ себя мужественнымъ и предпріимчивымъ кавалерійскимъ офицеромъ. Приведенное описаніе можетъ научить лучше многихъ толстыхъ томовъ, какъ слѣдуетъ атаковать артиллерію. Мы видимъ прежде всего, что Бредовъ обезпечилъ свои фланги и оставилъ резервъ; затѣмъ онъ обскакалъ фланги орудій, захватилъ и тотчасъ увезъ ихъ; наконецъ предусмотрительно сохранивъ въ рукахъ одинъ или два эскадрона, онъ могъ отразить непріятеля, пытавшагося вернуть орудія.

Если бы онъ сразу бросилъ въ бой весь полкъ, то, не добился бы бóльшаго успѣха, но зато внезапно появившійся свѣжій непріятельскій эскадронъ могъ бы опрокинуть его полкъ, пришедшій послѣ удачной атаки въ нѣкоторый безпорядокъ.

Наиболѣе блестящія атаки всей кампаніи были произведены въ битвѣ при Лангензальцѣ, 27 іюня, гдѣ ганноверскій драгунскій герцога Кэмбриджскаго полкъ бросился на отступавшую прусскую пѣхоту и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. Еще блестящѣе была атака ганноверской конницы, которая прорвала два прусскихъ каре и захватила батарею (?). Правда, ганноверцы понесли при этомъ тяжкія потери отъ огня игольчатыхъ винтовокъ, такъ какъ кирасиры атаковали на открытой мѣстности и потеряли около трети состава. Это былъ, впрочемъ, единственный примѣръ подобной атаки во всю кампанію, и нужно прибавить, что пруссаки уже отступали, когда были атакованы.

Хотя кампанія 1866 г. произошла только годъ по окончаніи американской, но послѣдняя не оказала никакого вліянія на образъ дѣйствій европейскихъ армій. Бенедекъ почти не воспользовался своей легкой конницей, что наводитъ на мысль, что война американцевъ прошла для него безслѣдно. Дѣйствуя въ своей странѣ, среди дружескаго населенія, австрійская конница почти ничего не знала о движеніяхъ пруссаковъ; она не производила поисковъ на флангъ и въ тылъ противника, не захватывала обозовъ, не разрушала желѣзныхъ дорогъ, не уничтожала телеграфовъ, не нападала на аванпосты, однимъ словомъ не дѣлала ничего того, что такъ часто и съ такимъ успѣхомъ производилось американскими конными стрѣлками.

Также и прусская конница не была настолько искусна въ отправленіи сторожевой и развѣдывательной службы, чтобы сумѣть прикрыть вторженіе своей арміи. Она большею частью соображала свои движенія съ пѣхотой и никогда не отдѣлялась далеко. Когда обѣ непріятельскія конницы соединялись и начинали бороться, то доказывали, что онѣ отлично обучены искусно маневрировать и обладаютъ мужествомъ, но можно-ли, при сравненіи ихъ дѣятельности съ дѣятельностью американскихъ конныхъ стрѣлковъ, не сказать, что вторые сдѣлали неизмѣримо больше первыхъ? Также точно нельзя не придти къ заключенію, что образъ дѣйствій американцевъ больше подходитъ къ новому, усовершенствованному огнестрѣльному оружію.

Война 1866 г. продолжалась очень не долго; собственно говоря, было только одно рѣшительное сраженіе, и вопросъ о вліяніи заряжающагося съ казны оружія на военное искусство оставался открытымъ. Напротивъ того, отчаянная борьба между французами и нѣмцами въ 1870—1871 гг., въ которой обѣ арміи были вооружены отличнымъ оружіемъ усовершенствованной конструкціи, даетъ много данныхъ по этому вопросу. Поэтому

мы остановимся на кампаніи 1870—1871 гг. нѣсколько подробнѣе и посмотримъ, какія можно изъ нея вывести заключенія по вопросу о дѣйствіяхъ конницы въ будущихъ войнахъ.

Глава IV.

Франко-Германская война 1870—1871 гг. [1])

Война 1870 года, разразившаяся между Франціей и Германіей, была первою, въ которой обѣ стороны пользовались улучшеннымъ оружіемъ. Поэтому она представляетъ единственный источникъ, изъ котораго можно почерпнуть матеріалы для практическаго разрѣшенія вопроса: какое вліяніе имѣетъ новое оружіе на относительное значеніе различныхъ родовъ оружія и ихъ дѣйствія.

Какъ французы, такъ и нѣмцы обладали значительной конницей, которая была хорошо снаряжена и обучена; процентное, впрочемъ, содержаніе конницы въ арміи уменьшилось сравнительно съ прежними войнами, не столько вслѣдствіе уменьшенія ея численности, сколько вслѣдствіе непомѣрнаго возростанія самихъ армій.

Французская конница состояла изъ 11 кирасирскихъ и 1 карабинернаго полковъ тяжелой или резервной конницы, 13 драгунскихъ и 9 уланскихъ полковъ линейной конницы, 17 конно-егерскихъ и 9 гусарскихъ полковъ и 3 полковъ спагисовъ легкой конницы. Гвардейскіе и легкіе полки имѣли по 5 эскадроновъ дѣйствующихъ и по 1 запасному; прочіе — по 4 эскадрона дѣйствующихъ и одному запасному. Вся численность конницы по военному составу доходила круглымъ числомъ до 40.000 коней. Она была организована въ дивизіи изъ 2—3 бригадъ; въ каждой бригадѣ было обыкновенно 2 полка.

Каждому корпусу изъ 3—4 пѣхотныхъ дивизій придавалась кавалерійская дивизія, подчиненная непосредственно командиру корпуса; начальники дивизій особой конницы въ своемъ распоряженіи не имѣли. Подобная организація представляетъ значительную разницу съ германской, гдѣ при каждой пѣхотной дивизіи состоялъ конный полкъ. Совершенное отсутствіе, хотя бы самой незначительной, конной части ставили иногда начальниковъ французскихъ пѣхотныхъ дивизій въ очень затруднительное положеніе, напримѣръ, при Вейсенбургѣ, гдѣ генералъ Дуэ, занимавшій со второй дивизіей 1-го корпуса очень выдвинутое положеніе, не имѣлъ ни одного взвода конницы для производства развѣдокъ впереди фронта. И дѣйствительно, произведенное на него нападеніе было для него совершенной неожиданностью и кончилось полнымъ уничтоженіемъ дивизіи.

---

[1]) Borbstaedt u. Dwyer.

Кромѣ конныхъ дивизій, состоящихъ при корпусахъ, имѣлся еще резервный кавалерійскій корпусъ изъ 3 дивизій, всего 48 эскадроновъ при 30 орудіяхъ и 6-ти картечницахъ.

Вооруженіе конницы было слѣдующее: кирасиры имѣли палаши и пистолеты; уланы—пики, сабли и пистолеты; драгуны, егеря и гусары имѣли сабли и карабины Шаспо, стрѣлявшіе на 800 шаговъ. Эти части составляли такимъ образомъ нѣчто въ родѣ конныхъ стрѣлковъ; на дѣлѣ, впрочемъ, они употреблялись одинаково со всѣми прочими конными частями, хотя бывали случаи, что они спѣшивались и вели бой въ пѣшемъ строю.

Сѣверогерманская конница состояла изъ 10 кирасирскихъ, 21 уланскаго, 21 драгунскаго, 18 гусарскихъ и 6 легкихъ полковъ; всего 76 полковъ по 4 дѣйствующихъ эскадрона и 1 запасному. Въ полку было около 600 коней. Кирасиры и уланы считались тяжелой, прочіе полки легкой конницей. Вся численность конницы какъ сѣверной, такъ и южной Германіи, доходила до 369 эск. или 56.000 человѣкъ. При каждой пѣхотной дивизіи состоялъ конный полкъ, остальные полки были сведены въ дивизіи и приданы разнымъ арміямъ; дивизіи, состоявшія вообще изъ 2 бригадъ по 2 полка (?), имѣли по конной батареѣ.

Съ самаго начала кампаніи выказалось все превосходство германцевъ въ организаціи и искусствѣ дѣйствій. Войны Наполеона, кампаніи: крымская и 1859 года вселили въ французахъ вѣру въ ихъ непобѣдимость; они успокоились на пожатыхъ ими лаврахъ, не слѣдя за улучшеніями въ военномъ дѣлѣ. Опытъ междуусобной американской войны прошелъ для нихъ безслѣдно, такъ какъ они были убѣждены, что дѣйствія тамошнихъ армій, составленныхъ изъ необученныхъ людей, не могутъ дать ничего поучительнаго для европейскихъ регулярныхъ армій. Они упустили при этомъ изъ виду, что четыре года непрерывной войны могутъ выработать болѣе опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, чѣмъ цѣлая жизнь, проведенная въ мирныхъ занятіяхъ военной службы. Также точно мало воспользовались французы и новымъ способомъ дѣйствій конницы, примѣненнымъ американцами. Поэтому сторожевая и развѣдывательная служба ихъ конницы оказалась ниже всякой критики, а дѣйствія ея въ бою, безспорно въ высшей степени храбрыя и мужественныя, но настолько же неосмысленныя, привели только къ безплодному жертвованію ею при Вертѣ и Седанѣ.

Но ничто такъ рельефно не бросается въ глаза въ кампаніи 1870 г., какъ совершенное неумѣніе французской конницы исполнять сторожевую и развѣдывательную службу. Или она не исполнялась вовсе, какъ при Бомонѣ, или же исполнялась столь небрежно, что французскія войска были неоднократно атакованы непріятелемъ врасплохъ на бивакахъ среди бѣлаго дня.

Нѣмецкой конницѣ четыре года до того пришлось имѣть дѣло съ австрійцами, также очень небрежно относившимися къ передовой службѣ,

поэтому она пріобрѣла большую смѣлость въ развѣдкахъ, и это обстоятельство, въ связи съ совершенной бездѣятельностью французскихъ всадниковъ, дало ей возможность съ первыхъ же шаговъ бдительностью и широкими примѣненіями рекогносцировокъ оказать арміи въ высшей степени серьезныя услуги. Благодаря небрежности французовъ, нѣмецкіе разъѣзды имѣли полную возможность безнаказанно появляться въ тылу французскаго расположенія, совершать самыми маленькими частями необыкновенно смѣлые поиски и добывать такимъ путемъ важныя свѣдѣнія о положеніи и движеніяхъ противника. Тщательное обученіе нѣмецкихъ всадниковъ въ мирное время сторожевой и развѣдывательной службѣ дало прекрасные плоды на войнѣ.

Уже въ ночь съ 23 на 24 іюля прусскій уланскій разъѣздъ пробрался въ тылъ французскаго расположенія и взорвалъ желѣзнодорожный віадуктъ у Сааргемюнда. Съ этого дня превосходство нѣмецкой кавалеріи проявлялось постоянно. 26-го іюля вюртембергскій офицеръ генеральнаго штаба графъ Цеппелинъ съ 4-мя офицерами и 4-мя нижними чинами прошелъ вблизи Лаутербурга черезъ французскіе передовые посты и въ теченіе 36 часовъ развѣдывалъ у нихъ въ тылу. Правда, затѣмъ разъѣздъ этотъ былъ застигнутъ врасплохъ въ Ширленгофѣ, небольшомъ трактирѣ къ югу отъ Верта и на 10 миль позади французскихъ аванпостовъ, и только одному Цеппелину удалось благополучно ускакать; но свѣдѣнія, имъ привезенныя, были очень важны, и на нихъ былъ построенъ планъ движенія арміи кронпринца.

Французская конница въ то же время совершенно бездѣйствовала. Генералъ Абель Дуэ, стоявшій на далеко выдвинутой впередъ позиціи у Вейсенбурга не имѣлъ вовсе конницы и поэтому былъ застигнутъ врасплохъ и на голову разбитъ 3-й германской арміей. За этимъ первымъ успѣхомъ послѣдовалъ черезъ два дня второй: весь правый флангъ французовъ потерпѣлъ полное пораженіе при Вертѣ отъ той-же арміи. Французы дрались въ обоихъ сраженіяхъ съ замѣчательной храбростью, но были атакованы неожиданно и притомъ превосходными силами.

Изъ сраженія при Вертѣ мы упомянемъ объ атакѣ, произведенной французской кирасирской бригадой Мишеля противъ лѣваго германскаго крыла, которое, наступая черезъ Морсброннъ, угрожало обходомъ правому флангу французовъ. Бригада, силой въ тысячу коней, двинулась въ трехъ линіяхъ по направленію на Морсброннъ, по очень труднодоступной мѣстности. Несмотря на ружейный огонь, обстрѣливавшій ея лѣвый флангъ, она быстро продолжала движеніе и бросилась на непріятеля, чтобы застать его во время построенія боеваго порядка. Нѣмцы встрѣтили атаку въ томъ строю, въ которомъ находились, сильнѣйшимъ огнемъ, нанесшимъ кирасирамъ, въ самое короткое время, сильнѣйшія потери. Оставшіеся въ живыхъ продолжали движеніе, но большинство попало въ плѣнъ

и только немногимъ удалось проскочить и уйти кружнымъ путемъ. Но и эти остатки бригады были атакованы прусскимъ гусарскимъ полкомъ. Въ результатѣ атаки было то, что бригада Мишеля и атаковавшій вмѣстѣ съ ней шестой уланскій полкъ были почти уничтожены. Прусскіе гусары потеряли 1 чел. убитымъ, 23 ранеными и 35 лошадей; потери пѣхоты были самыя ничтожныя.

Бригада была пожертвована съ цѣлью дать время отступить французскому правому флангу. Атака была произведена блестящимъ образомъ; не произошло ни малѣйшаго колебанія или остановки, и тѣмъ не менѣе она кончилась полной неудачей, благодаря только огню пѣхоты, которая даже не нашла нужнымъ строить каре. Мы еще встрѣтимъ, при описаніи этой кампаніи, случаи, которые показываютъ, какъ мало можетъ имѣть надежды на успѣхъ конница, дѣйствующая по старому.

Послѣ сраженія при Вертѣ и Шпихернѣ, французы должны были начать всеобщее отступленіе въ различныхъ направленіяхъ; Макъ-Магонъ отошелъ сначала на югъ и затѣмъ кружнымъ путемъ на Шалонъ, а остальная армія — на Мецъ.

Въ это же время нѣмецкая конница блестящимъ образомъ показала, что для этого рода оружія есть широкое поле дѣятельности, на которомъ она можетъ оказать неоцѣнимыя услуги, несмотря на улучшеніе огнестрѣльнаго оружія и на уменьшеніе, вслѣдствіе этого, дѣятельности ея на полѣ сраженія.

Нѣмецкая конница шла все время на 1 — 2 перехода впереди, не упуская ни на минуту изъ виду противника и въ тоже время образуя завѣсу, совершенно скрывавшую движенія германскихъ армій, пользовавшихся такимъ образомъ полнымъ спокойствіемъ и безопасностью. Конница дѣлала свое дѣло смѣло, энергично, искусно и на дѣлѣ показала всѣ выгоды, какія даетъ арміи превосходная въ числѣ и правильно веденная кавалерія.

Въ то время, какъ многія другія державы, считая, что время конницы прошло, уменьшили ея численность, нѣмцы ни на минуту не упустили изъ виду важной ея роли и скорѣе заботились объ увеличеніи ея. Теперь они и пожали то, что посѣяли.

Далеко выдвинутыя впередъ конныя части нѣмцевъ совершенно скрывали отъ французскихъ генераловъ расположеніе и намѣренія ихъ противника. Мелкіе уланскіе и гусарскіе разъѣзды появлялись отовсюду, и никакъ нельзя было догадаться изъ за какого пункта этой завѣсы покажутся главныя силы. Корпуса шли на 20 — 30 англійскихъ (или 5 — 7 нѣмецкихъ) миль позади своихъ кавалерійскихъ частей, въ полной безопасности какъ во время движенія, такъ и при расположеніи на отдыхъ, не ожидая каждую минуту быть внезапно атакованными. Всадники, все подвигаясь впередъ, оттѣснили Макъ-Магона на югъ отъ Меца и наводнили всю страну между Макъ-Магономъ и Базеномъ. Скоро они достигли Мозеля.

Нанси, главный городъ Лотарингіи, сдался шести полкамъ уланъ, за которыми, правда, слѣдовали болѣе сильныя конныя части; скоро вся линія Мозеля, почти до самыхъ стѣнъ Меца, была занята прусской конницей. Благодаря ей подкрѣпленія Макъ-Магона не могли подойти къ главной арміи (?).

Когда затѣмъ нѣмцы перешли черезъ Мозель у Понтъ-а-Муссона, конница въ значительныхъ силахъ повернула къ сѣверу, чтобы охватить правый флангъ находившихся у Меца французскихъ войскъ. Въ это время выяснилось, что французы намѣреваются отступить на Вердюнъ, и было очень важно воспрепятствовать имъ въ этомъ и, если возможно, перехватить ихъ путь отступленія. Главныя силы нѣмцевъ находились однако еще далеко, хотя и шли форсированными маршами. Вслѣдствіе этого на долю конницы выпала задача задержать французовъ до прибытія своей пѣхоты.

Утромъ 15 августа передовыя конныя части нѣмцевъ появились на дорогѣ Мецъ-Вердюнъ, и, дѣйствительно, имъ удалось остановить противника на 24 часа. Конная дивизія Фортона, шедшая во главѣ французской арміи, натолкнулась на бригаду Редерна (5-й прусской кавалерійской дивизіи), съ конной батареей; Редернъ дѣйствовалъ съ большей смѣлостью и огнемъ своей артиллеріи пріостановилъ движеніе всей южной непріятельской колонны. Здѣсь недостатокъ самостоятельности и иниціативы вполнѣ выказала французская конница; у Фортона было ея достаточно, чтобы энергичнымъ наступленіемъ сбить бригаду Редерна и продолжать свое движеніе; онъ же, вмѣсто этого, отступилъ къ Віонвиллю, и этимъ была рѣшена судьба арміи Базена.

На слѣдующій день начали подходить одна за другой нѣмецкія пѣхотныя дивизіи; попытки французовъ возобновить движеніе на Вердюнъ привели къ сраженію при Марсъ-ла-Туръ — Віонвилль и окончились неудачно. Они отступили на Гравелоттъ, гдѣ и произошло самое большее изъ всей кампаніи сраженіе, окончившееся окруженіемъ Базена въ Мецѣ, а затѣмъ послѣдовала и его капитуляція.

Въ сраженіи при Віонвиллѣ 16 августа наступилъ критическій моментъ, когда французы, вначалѣ превосходившіе нѣмцевъ численностью, перешли въ наступленіе 6-мъ корпусомъ маршала Канробера противъ измученныхъ частей генерала Альвенслебена у Віонвилля и Флавиньи. Альвенслебенъ не имѣлъ уже больше въ резервѣ ни пѣхоты, ни артиллеріи; единственной его надеждой была конница и онъ бросилъ ее въ атаку въ твердой увѣренности, что она погибнетъ, но зато выручитъ своихъ. Дѣло было поручено бригадѣ генерала Бредова изъ 7-го кирасирскаго и 16-го уланскаго полковъ, въ каждомъ по три эскадрона. Уланы нѣсколько отстали, такъ что атака была произведена какъ бы уступами. Прежде всего полки бросились на орудія, изрубили прислугу и помчались далѣе на пѣхоту,

открывшую по нимъ усиленный огонь; тѣмъ не менѣе она была прорвана: затѣмъ при дальнѣйшемъ движеніи нѣмцы, уже въ совершенномъ безпорядкѣ, захватили еще нѣсколько картечницъ, но тутъ были остановлены французскими кирасирами, конно-егерями и спагисами. Они были вынуждены вернуться, понеся сильныя потери; тѣмъ не менѣе атака достигла своей цѣли, такъ какъ наступленіе 6-го корпуса, угрожавшее большой опасностью, было остановлено. Это была атака чрезвычайно смѣлая и единственная, которая до извѣстной степени можетъ считаться удачной.

Нѣсколько позже въ тотъ же день была произведена атака первымъ прусскимъ гвардейскимъ полкомъ, чтобы выручить пѣхотную бригаду Веделя; полкъ наткнулся на неразстроенную французскую пѣхоту и былъ отброшенъ ея огнемъ, понеся сильныя потери.

Еще позже генералъ Барби съ шестью прусскими конными полками атаковалъ десять полковъ французской конницы генерала Клерамбо, которая встрѣтила атаку эту огнемъ изъ карабиновъ. Пруссаки, презирая этотъ огонь, бросились на французовъ и, послѣ короткой рукопашки, опрокинули ихъ.

Въ концѣ сраженія, уже когда стемнѣло, была произведена атака шестой прусской кавалерійской дивизіей, причемъ гусарская бригада Рауха прорвала нѣсколько каре, въ чемъ ей значительно помогла темнота, способствовавшая скрытному приближенію. Вслѣдъ затѣмъ по дивизіи былъ открытъ со всѣхъ сторонъ сильный огонь, и она вынуждена была уйти.

Въ сраженіи при Гравелоттѣ, 18 августа, дѣйствовали почти исключительно пѣхота и артиллерія, почему мы на немъ и не останавливаемся.

При послѣдовавшихъ затѣмъ операціяхъ, до Седана, высказывается очень рѣзко разница въ образѣ дѣйствій конницы обѣихъ сторонъ.

Правительство принудило Макъ-Магона, несмотря на его близкое знакомство съ обстоятельствами и противъ его желанія, сдѣлать попытку къ выручкѣ Базена, обходнымъ движеніемъ. Планъ этотъ могъ удасться только при условіи большой быстроты и совершенной скрытности. Слѣдовательно, здѣсь являлся для французской конницы случай оказать дѣятельную помощь арміи и вновь поднять свою репутацію, но она не сдѣлала ни того, ни другого, въ чемъ впрочемъ значительная доля вины падаетъ на главнокомандующаго. Казалось бы самымъ правильнымъ собрать всю конницу цѣликомъ на правомъ флангѣ и, выставивъ линію постовъ съ поддержками, сдѣлать изъ нея завѣсу, за которой армія скрытно выполнила бы передвиженія. Всякій день, который выигрывали французы, былъ очень важенъ. У нихъ же часть конницы шла въ головѣ колоннъ, часть—поровну на обоихъ флангахъ и часть была распредѣлена по корпусамъ. Вначалѣ хоть половина резервной конницы была поставлена на правомъ флангѣ, но 25 августа она была притянута къ Ле-Шену, и такимъ образомъ правый флангъ былъ оставленъ безъ прикрытія какъ разъ въ томъ направленіи, откуда угрожала наибольшая опасность; резервная же дивизія

Боннемена все время двигалась на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ никакъ нельзя было ожидать нападенія. Такимъ образомъ во все время дальнѣйшаго движенія французская армія была прикрыта только конными частями, приданными къ корпусамъ.

Результатъ можно было предсказать заранѣе: нѣмцы узнали очень скоро о движеніи французовъ, и вся (?) ихъ армія сдѣлала захожденіе направо и двинулась въ сѣверномъ направленіи. Конница шла впереди и совершенно скрывала пѣхоту, которая въ скоромъ времени появилась вблизи и въ тылу французскихъ колоннъ, продолжавшихъ свое движеніе безъ самыхъ элементарныхъ мѣръ предосторожности.

30 августа произошло первое столкновеніе нѣмцевъ съ 5-мъ корпусомъ Фальи, стоявшимъ на бивакѣ къ сѣверу отъ Бомона. По совершенно непонятной причинѣ французы совершенно упустили изъ виду осмотрѣть лѣса къ югу отъ Бомона или, по крайней мѣрѣ, организовать наблюденіе за ними. Эта небрежность была тѣмъ непростительнѣе, что французы имѣли полное основаніе ожидать нападенія именно въ этомъ направленіи. Нѣмцы, закрытые лѣсами, подошли на столько близко, что увидѣли французскихъ солдатъ, спокойно лежащихъ или варящихъ пищу. Немедленно былъ открытъ орудійный огонь по биваку, и затѣмъ послѣдовало рѣшительное нападеніе, увѣнчавшееся успѣхомъ.—Французская артиллерія не имѣла даже времени запречь лошадей; орудія, палатки, обозъ, запасы—все досталось нѣмцамъ.

Это было какъ бы прологомъ Седанской катастрофы. Въ этомъ послѣднемъ сраженіи императорской арміи конница опять доказала блестящимъ образомъ, что въ мужествѣ у нея нѣтъ недостатка. Въ концѣ сраженія генералъ Дюкро рѣшился сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе, чтобы задержать непріятеля атакой конной массы и затѣмъ пробиться съ пѣхотой, слѣдовавшей непосредственно за конницей. Дѣло было возложено на резервную кавалерійскую дивизію генерала Маргерита, которая, по прорывѣ непріятельскихъ линій, должна была повернуть направо и смять противника въ этомъ направленіи; 2-я резервная дивизія Боннемена должна была поддержать эту атаку, а конные полки XII корпуса — служить резервомъ.

Конница двинулась впередъ; казалось, масса ея совершенно смететъ и задавитъ прусскую пѣхоту. Дѣйствительно, всадники промчались черезъ стрѣлковую цѣпь и бросились на наступавшіе сзади сомкнутые баталіоны, которые встрѣтили ихъ смертоноснымъ огнемъ изъ развернутаго строя. Атаки повторялись одна за другой съ блестящимъ мужествомъ, но всѣ разбивались объ этотъ огонь; цѣлыя груды труповъ, людей и лошадей лежали передъ нѣмецкими линіями. Эта атака была ужасной и безполезной жертвой храбрецовъ.

Авторъ получилъ вскорѣ послѣ сраженія отъ выдающагося офицера высокой опытности письмо, въ которомъ говорится:

„Вопросъ о возможности атаки конницы на пѣхоту, вооруженную заряжающимися съ казны винтовками, по моему безповоротно рѣшенъ опытомъ послѣдней кампаніи. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ атака ни производилась: 8-й и 9-й французскіе кирасирскіе полки при Вертѣ, 7-й прусскій кирасирскій полкъ при Віонвилѣ, обѣ французскія легко-кавалерійскія бригады при Седанѣ, — результатъ былъ всегда одинъ и тотъ же: тяжелыя потери безъ всякаго успѣха".

„Генералъ Шериданъ внимательно слѣдилъ за всѣми четырьмя атаками французской легкой конницы при Седанѣ, и я ему обязанъ въ высшей степени подробнымъ описаніемъ ихъ. Я былъ на мѣстѣ 30 часовъ спустя когда еще убитые люди и лошади не были убраны, такъ что я могъ составить себѣ такое же ясное понятіе, какъ если бы самъ былъ очевидцемъ".

„Первая атака 1-го гусарскаго полка была произведена при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ и притомъ очень искусно. Когда стрѣлки, предшествовавшіе прусской пѣхотѣ, взобрались на холмъ, за которымъ выжидали гусары, то эти послѣдніе обошли холмъ кругомъ и вышли стрѣлкамъ въ тылъ и правый флангъ; подойдя незамѣченными шаговъ на 120, они бросились на стрѣлковъ, которые немедленно построили кучки и открыли огонь; человѣкъ 25—30, которые бросились бѣжать назадъ, были изрублены. Гусары понесли большія потери отъ огня и слѣдовавшіе позади два эскадрона спустились вполнѣ благоразумно подъ прикрытіе холма; тѣ гусары, которые прорвались чрезъ прусскія линіи, были убиты, ранены или взяты въ плѣнъ. Все дѣло не задержало прусскую пѣхоту даже и на 5 минутъ. Слѣдовавшія затѣмъ атаки 1-го, 3-го и 4-го африканскихъ и 6-го конно-егерскаго полковъ также не привели ни къ чему, хотя были произведены съ блестящей храбростью и необыкновеннымъ упорствомъ. Пруссаки подпускали ихъ шаговъ на 180 и затѣмъ сметали залпомъ, такъ что французы не подходили ближе 60 шаговъ. Это была совершенно безцѣльная бойня, и притомъ безъ всякаго успѣха. Весь холмъ былъ буквально покрытъ тѣлами людей и ихъ маленькихъ бѣлыхъ арабскихъ коней. Эти пять полковъ обѣихъ бригадъ потеряли навѣрно не менѣе 350 чел. убитыми, не считая раненыхъ и плѣнныхъ. Генералъ Шериданъ говорилъ мнѣ, что люди вели себя безукоризненно и по сигналу немедленно возобновляли атаку".

„Они были до послѣдней минуты укрыты отъ непріятельскаго огня и очень искусно и храбро ведены. Протяженіе атаки было не болѣе 500 шаговъ, и все-таки она окончилась совершеннымъ уничтоженіемъ конницы безъ всякаго успѣха. Одинъ изъ моихъ друзей, съ которымъ я десять лѣтъ тому назадъ познакомился въ Африкѣ и который въ чинѣ маіора командовалъ двумя эскадронами одного изъ атаковавшихъ полковъ, показывалъ мнѣ списокъ своихъ людей съ отмѣткой противъ имени каждаго

человѣка. Оказалось, что изъ 216 человѣкъ, пошедшихъ въ бой, вернулись 58; при этомъ части находились въ огнѣ менѣе четверти часа".

Послѣ Седана война свелась почти исключительно къ осадамъ Парижа и Меца, причемъ на долю конницы выпало прикрытіе операцій и коммуникаціонныхъ линій. Конечно, бывали и еще примѣры удачныхъ дѣйствій конницы въ различныхъ частяхъ Франціи, но все въ мелкомъ масштабѣ: такъ, при Аміенѣ нѣсколько нѣмецкихъ эскадроновъ изрубили морской баталіонъ и взяли нѣсколько орудій; при Орлеанѣ 4-й гусарскій полкъ, а при Суаньи 11-й уланскій захватили орудія. Но всѣ эти мелкіе успѣхи— ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть достигнуто массой конницы, выставленной нѣмцами,—70.000 коней.

Французы, вскорѣ послѣ начала обложенія Парижа, приступили къ формированію маленькихъ партизанскихъ отрядовъ, получившихъ названіе франтирёровъ или вольныхъ стрѣлковъ. По мѣрѣ увеличенія числа этихъ отрядовъ, прусскимъ уланамъ становилось все труднѣе и труднѣе удаляться на значительное разстояніе отъ главныхъ силъ и дѣйствовать самостоятельно; имъ начали придавать пѣхоту, которая и очищала деревни, лѣса и вообще закрытыя мѣста отъ храбро сражавшихся вольныхъ стрѣлковъ.

Это обстоятельство доказываетъ, что значительные успѣхи прусской конницы въ первую половину кампаніи должны быть приписаны скорѣе бездѣйствію французовъ, чѣмъ какому-либо превосходству въ организаціи или вооруженіи знаменитыхъ уланъ.

Придача пѣхоты совершенно лишила конницу подвижности. Съ той минуты, какъ конница поступила подъ защиту пѣхоты, исчезли ея главныя, присущія ей одной качества.

Болѣе серьезное изученіе американской войны показало бы нѣмцамъ, что если бы ихъ всадники были вооружены винтовками или карабинами [1]), то они сдѣлали бы также хорошо, если не лучше, то, что выпало на ихъ долю въ первой половинѣ кампаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ они были бы въ состояніи съ полнымъ успѣхомъ бороться съ вольными стрѣлками.

Въ Америкѣ конные стрѣлки брали штурмомъ города и деревни, даже если они были заняты пѣхотой и артиллеріей. Мѣстныя милиціи (home guards), войска того же рода, какъ и франтиреры — никогда не были въ состояніи воспрепятствовать движенію конницы южанъ, и эти послѣдніе навѣрно отвѣтили бы смѣхомъ на предложеніе связать себя придачей пѣхоты при рейдахъ и поискахъ. Въ этомъ отношеніи опытъ войны 1870 г. очень поучителенъ: блестящіе успѣхи нѣмецкой конницы въ первую половину кампаніи давали право предполагать, что она ни въ какомъ случаѣ не позволитъ себя остановить недисциплинированнымъ, иррегулярнымъ войскамъ. Это самое поучительное указаніе для каждаго кавалерійскаго

[1]) Большая часть конницы такъ и была вооружена. Прим. Брикса.

офицера изъ войны послѣ Седана; немного нужно труда, чтобы увидѣть, гдѣ слабая сторона и какъ ее исправить.

Война 1870—1871 гг. была послѣдней, изъ которой мы можемъ извлечь указанія для будущаго. Пока эта книга писалась, загорѣлась война между Турціей и Сербіей, о которой до сихъ поръ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, такъ что въ данную минуту не представляется возможности сказать, принесетъ-ли эта война что-либо поучительное. Но кажется, можно утверждать, что конница въ ней пока не играетъ роли, и, слѣдовательно, для кавалерійскаго офицера кампанія эта особеннаго интереса представить не можетъ.

Слѣдующая выписка изъ газеты заслуживаетъ однако упоминанія, потому что говоритъ въ пользу револьвера и, слѣдовательно, можетъ имѣть значеніе при рѣшеніи вопроса о пользѣ этого оружія.

„Въ сраженіи при Зайчарѣ сербскій офицеръ капитанъ Фрасановичъ оказалъ слѣдующій подвигъ: взявъ саблю въ зубы и держа револьверъ въ рукѣ, онъ бросился въ турецкій полубаталіонъ, прорвался чрезъ него до знамени, которое схватилъ и благополучно принесъ къ своимъ, оставляя каждымъ выстрѣломъ убитаго или раненаго турка за собой“.

Здѣсь мы закончимъ нашъ очеркъ о конницѣ и ея службѣ. Мы прослѣдили судьбу этого рода оружія отъ сѣдой старины до послѣдняго времени и надѣемся, что намъ удалось представить читателю ясную картину постепеннаго его развитія. Теперь намъ остается еще, пользуясь указаніями прошедшаго, выразить наше мнѣніе о наилучшей системѣ организаціи, вооруженія и употребленія конницы въ будущемъ.

Періодъ VI.

Организація, вооруженіе и употребленіе конницы въ настоящее время.

Глава I.

Характеристика конницы.

Отъ самыхъ древнихъ временъ, когда лошадь служила только средствомъ передвиженія знатныхъ воиновъ, и до новѣйшаго времени, кавалерійская служба имѣла свои особенности, отличающія ее отъ другихъ родовъ оружія.

Быстрота движенія на лошади и духъ смѣлости, вырабатываемый во всадникѣ верховой ѣздой, были причинами того, что конная служба окружалась всегда ореоломъ предпріимчивости и рыцарскаго духа. Пѣхота и артиллерія должны были отличаться преимущественно гражданскими доблестями: стойкостью и упорствомъ, а конница — болѣе дворянскими отличительными качествами: смѣлостью и живостью.

Въ началѣ пользовались быстротой лошади только для передвиженій, для боя же воины спѣшивались; но затѣмъ возникла мысль пользоваться всадникомъ и лошадью для удара и какъ бы бросать ихъ полнымъ ходомъ на непріятеля. Подобный образъ дѣйствій держался очень долгое время, и очевидно, что при немъ конница могла дѣйствовать исключительно наступательно. Результатомъ этого было то, что пѣхота могла дѣйствовать на всякой мѣстности и притомъ какъ наступательно, такъ и оборонительно; для конницы же нужна была ровная, горизонтальная, открытая мѣстность, и вмѣстѣ съ тѣмъ конница не могла ни атаковать, защищенныя какими-либо закрытіями, позиціи, ни встрѣчать непріятельской атаки, стоя на мѣстѣ.

Обстоятельства эти повлекли за собой сильное увеличеніе пѣхоты въ составѣ армій, когда огнестрѣльное оружіе и пики дали ей возможность защищаться отъ налета всадниковъ.

Но польза конницы при несеніи сторожевой и развѣдывательной службы, благодаря ея подвижности и быстротѣ, поддерживала ея значеніе и вы-

зывала необходимость ея существованія, въ значительномъ числѣ, во всѣхъ арміяхъ. Въ этой службѣ она всегда была наиболѣе пригодна внѣ зависимости отъ ея вооруженія и рода противника.

Легкіе всадники грековъ, персовъ, римлянъ, вообще всякая хорошая легкая конница была и будетъ всегда для этой службы совершенно необходима, независимо отъ времени и обстоятельствъ, начиная съ той минуты, какъ ассирійскіе воины, сражавшіеся на колесницахъ, сѣли въ первый разъ на своихъ упряжныхъ лошадей, и до того времени, когда прусскіе уланы распространяли страхъ и ужасъ по всей Франціи.

Въ разъѣздахъ, набѣгахъ, преслѣдованіи отступающаго врага, прикрытіи движенія и т. п. конница всегда занимала первое мѣсто и не имѣла соперниковъ. Напротивъ того, относительно важности на полѣ сраженія всегда велась постоянная борьба между различными родами оружія, и трудно надѣяться, чтобы вопросъ могъ окончательно выясниться въ пользу той или другой стороны. На изложенныхъ выше страницахъ намъ выпала задача представить постоянно измѣняющіяся условія, которыя, при безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, заставляли отдавать преимущества на полѣ сраженія то конницѣ, то пѣхотѣ.

Въ древнѣйшія времена пѣхота была единственнымъ родомъ оружія. Скоро появились воины на колесницахъ, которые начали составлять важную часть арміи. Затѣмъ появилась конница въ ея истинномъ значеніи, примѣненная Александромъ Македонскимъ по новому способу — атаки быстрымъ аллюромъ, и скоро она своими успѣхами завоевала себѣ на нѣкоторое время преобладающее вліяніе.

У римлянъ, напротивъ того, пѣхота занимала первое мѣсто до тѣхъ поръ, пока дѣйствія Аннибала не дали опять перевѣса конницѣ. При Юліѣ Цезарѣ, благодаря сдѣланнымъ имъ улучшеніямъ въ пѣхотѣ для противодѣйствія всадникамъ Помпея, пѣхота взяла верхъ. Но ослабленіе въ ней дисциплины и упадокъ доблести во времена императоровъ сдѣлали ее легкой добычей всадниковъ варварскихъ народовъ, и это обстоятельство опять воскресило вѣру въ непобѣдимость конницы на полѣ сраженія.

Введеніе ленной системы и появленіе рыцарства подняли еще болѣе значеніе кавалеріи и низвели пѣхоту до нуля, пока англійскіе лучники и швейцарскіе пикинеры не нашли средства, для удачной борьбы съ всадниками, — въ пикахъ, лукахъ, а затѣмъ въ огнестрѣльномъ оружіи.

Всадники однако оправились отъ этого удара и изобрѣли средство вернуть себѣ на время независимое положеніе. Замѣтивъ, что имъ не пробить сомкнутыхъ массъ пѣхоты съ торчащими пиками, за которыми спокойно стрѣляли аркебузиры, они, съ одной стороны, усилили предохранительное вооруженіе, съ другой — воспользовались новымъ оружіемъ въ видѣ аркебузъ или петронелей, причемъ подскакивали совсѣмъ близко къ густымъ массамъ пѣхоты и стрѣляли по плохо снаряженнымъ пѣхо-

тинцамъ, будучи сами обезпечены предохранительнымъ вооруженіемъ отъ ихъ огня.

Этимъ путемъ конницѣ удалось сохранить свое превосходство до тѣхъ поръ, пока улучшенія въ огнестрѣльномъ оружіи не дали возможности пробивать всякое предохранительное вооруженіе. Тогда послѣднее было опять облегчено, и всадники, подскакивая къ противнику, открывали огонь изъ пистолетовъ, которыми и пробивали себѣ отверстія для прорыва пѣхотныхъ массъ. Тѣмъ не менѣе положеніе пѣхоты стало болѣе выгоднымъ и продолжало быть таковымъ, пока она, въ преувеличенной надеждѣ на свой огонь, не отбросила пику и не замѣнила ее штыкомъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что штыкъ самъ по себѣ не представляетъ достаточнаго оружія противъ конной атаки и что никакая пѣхотная часть не остановитъ такой атаки одними штыками, безъ огня.

Въ такомъ положеніи было дѣло при появленіи Фридриха Великаго. Все сложилось такъ, что хорошая конница могла достигнуть большихъ успѣховъ. Пѣхота была хорошо обучена, но привыкла дѣйствовать только по ровной, гладкой мѣстности; способъ ея дѣйствія былъ построенъ на предположеніи медленной, тяжелой атаки конницы, и она неминуемо должна была потерпѣть пораженіе при лихой, быстрой атакѣ хорошо обученныхъ массъ конницы. Вслѣдствіе этого во всѣхъ кампаніяхъ Фридриха прусская конница пріобрѣла большую славу, которая скоро перешла на конницу вообще, и такъ какъ пѣхота не измѣнила своего образа дѣйствій и не нашла новаго оружія для возстановленія утраченнаго первенства, то и во время Наполеоновскихъ войнъ существовало убѣжденіе въ важной роли конницы на полѣ сраженія.

Такъ продолжалось до изобрѣтенія нарѣзнаго, а затѣмъ и заряжаемаго съ казны оружія, дальнобойнаго, мѣткаго и скорострѣльнаго. Оно возстановило значеніе пѣхоты, и напрасно конница будетъ обращаться къ прошедшему, чтобы вывести заключеніе, что она и теперь должна имѣть успѣхъ, такъ какъ она имѣла таковой прежде. Слѣдуетъ окончательно бросить попытки примирить старый образъ дѣйствій съ новыми требованіями и обстоятельствами.

Мы видимъ, что въ XVI столѣтіи, когда изобрѣтеніе пороха дало сильное оружіе пѣхотѣ, конница прибѣгла къ двумъ средствамъ для возстановленія своего значенія: первое средство заключалось въ возвращеніи къ древнему употребленію лошади какъ средства передвиженія, причемъ воины для боя спѣшивались,—отсюда явилась мысль о драгунахъ; другое средство заключалось въ подскакиваніи на близкое разстояніе къ пѣхотѣ и стрѣльбѣ изъ пистолетовъ. При обсужденіи желательной организаціи конницы въ настоящее время, разсмотримъ подробно, какія нужны измѣненія, чтобы кавалеріи воспользоваться новымъ способомъ веденія боя.

Что касается вообще особенностей боя конницы противъ конницы, то прежде всего бросается въ глаза, что большею частью та сторона одер-

живаетъ верхъ, у которой сохранился послѣдній резервъ. Отсюда вытекаетъ важная необходимость для конницы имѣть всегда резервъ; нѣтъ болѣе опаснаго времени для нея, какъ минута послѣ атаки, даже успѣшной. Люди и лошади запыхались, линіи пришли въ безпорядокъ, всюду суета, приказанія не слышатъ или неслушаются, и всякая атака свѣжей части въ эту минуту хаоса будетъ навѣрно удачна.

Затѣмъ конница находится въ полной зависимости отъ состоянія лошадей. Если онѣ не втянуты, если ковка не въ надлежащей исправности, если не приняты всѣ мѣры противъ набивокъ спины, то лошади скоро гибнутъ, и тогда конница перестаетъ существовать.

Далѣе конница никогда не смѣетъ сдаваться, по крайней мѣрѣ пока она дѣйствуетъ на открытой мѣстности. Это должно быть аксіомой, правиломъ, котораго никогда не слѣдуетъ забывать. Она должна пробиться, а если это невозможно, то разсыпаться по одиночкѣ и этимъ путемъ ускользнуть отъ преслѣдованія. Въ этомъ отношеніи кавалерія находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Разсказанный на стр. 263 анекдотъ о Зейдлицѣ, служитъ хорошей иллюстраціей этого правила.

Конница есть родъ оружія, управленіе которымъ очень трудно; она очень легко выходитъ изъ, рукъ и затѣмъ ее очень трудно опять прибрать. Верхомъ она можетъ дѣйствовать только на удобной для того мѣстности; она не можетъ вести оборонительнаго боя, а должна встрѣчать атаку атакой-же.

Кавалерія не должна смущаться неудачей. Было много случаевъ, когда опрокинутая конница вновь собиралась и атаковала съ большимъ успѣхомъ.

Конница одинаково необходима какъ для прикрытія отступленія потерпѣвшей пораженіе арміи, такъ и для преслѣдованія разбитаго противника. Атака конницы должна быть произведена быстро, энергично, рѣшительно; разъ дано приказаніе объ атакѣ, осторожность уступаетъ мѣсто беззавѣтной смѣлости.

Люди въ конницѣ должны быть толковые и лучше обучены, чѣмъ въ другихъ родахъ оружія. На передовыхъ постахъ и въ разъѣздахъ они часто совершенно предоставлены самимъ себѣ и должны руководствоваться только собственнымъ разумѣніемъ. Подобные случаи встрѣчаются въ пѣхотѣ и артиллеріи далеко не столь часто и не имѣютъ такой важности.

ГЛАВА II.

Организація конницы и раздѣленіе ея на роды.

1. Тяжелая или линейная конница.

Всякій, кто внимательно наблюдалъ за развитіемъ военнаго искусства въ послѣдніе двадцать лѣтъ, не могъ не замѣтить, что значительныя улучшенія въ огнестрѣльномъ оружіи повлекли за собой перемѣны въ условіяхъ веденія войнъ, и что между прочимъ, дѣятельность конницы на полѣ сраженія сильно сузилась и уменьшилась возможность достиженія ею какого нибудь успѣха. Система Фридриха сдѣлала свое дѣло; теперь пора осмотрѣться и принять новую систему, подходящую къ новымъ потребностямъ.

Опытъ франко-германской войны, какъ кажется, твердо установилъ нѣкоторыя положенія. Прежде всего сдѣлалось очевиднымъ, что храбрѣйшая, энергичная конница не можетъ разсчитывать на успѣхъ при атакѣ на пѣхоту, благодаря мѣткому и дѣйствительному огню заряжающихся съ казны винтовокъ. Прусская пѣхота встрѣчала атаки въ томъ строю, въ которомъ находилась, и отражала ихъ однимъ огнемъ. При Вертѣ, Марсъ-Ла-Турѣ, Седанѣ результатъ былъ всегда одинъ и тотъ же — почти полное уничтоженіе конницы.

При Вертѣ французскіе кирасиры были почти истреблены, но атака ихъ не была безполезна, такъ какъ она пріостановила, хоть и на короткое время, наступленіе нѣмцевъ и тѣмъ облегчила французамъ отступленіе.

При Віонвилѣ атака кирасиръ и уланъ Бредова, хотя и сопряженная съ огромными потерями, все-таки не можетъ считаться неуспѣшной, такъ какъ остановила ударъ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ былъ привести къ пораженію нѣмецкой арміи, и тѣмъ способствовала дальнѣйшей побѣдѣ. Принесена была тяжелая жертва, но результатъ оказался важнѣе потерь.

Эти атаки и были единственными, которыя можно считать до извѣстной степени успѣшными; число же тѣхъ, которыя остались совершенно безрезультатными, очень велико. Такъ, при Віонвилѣ, 16 августа, днемъ, генералъ дю-Прейль получилъ отъ генерала Фроссара приказаніе немедленно атаковать пруссаковъ, такъ какъ иначе могло бы пропасть все. Атака была произведена блестящимъ образомъ, построенными въ двѣ линіи кирасирами. Они смѣло бросились на противника, но были встрѣчены такимъ смертоноснымъ огнемъ, что вынуждены были повернуть назадъ; въ нѣсколько минутъ они потеряли убитыми и ранеными 22 офицера, 208 нижнихъ чиновъ и 243 лошади; прусская же пѣхота не потеряла отъ атаки ни одного человѣка.

Тоже показываютъ и атаки при Седанѣ: тяжкія потери конницы и никакого результата. Такимъ образомъ выводъ изъ уроковъ кампаніи 1870 г. можетъ быть сдѣланъ слѣдующій: есть возможность цѣной огромныхъ потерь и почти полнаго уничтоженія пожертвованной для того конницы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, выиграть время въ критическую минуту, остановить наступленіе непріятеля и даже склонить колеблющуюся побѣду на свою сторону, при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ принесенныя жертвы съ лихвой окупаются пріобрѣтеннымъ результатомъ. Но обстоятельства въ нынѣшнее время складываются крайне рѣдко такимъ образомъ, чтобы явилась возможность не къ совершенно напрасному принесенію этихъ жертвъ, вслѣдствіе чего дѣятельность конницы, примѣненной старымъ способомъ на полѣ сраженія, не могла не потерпѣть значительнаго ограниченія.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ несомнѣнно и въ будущемъ будутъ встрѣчаться случаи, когда конница окажется необходимой для дѣйствія противъ того или другого рода оружія, то въ составѣ каждой арміи часть конницы должна быть организована, снаряжена, вооружена и обучена сообразно съ этой цѣлью. Таковой конницы должно быть приблизительно четверть ея состава.

Остановимся теперь на ея организаціи и вооруженіи.

Здѣсь прежде всего является вопросъ, нельзя-ли извлечь извѣстную долю пользы изъ новѣйшаго огнестрѣльнаго оружія. Всадники уже однажды прибѣгали къ этому средству, и хотя впослѣдствіи опять вернулись къ образу дѣйствій Александра Македонскаго, но все же это еще не служитъ доказательствомъ, что рыцари, воспользовавшись петронелями, не сдѣлали самаго лучшаго, что только было возможно въ ихъ положеніи.

Первая мысль, которая при этомъ приходитъ, — это дать конницѣ тѣ же винтовки, которыми вооружена пѣхота; но такъ какъ винтовка требуетъ тщательной прицѣлки и спокойной стрѣльбы, то она для дѣйствія на полѣ совершенно непригодна, тѣмъ болѣе, что всадникъ представляетъ большую цѣль, а своего пѣшаго врага онъ почти не видитъ и слѣдовательно не можетъ въ него попасть.

Поэтому стрѣльба съ коня изъ винтовокъ не должна быть допускаема ни при какихъ обстоятельствахъ, ни противъ пѣхоты, ни противъ конницы. Такимъ образомъ выходитъ, что конница при атакѣ не можетъ извлечь никакой пользы изъ самой усовершенствованной винтовки.

Есть другое средство—револьверъ; здѣсь положеніе конницы является нѣсколько болѣе выгоднымъ, поэтому мы на немъ и остановимся.

Изобрѣтеніе револьвера дало конницѣ оружіе, которое стоитъ къ пистолету въ томъ же отношеніи, какъ заряжаемая съ казны винтовка къ мушкету. Револьверъ есть самое смертоносное оружіе изъ всѣхъ когда либо изобрѣтенныхъ. Ни мечъ, ни копье, ни карабинъ, ни даже винтовка

или пушка (?) не имѣютъ такого страшнаго дѣйствія. Причинъ тому много. Прежде всего онъ употребляется исключительно на самомъ близкомъ разстояніи, когда люди ведутъ рукопашный бой, причемъ большая часть выстрѣловъ попадаетъ [1]). Затѣмъ стрѣльба изъ револьвера не требуетъ продолжительнаго и тщательнаго прицѣливанія. Человѣку достаточно бросить взглядъ на предметъ и затѣмъ нажать на спускъ, и симпатическая связь между рукой и глазомъ вѣрнѣе приведетъ пулю прямо въ цѣль (?), чѣмъ стараніе достичь механической и математической точности прицѣливанія во время стрѣльбы, когда люди не имѣютъ необходимаго спокойствія и времени, чтобы точно схватить прицѣльную линію. Съ другой стороны пуля не можетъ быть отбита, подобно удару или уколу холоднаго оружія, и разъ она попадетъ, то наноситъ тяжелую рану. Револьверъ не требуетъ быстроты или силы, разбѣга лошади, подобно пикѣ [2]), ни тонкой выѣздки лошади, которая совершенно необходима для удачнаго дѣйствія саблей. Вмѣстѣ съ тѣмъ пуля поражаетъ на болѣе далекомъ разстояніи, нежели сабля или копье и вооруженныя этими послѣдними могутъ быть легко поражены раньше, чѣмъ подойдутъ на такое близкое разстояніе, чтобы воспользоваться своимъ холоднымъ оружіемъ.

Опытъ прошедшихъ годовъ показалъ, что конница, вооруженная пистолетомъ, будетъ неминуема опрокинута атакой конницы холоднымъ оружіемъ, что и вполнѣ понятно. Кремневый пистолетъ билъ недалеко и былъ очень несовершеннымъ оружіемъ; онъ, можно сказать, не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ при движеніи лошади порохъ могъ очень легко ссыпаться съ полки, или кремень не давалъ искры, или огонь не сообщался заряду, или пуля выпадала изъ ствола раньше выстрѣла. Наконецъ, никогда нельзя было быть увѣреннымъ въ направленіи, по которому пуля вылетитъ изъ ствола. Вполнѣ понятно, что тогда полагавшіеся исключительно на такое оружіе были постоянно разбиваемы.

Но теперь, съ введеніемъ револьвера все измѣнилось. Дальность значительно увеличилась и дошла до 250—300 шаговъ; на 100—125 шаговъ можно дать очень вѣрный (?) выстрѣлъ; а въ рукопашномъ бою дѣйствіе его просто ужасное. Очевидно, что все, что было справедливо относительно гладкаго кремневаго пистолета, совершенно невѣрно для револьвера.

---

[1]) Но въ кого? Примѣч. Брикса.

[2]) Это вполнѣ ошибочный взглядъ, раздѣляемый, правда, многими, которые незнакомы съ употребленіемъ пики и представляютъ себѣ ея дѣйствіе какъ во времена рыцарства—съ наскоку. Пика совсѣмъ не требуетъ быстраго движенія лошади, она даже не требуетъ особенно сильнаго дѣйствія руки,—больше, чѣмъ убить, все равно нельзя, а для этого совершенно достаточно легкаго укола. Слишкомъ сильный ударъ даже опасенъ, такъ какъ послѣ него трудно вытащить обратно пику, и человѣкъ остается на нѣсколько мгновеній совершенно беззащитнымъ. Дѣйствіе пикой въ рукопашномъ бою требуетъ такой же послушной, отлично выѣзженной лошади, какъ и дѣйствіе саблей, которое въ свою очередь, требуетъ одинаковой быстроты и силы удара. Примѣч. Брикса.

Съ другой стороны холодное оружіе за 20 столѣтій нисколько не улучшилось, и потому понятно, что отношеніе между нимъ и пистолетомъ, при столь значительномъ улучшеніи послѣдняго, существенно измѣнилось въ его пользу [1]). Въ американской междуусобной войнѣ револьверъ часто дѣйствовалъ противъ сабли, карабина и ружья; нѣсколько примѣровъ оттуда могутъ подтвердить, что въ будущемъ револьверъ будетъ служить конницѣ сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ.

Въ ноябрѣ 1864 года произошли въ Виргиніи стычки между эскадрономъ маіора Ричарда изъ партизанскаго отряда Мосби и эскадрономъ сѣверянъ капитана Блазера. Послѣ горячаго рукопашнаго боя, въ которомъ южане дѣйствовали исключительно револьверомъ, сѣверяне потерпѣли полное пораженіе; потери были: первыхъ — 1 убитый и нѣсколько раненыхъ; вторыхъ — 24 убитыхъ, 12 раненыхъ и 62 плѣнныхъ [2]). Такимъ образомъ убитыхъ и раненыхъ вмѣстѣ было 36 на 100, т. е. нѣсколько болѣе одной трети, а вся потеря почти равнялась численности всего эскадрона.

Нельзя не обратить вниманія при этомъ на большое число убитыхъ, сравнительно съ ранеными, что прямо указываетъ на смертоносное дѣйствіе револьвера.

Какъ противоположный примѣръ, приведемъ дѣло при Эгмонтъ-опъ-Цее, 2 октября 1799 г., между англійскими драгунами и французской конницей. Два полуэскадрона драгунъ атаковали около 500 побѣдоносныхъ французскихъ всадниковъ и, послѣ горячей схватки, опрокинули ихъ. Затѣмъ французы собрались и уже сами перешли въ наступленіе противъ англичанъ, которые между тѣмъ были подкрѣплены еще полуэскадрономъ. Произошла вторая схватка холоднымъ оружіемъ, и все-таки общая потеря англичанъ въ обѣихъ схваткахъ простиралась только до 3 убитыхъ и 9 раненыхъ; результатъ былъ бы совсѣмъ другой, если бы обѣ стороны дѣйствовали изъ револьверовъ.

Въ дѣлѣ при Гейльсбергѣ, 18 іюня 1806 г., между французской кирасирской дивизіей и прусской конной бригадой одинъ французскій офицеръ получилъ 52 раны, а прусскій — 20. Человѣкъ получилъ 52 укола и удара пикой и саблей и не только остался живъ, но даже не потерялъ ни одного члена. А много-ли нужно огнестрѣльныхъ ранъ, чтобы вывести человѣка изъ строя?

---

[1]) Врядъ-ли можно признать все это длинное разсужденіе основательнымъ. Прежде всего значительная часть выгодныхъ сторонъ револьвера совершенно исчезаетъ при употребленіи его съ коня. Затѣмъ постоянное пораженіе всадниковъ, дѣйствовавшихъ изъ пистолетовъ, происходило совсѣмъ не вслѣдствіе недостатковъ этого оружія; здѣсь была дуэль не между холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіями, а между конницей, дѣйствующей оборонительно и наступательно; тутъ другого исхода не могло быть, даже если бы первая имѣла, вмѣсто пистолетовъ, теперешніе револьверы. Примѣч. Брикса.

[2]) Примѣръ былъ бы разительнѣе, если бы не было плѣнныхъ; значительное число ихъ указываетъ еще и на другія причины пораженія, кромѣ оружія. Примѣч. Брикса.

Обратимся опять къ американской войнѣ. Генералъ Дюкъ говоритъ слѣдующее объ атакѣ конницы Моргана на пѣхотный полкъ сѣверянъ въ сраженіи при Шило въ 1862 г.: „Мы подскочили къ федералистамъ совсѣмъ близко, прежде чѣмъ они успѣли выстрѣлить. Они дали поспѣшный залпъ; дымъ окуталъ насъ совершенно и звукъ оглушилъ насъ, подобно грому. Въ слѣдующую секунду мы уже насѣли на нихъ, причемъ нѣкоторые изъ нашихъ людей рубили ихъ саблями, но изъ этого ничего не выходило, другіе же дѣлали настоящее дѣло винтовками и револьверами [1])“. Это — замѣчательное показаніе о значеніи револьвера, которое также указываетъ на ту особенность американской конницы, что она сочетала атаку карьеромъ съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія, такъ какъ, повидимому, люди Моргана дѣйствовали револьверомъ, не убавляя для этого аллюра.

Генералъ Стефенъ Д. Ли, опытный офицеръ, выражается очень опредѣленно: „Сабля потеряла большую часть своего значенія съ изобрѣтеніемъ револьвера, съ которымъ кавалеристы будутъ производить лихія атаки съ большей увѣренностью. Я убѣдился, что всадникъ, вооруженный саблей, не можетъ долго держаться противъ вооруженнаго револьверомъ и при первомъ удобномъ случаѣ старается замѣнить первую вторымъ... Я всегда замѣчалъ, что револьверъ, въ противоположность саблѣ, поднимаетъ духъ человѣка, вооруженнаго имъ. Въ рукопашномъ бою, который впрочемъ будетъ встрѣчаться рѣдко, благодаря улучшенному огнестрѣльному оружію, дѣло будетъ рѣшено силой удара или лихостью [2]) прежде, чѣмъ будутъ выпущены 18 выстрѣловъ; а сила удара будетъ у хорошей конницы совершенно одинакова, вооружена-ли она револьверомъ или саблей. По моимъ наблюденіямъ, сабля всегда теряетъ противъ револьвера. Револьверъ есть самое лучшее оружіе для всадника при движеніи и составляетъ необходимую принадлежность его вооруженія“.

Это свидѣтельство высокоопытнаго офицера заслуживаетъ полнаго вниманія, между прочимъ также и потому, что онъ вполнѣ рекомендуетъ сочетать дѣйствіе изъ револьвера съ силой удара конницы. Конница должна быть и теперь употребляема совершенно такъ, какъ это дѣлали Александръ и Аннибалъ, съ той только разницей, что въ револьверѣ она получила вполнѣ дѣйствительное и улучшенное оружіе.

Полковникъ Джильморъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ-южанъ, совершенно того же мнѣнія. При описаніи въ своемъ сочиненіи „Четыре года въ сѣдлѣ“ одного боя, въ которомъ онъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ саблей, онъ замѣчаетъ: „Если бы я захватилъ револьверъ вмѣсто сабли, то было бы много пострадавшихъ, такъ какъ бой былъ рукопашный“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ еще слѣдующій примѣръ:

[1]) Duke Hist. of Morgan's Cavalry 150.

[2]) Не вполнѣ понятно: рукопашный бой и сила удара. Примѣчаніе Брикса.

„Мы почти всѣ прошли уже чрезъ изгородь, когда я увидѣлъ, что Кемпъ дерется съ здоровымъ малымъ, который наступалъ на него съ поднятой саблей. У Кемпа было всегда при себѣ два револьвера; въ одномъ изъ нихъ оставался одинъ зарядъ, который онъ и выпустилъ по противнику, но промахнулся; тогда онъ бросилъ въ него револьверъ и попалъ ему въ грудь. Но тотъ наскочилъ на Кемпа раньше, чѣмъ онъ успѣлъ выхватить другой револьверъ, схватилъ его за волосы, стараясь стащить его съ лошади, и ударилъ саблей по плечу. Кемпъ только наклонилъ голову и все пытался вытащить револьверъ. Въ это время я успѣлъ пробиться до него и уже поднялъ саблю, какъ Кемпу удалось вытащить револьверъ и однимъ выстрѣломъ онъ отдѣлался отъ врага [1])“.

Описывая другой рукопашный бой, онъ говоритъ: „револьверами дѣйствовали мало, иначе наши потери были бы навѣрно вдвое больше“.

Также и въ книгѣ маіора Скотта „Партизанская жизнь съ Мосби“ мы находимъ много такого же рода примѣровъ. Такъ онъ описываетъ стычку между сотней южанъ, дѣйствовавшихъ револьверами, и почти такимъ же числомъ сѣверянъ, въ которой вторые потеряли 36 чел. убитыми и ранеными, 54 плѣнными [2]), и 80 лош., между тѣмъ какъ первые не имѣли никакой потери. Аналогичный примѣръ представляетъ случай съ однимъ поручикомъ-федералистомъ. Онъ ѣхалъ только съ однимъ ординарцемъ и былъ атакованъ нѣсколькими всадниками Мосби. Выстрѣлами изъ револьвера онъ уложилъ четверыхъ и прогналъ остальныхъ. Скоттъ говоритъ по этому поводу: „въ скоромъ времени этотъ храбрый офицеръ остался побѣдителемъ; вѣрная смерть угрожала тому, кто попадался подъ его, не дававшій промаха, револьверъ“.

Мы нѣсколько подробно остановились на американской войнѣ, такъ какъ это единственный примѣръ, гдѣ револьверъ получилъ обширное примѣненіе у обѣихъ враждующихъ сторонъ. Притомъ мы хотѣли собрать возможно полный матеріалъ для доказательства необходимости вооруженія конницы этимъ смертоноснымъ оружіемъ.

Франко-германская война, съ другой стороны, представляетъ разительный примѣръ малой дѣйствительности холоднаго оружія. Германское медицинское управленіе опубликовало недавно отчетъ, въ которомъ всѣ потери германцами опредѣлены сообразно съ оружіемъ, нанесшимъ рану. Общая потеря убитыми и ранеными доходитъ до 65.160 чел. [3]). Изъ всего этого числа только 218 чел. было убито или ранено ударами сабли или

[1]) Gilmor Four Years in Saddle 235.

[2]) Опять значительное число плѣнныхъ ослабляетъ убѣдительность примѣра. Примѣчаніе Брикса.

[3]) Изъ 7.799 убитыхъ и 57.361 раненыхъ 263 случая падаютъ на разнаго рода несчастія; затѣмъ къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить 23.717 чел., у которыхъ причины раны неизвѣстны,—слѣдовательно, вся потеря доходитъ до 88.877 чел. (13.556 убитыхъ и 75.321 раненыхъ). Fischer Berlin 1876. Примѣчаніе Брикса.

приклада; къ сожалѣнію, эти двѣ категоріи не раздѣлены, такъ что нельзя точно опредѣлить, сколько именно потерь было отъ сабельныхъ ударовъ; впрочемъ, даже и все число въ своемъ родѣ замѣчательно. Въ конницѣ приходится 138 чел., убитыхъ или раненыхъ саблей, на общую потерю въ 2.236 чел. Всего же любопытнѣе незначительное число убитыхъ сабельными ударами, — всего навсего 6 чел. на 212 раненыхъ. Такимъ образомъ во всѣхъ кавалерійскихъ бояхъ при Вертѣ, Віонвилѣ, Седанѣ, на Луарѣ и въ сѣверныхъ провинціяхъ, во всѣхъ аванпостныхъ стычкахъ, 40.000 всадниковъ въ теченіе 6-ти мѣсячной кампаніи потеряли отъ сабли всего 6 чел. убитыми [1]), между тѣмъ какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ американской войны въ одномъ бою изъ 100 чел. было убито 12 и ранено 24, а въ другомъ изъ такого же числа — 26.

Автору приходилось слышать ироническое замѣчаніе, что американская конница не была въ состояніи произвести атаку холоднымъ оружіемъ и что причина этому лежитъ въ боязни, которую ей внушала холодная сталь. Вмѣсто отвѣта мы просто спросимъ читателя, какой образъ дѣйствій болѣе опасенъ и требуетъ болѣе мужества: тотъ-ли, при которомъ въ незначительной стычкѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выбываетъ 24 чел. изъ 100, или тотъ, при которомъ 60-ти тысячная конница теряетъ отъ сабельныхъ ударовъ въ теченіе шестимѣсячной кампаніи по одному человѣку въ мѣсяцъ?

Сообразно со всѣмъ вышеизложеннымъ, мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что конница должна быть вооружена саблей и револьверомъ. Въ настоящее время конница будетъ атаковывать пѣхоту, только когда эта послѣдняя разстроена, приведена въ безпорядокъ. При этомъ, если судить по опытамъ франко-германской войны, пѣхота встрѣтитъ атаку или въ развернутомъ строю, или въ разсыпномъ, причемъ отдѣльные стрѣлки, можетъ быть, соберутся въ кучки; во всякомъ случаѣ она откроетъ живой огонь и будетъ поддерживать его до послѣдней минуты. Огонь этотъ нанесетъ такія потери конницѣ и приведетъ ея ряды въ такой безпорядокъ, что лошади будутъ обходить кучки и будутъ стараться проскочить въ интервалы между ними, находясь все время подъ огнемъ при наступленіи и отступленіи. Поэтому можно, кажется, съ увѣренностью сказать, что большая часть кучекъ останется цѣлой и невредимой, а если нѣкоторыя

---

[1]) Конница потеряла отъ сабельнаго удара только 1 чел., такъ какъ изъ 6-ти вышеприведенныхъ—4 приходятся на пѣхоту, 1—на артиллерію. Къ общей потерѣ конницы, т. е. къ 2.236 чел. нужно еще прибавить 276 убитыхъ и 572 раненыхъ, гдѣ происхожденіе раны неизвѣстно.

Единственный убитый саблей всадникъ (того полка, въ которомъ служилъ переводчикъ) былъ заколотъ африканскими иррегулярными всадниками, такъ что отъ ударовъ всей французской кавалеріи не погибъ ни одинъ прусскій всадникъ. При этомъ прибавимъ, что французы, какъ всѣ народы романской рассы, рѣдко рубятъ, а больше колятъ. Примѣчаніе Брикса.

и будутъ прорваны, то понесенныя при этомъ потери будутъ самыя незначительныя. Слѣдовательно, всѣ шансы будутъ на сторонѣ пѣхоты. Казалось бы, что сомкнутая атака, произведенная въ полномъ порядкѣ, смѣло и энергично, подобно атакамъ конницы Фридриха, и теперь можетъ имѣть успѣхъ, но обстоятельства сильно измѣнились. За исключеніемъ нѣкоторыхъ совершенно исключительныхъ случаевъ, конница, вынесшая во время пробѣга въ нѣсколько сотъ шаговъ, сильнѣйшій и частый огонь, наскочитъ на пѣхоту уже въ полномъ безпорядкѣ и совершенно разстроенной. Что же могутъ сдѣлать всадники съ ихъ саблями противъ пѣхотныхъ кучекъ? Удары и уколы могутъ быть очень легко отбиты ружьемъ; единственная возможность успѣха заключается въ силѣ налета, но сила эта нисколько не зависитъ отъ сабли; она была бы совершенно таже и у безоружнаго человѣка. Эта истина между прочимъ подтвердилась атакой полковника Шеуэля при Балаклавѣ: онъ, не вынимая сабли, разобралъ поводья въ обѣ руки и повелъ своихъ людей полнымъ ходомъ на русскихъ всадниковъ, черезъ которыхъ прорвался и вышелъ вполнѣ благополучно изъ боя, хотя въ сущности, онъ былъ совершенно безоруженъ. Также точно адъютантъ Муръ, при Буширѣ въ Персіи, повѣсилъ саблю на темлякъ, взялъ поводья въ обѣ руки и прорвалъ непріятельское каре, не получивъ ни одной раны.

Теперь попробуемъ выяснить себѣ, какимъ образомъ должна въ будущемъ конница, вооруженная револьверомъ, атаковать пѣхоту. Каждый человѣкъ долженъ быть обученъ стрѣлять на галопѣ и сейчасъ же бросаться въ отверстіе, которое онъ себѣ выстрѣломъ пробьетъ въ непріятельскихъ рядахъ. Почему это не можетъ быть болѣе дѣйствительнымъ образомъ дѣйствія, нежели простой налетъ съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ? Два-три выстрѣла, сдѣланные каждымъ всадникомъ, начиная съ 75 шаговъ отъ пѣхоты, должны же причинить нѣкоторыя потери, или же по крайней мѣрѣ, помѣшать спокойному прицѣливанію пѣхоты, произвести извѣстный безпорядокъ, а быть можетъ и побудить нѣкоторыхъ къ отступленію. Если затѣмъ конницѣ дѣйствительно, удастся ворваться въ ряды, и начнется рукопашка, то развѣ револьверъ не окажется дѣйствительнымъ и смертоноснымъ оружіемъ?

Заботливымъ обученіемъ можно безъ особеннаго труда довести людей до того, что они будутъ съ достаточной мѣткостью стрѣлять на карьерѣ; и такъ какъ всѣми признано, что въ будущемъ конница, чтобы имѣть возможность дѣйствовать, должна быть отлично обучена, то почему бы стрѣльба изъ револьвера не могла быть включена въ число предметовъ обученія? Если затѣмъ соединить силу удара коня съ дѣйствіемъ изъ револьвера, то развѣ не получится гораздо болѣе вѣроятія для прорыва непріятельской пѣхоты, чѣмъ теперь при условіи вооруженія всадниковъ только саблей?

Придаютъ большое значеніе моральному впечатлѣнію, производимому блескомъ стали на пѣхоту; но если вникнуть въ дѣло поближе, то нельзя будетъ не придти къ заключенію, что сабля здѣсь совершено не при чемъ. Представьте себѣ только, что конница съ обнаженнымъ оружіемъ идетъ медленнымъ аллюромъ на противника или выжидаетъ его приближенія, стоя на мѣстѣ,—произвелъ-ли бы тогда блескъ стали какое нибудь впечатлѣніе на пѣхоту? Вѣроятно, ровно никакого. Если напротивъ того представить себѣ несущіяся полнымъ ходомъ сомкнутыя линіи всадниковъ съ оружіемъ въ ножнахъ, то развѣ видъ ихъ не произведетъ при всякихъ обстоятельствахъ сильнаго нравственнаго впечатлѣнія? И развѣ ударъ ихъ не будетъ болѣе чувствителенъ для пѣхоты, чѣмъ ударъ медленно подходящей конницы съ обнаженнымъ оружіемъ? [1])

Мы вполнѣ убѣждены, что главное значеніе, какъ физическое, такъ и моральное, имѣетъ сила удара; если же къ ней присоединить еще смертоносное дѣйствіе револьвера, то развѣ это не будетъ способствовать подъему нравственной силы всадника, имъ вооруженнаго? Самое довѣріе пѣхоты къ огнестрѣльному оружію поможетъ дѣлу и будетъ способствовать тому, что она станетъ опасаться быстро слѣдующихъ другъ за другомъ выстрѣловъ изъ револьвера болѣе, чѣмъ блеска сабельнаго клинка.

Поэтому казалось бы, что если дѣйствительно желаютъ имѣть конницу, которая была бы въ состояніи атаковать съ успѣхомъ на полѣ сраженія пѣхоту и артиллерію, то ее совершенно необходимо вооружить револьверомъ и обучить искусному дѣйствію изъ него на полномъ ходу. Саблю слѣдуетъ оставить для преслѣдованія и борьбы съ непріятельской конницей [2]), когда порядокъ можетъ быть лучше сохраненъ, такъ какъ, если нѣтъ

---

[1]) Врядъ-ли правильно отдѣлять эти два впечатлѣнія — отъ блеска оружія и отъ несущейся массы. Моральное впечатлѣніе есть всегда продуктъ многихъ факторовъ, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно и разсматриваемый въ спокойномъ состояніи духа, покажется совершенно безобиднымъ. Звукъ копытъ несущихся лошадей также производитъ впечатлѣніе, котораго переступаніе лошади на мѣстѣ, очевидно, произвести не можетъ. — Также точно впечатлѣніе, производимое обнаженной саблей, происходитъ не отъ одного ея блеска, но отъ сознанія, что черезъ нѣсколько секундъ сильные и ловкіе люди, владѣющіе этими саблями и приближающіеся полнымъ ходомъ, налетятъ на испуганнаго врага и, подобно видѣнному здѣсь или тамъ, разнесутъ всѣхъ.

Если же люди слабы, или лошади движутся медленно, или противникъ остается хладнокровнымъ, съ сознаніемъ своей силы и того, что прежде постоянно отражалъ такія атаки, то, конечно, одинъ блескъ обнаженныхъ клинковъ ничего не подѣлаетъ.

Кромѣ того можно сказать, что и одного приближенія всадниковъ полнымъ ходомъ недостаточно; какое впечатлѣніе произвелъ бы видъ приближающейся толпы неумѣлыхъ ѣздоковъ, хотя бы и увѣшанныхъ всякимъ оружіемъ, несущихся на неповинующихся имъ лошадяхъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ подобная картина вызвала бы только насмѣшку или сожалѣніе. Примѣчаніе Брикса.

[2]) Если револьверъ, дѣйствительно, настолько лучше сабли, то почему же не воспользоваться имъ и противъ конницы? Почти всѣ вышеприведенные примѣры относятся къ стычкамъ двухъ конныхъ частей. См. еще стр. 422. Примѣчаніе Брикса.

потерь при приближеніи, то сабля можетъ быть употреблена съ успѣхомъ. Какъ кажется, въ арміи южанъ каждому всаднику было предоставлено дѣйствовать тѣмъ оружіемъ, которымъ онъ желалъ: поэтому мы видимъ, что одновременно въ той-же части одни люди рубятъ саблей, другіе — стрѣляютъ изъ револьвера.

Та армія, которая организуетъ подобную конную часть (причемъ людямъ должно быть строго внушено, что стрѣльба никакъ не должна уменьшать быстроту движенія) будетъ имѣть много шансовъ на успѣхъ. Опасеніе выстрѣловъ изъ револьвера помѣшаетъ непріятельской пѣхотѣ спокойно прицѣливаться и такимъ образомъ уменьшитъ потери конницы, а эта послѣдняя, сознавая свою силу въ рукопашномъ бою, будетъ усиленно къ нему стремиться [1]). Нѣсколькихъ атакъ достаточно, чтобы сильно поднять духъ конницы и ослабить увѣренность пѣхоты въ себя, и тогда послѣдуетъ побѣда за побѣдой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ длинный револьверъ вполнѣ пригоденъ и для отбитія удара сабли. Въ Американской войнѣ онъ неоднократно примѣнялся подобнымъ образомъ безъ всякаго для него вреда.

Чѣмъ больше вникать въ дѣло, тѣмъ болѣе проникаешься убѣжденіемъ въ необходимости снабдить конницу этимъ превосходнымъ оружіемъ. Многіе старые кавалеристы сочтутъ подобное мнѣніе за ересь и, положась на опытъ прошедшихъ вѣковъ, будутъ держаться сабли. Это можно объяснить только однимъ слѣпымъ подражаніемъ старому.

Разумное отношеніе къ исторіи конницы не можетъ не привести къ убѣжденію, что иногда извѣстныя измѣненія совершенно необходимы, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, и мы думаемъ, что теперь настало время такого измѣненія, которое выразится въ вооруженіи линейной конницы револьверомъ [2]).

2. Легкая конница, конные стрѣлки.

Мы сказали, что линейная конница должна составлять только четвертую часть всего этого рода оружія въ составѣ арміи. Дѣятельность конницы на полѣ битвы настолько сузилась, что будетъ большой ошибкой отдѣлять слишкомъ много въ ту часть, которая найдетъ рѣдкое примѣненіе. Напротивъ того, на долю легкой конницы выпадаетъ самая дѣятель-

[1]) Эти слова, а также и сейчасъ за ними слѣдующія, могутъ быть примѣнены вполнѣ и къ холодному оружію. Примѣчаніе Брикса.

[2]) Несмотря на всѣ эти длинныя разсужденія, „револьверъ“ проглядываетъ въ нихъ въ видѣ личнаго увлеченія имъ автора, тщательно подобравшаго всѣ мнѣнія за это куцое оружіе и ни одного противъ него. Одно уже предложеніе замѣны холоднаго оружія огнестрѣльнымъ — грѣхъ противъ основныхъ свойствъ конницы. Стюартъ отлично понималъ это и въ своемъ наставленіи конницѣ южанъ запрещалъ употребленіе револьвера при атакѣ.

В. Сухомлиновъ.

ная служба, какъ-то: сторожевая и развѣдывательная, поиски, конвоированіе, прикрытіе маршей и т. п.; поэтому численность ея должна быть болѣе значительна.

Всякаго, кто занимался изученіемъ военной исторіи, не могло не поразить, какое огромное вліяніе въ хорошую или дурную сторону имѣла дѣятельность легкихъ войскъ, смотря по тому, какъ она выполнялась. Можетъ быть ничто такъ сильно не отразилось на исходѣ кампаніи 1870 года, какъ слабыя дѣйствія французской конницы въ сторожевой и развѣдывательной службѣ, въ противуположность искуснымъ дѣйствіямъ германской кавалеріи.

Надо еще замѣтить, что скорость движенія играла всегда большую роль въ военныхъ операціяхъ. Наполеонъ былъ того мнѣнія, что 10-ти тысячная армія, дѣлающая въ день 20 верстъ, можетъ сдѣлать тоже, что и 20-ти тысячная армія, дѣлающая по 10 верстъ въ сутки. Если это вѣрно,—а врядъ-ли кто нибудь съ этимъ не согласится,—то посадивъ 10.000 человѣкъ на лошадей, мы какъ бы удваиваемъ ихъ силу и значеніе. Мы уже видѣли однако, что конница не можетъ оборонять позицію, дѣйствовать на всякой мѣстности, атаковать укрѣпленія; вслѣдствіе этого во всѣхъ этихъ случаяхъ значеніе вышеупомянутыхъ 10.000 всадниковъ сильно уменьшится и быстрота ихъ движеній не принесетъ всей пользы, какую можно бы изъ нея извлечь. Если же всадники эти, по прибытіи на мѣсто назначенія, могутъ спѣшиться и сражаться, какъ пѣхотинцы, то они могутъ быть употреблены на всякаго рода мѣстности, не опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ неудачи, быть отрѣзанными. Это обстоятельство вызывало въ разное время существованіе драгунъ.

Мы помнимъ, что Александръ, при преслѣдованіи Дарія, посадилъ 500 отборныхъ пѣхотинцевъ на коней, чѣмъ пріобрѣлъ возможность двигаться съ большей быстротой. Раньше того, для той же цѣли употреблялись колесницы. Позже мы неоднократно встрѣчаемъ примѣненіе той же идеи въ видѣ драгунъ, составлявшихъ значительную часть армій. Наполеонъ былъ высокаго мнѣнія объ этомъ родѣ конницы. По его мнѣнію, всѣ всадники должны быть вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ и обучены пѣшему бою.

Слѣдовательно, важное значеніе драгунъ [1]) сознавалось во всѣ времена; тѣмъ не менѣе бывали обстоятельства, при которыхъ драгуны отходили на второй планъ, и значеніе ихъ забывалось; такъ напримѣръ, необыкновенно удачныя атаки конницы Фридриха Великаго привели къ убѣжденіямъ, что идея драгунъ — ложная и ошибочная. Вмѣстѣ съ тѣмъ многія другія обстоятельства препятствовали въ прежнія времена довести идею

[1]) Странно, что авторъ совсѣмъ не упоминаетъ о русскомъ драгунскомъ корпусѣ (изъ восьми десятиэскадронныхъ полковъ, 6 конныхъ батарей, 2 эскадроновъ конныхъ піонеръ и т. д.), силой въ 16.000 человѣкъ при 48 орудіяхъ, сформированномъ при Императорѣ Николаѣ I. Примѣчаніе Брикса.

эту до полнаго развитія. Одно то, что сраженія разыгрывались на совершенно открытой мѣстности, значительно уменьшало число случаевъ для примѣненія пѣшаго боя драгунъ; было гораздо разумнѣе въ такихъ случаяхъ пускать ихъ въ атаку въ конномъ строю. Вслѣдствіе этого въ большей части армій драгунскіе полки имѣли совершенно тотъ же характеръ, какъ и всѣ прочіе конные полки, и употреблялись, какъ таковые. Самое ихъ снаряженіе совсѣмъ не было приспособлено къ удобному дѣйствію пѣшкомъ, и идея настоящихъ драгунъ почти окончательно заглохла.

Въ настоящее время многія изъ затрудненій устранены. Драгуны были прежде вооружены гладкими карабинами, изъ которыхъ можно было стрѣлять только на близкія дистанціи и съ весьма малой вѣроятностью попаданія. Такія же ружья имѣла и пѣхота, вслѣдствіе чего самый бой велся совершенно иначе, чѣмъ теперь. При Фридрихѣ и Наполеонѣ арміи выстраивали боевой порядокъ на очень незначительномъ удаленіи другъ отъ друга. Бой пѣхоты начинался съ 300—400 шаговъ и продолжался до сближенія на 50—60 шаговъ и даже до скрещиванія штыковъ, безъ рѣшительнаго результата. Теперь это перемѣнилось. Въ франко-германской войнѣ огонь открывался съ 1.500 шаговъ, и стороны рѣдко сближались на 200 шаговъ безъ того, чтобы одна изъ нихъ не сдавала. Вообще же пѣхотные бои велись на 600—150 шаговъ, при чемъ при сближеніи на 400 шаговъ уже наступалъ кризисъ боя. Слѣдовательно, при настоящемъ вооруженіи, обороняющійся можетъ причинить наступающему потери уже съ 1.000 шаговъ, затѣмъ огонь все усиливается, въ 600 шагахъ становится чрезвычайно дѣйствительнымъ, и движеніе въ этой сферѣ сопряжено съ огромнымъ урономъ.

Если затѣмъ къ большей дальнобойности нынѣшняго оружія прибавить еще его большую мѣткость и скорость стрѣльбы, то выйдетъ, что не только увеличилась для наступающаго опасная (въ смыслѣ сильныхъ потерь) зона, но и самое число выпускаемыхъ на каждую сотню шаговъ этой зоны выстрѣловъ, и притомъ вполнѣ мѣткихъ, увеличилось по крайней мѣрѣ вчетверо.

Изъ вышеизложеннаго становится понятнымъ, что прежде драгуны, спѣшившіеся для занятія какой-либо позиціи и оставивъ лошадей скрытыми за 150—250 шаговъ сзади, успѣвали дать всего только нѣсколько выстрѣловъ, какъ непріятельская пѣхота уже насѣдала на нихъ. Затѣмъ всякій бой рѣшался по большей части холоднымъ оружіемъ, — другого не было; если теперь предположить, что драгуны вступили въ рукопашный бой съ насѣвшей на нихъ пѣхотой и затѣмъ были вынуждены къ отступленію, то они имѣли очень мало шансовъ безпрепятственно добраться до своихъ лошадей и сѣсть на нихъ [1]). Опасеніе очутиться въ такомъ

[1]) Если не было конной части, оставленной въ резервѣ, или заранѣе взятой изъ боевой линіи и посаженной на коней, которая своей атакой могла бы дать спѣшеннымъ людямъ время сѣсть. Примѣчаніе Брикса.

*

затруднительномъ положенiи вело, вѣроятно, часто къ раннему отступленiю, вслѣдствiе чего многiя позицiи были сданы непрiятелю почти даромъ, между тѣмъ какъ упорная оборона ихъ могла стоить непрiятелю очень дорого, а иногда даже привести его атаки къ неудачѣ.

Какъ все измѣнилось теперь! Драгуны или конные стрѣлки могутъ, спѣшившись, вполнѣ спокойно расположиться на позицiи; открыть огонь уже по приближенiи непрiятеля на 1.000 шаговъ, съ 600 шаговъ нанести ему сильныя потери и затѣмъ частымъ огнемъ рѣшить дѣло раньше, чѣмъ противникъ подойдетъ на 250 шаговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ничто не мѣшаетъ драгунамъ продолжать огонь до приближенiя противника на 200 шаговъ и затѣмъ, въ худшемъ случаѣ, добѣжать до своихъ лошадей, спрятанныхъ въ рощѣ или позади деревни, сѣсть на нихъ и уйти.

Вѣроятно, всѣ согласятся, что новое оружiе откроетъ широкое поле дѣйствiй для драгунъ. Увеличившаяся дальность обстрѣла вообще и увеличившееся разстоянiе, съ котораго бой можетъ быть рѣшенъ огнемъ,— все перевернули. Время, потребное всадникамъ, чтобы сѣсть въ случаѣ неудачи на коней, не измѣнилось; время же, которымъ они для этого располагаютъ, возросло въ значительной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ дальнобойность, скорострѣльность и мѣткость ихъ оружiя также увеличилась въ необыкновенной степени [1]). Было бы совершенно безумно, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, продолжать придерживаться прежнихъ взглядовъ.

Все нами сказанное не есть одна теорiя. Кто, прочитавши о дѣятельности конныхъ стрѣлковъ въ американскую междоусобную войну, можетъ еще усомниться въ огромной пользѣ, которую они могутъ принести? Эти всадники исполняли необыкновенно умѣло службу сторожевую и развѣдывательную; они сражались пѣшкомъ противъ пѣхоты, конницы и артиллерiи; они штурмовали укрѣпленiя, атаковывали канонерскiя лодки,—однимъ словомъ, дѣлали все, что только можетъ выпасть на долю солдата. Тѣмъ болѣе удивительно, что ни нѣмцы, ни французы совсѣмъ не воспользовались опытомъ этой великой войны.

Дѣйствительно, неужели можно допустить, что пруссаки не извлекутъ никакой для себя пользы изъ уроковъ второй половины кампанiи, когда франтиреры вынудили ихъ знаменитыхъ уланъ искать защиты, или по крайней мѣрѣ, поддержки у пѣхоты? Врядъ-ли они ихъ позабудутъ. Между тѣмъ дѣло стоитъ такъ, что то государство, которое къ будущей войнѣ сумѣетъ примѣнить въ большихъ силахъ конныхъ стрѣлковъ, будетъ имѣть на своей сторонѣ большое преимущество. Мы и видимъ, что нѣмцы вооружаютъ значительную часть своей конницы дальнобойными караби-

---

[1]) Это вѣрно также и для непрiятельской пѣхоты, — слѣдовательно, измѣнившiяся условiя какъ бы взаимно уничтожаются. Примѣчанiе Брикса.

нами, вѣроятно, чтобы примѣнить своихъ всадниковъ по образцу американскихъ конныхъ стрѣлковъ.

Другое большое достоинство конныхъ стрѣлковъ состоитъ еще въ томъ, что, будучи сведены въ отдѣльные отряды и снабжены конной артиллеріей, они будутъ обладать полной самостоятельностью, соединенной съ быстротой движенія конницы и способностью дѣйствовать на всякаго рода мѣстности наступательно и оборонительно. Такой отрядъ будетъ особенно пригоденъ для развѣдывательной службы въ большихъ размѣрахъ, почему его и слѣдуетъ спеціально обучать этому дѣлу. При спѣшиваніи слѣдовало бы разъ навсегда установить, что коноводами остаются третьи нумера каждаго четырехряднаго отдѣленія въ обѣихъ шеренгахъ, которые и будутъ держать двухъ лошадей справа, одну слѣва (?). Коноводовъ слѣдуетъ старательно обучить движеніямъ впередъ и назадъ и поворотамъ, чтобы они могли слѣдовать за движеніями спѣшенныхъ людей, укрываться за мѣстными предметами и быстро подавать лошадей.

Подобнаго рода отрядъ принесетъ всегда большую пользу, особенно же въ партизанской войнѣ. Генералъ Стефенъ Ли говоритъ: „Вооруженіе всадниковъ магазиннымъ ружьемъ и револьверомъ новѣйшей системы, по моему убѣжденію, увеличиваетъ способность конницы къ дѣйствію въ большей степени, чѣмъ то сдѣлало новое оружіе для пѣхоты и артиллеріи. Главнокомандующій получаетъ возможность перенести сильный отрядъ пѣхоты съ быстротой движенія конницы на какой-либо взятый пунктъ театра войны или поля сраженія. Сильный конный отрядъ представляетъ теперь цѣлое войско и можетъ выполнить всякую задачу, какъ на полѣ сраженія, такъ и внѣ его“.

Глава III.

Вооруженіе и снаряженіе.

1. Тяжелая или линейная конница.

Она должна комплектоваться изъ сильныхъ людей, быть посажена на массивныхъ лошадей и доведена до высшей степени сомкнутости при движеніяхъ. Вооруженіе ея — сабля и два револьвера, одинъ на себѣ, другой — на сѣдлѣ.

Мундиръ долженъ облегать плотно тѣло, но никакъ не быть узкимъ, а оставлять полную свободу движеніямъ. Лучшій головной уборъ—легкая металлическая каска, защищающая отъ сабельныхъ ударовъ. Кирасы, чтобы онѣ доставляли дѣйствительную защиту противъ огнестрѣльнаго оружія, должны быть слишкомъ тяжелы; если же онѣ этой защиты не доставляютъ, то онѣ болѣе вредны, чѣмъ полезны. Такъ какъ кромѣ того отъ конницы требуется полное развитіе быстроты, чтобы какъ можно

скорѣе доскакать до непріятельской пѣхоты, то мы того мнѣнія, что кирасы слѣдуетъ совершенно отмѣнить, а ограничиться, для защиты отъ сабельныхъ ударовъ, погонами изъ металлическихъ цѣпочекъ и прикрѣпить къ перчаткамъ легкія стальныя краги, доходящія до локтя.

Высокіе, до колѣнъ, сапоги очень полезны, такъ какъ защищаютъ отъ сырости, предохраняютъ нѣсколько ногу отъ поврежденій при сжатіи сосѣдями во время движенія и позволяютъ солдату, по снятіи ихъ, ложиться спать въ сухихъ рейтузахъ; въ этомъ отношеніи высокіе сапоги гораздо лучше обшитыхъ кожей рейтузъ, которыя приняты въ нѣкоторыхъ арміяхъ.

Подобнымъ образомъ снаряженная конница, атакующая съ револьверомъ въ рукахъ конницу, вооруженную саблями [1]), будетъ почти непобѣдима и можетъ причинить противнику сильныя пораженія. Шлемъ защищаетъ голову, погоны—плечи, сапоги—ноги и перчатки—руки, изъ которыхъ одна держитъ револьверъ; всѣ шансы въ рукопашномъ бою будутъ на сторонѣ такого всадника.

Раны, причиненныя саблей, удивляютъ насъ какъ своимъ незначительнымъ числомъ, такъ и легкимъ характеромъ. Полковникъ фонъ-Боркэ, напримѣръ, разсказываетъ слѣдующее о нечаянномъ ночномъ нападеніи, въ которомъ два конные полка южанъ по ошибкѣ атаковали другъ друга: „1-й и 3-й виргинскіе полки пронеслись другъ черезъ друга въ блестящей атакѣ, которая, къ счастью, не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій, кромѣ нѣсколькихъ сабельныхъ ударовъ".

Нужно обратить особенное вниманіе на уменьшеніе тяжести вьюка. Запасной одежды слѣдуетъ брать какъ можно меньше; лучше ее возить на повозкахъ въ тылу арміи. Слѣдовало бы запретить людямъ возить чемоданы на лошадяхъ, такъ какъ, будучи постоянно наполнены, они представляютъ значительную тяжесть.

Плащъ долженъ быть съ разрѣзомъ сзади для верховой ѣзды, непремѣнно съ рукавами, такъ какъ иначе онъ очень неудобенъ, и устроенъ такъ, чтобы можно было надѣвать портупею какъ поверхъ, такъ и подъ него.

Гозье, въ своей исторіи кампаніи 1866 г., дѣлаетъ замѣчаніе, которое можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнію, что не слѣдуетъ разрѣшать людямъ возить чемоданы на лошадяхъ. Онъ говоритъ, что прусская пѣхота была удручена тяжестью своихъ ранцевъ, которые, хотя и лучшей конструкціи, чѣмъ въ другихъ арміяхъ, все-таки оказались совершенно безполезными, такъ какъ ихъ во время всей кампаніи очень рѣдко открывали. Желѣзныя дороги и улучшенія другого рода въ путяхъ сообщенія сократили продолжительность войнъ и облегчили доставку всего необходимаго. Солдаты поэтому не должны бы болѣе носить на спинѣ тяжесть,

[1]) См. примѣчаніе на стр. 416. Примѣчаніе Брикса.

которая обращаетъ ихъ въ вьючныхъ животныхъ и мѣшаетъ истинному назначенію — двигаться и драться.

Это замѣчаніе, можетъ быть, примѣнено еще въ большей степени къ конницѣ, полезность которой находится въ прямой зависимости отъ быстроты движеній и выносливости.

2. Легкіе драгуны или конные стрѣлки.

Снаряженіе ихъ должно быть легче, чѣмъ тяжелой конницы; все, что можетъ помѣшать дѣйствію въ пѣшемъ строю, должно быть отброшено, напримѣръ, каска и перчатки. Вмѣсто каски долженъ быть принятъ другой, болѣе легкій головной уборъ, возможно болѣе плотно прилегающій къ головѣ, такъ какъ коннымъ стрѣлкамъ приходится очень часто ходить по лѣсамъ и пересѣченной мѣстности. Сапоги должны быть также высокіе, но не такіе тяжелые, какъ въ линейной конницѣ. Карабины должны носиться на сѣдлѣ въ особомъ футлярѣ, позади правой ноги всадника. Карабины, по нашему мнѣнію, лучше дѣлать нѣсколько длиннѣе, чѣмъ оно принято теперь; но пѣхотная винтовка уже слишкомъ длинна и неудобна для дѣйствія ею съ лошади. Нужно взять нѣчто среднее между ними; такой карабинъ долженъ, конечно, быть заряжаемымъ съ казны, но можетъ и не быть магазиннымъ. Револьверъ, въ видѣ запаснаго оружія, для рукопашнаго боя верхомъ и пѣшкомъ, долженъ носиться на поясѣ, а сабля прикрѣплена къ сѣдлу, такъ какъ ею приходится сражаться только верхомъ и притомъ въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, при недостаткѣ патроновъ, при преслѣдованіи и т. д.

У южанъ многіе конные стрѣлки совсѣмъ не имѣли холоднаго оружія. Ношеніе сабли самимъ человѣкомъ намъ кажется нежелательнымъ, такъ какъ она представляетъ большое неудобство въ пѣшемъ строю [1]). Сабля вмѣстѣ съ высокимъ киверомъ, узкими рейтузами и шпорами сдѣлала все, чтобы лишить прежнихъ драгунъ возможности удобно дѣйствовать пѣшкомъ. Это снаряженіе привело къ убѣжденію, что въ принципѣ драгуны безполезны. Странно, что никому не пришла въ голову мысль о снятіи съ всадника сабли: вѣдь въ пѣшемъ строю она совершенно безполезна. Карабинъ долженъ употребляться въ конномъ строю очень рѣдко, чтобы не сказать никогда; всякая конная атака должна производиться съ револьверомъ или холоднымъ оружіемъ въ рукахъ.

Тяжесть вьюка должна быть также, если еще не больше, уменьшена у конныхъ стрѣлковъ, такъ какъ на нихъ лежитъ вся сторожевая и развѣдывательная служба и партизанскія дѣйствія.

---

[1]) Это совершенно вѣрно, но врядъ-ли можно теперь же снять саблю съ всадника. Какимъ же образомъ можно сдѣлать рѣшительную атаку противъ упорно обороняемой противникомъ позиціи безъ всякаго холоднаго оружія? Врядъ-ли можно посовѣтовать превратить при этомъ дорогой карабинъ въ дубину. Примѣчаніе Брикса.

Извѣстное число людей должно имѣть топоры въ кожаныхъ футлярахъ, которые прикрѣпляются къ сѣдлу. Они должны быть распредѣлены повзводно и служить для разрушенія заборовъ, возведенія брустверовъ, рубки дровъ, постройки шалашей, рубки телеграфныхъ столбовъ и т. д. Распредѣленіе топоровъ по рукамъ удобнѣе перевозки ихъ въ повозкахъ.

Конные стрѣлки, въ виду рода ихъ службы, должны комплектоваться изъ людей смѣтливыхъ; ихъ слѣдуетъ снабжать въ возможно большемъ количествѣ картами театра войны, которыя должны умѣть читать, по крайней мѣрѣ, всѣ унтеръ-офицеры.

Что касается лошадей, то наиболѣе высокія, тяжелыя, массивныя назначаются въ линейную конницу; прочія предоставляются легкой.

Способность каждой конной части къ дѣйствію зависитъ прежде всего отъ состоянія ея лошадей, и потому слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на фуражъ, ковку и сѣдловку. Вся дѣятельность конницы обусловлена силами лошадей, и поэтому не слѣдуетъ нагружать ихъ слишкомъ большими тяжестями. Всякій кавалерійскій офицеръ долженъ постоянно это помнить.

ГЛАВА IV.

Употребленіе конницы на войнѣ.

Если, дѣйствительно, дѣятельность конницы на полѣ сраженія сузилась, то является вопросъ, не вознаградилась-ли она вполнѣ расширеніемъ дѣятельности ея внѣ поля сраженія. Новое огнестрѣльное оружіе придало коннымъ стрѣлкамъ такое значеніе, какого они никогда не могли получить прежде, и увеличило случаи ихъ примѣненія.

Желѣзныя дороги, телеграфы и другія пути сообщенія — весьма важные объекты для дѣйствій, и ихъ сохраненіе такъ существенно, что значительныя конныя массы становятся необходимыми какъ для охраненія, такъ и для разрушенія ихъ. Сильный отрядъ конныхъ стрѣлковъ съ конными орудіями будетъ всегда имѣть возможность жить на счетъ страны и, съ одной стороны, благодаря быстротѣ своихъ движеній, ускользать отъ крупныхъ непріятельскихъ частей, а съ другой, благодаря вооруженію и полной самостоятельности,—разбивать мелкія.

Въ самомъ началѣ войны эти всадники выставляютъ передовые наблюдательные посты, которые должны имѣть своего отдѣльнаго начальника и наступаютъ неразрывной, упругой линіей; они не должны позволить остановить себя мелкимъ пѣхотнымъ частямъ, но должны ихъ разбивать и продолжать движеніе, осматривая всю мѣстность кругомъ, пока не наткнутся на непріятельскіе передовые посты. Разъ достигнуто соприкосновеніе съ непріятелемъ, оно ни подъ какимъ видомъ не должно быть больше поте-

ряно. Напирая на непріятеля въ слабыхъ пунктахъ, задерживая его въ сильныхъ, понемногу опредѣляютъ его силу и расположеніе.

Подобный отрядъ идетъ на 2—3 перехода впереди арміи, которая, подъ его прикрытіемъ, двигается съ большими удобствами и въ полной безопасности. Конница, уже по одному тому, что она двигается быстрѣе пѣхоты, должна быть постоянно впереди фронта арміи; тогда достигается, кромѣ того, еще и возможность болѣе легкаго ея продовольствованія. Опытъ показалъ, что подобный образъ дѣйствій безусловно самый лучшій. Австрійскіе всадники временъ Фридриха, разъ вступили въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, никогда больше его не теряли, примѣрами чего могутъ служить Соръ и Гохкирхъ. Также дѣйствовали казаки противъ Наполеона. Въ войну 1870 года германскія арміи спокойно двигались подъ прикрытіемъ выдвинутой далеко впередъ конницы, пока дѣятельность послѣдней, благодаря недостаткамъ ея вооруженія и образу дѣйствій, не была въ высшей степени затруднена франтирерами.

Небольшіе разъѣзды должны шнырять какъ на фронтѣ, такъ и на флангахъ арміи; это—ея щупальцы, ея глаза и уши, а часто и ея кормильцы. Главнокомандующій безъ конницы блуждаетъ въ совершенныхъ потемкахъ; онъ можетъ двигаться только медленно и нерѣшительно; не знаетъ, куда направить свои удары, откуда ожидать непріятеля.

Фридрихъ Великій обязанъ удачному исходу своихъ походовъ, несмотря на окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ легкихъ непріятельскихъ всадниковъ, только своему генію, выдающимся способностямъ своихъ генераловъ и необыкновенному искусству и стойкости своей арміи. Наполеонъ же, покорившій почти весь свѣтъ, палъ жертвою партизанскихъ дѣйствій непріятеля.

Кавалерійскіе офицеры должны постоянно помнить ту обязанность, которая на нихъ лежитъ, и отвѣтственность, которую они несутъ передъ всѣмъ войскомъ и даже государствомъ: цѣною всякихъ жертвъ, лишеній и даже смерти добывать свѣдѣнія о противникахъ, прикрывать свою армію и предохранять ее отъ нечаяннаго нападенія. Обязанность эту конница можетъ теперь выполнять легче, чѣмъ когда бы то ни было, будучи вооружена и снаряжена по образцу конныхъ стрѣлковъ. Ей больше не приходится дожидаться пѣхоты, чтобы выбить противника изъ-за какого-нибудь закрытія; ей больше не нужно пѣхоты, чтобы на крѣпкой позиціи задержать непріятеля. Поэтому конницѣ въ будущихъ войнахъ предстоитъ, повидимому, болѣе значительная роль, чѣмъ когда бы то ни было.

Затѣмъ намъ остается еще сказать о другой, не менѣе важной задачѣ конницы, именно о дѣйствіяхъ на сообщенія противника. Не входя въ подробности, вспомнимъ только рейды Стюарта, Форреста, Моргана, Уильсона и Грирсона, которые наилучшимъ образомъ показываютъ, какъ должны производиться подобнаго рода предпріятія и чего можно ими достигнуть.

На полѣ сраженія коннымъ стрѣлкамъ можетъ быть порученъ обходъ фланга противника, тѣмъ болѣе, что всѣ фронтальныя атаки будутъ стоить громадныхъ жертвъ.

Въ оборонительныхъ бояхъ спѣшенные конные стрѣлки, поставивъ своихъ лошадей за какое нибудь закрытіе, могутъ дѣйствовать на одной линіи съ пѣхотой и съ не меньшимъ успѣхомъ. Такъ сражались при Чикамаугѣ люди Форреста, а затѣмъ, по одержаніи побѣды, сѣли на коней и бросились преслѣдовать отступающаго противника, какъ лучшая конница.

Вмѣстѣ съ тѣмъ конные стрѣлки, при помощи своихъ револьверовъ, будутъ въ состояніи производить конныя атаки съ такимъ же успѣхомъ, какъ и линейная конница. Американскіе всадники умѣли отлично вести пѣшій бой и не менѣе отлично производить лихія конныя атаки, и нѣтъ основанія думать, что это вообще невозможно [1]).

При преслѣдованіи конные стрѣлки могутъ также оказать весьма существенныя услуги, не только простымъ насѣданіемъ съ тыла, но и обходными движеніями и перехватываніемъ пути отступленія. Вспомнимъ только Шеридана при отступленіи арміи Ли въ 1865 г.; дѣйствія его поучительнѣе всякихъ теоретическихъ указаній.

Глава V.

Нравственный (моральный) элементъ.

Есть одинъ элементъ величайшей важности, значеніе и вліяніе котораго кавалерійскій офицеръ долженъ глубоко понимать и никогда не упускать изъ виду, это — элементъ моральный. Наполеонъ вполнѣ понималъ все его важное значеніе и выразился такъ: моральные факторы относятся къ физическимъ, какъ 3 къ 1. Врядъ-ли можно усомниться въ справедливости этого замѣчанія; дѣйствительно моральное настроеніе имѣло постоянно гораздо большее вліяніе на исходъ боя, чѣмъ физическая сила. Теперь же, когда дѣло доходитъ крайне рѣдко до рукопашнаго боя, а рѣшается огнемъ съ дальнихъ дистанцій, то физическая сила будетъ играть роль еще рѣже, или почти никогда — никогда въ пѣхотѣ, очень рѣдко въ конницѣ [2]). Теперь, слѣдовательно, дѣло рѣшается силой моральной, и

---

[1]) Теоретически—нѣтъ; но на практикѣ являются затрудненія, особенно при нынѣшнихъ короткихъ срокахъ службы, обучить человѣка двоякаго рода службѣ, изъ которыхъ каждая, взятая въ отдѣльности, требуетъ всего времени обученія. Можетъ быть онъ научится дѣлать хорошо то или другое, смотря по тому, на что больше налягутъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ съумѣлъ дѣлать одинаково хорошо и то и другое. Примѣчаніе Брикса.

[2]) Подъ физической силой, въ противуположность моральной, разумѣется нѣчто большее, чѣмъ одна животная сила; причиняемыя огнемъ потери также вещь въ высшей степени реальная и включаются въ понятія о физической силѣ. Примѣчаніе Брикса.

одной изъ главныхъ задачъ главнокомандующаго будетъ довести эту силу до высшей степени развитія у своихъ войскъ и по возможности ослабить ее у противника.

Представимъ себѣ, напримѣръ, двѣ пѣхотныя линіи, наступающія одна на другую, изъ которыхъ одна физически сильнѣе другой; очевидно, болѣе сильная опрокинетъ, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, менѣе сильную. На дѣлѣ же никогда (?) не дойдетъ до того, чтобы онѣ, дѣйствительно, столкнулись; одна изъ нихъ заколеблется до столкновенія, остановится и повернетъ, отходя въ большемъ или меньшемъ порядкѣ, смотря по мужеству и дисциплинѣ войскъ. Точно также и конница, при атакѣ на пѣхоту, повернетъ часто послѣ перваго же залпа; это отнюдь не будетъ результатомъ физической силы залпа, такъ какъ тѣ, которые повернули назадъ, по большей части даже не были тронуты пулей, а прямо слѣдствіемъ моральнаго впечатлѣнія, произведеннаго залпомъ на людей. Поэтому нельзя и представить себѣ, какихъ результатовъ могутъ достигнуть войска высокаго нравственнаго достоинства противъ войскъ, болѣе многочисленныхъ, но деморализированныхъ.

Чисто моральные факторы дали горсти людей Кортеца и Пизарро побѣду надъ гораздо превосходнѣйшими силами. Другой примѣръ, можетъ быть еще болѣе замѣчательный, представляетъ возстаніе сипаевъ въ 1857 г., когда эти туземные солдаты, вооруженные, обученные и организованные совершенно также, какъ и англійскія регулярныя части, всегда и вездѣ, несмотря на свою сравнительную многочисленность, были побѣждаемы англичанами.

Невозможно перечислить всѣхъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ вліяніе на нравственную сторону войскъ въ бою; каждый офицеръ долженъ обратить на нихъ особенное вниманіе. Одно изъ важнѣйшихъ — это довѣріе къ вождю. Stonewall-Джаксонъ, извѣстный предводитель южанъ въ американской междуусобной войнѣ, обладалъ этимъ довѣріемъ своихъ людей до такой степени, что они подъ его начальствомъ становились положительно непобѣдимыми; вмѣстѣ съ тѣмъ его появленіе дѣйствовало на противника крайне деморализующимъ образомъ: бѣглецы, возвращавшіеся изъ передовой линіи съ крикомъ: „Джаксонъ идетъ", немедленно распространяли сильнѣйшую панику среди резерва, совсѣмъ еще не бывшаго въ огнѣ.

Затѣмъ побѣда въ первомъ сраженіи кампаніи имѣетъ очень важное значеніе, результаты котораго бываютъ иногда замѣтны въ теченіе всей войны. Примѣры этому находятся въ исторіи съ древнѣйшихъ временъ чуть-ли не на каждой страницѣ. Захватъ иниціативы въ свои руки также способствуетъ подъему нравственной силы людей; это особенно должна помнить конница: для нея самый смѣлый и рѣшительный образъ дѣйствій есть почти при всѣхъ обстоятельствахъ и наилучшій.

Наполеонъ говоритъ: „худшій образъ дѣйствій на войнѣ есть малодушный или, какъ его принято называть, благоразумный; истинная му-

дрость заключается въ смѣлости и рѣшительности“. Это одно изъ самыхъ важныхъ положеній Наполеона. — Чѣмъ болѣе занимаешься военной исторіей, тѣмъ усиленнѣе проникаешься убѣжденіемъ, что если первое достоинство главнокомандующаго — правильное сужденіе, то непосредственно за нимъ идетъ крайняя энергія и желѣзная воля, безъ которыхъ соображеніе ничего не стоитъ. Кавалерійскому же генералу энергія нужнѣе, чѣмъ кому бы то ни было.

Stonewall-Джаксонъ обладалъ и этимъ достоинствомъ въ значительной степени. Своею стремительностью онъ довелъ свои войска, состоявшія преимущественно изъ пѣхоты, до такой быстроты движеній, что они заслужили почетное названіе пѣшей конницы. Въ одинъ изъ критическихъ моментовъ, которыхъ много выпало на долю Виргинской арміи, кто то изъ штаба Джаксона выразилъ громко въ его присутствіи мысль, что, пожалуй, арміи придется отступить. Онъ немедленно рѣзкимъ голосомъ возразилъ: „Кто это говоритъ? Нѣтъ, милостивый государь, мы не будемъ отступать, мы сейчасъ же начнемъ наступленіе“. — Дѣйствительно, наступленіе было произведено, и его результатомъ была полная побѣда, одержанная 2 или 3 дня спустя надъ сѣверянами при Ченслорсвиллѣ. Его единственнымъ приказаніемъ людямъ, построеннымъ въ боевой порядокъ, было; „только впередъ“! Это было его отвѣтомъ на всѣ вопросы, его порученіе всѣмъ генераламъ. По полученіи имъ поздно вечеромъ смертельной раны, онъ отправилъ главнокомандующему слѣдующее донесеніе: „непріятель долженъ быть завтра утромъ снова атакованъ“. Эта необыкновенная желѣзная воля и огненная энергія сильно поднимали духъ его людей и совершенно деморализировали противника.

Арріанъ говоритъ, что ночью передъ битвой при Арбеллахъ, вслѣдствіе долгаго ожиданія и опасеній за исходъ ея, деморализація вкралась въ армію Дарія; она „внѣдрилась въ сердцахъ многихъ и обратила ихъ въ трусовъ“. Онъ прибавляетъ, что обстоятельство это не мало способствовало ея пораженію.

Извѣстный генералъ-губернаторъ Москвы въ 1812 г. Ростопчинъ употребилъ оригинальное средство, чтобы поднять духъ своихъ людей. Онъ приказалъ выбрать самыхъ маленькихъ и слабыхъ изъ французскихъ плѣнныхъ и показалъ ихъ народу, чтобы несчастнымъ видомъ послѣднихъ поднять ихъ духъ. Это былъ удачный способъ, который не могъ не достигнуть цѣли.

Обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ нравственное состояніе арміи, такъ многочисленны и разнообразны, что всѣхъ ихъ перечислить невозможно; мы старались обратить на нихъ вниманіе читателей и этимъ ограничимся. Не подлежитъ однако никакому сомнѣнію, что внимательное и подробное изученіе всѣхъ ихъ чрезвычайно важно; должны быть приложены всѣ усилія, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную пользу.

Глава VI.

Начальникъ конницы.

> La cavalerie paraît, de toutes les armes, la plus difficile à manier.
>
> *Jacquenot de Presle.*

Изучая исторію военнаго искусства, мы приходимъ къ заключенію, что во всѣ времена бывали хорошіе пѣхотные и артиллерійскіе начальники, но кавалерійскіе генералы составляли во всѣ времена и у всѣхъ народовъ величайшую рѣдкость. Различные роды оружія такъ не схожи между собою по своимъ свойствамъ, вооруженію и образу дѣйствій, что начальствованіе надъ каждымъ изъ нихъ требуетъ совершенно особыхъ талантовъ и способностей.

Кавалерійскій генералъ долженъ обладать такими способностями, сочетаніе которыхъ въ одномъ лицѣ встрѣчается очень рѣдко. Онъ долженъ имѣть высокій умъ, необходимый всякому офицеру, занимающему отвѣтственное положеніе, соединенный съ мгновенной сообразительностью и чрезвычайной смѣлостью; полнымъ хладнокровіемъ въ связи съ величайшей стремительностью. Для составленія плана дѣйствій необходимъ умъ, для его выполненія — стремительность; при отступленіи въ случаѣ неудачи — осторожность.

Начальникъ конницы долженъ наносить удары съ быстротой молніи; слова „колебаніе", „нерѣшительность" должны быть разъ навсегда вычеркнуты изъ его лексикона. Но среди бурныхъ порывовъ конной атаки, среди величайшаго возбужденія быстраго преслѣдованія, среди рукопашнаго боя, среди сверкающихъ клинковъ и свистящихъ пуль начальникъ конницы долженъ сохранять полнѣйшее хладнокровіе. Его соображенія должны быть быстры и немедленно приведены въ исполненіе. Онъ долженъ обладать въ полной мѣрѣ способностью не выпускать изъ рукъ своихъ людей въ самыя горячія минуты. Безъ этого никто не можетъ быть истиннымъ, великимъ кавалерійскимъ генераломъ. Не мудрено послѣ этого, что исторія занесла на свои страницы столь малое число ихъ.

Всѣ знаменитые кавалерійскіе генералы выдавались своей стремительностью, энергіею, огнемъ; разница между ними заключалась только въ большей или меньшей разсудительности или осторожности, которою они обладали. Бывали извѣстные кавалеристы, вовсе этими послѣдними качествами не обладавшіе, но никогда не заслуживалъ названія хорошаго кавалериста тотъ, у котораго не хватало стремительности и энергіи.

При начальствованіи надъ передовыми частями арміи кавалерійскій генералъ долженъ быть очень остороженъ и въ высшей степени дѣятеленъ. Всякая сколько нибудь проходимая дорога должна быть наблюдаема,

всякій мѣстный предметъ осмотрѣнъ, приняты самыя строгія предосторожности противъ нечаяннаго нападенія. Напротивъ того, на рекогносцировкѣ должна преобладать смѣлость; при этомъ чѣмъ смѣлѣе — тѣмъ лучше. Архидіаконъ Денисонъ изъ Таунтона, довольно извѣстный писатель, говоритъ: „я не выношу этой мелкой, пошлой, противной добродѣтели, называемой разсудительностью". Эти слова показываютъ, что у него, пожалуй, не было недостатка въ кавалерійскихъ способностяхъ (?).

Что еще совершенно необходимо для кавалерійскаго генерала, это — умѣнье по самымъ мелкимъ признакамъ угадывать намѣренія противника. Генералъ Шельби, начальникъ конницы южанъ въ Миссури, обладалъ, повидимому, вполнѣ этой способностью. Его осторожность при выставленіи постовъ и пикетовъ и при посылкѣ разъѣздовъ для охраненія отъ нечаяннаго нападенія обратилась почти что въ манію. Съ другой стороны, онъ былъ чрезвычайно смѣлъ, никогда не избѣгая столкновенія съ непріятелемъ. Когда ему сообщалось о приближеніи непріятеля, онъ спрашивалъ: „вы его видѣли?" и, послѣ утвердительнаго отвѣта продолжалъ: „и сосчитали?" — „Нѣтъ, не считалъ". — „Ну, такъ мы его встрѣтимъ, какъ слѣдуетъ! Бригадѣ развернуться, артиллеріи выѣхать впередъ и приготовиться къ открытію огня". Онъ никогда не отступалъ передъ противникомъ, не опредѣливъ его численности и не нанеся ему хоть нѣкоторыхъ потерь.

Это — настоящій образъ дѣйствій конницы; тотъ духъ, въ которомъ ее надо вести. Въ принятіи мѣръ предосторожности противъ нечаяннаго нападенія, въ подготовленіи всего, необходимаго для одержанія успѣха — нужно быть разсудительнымъ, почти боязливымъ; въ самыхъ дѣйствіяхъ, разъ настала минута для нихъ, — смѣлымъ и рѣшительнымъ.

Кавалерійскій генералъ долженъ умѣть выпутаться изъ самого затруднительнаго положенія; онъ долженъ всѣми силами избѣгать рутинныхъ путей, шаблоннаго образа дѣйствій; вся его дѣятельность должна быть строго соображена съ современными требованіями.

Продолжительный миръ оказываетъ дурное вліяніе въ смыслѣ ограниченія, суженія кругозора и природныхъ способностей офицеровъ. Люди обучаются по правиламъ, установленнымъ разъ навсегда съ математической точностью. Все это очень хорошо, но нельзя этимъ ограничиваться; при подобномъ способѣ дѣйствій разсудокъ не упражняется, смѣтливость не требуется. Слѣпое исполненіе приказаній и придерживаніе рутины считается въ нѣкоторыхъ арміяхъ высшей цѣлью воинской дисциплины и доказательствомъ способности къ дѣйствіямъ.

Вліяніе, оказываемое этимъ на способность думать, никогда не принималось достаточно въ расчетъ. Офицеры, которые провели всю свою жизнь въ механическомъ повтореніи все тѣхъ же мелочей, въ обстановкѣ, гдѣ правила впередъ устанавливаютъ, чѣмъ занять каждую минуту вре-

мени, никогда не будутъ имѣть той мгновенной сообразительности, той быстроты сужденій, которая такъ необходима въ постоянно мѣняющейся обстановкѣ войны. Даже самыя богато одаренныя отъ природы натуры не избѣгнутъ подавляющаго вліянія такой жизни.

Нѣтъ системы хуже этой. Какъ нельзя требовать отъ ребенка, котораго держали цѣлые годы на азбукѣ, быстраго чтенія безъ предварительнаго ознакомленія со слогами, такъ нельзя требовать, чтобы офицеръ, продѣлывавшій изъ году въ годъ все тѣ же притупляющія мелочи, потомъ вдругъ, какъ бы подъ наитіемъ свыше, съумѣлъ правильно примѣняться къ требованіямъ военнаго времени.

Послѣдствія подобнаго рода системы выказались очень рѣзко въ англійской арміи во время крымской кампаніи. Лордъ Кардиганъ и лордъ Луканъ — образцы офицеровъ, подобнымъ образомъ воспитанныхъ. Мы видѣли, какъ при подобныхъ начальникахъ англійская конница, послѣ сраженія при Альмѣ, двигалась въ одной колоннѣ по фальшивой дорогѣ и, слѣпо придерживаясь практики мирнаго времени, приносила такую же пользу, какъ если бы находилась въ Китаѣ. При Балаклавѣ Кардиганъ остается празднымъ зрителемъ боя, въ которомъ противникъ подставляетъ свой флангъ; Кинглэнъ дѣлаетъ по этому поводу справедливое замѣчаніе: „всякій хорошій миссіонеръ, всякій дѣльный избиратель, всякій извѣстный охотникъ съумѣлъ бы дѣйствовать лучше, чѣмъ этотъ генералъ, хотя и ветеранъ въ военной службѣ, но совершенный новичекъ на войнѣ“.

Пруссаки, давно сознавшіе свои ошибки въ этомъ смыслѣ, несмотря на строжайшую дисциплину, пріучили на осеннихъ маневрахъ своихъ офицеровъ къ самостоятельности, такъ что врядъ-ли была другая кампанія, въ которой корпусные камандиры и начальники дивизій такъ часто рѣшались дѣйствовать подъ своей личной отвѣтственностью, какъ въ 1870 году.

Достойно замѣчанія, что недостатки, подобные вышеописаннымъ, встрѣчались у военныхъ людей еще въ древнія времена: Ксенофонтъ описываетъ разговоръ между Сократомъ и однимъ аѳинскимъ юношей, посѣщавшимъ лекціи военнаго искусства. Сократъ спрашиваетъ его, съ чего началъ профессоръ лекцію о качествахъ генерала: „Онъ началъ“, отвѣчалъ юноша, „съ того-же, чѣмъ и кончилъ, такъ какъ онъ меня обучалъ только тактикѣ и больше ничему“. — „Но“, возразилъ Сократъ, „вѣдь это только самая незначительная часть свѣдѣній, необходимыхъ генералу“. Затѣмъ, перечисливъ нѣсколько таковыхъ, онъ спросилъ: „Неужели онъ васъ въ самомъ дѣлѣ училъ только тому, какъ располагается армія, или же онъ говорилъ еще, какимъ образомъ и съ какою цѣлью вы должны пользоваться каждой отдѣльной частью вашихъ войскъ?“ — „Ничему подобному онъ не училъ“.—„Обстоятельства бываютъ, однако, очень различны, такъ что нельзя располагать арміею постоянно однимъ и тѣмъ же образомъ“. — „Клянусь Зевсомъ, онъ ничего такого не говорилъ“ — „Ну, такъ ступайте

къ нему и спросите его; если онъ это знаетъ и вамъ не сообщилъ, то, если только онъ не потерялъ всего стыда, навѣрно покраснѣетъ, что взялъ ваши деньги и ничему не выучилъ“.

Затѣмъ кавалерійскій генералъ долженъ имѣть изобрѣтательный умъ и быть настолько самостоятельнымъ, чтобы идти своей дорогой и вводить улучшенія и нововведенія, какіе признаетъ необходимыми. Мы видѣли, какъ по временамъ поступали среди конницы преобразователи, успѣхи которыхъ должны быть именно приписаны ихъ дару изобрѣтательности.

Александръ Македонскій ввелъ стремительную атаку на коняхъ, что и дало ему многія побѣды. Искусство Аннибала въ употребленіи конницы производило на римлянъ ошеломляющее впечатлѣніе и доставляло ему часто успѣхъ. Сципіонъ Африканскій заимствовалъ образъ дѣйствій своего великаго противника и ввелъ нѣкоторыя улучшенія, что и дало ему возможность въ концѣ концовъ побѣдить Аннибала его собственнымъ оружіемъ. Генрихъ Птицеловъ и Черный принцъ, отличались также изобрѣтательнымъ геніемъ и могутъ служить примѣрами кавалерійскихъ реформаторовъ. Тюреннь отлично умѣлъ примѣнять свои планы дѣйствій къ мѣстности поля сраженія, что было совершенной новостью. Густафъ-Адольфъ и Фридрихъ Великій частью были самостоятельными изобрѣтателями, частью отличались способностью такъ искусно пользоваться прежними изобрѣтеніями, что они почти становились чѣмъ то новымъ. Наполеонъ повергъ въ изумленіе весь свѣтъ своей стратегіей и тактическимъ употребленіемъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, которое, при тогдашнемъ состояніи военнаго искусства, казалось идеаломъ совершенства.

Напротивъ того, нельзя указать ни на одного великаго полководца, который былъ бы слѣпымъ подражателемъ прошлому. Всѣ великіе люди вводили большія или меньшія измѣненія, чтобы быть на высотѣ современныхъ имъ требованій военнаго искусства. Это касается не только улучшеній чисто военныхъ: напр., въ вооруженіи и т. п., но и многія изобрѣтенія другого рода: напр., паръ, телеграфъ и т. д. могутъ оказать большое вліяніе на военное дѣло. Такимъ образомъ лучшимъ генераломъ будетъ тотъ, который своимъ геніемъ сумѣетъ достигнуть имѣющимися у него средствами наибольшихъ результатовъ и извлечь всю возможную пользу изъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится. Кавалерійскій генералъ долженъ быть больше всѣхъ проникнутъ этой мыслью и не жалѣть никакихъ усилій, чтобы принести какую только можетъ пользу своему дѣлу.